ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 10

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 10

Москва
Академия исторических наук
2008

УДК 82-92"1941/45"
ББК 84Р7-4
О80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 10. — М.: Академия исторических наук, 2008.- 600 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-14-7 (т.10)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50-ти ветеранов войны, проживающих в Северо-Восточном и Северо-Западном административных кругах города. Москвы.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей и 50 их студентов-помощников, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра предназначены для передачи бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям учебных заведений, в которых они еще учатся или уже закончили. Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

На Web-странице www.ainros.ru Академии исторических наук размещаются все тома для бесплатного чтения и копирования.

Издано при финансовой поддержке Префектуры Северо-Восточного округа города Москвы (префект округа Рабер Ирина Яковлевна) и Заслуженного конструктора РФ Гнездилова Владимира Алексеевича.

УДК 82-92"1941/45"
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)
ISBN 978-5-903076-14-7(т.10)
ISBN 5-903076-05-X

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать.

Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют

решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,
- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),

- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета
- Кубанского государственного университета

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей, который представлен в 8-м томе, а Краснодарского края в 9-м томе настоящего издания.

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор центра - профессор В.С. Порохня), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом от 1 октября 2008 года № ФАО-14868/12-16 рекомендовало учреждениям высшего профессионального образования России провести работу по привлечению преподавателей истории и студентов для создания каждым Вузом своего тома. Благодаря такому предложению, имеется возможность внедрения новой элективной формы в учебный процесс кафедр истории

российских университетов, которая позволит оказать помощь всем российским ветеранам войн в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании.

Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала: воспоминания о войне» - «Никто не забыт, ничто не забыто».

Работа студентов с ветеранами продолжается, ее результаты будут основанием для издания очередных томов.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 10-му тому

Шесть долгих лет полыхала Вторая мировая война. За всю свою историю человечество еще не испытывало столь острого военного конфликта между силами крайней реакции и силами общественного прогресса.

Советская историческая наука многое сделала для всестороннего исследования истории Второй мировой войны. Изданы сборники документов, многотомные исследования и книги. В них рассматриваются причины войны, ее характер, ход и исход, показана решающая роль народных масс в победе над фашизмом, вскрыты подлинные мотивы политики различных государств, глубоко проанализированы военные действия на всех фронтах войны и деятельность тыла воевавших государств.

Война вспыхнула в результате резкого обострения антагонизмов между двумя империалистическими военными блоками - Германия, Италия и Япония, одной стороны, и, с другой стороны, Англия, Франция и США. Борясь между собой, эти блоки, в то же время, стремились уничтожить Советский Союз и добиться мировой гегемонии.

В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, имелась реальная возможность сохранить мир. Она была обусловлена постоянным укреплением экономического и оборонного могущества СССР, его миролюбивой политикой. Объективной возможности сплотить антифашистские силы в международном масштабе и сохранить мир противодействовала политика правящих кругов США, Англии и Франции. Поощрение ими фашистской агрессии, прикрывалось фиговым листком «умиротворения» Германии. Кульминационным пунктом такой политики явилось Мюнхенское соглашение 1938 г., которое услужливо выдало Гитлеру на растерзание суверенное чехословацкое государство, и предоставило захватчикам аванс для дальнейшего движения на восток.

Советский Союз продолжал прилагать усилия, направленные на создание коллективной безопасности, на заключение договора о взаимной помощи против агрессии. Однако англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. показали, что правительства Англии и Франции предпочитают

такому договору антисоветское соглашение с Германией, с которой эти страны уже обменялись обязательствами о ненападении. Это вынудило СССР согласиться на заключение договора о ненападении с Германией, предотвратив этим образование фронта, враждебного Советскому Союзу.

В ходе второй мировой войны выделяются пять периодов:

- начало войны и вторжение германских войск в Австрию, Чехословакию, Польшу, Норвегию, Данию, Голландию, Люксембург, Бельгию и Францию (сентябрь 1939 г. - июнь 1941 г.);
- нападение фашистской Германии на СССР, расширение масштабов войны, крах гитлеровской доктрины блицкрига и мифа о непобедимости немецкой армии (июнь 1941 г. - ноябрь 1942 г.);
- коренной перелом в ходе всей второй мировой войны, крушение наступательной стратегии фашистского блока (ноябрь 1942 г. - декабрь 1943 г.);
- разгром фашистского блока, изгнание вражеских войск за пределы СССР, создание Второго фронта, освобождение от оккупации стран Европы, полный крах Германии и ее безоговорочная капитуляция (январь 1944 г. - май 1945 г.);
- разгром империалистической Японии, освобождение народов Азии от японской оккупации и окончание второй мировой войны (май - сентябрь 1945 г.).

Чем дальше уходят в прошлое грозные события Второй мировой войны, тем очевиднее становится факт, что ни одна другая страна, оказавшись в положении Советского Союза, не выдержала бы столь трудных испытаний.

В начале Великой Отечественной войны Красной Армии и всему народу пришлось испытать горечь неудач. Вооруженные Силы СССР вынуждены были сражаться в самых невыгодных, тяжелейших условиях, когда материальное превосходство было на стороне врага, пользовавшегося и фактором внезапности своего вероломного нападения.

В дальнейшем в ходе войны сказалось превосходство советской военной стратегии. Чтобы измотать и обескровить крупные группировки врага, выиграть время для создания и подтягивания резервов, подготовить условия для перехода в

мощное наступление умело использовалась стратегическая оборона. Наступательные операции советских войск отличались продуманностью, учетом реальной обстановки.

Второй фронт в Европе был открыт лишь в июне 1944 г., когда стало совершенно очевидно, что Советский Союз, одержавший решающие победы на главном - Восточном фронте, в состоянии завершить разгром фашистской Германии и освободить всю Европу.

Много написано научных трудов видными военачальниками о той войне. Важным дополнением к ним являются личные воспоминания всех ее участников – от солдата до генерала. Издание 10-го тома мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне», подготовленного с помощью молодежи, свидетельствует об ее уважении к ветеранам-фронтовикам, об интересе ее к отечественной истории и нашей уверенности в патриотизме ее духовного настроя.

Михалкин Владимир Михайлович,
маршал артиллерии,
ветеран Великой Отечественной войны

Аветикян Аршавир Аршавирович

На рассвете 22 июня 1941 года

Я родился 2 сентября 1921 г. в городе Кировабаде (ныне город Гянджа) Азербайджанской ССР (ныне Республика Азербайджан). Армянин. Был членом ВЛКСМ, ОСОАВИАХИМ. В 1942 г. вступил в ВКП(б), переименованную в 1952 г. в КПСС.

В 1939 г. окончил среднюю русскую школу в г. Кировабаде. После демобилизации в 1946 г. продолжил учебу в Тбилисском институте инженеров ж.д. транспорта (куда поступил летом 1939 г.), который закончил в 1951 году. Военного образования не имею. Осенью 1939 г. был призван в РККА (Ворошиловский призыв).

О начале войны узнал (нам сообщили в казарме) на рассвете 22 июня 1941 г. от командиров 7-й Воздушно-десантной бригады (ВДБ) 4-го Воздушно-десантного корпуса (ВДК), в котором я проходил службу. Корпус, закончив формирование в мае 1941 г., дислоцировался в военном городке близ местечка Марьина Горка южнее Минска и входил в состав Западного Особого военного округа. Был командиром отделения. Кроме 7-й ВДБ в состав корпуса входили 8-я и 214-я ВДБ.

Начало участия в боевых действиях можно считать 22 июня 1941 г., когда по приказу исполняющего обязанности командира корпуса Казанкина группа боевого охранения их 7-го ВДБ была направлена на запад по шоссе для соприкосновения с передовыми отрядами наступающего врага. 27 июня 1941 г. на рассвете от командующего Западным фронтом в корпус поступил пакет с приказом занять оборону у деревни Березино на реке Березина, где тут же все три бригады корпуса вступили в бой с войсками противника.

28 июня мы в боевых порядках увидели прибывшего в корпус его командира генерала Жадова, который своей властью пополнял бригады корпуса отрядами отступающих солдат различных частей и соединений Западного фронта. Как нам сообщили командиры и политработники, против 4-й армии, в которую входил 4-й ВДК, действовала группа немецкого генерала Гудериана и, в частности, 10-я танковая и 29-я моторизованная дивизии.

Несмотря на господство в воздухе авиации противника, десантники нашей бригады задержали врага на Березине на 3-4 дня, что было немало, так как по документам и опросам пленных они эти места должны были пройти в первую же неделю. Обходя наши позиции, командир 7-й ВДБ полковник Тихонов, а после его ранения майор Евграфов. Бывший начальник штаба 7-й ВДБ, были откровенны в оценках сложившейся ситуации и, вместе с тем, призывали выполнить свой долг перед страной. Нам это особенно помогало, так как, принятая в первые дни войны, тактика «подвижной обороны» оказалась весьма действенной и использовалась впоследствии в боях под Могилевом, на р. Днепр, в г. Кричеве, на р. Сож. Потерянные дни и даже часы в темпах наступающих вражеских войск их очень раздражали и они не останавливались перед жертвами, чтобы войти в график. Не захороненными в полях и рощах лежали вражеские солдаты, повсюду были видны подбитые танки и сгоревшие автомашины. В «Журнале боевых действий войск Западного фронта» за 19 июля 1941 г. значилось: «Четвертый Воздушно-десантный корпус наступал с целью восстановить положение на реке Сож».

Боевой путь мой проходил через Минск (июнь 1941 г.), Могилев (июль 1941 г.), Кричев (июль 1941г.). 1-го августа 1941 г. в районе Кричева я был тяжело ранен, доставлен на

станцию Унеча, здесь оперирован и военно-санитарным поездом отправлен в эвакогоспиталь г. Сочи, куда прибыл 6-го августа 1941 г. Из госпиталя выписан 11 октября 1941 г. и направлен в запасной стрелковый полк Южного фронта.

Далее мой боевой путь проходил через: Ростов-на-Дону (осень 1941, зима 1941-42гг.), район Таганрога (зима 1942 г.), район южнее Харькова (зима – весна 1942 г.). На Южном фронте был зачислен в Отдельный саперный батальон №1570 Министерства обороны.

После неудачных боев под Харьковом началось отступление на восток. Батальон отходил с боями, имея задачу инженерного обеспечения отступающих частей: ремонт и строительство мостов, минирование, разминирование и подрыв.

Отступление, продолжавшееся все лето 1942 г., шло через города Купянск, Старобельск, Миллерово, Морозовск. Был форсирован Дон. В августе батальон прибыл в Сталинград. Далее батальон участвовал в боях в составе Сталинградского и Донского фронтов (сентябрь-октябрь 1942 г. и январь-февраль 1943 г.).

Зимой 1943 г. войска этих фронтов были переброшены в район Курской дуги в состав Центрального фронта под командованием маршала Рокоссовского. После разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге был переведен в состав 75-й Гвардейской дивизии и участвовал в освобождении городов Рыльск, Шостка, Рогачев, Бобруйск, Барановичи, Слоним, Белосток. Отсюда дивизия была срочно переброшена на 1-й и 2-й Прибалтийские фронты для разгрома отступающих войск противника.

Осенью 1944 г. была освобождена Рига (231-й гвардейский стрелковый полк, где я был инженером, получил наименование Рижского и награжден орденом Красного Знамени. Далее дивизия возвратилась на 1-й и 2-йI Белорусский фронты и участвовала в освобождении Варшавы (зима 1945 г.), Быдгощи, Лодзи и Познани (весна 1945 г.). Дивизия участвовала в этот период в Берлинской операции, занимала города Альтдам, Штейтин, форсировала Одер, вытесняла немецкие войска с Зееловских высот и вышла на северные пригороды Берлина.

Освобождал города, указанные в предыдущем абзаце, где речь шла о моем боевом пути, в составе войск Белорусского, 1-го и 2-го Белорусского фронтов под командованием маршала

Жукова Г.К. и Рокоссовского К.К. непосредственно в составе 75-й гвардейской дивизии под командованием генерал-майора Горишного В.А., командира 231-го гвардейского стрелкового полка Завьялова А.С. После Курской битвы я получил звание младшего лейтенанта, перед этим прошел ступени от сержанта до старшины, возглавляя все время саперный взвод, в 1944 г. стал старшим лейтенантом, зимой 1945 г. - капитаном в должности полкового инженера.

Военные боевые действия закончил в Германии в городах Виттенберг и Нордхаузен в мае 1945 г. В течение года дивизия находилась в составе советских оккупационных войск в Германии. Офицеры из состава дивизии занимались налаживанием нормальной жизни, были назначены, например, комендантами небольших городов, контактировали с союзническими войсками, в частности, американскими, устанавливая линию разграничения на местности в соответствии с соглашением о зонах, на которые была разделена Германия. В июле 1946 г. дивизия была передислоцирована в Тулу, откуда я демобилизовался как бывший студент вуза с должности полкового инженера с воинским званием гвардии капитан.

Ранения.

1 августа 1941 г. был ранен в боях под г. Кричев Белорусской ССР – сквозное пулевое ранение тканей средней трети левого бедра. Убыл из 4-й ВДК для лечения со станции Унеча Брянской области в военно-санитарном поезде в г. Сочи, эвакогоспиталь №2135, куда прибыл 6 августа 1941 г. Из госпиталя выписан 11 октября 1941 г. и направлен в запасной стрелковый полк под г. Ростов-на-Дону для дальнейшего прохождения службы с 12 октября 1941 г.

В 1942 – 1944 гг. имел легкие осколочные и другие ранения, контузии с частичной потерей слуха и зрения. Однако лечение проходил в армейских санчастях и возвращался в свой полк.

Весной 1943 г. заболел сыпным тифом (два месяца: февраль, март), но из-за снежных заносов под Курском не был эвакуирован и вылечился под наблюдением фельдшера в части.

Возвращался с войны после годового пребывания в оккупационных войсках из Германии (Берлина) через Варшаву,

Минск, Смоленск, Москву, Тулу на место новой дислокации 75-й Гвардейской стрелковой дивизии.

Демобилизовался из г. Тулы в августе 1946 г. В том же месяце прибыл в г. Кировабад (ныне Гянджа) Азербайджанской ССР (ныне Республика Азербайджан). Вскоре поехал в Тбилиси и сдал документы для продолжения учебы в институте. Основанием для демобилизации был приказ Министерства обороны, дающий право учащимся вузов на продолжение учебы по избранной специальности.

Награжден:

- нагрудным знаком «Отличник РККА» (№33935, приказом Народного комиссара обороны Союза ССР по личному составу армии от 22 февраля 1941 г. №108, подписанным Народным комиссаром маршалом Советского Союза Тимошенко С.К. Вручил мне его в марте 1941 г. командир полка. «Отличник РККА» - награда за отличные показатели в боевой и политической подготовке, отличное несение службы и примерную дисциплину);

- орденом Красной звезды (№550263, приказом по Центральному фронту за выполнение спецзаданий и инженерно-саперное обеспечение боевых действий на Курской дуге в полосе операций 65-й и 70-й армий. Вручил мне орден в сентябре 1943 г. командующий 65-й армией генерал Батов П.М. перед строем отдельного саперного батальона № 157 и других частей армии);

- орденом Отечественной войны II степени (№269640, приказом по Белорусскому фронту за участие в освобождении Белоруссии (операция «Багратион») и в боях за Варшаву и Польшу. Награду вручил командир 75-й гвардейской стрелковой дивизии Василий Акимович Горишный зимой 1944 г. Орденская книжка № 431289 подписана секретарем Президиума Верховного Совета СССР Горкиным А.Ф.);

- орденом Красного Знамени (№263268 приказом Верховного Главнокомандующего и Министра обороны за участие в боевых действиях на Берлинском направлении в 1944-1945 гг. особенно при форсировании Одера севернее Берлина и взятие городов Альтдам и Штеттин. Вручал награду командир 75-й гвардейской стрелковой дивизии Горишный В.А. в июле 1945 г. в Германии перед строем частей армии);

- орденом Отечественной войны I степени (№ 1466603, указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов. Награда вручена весной 1985 г. в Министерстве путей сообщения, где я тогда работал).

Награды мирного времени (с 1946 г. по настоящее время) согласно вопроснику здесь не приведены. Не указаны и награды зарубежных стран, в том числе ГДР и Польши от имени их руководителей.

Остальные награды: боевые медали «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»; юбилейные медали: «20 лет Победы», «30 лет Победы», «40 лет Победы», «50 лет Победы», «50 лет Вооруженных сил СССР», «60 лет Вооруженных сил СССР», «70 лет Вооруженных сил СССР», «80 лет Вооруженных сил СССР», медаль Жукова, «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда».

В войне погибли многие родственники: двоюродные братья, сестры. Данными о датах, местах и обстоятельствах гибели, званиях, наградах и другими сведениями не располагаю.

Остались живы родственники. Последним в 2002 г. умер младший брат – полковник, участник Великой Отечественной войны на Украинских фронтах.

Мои воспоминания о войне публиковались во многих газетах, журналах, сборниках, но они носили эпизодический характер и посвящались юбилейным датам. Более 100 научных статей, обзоров, монографий, научных трудов, ежегодников были посвящены профессиональной деятельности по железнодорожной специальности как кандидата и доктора технических наук и носили исследовательский характер. Они увенчаны монографией «Потенциал транзитности вагонопотоков», выпущенной издательством «Транспорт» в 1981 г. и ежегодниками «Железнодорожный транспорт в СССР и за рубежом», выпускаемыми поныне. Награжден многими научными поощрениями: медалями, грамотами, удостоверениями.

Имеются неопубликованные рукописи, посвященные боевому пути в 1941–1945 гг. на разных фронтах Великой Отечественной: Западном, Южном, Сталинградском, Донском, Центральном, Белорусском, I и II Прибалтийском, 1-го и 2-го Белорусском. Из этих рукописей часть текста взята для настоящих воспоминаний.

Были публикации обо мне в районных и окружных изданиях (газетах), а также в газете «Ветеран». Подготовлена рукопись для сборника «Кавалеры ордена Красного Знамени», которая сдана в печать.

Самые тяжелые дни приходятся на лето 1941 г., когда мы в дни третьей декады июня встретились с вторгшимися в нашу страну немецко-фашистскими войсками. Нас несколько удивила спесивая самоуверенность, с какой они маршировали по шоссе с закатанными рукавами, с губными гармошками в нагрудных карманах своих гимнастерок и «шмайсерами» на груди, готовыми открыть огонь по любому подозрительному шелесту в придорожных кустах.

Правда, до этого мы пропустили две грузовые машины с солдатами и пушками и 4-5 мотоциклов с колясками и установленными на них пулеметами. Наш патруль из трех десантников 7-й воздушно-десантной бригады (ВДБ) решил «засветиться» и дал небольшую очередь из своих автоматов. Что тут началось?! Гвалт и беспорядочная стрельба по всем кустам, ручные гранаты стали взрываться по обе стороны дороги, сами же солдаты (их было человек 15-20) устремились назад и залегли по одну из сторон дороги.

Двоих мы успели огнем «отсечь» от остальных и они вскоре оказались в наших руках. Их отвели в штаб батальона, который располагался в 200 метрах в глубине рощи. От них, по возрасту – наших сверстников, мы узнали о приказе: наступать в темпе не менее 50 км в сутки с тем, чтобы через 20 суток быть в Москве (от Бреста до Москвы – 1000 км). Для моторизованной дивизии даже при относительно не тяжелых встречных боях это была теоретически посильная задача.

Вместе с этой дивизией действовала и танковая дивизия из группы Гудериана. Вражеская авиация господствовала над нами в воздухе. Из беседы с первыми двумя пленными стало ясно, что вражеские войска – это не обманутые «дети немецких

рабочих и крестьян», а злобные враги, имеющие целью захватить всю территорию нашей страны и поработить ее народы.

Уже 27 июня, т.е. через пять дней, в корпус прибыл представитель командующего фронтом с пакетом, из которого следовало, что воздушно-десантные войска переподчиняются 4-й армии и им предстоит занять оборону по реке Березина у деревни Березино, где был мост через реку, и остановить наступающие части немецко-фашистских войск до подхода уже находящихся на марше нескольких наших дивизий.

Южнее 7-й ВДБ, которая базировалась в деревне Березино и заняла подходы к мосту и левый берег реки, заросший сосняком, укрепились 8-я и 214-я ВДБ.

28 июня передовой отряд 7-й ВДБ завязал бой с наступающими танками, танкетками и бронетранспортерами противника, а 29 июня немцы после массированной бомбежки силами «Юнкерсов-8» и артиллерийского обстрела предприняли отчаянную попытку захватить мост.

Небезынтересно отметить, что как ни «куражились» фашистские летчики вокруг моста, он всякий раз оставался цел. Думается, он был им нужен, так как направление главного удара их войск совпадало с месторасположением моста. Все бойцы 7-й бригады (и, уверен, 8-й и 214-й), ее артиллеристы 45-мм и 76-мм орудий, стрелявших прямой наводкой, а также расчеты 82-мм минометов геройски и самоотверженно стояли насмерть. Об этом свидетельствовали многочисленные потери противника. Убитых с нашей стороны, главным образом от взрывов бомб и артснарядов, мы в небольших промежутках боя хоронили тут же, часто в воронках, а раненых санитары доставляли в санчасти бригады и корпуса.

Две попытки захватить мост на Березине не увенчались успехом, и вечером налетела уже целая стая «Юнкерсов», которые почти «перепахали» наши позиции. Но мы уходить и не думали. Приказа не было.

В ночь на 1 июля 1941 г. в штабе корпуса было принято решение взорвать мост через Березину, а для отступающих групп войск других частей наметить вешками имевшиеся в русле реки броды. Четвертому Воздушно-десантному корпусу было дано разрешение, завязывая бои, отступать на восток в направлении Могилева и закрепиться в районе Кричева.

Уже 2-го июля вражеские войска вышли на левый берег реки, а к утру 3-го июля они навели переправу. Однако контрударом 7-й ВДБ переправившиеся передовые отряды были сброшены в реку, а мост выведен из строя. Ошеломленное случившимся, немецкое командование направило вдоль Могилевского шоссе в сторону Березино несколько десятков танков. Оставшиеся здесь бойцы 7-й ВДБ и 4-го ВДК были окружены и героически погибли в своих окопах. Их безымянные могилы остались вечными памятниками, а сами они - неизвестными солдатами. Перед превосходящими силами противника 4-й ВДК, организованно ведя арьергардные бои, отходил к реке Друть (приток Днепра), имея задачу оборонять г. Белыничи перед Могилевом.

Утром 5-го июля, когда солнце уже было высоко, не было видно ни самолетов врага, не слышно было и артиллерийских обстрелов. Мы уже знали, что, если есть возможность, немецкие войска стремятся вовремя позавтракать, также вовремя пообедать, а к вечеру еще до заката готовятся ко сну после хорошего ужина. У каждого бойца были спиртовки для разогрева пищи и полуфабрикаты. Эти особенности противника в последующих боях нам пригодились, и мы старались обязательно помешать им в своевременном приеме пищи и даже игре на губных гармошках.

Если принять расчеты гитлеровцев, то через 12 дней, т.е. 5-го июля они должны были быть на рубеже 600 км от Бреста, но фактически находились на 450-м километре, потеряв три дня, а это вызывало реакцию «в верхах». Вот почему Белыничи, где закрепился 4-й ВДК, они штурмовали непрерывно: на земле – танками, в воздухе – «Юнкерсами», «пахали» позиции 7-й ВДБ артиллерией и минометами, но перед атакой своей пехоты натыкались на огонь оставшихся в живых десантников. Ведя подвижную оборону в течение трех суток, наши части вышли в район Могилева и перерезали шоссе.

В этих боях выработалась новая тактика, впоследствии вполне себя оправдав. Относительно небольшая часть бригады – рота, например, занимала оборону, имея целью задержать наступающих фашистов путем минирования дорог и танкоопасных мест, заваливания дорог подрывом больших ствольных деревьев и т.д.

Запомнился случай, когда с попавшегося в поле зрения гаража МТС выкатывали на шоссе тяжелые тракторы. В это время на подходящем месте оставшаяся часть бригады создавала оборонительные рубежи. Личный состав, в частности 7-й ВДБ, пополнялся солдатами отступающих стрелковых подразделений, потерявших управление, а также оставшихся без офицеров.

Так мы вышли в район Кричева. Это случилось в последние дни июля. Здесь бои были не менее ожесточенные, чем на Березине. Трудности заключались в том, что у нас оставались только карабины и ручные пулеметы. Приданные бригаде артиллерия, минометы, грузовые машины были разбиты или остались без горючего и боеприпасов. Питание для бойцов приходилось под расписку получать из и без того скудных складов колхозов и совхозов близлежащих сел и городков. Население по возможности также старалось нам помогать. Появились первые отряды партизан, которые приходили за оружием и посильно снабжали нас необходимым.

Нельзя не отметить, что командир корпуса генерал Жадов постоянно появлялся на самых трудных участках боев, брал на себя руководство и, убедившись в стабилизации обстановки, переходил на другие участки. Он же использовал свое служебное положение, периодически обеспечивая бригады 4-го ВДК артиллерийским и минометным прикрытием силами отступающих механизированных частей. Он же контролировал своевременное перемещение раненых в санитарные подразделения, а также их эвакуацию в более глубокий тыл.

7-я ВДБ под командованием майора Евграфова сражалась южнее Кричева, обороне которого придавалось большое значение. Об этом нам говорил командир бригады после встречи командира корпуса с командующим фронтом маршалом Тимошенко.

В конце июля Кричев переходил из рук в руки. Помню бой первого августа вдоль шоссе на Рославль, когда бригаде было поручено перерезать шоссе и не дать фашистским войскам из Кричева двинуться на неприкрытый Рославль. Мы уже приближались к шоссе, отдельные группы десантников уже перебегали на левую сторону, дорогу минировали саперы. В это время справа ударил пулемет. Так как я и товарищи справа

наступали через придорожный кустарник высотой по пояс, его болезненным ударам по ногам мы не придавали значения.

В нескольких метрах от шоссе я ощутил хлюп чего-то жидкого в сапоге и сразу же – слабость, затем – боль в левой ноге. Вскоре я упал. Пулемет продолжал стрелять. Мои стоны услышала медсестра, она приползла и, обрезав ткани одежды на месте раны, жгутом обвязала левое бедро и забинтовала левую ногу. Затем сестра меня попросила помочь вместе отползти в сторону штаба батальона. Здесь меня встретил комиссар батальона и, переспросив о ране, приказал отвезти на санитарной повозке в санчасть бригады и оттуда на очередной полуторке отправить на станцию Унеча, в вокзале которой работал корпусной полевой госпиталь.

Далее, я помню зал вокзала, операционный стол, вокруг него несколько молодых врачей и сестер. Когда меня положили на стол, хирург спросил: «Сколько лет, кто по специальности?». «Двадцать, студент»,- ответил я и попросил оперировать только под местным наркозом. Затем, осмотрев рану, хирург крикнул: «Кость цела, быстро перевязать и - в поезд!». На первом пути станции пыхтел паровоз с вагонами, вокруг которых была суета, так как до отправления оставались минуты.

В поезде под шум колес в памяти промелькнули почти сорок дней и ночей беспрерывных боев, погибшие товарищи в братских могилах и героически сражающиеся бойцы и командиры 7-й ВДБ.

На всем пути следования поезда население и местные власти организовывали торжественные встречи, дарили цветы, обильно угощали фруктами, пирожками, селедкой, вареной картошкой и т.д. В августе 1941 г. население в целом еще не было подробно осведомлено о настоящих масштабах опасности, а знала ее в той мере, которая исходила из выступлений В.М. Молотова в первый день войны и И.В. Сталина 3 июля 1941 года. Все эти встречи помогли нам вынести те трудности, которые выпали на нашу долю в первые месяцы войны, и гордиться тем, что, хотя враг не был остановлен, жертвы были не напрасны – темпы наступления врага были сбиты более чем наполовину. Это подтверждали и пленные офицеры и солдаты, с которыми нам удавалось поговорить в короткие промежутки времени, пока их с переднего края не конвоировали в штабы разных уровней.

Мое пребывание в эвакогоспитале затянулось с 6 августа по 11 октября 1941 г., т.е. более двух месяцев. После излечения 12 октября я прибыл в запасной полк, расквартированный южнее Ростова-на-Дону. Из запасного полка обычно «черпали» контингенты для пополнения поредевших в боях частей действующей армии. Мои попытки вернуться в 4-й ВДК были отвергнуты комиссией эвакогоспиталя из-за характера ранения. Так я попал на Южный фронт.

Зимой 1941-1942 г. саперная часть, в которую меня перевели, занималась укреплением обороны между Таганрогом и Ростовом-на-Дону. Развернувшиеся здесь бои носили затяжной характер, и войска нашей армии были переброшены на северный участок Южного фронта ближе к Харькову. Здесь я стал командиром отделения в Отдельном саперном батальоне Министерства обороны №1570, в составе которого после неудачного наступления наших войск под Харьковом мы стали отступать на восток (весна 1942 г.).

В конце июня командир батальона капитан Спинул, оставив мне батальон в сильно поредевшем составе после боев под Харьковом (40-50 человек, одна повозка с минами, инструментами, две лошади) и сообщив, что его вызывают в штаб армии, отбыл на попутной машине. Задание нам было дано следующее: максимально задерживаясь у переправ после отхода последних организованных частей, взрывать мосты через все реки по пути отступления (реки: Оскол, Северный Донец, Айдер, Колитва, Чир) и выйти после форсирования Дона к Сталинграду, к мукомольному комбинату.

Наш батальон, имея при себе все документы и ежедневно заполняя журнал боевых действий, отступал к Дону уже в составе 15-20 человек. На правом берегу Днепра никаких плавсредств не имелось, и мы на ближайшем хуторе попросили у казаков самое большое бревно от сруба развалившегося сарая. Длина бревна была метров 7-8. В сумерках мы вышли к Дону и, укрепив на бревне наши оружие, документы батальона, несколько мин, вещевые мешки и свою личную верхнюю одежду, вплавь к рассвету были уже на середине реки. Приходилось бороться с течением, так как нас уносило к югу, откуда доносился гул боев. Помню, что кто-то из солдат сказал, что там идет бой за мост у городка Константиновск. На рассвете, когда в августовском небе уже светилась заря, мы

были на левом берегу и оттуда видели, как немецкие танки вышли из степи к высокому правому берегу, а пехота, спустившись к прибрежным пескам, отделяла гражданских лиц от военнослужащих.

Через день мы, уставшие в не раз пропитавшихся потом гимнастерках, но вооруженные и организованные, вышли к вечеру к окраине города. Первыми нас встретили заградотряды Сталинградского фронта. Проверив наши документы и сверив фамилии по списку журнала боевых действий, они объяснили нам как пройти к месту назначения. Так началась для меня «Сталинградская эпопея» - с августа 1942 г. по 3 февраля 1943г.

В последующем, в штабе фронта нам сообщили, что сформирован еще один фронт – Донской, и в нем – новая общевойсковая армия, в состав которой включается и наш отдельный саперный батальон МО №1570. В составе этой 65-й Армии бессменным до конца войны командующим был прославленный генерал П.И. Батов. Я служил весь 1942 г. на Донском фронте и 1943 г. - на Центральном фронте Курской дуги.

Летом 1943 г. после разгрома немцев на Курской дуге я получил первый офицерский чин (младший лейтенант) и был направлен в 75-ю гвардейскую стрелковую дивизию, сперва в ее 87-й саперный батальон, затем стал командиром саперного взвода 231-го стрелкового полка этой дивизии и в 1944 г. занял должность полкового инженера этого полка, в составе которого для меня закончилась война Берлинской операцией. Наша 75-я дивизия была гвардейской дважды Краснознаменной ордена Суворова II степени Бахмаческой. Наш 321-й полк также был гвардейским Краснознаменным ордена Суворова III степени Рижским.

Описание конкретных боев, ни один из которых не происходил без участия саперов, особенно начиная со второго года войны, когда сплошная линия фронта со всеми его окопами, блиндажами, тылами пролегала через всю страну с северного Баренцева моря до южного Черного. Если в первый год войны саперы минировали танкоопасные места, взрывали мосты, то в остальные годы они строили мосты, минировали и разминировали поля сражений и позиции войск, делали в них проходы и сопровождали пехоту, а то и танки при их движении по этим проходам. Именно в этих случаях героизм наших

солдат, сержантов и офицеров был зачастую безымянным, хотя каждое такое действие редко оказывалось без жертв, было связано с гибелью людей.

Вспоминается, например, гибель лейтенанта Жуплия – командира взвода саперов 231-го полка, который с помощью мощных фугасов на шестах проделывал проходы в сплошных проволочных заграждениях, обвешанных «сюрпризами»: гранатами, противопехотными минами с растяжками, пустыми консервными банками и т.д. Когда проход был уже готов, и пехота ринулась туда, вражеский снайпер засек лейтенанта и прострелил ему голову.

В этих же боях, названных операцией «Багратион», в полосе действий нашего полка командиром дивизии было разрешено разминировать узкий песчаный проход между двумя болотистыми площадями и неожиданно ввести через него в тыл врага группу танков с пехотой, что позволило бы избежать лобовой атаки обороны противника, что естественно было связано с большими потерями. Группа саперов из шести человек во главе с полковым инженером получила такое задание. Проход был подготовлен к рассвету, но саперы не могли вернуться в окопы, так как, заметив их, фашисты немедленно накрыли бы огнем простреляннный заранее перешеек. Тогда, как было предварительно согласовано, мы решили применить очень рискованное, но в данном случае единственно возможное решение. Мы, лежа вдоль прохода, на вытянутых руках держали ветки кустарника с посаженными на них пилотками чуть выше уровня зарослей, что являлось сигналом о готовности прохода.

После небольшой артподготовки с нашей стороны десятки танков ринулись в проход и прошли мимо лежащих по его бокам саперов, что на фронте называлось «саперной улицей». Танкисты прорвали линию обороны врага, и войска дивизии вскоре вышли на оперативный простор. Такой же подвиг был совершен в 1942 г., когда 16-й танковый корпус генерала Маслова вошел в проходы в сплошных минных полях, по бокам которых с поднятыми на руках касками стояли во весь рост саперы, и мало кто из них выжил.

Много примеров можно привести, когда после наведения мостов через водные преграды, танкисты приглашали на первый танк командира саперов, как гаранта безопасности

проезда. Один такой случай был с нашими саперами, когда колонна танков, следовавшая на только что сооруженную переправу, вдруг остановилась. Из головной машины командира саперов попросили сесть на броню. Мосты мы наводили с большим запасом прочности, иногда 3-4-х кратным, не жалели для этого свай, зная о «капризах» танкистов. Говоря о переправах, хотелось бы вспомнить мужество командира батальона №1570 капитана Спинула. После дачи всех указаний о наведении моста ниже уровня воды на 20-30 см, он сам наблюдал за ходом работ, участвовал в них и по пояс в воде перебегал с места на место, отвлекая огонь противника. К рассвету переправа была готова, и, скопившиеся на противоположном берегу реки наши войска, прижатые к воде с трех сторон, начали переправу.

Без участия саперов не проходил ни один бой и в самом Сталинграде. Мины здесь находили на каждой лестнице, у каждой двери, на крышах и в подвалах. Однажды моряки Тихоокеанского флота, присланные в помощь защитникам Сталинграда, попросили нас разминировать подступы к зданию. В окне этого здания с целью устрашения был повешен один из погибших моряков, которых немцы называли «черными дьяволами». В память об этом случае моряки подарили саперам две бескозырки и два кортика.

Аналогичные многочисленные примеры можно привести из боев по форсированию Днепра и Вислы, освобождению Варшавы, взятию Берлина.

Как в известной песне поется последний бой самый трудный был для меня в Берлинской операции. Преследуя отступающие части противника, одна из штурмовых групп 75-й гвардейской дивизии из 20 солдат и офицеров, возглавляемых полковым инженером 231-го полка, захватила плацдарм на западном берегу Одера. Справа и слева от нас такие же группы захватывали другие плацдармы. Наша группа устанавливала мины, рыла траншеи, простреливала наиболее видимые сектора на случай возможного контрудара.

Время приближалось к вечеру, когда появился вражеский самолет-разведчик «Фокке-Вульф», который как мы и полагали, сняв на пленку план плацдарма, вскоре удалился. Мы знали, что теперь следует ждать или мощного артобстрела, или бомбардировок с воздуха. Действительно, не прошло и часа, как

появились четыре тяжелых бомбардировщика серии «Хейнкель», которые стали засыпать нас тяжелыми бомбами.

Восстановив огневые точки и оказав помощь раненым, группа стала готовиться к бою с наземными силами противника. После того, как один из танков подорвался на мине, находившаяся на других машинах пехота спешилась и перебежками приблизилась к нам. Два наших пулемета и автоматы всех способных вести огонь бойцов заставили атакующих залечь. Кроме того, начало быстро темнеть. В сумерках на водной глади мы заметили приближающиеся основные десанты нашей дивизии.

Минули десятилетия с того дня, когда командир 75-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Горишный В.А. вручил мне орден Красного Знамени в Германии недалеко от Берлина. На всю жизнь запомнился наш разговор с Василием Акимовичем.

Он: «Ну что, сталинградец, решил уйти на учебу? Армии тоже нужны такие люди».

Я: «Товарищ генерал, прошу Вас, как старшего брата, разрешить уволиться».

Он: «Ты облегчил мое решение: как брат - отпускаю, но как генерал - нет. Если надумаешь остаться, обниму крепко».

Но я не надумал. Со слезами на глазах прощался с боевыми друзьями – солдатами и офицерами дивизии: Михаилом Анциперовым, Николаем Евдоновым, Юрием Сироткиным, Павлом Казьминым, Денисом Ивановым, Федором Швилло, Марией Волоховой, Григорием Махровым и многими другими.

Коротко о своей гражданской жизни. Окончил институт. Работал на производстве. Поступил в аспирантуру, стал кандидатом, затем доктором технических наук. Много лет возглавлял один из НИИ отрасли. Имею почетное звание «Заслуженный работник транспорта Российской Федерации». Общее число государственных и правительственных наград (в том числе зарубежных стран) составляет 34. Инвалид Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Участвую в общественно-патриотической работе с молодежью района Южное Медведково и других районов Москвы. Имею двух сыновей, внуков. Воинское звание - подполковник.

Январь 2004 года.

Аксинин Иван Никифорович

До Бранденбургских ворот и Рейхсканцелярии всего несколько сот метров

Я родился 15 сентября 1926 г. в семье крестьянина-середняка в селе Терновка (в настоящее время — город) Павлоградского района Днепропетровской области на Украине. Русский, православный. Терновка до войны - большое село в 15-ти километрах к востоку от г. Павлограда, расположено в пойме речки Терновки, притоки р. Самары, впадающей в Днепр у г. Новомосковска. С южной стороны поймы к Терновке вплотную прилегает с. Богдановка, примерно равное ей по величине. В Богдановке размещались больница, средняя школа, машинно-тракторная станция.

Я был четвертым ребенком в семье, впоследствии у родителей родилось еще семь детей, но из-за плохого питания, отсутствия медицинской помощи все они умерли в раннем возрасте. В живых осталось трое.

До войны, после окончания 6-го класса, решил поступить в ФЗУ, но из-за малого роста не прошел медицинскую комиссию. Продолжил учебу и в 1941 году в Богдановской средней школе получил свидетельство о неполном среднем образовании.

В летние каникулы 1939 г. и 1940 г. работал в колхозе помощником пастуха, охранявшего стадо дойных коров колхозников, более 300 голов. Хорошая была работа на свежем воздухе.

О начале войны узнал в воскресенье 22 июня от колхозников, которые были в конторе, где имелся маломощный радиоприемник один на весь колхоз. Весть о начале войны пронеслась от двора к двору очень быстро. Все праздничное настроение угасло. Отец сказал, что это большая война, не то что с Финляндией. Между прочим, на финскую военную кампанию его призывали, но в район боевых действий он не попал. И действительно, на второй или на третий день войны он ушел по повестке из военкомата. В армию ушли практически все мужчины призывного возраста. Все работы и заботы легли на плечи женщин и подростков, таких как я и моложе. Первые месяцы войны запомнились мне проходящими через село нескончаемые стада крупного рогатого стада. Вначале гнали скот из западных областей: Винницкой, Волынской, потом Кировоградской, а в августе уже из Заднепровья и Приднепровья нашей Днепропетровской области. Дошла очередь и до стада нашего колхоза имени 3-й пятилетки и двух других колхозов нашего села. К концу августа установилась зловещая тишина, стала доноситься артиллерийская канонада и разрывы бомб - это шли бои за г. Днепропетровск и за р. Днепр.

Где-то к середине октября 1941 г. наша оборона на р. Днепр была прорвана немцами, и наши войска начали отступление в направлении Донбасса, где фашистов удалось остановить на р. Северный Донец. Потянулись тягостные дни немецкой оккупации. Появились сбежавшие в конце 20-х годов кулаки, они и их приспешники под руководством немцев создали полицейскую управу и стали помогать фашистам наводить «новый» порядок.

Это длилось до половины февраля 1943 г., когда после разгрома немцев под Сталинградом, Красная Армия продолжала их гнать в сторону Днепра. На Изюм-Барвенковском направлении были освобождены ст. Лозовая, г. Павлоград, сотни других населенных пунктов, подвижные части вышли к г. Новомосковску. К сожалению, тогда, из-за просчета командования, состоялся контрудар группы армий Манштейна, и наши войска вынуждены были отойти и закрепились на рубеже р. Северный Донец и далее на север, с которого началось летнее наступление Красной Армии 1943 г. после провала немецкого наступления на Орловско-Курской дуге. Вместе с отступающими частями, не желая быть

угнанными в Германию или убитыми полицаями из мести за выданного нашей разведке полицая (которого разведчики после доноса расстреляли), мой старший брат, я и еще несколько подростков-товарищей ушли на восток. В течение 3-4-х суток мы сумели дойти до г. Изюма на р. Северный Донец и затем райисполкомом г. Купянска Харьковской области были направлены в колхоз г. Новокругляновска, где нам было представлено жилье, питание. Мы включились в работу по обмолоту сложенной в скирды пшеницы, которая тут же отправлялась фронту. Весну и первую половину лета мы под руководством военных инженеров копали окопы, траншеи, ходы сообщения. Это было в 50-60 км от линии фронта. В конце апреля брат Анисим был призван в армию, и я, после завершения оборонительных работ, отправился к своей тете на хутор Царевна Павловского района Воронежской области, где работал в колхозе до конца 1943г. После освобождения моей малой родины, я в конце декабря возвратился домой и вскоре заболел сыпным тифом. Чуть окрепнув, был призван на сборы призывников, после их окончания 26 июня 1944г. получил повестку на призыв в армию.

С этого времени начался отсчет моей военной службы, растянувшейся вместе с работой в качестве служащего Советской Армии на все 50 лет. В составе сформированной в военкомате команды на следующий день я оказался в г. Днепропетровске в 10-й запасной бригаде. В течение двух недель мы прошли короткую боевую подготовку и приняли Военную Присягу. Среди нас было немного ребят, окончивших до войны 7 классов, у остальных было 5-6 классов. Я оказался в числе отобранных для учебы в учебном батальоне автоматчиков, который размещался на ст. Баглей г. Днепродзержинска. Боевая учеба была очень интенсивной. Уже к середине июля на многих курсантах от соли расползлись гимнастерки под лямками от противогаза и ремнями автомата. К моменту отправки в составе маршевой роты нас переобмундировали в 3-й раз. Запомнился трехсуточный переезд по железной дороге в действующую армию. Путь проходил по местам недавних боев. Все постройки на станциях, полустанках и разъездах разрушены, в проплывавших за окнами вагонов-теплушек селах и деревнях торчат обгорелые трубы, развалины, развалины. И все это сотворили фашисты.

Это был еще один наглядный урок ненависти к фашистам. В первой декаде октября 1944 года мы выгрузились на ст. Кивель и сразу же попали под распределение по частям. Я со своим другом детства Петром Трифоновым был включен в состав взвода конной разведки 990-го стрелкового Сталинского полка 230-й стрелковой Сталинской дивизии (командир дивизии полковник Казаков Иосиф Анатольевич). Надо сказать, что дивизия, входившая в состав 9-го стрелкового корпуса (командир генерал-лейтенант Рослый Иван Павлович) 5-й Ударной армии (командующий генерал-полковник Берзарин Николай Эрастович), имела богатую боевую биографию. Но это уже другая тема.

Командиром полка был уроженец г. Гуляй Поле Херсонской области подполковник Кондратенко Василий Васильевич, командиром взвода конной разведки был ст. сержант Сидоров Борис Иванович.

В течение месяца мы с моим другом Петром днем осваивали премудрости кавалерийской вольтижировки, владения клинком, а ночью, очень часто, выезжали на патрулирование с нередкими стычками с бендеровцами, шнырявшими по лесам. Однако кавалерийская эпопея моя скоро кончилась: взвод конной разведки сократили до отделения, оставив в нем уже обстрелянных бойцов. Мы оказались во 2-м стрелковом батальоне (командир -майор Некеров Д.И.), я - в 5-й стрелковой роте (командир лейтенант Пахомчик, во время штурма Берлина он был уже капитаном) 3-м стрелковом взводе (командир мл. лейтенант Яковлев Федор), где мне, как выпускнику учебного батальона, был вручен ручной пулемет Дегтярева и назначен наводчиком-командиром расчета. В моем подчинении был второй номер, в обязанности которого входило снаряжать диски патронами и обеспечивать их своевременную подачу наводчику. А мой друг-односельчанин Трифонов П. был назначен ездовым в хозяйственный взвод батальона и отвечал за подвоз боеприпасов. Вскоре было проведено дивизионное учение с боевой стрельбой и строевой смотр дивизии, на котором присутствовали командующий армией Берзарин М.Э. и командир корпуса Рослый И.П.

Следует сказать, что 230-я стрелковая дивизия прибыла в район г. Ковель после завершения Яссо-Кишиневской

стратегической операции значительно поредевшей по сравнению со штатной численностью. Все старые воины имели правительственные награды: медали «За боевые заслуги», «За Отвагу», а многие и ордена. Для нас, молодых солдат, прибывших на пополнение из разных мест Советского Союза (из Гороховецких, Еланских, Чебаркульских и др. лагерей), где ковались резервы действующей армии, это вызывало к ним большое уважение и здоровую зависть, стремление стать такими же мужественными и бывалыми воинами.

Размещался батальон в больших, хорошо оборудованных землянках, по две на стрелковую роту. Не успели толком обжиться в них, как поступила команда: получить патроны, гранаты, сухой поек и быть готовым к маршу. 16 октября 1944 г. дивизия маршем, пройдя населенные пункты Зарыбы, Мацетов, Загораны, Потишье, Сихолув, 28-30 октября сосредоточились в районе станции Куссово, Мелкина Гура, в 50 км от Варшавы, где находилась до 6 декабря, усиленно занимаясь боевой подготовкой. За 2-е ночи дивизия прошла 350 км.

Шли по ночам, незаметно перешли советско-польскую границу и на 2-й день остановились в лесу неподалеку от одной польской деревни. В течение нескольких дней обустроились: построили на каждый взвод по землянке, работа спорилась, благо грунт был песчаный, копать было легко, и погода стояла вначале приличная. Командование батальона организовало поездку в лагерь смерти Треблинка, который от нашего расположения находился в 20-25 км. Я в эту поездку не попал, а мой Петя был, рассказывал страшные вещи: горы различной обуви от детской до 45-го размера, тюки женских волос и ящики с пеплом сожженных узников, приготовленных к отправке в «Фатерлянд», как сырье и удобрения. Фабрика смерти работала беспрерывно, сжигая зачастую живьем до 700 человек детей и взрослых узников. Ящики с «вторсырьем» с немецкой педантичностью были пронумерованы. После осмотра этой фабрики смерти и рассказов очевидцев ненависть к фашистским извергам поднималась с невероятной силой и звала воинов к отмщению. Это было реальное воплощение слов из знаменитой песни: «пусть ярость благородная вскипает, как волна...».

С вступлением на территорию Польши нам стало известно, что 5-я Ударная армия, находившаяся в резерве ставки, вошла в состав 1-го Белорусского фронта, командующим которого назначен уже в то время прославленный полководец Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович. Это до самого завершения штурма Берлина было предметом гордости всех солдат и офицеров.

К 27 декабря 230-я стрелковая дивизия вышла в район Старая Гута. Наскоро оборудовав землянки (по одной на отделение) продолжали боевую подготовку, проходили «обкатку» танками, это когда через траншею, в которой находятся солдаты, проходит танк, и солдат, после его прохождения, бросает в него бутылку с зажигательной смесью или противотанковую гранату. Такая «обкатка» повышала стойкость солдат в реальном бою.

К началу Висло-Одерской операции, стрелковые части дивизии находились в резерве командующего армией, но все артиллерийские средства, включая минометные роты батальонов (82-мм минометы) были сосредоточены на Магнушевском плацдарме на огневых позициях и принимали участие в артиллерийской подготовке 14 января 1945г.

Уже 16 января дивизия получила приказ на преследование врага, форсировала р. Пилица, захватила плацдарм, обеспечила переправу 2-й танковой армии Богданова и затем вышла западнее Варшавы к Лович и далее преследовала отступающие разрозненные силы врага в направлении Кутно, Гнезно и далее к р. Одер. В сутки проходили до 60-70 км, а в отдельные дни и больше. Большую часть похода стояла нелетная погода, и авиация особого беспокойства не причиняла. На остальных рубежах немцы пытались задержать стремительное продвижение наших войск, но безуспешно. Мелкие узлы сопротивления сметались нашими передовыми отрядами, а крупные, такие как Познань, обходились и оставлялись в тылу для уничтожения их силами вторых эшелонов.

29 января дивизия перешла государственную границу Германии в провинции Померания. 986-й стрелковый полк нашей дивизии первый перешел границу Германии, и приказом Верховного Главнокомандующего ему было присвоено почетное наименование «Померанский». На границе, которая проходила по небольшой речушке (названия не помню, видны

были траншеи, блиндажи, ДЗОТы, но они не были заняты противником) мы без боя продолжили свой марш в батальонных походных колоннах к Одеру.

Воспоминания о походе по освобождению Польши сливаются в череду дней и ночей беспрерывного марша. Шли по 20 часов в сутки, делая иногда привалы на 25-30 минут для раздачи и приема пищи из походных кухонь и на 2-4 часа отдыха в лучшем случае в каком-нибудь сарае, а то и под сосной на лапнике «валетом» под одной шинелью. Кроме ручного пулемета весом в 11,2 кг без диска, в вещевом мешке всегда было по две пачки винтовочных патронов (по 120 шт. в каждой), две гранаты наступательных (РГ-42), две оборонительных (Ф-1) и одна противотанковая. Вместе с сухим пайком и другими необходимыми вещами заплечный груз достигал 20-ти кг. А отстать нельзя: отставание грозило гибелью от бредущих параллельными дорогами мелких групп немцев. Был случай, когда отбившийся от своих немец в темноте нашу колонну принял «за свою», держась для облегчения за повозку, шел до тех пор, когда в рассветных сумерках его не опознали.

31 января с утра облачность поднялась, и для действий авиации создалась благоприятная погода. Надо сказать, что к тому времени мы прошагали 500 километров, тылы растянулись, аэродромы, подготовленные к началу наступления, остались далеко в тылу, а организовать новые не было возможности из-за наступившей распутицы, вследствие чего мы остались практически без авиационного прикрытия. Немцы же имели большое количество стационарных аэродромов с бетонными взлетными полосами, и как только позволила погода, они этим воспользовались в полной мере. Появились «мессеры» внезапно, так что наши походные взводные и ротные колонны, двигавшиеся по неширокой асфальтированной дороге, не успели рассредоточиться, и первый заход пары стервятников нанес нам значительный урон, было убито и ранено человек 15 из роты. Я, видя пикирующего на нас «мессер», бросился в залитую водой придорожную канаву, что меня спасло от полоснувшей по дороге очереди малокалиберных снарядов. В дальнейшем, войска рассредоточились и организовали достойный отпор огнем. Были сбиты два самолета противника. Как потом рассказывали,

один был сбит из противотанкового ружья (ПТР), другой - огнем станкового пулемета. В других подразделениях тоже были ощутимые потери, убито несколько лошадей. Все это происходило около местечка Бервальде в 10 км от Одера.

К вечеру, сосредоточившись в лесу у Бервальде, батальон двинулся «вперед, на Запад!» К реке вышли к полуночи и ступили на лед. Поверх льда уже стояла вода по щиколотки, было неприятно идти по воде, которая была выше ботинок. Форсировали реку без единого выстрела и устремились вглубь на противоположный берег. Продвинулись на 5-6 км. Одновременно с нашим 2-м батальоном вышли и другие подразделения 990-го стрелкового полка и другие полки дивизии: 986-й и 988-й стрелковые полки.

Для немцев выход наших войск на левый берег Одера был полной неожиданностью: работала телефонная связь, на вокзале готовились к отъезду в Берлин пассажиры, работали кафе. Ввиду непосредственной угрозы Берлину, до которого по прямой оставалось 65 км, гитлеровское командование собрало все имевшиеся под рукой резервы, курсантов военного училища, фольксштурм и пр. и при поддержке танков и авиации нанесли контрудар с намерением сбросить нас в Одер с плацдарма. Однако, мы к тому времени подготовились к обороне и 3-4 февраля стойко отражали все атаки противника. Ввиду того, что во время форсирования лед на реке был уже слабый и тяжелую технику не выдерживал, части дивизии были оснащены в основном стрелковым оружием, минометами, легкой артиллерией (45-мм противотанковые батальонные пушки).

При поддержке танков противнику удалось вклиниться в наши боевые порядки в районе дер. Ной-Барним, батальон попал в окружение. Однако, командир батальона, вступивший в должность 3 февраля капитан Нестеренко Павел Антонович, проявил самообладание и под покровом темноты с боем вывел подразделения и организовал оборону. Враг не прошел, был не только остановлен, но и, в некоторых местах, ночными контратаками вынужден был отойти. Во время одной из наших ночных контратак я был ранен осколками гранаты. Это было в ночь на 6 февраля 1945 г. В тот же день я был эвакуирован в медсанбат дивизии, а оттуда - в армейский госпиталь в г. Ландсберг, где мне была сделана операция, удалены крупные

осколки, и через неделю был эвакуирован во фронтовой госпиталь полевая почта 39273, который размещался в пос. Скважнец в 10 км от г. Познань. 23 марта 1945 г. был выписан и направлен в 390-й фронтовой запасной полк, откуда к 10 апреля, накануне решающего наступления на Берлин возвратился в свой полк, в свою 5-ю стрелковую роту (полком в это время командовал подполковник Левин Александр Иванович). Здесь я узнал, что мой земляк погиб при подвозе боеприпасов во время вражеского артобстрела от прямого попадания снаряда. К моему возвращению рота размещалась в хорошо оборудованных траншеях полного профиля, стрелковые окопы, площадки для пулеметных огневых точек, блиндажи для каждого отделения вызывали чувство надежности, обжитости. Во взводах оказалось много новых товарищей, из старых солдат, прошедших Польшу, осталось меньше половины. За время непрерывных боев в течение февраля и начала марта за удержание и расширение плацдарма, рота не досчиталась многих бойцов. Тяжело ранен и контужен был мой собрат по оружию ручной пулеметчик Осетров Николай, с которым довелось встретиться через 45 лет в г. Донецке на встрече однополчан дивизии.

Ночью интересно было наблюдать за горизонтом в направлении Берлина. Хорошо были видны лучи прожекторов, шарящих по небу, иногда звездочками вспыхивали в лучах самолеты союзников. Незабываемыми остались картины ночного налета наших «кукурузников», легких ночных бомбардировщиков, когда они внезапно с выключенными моторами оказывались над немецкими позициями, засыпали их мелкими бомбами и поливали пулеметным огнем. В этом случае оживали и наши траншеи, добавляя «фрицам» жару.

14 апреля части дивизии сдали свои участки обороны пришедшим на смену частям другой армии и были выведены на восточный берег р. Одер. Мы поняли, что скоро начнется последнее и решающее наступление. И действительно, в ночь на 16 апреля дивизия совершила 20-ти километровый марш и вышла на Кюстринский плацдарм, где уже вовсю бушевала артиллерийская подготовка.

230-я стрелковая дивизия к началу наступления была в резерве командующего 5-й ударной армии, 17-го апреля она была передана во 2-й эшелон 9-го стрелкового корпуса и 18-го

апреля вступила в бой после прорыва второй полосы обороны на Зееловских высотах в районе г. Гузов, где проходила третья оборонительная полоса. В то время нам, солдатам стрелковых рот, конечно же, было неизвестно положение войск и ход боевых действий. Наше дело было идти вперед, уничтожая врага, упредить его в открытии огня. В тот день мы прошли около 10 км, и вышли на кольцевую Берлинскую автостраду. С ее преодолением бои пошли непосредственно в городе Берлине, как тогда говорили, «в логове фашистского зверя». Там же мы испытали силу огня немецких 85-мм зениток Берлинской противовоздушной обороны. Обрушившиеся на нас внезапно разрывы шрапнельных снарядов зениток нанесли ощутимые потери, погиб батальонный фельдшер, многие были ранены, но, по команде капитана Нестеренко П.А., мы быстро вышли из зоны огня и продолжали наступление.

В целом, бои за Берлин в памяти сливаются в один непрекращающийся ни днем, ни ночью бой: в домах, подвалах, на этажах.

Запомнился бой за большую городскую электростанцию Клингенберг, в пригороде Руммельсбург. Во взятии электростанции участвовали все части дивизии. Командир дивизии Герой Советского Союза полковник Шишков Даниил Кузьмич получил от командарма приказ не допустить взрыва электростанции гитлеровцами, уже подготовленной к взрыву. Решением командира дивизии мощным огнем был блокирован эсэсовский гарнизон электростанции, а группа разведчиков и саперов, при содействии рабочих, проникла в машинный зал, им были показаны места закладки взрывчатки и провода. Электростанция была спасена, и сыграла большую роль в послевоенной жизни города. За проявленный героизм и отвагу при выполнении боевого задания командования при спасении электростанции Клингенберг командиру 990-го стрелкового полка подполковнику Левину Александру Ивановичу, командиру 988-го стрелкового полка подполковнику Ожогину Андрею Матвеевичу, заместителю командира дивизии полковнику Галкину Федору Ульяновичу и командиру 2-го батальона 990-го стрелкового полка майору Нестеренко Павлу Антоновичу были присвоены звания Герой Советского Союза.

С овладением электростанцией полк сразу же приступил к форсированию р. Шпрее. Непосредственно перед

электростанцией это оказалось невозможным из-за плотного огня противника на противоположном берегу. Наш 2-й стрелковый батальон совершил бросок на 1,5 км вверх по течению, где уже начал форсирование соседний полк, и на катерах и резиновых лодках переправились на другой берег реки, захватили плацдарм и повели наступление вдоль реки по опушке Трептов-парка, отражали контратаки. Бои не прекращались и ночью. С продвижением к центру сопротивление нарастало. Однажды ночью оказались под бомбежкой наших союзников. Благо, мы находились в это время в каком-то подвале большого здания и потерь не имели.

Запомнился бой за здание имперского патентного управления. В нем находился большой гарнизон. Под прикрытием огня мы бросились в пролом в стене на помощь третьему отделению нашего взвода под командованием сержанта Шмыга Ивана Николаевича, уроженца села Чернобай Полтавской области, прочесав перед собой огнем из автоматов, бросилось вперед. Опять пошли в дело гранаты. Много гитлеровцев было уничтожено, а десятка полтора побросали оружие и сдались. Бой продолжался в течение всего дня, и к его исходу все здание было в наших руках. За этот бой сержант Шмыга И.Н. был представлен к званию Герой Советского Союза, которое ему было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР ко дню Победы в мае 1946 года, а за другие отличия он был награжден вторым орденом Красной звезды.

Другой памятный бой 28-29 апреля за здание государственной типографии на Альте Якобштрассе, где печатались геббельсовская «Фелькишер беобахтер» и другие газеты и журналы гитлеровского рейха. Здание занимало полный городской квартал, и силы гитлеровцев были значительными. Надо сказать, что на оборону центра Берлина, где располагались важнейшие государственные учреждения, были стянуты остатки самых отъявленных гитлеровских головорезов из СС, гестапо и др., которым уже нечего терять, и они сражались с отчаянностью и упорством обреченных. Штурмовые отряды 230-й стрелковой дивизии атаковали здание с трех сторон. Враг, организовав круговую оборону, держал под огнем все подступы. Под прикрытием артиллерийского огня и огня «фауст-патронами», штурмовая группа нашего 2-го

батальона под командованием капитана Темирбаева Сейтхана Нурмуханбетовича прорвалась во внутренний двор типографии и заняла на первом этаже большое помещение наборного цеха, сплошь заполненного стеллажами с ящиками со шрифтом. В подвале и на втором этаже были немцы, которые блокировали выход на лестничную клетку. Быстро были расставлены бойцы к окнам по всему периметру помещения и взяты под обстрел прилегающая часть внутреннего двора, окна противостоящего крыла здания и выходящая во двор арка. Не ожидавшие нашего появления, фашисты во дворе были буквально сметены нашим автоматным огнем, а мы продолжали огневой бой по окнам и держали под контролем арку. Помощник командира взвода старший сержант Чвертка Алексей Логвинович из г. Днепропетровска одиночным огнем из автомата уложил 13 гитлеровцев, появлявшихся из-под арки. Продержавшись там до второй половины дня, мы вынуждены были вернуться тем же путем, но уже под пулеметным огнем фашистов. С наступлением темноты по зданию был нанесен сокрушительный удар тяжелыми реактивными снарядами весом в 105 кг, которые запускались непосредственно из решетчатой деревянной укупорки. Как правило, они устанавливались в окнах подвалов и первых этажей зданий. Сопротивление врага было сломлено, и остаток ночи мы провели в подвале, где хранились сотни громадных рулонов газетной бумаги. В такие часы, когда все засыпали, самым трудным делом было быть назначенным в охранение и нести службу, мучительно борясь со смертельной усталостью и стремлением уснуть хотя бы на несколько минут. За этот бой капитан Темирбаев С.Н. был удостоен звания Герой Советского Союза.

На следующий день, от квартала к кварталу, мы неуклонно продвигались к центру. Части дивизии совместно с другими соединениями 9-го стрелкового корпуса 301-й и 248-й стрелковыми дивизиями овладели зданиями Гестапо, министерства авиации, геббельсовским министерством пропаганды и вышли к имперской канцелярии, во дворе которой под шестиметровой толщей бетона находился бункер Гитлера. В штурме имперской канцелярии от 230-й стрелковой дивизии участвовал штурмовой отряд в составе подразделений

486-го стрелкового полка, саперного батальона и средств усиления.

Наш 990-й стрелковый полк подполковника Левина А.И. и его 2-й батальон под командованием майора Нестеренко П.А. в это время штурмовал механический завод. В ходе боя особенно отличилась штурмовая группа под командованием лейтенанта Шабурова Валентина Ивановича с Урала Свердловской области. Он первым ворвался в здание, гранатой уничтожил пулемет и обеспечил успех другим штурмовым группам. В рукопашной схватке был ранен, но остался в строю. За этот подвиг ему было присвоено звание Герой Советского Союза. Наша 5-я стрелковая рота, которой в это время командовал старший лейтенант Зайцев, назначенный после гибели во время штурма Герлицкого вокзала всеми любимого в роте капитана Пахомчика, в течение дня 1 мая и ночи на 2 мая продолжала добивать остатки гарнизона механического завода, причем командованию вновь пришлось применить «эр-эсы». Другие подразделения полка, во взаимодействии с полками дивизии, штурмовали здание почтамта и министерства финансов. Там же нас, изготовившихся к штурму остатков оборонявшихся до последнего фашистов, застала весть о прекращении огня. Кстати, часа за 1,5-2 до этого стрельба со стороны немцев прекратилась и установилась непривычная тишина, на фронте всегда чреватая всякими неожиданностями. Вышли на улицу и увидели из многих окон выставленные белые флаги и выстраивающиеся колонны немцев, уже без оружия. Итак, мне не удалось дойти до Бранденбургских ворот и Рейхсканцелярии всего несколько сот метров, но все же нам выпала великая честь осуществить мечту миллионов наших солдат, офицеров, генералов добить фашистскую гадину в ее гнезде - Берлине. Вскоре мы построились в жиденькие колонны и нас повели к месту отдыха. Пришли и расположились в парке. Как потом оказалось, это был Трептов-парк, через который мы прошли с боями, а впоследствии в нем на месте большой братской могилы советских воинов был сооружен по проекту скульптора Е.В. Вучетича знаменитый, известный всему миру памятник советскому Воину-освободителю.

Из нашей 5-й роты, к началу наступления укомплектованный до полного штата, из боев вышли лишь 7 человек. Потом стали возвращаться легко раненые из

медсанроты полка и из медсанбата дивизии. Пошла мирная жизнь.

О подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии нам стало известно вечером 8 мая. Поднялась стрельба из всех видов оружия, кроме наземной артиллерии и танков. Небо покрылось белыми шарами разрывов зенитных снарядов, подсвеченных заходящим солнцем. Радости не было предела.

В ходе боев 5-я Ударная армия, успешно наступавшая на главном направлении, была отмечена командующим 1-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза Жуковым Г.К., командующий армией генерал-полковник Берзарин Н.Э. еще в ходе боев, 24 апреля был назначен первым военным комендантом Берлина, что еще больше подняло боевой дух воинов.

Штурм имперской канцелярии (после войны здание было разрушено и снесено) закончился капитуляцией ее гарнизона и установкой Знамени Победы, действовавшей в составе штурмовой группы инструктором политотдела 9-го стрелкового корпуса, майором Никулиной Анной Владимировной. Она была награждена орденом Ленина. В то время такие знамена были в каждом полку, батальоне. Но, решением военного совета фронта, Знаменем Победы стало считаться знамя, установленное на крыше Рейхстага мл. сержантами Егоровым и Кантария из 150-й стрелковой дивизии генерал-майора Шатилова из 3-й Ударной армии, нашего соседа справа.

За успешное выполнение поставленных задач 230-й стрелковой дивизии и ее полкам были присвоены почетные наименования «Берлинских», дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени, 990-й стрелковый полк - орденом Суворова 3-й степени. Все солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами.

В 990-м стрелковом полку 10 человек были удостоены высшей награды страны – им было присвоено звание Герой Советского Союза: Очерет Михаил Иосифович из Житомира - посмертно (он погиб на Одере, бросившись со связкой гранат под танк, подорвал его и обеспечил организованный отход батальона), командир полка подполковник Левин Александр Иванович, командир 1-го батальона майор Чепурин Филипп Федорович, командир 2-го батальона майор Нестеренко Павел

Антонович, командир 6-й роты 2-го батальона Темирбаев Сейтхан Нурмуханбетович, командир артбатареи полка капитан Черников Иван Николаевич, командир отделения сержант Шмыга Иван Николаевич, командир взвода 1-го батальона Шабуров Валентин Иванович, рядовой Кашутин Прохор Иванович и рядовой Аипов Махмут Ильячевич - посмертно (погиб в пригороде Берлина). Командир расчета минометной батареи 120-мм минометов 990-го стрелкового полка стал полным кавалером ордена «Славы».

Я за участие в боях за захват и удержание плацдарма на Одере был награжден орденом Красной Звезды, а за штурм Берлина - орденом Отечественной войны 2-й степени. Впоследствии к ним прибавились медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и др.

С наступлением мирных дней мы несли караульную службу по охране промышленных предприятий и складов, подлежавших демонтажу по репарации, участвовали в демонтаже ТЭЦ в Шпандау до ее перехода в американскую зону.

С разделом Берлина на зоны дивизия была выведена в военный городок Крампниц, что в 7-8 км к северу от Потсдама, участвовала в охране порядка в Потсдаме во время проведения Потсдамской конференции глав антигитлеровской коалиции.

В октябре 1945 г. 230-я стрелковая дивизия была переформирована в 17-ю механизированную дивизию, а ее 986-й, 988-й и 990-й стрелковые полки соответственно в 51-й, 53-й и 55-й механизированные полки и своим ходом передислоцированы в район г. Росток на севере Германии. Лето и осень 1946г. подразделения полка несли службу по охране демаркационной линии на побережье Балтийского моря, островов Рюген и Хидензее.

В декабре 1946 г. дивизия была расформирована, личный состав частично демобилизован, частично направлен на доукомплектование других частей. Я оказался в 19-м механизированной полку 1-й Красноградской мехдивизии, где командиром полка оказался бывший командир 988-го стрелкового полка 230-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза подполковник Ожогин Андрей Матвеевич. В этом полку я прослужил до осени 1948 г., когда был зачислен на курсы

лейтенантов группы советских оккупационных войск (ГСОВГ), которые успешно окончил и в феврале 1950 г. получил офицерское звание «лейтенант».

С тех пор моя жизнь связана с Вооруженными Силами. В 1953 году поступил, а в 1956 г. окончил Военную академию тыла и снабжения в г. Калинине и до 1969 г. проходил службу в войсках на тыловых должностях. В 1969 г. был переведен в центральный аппарат Министерства обороны, где в 1982 г. и закончил службу в звании «полковник», прослужив 38 календарных лет, а с учетом фронтовых и службы на севере – 39 лет. После увольнения продолжил работу в центральном аппарате в качестве служащего с учетом приобретенного во время службы опыта.

С июня 1994 г. на пенсии, включился в ветеранскую военно-патриотическую работу. Однополчане в 1988 г. избрали меня председателем совета ветеранов 230-й стрелковой Донецко-Сталинско-Берлинской ордена Суворова 2-й степени дивизии и остаюсь в этой должности по настоящее время. Ветеранская организация дивизии была создана по инициативе ее бывшего командира Героя Советского Союза Шишкова Д.К., в июне 1992 года ушедшего из жизни в возрасте 96 лет, и продолжает патриотическую работу в новых условиях под руководством Московского комитета ветеранов войны.

Многие ветераны ушли из жизни, оставшиеся стареют и под бременем прожитых лет, жизненных тягот и болезней теряют силы, но мы продолжаем работу по воспитанию у молодого, подрастающего поколения, чувства гражданской ответственности за страну, чувства патриотизма и готовности стать на ее защиту, по передаче исторической правды о прошлых событиях, свидетелями и участниками которых мы были.

Мы с женой Ниной Ивановной в 2001 году отпраздновали «Золотую свадьбу», 29 апреля этого года отметили 50-летний юбилей нашему сыну. У него две дочки-студентки, наши внучки. Однако не покидает беспокойство, что даже при успешном окончании университета им удастся найти работу по специальности и профессионально состояться.

В комсомол я был принят в ходе Берлинской операции в апреле 1945 года. Комсомольский билет мне был вручен 19 апреля во время кратковременной передышки в пригороде

Берлина. В июле 1952 года был принят кандидатом, а в сентябре 1953 г. членом КПСС, где и состоял в ней до июля 1991 года, когда мне выдали в политотделе учетную карточку, и партийная организация была распущена вместе с развалом великой страны, которую мы защищали в боях и охраняли в мирные годы.

Правительственные награды:

1. орден Красной Звезды (№2612432 - за отличия в боях за захват и удержание плацдарма на р. Одер - приказом командира 230-й стрелковой дивизии);

2. орден Отечественной войны II-й степени (№662549 - за отличия в боях во время штурма Берлина - приказом командира 9-го стрелкового корпуса. Ордена были вручены осенью 1945 г. на построении полка);

3. орден «Знак Почета» (№537837 - указом Президиума Верховного Совета СССР в 1972 г. за успешное выполнение заданий командования по обеспечению завода материальных средств войскам, дислоцированных в Арктике и на Крайнем Севере);

4. орден Отечественной войны I-й степени (№533484 - указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов);

5. медаль «За боевые заслуги» (без номера, указом Президиума Верховного Совета СССР за безупречную и долголетнюю службу в 1954 году).

медали:

6. «За победу над Германией»;

7. «За освобождение Варшавы»;

8. «За взятие Берлина»;

9. «За безупречную службу в Вооруженных силах СССР 2-й степени»;

10. «За безупречную службу в Вооруженных силах СССР 1-й степени»;

11. «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

12. «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;

13. «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;

14. «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;

15. «XXX лет Советской Армии и флота»;

16. «40 лет Вооруженных Сил СССР»;

17. «50 лет Вооруженных Сил СССР»;

18. «60 лет Вооруженных Сил СССР»;

19. «70 лет Вооруженных Сил СССР»;

20. «За воинскую доблесть в ознаменование со дня рождения В.И. Ленина»;

21. «Ветеран Вооруженных Сил СССР»;

Иностранные награды:

1. «За Варшаву» - польская (1950 г.);

2. «За освобождение от фашистского ига» - Румынская (1958г.);

3. Серебряная медаль «Братство по оружию» (1978 г.) - Польша.

Май 2003 года.

Анашкин Иван Николаевич

Залпы «Катюш» вызвали огромную панику у немцев

Родился 4 апреля 1919 г. в селе Желудево Шиловского района Рязанской области, русский, вероисповедание - православное. Беспартийный. С 1940 г. до 1992 г. член КПСС. В комсомоле с 1935 по 1940 гг..

В 1935 году окончил неполную среднюю школу и поступил в Рязанское артиллерийское училище. Как один из лучших его выпускников был оставлен в 1938 г. в нем командиром взвода. В 1955 году окончил академию им. Фрунзе.

Узнал о войне 22 июня 1941 года, будучи командиром взвода, в Рязанском артиллерийском училище. С началом войны вместе с рядом офицеров училища (капитан Ф. Терешонок, лейтенант Брусенков, лейтенант Жургевлев и др.) был направлен в Алабинские лагеря под Москвой, где формировались 8 полков реактивной артиллерии по решению ГКО (государственного комитета обороны). Я был назначен командиром 8-й батареи в 3-й дивизии 1-го Гвардейского минометного полка. Полк был вооружен новым оружием: реактивными снарядами 132-го калибра и боевыми машинами БМ-13.

В сентябре (12 сентября) 3-й дивизион вместе со штабом 1 ГМП своим ходом выехал на Брянский фронт. 13 сентября батарея в составе 3-го дивизиона произвела первый залп по наступающему противнику под городом Глуховым в Сумской области.

Этот залп запомнился мне на всю жизнь. И теперь, 60 лет спустя, многое помню в деталях, как он готовился.

Командир дивизиона Ф.Ф. Терешонок поручил мне возглавить командирскую разведку и подготовить огневые позиции для всех трех батарей дивизиона в районе г. Глухова. Задача не из легких. Быстро собралась наша группа и выехала в район, указанный командиром дивизиона. Прибыв туда, выбрали огневые позиции батарей, определили их координаты и основные направления стрельбы. Доложив по рации о выполненной работе, в одном километре от позиции встретили колонну боевых машин, которую возглавлял командир дивизиона.

В ночь на 13 сентября батареи заняли огневые позиции. Были получены координаты цели и подготовлены данные для стрельбы. Прибывшие заряженными, в выжидательном режиме установки навели в цель. В кабинах остались только командиры и водители БМ. Поворот рычажка в приборе управления огнем и 192 снаряда устремились на врага. В темное время впечатление незабываемое. Собрали огневые расчеты, находившиеся в укрытии, на опушке рощи. С предельной быстротой оставили огневые позиции. А вскоре противник открыл артиллерийский огонь по ним.

Командир дивизиона сообщил нам результаты залпа на основе данных, полученных от разведки. Почти 200 снарядов сделали свое дело, скоплению живой силы и техники врага в районе Глухово нанесен существенный урон.

Обстановка усложнилась. Немцы завершали подготовку к началу операции «Тайфун», генеральное наступление на Москву.

Фашисты в ночь с 30-го сентября на 1-е октября начали наступление без перегруппировки. 1-й и 3-й дивизион подготовили и произвели залпы по наступающему противнику.

Немцы затормозили наступление, атака врага заметно ослабла. Но через два часа наступление возобновилось, в атаку пошли немецкие танки Гудериана, пришлось много пережить и

поволноваться в эти дни. Здесь я впервые увидел немцев, их танки и автомашины в непосредственной близости. Случилось так, что штаб дивизиона и две боевые машины 7-й батареи проскочили через г. Севск, а остальные были отрезаны немецкими танками. В дальнейшем часть 3-го дивизиона и 1-го дивизиона 1-го ГМП были переданы 50-й Армии и поддерживали огнем ее части. Попав в окружение, в октябре вместе с этой армией в районе Сухиничей-Жиздра батарея расстреляла все боеприпасы по наступающим немцам и взорвала боевые машины. Часть моей батареи во главе со мной вышли из окружения в районе г. Белева вместе с батальонным комиссаром 1-го ГМП Клинцовым, встретили там командира полка майора В.Л. Шмакова и затем на машинах выехали в Москву.

Прибыв туда 20 октября, на другой день в штабе формирования в 443 школе был включен в формируемые отдельные гвардейские минометные дивизионы.

Капитан Ф.Ф. Терешонок формировавший 5-й ГМД назначил меня командиром 1-й батареи.

Дело в том, что в Москве 20 октября было введено осадное положение, по решению ГКО формировались новые части и соединения, в том числе и 20 отдельных гвардейских минометных дивизионов. Одним из них и был 5-й ГМД. Всего было сформировано 19 дивизионов.

25 октября было завершено формирование нашего 5-го отдельного минометного дивизиона, костяком которого стали командиры и бойцы бывшего 3-го дивизиона 1-й ГМП. Дивизион в пятидневный срок был укомплектован в значительной части призывниками и добровольцами Подмосковья. Сначала дивизион поддерживал 78-ю стрелковую дивизию, которой командовал полковник Белобородов. Дивизия входила в 16-ю армию. Произведя два залпа по немецко-фашистским войскам, готовящимся к атаке, которая благодаря огню «Катюш» и артиллерии была сорвана, дивизион по приказу начальника артиллерии Западного фронта был переподчинен командиру 5-й армии.

Дивизион по приказу командарма генерала Л.А. Говорова поступил в подчинение 144-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал А.П. Пронин. Эта дивизия вела упорные оборонительные бои в районе города Звенигород.

Противник вначале пытался взять город Звенигород с Запада из района Колюбакино.

Вспоминается такой случай. На наблюдательный пункт 612-го стрелкового полка 144-й СД, где был и НП 1-й батареи, которой я командовал, неожиданно прибыл командующий 5-ой армией генерал-майор артиллерии Л.А. Говоров. В годы войны это было редко, чтобы такой большой военачальник лично ставил задачу командиру батареи. Но в тот день было именно так. Командарм, заслушав доклад командира полка о средоточении значительных сил пехоты и танков в районе Колюбакино, приказал нанести по ним огневой удар. В считанные минуты наша батарея и батарея лейтенанта Константинова заняли огневые позиции. О готовности доложили Командарму. «Открыть огонь», - сказал он. На фашистские войска, готовившиеся возобновить наступление на Звенигород, обрушился шквал огня реактивных установок и артиллерии. Наступление противника на этом направлении было задержано. Но несколько дней в дальнейшем дивизион днем и ночью, маневрируя по бездорожью, наносил внезапные мощные удары по противнику, чем помешал окружению 144-й дивизии западней Звенигорода.

Несмотря на огромные потери, немцы делают новую попытку захватить Москву. 16 ноября немецко-фашистские войска начинают свое второе генеральное наступление на Москву. Во второй половине ноября на подступах к г. Звенигороду воины 144-й СД вели упорные бои за каждую сотню метров. Перед одним из боев мне было приказано установить взаимодействие с одним из стрелковых батальонов, который упорно оборонялся в районе южнее населенного пункта Каринское. Дело было ранним утром 16-го ноября. Прибыв на НП батальона, повстречался с тремя, как и я, молодыми лейтенантами: командиром, начальником штаба и заместителем командира по политической части. После оценки обстановки я предложил им подготовить батальонный залп по изготовившемуся к атаке противнику. Командир одобрил мое решение. В установленное время батарея своим огнем нанесла ощутимое поражение пехоте немцев, что позволило воинам батальона удержать занимаемые позиции.

Немцы, не имея успеха в попытках овладеть Звенигородом с запада, решили обойти его с севера. Завязались упорные бои

за Ершово, Короллово, Носопово. Залпом нашей батареи, огнем артиллерии и оборонявшимися здесь подразделениями одного из полков 144-й стрелковой дивизии (СД), наступление противника на несколько суток было приостановлено.

Шли дни тягчайшей обороны. 1 декабря немецко-фашистским войскам удалось прорвать наши рубежи в 6 км севернее Наро-Фоминска на стыке 33-й и 5-й армий и южнее города. Противник вклинился в наш тыл более чем на 20 км, на севере на 10 км от Нары на восток. Снова создалась тяжелая обстановка. 32-я СД заняла круговую оборону. А частями из резерва 5-й и 33-й армий был подготовлен контрудар. Из подразделений ГМЧ была привлечена батарея, которой я командовал.

Дело было так. 2 декабря 1941 г. командир дивизиона получил приказ командующего 5-й армии генерала Л.А. Говорова подготовить и произвести залпы по противнику, находящемуся в Акулево на стыке 5-й и 33-й армий на участке 32-й стрелковой дивизии полковника В.И. Полусухина, отличившегося на Бородинском поле.

Батарея совершила марш из-под Звенигорода до Кубинки. В районе этого населенного пункта около Видука была выстроена огневая позиция. Уже в темное время батарея подготовила и произвела два залпа минут 30-40 по противнику в Акулево. После этих залпов в Акулево возникли пожары, были слышны взрывы боеприпасов.

На другой день силами пехоты, танков, артиллерии немцы были выбиты из Акулова. Впоследствии местные жители рассказывали, что залпы «Катюш» вызвали огромную панику у немцев.

Противник понес большие потери в личном составе, танках, артиллерии и автомашинах. Попытка фашистских войск взять Минское шоссе и двинуться на Москву была сорвана. И в этом немалая заслуга личного состава нашей батареи. С этого рубежа войска 33-й армии впоследствии перешли в контрнаступление.

В начале декабря 1941 года усилиями всех войск, оборонявших Москву – пехоты, танкистов, кавалерии, артиллерии, в том числе и зенитной, враг был остановлен у стен столицы. Особое значение имели подготовленные в глубине страны резервы. Это позволило Красной Армии, по сути, без

оперативной паузы, 5-6 декабря перейти в контрнаступление. Для врага настало время расплаты. Начавшееся мощное наступление наших войск для него было неожиданно.

Во время начавшегося наступления наша батарея поддерживала боевые действия одной из стрелковых бригад, прибывшей из Сибири. Несколько залпов, проведённых нашим 5-м ОГМД, и эффективный огонь артиллерии позволили воинам этой бригады успешно прорвать оборону немцев и развить наступление в её глубину. Оставляя убитых и раненых, боевую технику, немецко-фашистские войска начали отступать. Освобождались населённые пункты оккупированной Московской области, население которых встречало наших воинов восторженно, со слезами на глазах.

Поддерживаемые нашим огнём части 5-й армии генерала Л.А. Говорова подошли к районному центру Руза и начали бои за его освобождение.

Получен приказ нашему дивизиону совершить марш на север, под посёлок Шаховская, в полосу наступления 1-й ударной армии генерала В.И. Кузнецова, в которой были бригады морской пехоты. Их дивизион и поддерживался залповым огнём реактивной артиллерии.

Так 1 января 1942 года, поддержанные залповым огнём нашего и других дивизионов подразделения морской пехоты, атаковали, успевшего окопаться, противника. Его сопротивление было отчаянным. И так повторялось несколько раз. Но наши успехи были незначительными. Несмотря на героические действия морских пехотинцев, враг крепко удерживал занятый рубеж, особенно на реке Лама. Но всё же успехи наших войск были небольшие, но были.

Известно, что контрнаступление Красной Армии под Москвой, начатое в первых числах декабря 1941 года, увенчалось успехом. Враг был отброшен от Москвы на 100-250 км. Развеян миф о непобедимости германской армии и сорван окончательно план молниеносной войны против нас.

Но радость первой крупной нашей победы над врагом, омрачалась картиной страшных зверств и разрушений, которые совершили гитлеровцы на временно оккупированных территориях, что вызывало прилив ненависти к врагу наших людей.

В начале 1942 года я был назначен командиром 5-го Отдельного гвардейского минометного дивизиона (ОГМД). Тогда мне не было еще и 23 лет. Это было высокое доверие командования молодому командиру, которое можно оправдать только умелыми решительными и слаженными действиями вверенного мне личного состава части.

В феврале 1942 года 5-й дивизион поступил в подчинение командующего 16-й армией генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. В марте дивизион принимал участие в наступательном бою за сильно укрепленный опорный путь Попково, что в 8 км от Сухиничей. Это был мой первый бой в должности командира дивизиона. И мы его выдержали достойно. Начальник артиллерии армии генерал-майор В.И. Казаков лестно отозвался о результатах двух залпов, который дивизион нанес по опорному пункту Попково.

Вскоре, за образцовые выполнения боевых задач под Москвой мне генерал К.К. Рокоссовский вручил орден Красного Знамени. Присвоил воинское звание старшего лейтенанта, а в мае месяце - капитана.

Зимой 1941-1942 годов в тыл врага высадился 4-й воздушно-десантный корпус, который в течение зимы и весны наносил удары по вражеским гарнизонам армии «Центр». Почти 6 месяцев корпус вел боевые действия в тылу врага в исключительно сложных условиях, взаимодействуя с частями 33–й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Белова. 24 июня десантники вместе с частями 1-го корпуса нанесли удар по вражеской обороне с тыла, а войска 10-й армии ударили с фронта. В полосе 10-й армии действовал и наш дивизион РС. Исключительно трудные условия для маневрирования техникой создавала местность после проливных дождей. Мы особенно остро чувствовали свою ответственность. Ведь операцией руководил лично командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков, прибывший для этого в район города Кирова Смоленской области.

Здесь я впервые увидел Георгия Константиновича, прославившегося уже в битве за Ленинград и Москву. В результате проведённой операции десантники и конники вышли из тыла врага, соединившись с войсками 10-й армии.

В 1942 году перед Западным фронтом была поставлена задача: проведение последовательно подготовленных частных наступательных операций, не допустить переброски немецких войск на южные направления под Сталинградом. Начиная с июля, 5-й ОГМД принимал непосредственные участие в вышеуказанных операциях (вначале в полосе 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского, на её правом фланге).

Несмотря на тщательную подготовку, мощный огонь артиллерии, в том числе и реактивной, эта операция успеха не имела. Аналогичное повторилось при попытке наступать на левом фланге Западного фронта в районе города Белева, в полосе 61-й армии генерала П.А Белова.

В августе наш дивизион совершил 300 км марш из района Белева в город Гжатск (ныне Гагарин) и поступил в распоряжение 33-й армии.

Осенью 1942 года в боях под Ржевом мне запомнились города: Зубцов, Сычевка, Погорелое Городище и, конечно же, Ржев, за освобождение которых шли жестокие кровопролитные бои. Приходилось действовать в трудных условиях осенней распутицы. Сопротивление врага было упорным, отчаянным. Продвижение наших войск было незначительным. Несмотря на скромные тактические успехи, бои под Ржевом и операции на других более стабильных участках советско-германского фронта, выполнили свою главную задачу – сковать здесь как можно больше немецких войск и тем самым оказать существенную помощь нашим армиям, сражавшимся под Сталинградом.

После выполнения боевых задач в полосе двух смежных армий Западного и Калининского фронтов, в районе Рокева, наш 5-й ОГМД был выведен в резерв ставки ВГК (Верховного Главнокомандования). В конце декабря 1942 года я был вызван в штаб гвардейских минометных частей Красной Армии, где на базе 5-й ОГМД в одной из средних школ города Москвы в Сокольниках был сформирован 323-й гвардейский минометный полк. Я был назначен начальником штаба полка. Командир полка майор Л.Ф. Артеменко прибыл позже из-под Сталинграда, где он был начальником штаба 57-го ГМП.

В конце января 1943 года своим ходом полк выступил на Брянский фронт, где в составе 13-й армии принимал участие в Воронежско-Касторнинской наступательной операции. Здесь

для меня началась новая штабная работа, а привык я к командирской (командир взвода, батареи, дивизиона), и этот ценный опыт командирской работы мне пригодился в дальнейшем.

В течение февраля полк поддерживал залповым огнем части и соединения 13-й армии. Но успехи наступлений этой армии были незначительными. Вскоре на фронте наступило относительное затишье. Войска перешли к обороне. Строились и создавались инженерные сооружения и заграждения. Обобщали опыт предыдущих боев. Готовились к новым испытаниям и гвардейцы-минометчики. Наш 323-й ГМП был выведен в резерв командующим войсками Центрального фронта в район города Фатеж.

В результате зимнего наступления 1943 года был образован Курский выступ, далеко вклинившийся в расположение противника. Из-за недостатка сил и усилившегося сопротивления противника продолжать наступление советских войск не представлялось возможным.

Немецкое командование на лето 1943 года разработало стратегический план «Цитадель», согласно которому предполагалось срезать Курскую дугу.

5 июля 1943 года была предпринята последняя попытка немцев овладеть стратегической инициативой на советско-германском фронте. Мощный упреждающий артиллерийский удар Центрального фронта ночью 5-го июля по артиллерии и изготовившимся к наступлению фашистским танкам и мотопехоте потряс боевые порядки врага. Но, невзирая на тяжелые потери, немцы все же начали наступление. Началась знаменитая Курская битва.

Как отмечалось, 323-й ГМП, где я был начальником штаба, до начала боев некоторое время находился в резерве. Командир полка Артюшенко был серьезно болен. И мне пришлось исполнять его обязанности. В разгар Курской битвы полк по распоряжению командующего артиллерией Центрального фронта был передислоцирован в район боевых действий у Поныреи, в полосу обороны 13-й армии генерал-лейтенанта Пухова. Полк стал поддерживать части 6-й и 307-й дивизий, действуя вдоль фронта под ударами авиации противника и его артиллерии. За эти дни полк способствовал этим дивизиям отразить 13 немецких атак. 11 июля возникла угроза

обороняющимся войскам 48-й армии под Мало-Архангельском, туда сразу же был переброшен полк. При поддержке артиллерии и нашего полка и здесь наступление фашистов было остановлено.

С 8 по 13 июля 1943 г. дивизионами 323-го ГМП было произведено около 30 залпов. В результате противник потерял убитыми сотни солдат и офицеров. Было подбито около двух десятков танков, 30 бронемашин.

С 12 июля 1943 г. без оперативной паузы войска Центрального и Брянского фронтов, действующие под Курском, переходят в контрнаступления.

Наш 323-й ГМП в начале наступления действовал в полосе 70-й армии. Своим точным и мобильным огнем полк способствовал частям армии в овладении городом Дмитреев-Орловский. С 26 августа полк в районе Севска поддерживал действия 69-й СД полковника Кузовкова, входившей в состав 65-й армии генерала П.И. Батова. В этих боях он уничтожил до батальона пехоты, подавил несколько батарей противника. Город Севск так памятен мне! Ведь в сентябре 1941 г. в этом районе наша батарея произвела свой первый залп по немецко-фашистским захватчикам! 15 сентября 1943 г. наши войска овладели городом Середино-Буда, хутором Михайловским и вышли на территорию Украины. 26 сентября войска 13-й армии, которые поддерживал полк, форсировали Днепр, овладев на правом его берегу плацдармом.

Приказом командующего 70-й армией я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, незадолго до этого учрежденным Президиумом Верховного Совета СССР.

1 сентября 1943 г., выполнив поставленные задачи, 323-й ГМП был передан из Центрального фронта вместе с 13-й армией, действовавшей под Орлом, в состав 1-го Украинского фронта.

В октябре 1943 г. с должности заместителя командира 323-го ГМП я был назначен старшим инспектором опергруппы ГМЧ Белорусского фронта, так стал именоваться Центральный фронт. В этой должности я прослужил до мая 1944 г.

1944 - год знаменитых 10-ти стратегических ударов, как их называли еще, Сталинских. Одной из крупнейших стратегических наступательных операций Красной Армии во

время Великой Отечественной войны являлась Белорусская операция (кодовое название «Багратион»).

Судьба распорядилась так, что я стал непосредственным участником успешных сражений за освобождение Белоруссии. Май 1944 г. - памятная дата для меня. Со штабной работы я был переведен на командирскую должность. Уже в звании подполковника мне была доверена должность заместителя командира 311-го ГМП, которому предстояло действовать в составе данной группировки.

В начале июня 1944 г. полк передислоцировался по железной дороге на правый фланг 1-го Белорусского фронта, готовившегося к наступательной операции в Белоруссии. Мне довелось участвовать в проработке замысла боевых действий в 5-й армии, действовавшей на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта, организации взаимодействия ее стрелковых, танковых, кавалерийских соединений, с приданной им артиллерией и авиацией.

Была проведена военная игра на специально оборудованном макете рельефа местности. Она проводилась командующим фронтом генералом армии К.К. Рокоссовским под руководством представителя ставки Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Наш 311-й ГМП был подчинен командующему 65-й армии генерал-лейтенанту П.И. Батову. В прорыв в полосе армии предполагалось ввести 1-й Гвардейский Донской танковый корпус генерала Панова и кавалерийский корпус генерала Плиева.

24 июня 1944 года в 7 часов утра мощный залп гвардейских минометов и огонь артиллерии возвестил о начале одной из крупнейших наступательных операций в ВОВ. В период более чем 2-х часовой артподготовки залпы дивизионов РС были разной интенсивности. Самыми мощными были первые и последние залпы. Это был новый способ в планировании огня ГМЧ. В период артподготовки огонь реактивной артиллерии по сигналу пехоты переносился по цели, где оказывалось сильное сопротивление противника. При этом следует отметить, что командиры гвардейских минометных частей и подразделений следовали вместе с командирами стрелковых и танковых частей. Прорвав оборону, наши войска устремились вперед. В прорыв введены танковый и кавалерийские корпуса. В этих

боях личный состав 311-го гвардейского минометного полка сражался героически. Поэтому многие из тех гвардейцев-минометчиков, кто получил в 1-й же день ранения, оставались в строю. Так, тяжело раненый начальник разведки 2-го дивизиона лейтенант Терешко не оставил своего наблюдательного пункта и продолжал корректировать огонь дивизиона по контратакующим цепям противника. Телефонист Ерофеев, раненый осколком снаряда в руку, продолжал выполнять свои обязанности по обеспечению связи командования с боевыми расчетами. Командир 2-го дивизиона капитан М.Т. Рякимов, будучи контуженным, продолжал, тем не менее, управлять огнем дивизиона, показывая пример своим подчиненным.

В первый же день наступления войска 65-й армии прорвали оборону противника на глубину 5-10 километров, а 1-й гвардейский танковый корпус, введенный в прорыв в полосе 65-й армии, продвинулся на 20 километров. Развивая наступление, его бригады в ночь на 27 июня удачным маневром перерезали дороги, идущие от Бобруйска на запад и северо-запад. К этому времени 9-й танковый корпус, введенный в сражение в полосе 3-й армии, вырвался вперед и стал обходить Бобруйск с севера, 27 июня соединился с 1-м гвардейским танковым корпусом. Окружение сорокатысячной группировки противника в районе юго-восточнее Бобруйска было завершено 29 июня, Бобруйск был освобожден. Только одному пятитысячному отряду противника удалось прорваться из окружения в северо-западном направлении. Последний стремился выйти на Осиповичи, овладеть аэродромом в районе города, и таким образом обеспечить посадку своих самолетов для вывода живой силы из окружения.

Удержание Осиповичей до подхода главных сил было возложено на 69-ю стрелковую дивизию, усиленную 311-м ГМП и четырьмя батареями 297-го гвардейского зенитного артиллерийского полка. С 29-го июня в течение 39 часов противник непрерывно атаковал позиции дивизии и когда командира инженер-полковника Меркулова вызвали к командующему артиллерией армии, я замещал его, находясь на наблюдательном пункте. Обстановка с каждым часом все более обострялась. Полки пехоты немцев устремились к городу.

Необходимо было немедленно дать залп по атакующему противнику и сорвать его атаку. По радио я связался с

находившимся на огневой позиции гвардии старшим лейтенантом Галициным и приказал приготовиться к открытию огня. Передал координаты цели. В ответ слышу голос радиста, который доложил мне о готовности открыть огонь. Я еще раз повторил задачу дивизиону, уточнил координаты и дал команду «огонь».

Залп дивизиона точно накрыл цель. Атаки противника были сорваны. На поле боя осталось много трупов. Командир дивизии поблагодарил нас за успешно выполненную боевую задачу.

Многочисленными примерами верного служения Родине были отмечены действия личного состава полка. Начали поступать доклады от дивизионов о том, что на их огневые позиции начали просачиваться отдельные подразделения и группы прорвавшейся из-под Бобруйска окруженной группировки, двигавшейся на Осиповичи. Начальник штаба 1-го дивизиона гвардии старший лейтенант Галицин, доложив мне о создавшейся на огневых позициях обстановке, спросил, как действовать дивизиону. Я ему ответил, чтобы он поступал в соответствии с обстоятельствами и был готов отразить атаки противника с любого направления. Разговаривая по радио, я увидел, как в направлении нашего наблюдательного пункта полка двинулась большая группа фашистов. А нас там было человек десять. Я поставил каждому из них конкретную задачу по отражению атаки и руководил завязавшимся боем. Самоотверженно действовали при этом офицер разведки полка старший лейтенант С.В. Зубарев, а также командир отделения разведки Шерстюков, который лично уничтожил 6 и взял в плен 13 гитлеровцев. Жаркие бои, доходившие зачастую до рукопашных схваток, шли и на огневых позициях дивизионов.

Большую роль в этом бою сыграли спаренные зенитные пулеметы, которые имели большую скорострельность. Они были на вооружении во всех дивизионах полка. Применив их, гвардейцы надежно прикрыли боевые установки и нанесли противнику большие потери.

Геройски сражался и умело руководил боем, прибывший в это время на огневые позиции, командир 1-го дивизиона Ю. Веретельников. В этих боях он был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

Очень много было неожиданных ситуаций во время боевых действий при освобождении Белоруссии. 10 июля в результате внезапного удара танкистов генерала М.Ф. Панова и кавалеристов генерала И.А. Панева был освобожден г. Слоним.

Противник нанес сильный контрудар, в ходе которого завязался жестокий бой. На помощь конникам подошли гвардейцы 3-го дивизиона нашего полка под командованием майора Г.А. Ткача. Я лично помог ему организовать взаимодействие и спланировать огонь.

В невероятно трудных условиях: под непрерывным обстрелом артиллерии и минометов противника, под бомбежкой его авиации, дивизион, преодолев многочисленные заграждения и завалы на дорогах, совершил марш и произвел несколько залпов. Благодаря этому огню противник понес значительные потери, чем воспользовались танкисты и кавалеристы и остановили контратакующего противника. К этому времени подошли главные силы 65-й армии, и преследование было возобновлено.

В начале октября 1944 г. меня вызвал в штаб 1-го Белорусского фронта командующий артиллерией генерал В. И. Казаков, представил командующему фронтом генералу К.К. Рокоссовскому. Расспросив о службе до войны, участии в боевых действиях на фронте, он одобрил мое назначение командиром 311-го ГМП. Дал ряд рекомендаций и советов.

Первая половина октября 1944 г. прошла в непрерывных боях за удержание и расширение захваченного плацдарма на реке Нарев, в которых участвовал полк, поддерживая боевые действия частей 65-й армии.

Утром 4 октября 400 орудий и 80 реактивных минометных установок противника ударили по нашим войскам. Это были первые серьезные испытания, выпавшие на мою долю в должности командира полка. Первые залпы по атакующим были произведены дивизионами полка с заранее подготовленных огневых позиций. Наблюдательные пункты дивизионов, находившиеся на плацдарме, приходилось часто менять ввиду их уязвимости. В этих боях наши разведчики действовали геройски. Разведчик 3-го дивизиона ефрейтор Минаев, находясь на наблюдательном пункте вместе с пехотой, будучи раненым, передал важные данные о сосредоточении танков противника. Офицеры разведки лейтенант Носиков и ст.

лейтенант Теремко, также находясь в боевых порядках пехоты на плацдарме, проявили храбрость и стойкость.

Как показал опыт боевых действий, эти реактивные минометы по своей боевой мощи и маневренности ни в какое сравнение не могли идти с нашими «катюшами» во время отражения танков противника. Не только на НП, но и на огневых позициях храбро и мужественно действовали наши воины. Командир огневого взвода старший лейтенант Парфенов, шофер БМ красноармеец Савинков при обстреле артиллерией противника огневых позиций 1-го дивизиона были ранены, но не покинули своих боевых постов, пока не был произведен залп по атаковавшему противнику.

Особенно ожесточенные бои велись 5 и 6 октября. Для производства залпов дивизиона с основных огневых позиций перемещались на запасные огневые позиции. Управление огневыми позициями также перемещалось на запасные. Управление огнем дивизиона было сосредоточено в руках командира полка.

За форсирование р. Нарев и удержание плацдарма на ее западном берегу 10 военнослужащих полка были награждены орденами. Я тогда был награжден орденом Красного Знамени. Многие воины были отмечены медалями.

Начало 1945 г. ознаменовалось осуществлением двух последовательных операций: Висло-Одерской и Берлинской на Варшавско-Берлинском направлении, в которых активное участие принимал наш 311-й ГМП. К 5 января он из резерва 1-го Белорусского фронта поступил в оперативное подчинение командующего 8-й гвардейской армии. Нам была оказана высокая честь сражаться на заключительном этапе войны вместе с воинами легендарной 62-й армии, прославившейся под Сталинградом.

Получив боевую задачу, подразделения гвардейского полка заняли боевые порядки на небольшом по размеру Магнушевском плацдарме. Постоянно подвергались ударам авиации и огневым налетам артиллерии с противоположного берега Вислы.

После тщательной всесторонней подготовки 14 января войска армии перешли в наступление. За три дня напряженных боев отчаянное сопротивление противника было сломлено. Органы разведки и огневые подразделения полка следовали

непосредственно в боевых порядках наступающих войск. Залповым огнем уничтожались огневые средства обороняющихся.

Большое мастерство в этих боях проявили батареи 3-го дивизиона под командованием майора В.В. Казидкова. Подойдя к реке Пилица, последнему рубежу тактической обороны противника, они, ночными залпами подавив сопротивление немцев, обеспечили нашей пехоте возможность с ходу форсировать реку. 19 января части армии овладели г. Лодзь и ускоренными темпами продвигались вглубь обороны противника. Поддерживая огнем наступающие части стрелковых дивизий, дивизионы полка продвигались по 40-50 км, в сутки. Это осложняло снабжение полка всем необходимым для боевых действий. Но предусмотрительность штаба и служебного тыла полка, настойчивость их начальников майоров М.Т. Рякимова и А.И. Родина позволило своевременно и в достаточном количестве обеспечить огневые батареи боеприпасами, горюче-смазочными материалами и продовольствием.

К 22 января 1945 г. войска 8-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника В.И. Чуйкова вышли к познаньскому оборонительному рубежу и на следующий день попытались с ходу ворваться в Познань, но были остановлены. К исходу 25 января познаньская группировка была окружена. В окружении оказалось свыше 60 тысяч фашистских солдат и офицеров. Это была третья операция по ликвидации окруженных вражеских войск, в которой участвовал 311-й ГМП (первая была в Сталинграде, вторая - в Бобруйске и теперь третья - в Познани). Здесь приходилось действовать против противника, укрывшегося в помещениях оборонительных сооружений. Вокруг города на удалении 3-6 км, было создано два обвода (внешний и внутренний). Наиболее крупным опорным пунктом в городе была Цитадель. В боях за Познань участвовали 1-й и 3-й дивизионы полка, которыми командовал капитан С. В. Зубарев и майор В. В. Казаков. Они поддерживали части 29-го гвардейского стрелкового корпуса (командир - генерал-майор А. Д. Шеменков). Особенностью боевых действий полка здесь являлось то, что ему пришлось поддерживать при бое в городе штурмовые отряды. Поэтому приходилось вести огонь, как правило, отдаленными

пусковыми установками. Иногда прибегали к методическому огню батареи. Нередко приходилось выводить батареи для стрельбы прямой наводкой.

Подойдя к Познани, наши части в течение месяца вели упорные бои с осажденным в крепости гарнизоном. Только 23 февраля в день годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота наши войска принудили гарнизон немцев в Познани к капитуляции.

В приказе Верховного Главнокомандующего среди отличившихся воинов отмечены были и артиллеристы полка под командованием подполковника И.Н. Анашкина. Такой же чести наш полк был удостоен раньше, 31 января, когда высокую оценку получили наши действия, связанные с вступлением советских войск на территорию Германии, в частности на землю Бранденбург.

Призыв «Даёшь Берлин» был на устах всех воинов. В первых числах февраля вместе с гостями 4-го СК на Одер вышел 2-й дивизион майора В. Денисова. 2 февраля разведчик этого дивизиона сержант С. Гаврилин, находясь вместе с командиром дивизиона на КП командира 71-й, первым заметил, как группа немцев, вышедшая из леса, начала обстреливать командный пункт. Гаврилин, презирая смерть, прикрыл своим телом командира дивизии генерал-майора Вагина и погиб как герой.

Крайне напряженные, кровопролитные бои шли в течение февраля-марта 1945 г. за удержание и расширение плацдарма на западном берегу р. Одер. В то же время началась интенсивная подготовка к наступлению на Берлин, выбор и оборудование огневых позиций, наблюдательных пунктов. Подвоз максимальных средств был крайне затруднен характером местности, она была совершенно открытой и ровной, поэтому в целях маскировки пришлось все делать ночью, по строго разработанному графику. На наблюдательных пунктах было установлено круглосуточное дежурство офицеров.

В первых числах апреля состоялось совещание у командующего 8-й Гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова. Здесь были поставлены задачи и отработано взаимодействие между родами войск в предстоящей Берлинской операции. 14 апреля во всех частях на наблюдательных пунктах и огневых позициях был зачитан приказ командующего 1-м Белорусским

фронтом Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Отдельные слова навечно остались в памяти: «Берлин перед вами, задача – взять его».

16 апреля все в ожидании. Уже четыре часа, пятый. Мощные залпы нескольких тысяч орудий боевых машин реактивной артиллерии возвестили о начале последнего штурма. Началось решительное сражение за победное окончание войны. Оборона противника дрогнула, но не была взломана полностью. Вновь огонь артиллерии, удары авиации, залпы дивизионов нашего полка и других полков и бригад по узлам сопротивления, прикрывающим подступы к Зееловским высотам. Пехота и танки достигли второго оборонительного рубежа, но отчаянное сопротивление противника продолжалось до конца следующего дня. У наших воинов было одно на уме – только вперед. Боевая деятельность 311-го ГМП была очень напряженной.

Слаженно трудились огневые расчеты. Несколько раз на виду у противника под грохот разрывов вражеских снарядов, мин, бомб они меняли свои позиции. Наши войска при поддержке ГМЧ форсировали р. Флисса. Четыре батарейных залпа полка, огонь десятков артиллерийских минометных батарей во многом помогли гостям гвардейской армии овладеть важным железнодорожным узлом Донсдорф. Затем на нашем пути оказался Мюнхенбергский гарнизон, и он был разгромлен. Но вот перед нами и сам Берлин. Стремление первыми произвести залп по логову фашистского зверя – законное желание, считанные минуты и в штабе первого дивизиона подготовлены данные для стрельбы по цели, «Огонь по Берлину», - последовала команда. В это время три вражеских снаряда разрываются на огневой позиции одной из батарей. Но это не остановило гвардейцев. Зашипели и полетели реактивные снаряда в район юго-западнее озера Кессель.

Наши войска форсировали канал Кально-Зея и подошли к реке Шпрее. Этому во многом способствовал незабываемый мощный «звездный» ночной налет нашей авиации на столицу «Рейха» с 20 по 21 апреля. В Берлине начались жестокие уличные бои. Немало трудностей пришлось испытать и воинам полка ОП и НП (огневые позиции и наблюдательные пункты). Они совершенно неожиданно подвергались огневым налетам и нападениям автоматчиков и диверсионных групп. 25 апреля 2-й

дивизион менял огневые позиции и был обстрелян большой группой автоматчиков. В это же время нападению подвергся НП третьего дивизиона. Был убит один и ранено 4 человека. Оставшись один, начальник разведки лейтенант Сомов под сильным огнем продолжал вести разведку, передавая ценные данные командиру дивизиона майору В.В. Казакову.

Сопротивление противника не прекращалось. Особенно яростные бои проходили с 26 по 30 апреля 1945 года в районах аэропорта Темпельхоф, городского района Шарлотенбург, Потсдамского вокзала и парка Тиргартен.

Сжималось кольцо окружения вокруг врага. 30 апреля на КП полка прибыли командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал В.И. Казаков и командиры 3-го, 4-го, 6-го артиллерийских корпусов прорыва генералы В.И. Лихачев, Н.В. Игнатов, Рыжанович. Вместе с ними приехала группа кинооператоров, которая 1 мая сняла последний залп знаменитых «катюш», произведенный по парку Тиргартен. Это был риторический залп. Среди других залпов, которые мы часто наблюдаем, на наших экранах демонстрируется военная кинохроника, он запоминается, как символ победы нашей армии и нашей славной артиллерии.

Завершился ратный боевой путь гвардейцев минометчиков 311-го гвардейского полка в Великой Отечественной войне.

На гвардейском знамени полка засияли 4 ордена: Красного Знамени, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского. Кроме того, ему присвоено 2 почетных наименования – Бобруйского и Берлинского. Образцовое выполнение полком заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками отмечалось ни раз в приказах Верховного Главнокомандующего за овладение городом Бобруйск, за прорыв обороны врага южнее Варшавы, за овладение городом и крепостью Познань, за вступление в провинцию Бранденбург, за овладение городом Гюзен, за взятие Берлина.

Родина высоко оценила боевые дела гвардейцев-минометчиков полка. Более 300 солдат, сержантов и офицеров было награждено орденами и 700 человек медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» (январь-март 1945 г). Я был награжден орденом Суворова 3 степени, и в Берлинской операции – орденом Ленина (апрель – май).

Но не всем было суждено встретить долгожданный День Победы. Десятки офицеров, сержантов и солдат полка пали на полях жестокой войны, мужественно отстаивая правое дело. Слава и память погибшим товарищам, воинам-гвардейцам прославленного полка тем, кто после окончания Военной академии имени Фрунзе освобождал города в годы войны:

- город Дмитриев-Льговский в июле 1943 г. в Курской битве в составе Центрального фронта под командованием генерала армии К.И. Рокоссовского в должности начальника штаба 323-го гвардейского минометного полка. Полк поддерживал залповым огнем части и соединения 70-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Попов.

- город Чернигов в сентябре 1943 г. в составе Центрального фронта под командованием генерала армии Рокоссовского, в должности заместителя командира 323-го ГМП. Полк поддерживал огнем части и соединения 19-ой армии, которой командовал генерал-лейтенант Пухов.

- города Осиповичи, Слоним, Барановичи в июле – августе 1944 г. в составе 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии К.И. Рокоссовского в должности заместителя командира 311-го гвардейского минометного полка. Полк поддерживал залповым огнем части и соединения 65-ой армии под командованием генерала-лейтенанта П.И. Божова.

- город Варшаву в январе 1945г. в составе 1-го Белорусского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза К.И. Рокоссовский в должности командира 311-го гвардейского минометного полка. Полк поддерживал огнем части и соединения 8-ой гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник В.И. Чуйков.

Военные боевые действия я закончил в городе Берлине 8 мая 1945 г. командиром 311-го гвардейского минометного полка в звании подполковника на 1-м Белорусском фронте, которым командовал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Полк поддерживал огнем части и соединения 8-ой гвардейской армии под командованием генерал-полковника В.И. Чуйкова.

После войны окончил Ленинградскую высшую офицерскую школу и получил назначение в Рязанское Артиллерийское училище на должность командира дивизиона.

После окончания военной академии им. Фрунзе в 1955 году в течение двух лет командовал гвардейской минометной

бригадой в Киевском военном округе. В 1959-1961 годах был заместителем начальника Рязанского артиллерийского училища.

С 1961 по 1963 г. командовал артиллерийской дивизией в Прикарпатском военном округе. С 1964 по 1983 г. в Центральном аппарате Министерства обороны СССР, заместитель командующего ракетными войсками и артиллерией. С 1980 по 1982 находился в Афганистане, где принимал участие в руководстве боевыми действиями артиллерии Советской Армии и Вооруженных сил ДРА. После увольнения из армии по выслуге лет – работал в Московском НИИ педиатрии и детской хирургии Минздрава России, где был на должности начальника штаба по Гражданской обороне до 2002 года.

С 1997 года являюсь председателем Объединенного Совета ветеранов ГМЧ и артиллерии и РВГК Московского комитета ветеранов войны.

Член клубов орденов Суворова и Кутузова, Александра Невского, при Московском доме ветеранов войны и Вооруженных Сил и клуба ордена Красного Знамени при Московском комитете ветеранов войны.

Почетный гражданин города Познани (Польша), г. Звенигорода и пос. Коринское Московской области.

Демобилизовался в 1985 году по выслуге лет.

В декабре 1985 г. Президиумом Верховного Совета СССР награжден грамотой и знаком воина-интернационалиста.

В декабре 2002 года мне вручен диплом международного фонда «Суворов». В 1999 году Московской городской Думой награжден почетной грамотой и знаком Думы, в 2002 году высшим Советом форума - «Общественное признание» – дипломом и знаком форума.

В годы войны в 1943 г. под Ленинградом погиб отец Николай Трофимович Анашкин. Два брата Юрий и Константин получили тяжелые ранения на войне.

Награды:

1. орден Ленина (№92160, Указ Президиума Верховного совета СССР от 31 мая 1945 г., вручен Командующим артиллерии группы войск в Германии в июне 1945 г.);

2. орден Красного Знамени (№ 28273, приказ командующего западным фронтом, январь 1942г, вручен Командующим войсками 16 армии май 1942 г.);
3. орден Красного Знамени (№ 90833, приказ командующего войсками 1-го Белорусского фронта январь 1944 г., вручен Командующим войсками 65-й армии ноябрь 1944 г.);
4. орден Красного Знамени (№141158, Указ Президиума Верховного Союза СССР октябрь 1956 г., вручен Командующим войсками Киевского военного округа ноябрь 1956 г.);
5. орден Красного Знамени (№551193, Указ Президиума Верховного Союза СССР январь 1981 г, вручен Первым заместителем министра обороны май 1981 г.);
6. орден Трудового Красного Знамени (№758111, Указ Президиума Верховного Союза СССР, вручил Командующий Ракетных войск и артиллерии Сов. Армии);
7. орден Суворова 3 ст. (№2905, Приказ Командующего войсками 1-го Белорусского фронта январь 1945г., вручен Командующим 8-й гвардейской армии);
8. орден Александра Невского (№8888, Приказ командующего войсками 1-го Белорусского фронта июль 1944 г., вручил командир 311-го гвардейского минометного полка август 1944 г.);
9. орден Отечественной войны 1-й ст. (№90833, Приказ командующего войсками 70-й армии Центрального фронта август 1943 г., вручил начальник сапергруппы ГМЧ 1-го Белорусского фронта);
10. орден Отечественной войны 1ст. (№1463293, Указ Президиума Верховного Союза СССР 11 марта 1958 г., вручил Председатель Московского Совета май 1985 г.);
11. орден Красной Звезды (№3026895, Указ Президиума Верховного Союза СССР октябрь 1951 г., вручил Начальник Рязанского артиллерийского училища);
12. орден Красной Звезды (№3523325, Указ Президиума Верховного Союза СССР, вручил Командующий ракетными войсками);
13. орден Красной Звезды (№3733532, Указ Президиума Верховного Союза СССР сентябрь 1981 г., вручил Первый заместитель министра СССР ноябрь 1981 г.);

14. орден Почета (№12276, Указ Президента РФ от 25 апреля 1995 г., вручил Председатель Московского комитета ветеранов войны май 1995г.);
15. медаль «За боевые заслуги» (№3188573, Указ Председателя Верховного Совета СССР акт. 1946 г., вручил Командующий войсками 3-й армии группы войск в Германии ноябрь 1946 г.).

Список моих трудов:

1. статья в журнале «Военный вестник» («Поражение взводных опорных пунктов»), 1972, №5;
2. статья в журнале «Военный вестник» («Экзамены на зрелость: К итогам Всеармейских артиллерийско-стрелковых состязаний командиров батарей наземной артиллерии»), 1972, №11;
3. статья в журнале «Военный вестник» («Методика контрольных занятий»), 1973, №11;
4. статья в журнале «Военный вестник» («Методический арсенал командира батареи») (перепечатана в журнале Венгерской народной армии), 1974, №11;
5. статья в газете «Красная звезда» («Залпы Катюш»), 16 июля 1975 г.
6. статья в журнале «Военный вестник» («За комплексное решение проблемы»), 1976, №10;
7. статья в журнале «Военный вестник» («Совершенствовать тактическое мышление офицеров артиллеристов»), 1977, №8
8. монография «Тренировочные и имитационные средства наземной артиллерии», М.: Воениздат, 1977;
9. статья в журнале «Огонек» («Щит Родины»), 1978, ноябрь;
10. статья в журнале «Военный вестник» («Руководить конкретно, со знанием дела»), 1979, №4;
11. статья в журнале «Военный вестник» («Командир батареи в бою»), 1981, №11;
12. монография «Справочник сержанта артиллерии», 1981.;
13. статья в сборнике воспоминаний ветеранов гвардейских минометных частей «Вышли на фронт Катюши» («Подмосковная крепость»), М.: Московский рабочий, 1982;

14. статья в сборнике воспоминаний ветеранов гвардейских минометных частей «Вышли на фронт Катюши» («За Одером»), М.: Московский рабочий, 1982;

15. статья в журнале «Военный вестник» («С открытой огневой позиции на большие дальности»), 1982, №11;

16. рекомендации офицерам и генералам Управления боевой подготовки по работе в войсках, М., 1982;

17. монография «Гвардейским минометным - 60», Москва, 2001;

18. очерк о работе Объединенного совета ветеранов ГМЧ и артиллерии РВГК за период 1972-2003 гг., Москва, 2003;

19. доклад «Новое в способах применения артиллерии в Курской битве» (Материалы военно-научной конференции Главкомата Сухопутных войск), М.:ОВА, 2003;

20. доклад «Боевое применение артиллерии в Курской битве» (Материалы научной конференции), М., 2003.

Боев
Иван
Митрофанович

Стрелять из пулемёта и одновременно обеспечивать связь

В Красную Армию попал в апреле 1943 года. В действующей армии с марта 1944 года.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За Отвагу», «За боевые Заслуги», «За победу над Германией 1941-1945 г.», «За воинскую доблесть» и др. Всего 23 медали.

Родился 11 октября 1926 года в деревне Курской Старо-Оскольского района Белгородской области. Отец ушел на фронт, как только началась война, мать с четырьмя детьми осталась одна. В 1941 году окончил семь классов, четыре - в своей деревне, а последние три – в соседней деревне за 7 километров.

Нас, ребят, не достигших призывного возраста, послали рыть окопы и вывозить эвакуированных из соседнего Мантуровского района. Месяцами не приезжали домой, выполняли работы по устройству оборонительных сооружений или эвакуации населения в тыл страны. Только приедешь из одной командировки, отправляют в другую. Дают пару лошадей с повозкой – и едешь вывозить людей.

В конце сентября 1942 года через нашу деревню проходил фронт. В один из дней на нашу деревню налетели немецкие бомбардировщики. И стали бомбить вдоль и поперек.

В деревне наших войск не было, по всей видимости, немецкие лётчики имели данные, что в нашей деревне дислоцируются танковые части, которые замаскированы в домашних строениях. Потому что они сбрасывали бомбы на наши хаты и домашние постройки.

Наша семья находилась в огороде, где мы вырыли окопы. А немецкие бомбардировщики так опускались низко, что были видны в кабинах лётчики. Мы всей семьёй прижались друг к другу, сидя в окопе, а бомбы летели с таким свистом, что страшно становилось сидеть, земля ходила ходуном. Женщины и дети кричат и плачут. Когда самолёты пролетели, начинаем выглядывать из окопа. Смотришь: то одного, то другого дома нет. Некоторые семьи не прятались в окопах, и их в своих домах накрывала бомба, они погибли. В наше домашнее хозяйство бомба попала во двор. Были разрушены домашние постройки, дом, убита корова, телёнок, поросёнок и т. д.

А мы, безоружные, беспомощные, ничего не могли сделать этим самолётам. После, когда улетели немецкие самолёты, мы вылезли из укрытия. Мать и четверо детей стоим и плачем, глядя на разбитое домашнее хозяйство. Это я запомнил на всю жизнь. Даже в последующих боях такого страха я не испытывал.

Вскоре наша деревня была оккупирована немецкими войсками. В первые месяцы было трудно. Началась расправа над коммунистами. Предателей, которые выдавали коммунистов, также настигала кара от патриотов. Нас, пятнадцатилетних ребят, полицейские гоняли на уборку урожая. Мне дядя Макар сделал небольшой крюк (это коса с ручкой) и устройство для сбора в валки стеблей ржи, и я ходил косить рожь вместе со взрослыми. Мою старшую сестру Анастасию-комсомолку угнали на принудительные работы в Германию. Она вернулась домой после войны в 1945 году, когда их освободили американские войска.

Мне пришлось уехать из деревни и скрываться у тёти в г. Старый Оскол.

В начале 1943 года наша деревня была освобождена от немецких оккупантов, и я вернулся на родину. Назревала

Курская дуга (сражение), наши войска чуть отступили, и, чтобы немцы не угнали молодых людей в Германию, военкомат объявил мобилизацию.

Так, 28 апреля 1943 года, в шестнадцать с половиной лет я стал солдатом и был направлен на учёбу в военную школу младших радиоспециалистов танковых экипажей. После окончания школы нас отправили в лагерь Горьковской области, где формировались экипажи для танков. Экипаж состоял из четырёх человек. Командир танка - офицер, механик-водитель, заряжающий и я – пулемётчик-радист.

В январе 1944 года мы получили танки Т-80 на Сормовском заводе города Горький. Танки Т-80 были командирские, на них была установлена более мощная радиостанция РСБ-112, пушки 82-мм и передняя стенка брони была толще. Затем наш экипаж с танком направили на пополнение в 3-й Гвардейский Сталинградский механизированный корпус. По прибытии в корпус наш экипаж пересадили на танк Т-34, а наш Т-80 передали экипажу танка командира корпуса.

В мае-июне 1944 г. началась операция «Багратион» по освобождению Беларуси от немецких захватчиков.

23 июня 1944 года наш 3-й гвардейский мехкорпус с рубежа реки Лучеса вошёл в прорыв с задачей как можно быстрее продвигаться в глубину вражеского тыла. Так, обогнав наступающие стрелковые части 3-го Белорусского фронта и преодолев с боями по тылам противника свыше 300 километров к исходу 4 июля мы вышли к границе с Литвой, а дальше двинулись на штурм литовской столицы - города Вильнюса. Эти были до предела насыщенные боями, с отходящими группировками и подходящими резервами противника, за овладение узлами дорог и переправами через многочисленные водные преграды. События развивались очень быстро, что-то запомнилось, но многое покрыто более существенными моментами фронтовых будней. Время было горячее и тревожное.

С утра 24 июня мы приступили к решительным действиям по тылам противника.

Дорога пролегала по болотистым и лесным местам, но это вовсе не спасало нас от ударов вражеской авиации. Вражеская авиация, на которую гитлеровское командование возлагало надежды, как ударную силу по борьбе с ворвавшимися в тыл

нашими подвижными войсками, изрядно досаждала. От её ударов мы несли больше потерь, чем от стычки с врагом на земле. Это вынуждало нас совершать манёвры и передвижения лишь в тёмное время суток. Мы спешили, не оставляя времени на отдых и питание. Недосып возмещали дремотой при первой на то возможности, питались сухим пайком. Пользование огнём и куренье долгое время вообще запрещалось. Танки двигались с затемнёнными фарами.

Для корректировки действий в движении я постоянно обеспечивал радиосвязь с другими танками и вышестоящим командованием. Чтобы себя не обнаружить, радиостанция была включена на приём и только по чрезвычайной ситуации (обнаружение противника и т.п.), было разрешено передавать обстановку. Противник следил за нашим продвижением не только с воздуха, но и за нашими разговорами по радио. Я их передачи определял по специфическому шуму их радиостанции и их интонации разговора.

Особенно было сложно при встрече с противником, когда надо было идти в атаку, стрелять из пулемёта и одновременно обеспечивать связь. А таких моментов было много.

При обнаружении небольших групп противника из орудия мы не стреляли - берегли снаряды. Такие группы мы уничтожали огнём из пулемётов. Поэтому кроме обеспечения радиосвязи, я постоянно принимал участие в ликвидации крупных и мелких группировок противника.

Например, в один из дней мы вступили в серьёзную схватку с отходящей по большаку Санно-Липель группой противника, в составе которой были пехота, танки и артиллерия. Для уничтожения танков и артиллерии пришлось применить орудия танков Т-34. Пехота была уничтожена из пулемётов.

Подобные схватки с врагом были постоянным явлением на всём протяжении нашего наступления в Белорусской операции. Враг яростно сопротивлялся, используя малейшую возможность остановить или придержать наше продвижение.

По пути нам приходилось громить, так называемые, лесные крепости – это дерево-земляные фортификационные сооружения, которые немцы строили для разрушения гарнизонов партизан. Эти крепости они начиняли всевозможными взрывными сюрпризами в виде зажигалок,

пачек сигарет, продуктов питания, которые взрывались при прикосновении к ним.

На один из таких сюрпризов попался и я, когда взял пачку сигарет, и отошёл от землянки-крепости и бросил для пробы. Она взорвалась и волной ударила меня, и я получил небольшой ушиб от «пачки сигарет».

При движении в глубине противника нас часто отрезали от основных сил корпуса, приходилось вызывать огонь «на себя».

Так было в августе 1944 года, когда мы были отрезаны от основных сил, и тут опять выручила радиосвязь. Я связался по радиостанции и старший нашей группы танков попросил оказать помощь в ликвидации немецкой группировки. «Катюши» ударили по немецким позициям так, что от противника ничего не осталось. Кольцо окружения было прорвано. Первый раз я видел, как горящие реактивные снаряды летели через наши танки, наводя ужас на противника. На пути часто встречались лесные завалы, замаскированные мины, при взрыве которых выходили из строя танки, и приходилось в ходе движения менять трак ходовой части. Мы несли потери от немецких снайперов, особенно было опасно, когда командир танка или кто-то другой движется с открытым люком. Так, я помню, погиб зам начальника штаба по разведке, старший лейтенант (фамилии не помню), который ехал с открытым люком на танке.

Ранним утром 28 июня 1944 года мы вышли в тыл районного центра города Липель со стороны, откуда противник не ожидал нашего наступления. Внезапным ударом с ходу ворвались в город. Немцы бежали в панике буквально полураздетые через огороды и сады в ближайший лес. Они не успели даже взорвать мост через реку Эссу на пути нашего наступления. В этом бою наши пушки молчали, уничтожение живой силы противника мы вели из пулемётов, в котором я принимал непосредственное участие, а также обеспечивал радиосвязь командира танка с другими танками.

Незабываемыми остались встречи с партизанами – верными помощниками в борьбе с оккупантами. Они сообщали нам о расположении противника, указывали районы минирования и т. п.

В ночь на 29 июня мы выступили из Липеля к реке Березина. Перед нами стояла ответственная задача форсировать

эту крупнейшую преграду. Но мост через реку был взорван, и здесь нам помогли партизаны. Они указали место, южнее Бегомля, где была подготовлена переправа, которая ими контролировалась. 30 июня 1944 года после форсирования реки Березина мы без задержки устремились в наступление в сторону областного центра, города Виспейка. Дорога за Березиной была ровной, без особых препятствий. Зато резко усилила нашу деятельность немецкая авиация. Группами по 15 самолётом беспрерывно висела над нашей колонной.

Когда войска полностью сосредоточились в районе Виспейка, горючее оказалось на исходе. Мы перешли к вынужденной обороне в ожидании горючего. А это оказалось непростым делом. До наших частей снабжения и складов было не меньше 250 км, и тут выручила радиосвязь. По радио было передано положение войск корпуса, и 3 июля в наш район транспортная авиация десантировала необходимое количество горючего. В ночь на четвёртое июля мы вышли к переправе у моста на Соргонь. Но поскольку мост был взорван, форсирование реки было несколько южнее, и уже к 15 часам город был очищен от немцев и путь к столице советской Литвы город Вильнюс был открыт. В атаке за город Випейка пришлось вести огонь не только из пулемётов, но и из орудий танков. Я, как радист-пулемётчик танка Т-34, вёл огонь по живой силе противника и обеспечивал связь с командиром танка.

До глубины души нас тронула встреча с жителями Белоруссии. Вначале, увидев нас в погонах, они недоверчиво отнеслись к нам, приняли за супостатов, переодетых немцев. Но когда сомнения рассеялись, в глазах выступили слёзы неподдельной радости. За горсточку соли они готовы были отдать всё, что у них было.

В течение этих десяти суток Москва четырежды салютовала нам за отличные действия в боях за освобождение братской Белоруссии от немецких захватчиков. Десять воинов за подвиги, совершённые ими в боях, были удостоены звания Герой Советского Союза, тысячи награждены орденами и медалями. Тогда я получил свою первую награду – медаль «За отвагу». После завершения Белорусской операции наш корпус передали в 1-й Прибалтийский фронт для участия в освобождении Советской Прибалтики от фашистских захватчиков.

В конце июля нас ввели в прорыв в полосе 51-й общевойсковой армии, и мы стали продвигаться по тылам противника, обходя его сопротивления. Мы продвигались очень быстро по полям, не выбирая дорог, и к исходу этого дня были на юго-восточной окраине г. Шауляй. Были блокированы все дороги к городу. В одном из боёв была уничтожена небольшая группа противника. Солдаты разбежались по лесам и болотам. Мы остановились на полянке во время марша. Командир полка приказал мне осмотреть места, и тут я заметил двух прячущихся в кустах немецких солдат. Увидев направленный на них автомат, те бросили оружие и подняли руки. Я их забрал и привёл к командиру, который после допроса отправил их в штаб.

Г. Шауляй жил обычной жизнью. Работали все учреждения и магазины и не ожидали нашего появления. Немецкий гарнизон не смог оказать нам серьёзного сопротивления, и к исходу месяца город Шауляй был освобождён. В городе было захвачено большое число пленных, много военных складов и огромное количество оружия, боеприпасов и техники.

После освобождения г. Шауляй мы двинулись вдоль по шоссе Шауляй-Елгава. По пути встретили сильный немецкий гарнизон в городе Ионишкис. Пришлось развернуться в боевой порядок и пойти на штурм города. Был открыт огонь по противнику не только из пулемётов, но и из орудий. Я вёл огонь по противнику из пулемёта весь бой. Радиостанция работала на приём и передачу. В городе Ионишкис было захвачено 5 исправных самолётов, склады, 9 паровозов и другие богатые трофеи.

Подходя к городу Елгава мы встретили организованное сопротивление противника и понесли большие потери в технике. Нам пришлось перейти к обороне до прихода других частей фронта. Вместе с другими частями фронта мы пошли на штурм, и город был освобождён от фашистских захватчиков.

Противник перебросил войска с других участков фронта, а также используя резервы, стал наносить удары по нашей группе. В одном из боёв наш танк был подбит противником. Экипаж танка вылез из него для его ремонта. Но бой продолжался. Немецкие пулемётчики вели огонь по нашему экипажу. Мы отстреливались. Тогда я получил «сквозное

пулевое ранение правого бедра». Меня подобрали санитары и отправили в медсанбат.

К этому времени в медсанбате накопилось много раненых. В один из дней нас погрузились (посадили) на машины и повезли в госпиталь.

Мы отъехали от расположения своих частей километров 10, и нас встретили вооружённые немцы. Среди раненых началась паника. Некоторые раненые имели при себе гранаты и оружие и готовы были защищаться от врага. Была граната и у меня. Но силы были не равны. Нас было машин 8-10. Последние две машины, в одной из которых я находился, сумели развернуться и уехать обратно к своим. Через несколько дней нас, раненых, повезли на машинах в сопровождении двух танков. Когда подъехали к месту встречи с немцами, картина была ужасная. Машины разбитые валялись на обочине. Раненые все погибли.

На излечении я находился в нескольких различных госпиталях около 4 месяцев.

После выздоровления и выписки из госпиталя меня направили в 152-й отдельный батальон связи 91-й стрелковой дивизии на должность начальника радиостанции. В апреле 1945 года участвовали в ликвидации Курляндской группировки немецких войск, в окружении которой я принимал участие. В этой операции я обеспечивал радиосвязь командира дивизии с наступающими полками.

После войны окончил Военную академию Тыла и Транспорта, Машиностроительный институт. Служил в рядах Советской армии на различных инженерно-технических должностях. Последние 14 лет служил в Центральном Управлении Министерства Обороны СССР. По истечении срока службы в Советской армии я был уволен в воинском звании полковника в 1977 году.

После увольнения из рядов Советской армии около 20 лет работал в народном хозяйстве на различных должностях, в том числе начальник отдела Минпромстройматериалов СССР, проректором в институте.

В 1979 для подготовки и проведения Олимпийских игр XXII Олимпиады в 1980 году, я был переведён на должность главного инженера спортивного сооружения общества «Динамо». За активное участие и проведение Олимпийских игр

был награждён Почётной грамотой и знаком Оргкомитета Олимпиады-80.

В настоящее время занимаюсь общественной работой, являюсь членом Советского Московского комитета ветеранов войны и Районной ветеранской организации №26 района «Южное Медведково» г. Москвы. За активное участие в ветеранском движении награждён «Почётным знаком Российского комитета ветеранов войны и венной службы».

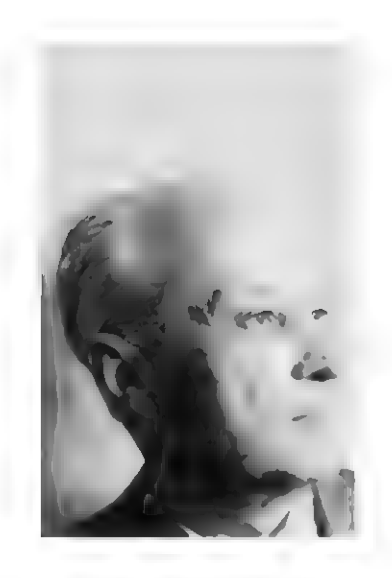
Музей «Память» в общеобразовательной школе №300 г. Москвы назван имени «Участника войны орденоносца Боева Ивана Митрофановича».

Являюсь инициатором в создании аллеи «Победы» на Певческом поле района «Южное Медведково».

За значительный вклад в развитие муниципального образования Южное Медведково награждён Почётным знаком района.

Участник Парадов Победы на Красной площади г. Москвы в 2000 г. и юбилейного 2005 г.

Имею двух сыновей, двух внучек, одного правнука.

Вейцель Виктор Абрамович

Пришлось быть командой поезда-ловушки

Я родился 25 декабря 1924 года в Москве. Еврей. Атеист. Был членом КПСС.

Узнал о начале войны: когда я был в 9 классе, по радио.

Начинал участвовать в боевых действиях: по призыву в действующую армию осенью 1942 года, поскольку мне ещё не было 18 лет, когда началась война.

Наше соединение формировалось в районе Марьиной рощи под Горьким.

Рядовым стрелкового полка я попал на фронт в январе-марте 1943 года в составе пехотного полка.

Боевой путь мой начался на Волховском фронте в 1943 году, а закончился на Ленинградском фронте в 1944 году.

На Волховском фронте я попал в места, где выходила из окружения 2-я Ударная армия. Мое подразделение обороняло участок, через который выходили остатки 2-й Ударной армии из окружения недалеко от районов Большой Вишеры, Мясного бора. Места мне были знакомы ещё по школе из книги путешествий Радищева.

Военные действия закончились, когда при форсировании реки Нарва в марте 1944 г. я был ранен второй раз и отправлен в госпиталь в освобожденный Ленинград. Тогда я уже был сержант (последние 3-4 месяца войны).

Сначала я попал в военный медсанбат, потом в госпиталь в Ленинграде, потом как тяжело раненого меня переправили в Иваново, откуда демобилизовался инвалидом войны 2-й группы.

Мне особенно запомнился эпизод, когда мне с товарищами пришлось быть командой поезда-ловушки. Был такой эпизод на Волховском фронте, когда командование имитировало переброску войск на участок фронта, где не предполагалось наступления, но немцы должны были ждать его именно здесь.

Тогда нашим командованием были организованы такие эшелоны, в которых был размещён примерно один взвод с пулемётами, с автоматами, в полной амуниции, в общем, одетыми, как вообще не одевались тогда солдаты. Но там больше ничего и никого не было, этот эшелон шёл к фронту с закрытыми дверями, а когда проходил через станции, то весь взвод высыпал на перрон и изображал караул поезда.

На платформах этого поезда стояли макеты из деревянных стволов, накрытые сетками, которые изображали танки, а фактически на платформах сидели солдаты с зенитными пулемётами. И когда появлялись немецкие самолёты, то по ним лупили изо всех сил, но, конечно, ни разу не попали. А они нас бомбили. Всё это имитировало переброску войск, а когда доезжали до фронта, сбрасывали всю эту имитацию, брёвна складывали в угол, двери этих вагонов открывали настежь, и залезали на нары спать, а поезд шёл обратно - пустой, потом всё повторялось.

В общем, разбомбили нас на третий раз, бомба попала в паровоз, несколько вагонов повредило, а мы пешком возвращались, плутая, почти неделю по пустым лесам Псковской области, без воды, без пищи. Мы питались капустой, которую находили в ямах, она уже была полусгнившая. Это было единственное, что удавалось найти. Возвращались мы долго, но к своим всё-таки добрались без потерь.

Запомнился ещё один эпизод, это когда меня ранили во время атаки, на Нарвском плацдарме. Нам надо было переправиться через реку Нарву и захватить плацдарм на другом берегу. Во время переправы меня ранило из автомата, причём, что меня очень удивило, когда в госпитале вынули пули, и хирург мне их отдал на память, то они были алюминиевые. Я в жизни не видел алюминиевых пуль. Это был

уже сорок четвёртый год, видимо, у немцев было плохо со свинцом, поэтому в ближнем бою они использовали пули из алюминия.

Я имею награды: орден Отечественной войны, медаль «За отвагу», медаль «За победу над Германией», медаль имени Жукова, множество юбилейных медалей.

За годы войны я участвовал в боевых действиях в районе Мясного Бора, затем под Новгородом и Нарвой.

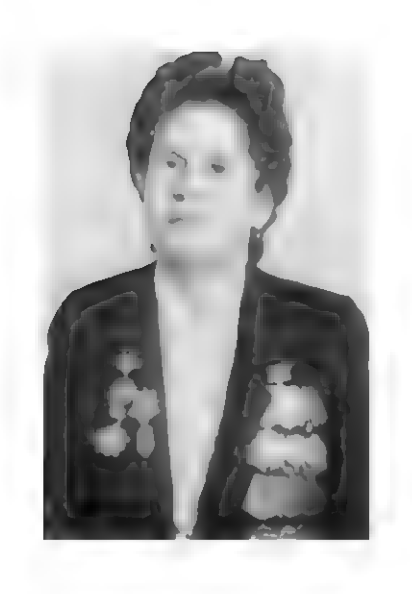
Имел два ранения. Первый раз в левую руку осколком гранаты в 1943 году. Пролежал в госпитале две недели и вернулся обратно в часть. Второй раз ранили на Нарвском плацдарме, из автомата в плечо попала целая очередь.

Родственников на войне не погибло.

Собственные опубликованные произведения: книги по основам радиоуправления – «Теория и проектирование радиосистем», «Радиосистемы передачи информации», «Коротковолновые пеленгаторы», очень много учебно-методической литературы, (семь больших книг, больше сотни опубликованных статей).

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Моисеев Николай Николаевич,*** *студент 2-го курса Московского авиационного института*

Горенбейн Любовь Васильевна

Прости дочка. Виноват, увлекся!

Я родилась в городе Москве первого октября 1923 г. Русская, комсомолка.

О начале войны узнала в воскресенье 22 июня 1941 г. В тот день, вечером должен был состояться выпускной бал в школе, а с утра мы всем классом отправились на ВДНХ. Зашли в узбекскую чайхану, заказали зеленый чай с лепешками. Играла музыка, день был ясный и солнечный, на душе было светло и радостно.

Но вдруг замолкла музыка, наступила тишина, тревожный голос объявил, что всем надо собраться на Колхозной площади. Там, стоя в толпе празднично одетых людей, мы молча слушали выступление Молотова. Война.

Дома у меня стоял плач: старшая сестра с мужем находилась в Эстонии, а там уже бомбили. Мама собирала племянника – он получил вызов в военкомат. Папа ушел к себе на работу…

Ну, а вечером состоялся все-таки наш выпускной бал, которого мы с нетерпением ждали - невеселый бал, прощание не только со школой, но и с мирной жизнью.

В первые недели после начала войны мы провожали мальчиков – наших одноклассников в авиаучилища. Они почти все занимались в Тушино авиаспортом, это и определило их

военную специальность. Но мы-то, девочки, тоже имели значки ГТО и «Ворошиловский стрелок», некоторые (и я в том числе) играли даже в хоккей с мячом.

Мы тоже хотели защищать родину. В военкомате с нами не стали разговаривать. Не до нас было. Давали только разносить повестки. Ночами мы дежурили на крышах и во дворах. Тушили зажигалки. А днем все равно упорно ходили в военкомат. И дождались!

В декабре сорок первого пришла разнарядка на тридцать девушек в училище авиамехаников в г. Вольск. Занимались мы по двенадцать часов ежедневно. Потом прошли практику на аэродроме, сдали экзамены и получили специальность механика по вооружению самолетов.

В мае 1942 г. нас направили на Украину, на юго-западный фронт в 144-й штурмовой авиационный полк 4-й воздушной армии. Часть пути ехали на поезде, а потом добирались пешком на полевой аэродром в селе Нижняя Дувановка. При подходе к аэродрому нас обстреляли «мессера». Тогда, пользуясь полным превосходством в воздухе, они гонялись за каждым человеком.

По прибытии на аэродром нас покормили и отправили отдыхать, затем распределили по эскадрильям. Утром нас направили к самолетам, командир эскадрильи, майор Комаров, вместе с мотористом подвели меня к самолету. Командир сказал: «Вот твое оружие, и твое боевое задание состоит в том, чтобы всегда поддерживать его в боевой готовности».

В полку было восемнадцать самолетов Ил-2. Это был штурмовик с бронированной кабиной и мощным вооружением. Каждый имел две пушки, пулеметы, нес восемь реактивных снарядов и до шестисот килограммов бомб. Они обрабатывали передние рубежи, окопы врага, уничтожали танковые, автомобильные колонны, колонны с вражеской техникой. За это немцы их прозвали «Черная смерть».

В то время наша армия отступала, и мы отступали вместе с ней. В начале июня 1942 г. при переформировании, наша эскадрилья вошла в состав 622-го штурмового полка, который вошел в состав 8-й воздушной армии Сталинградского фронта.

Меня, как уже имевшую опыт, направили в управляющее звено. Я стала вооружать самолет командира полка майора Землянского. В то время самолеты делали 5-6 вылетов в день,

мы работали весь световой день – сколько можно. Однажды был такой случай.

Вернувшись с боевого задания, командир полка, самолет которого я готовила, со злобой заявил технику, указывая на меня: «Чтобы ты эту сопливую девчонку к самолету больше не подпускал! Понятно? В самый разгар боя у меня пушки и пулеметы заело!».

Что со мной было! Техник заставил меня вместе с ним подняться на крыло, открыл крышки ячеек, куда укладывались снаряды для пушек и патроны для пулеметов – все было пусто! Мы поняли, что командир в горячке боя израсходовал весь боекомплект и решил, что пушки и пулеметы заклинило, поэтому они не работают.

Стыдно признаться, но у меня началась настоящая истерика. Лежа на крыле самолета, я рыдала навзрыд, как никогда в жизни. Ни уговоры, ни дружеские шлепки, ни смех окружающих не могли остановить мои слезы. Только приказ техника готовить самолет к вылету заставил меня прийти в рабочее состояние.

Вечером после ужина, когда я шла получать оружие для ночной охраны самолетов, увидела у штабной землянки начальника штаба и командира. Командир подошел ко мне навстречу, протянул руку и сказал: «Прости дочка. Виноват, увлекся!»

Майор Землянский героически погиб в боях за Сталинград.

Во время штурма железнодорожного узла его самолет был подбит, и он направил самолет на скопление вражеской техники. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В Сталинграде на Мамаевом кургане есть плита с надписью: «Командир 622-го штурмового авиаполка майор Владимир Землянский».

Под Сталинградом я была контужена. Во время авианалета недалеко от меня разорвалась авиабомба, и взрывной волной меня отбросило на ящики со снарядами. Меня поместили на некоторое время в лазарет.

Полк под Сталинградом потерял больше половины летного состава и самолетов, а наша эскадрилья – все самолеты. В начале августа сорок второго года, ночью, на пароходе нас отправили на переформировку в г. Куйбышев. Там полк получил новые, модернизированные самолеты Ил-2. Они уже

были оборудованы кабиной для стрелка, и экипаж стал состоять из двух человек.

В начале ноября полк на самолетах ТБ-3 перебросили обратно под Сталинград. Были сильные морозы. Мы отмораживали ноги, руки. Бывало, что кожа рук по неосторожности оставалась на металле. Хочется немного рассказать о нашем быте.

Так как мы были техническим персоналом аэродрома, то жили мы всегда рядом с аэродромом. При наступлении полк перемещался с одного полевого аэродрома на другой. Зимой мы жили в землянке, отапливаемой бочкой из-под бензина. На полу была вода, внизу было холодно, и все стремились спать на втором ярусе. Летом жили в палатках. Под Сталинградом, я вспоминаю, мы жили в конюшнях. Было много блох. Летчиков, а соответственно и нас кормили хорошо. Девушкам вместо положенных 100 г. водки выдавали шоколад. В полку был неплохой хор и танцевальная группа.

Началось наступление. С боями мы прошли Дон, Кубань, Крым.

В боях за Крым наш полк получил звание - Севастопольский. Я была ранена – получила во время авианалета пулевое слепое ранение в бедро (средняя треть правого бедра). Лежала в госпитале в г. Мелитополе. По выздоровлению была направлена в Крым, в 189-й запасной авиаполк, в 32-й район авиационного базирования. Командовал полком полковник Клебанов, начальник РАБ. Я работала в техотделе, в обслуживании боевой авиации, делала сводки. Прошла Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию.

Войну закончила в г. Вена. Это были памятные день и ночь. Все кругом пели, плясали… Музыка, слезы, радость… Никогда не забуду.

После войны осталась в г. Вена с мужем – военным инженером, проектировщиком аэродромов (поженились мы в 1944 г.). Когда участок фронта, где мы находились, стала занимать армия США, мужа перебросили в Румынию, в г. Фокшаны, а затем в 1949 г. он уехал учиться в Ленинградскую инженерную академию. Жили мы в закрытых гарнизонах. Меня там неизменно выбирали Председателем женсовета.

Имею медаль «За боевые заслуги» № 780104, орден Отечественной войны 2-й степени № 3058388, его мне дали на

сорокалетие победы. 27 октября 1943 г. награждена медалью «За оборону Сталинграда» (№ 10284).

В войне погиб дядя, старший лейтенант пехоты. Под Москвой остались живы мама, папа, муж двоюродной сестры.

Имею опубликованный рассказ «После выпускного бала», книга воспоминаний о годах войны и труда: М., «СИМС», 1997.-156.

Апрель 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Комарчук Артем Сергеевич****, курсант 4-го курса факультета военного обучения Московского государственного агроинженерного университета имени В.П.Горячкина.*

Демин Георгий Васильевич

Зная теорию вероятности, начал прятаться в воронках

Я родился 18 июля 1921 года в г. Симбирске (позже Ульяновск). Русский. Атеист. Был членом КПСС. Ныне беспартийный.

С 1922 года проживал в Москве. В 1937 году после окончания 7 классов средней школы поступил в 1-ю Московскую специальную артиллерийскую школу, которую окончил в 1940 году. Поступил в этом же году в Одесское артиллерийское училище им. Фрунзе. И окончил его в январе 1942 года по полной программе, с присвоением звания «лейтенант». С 1954 по 1956 год учился в Военной артиллерийской академии им. Калинина, г. Ленинград.

О начале войны я узнал 22 июня 1941 года в Одесском артучилище, когда нас, курсантов, собрали в Ленкомнате и сообщили, что немецкая авиация произвела налет на города Украины, Белоруссии.

Одессу в первые дни немцы не бомбили. Мы стали чаще ходить в наряд по гарнизону, выполнять боевые задачи по уничтожению выброшенных десантов противника.

Находились в Одессе до 8 августа. А затем училище было эвакуировано на Урал в г. Сухой Лог Свердловской области.

Нам предстояло совершить 3-х дневный переход пешим порядком при 30 градусной жаре до Николаева, где по наплывному мосту преодолели лиман и вошли в город. Вечером нас погрузили в ж.д. эшелон и мы двинулись в путь.

Около 10 часов вечера, не доезжая г. Никополь перед ж.д. мостом, на бреющем полете немецкий бомбардировщик совершил налет. Он сбросил бомбы в хвосте, в середине и в голове состава. Наш взвод ехал в середине поезда в товарном вагоне. Бомба разорвалась у третьего вагона от нас. Вагон был разбит и загорелся. В наш вагон попал осколок от бомбы, который разбил его угол. Верхние полки, на которых спали курсанты, рухнули на нижние. Но никто не пострадал. А вообще много погибло. Похоронили в соседнем селе около 30 человек. Это были первые наши потери.

На следующий день подали состав, и мы поехали дальше. В Сухом Логу нас разместили в деревянных казармах с печным отоплением. Мы продолжили учебу. Я учился в АИР (артиллерийская инструментальная разведка) в дивизионе звукобатареи. Было очень холодно. Температура доходила до 44 градусов мороза. Занятия были и на улице.

В январе 1942 года состоялся выпуск. Всех направили на фронт. Меня, к моему счастью, вместе с Анатолием Гусевым, моим другом, направили на Западный фронт. Прибыв в Москву, смог встретиться с родственниками. Хорошо помню, как группа выпускников, состоящая из 15 человек, прибыла в Перхушково (Власиха), где находился штаб Западного фронта. И сдав документы, мы, каждый с двумя «кубарями» на петлицах, стояли возле штаба в ожидании решения своей судьбы.

В это время из штаба вышел генерал армии Г.К. Жуков. Быстрой походкой он подошел к нам. Узнав, откуда мы прибыли, Георгий Константинович поздравил нас с присвоением лейтенантских званий и каждому пожал руку. Затем пожелал успехов в бою и остаться живыми.

Все получили назначение в 20-ю армию. Я стал командиром взвода батареи управления начальника артиллерии армии. Командующим 20-й армией в то время был генерал майор А. Власов. Да-да, тот самый. Предателем он стал потом, возглавив 2-ю ударную армию Волховского фронта. И, пожалуй, еще одна характерная деталь - Власов был виртуозным матершинником.

А вот начальник артиллерии армии полковник П. Семенов запомнился мне совершенно другим. Это был человек большой культуры. Высокообразованный артиллерист, всегда уважительно-вежливый, по-строевому подтянутый офицер.

Наша 20-я армия была, так называемого, второго формирования. А та, что первого, осенью 1941 года оказалась в плотном кольце, окруженная под Вязьмой. Ведя кровопролитные бои, она не смогла выйти из окружения и 10 октября геройски прекратила свое существование.

20-я армия появилась на фронте лишь в декабре 1941 года. А до этого, в ноябре, под натиском превосходящих сил врага войска 30-й армии генерала Д. Лелюшенко вынуждены были отойти к Волге и южнее Волжского водохранилища – на рубеж Завидово, Ямуга. Чтобы избежать окружения, части 16-й армии генерал-лейтенанта К. Рокоссовского 23 ноября оставили г. Клин. И между 30-й и 16-й армиями образовался разрыв. Нависла реальная угроза прорыва и обхода противником правого фланга фронта.

Для ликвидации нависшей угрозы над столицей Западному фронту из резерва Ставки ВГК передали 1-ю Ударную и 20-ю армии. По решению Жукова их ввели в сражение на участке между 30-й и 16-й армиями. Приказом ВГК 29 ноября 1941 года опергруппа генерал-майора А. Лизюкова была преобразована в 20-ю армию, в ту самую - второго формирования. В нее вошли 28-я, 43-я, 35-я и 64-я стрелковые бригады, батальон танков и другие подразделения. Начальником штаба армии назначили полковника Л. Сандалова. Штаб тогда располагался в Химках (Соцгородок).

20-й армии поставили задачу: остановить противника на рубеже Белый Раст, Красная Поляна, затем перейти в наступление и в течение 3-6 декабря, разгромив гитлеровцев, овладеть Красной Поляной и Белым Растом, Яхромой и Солнечногорском. Так началось контрнаступление наших войск. На Клинском, Солнечногорском, Истринском направлениях развернулись бои, как говорят, не на жизнь, а на смерть, в результате которых войска 20-й армии выбили немцев 8 декабря из Красной Поляны, 10 декабря был освобожден санаторий ВМФ, а 12 декабря и Солнечногорск. Далее войска армии наступали в общем направлении на Волоколамск, который был освобожден от оккупации 20 декабря 1941 года. После восемнадцатидневных

боев 20-й армии удалось захватить плацдарм на западном берегу р. Лама.

Бои продолжались. Я, командуя взводом батареи управления начальника артиллерии 20-й армии, участвовал в этих боях. А затем наша, 20-я армия участвовала в Ржевской битве. Она необычна. Она складывалась из четырех самостоятельных наступательных операций Западного и Калининского фронтов в 1942-1943 г. Первая из них состоялась в январе-апреле 1942 г. (Ржевско-Вяземская), вторая - в августе 1942 г. (Ржевско-Сычевская), третья - в декабре того же вода (Ржевско-Сычевская) и четвертая - в марте 1943 г. (Ржевско-Вяземская).

8 января 1942 г. началась первая Ржевско-Вяземская операция. Ее суть заключалась в том, чтобы, во-первых, все дальнейшие усилия войск направить на окружение ржевско-вяземской группировки противника, а во-вторых, приступить к операции немедленно, то есть никакой паузы между окончанием контрнаступления и началом общего наступления не предусматривалось.

10 января 1942 г. несмотря на сильную метель, после полуторачасовой артиллерийской подготовки, войска перешли в наступление. К 15 января прорыв в обороне противника на р. Ламе был расширен и углублен. Дальнейшее наступление ослабло и затормозилось.

Главный удар 28 января войска 20-й армии наносили на участке Петушки, Большие Триселы, где были сгруппированы части группы Катукова, две стрелковые дивизии, главные силы кавкорпуса и три полка артиллерии.

Смоленская область. Здесь велись тяжелые бои, с большими потерями, так как атаковали опорные пункты противника. На это командующий Западным фронтом по телефону спросил командующего 20-й армии генерала Власова: «Почему Вы упорно атакуете противника, расположенного в крупных населенных пунктах, которые имеют хороший обстрел и взаимную связь, и что Вам обещает это направление, имеющее, как известно по карте, массу населенных пунктов. Почему Вы, например, не наступали на участке Пустой Вторник, Аржаники, где по вашим и нашим данным противника нет, где он охраняется только разведкой? Должен Вам сказать, что Военный Совет фронта и Ставка ВГК ожидали от 20-й армии большего, и нам очень неприятно видеть 20-ю армию в таком положении. Я

думаю, все это произошло потому, что указание, которое Вам твердилось о прорыве кулаком, Вы не выполнили, игнорировали».

Власов на это ответил так: «Есть. Приступаю к немедленному выполнению».

30 января группа генерала Катукова вела упорные бои. Противник понес большие потери. Части его ворвались в Малые Палатки и Петушки.

На этом рубеже войска 20-й армии были остановлены и перешли к обороне.

Вторая операция «Ржевско-Сычевская» началась 30 июля 1942 года. Проводилась она войсками двух фронтов. Цели ее: сковать группу армий «Центр» генерала Г. Клюге и лишить его возможности перебрасывать войска на юг, под Сталинград. На правом крыле Западного фронта усиленная 30-я армия (генерал Кирюхин) во взаимодействии с частями левого крыла Калининского фронта в августе провела успешное наступление с целью разгрома противника в районе Сычевка-Ржев. Прорвав его оборону на Сычевском направлении, войска Западного фронта отразили 7-10 августа сильный вражеский контрудар, принявший характер встречного сражения, в котором с обеих сторон участвовало 1500 танков. Успех Западного фронта был использован войсками Калининского, которые отбросили гитлеровцев к Ржеву. Исчерпав возможности, войска 20-й армии 23 августа перешли к обороне по р. Вазуза.

Хотелось бы подчеркнуть, что в районе Погорелое-Городище-Сычевка противник понес большие потери. Чтобы отразить удар войск Западного фронта, немецкому командованию пришлось спешно перебросить туда значительное количество дивизий, ранее предназначенных для развития наступления на Сталинградском направлении.

Я, выполняя обязанности командира взвода связи батареи управления начальника артиллерии армии, должен был организовать и поддерживать связь штаба (командного пункта) начальника артиллерии с начальниками всех стрелковых дивизий, бригад и командирами отдельных артиллерийских полков РГК, поддерживающих армию. Мы использовали в своей работе трофейный кабель и катушки к ним. Телефонные аппараты были отечественные и американские. Оборудовали узел связи рядом со штабом армии. Напрямую, по азимуту

прокладывали кабель, маскируя его, к командным пунктам дивизий и полков РГК. Часто воинам взвода приходилось «сшивать» оборванный кабель. А он рвался не только от разрывов снарядов, мин и бомб. Иногда и наши танки гусеницами рвали его. Порой даже целые куски кабеля волокли за собой. Мы непременно восстанавливали связь. Часто приходилось делать это под обстрелом артиллерии и минометов не только солдатам, но и командирам отделений, командиру взвода.

Мне часто проходилось верхом на коне проверять линию связи: как проложен кабель, хорошо ли замаскирован. Помню, однажды мчался по лесной просеке верхом на коне. Было уже темно. На полном скаку зацепился шеей за висевший низко кабель. Перехватило дыхание, на какое-то мгновение даже потерял сознание. Хорошо, что не отпустил повод, и лошадь, к счастью, остановилась...

В другой раз, я ехал на передовую. Когда скакал деревенской улицей, немцы открыли огонь из минометов по нашей батарее. Остановив коня, попытался слезть с него, но как назло нога застряла в стремени. А тут еще напасть: совсем рядом, в кювете, разорвалась мина. Лошадь занервничала, стала крутиться на месте, не давая возможности вытащить сапог из «капкана». Когда мне все же удалось это сделать, увидел, что лошадь ранена осколком в ягодицу.

Запомнился и такой случай. Проезжая как-то вдоль телефонного кабеля по ржаному полю, наткнулся на трупы погибших солдат. Они лежали рядом с колеей, проделанной в хлебном поле нашими танками. Это были пехотинцы, наступавшие с танками, которые отражали контрудар противника...

Не могу не упомянуть тех, с кем я воевал в то время. Командир батарей был старший лейтенант А. Прийдак. Он после окончания Одесского артучилища в 1938 г. был оставлен там же командиром учебного взвода. А когда началась война, Прийдак убыл на фронт. Командиром радиовзвода был лейтенант А. Гусев, который вместе со мной окончил Одесское артучилище в 1942 году. И вот свела, нас, троих одесситов судьба: мы оказались на Западном фронте, в 20-й армии и в одной батарее. Как было отрадно во всем ощущать поддержку однокашников!

«Критически оценивая сейчас эти события 1942 г., считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки

в районе Вязьмы. Мы переоценили возможность своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали" - эта откровенная оценка принадлежит Герою Советского Союза маршалу Г.К. Жукову.

Потери наших войск составляли: убитыми - 51482 чел., ранеными -142201 чел.

После этой операции генерал армии Г.К. Жуков был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего.

Третья операция развернулась в декабре 1942 года. Чтобы не допустить переброски войск из группы армий «Центр», ставка приняла решение одновременно с ходом контрнаступления в районе Сталинграда организовать наступление Западного и Калининского фронтов против немецких войск, занимавших Ржевский выступ.

8 декабря поступила директива, суть которой сводилась к тому, чтобы совместными усилиями войск Калининского и Западного фронтов к 1 января 1943 г. разгромить группировку противника в районе Ржева, Сычевки, Оленино, Белый и прочно закрепиться на фронте Ярыгино, Сычевка, Андреевское, Ленино, Новое Ажево, Дектялево, Сыити.

После прорыва вражеской обороны и выхода главной группировки на линию железной дороги, подвижную группу фронта и не менее четырех стрелковых дивизий предполагалось развернуть на север для удара в тыл группировки неприятеля. Командующий Западным фронтом генерал-полковник Конев возложил выполнение этой задачи на 20-ю армию генерала Хозина и на 30-ю армию, которая наступала справа.

В этом сражении довелось участвовать и мне: с риском для жизни выполнял приказы нашего штаба артиллерии. В ходе той операции был ранен в ногу командир батареи капитан А. Прийдак. Его направили в госпиталь, а я остался за него.

Наши части вначале добились успеха и овладели небольшим плацдармом на западном берегу р. Вазузы. На одной из высот саперы в ночное время оборудовали командный пункт (блиндажи) для командующего армией и начальника артиллерии. Мой взвод тоже переместился сюда, и один окоп мы приспособили под коммутатор. Связисты стали тянуть кабель на КП стрелковых дивизий и артиллерийских полков РГК. Немцы, видимо, догадались, что здесь строится КП. Освещали его ракетами, а потом начали обстреливать из тяжелых орудий.

Снаряды рвались совсем рядом. Помню, я успел нырнуть в спасительный блиндаж, а вот бежавший следом сержант не успел и был тяжело ранен.

Как-то меня вызвали на КП армии. Только перешел речку и стал подниматься по заснеженному открытому склону - попал под огонь вражеской артиллерии. Наверное, немцы били по переправе. Со всех сторон рвались снаряды. А укрыться негде. Как артиллерист, зная теорию вероятности, (снаряды дважды почти никогда не попадают в одно и то же место) начал прятаться в воронках, образовавшихся разорвавшимися снарядами. Так и сумел остаться в живых. Меня даже не ранило.

Эта операция, отметил маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих мемуарах, проводившаяся частью сил двух фронтов, имела важное значение для содействия нашим войскам в разгроме противника в районе Ржевского выступа, и о ней следует сказать несколько слов.

Командование Калининского фронта в лице генерал-лейтенанта Пуркаева со своей задачей справлялось. Группа войск фронта, наступавшая южнее города Белого, успешно прорвав фронт, двинулась в направлении на Сычевку. Группа войск Западного фронта (командующий генерал-полковник И.С. Конев) должна была в свою очередь прорвать оборону противника и двинуться навстречу войскам Калининского фронта, с тем, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг Ржевской группировки немцев. Но случилось так, что Западный фронт оборону противника не прорвал. Хотя наши войска здесь не достигли поставленной Ставкой цели - ликвидации Ржевского выступа, но своими активными действиями они не позволили немецкому командованию перебросить войска с этого участка в район Сталинграда.

«Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, - пишет Жуков,- мы пришли к выводу, что основной из них явилась, недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара...» Наши потери: убитыми - 70373, ранеными – 145301 человек.

Четвертая операция проводилась в марте 1943 года. В ней я участвовал, будучи командиром батареи управления начальника артиллерии 20-й армии. Сражение началось 2 марта силами

войск Калининского фронта (генерал-полковник М.А. Пуркаев) и Западного фронта (генерал-полковник В.Д. Соколовский).

Цель - уничтожить основные силы группы армий «Центр» на Ржевско-Вяземском выступе. Как видим, задача была прежняя. Ее выполнение вступило в активную фазу не с наступления наших войск, а с того времени, когда разведка донесла об отходе противника. Он стал подрывать дома в Сычевке, выводить из строя железнодорожное полотно. Это мы видели воочию. И наши части тут же от обороны перешли к преследованию врага. Им удалось сковать значительные силы группы армий «Центр», затруднить тем самым переброску ее сил на южное крыло советско-германского фронта.

26-я армия наступала во втором эшелоне Западного фронта, за войсками 31-й армии, и освобождали Сычевку и другие населенные пункты вдоль шоссе, ведущее к Вязьме. Ликвидация плацдарма привела к сокращению протяженности фронта. Ставка ВГК вскоре вывела в резерв две армии, в том числе и нашу 20-ю.

Так закончилась эта эпопея по ликвидации Ржевско-Вяземского выступа. Операции оказались хоть и небольшими по размаху, но весьма кровопролитными. Кроме последней, когда наши войска гнали отступавшего врага.

20-я армия долгое время находилась в резерве Ставки ВГК. Управление армии дислоцировалось под Тулой, потом летом 1943 года в районе Нелидово, Оленино. Потом зимой 1943-44 г.г. располагалось в селе Муравьево юго-западнее Ржева.

Я в это время работал в отделении кадров командующего артиллерией этой армии. Весной 1944 года управление 20-й армии было преобразовано в управление 3-го Прибалтийского фронта. И меня перевели в 42-ю армию, в отделение кадров командующего артиллерией армии. Штаб 42-й армии с мая 1944 года располагался под Псковом (восточнее). По реке Великая проходил передний край нашей обороны. 23 июня Псков был освобожден войсками 42-й армии.

Меня в это время перевели в 256-ю стрелковую Нарвскую Краснознаменную дивизию, назначив на должность помощника начальника штаба артиллерии по оперативной части (ПНШ-1).

Командиром дивизии был генерал-майор Козиев, а командующим артиллерией - полковник Сидоренко, начальником штаба был подполковник Корнилков.

Дивизия была переброшена в августе 1944 г. из-под Нарвы в Латвию, под г. Мадону, где она потом наступала на Ригу и освобождала города Эргли, Огре (8.09.1944 г.). За хорошо спланированное артиллерийское наступление и сопровождение атаки «огневым валом» частей дивизии я был награжден орденом «Красной Звезды».

В октябре 1944 года дивизия была переброшена в составе 42-й армии западнее Риги под г. Салдус, где не один раз переходила в наступление на этот город. Но ни осенью, ни зимой этим городом не могли овладеть. И только 8 мая 1945 г. был освобожден войсками 10-й Гвардейской армии, в состав которой входила до апреля и наша дивизия.

В апреле дивизия в составе 42-й армии была переброшена в Румынию и вошла в состав 4-го Украинского фронта. Мы стали готовиться к участию в наступательных боях в Карпатах. Расположились южнее Бухареста в одном из имений помещицы Румынии. Здесь мы и встретили День Победы. Закончил свой боевой путь в должности ПНШ-1 артиллерии 256-й СНКД.

Дивизия в августе 1945 г. совершила марш и прибыла в г. Бельцы Молдавии. Здесь она расквартировалась. В ноябре сюда прибыла 353-я стрелковая дивизия, и из двух дивизий сформировали одну 353-ю СД. Я остался в этой дивизии в должности помначштаба 1487-й артиллерийской бригады 353-й СД. В июне 1946 г. поехал в Москву поступать в Артиллерийскую академию. Но не поступил - не прошел медкомиссию. Стал работать старшим офицером в Управлении снабжения боеприпасами Главного артиллерийского управления ВС. В мае продолжил службу в Кантемировской танковой дивизии г. Нарофоминска, сначала командиром батареи 462-го отдельного гаубичного артиллерийского дивизиона, а с февраля 1949 г. начальником штаба дивизии 264-го минометного полка.

Прослужил в дивизии до мая 1950 г. Затем был переведен в Москву на должность офицера-воспитателя 1-го Московского артиллерийского подготовительного училища (Богородское). А в июне 1954 г. поступил учиться в Артиллерийскую командную академию им. Калинина (г. Ленинград).

Проучившись два года, был отчислен по состоянию здоровья и направлен работать в Раменский райвоенкомат Московской области в должности старшего офицера.

В 1959 года уехал служить в Группу Советских войск в

Германии. Был помначштаба зенитной артиллерийской бригады (г. Карл-Марксштадт, г. Франкфурт на Одере).

С 1963 г. в зенитно-артиллерийском полку занимал должность помначштаба. В 1965 году серьезно заболел и, пролежав в госпиталях более полугода, был уволен в отставку по болезни. Подполковник в отставке.

Три года не работал, как инвалид 2-й группы. А в 1968 году пошел работать в НИЦЭВТ (научно-исследовательский центр электронной вычислительной техники) сначала инженером, а потом начальником отдела. Проработав 23 года, в 1991 году ушел на пенсию.

В настоящее время занимаюсь общественной работой: председатель Совета ветеранов войны 1-й спецартшколы Объединенного Совета ГМЧ и артиллерии МКВВ, член Совета ветеранов НИЦЭВТ и член Совета ветеранов войны 256-й СНКД.

Имею награды:

- орден Красной Звезды (№ 970762, приказ командира 256-й СНКД генерал-майора Козиева, вручил на фронте в Латвии 1.12.1944 командир дивизии);
- орден Отечественной войны II-й ст. (№3О75077, Указ Президиума
Верховного Совета СССР от 11.03.1985 г. «За храбрость, стойкость и мужество, проявленное в войне и в ознаменование 40-летия Победы в ВОВ», выдан Райвоенкоматом);
- медаль «За боевые заслуги» (Без номера, выдана в 1950 году за безупречную службу в ВС Райвоенкоматом);
- 11 юбилейных медалей: от Верховного Совета СССР и 4 от Президента Российской Федерации. Выданы райвоенкоматом.

Мои публикации:

1. Демин Г.В. Это было под Ржевом // журнал «Армейский сборник» № 1-2002 г. стр. 70-73;
2. Демин Г.В. И не пустили врага в Москву // журнал «Армейский сборник» № 12-2002 г., стр. 75-77;

3.Демин Г.В. Спецартшкола – моя юность // №9-2003 г., стр. 74-75.

4. Много статей в газетах: «Красная звезда», «Ветеран», «Московская правда», «Российская газета», «Дмитровский вестник».

Ноябрь 2003 года.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Головчанов Павел Евгеньевич,** курсант 3-го курса механического факультета и кафедры военного обучения Московского государственного университета природообустройства.*

Елесин Владимир Иванович

Матвеев курган на реке Миус

Начало Великой Отечественной застало меня под Москвой. В солнечный воскресный день, 22 июня 1941 года, по радио неожиданно сообщили страшную весть - гитлеровская Германия без объявления войны напала на нашу страну. Сотни тысяч добровольцев в первые же дни войны шли в военкомат. Среди них был и мой отец. Я со своим другом решил поступить в лётную школу, но нас не приняли - мне было только 16 лет.

В армию попал несколькими месяцами позже. Сначала меня направили в военно-пехотное училище, которое, однако, окончить не удалось: положение на фронте было тяжёлым. Училище расформировали, и нас отправили под Сталинград. Там я получил своё первое боевое крещение.

Под Сталинградом мы заняли оборону. Земля была мерзлой, лежал снег. Я в стенке небольшой канавы, глубиной в полметра, вырыл нишу и сверху положил хворост. В этом окопчике укрывался от бомбежки, ночевал. Чтобы немного было теплее, сделал в стене сквозное отверстие, куда клал хворост, бумагу, а потом все это поджигал. Таким образом немного согревался.

Бомбили нас часто. Особенно неприятно было, когда появлялась «рама» - самолет-разведчик, корректировавший огонь противника. Однажды во время артиллерийского и

минометного обстрела одна из мин угодила в край моей землянки. Но, так как земля была мерзлой, мина сделала небольшую воронку, а её осколки прошли по поверхности и меня не задели. Только один из них ударил в мое ружье, но не вывел его из строя.

Вскоре стали готовиться к наступлению. Во время артподготовки стреляли орудия - наши и противника, сверху падали бомбы и мины. Земля содрогалась от взрывов. Стоял такой кромешный ад, и нервы были так напряжены, что, когда закурил цигарку из легкого табака, даже дыма её не почувствовал. Только солдатская махорка спасла.

Это время было особенно тяжелым для армии, о чем отмечается в многотомной истории Великой Отечественной войны.

Помню, мы быстро шли по открытой местности в сильный мороз и пургу, преодолевая каждый день по 40-50 км. Спали стоя или на снегу. Это было особенно заметно, когда колонна останавливалась.

Солдаты продолжали идти и налетали на стоящие впереди орудия, повозки и боевых товарищей. Часто обессилившие солдаты уходили от колонны в сторону и падали на снег. Но через несколько минут снова просыпались и спешили догнать колонну. Так было и со мной.

Отступая, немцы ставили ловушки, минировали местность. Однажды мы вошли в оставленную немцами землянку. Там была кирпичная печь, и в ней мы стали разжигать дрова. Из-за нашей неосмотрительности через некоторое время раздался оглушительный взрыв: посыпались в разные стороны искры, пепел. Все было в дыму. Когда же дым рассеялся, мы увидели развалившуюся печь, вывороченный колосник, который, видимо, и амортизировал удар, а поэтому никто из нас не пострадал. Только одного солдата ударило кирпичом по голове, но благодаря зимней шапке счастливец отделался легким ушибом.

Провиант доставлялся плохо - из-за постоянной бомбежки немцами переправы на Волге. Нам выдавали утром 6 сухарей из черного хлеба, немного сахара и чая. В обед - суп: одна вода, да 2-3 крупинки. Однако, несмотря на изнурительные походы, тяжелые условия, солдаты преодолевали эти препятствия и неотступно шли вперед на запад: Котельниково, Маныч,

Батайск, Ростов, Шахты.

Впереди был укрепленный населенный пункт - Матвеев курган на реке Миус. Он находился на возвышенности, поэтому его трудно было брать. Дали команду: «В атаку!», и мы устремились вперед. Много солдат при наступлении погибло. Меня ранило, когда я перебегал улицу, простреливаемую из пулемета. Отползая с улицы к домам, увидел раненого бойца, который стонал и просил о помощи. Я пробрался к нему, взял его ранец и помог выбраться с улицы в укрытие.

После госпиталя прибыл в часть, которая располагалась в Сивашах. Условия пребывания осложнились отсутствием воды. В Сивашах воду нельзя было пить. Сиваш означает гнилое, мертвое море, и вода там горько - соленая. Поэтому воду брали из луж. Но когда они высыхали, приходилось вышагивать много километров, чтобы отыскать другие лужи.

Недели через две к нам из штаба полка пришел офицер и спросил, нет ли у нас желания вступить в полковую разведку. Оказалось, что все 11 разведчиков из его полка подорвались на противотанковой мине. Но это меня не испугало, и я согласился. Стал выполнять различные задания: наблюдал за движением техники врага, подслушивал немецкую речь. За участие в разведке был награжден орденом Славы.

Однажды ночью мы пошли на очередное задание. Противник находился в 200 метрах от нас. Но для того чтобы к нему подползти, надо было разминировать дорожку в минном поле, которое начиналось сразу же за нашими окопами. Сапер это сделал, и мы по-пластунски поползли к немцам. Но они неожиданно запустили осветительную ракету, которая плавно спускалась на парашютике и довольно хорошо освещала местность. Мы поползли обратно, но нас заметили и открыли огонь. Я был ранен. Но тут произошло непредвиденное. Наш командир потерял вешку, которая указала путь к разминированной дорожке. Мы, затаив дыхание, ждали около часа (может быть, мне так показалось). Ползти куда-то наугад было неразумно, иначе мы подорвались бы, как те 11 разведчиков. Наконец, к нашему счастью, вешка была найдена, и мы вернулись к своим.

Должен сказать, что преданность и любовь к Отечеству были верными нашими спутниками. Когда я, уже дважды раненный, можно сказать - опытный, бывалый солдат,

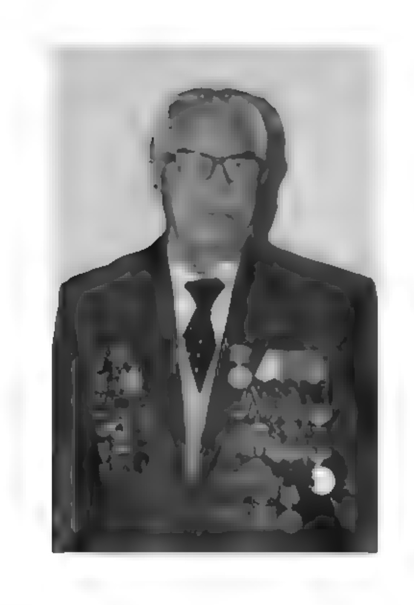
возвращался из госпиталя в товарном вагоне на фронт, то знал, что через неделю или даже раньше решится моя судьба: меня либо ранят, либо убьют. Но, как говорится, или голова в кустах, или грудь в орденах. Таково было сознание солдатского долга. И без этого высокого сознания мы бы не одержали Победы.

Я рассказал лишь некоторые эпизоды фронтовой солдатской жизни. Это, конечно, крупинка той силы, которая в общей массе, в конечном итоге помогла одержать победу над врагом.

Июль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Абаев Сергей Олегович****, студент 2-го курса Профессионального училища №5 города Москвы*

Елисеев Николай Сергеевич

Сегодня твой «Северок» сильнее любого пулемета

Недавно на приеме в Московской мэрии по случаю 60-летия битвы под Москвой было сказано много теплых слов о героизме московских ополченцев, партизан России. Л. Швецова обратилась к ветеранам с просьбой поделиться воспоминаниями с молодым поколением об участии в борьбе с фашизмом в период Великой Отечественной войны. Участникам встречи была подарена книга «История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». В этой книге говорится и о действиях брянских партизан, их боевых операциях, в том числе тех, в которых я принимал непосредственное участие. О них хотелось бы рассказать здесь.

В начале войны

Еще до войны все мы прекрасно понимали, что рано или поздно, но нашей стране предстоит жесточайшая битва с немецким фашизмом. Его устремления к мировому господству проявлялись все более явно и нагло. Поэтому уже в школьные годы помимо основной учебы стал заниматься в кружках, чтобы дополнительно получить такую специальность, которая

была бы востребована на случай войны. Будучи студентом Горьковского лесотехникума, я состоял в радиокружке и изучал радиоаппаратуру, азбуку Морзе. К началу войны умел - »стучать» на телеграфном ключе и принимать на слух радиотексты, передаваемые азбукой Морзе. Это обстоятельство и предопределило мою судьбу во время Великой Отечественной войны. Уже на другой день войны, 23 июня 1941 г., вышло постановление ЦК ВЛКСМ с призывом к молодежи страны встать на защиту Родины. Сотни тысяч молодых патриотов добровольно вступили в ряды Вооруженных Сил и ушли на фронт. В начале октября 1941 года я, семнадцатилетний комсомолец, также расстался со своими родителями, родным городом и любимой мною рекой Волгой. Эти слова из стихотворения поэта-волжанина Виктора Арчакова напоминают мне о тех днях расставания с отчим домом, со своими родными и близкими мне людьми. Вспоминаю и последние слова моей мамы: «Ты, второй воробушек улетаешь из родного гнездышка... Пусть хранит тебя господь». По-детски я ответил тогда маме: «За меня, мама, не беспокойся, будет все как надо: либо голова в кустах, либо грудь в крестах». Могли ли мы, мальчишки, 16-17 лет представить себе, что такое начавшаяся война.

9 октября 1941 г. вместе со своими товарищами Б. Есиным, В. Кузнецовым, С. Портновым. В. Рыбкиным, Т. Юрасовой и другими комсомольцами прибыли в Москву, имея на руках путевку горкома комсомола. С первых минут по прибытии в столицу, мы почувствовали напряженность. Пока мы шли от Курского вокзала до ЦК ВЛКСМ, нас несколько раз останавливали патрули для проверки документов.

Несмотря на происходившую эвакуацию партийных, государственных органов и других организаций, в ЦК ВЛКСМ нас приняли приветливо. Разместили в гостинице «Москва». Постепенно наша группа стала пополняться молодежью из других областей. Ивановский Обком ВЛКСМ пополнил нашу группу студентками Ивановского пединститута.

Примерно, через неделю из гостиницы «Москва» нас переселили в общежитие ЦК ВЛКСМ на Малой Бронной. Там уже проживало несколько молодых бойцов, успевших повоевать на фронтах, а некоторые из них в составе разведывательных групп неоднократно делали вылазки в тыл

противника. Они пользовались у нас непререкаемым авторитетом.

Вскоре нас стали привлекать к строительству оборонительных сооружений на развилке двух шоссе - Волоколамского и Ленинградского (поселок Сокол). Мы устанавливали ежи, возили на трамвайных платформах мешки с песком. Кроме того патрулировали на улицах Москвы, чаще всего в районах трех вокзалов.

16-19 октября в период всеобщей паники наводили порядок на Горьковском шоссе, где сплошной поток беженцев из Москвы создавал затор на десятки километров.

20 октября в Москве было введено чрезвычайное положение. Паника постепенно убывала, а бегство из Москвы заметно снизилось. Однако участились налеты фашистских самолетов на Москву, хотя «стервятникам» редко удавалось прорваться через заградительный огонь наших зениток и еще реже сбросить бомбы. Когда прожектора брали в свои лучи «стервятников», мы бурно ликовали и вместе со всеми кричали: «Бейте их, гадов, бейте».

В спецшколе № 3

В декабре 1941 года вышло Постановление ЦК ВКП/б/ о создании трех специальных школ для партизанского движения. Многих обитателей общежития ЦК ВЛКСМ на М.Бронной, в том числе и меня, зачислили в Центральную радиошколу партизанского движения, спецшколу № 3. Из общежития нас переселили в одну из средних школ в Гороховском переулке (возле Курского вокзала).

На третьем этаже школы были оборудованы классы для занятий. Четвертый и второй этажи отведены под общежитие. В подвальном помещении был оборудован тир, где мы учились стрелять из разных видов оружия.

Вместо военной формы всех курсантов экипировали в гражданскую одежду, что нас очень разочаровало. Ведь нам хотелось скорее одеть военную форму. Объяснялось это необходимостью конспирации в подготовке связистов для работы в подполье и партизанских отрядах, действующих в тылу врага. Спецшкола № 3 готовила квалифицированных радистов-операторов. Первоначально школа находилась в

подчинении одного из отделов ЦК ВКП/б/. В мае 1942 года спецшкола №3 перешла в распоряжение Центрального штаба партизанского движения (начальник штаба П.К. Пономаренко).

С этого времени школа стала обычным военным учебным заведением. Нас обмундировали в военную форму. Мы приняли военную присягу, хотя многим из нас и не было еще 18 лет. Занятия в школе длились по 12-14 часов в сутки. Поскольку я знал азбуку Морзе и немного «стучал» на телеграфном ключе, то очень быстро набрал приличную скорость передачи и приема (до 17-18 групп в минуту).

За время учебы нас часто навещали представители в гражданской и военной форме, кто они и кого представляли нам не объясняли. Беседы проводились в основном индивидуально. Во время таких бесед я впервые встретился с П.А. Абрасимовым - помощником секретаря ЦК КП Белоруссии П.К. Пономаренко, затем с помощником по Центральному штабу партизанского движения. В дальнейшем наши пути с П.А. Абрасимовым неоднократно сходились и расходились.

В послевоенные годы Петр Андреевич Абрасимов более 25 лет работал в Министерстве иностранных дел СССР - Чрезвычайным полномочным послом СССР в ГДР (дважды), в Польше, Франции и Японии. Более трех лет я проработал с ним в несуществующем ныне государстве - Германской Демократической Республике, а несколько позже - в Комитете по иностранному туризму СССР, где он был его председателем. Но мои воспоминания сейчас не об этом. Если хватит сил, постараюсь свои воспоминания о работе в МИДе в течение 40 лет рассказать отдельно. А сейчас позволю себе продолжить воспоминания периода военных лет.

На практике

В мае 1942 года меня вместе с другими курсантами, наиболее подготовленными для самостоятельной работы, направили в г. Горький (ныне Нижний Новгород) для прохождения практики сроком на две-три недели.

Дано задание: в одном из районов города снять конспиративную квартиру, развернуть в ней радиостанцию и установить регулярную связь со школьным радиоузлом в Москве. Нас снабдили надежными документами. Каждый имел

удостоверение сотрудника ЦК ВКП/б/. В нем предписывалось всем военным, гражданским и иным властям оказывать при обращении необходимую помощь. Эти удостоверения были написаны от руки черной тушью на шелковой материи. Мы их зашили за подкладку пиджака. На период задания нас снова экипировали в гражданскую одежду

В небольшой деревушке, что вблизи авиационного завода № 21 в районе Сормова, в одной из деревянных избушек сняли квартиру. В ней проживала одна пожилая женщина, которая не проявляла особого интереса к нашему появлению.

Вскоре связь с Москвой была установлена. Начался обмен зашифрованными телеграммами. Сообщения посылали чисто служебного характера. Перед нами ставились конкретные вопросы, мы давали исчерпывающие ответы. С нашей стороны были и шуточные запросы. Особенно запомнилась мне одна такого рода наша депеша: «На волне 64 метра пришлите две осьмушки табаку и коробку спичек, а то у нас уши опухли». Эта цифра так ко мне «прилипла», что когда меня отправляли в тыл противника, то кроме клички «Костя», дали корреспондентский номер «64».

Обмениваясь учебными телеграммами, мы были настолько наивны и беспечны, что не задумывались о своей безопасности. Примерно через два дня в наш дом пришел молодой человек под видом электрика, снял показание счетчика и, не задавая ни одного вопроса, ушел. В этот же день, вечером, появились еще два «субъекта» и решили войти в нашу комнату, которая изнутри постоянно находилась в запертом состоянии вместе с одним из наших операторов. Открыть им комнату мы наотрез отказались, да они и не очень-то на этом настаивали. А дальше произошло вот что.

Утром на следующий день к нашему дому подъехали две полуторки с красноармейцами. Из окон мы видели, как они окружили нашу хату, а у двери нашей комнаты послышался грозный окрик - откройте дверь! Мы были в замешательстве, не знали, как поступить - раскрыться и предъявить документы или же молчать и не говорить, кто мы и откуда.

Решили держаться до последнего. Но дверь вынуждены были открыть, предварительно свернув рацию. Всех нас, естественно, арестовали, посадили в машины и отвезли в Областное управление НКВД. Посадили в одиночные камеры,

допрашивали также поодиночке. Как выяснилось позже, все мы конечно раскрылись и предъявили документы, выданные в ЦК ВКП(б). Однако ночь провели в отведенных для нас одиночных камерах.

На другой день утром нас принял начальник Управления НКВД по Горьковской области генерал Питовранов. Он сказал: «Мы выяснили, кто вы есть на самом деле. Готовитесь для серьезного задания в тылу врага. Но если там вы будете действовать таким же образом, как здесь у нас, то, уверяю Вас, операция будет провалена. Мои службы вас обнаружили в первый же день появления в эфире. На второй день определили примерное ваше местонахождение. Наш сотрудник под видом проверки электросчетчика определил и вашу хату. А на третий день вы оказались в наших стенах. Были расшифрованы все передаваемые вами в Москву криптограммы. Свои предложения я направлю начальнику вашей школы Комисарову». Затем нас накормили завтраком и отвезли в нашу избушку, где мы продолжили свою практику.

В тылу противника

В июне 1942 года, по окончании спецшколы № 3, я был заброшен в тыл врага в Брянские леса вместе с небольшой разведгруппой. Впоследствии наша группа влилась в основной состав первой партизанской бригады им. К.Е. Ворошилова. Командиром бригады был Г. Покровский, а его заместителем по разведке стал наш командир разведгруппы Леонардо, испанец по национальности, хорошо владеющий немецким языком. Это был человек исключительной смелости и находчивости.

Несколько слов о партизанском крае Брянских лесов. Это был довольно обширный район площадью в несколько десятков тысяч километров. Уже в июне 1942 года там действовало несколько партизанских отрядов и бригад. Численность их личного состава достигала 20 тысяч человек. К моменту нашей высадки брянские партизаны были объединены под одним командованием, что давало возможность (и это было доказано в дальнейшей борьбе) проводить более крупные боевые операции. Был создан и объединенный штаб партизанских бригад. Командиром был Дмитрий Васильевич Емлютин, Герой Советского Союза, комиссаром - Бондаренко А.Л., начальником

штаба - Гоголюк В.К. В отрядах и бригадах радистов еще не было. В Объединенном штабе была одна рация, нагрузка на которую была чрезвычайно большой.

Прибытие нашей группы со своей рацией и прямой связью с Центром дало возможность несколько снизить напряженность в работе радиста. Все его звали Лёней. Фамилия, кажется, Травин. Однако, точно утверждать не могу, т.к. каждый из нас имел свою легенду и «кличку».

Некоторое время я помогал Лене во время его сеансов связи в приеме и передаче криптограмм, а он занимался только шифрованием (допуск к его шифрам я не имел). Я не сразу попал в партизанскую бригаду им. К.Е. Ворошилова и на какое-то время был оставлен в штабе на долечивание. Дело в том, что при приземлении мы были обстреляны из минометов. Меня легко ранило в обе ноги осколками разорвавшейся мины. Поэтому без посторонней помощи, я не мог свободно передвигаться.

Здесь необходимо внести некоторую ясность. Журнал «Радио» № 2 за февраль 1958 года в статье «Партизанское радио» писал о заброске в сентябре 1942 года в штаб Объединенных партизанских бригад группы радистов. В составе перечисляются фамилии, в том числе и моя: Есин, Елисеев и т.д. Это не совсем точно, т.к. к моменту высадки группы радистов во главе с начальником узла связи Виктором Ломановичем, я более двух месяцев находился в тылу врага вместе со своей группой, а попал в число перечисленной группы радистов видимо по причине того, что, как раз в сентябре, я находился на долечивании в штабе Объединенных партизанских бригад.

Наша бригада всякий раз, когда возвращалась с задания, не только приносила массу разведывательных данных. Она росла и численно. Пополнением являлись в основном бойцы и офицеры Красной Армии, попавшие в первый год войны в окружение или плен. Подобных групп, численностью до десятка человек с оружием и без оружия, по Брянским лесам бродило множество. Тех, кто имел при себе какое-то огнестрельное оружие, сразу же зачисляли в отряд, а кто не имел, тому говорили: «Добывай оружие и приходи». Не берусь судить, насколько такая позиция была правильной.

Среди «бродяг», к сожалению, попадались и предатели или

агенты, засылаемые в наши ряды. Однажды к нам присоединилась группа, которую возглавлял, назвавший себя капитаном Красной Армии, Кондратьев. Впоследствии он был разоблачен, причем через свою же связную. Она шла к нему для передачи задания: выкрасть радиста, а если не удастся, то уничтожить, при удобном случае во время какого-нибудь незначительного боя с противником. Оба агента были задержаны и судимы партизанским судом.

Партизанская радиостанция

Основным моим боевым оружием была рация «Север», любовно называемая мною «Северок».

«Север» - самая распространенная радиостанция партизанских отрядов в годы войны. Она создана талантливым инженером Б.А. Михалиным. Промышленное производство радиостанции было налажено в 1941 году на одном из заводов уже блокадного Ленинграда.

«Север» представляла собой переносную приемо-передающую коротковолновую радиостанцию с устойчивой связью до 700 км, а при хорошем прохождении радиоволн - более тысячи км. Рация хорошо работала на ближних и дальних расстояниях. В этом ее уникальность. В школе преподаватели нам говорили, что передачу этой станции слышали, якобы, во Владивостоке. Точно подтвердить эту версию не могу, а, вот, когда я был вторично заброшен в тыл противника под Пинск (Западная Белоруссия), Москва меня слышала на 6-7 баллов. Это отличная слышимость.

Рация размещалась в двух упаковках и в рабочем состоянии весила около 10 кг. К действующей рации всегда придавался комплект радиоламп и сухих элементов электропитания (БАС-60 или БАС-80), так что ее общий вес превышал более 15 кг. Всё это вместе с автоматом ППШ, пистолетом и гранатой Ф-1 во время рейдовых походов и передислокации висело на моих плечах круглые сутки.

К концу 1942 года радиосвязью были обеспечены почти все действующие партизанские отряды Брянских лесов.

Когда началась массовая заброска радистов в партизанские отряды и с их помощью была установлена регулярная связь с Москвой и штабами фронтов, у партизан появились

возможности получать вооружение, боеприпасы, продовольствие, снаряжение и т.п. Их боевые действия против противника стали более эффективными и ощутимыми. Немцы эту активность почувствовали и начали предпринимать разного рода контрмеры: определять места нахождения раций и бомбить места их расположения, засылать в отряды провокаторов с целью физического уничтожения радистов или их кражи.

Центральный штаб разработал и направил в партизанские центры директиву, предписывающую усилить охрану радистов, не допускать их без крайней необходимости к участию в боевых операциях и т.д. Эта директива спасла жизнь многим радистам, в том числе, не исключаю, и мне.

В сентябре 1942 года при штабе Объединенных партизанских бригад был создан стационарный радиоузел во главе с Виктором Ломановичем и самостоятельный шифровальный отдел (начальник Тарасов, имени его уже не помню).

Шифровальный отдел снабжал нас шифродокументами для связи с объединенным штабом, а также между бригадами в тех случаях, когда требовались совместные операции двух или нескольких партизанских бригад.

Операция по уничтожению «Синего моста»

Приведу пример совместной операции силами нескольких партизанских бригад. Это операция по взрыву железнодорожного моста через реку Десна на магистрали Брянск-Гомель.

Этот мост длиною около трехсот метров пытались взорвать отдельные группы партизан. Неоднократно уходили на задание смельчаки-подрывники. Но они либо возвращались ни с чем, либо вообще не возвращались - погибали. Крупный гарнизон гитлеровцев усиленно охранял этот участок военной магистрали, по которой круглые сутки шли десятки эшелонов с живой силой и техникой противника. Авиация также не смогла разбомбить этот проклятый «Синий мост». В некоторых публикациях эта операция была названа «Уничтожение «Голубого моста»«. Вот что писала пресса про эту операцию: «В строго назначенный час разгорелся бой за «Синий мост».

Линия одновременных боевых действий, на которой партизанские отряды штурмовали гарнизоны, растянулась примерно на 30 км. Размах операции был так велик, что фашисты приняли ее в начале за наступление Красной Армии. Благодаря героизму партизан задание было успешно выполнено. Движение по железной дороге было приостановлено на 28 суток. В операции хорошо проявили себя радисты, обеспечивающие бесперебойную связь и взаимодействие отдельных отрядов. Особенно отличились радисты: Елисеев (отряд им. Ворошилова), Ромашова (отряд им. Щорса), Матин (штаб объединенных партизанских бригад)».

Первый командир бригады Г. Покровский после взрыва «Синего моста» через р. Десна был отозван в Москву, получил звание Героя Советского Союза и направлен в Белоруссию командовать крупным партизанским соединением.

Моя роль в этой операции, как и во всех других, была, конечно, не стрелковой, но если и было сделано что-то, заслуживающее одобрения, то это благодаря моей рации «Северок», которая никогда не подводила меня, в том числе, и в тяжелых условиях.

Выход из блокадного положения

Основной задачей партизан в тылу врага являлась дезорганизация тыла противника: разрушение коммуникационных линий, подрыв мостов, железнодорожных путей, крушение поездов с живой силой и военной техникой, уничтожение складов с боеприпасами, разгром военных штабов и т. д. Всё это входило в задачу и нашей бригады им. К.Е. Ворошилова. Однако по-прежнему основной задачей оставалось осведомление частей Красной Армии о расположении, численности и передвижении войск противника, иными словами - сбор разведданных и передача их в соответствующие штабы на «Большую землю». Поэтому наша бригада не имела постоянной дислокации.

Мы непрестанно находились в рейдах по тылам противника. По ночам совершали переходы по 30-40 км из одного района в другой и нередко с боями. Днем старались укрыться в каком-нибудь лесочке или в деревне, заняв

круговую оборону. Во время рейдов мне было особенно тяжело, так как при краткосрочных остановках или на привалах мне было не до отдыха. Нужно было зашифровывать к очередному сеансу связи телеграмму и передать ее в Центр. Я уже писал, что основным моим оружием был «Северок».

Но, само собой разумеется, что нельзя было находиться в тылу врага и не иметь при себе и не применять огнестрельного оружия.

В конце мая 1943 года после многодневных боев наша бригада была блокирована противником в треугольнике двух рек Десны и Навли. Чтобы выбраться из окружения, нужно было выйти к реке Навля и форсировать ее. В этом ночном бою я расстрелял из своего автомата все патроны, о чем впоследствии пришлось сожалеть, поскольку в бригаде не оказалось больше запаса патронов. В этом бою бригада понесла большие потери. При форсировании реки я остался без сапог. Когда я добежал до берега Навли и бросился в воду, то, спасая рацию, я начал грести не руками, а ногами. На руках же поднял вверх рацию, чтобы ее не замочить. Доплыв до середины реки, я все глубже и глубже стал погружаться на дно. Пришлось освободиться от сапог, чтобы активнее работать ногами. На другой берег выбрался совершенно босым, но зато спас рацию и сохранил ее работоспособность.

После выхода из окружения, моим главным оружием снова стал «Северок». В Центр было передано несколько разведанных, заявки на боеприпасы, питание для рации, продовольствие и обмундирование. Я получил новенькие кирзовые сапоги.

К сожалению, мешок с электропитанием нам найти не удалось. Напряжение работающих электробатарей катастрофически садилось после каждого сеанса связи. Меня все хуже стали слышать не только Москва, но и штаб Брянского фронта. Пришлось искать выход из этого положения. Вскоре наши разведчики неизвестно откуда притащили агрегат, способный вырабатывать постоянный ток. Приспособили его в качестве источника питания рации. К удивлению Москвы и Орловского штаба партизанского движения меня стали слышать на 6-7 баллов. В Москве появились сомнения в легальности наших сеансов. На условный сигнал Москвы, мы ответили о приспособлении в качестве источника питания

электроагрегата. Подробности мною были изложены в докладной записке Орловскому штабу партизанского движения в сентябре 1943 г. Об этой технической смекалке сообщалось также в журнале «Изобретатель и рационализатор», №5 за 1980 г.

Не успели мы оправиться от первой блокады, как снова оказались в кольце окружения. Противник против нас бросил большие силы, включая танки. На этот раз бригада была зажата между рекой Десной и большим топким болотом, заросшим густым кустарником. Заняв круговую оборону, подразделения бригады вели непрерывные бои, стараясь не дать противнику сузить кольцо нашего окружения. Натиск фашистов сдерживали несколько дней. Уничтожено было два немецких танка. Мы также несли потери.

На третий или четвертый день непрерывных боев ко мне подошел командир бригады А. Катков и почти дословно сказал следующее: «Костя, наше положение критическое, противник всё больше и больше усиливает натиск, кольцо окружения сужается, с нашей стороны есть убитые и много раненых, среди них - тяжело раненые. С ранеными мы блокаду не прорвем. Принято решение сегодня ночью начать штурм, чтобы разорвать кольцо блокады. Есть мнение, тебя и моего заместителя по разведке Леонардо (он ранен в голову, но держится достойно), вместе с тяжело ранеными, как можно глубже и, не медля ни минуты, завести вглубь болота, разместить на кочках, плотах и носилках. Со связью вы не погибнете. Сегодня твой «Северок» сильнее любого пулемета или автомата. Но пока на связь ты не выходи, тебя могут запеленговать, и тогда раскроется ваше местонахождение. При штурме мы все не погибнем, и за вами обязательно кто-то из нас придет».

Постояв молча друг против друга, мы на прощание обнялись, и я сказал:

«Командир! Пусть хранит тебя Господь». Эти слова, сказанные мне мамой на прощанье, когда я уходил в октябре 1941 г. в армию, как-то сами собою сорвались с моих уст.

До темноты нас постарались эвакуировать вглубь болота. Маскироваться нам помог стелящийся над болотом густой туман. С наступлением темноты доносившаяся до нас стрельба постепенно затихала. Время от времени со стороны р. Десны

над нашими головами сплошной цепочкой летели трассирующие пули крупнокалиберного пулемета, а наше «убежище» озарялось зловеще-ярким светом немецких ракет.

Ночь для нас прошла относительно спокойно. Приглушенный стон раненых едва был слышен в трех-четырех метрах. Усталость и темнота брали свое дело. Со стороны Десны, где вели бой наши партизаны, слышался лай немецких овчарок и отдельные короткие автоматные очереди.

С рассветом началось что-то невообразимое. Кругом началась пулеметная и автоматная стрельба. Среди этой трескотни слышались разрывы гранат, мин. Все это продолжалось 30-40 минут. Затем стрельба то неожиданно и интенсивно начиналась, то в одночасье стихала, то вновь возобновлялась с новой силой. Было ясно, что нашим не сразу удалось выйти из окружения. Такое положение продолжалось еще несколько часов. Затем вдруг все стихло. В нашем районе Брянских лесов наступила тягостная тишина.

Позывные Москвы

Наше болотное положение становилось просто невыносимым. От голода, почти сутками находясь в болотной воде, мы начали пухнуть. Несколько раненых умерло. Было решено постепенно небольшими группами и как можно без шума выводить из болота, прежде всего, тяжело раненых.

Я еще не решался выходить на связь. Приказ есть приказ, и нарушать его я не имел права. Однако время от времени стал включать приемник и ловить Москву. Вдруг в один из сеансов услышал мои позывные, а затем Москва стала передавать телеграмму. Пока я готовился к ее приему, передача была закончена. Не выключая приемника, продолжал слушать Москву. Через некоторое время на этой же волне снова уловил позывные Москвы. Не отвечая Москве, приготовился к приему и не ошибся. Вслед за позывными последовала передача телеграммы. В телеграмме сообщалось, что бригада после тяжелых боев вышла из окружения, а нам, «болотникам», предлагалось выйти на сушу и ждать прихода своих товарищей.

Когда я доложил это сообщение Леонардо, он, несмотря на свое тяжелое положение, встал и громко, на сколько хватило ему сил, крикнул: «Ура, товарищи! Мы спасены». Нашей

радости не было предела. Постепенно стали разбредаться по лесу в поисках ягод, грибов или чего-нибудь съестного. Неожиданно в «нашем царстве» появилась целая задняя нога убитой лошади. В мясе было много червой, но это нас не смущало. Добытчики лошадиной ноги рассказали об увиденной ими ужасающей картине. Примерно в 4-х километрах левее нашего болота (видимо, там шел основной прорыв) вместе с лошадьми лежало большое количество трупов наших и немецких солдат. От разлагающихся трупов шел такой смрад, что находиться вблизи этого места было невыносимо.

На небольших кострах начали жарить куски конины. Леонардо приспособился ловить лягушек в болоте и тоже стал жарить их на костре. Он предложил и мне попробовать его «деликатес», но я вежливо отказался.

Главной нашей заботой по-прежнему оставались раненые. Некоторым из них становилось все хуже и хуже. Командир Леонардо разрешил наконец-то установить двустороннюю связь с Большой землей. Нам сбросили продукты (яичный порошок, колбасу в больших банках, муку, соль, сахар) и, как всегда, питание к рации и боеприпасы, а также медикаменты.

В одной из телеграмм сообщалось, что группа партизан во главе с начальником штаба Рубцовым идет к нашему «болотному» лагерю. Таким образом, мой «Северок» без единого «выстрела» одержал еще одну серьезную победу, сохранив жизни раненым.

Осуществлять радиосвязь с Центром приходилось в любой обстановке и в любое время суток. Все зависело от разведданных, которые добывали наши разведгруппы. Место проведения радиосеансов частенько приходилось менять из-за пеленгации работы рации, что причиняло немало хлопот командованию бригады, особенно в тех случаях, когда штаб бригады находился на одном месте. Не успеешь начать сеанс, как вскоре появляется «стервятник» с черными крестами на крыльях «Фокке-Вульф». Обычно он кружится над нашей базой, иногда снижается так низко, что хорошо видна голова летчика в кожаном шлеме и ствол пулемета, установленный на фюзеляже. Один «стервятник» во время очередного облета нашего лагеря летом 1943 года был сбит нашими партизанами длинной очередью из ручного пулемета. Самолет упал в 3-4 км от лагеря, и сгорел, а летчик, выпрыгнувший с парашютом,

вскоре был найден висящим на сучьях огромной сосны.

Мы не только выстояли, но и продолжили борьбу с фашистами.

Готовясь к летнему наступлению на Орловско-Курской дуге, фашисты решили сначала очистить свой тыл от партизан. Применяя против нас регулярные войска, противнику удалось провести несколько успешных карательных операций. Однако, очистить свой тыл от действий партизан ему не удалось.

А Брянский партизанский край как был, так и остался одним из обширнейших районов наших действий. В этот период нам практически приходилось действовать в условиях прифронтовой полосы, и мы часто проводили совместные боевые операции с регулярными войсками Красной Армии. Так с войсками Брянского и Центрального фронтов, взаимодействовало 13 партизанских бригад и 4 отдельных отряда Орловской области общей численностью 12,5 тыс. человек, в том числе и наша бригада.

Наши действия отличались большим разнообразием. Это разгром гарнизонов, штабов, захват и разрушение железнодорожных узлов, станций, уничтожение складов и баз с вооружением, горючим, продовольствием, разрушение коммуникаций. В этой связи, кратко остановлюсь на проведении операции под кодовым названием «Рельсовая война», успешное проведение которой оказало существенную помощь войскам Красной Армии всех пяти фронтов, принимавших участие в Орловско-Курский битве.

Операция была разработана Центральным штабом партизанского движения и одобрена Ставкой ВГК, включала одновременное разрушение железнодорожного полотна и вражеских коммуникаций на протяжении более тысячи километров по фронту и до 750 км в глубину. Для осуществления операции партизанские отряды, в том числе и наша бригада, получили взрывчатку и другие взрывные материалы.

Первыми удар по вражеским коммуникациям выпала честь нанести партизанам Брянщины, содействуя начавшемуся наступлению наших войск Центрального и Брянского фронтов в операции «Кутузов». С 22 июля до конца месяца, т.е. за 10 дней, партизаны подорвали несколько тысяч километров рельсов, пустили под откос 17 эшелонов с военными грузами.

Второй удар «Рельсовой войны» был произведен в ночь на 3 августа, одновременно с переходом в контрнаступление войск Степного и Воронежского фронтов.

Только за один месяц августа в период развернувшегося сражения на Курской дуге партизаны подорвали более тысячи вражеских эшелонов, уничтожили или повредили 1145 паровозов, взорвали 171 тысячу рельсов, что соответствует более одной тысячи километров железнодорожного пути в одну колею, взорвали или сожгли 900 железнодорожных мостов. Под обломками разгромленных эшелонов нашли свою гибель десятки тысяч солдат и офицеров противника. Такого противник не ожидал. Все движение в тылу группы армий «Центр» было практически парализовано. Наша бригада оседлала железную дорогу Новля-Севск, и по ней полностью было прекращено железнодорожное движение.

В разведке севернее Курска

Незадолго до начала битвы на Орловско-Курской дуге бригаде был дан приказ сосредоточиться на разведке в районе Севска, хутора Михайловского (Курская обл.). Прошли по тылам противника не одну сотню километров. Однажды к утру сделали привал для отдыха. Мне же отдыхать не удалось. Начальник штаба Рубцов принес очередную телеграмму, которую нужно было немедленно передать в Центр.

Зашифровав ее, выбрал место более или менее открытое для лучшего прохождения радиоволн. Этим местом оказалась просека.

Еще не успел я закончить сеанс связи, как совершенно неожиданно для нас послышался нарастающий гул работающих моторов, сливающийся с шумом огромных сосен. Срочно пытаюсь завершить сеанс связи, но Москва меня не отпускает. У нее телеграмма-молния и меня просят ее принять. Но рев моторов приближается все ближе и ближе к нашему месту расположения. Начальник штаба приказывает немедленно уходить в глубь леса, что я и сделал.

Примерно через час начальник штаба дает внеочередное донесение, в котором говорилось следующее (пишу по памяти): «В сторону хутора Михайловского по лесным просекам прошли две колонны танков противника неизвестной нам марки». Как

выяснилось позже, это были новые немецкие танки «Тигр», «Пантера» и самоходные орудия «Фердинанд».

В воспоминаниях невозможно передать словами всю тяжесть партизанской борьбы в тылу врага, все пережитое за эти полтора года. Хорошего было мало, исключая радостные минуты после успешно проведенных операций. Все остальное время непрерывные бои с противником и, не скрою, борьба за выживание. Если мне кто-то скажет, что не было никакого страха за свою жизнь, этим людям я не поверю.

Лично у меня, а я точно знаю, что и у других радистов, круглая граната Ф-1 висела на поясе под курткой всегда - и днем, и ночью. Я как радист-шифровальщик не мог допустить риска попасть в руки фашистов раненым или контуженым. И не только потому, что знал какие нечеловеческие муки мне уготованы. Основная причина заключалась в том, чтобы в руки врага не попали наши шифродокументы и рация. Именно в силу этих причин, мои коллеги, попадая в безвыходную ситуацию, выдергивали чеку из гранаты и уничтожали себя, документы и рацию. Так поступил в Прибалтике мой однокурсник по спецшколе № 3 Коля Покедов из Рязани. Он, как и я, прибыл в Москву в конце 1941 года по путевке горкома Комсомола. Ограничиваюсь одним примером лишь по одной причине. Уж слишком трудны эти воспоминания.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, находясь в тылу противника в партизанском крае Брянских лесов почти полтора года, я вместе со своими сослуживцами, ставшими моими друзьями, исходил не одну тысячу километров в Брянских лесах, по Орловской, Курской, Сумской и частично Гомельской областям.

За это время встречался со многими известными лидерами партизанского движения: Елютиным Д.В., Ковпаком С.А., Ромашиным М.П., Дука М.И. и многими другими. Я не просто всем этим горжусь, нет. Я счастлив, что мне, мальчишке 18 лет, пришлось пройти такой путь в первые годы войны.

В сентябре 1943 года, не успев форсировать реку Днепр, наша бригада оказалась в тылу нашей славной Красной Армии, иными словами - мы соединилась с частями славной армии-победительницы.

На этом закончился мой первый этап борьбы в тылу врага. Затем мне пришлось до февраля 1944 г. воевать на 1-м

Белорусском фронте, а с февраля по май 1944 г. вторично в тылу врага в соединении Пинских партизан Героя Советского Союза генерала В.З. Коржа. Об этом периоде постараюсь рассказать в другой раз.

Ноябрь 2003 года

Жуков Илья Степанович

Помню, как пошел первый поезд

Я родился 2 августа 1923 года в дер. Лузгарино Шатурского района Московской области. Русский. Православный. Был комсомольцем. Член Совета ветеранов при РЭП-40 с 1983 года по настоящее время. Оказываю помощь малообеспеченным, навещаю лежачих и больных участников ВОВ.

В 1941 году ходил в школу в 10-й класс. По болезни сразу в армию не взяли. После болезни в июле 1942 года был призван в армию и направлен на формирование в г. Ярославль в 10-ю восстановительную железнодорожную бригаду. К этой бригаде относились 25-й, 17-й и 19-й отдельные железнодорожные батальоны.

Осень. После 3 месяцев подготовки формирования и учебы в октябре 1942 г. нас направили на Западный фронт, на ст. Старые Торопа. Там строили узкоколейку до ст. Кресты и Велеш для подвоза боеприпасов для обеспечения наших войск (готовилась операция «Багратион»). Окончили строительство в апреле 1943 г.

После освобождения Смоленска нас бросили на восстановление Смоленского железнодорожного узла.

Далее восстанавливали железнодорожную станцию Рудня. Крюками ломали взорванные рельсы, пилили их на куски примерно по 2 метра, подвигали, собирали из них

железнодорожный путь. Помню, как пошел первый поезд. Он, по трещавшему полотну, еле-еле, но пошел. Мы стояли на посту, сопровождали поезд. Вскоре ударили морозы, что упрочнило путь. По такому пути поездам было проходить проще.

Началась операция «Багратион» (восстановление железнодорожных путей было частью подготовки к её проведению) для освобождения Белоруссии.

Осень 1943 года. После освобождения части Белоруссии нас отправили на восстановление железных дорог городов: Невель, Дно, Витебск, Ново-Сокольники. Нас бросили на восстановление железнодорожных мостов: разборку до основания бетонных, строительство на их месте новых деревянных, восстановление путей. Строили тупики для устройства складов.

1944 год. Начало восстановления железных дорог, разрушенных при отступлении немцев, от Витебска к Литве, Латвии, до Кёнигсберга. В Латгалии наткнулись на немецкий корпус, который не успели эвакуировать водным транспортом.

После окончания строительства нас передали 38-у мотострелковому батальону. Под Юрмалой (Рижское взморье) с начала осени до октября 1944 года нас бросили на строительство моста через реку Лиелупе. Там мы успели только забить часть свай, некоторые из которых там и по сей день торчат из воды.

В октябре 1944 года поступил приказ о расформировании.

Выдали деньги, муку и прочее, в Риге посадили в эшелон и направили в Москву.

Всю войну прошел рядовым. В начале войны был направлен в Смоленскую военно-пехотную школу, военно-пулеметное училище, но по здоровью не прошёл отбор.

В 1943г. на ст. Торопа в результате воздушного налета получил контузию коленного сустава и головы, был обездвижен, полгода лечился в 920-м эвакогоспитале под Полоцком в Белоруссии в бывшей шляхтской усадьбе.

Мои награды.

Орден Отечественной войны II-й степени.
Медаль «За победу над Германией».

Медаль «50 лет Советской Армии».
Знак «30 лет Победы».
Знак «25 лет Победы».
Медаль Жукова.

После войны некоторое время работал на охране объектов МВД.

В 1947-48 г.г. учился в 9-10 классах вечерней школы (во время войны многое забылось).

До 1957 г. учился в Московском институте народного хозяйства им. Плеханова.

Работал заведующим отделом в магазине «Одежда» в Москве. Затем в 1963-65 гг. - в производственном отделе управления капитального строительства Министерства тяжелого машиностроения.

Потом, в Главном военно-строительном специализированном управлении строили ракетные площадки на Байконуре и в г. Мирный.

В 1983 г. вышел на пенсию, занимаюсь общественно-полезным трудом в Совете ветеранов при РЭП-40.

Был брат Георгий – участник ВОВ, сержант подразделения связи, имеет много наград, умер в 2001 году.

Май 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Амелин Денис Алексеевич****, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета*

Журавлёв Николай Федорович

В первый день на берегу Одера было сравнительно спокойно

Я, гвардии младший сержант, родился 12 декабря 1925 года в Калининской области Краснохолмского района, Рачевского сельсовета, деревня Осиновка.

Русский, неверующий, беспартийный, образование 4 класса.

В 13 лет пошел работать учеником электромонтера в Ярославское Заготзерно. 22 июня 1941 года началась война. Всех электромонтеров призвали в армию. Я остался один. Начальник привел женщину (у которой погиб муж на фронте) и сказал, что я должен выучить эту женщину и работать вместе с ней. Мы работали вместе.

В ноябре месяце 1941 года меня мобилизовали под Ростов-Ярославский на строительство оборонительных укреплений. Мы копали противотанковые рвы, строили блиндажи. Из под Ростова-Ярославского нас перевели под Москву на правый берег канала имени Москвы, где мы также строили оборонительные укрепления до тех пор, пока не погнали немцев от Москвы. Я вернулся на базу Заготзерно.

В феврале месяце 1943 года я был призван в армию, служил в Бронницах Московской области в отдельном учебном автополку. По окончанию учебы нас, сто человек, призвали в

Кубинку (МО), где мы получили машины и переехали в Загорск (ныне Сергиев Посад). В это время в Загорске (июнь 1943 года) формировалась 4-я танковая армия. Меня вместе с машиной направили в артдивизион 17-й гвардейской механизированной бригады 6-го гвардейского механизированного корпуса и включили водителем в расчет 76-мм пушки ЗИС-3.

С этим расчетом я вступил 26 июня 1943 года в бой на Курской дуге. После Курской дуги наша армия участвовала в Проскуровско-Черновицкой и Львовско-Сандомирской операциях. Форсировала реки Вислу и Одер, принимала участие в разгроме Берлинской группировки противника и штурме Берлина. 4-я гвардейская танковая армия закончила войну 9 мая 1945 года освобождением города Праги (ЧССР). Наша 17-я гвардейская механизированная дважды Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого, первая в Советской Армии форсировала реку Одер.

Как это было.

В январе месяце 1945 года наша бригада с Сандомирского плацдарма вошла в прорыв и быстро стала продвигаться к реке Одер. Форсировав реку Пилицу, мы проехали еще несколько километров до какого-то населенного пункта (какого я не помню). У нас кончилось горючее, и мы вынуждены были остановиться.

Чтобы продолжать движение, комбриг Леонид Дмитриевич Чурилов приказал слить оставшееся горючее в пустые емкости. Заправив четыре танка и две автомашины с пушками, под командованием Леонида Дмитриевича Чурилова мы продолжали путь к реке Одер. Проехали километра два, у нас подбили первый танк, через несколько минут у нас подбили второй танк. Я ехал с пушкой последним и не знал, как это случилось.

Мне рассказали, что танки подбили две женщины, которых тут же раздавили гусеницами. Танкисты с подбитых танков не пострадали и пересели к нам в машины.

В ночь на 23 января 1945 года передовой отряд 17-й гвардейской механизированной бригады во главе с командиром бригады полковником Леонидом Дмитриевичем Чуриловым первым вышел к реке Одер в район города Кёбен.

Первый день на берегу Одера было сравнительно спокойно. Согласно географическим картам на этом месте реки должен быть мост. К сожалению его не было. Ширина реки в этом месте около 200 м, русло её с быстрым течением не замерзало, требовались понтонные средства, которые отстали.

Я поставил машину на высоком берегу Одера, чтобы замаскировать ее и пошел к видневшимся невдалеке камышам. Войдя в камыши, я увидел страшное зрелище. До сих пор при воспоминании об этом у меня на голове волосы встают дыбом и мурашки бегают по коже. Там лежали голые женщины, их было много, и у каждой на теле были следы издевательств, а в детородном органе были сучковатые палки. Я замаскировал машину. Вечером нас с Иваном Ленчем послали навстречу нашим войскам, чтобы ускорить подход понтонных частей. Мы проехали километров 20 и остановились на высокой дамбе. Слева был лес, справа поле, а вдали тоже виднелся лес. Из леса стали появляться черные точки, это могли быть, отходящие под напором наших войск, отступающие немцы.

Горючего у нас оставалось мало, и мы решили вернуться в часть. Приехал в часть глубокой ночью. Я лег спать в кабине машины и, не успев уснуть, услышал треск в кузове. Выйдя из кабины и осмотрев машину, я увидел несколько пробоин в кузове, а когда залез в кузов, почувствовал какой-то запах, на полу разлитая жидкость, это был антифриз, вытекший из пробитой бочки. О случившемся я доложил Ивану Ленчу, он доложил комбату старшему лейтенанту Ивану Щепину и, придя ко мне, сказал, что с того берега стреляет автоматическая пушка, и нам срочно нужно уехать, а он меня проводит. Выехав на шоссе, мы повернули налево и, проехав несколько метров, услышали треск в кабине, сидение провалилось.

Выйдя из машины, мы увидели пробоину в дверце машины, пробоина была сквозная. Мы поехали дальше. Проехав еще несколько минут налево и уже лесом, мы подъехали к реке Одер. Здесь я остался один. Днем ко мне заехал на машине Иван Ленч с тяжелораненым комбатом старшим лейтенантом Иваном Щепиным. Иван Ленч сказал, что комбат приказал ему заехать ко мне, чтобы со мной проститься.

Комбат Иван Щепин показал мне руками, чтоб я залез к нему в кабину, я выполнил его просьбу, он пожал мне руку,

пожелал мне удачи и сказал: «Прощай». В госпитале комбат умер.

Пока я сидел в лесу на берегу Одера, на месте будущей переправы шла работа. Саперы выбирали место для переправы, готовили переправочные средства из подручных материалов.

По приказу комбрига полковника Леонида Дмитриевича Чурилова 5 разведчиков ночью переправились на противоположный берег Одера. Это были: командир взвода разведки старший сержант Т.Д. Седенков, командир отделения старший сержант Т.К. Кержнев, разведчики: ефрейтор В.В. Вильский, младший сержант Г.А. Слободенюк и сержант Ф.П. Тюменцев. Разведчики проникли на колокольню церкви и сбросили оттуда прикованного цепями к малокалиберной автоматической пушке немца, который вёл огонь бронебойными, осколочными и зажигательными снарядами по нашему берегу. Все разведчики и командир орудия Борис Костяков и его наводчик Кидалов, которые расстреляли немецкий самолет, приземлившийся на территории противника, были удостоены звания Герой Советского Союза.

Понтонеры ночью навели мост, и подошедшие войска переправились на противоположный берег Одера. Так был взят город Кёбен. Город почти весь горел. Наши пехотинцы, войдя в город, заходили в пустые дома и, чтобы согреться, разводили костры. В этот момент меня вызвали в штаб и сказали, что я награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Я вернулся в свою батарею, мы сели обедать, но тут нас подняли по тревоге, и мы поехали в сторону немцев. Простояв сутки на огневой позиции, мы были вынуждены отступить, так как у нас было мало снарядов. Вдогонку немцы стали нас преследовать артиллерийским огнем. Один из снарядов разорвался с моей стороны, большой осколок, пробив дверцу кабины, сшиб с меня шапку и ушел через крышу. Второй осколок попал мне в бедро и там застрял, загорелась машина, и мы с комбатом стали её тушить.

Расчет разбежался, когда начался обстрел машины. Когда потушили машину, поехали в впереди видневшуюся деревню. В деревне нас встретил санинструктор. Перевязал мне ногу, но так как машину сдать было некому, я с расчетом приехал в город Кёбен, ребята вытащили меня из машины и отнесли в

госпиталь – это было моё третье ранение. Так закончилась для меня война.

Сделав операцию в Кёбене, меня перевезли в другой город, там сделали три операции, осколка не нашли. Меня перевезли в город Львов, где в госпитале мне удалили осколок, и перевезли в город Новгород-Волынский. У меня не зарастала рана, и мне сделали пять операций. День Победы 9-я мая 1945 года я встретил в госпитале.

После госпиталя служил в Москве. Затем, в Омской области был старшим автомехаником, там возили зерно из глубинки, у меня было 16 машин. Работал в Алтайском крае в Кулундийских степях, где также возили зерно. Оттуда перевели в Сталинград восстанавливать город.

За период боевых действий я был трижды ранен и один раз контужен.

Был награжден медалью «За отвагу» №1704658 и Орденом Отечественной Войны 1-й степени (№1463346, от 19 февраля 1996 года), медалью Жукова №0527518 и юбилейными знаками отличия и медалями.

Работал я шофёром, пока не запретили по болезни.

С апреля 1991 года являюсь инвалидом ВОВ 2-й группы.

Я хочу в тексте привести стихотворение, которое написал и прислал мне письмом мой лечащий врач, который следил за моим выздоровлением во Львове после последнего ранения.

С Новым годом друзья боевые,
Ветераны минувшей войны,
Вы навек для меня дорогие,
Все мы дружбе солдатской верны.
Знаю, трудно бороться с годами,
Знаю, раны тревожат порой,
Но в награду за это над нами
Чистым стал небосвод голубой.
Пусть счастливым и добрым он будет,
Пусть задумки свершатся сполна,
И надежду в сердцах не остудит,
Нам на новую встречу, друзья.
И сегодня Вас всех вспоминаю,
Руки Ваши я мысленно жму,
Тех, кто близко стоит, обнимаю,
И с любовью на них я гляжу,

До свиданья и будьте здоровы,
Час настал, слышу ясно шаги,
Это год приближается ровно,
Это поступь Советской страны.

И народы, спасенные Вами,
Воспевают Ваш подвиг святой,
Восхищаются стойкостью Вашей,
При защите Отчизны родной.
Чтобы свет Октября негасимый
Нам светил, озаряя наш путь,
Чтобы облик Отчизны любимой
Волновал людям радостно грудь.
С Новым годом, друзья фронтовые,
Ветераны минувшей войны,
Вы на век для меня дорогие,
Патриоты Советской страны.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Штырёв Максим Александрович****, студент Московского авиационного института*

Журов Андрей Васильевич

Десант на косу Фриш-Нерунг

Я родился 3 сентября 1924 года в Калининской области в поселке Оленино. Русский, беспартийный.

Окончил 7 классов. Впервые о войне услышал 22.06.1941 г. в родном поселке по радио.

Начал участвовать в боевых действиях с 26.07.1944 г. в Белоруссии солдатом 36-го стрелкового полка телефонистом.

Боевой путь проходил в 247-м стрелковом полку 84-й гвардейской стрелковой дивизии. Командиром дивизии был генерал-майор Щербино И.К., а мой непосредственный начальник был гвардии капитан, впоследствии майор, Шкуратов. В этой дивизии и прослужил до конца войны сержантом во взводе управления 120-мм минометной батареей связистом-разведчиком.

В 84-й гвардейской Карачаевской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии я служил и участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны.

14 июля 1944 года дивизия форсировала реку Неман в районе Алитуса, освободила Неманайца и прорвала оборону противника на западном берегу реки Неман. В дальнейшем дивизия наступала в направлении города Кенигсберга. И 6-10 апреля 1945 года участвовала в штурме крепости Кенигсберг. В

октябре 1945 года в районе города Гусев дивизия была расформирована.

После штурма крепости Кенигсберг нам пришлось штурмовать последний оплот сопротивления немцев город-крепость на берегу Балтийского моря Пиллау и форсировать пролив - переправы на косу Фриш-Нерунг.

Мне вспоминаются эти события, ибо я участник десанта по переправе пролива на косу Фриш-Нерунг.

В ночь на 24 апреля 1945 года наш полк под непрерывным обстрелом с суши и моря вышел на исходные позиции и с рассветом после артиллерийской подготовки пошел в наступление на позиции противника, закрепившегося на подступах к городу-крепости Пиллау. Удар был столь силен, что гитлеровцы не устояли и стали отходить. Буквально на плечах врага стрелковые батальоны нашей дивизии ворвались в город-крепость Пиллау.

Во второй половине дня совместно с другими частями полк очистил Пиллау от вражеских войск. Бои за освобождение-взятие города-крепости Пиллау продолжались с 24-го апреля (сменив 43-й гвардейский полк 16-й гвардейской стрелковой дивизией, нашей 84-й стрелковой дивизией) по 26 апреля к 23 часам крепость была взята.

Приблизительно в 3 часа ночи, нас с одним орудием (120-мм минометом) погрузили на понтон, шел мелкий дождь и нас, десантников, катер повез к берегу косы Фриш-Нерунг, а перед этим был потоплен немцами наш один десант среди пролива. Он попал под обстрел вражеской артиллерии. Но мы, слава Богу, проскочили опасную зону обстрела, которую немцы вели, и мы благополучно форсировали пролив.

Здесь нас встретили наши десантники, которые раньше нас форсировали, они нам помогли перетащить орудие, и мы приступили к расширению площадки на косе.

Вскоре после высадки батальон вошел в соприкосновение с немцами. Завязался бой. Противник предпринял ряд контратак. Огнем всех видов оружия при поддержке огня нашей батареи 120-мм минометов эти атаки были отбиты. Батальон удержал плацдарм до подхода главных сил. Полк успешно продвигался вперед.

Наши войска непрерывным потоком переправлялись через канал по наведенному саперами мосту. Продвигаясь вперед, мы

захватили несколько пленных. Выяснилось, что нам придется иметь дело с довольно крупным гарнизоном противника, укрывшимся в бункерах.

Первоначально они ничем себя не выдавали. Ждали помощи с моря. И, действительно, в ночь на 27 апреля группа вражеских катеров сделала попытку подойти к косе, снять находившихся там гитлеровцев. Однако успеха они не достигли, будучи встречены артиллерийским огнем. Катера не смогли пробиться и ушли в сторону моря. Надежда на спасение исчезла.

Наш батальон продолжал сближаться с противником, разгорелся ожесточенный бой. Нам удалось поджечь один из бункеров. Мощный огонь наступающих заставил многих гитлеровцев сложить оружие и сдаться в плен. Укрепившийся в бункере, генерал Хэнке в перестрелке был смертельно ранен и вскоре скончался. Это был последний и большой бой нашего батальона с противником в годы Великой Отечественной войны.

В последующие два дня 28 и 29 апреля наши части дивизии вышли на северо-западное побережье косы на участок Мол-Зюдмолле и заняли оборону на побережье. Здесь мы, воины-гвардейцы, и встретили победный май.

На этом боевой путь 84-й гвардейской Карачаевской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии завершен. В 3 часа ночи 9 мая 1945 года нам объявили, что враг капитулировал, война окончена. Сна как не бывало, все поздравляли друг друга с победой. Сбылись слова: «Кто с мечом к нам придет - от меча и погибнет". Пусть же это учтут агрессоры.

Наступило мирное время, и я решил стать строителем.

При штурме города-крепости Кенигсберг я был ранен в ногу, ранение было осколочное, легкое, после оказания медпомощи продолжал участвовать в бою. Второе ранение было в щеку на косе Фриш-Нерунг после переправы. После лечения в медсанбате продолжал служить в своей батарее. Демобилизовался в феврале 1947 года.

За время боевых действий награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны 1-й степени.

На войне погибли в боях два старших брата. Один под Ржевом в Холмеце, другой – в Карелии. После демобилизации работал на восстановлении разрушенной войной Калининской железной дороги на участке Ржев-Новосокольники – мастером.

С 1955 г. работал на строительстве в Москве. Участвовал в строительстве жилых домов в Красногвардейском районе с 1955 по 1960 годы на Лялине переулке, в Большом Казенном переулке, а с 1960 года - на строительстве жилых домов в Перовском районе. На Зеленой улице в 1966 году участвовал в строительстве Калининского проспекта. С 1967 года на строительстве главного вычислительного центра Госплан и ряд других объектов, где работал прорабом. Закончил работу и ушел на пенсию в 1991 году.

Июнь 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Гайнутдинов Анатолий Камилович****, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета*

Зайцева Полина Иосифовна

Девятый прожекторный полк

Родилась в 1921 году в поселке Мстера Вязниковского района Владимирской области. Русская, христианка, была членом ВЛКСМ.

До войны окончила школу в 1939 году, в 1948 г. окончила Московский областной педагогический институт им. Крупской (вечернее отделение).

Узнала о начале войны в г. Ярославле, где я начинала учиться в Педагогическом институте на дневном отделении в 1939 году. Там, на набережной Волги, среди многочисленного скопления народа я услышала выступление Молотова из громкоговорителя. Пришлось прервать учебу в институте и уехать на родину. Там я поступила работать в семилетнюю школу пионервожатой.

В ряды защитников Родины я попала в 1942 году в апреле месяце, была вызвана повесткой через районный комитет комсомола в райвоенкомат. 17 апреля я и многие мои сверстницы из поселка отправились в районный центр г. Вязники в райвоенкомат.

Утром, в четыре часа, по насту (уже начинался паводок, выходила из берегов река Клязьма) надо было пройти пешком 25 километров и к 10 часам прийти на место. В этот же день нас посадили в эшелон и отправили на фронт. Что мы там будем

делать, нам этого не сказали, а на вокзале стоял стон и плач родителей, отправлявших своих дочек на фронт.

Состав был огромным, «телячьи» вагоны были набиты плотно, посередине вагона стояла печка-буржуйка, и мы разместились в основном на полу, да так и спали полусидя и по очереди.

Ехали до Москвы пять суток, прибыли ночью. Кругом вой сирен, прожектора освещали небо, где-то слышался разрыв бомб. Конечно, все это было необычно и страшно для нас, хотелось куда-то забиться в щель и сидеть, не видя и не слыша ничего. Но все-таки постепенно страх уходил и приходил здравый смысл. Самое главное - это обуздать свой страх и ужас, тогда уже становится не так страшно.

На распределительном пункте нам объяснили, что будем защищать Москву на ее ближайших подступах, в войсках ПВО. Мы попали в 9-й прожекторный полк при 55-й зенитной артиллерийской дивизии. Я попала на прожекторную точку близ села Марьино по Курской железной дороге. Там у прожектора меня обучили и назначили вторым номером. Налеты в то время были частыми, немецкие самолеты летали буквально на высоте 100 метров.

Иногда они обстреливали нас из пулеметов, бомбили окрестности, но нашу точку как-то обошли.

Жить в землянке было тяжело, тесно (жили два расчета), землянку заливали грунтовые воды, и утром все ведрами вычерпывали воду, а потом начинали боевую учебу. Но вскоре изменили нашу дислокацию, подняли по тревоге, и нас перекинули на направление Казанской дороги, в район ЦАГИ (от поселка Отдых до Вешняков). Наша точка теперь была в районе п. Удельная.

Здесь меня поставили слухачом на агрегат ЗП-2. Я ловила звук немецкого самолета, данные передавали на прожектор, и командир роты старший лейтенант Андрияшкин отдавал приказ: «Дать луч». Постепенно мы стали узнавать звуки всех вражеских самолетов, они уже поднялись на очень большую высоту, но кольцо прожекторов все равно их доставало. А вокруг стояли зенитно-артиллерийские пушки и вели заградительный огонь.

Боевое положение N1 объявляли каждую ночь, и нас не так донимало плохое питание (вначале кормили одной «баландой»

и выручало то, что давали 800 г хлеба), а то, что все время хотелось спать. Не спали ночами, а в морозные ночи замерзали все части тела, а в землянку войти было нельзя. Часто засыпали стоя. Большую опасность для нас представлял град осколков от зенитных пушек. Много было ранений именно от них.

Новость об окончании войны 9 Мая нам принесли связисты. Всех охватило чувство радости, счастья, ощущение свободы, какой-то необузданной веселости. Кто плачет, кто смеется, стали палить вверх из наших винтовок и угомониться никак не могли.

Наш полк принимал участие в Салюте Победы. Мы снялись со своих мест за 3 дня до салюта. Но природа приносила нам свои сюрпризы: все дни шел проливной дождь. Приехали на Андроновскую площадь, и я не была уверена, что салют состоится, но природа все-таки отступила, она тоже оказалась на нашей стороне. Ко времени, когда салют должен был вспыхнуть, дождь прекратился, и наступила тишина. Вдруг грянули пушки, и мириады разноцветных огоньков взвились, а тысячи прожекторов выделывали свои трюки разноцветными лучами по всему небу.

Я закончила боевые действия в начале июля 1945 года в составе 4-й роты 9-го прожекторного полка 55-й зенитно-артиллерийской дивизии в качестве комсорга роты в звании старшего сержанта.

Имею награды:

- медаль «За победу над Германией» «12 января 1946 г.);
- медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (30 сентября 1966 г.);
- медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (23 ноября 1977 г.);
- медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»;
- медаль «70 лет Вооруженных сил СССР» (10 мая 1988 г.);
- медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (23 марта 1995 г.);
- медаль Жукова (19 февраля 1996 г.);
- медаль «Ветеран труда» (15 августа 1977 г.);

- орден Отечественной войны 2-й степени (11 марта 1985 г., N 2604232).

Демобилизовалась в Москву, поступила на работу на завод «Москабель» 10 июля 1945 года.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Зайцев Михаил Андреевич**, студент 3-го курса кафедры военного обучения Московского энергетического института*

Захаров Михаил Андреевич

Брат сообщал, что находится на «даче Геринга»

Война застала меня на студенческой скамье. Я в это время был выпускником Московского политехникума связи, сдавал государственные экзамены.

По окончании экзаменов, примерно 5 июля, нас, ребят-выпускников и студентов старшего курса, собрали в актовом зале техникума и капитан-связист, представитель формировавшегося тогда в Москве полка связи, рассказал нам коротко о положении на фронтах и предложил вступить добровольцам и в их полк.

Командование полка было, видимо, заинтересовано принять в свои ряды молодых связистов, которые за годы учебы получили хорошую техническую подготовку, а многие - специальность радистов-операторов. Кроме того, значительное место в учебной программе техникума занимала военная подготовка. Я был в числе зачисленных в этот полк. В течение нескольких дней мы рассчитались с техникумом, попрощались с друзьями, получили обмундирование и уже 11 июля находились в казармах полка.

Начались дни военной службы. Я попал в экипаж автомобильной радиостанции РСБ. Как выяснилось, никто из нашей команды не знал вверенной нам радиостанции, никогда

не видел этой новой аппаратуры, а некоторые члены экипажа вообще имели слабое представление о связи и радиотехнике.

Вновь назначенный начальник радиостанции, серьезный пожилой человек, старший сержант (фамилия его была, кажется, Ульянов) узнав, что я радиотехник, хотя еще не очень опытный, тут же освободил меня от разных дежурств и маршировок и поручил досконально разобраться во вверенной нам технике, чтобы затем обучить других членов экипажа. В течение нескольких дней я не вылезал из аппаратной и, кажется, неплохо освоился со всеми премудростями новой техники. Дело упрощало то, что при станции имелись грамотно составленные инструкции.

Радиостанция РСБ (радиостанция самолета-бомбардировщика в автомобильном варианте) произвела на меня впечатление совершенством аппаратуры, тщательно продуманной компоновкой и комплектацией (было все от запасных частей и ламп до топоров и лопат), многими другими достоинствами.

Правда, позднее, в абсолютно безвыходной ситуации, эту великолепную радиостанцию нам пришлось сжечь в Брянском лесу. Но многие станции того же типа за долгие годы войны показали себя с самой лучшей стороны и в тяжелых фронтовых условиях служили войскам верой и правдой.

В общем, мы всей командой взялись за освоение вверенной нам техники. За этой работой прошло еще несколько дней.

А 22 июля, после ужина, солдаты, как обычно, собрались у казармы, курили, разговаривали. Был тихий летний вечер.

Вдруг, по небу начали шарить прожекторы. Много прожекторов. А над Москвой на большой высоте шли самолеты, блестевшие в их лучах. Это был первый налет немцев на Москву. Вскоре на окружающие дома и казармы посыпались зажигательные бомбы. Начались пожары, в том числе и на территории военного городка.

Всю ночь мы боролись с огнем, таскали песок, которым засыпали «зажигалки», вели беспорядочную стрельбу по самолетам из винтовок. А под утро полк выехал в Измайловский лес. В течение нескольких дней мы закончили подготовку к выезду на фронт, приняли присягу. Мне присвоили звание младшего сержанта и назначили старшим радистом нашей радиостанции.

27 июля наш экипаж в составе 850-го отдельного батальона связи выехал из Москвы в западном направлении. Несколько дней мы блуждали по фронтовым дорогам, попадали под бомбежки и, наконец, прибыли в распоряжение 96-го отдельного полка связи 50-й армии Брянского фронта. Брянским фронтом в то время командовал генерал-лейтенант А.И. Еременко. До конца сентября армии фронта держали оборону на дальних подступах к Брянску. Штаб размещался в районе населенного пункта Людиново.

Сначала я был дежурным радистом, а позже, с учетом моей практической подготовки, мне поручили техническое обеспечение радиостанций батальона и присвоили звание младшего воентехника.

В конце сентября - начале октября 1941 года немцы предприняли крупную боевую операцию «Тайфун» с целью захвата Москвы. Им удалось прорвать наш фронт севернее и южнее Брянска и в районе Вязьмы, образовав два крупных кольца окружения. Третьего октября противник захватил город Орел.

Вся Брянская группа войск (части трех общевойсковых армий и других родов войск) оказались в глубоком тылу у немцев. Брянск пришлось оставить. Начался трудный отход на восток по лесному бездорожью, частые налеты вражеской авиации, безуспешные попытки выйти из окружения. В этих стычках с противником и бомбежках с воздуха наши войска несли большие потери. Последнее сражение произошло в районе Карачева (между Брянском и Орлом). Наши войска, зажатые в лесном массиве, уставшие и деморализованные, были подвергнуты ожесточенным ударам с воздуха, а также массированным обстрелам артиллерии и минометов.

Перед началом этого боя я проходил мимо группы офицеров и обратил внимание на человека в генеральской форме с автоматом на груди и маузером на боку. Это был генерал-лейтенант Еременко, который оказался в таком же, как и все мы, трудном положении, среди окруженных противником войск его фронта (позднее он был ранен и вывезен самолетом).

В этом бою я впервые увидел «катюши», о которых тогда мало кто знал. И там же, израсходовав все боеприпасы, они были уничтожены своими экипажами.

В результате длительного обстрела и бомбежек наши войска понесли большие потери. Тысячи убитых покрывали землю, множество раненых ползали в лужах крови. Никто не оказывал им помощь, так как врачи и медсестры находились здесь же, среди убитых и раненых, а санитарные машины горели.

Довершили все немецкие танки. Они шли с открытыми люками и теснили оставшихся в живых бойцов к дороге, к какой-то деревне. Как потом стало известно, немцы взяли в этом районе около 40 тысяч пленных. Но часть солдат и офицеров рассеялась в лесном массиве, или небольшими группами, обходя немецкие заслоны, прорывались из вражеского кольца. Брянские леса стали для многих из них надежным укрытием. Позднее остатки Брянского фронта стали основой Брянского партизанского края.

Я не имел представления о планах партизанской войны и решил пробираться в сторону Москвы, надеясь где-нибудь выйти к своим. Идти пришлось в гражданской одежде, надетой поверх военной формы. В какой-то деревне я попросил у старого деда висевшую на стене довольно подробную карту Европейской части СССР, вырезал из нее нужный мне кусок, спрятал его в сапоге. С этой картой я прошел около 400 километров и вышел к своим в начальный период наступления наших войск от Москвы.

После проверки соответствующими органами, меня направили для дальнейшего прохождения службы в 331-ю стрелковую дивизию, в 783-ой отдельный батальон связи. Дивизией тогда командовал генерал-майор Король Ф.П., а после его ранения - полковник Берестов П.Ф. (с 1943 года тоже генерал-майор). С этой дивизией с конца декабря 1941 года и до Дня Победы я прошел фронтовыми дорогами не одну тысячу километров по землям Подмосковья, Калининской и Смоленской областей, Белоруссии и Литвы, Польши и Восточной Пруссии, Германии и Чехословакии. За всю войну наша дивизия нигде и никогда не отступала!

331-я стрелковая дивизия была сформирована в Мичуринске летом-осенью 1941 года из военнообязанных Брянской и Орловской областей, вступила в бой в начале декабря в районе Лобни, что в 30 километрах от Москвы. Тогда говорили, что немцы в обозе везли новую форму для

участников парада победы после захвата Москвы. Далее дивизия вела наступление на Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу, Карманово. За бои под Москвой дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Весной 1942 года дивизию отвели на отдых и пополнение, после чего она наступала на Погорелое городище.

Весной 1943 года части дивизии вели бои в районе реки Вазузы, а затем форсировали Днепр в районе села Николо-Погорелое. К Днепру мы вышли небольшой группой ранним утром, пройдя за ночь пешком около 30 километров по подтаявшему снегу. Немцы уже отошли. И вот конец нашего пути - село Николо-Погорелое, точнее его пепелище. На горе за Днепром видна полуразрушенная церковь. Люди уже падают от усталости, а дорога почему-то идет не к селу, а куда-то далеко влево. Почему? Не понятно.

Я отправился искать более короткий путь. Сойдя с дороги, пошел по полю к Днепру. Не дойдя до реки, был вынужден вернуться обратно, так как на берегу были проволочные заграждения в несколько рядов. Дорога, с которой я свернул, шла к переправе, сделанной в стороне от села, так как немцы при отступлении взорвали лед на реке, чтобы затруднить переправу советских войск.

Когда я повернул назад от заграждения, то понял, что нахожусь на минном поле - из-под осевшего снега там и тут торчали мины. Я так устал, что даже не очень испугался. Внимательно осмотревшись, двинулся назад по своим следам, вышел на дорогу, и вскоре мы добрались до переправы. Переправу, представлявшую собой бревенчатый настил, уложенный на лед, построили прошедшие ранее саперные подразделения дивизии.

Через несколько дней наступление на нашем участке фронта прекратилось. Мы заняли рубеж на реке Ведосе. Пришла весенняя распутица, принесшая частям дивизии немалые трудности. Армейские и дивизионные тылы остались далеко за разлившимся Днепром. Снабжение войск нарушилось и было восстановлено, только когда подсохли дороги. А пока все необходимое для войск солдаты несли на своих плечах, включая продукты и боеприпасы.

Летом 1943 года начались бои на Смоленском направлении. Дивизия освобождала город Ярцево, многие населенные

пункты Смоленщины и 25 сентября 1943 года сам город Смоленск. Красное знамя в центре разрушенного города установила группа разведчиков при участии командира одного из стрелковых батальонов, будущего Героя Советского Союза и почетного гражданина Смоленска - капитана П.Ф. Клепача.

Многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями, а дивизия получила почетное наименование Смоленской. Мое участие в этой операции отмечено медалью «За боевые заслуги». После Смоленска дивизия продвинулась еще примерно на сто километров, освободив несколько населенных пунктов на территории Белоруссии, и стала в оборону в 27 километрах восточное Орши.

Тяжелые бои на этом рубеже продолжались с перерывами до лета 1944 года.

23 июля 1944 года началась одна из выдающихся операций Великой Отечественной войны - операция «Багратион», проводившаяся силами четырех фронтов: 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского. 331-я Смоленская стрелковая дивизия входила в состав 3-го Белорусского фронта, командование которым принял генерал армии Черняховский И.Д.

Операции «Багратион» предшествовала длительная подготовка. Все участвующие в ней соединения и части были пополнены людьми и техникой, подтянуты новые силы, необходимые для прорыва долговременной обороны, сосредоточено большое количество артиллерии, танков, самолетов. Перед началом наступления на широком фронте была проведена разведка боем.

Наступление началось ранним утром мощной артиллерийской и авиационной подготовкой, тысячи орудий и самолетов ударили по немецкой обороне. Бои на оборонительных рубежах продолжались 2-3 дня, после чего началось стремительное продвижение наших войск на запад - Дубровное, Орша, Толочин, Борисов. Успешно была форсирована река Березина. Уже в первые дни наступления прочная, глубокоэшелонированная оборона противника была разрушена, занимавшие ее войска смяты, деморализованы. Они не только не смогли удержать свои рубежи, но даже организованно отступить. Основные силы противника были уничтожены или взяты в плен.

57 тысяч пленных немцев получили возможность пройти по улицам Москвы во главе со своими генералами июльским днем 1944 года.

В наступательных боях хорошо проявилось взаимодействие всех родов войск: пехоты, артиллерии, танков, авиации, саперных частей. Надежно работала связь, в первую очередь - радиосвязь, которая сыграла важную роль в таком стремительном наступлении. В отдельные дни наши войска продвигались вперед на 40-50 километров, что практически исключало возможность использования проводной связи.

Но за эти успехи нашим войскам пришлось заплатить немалую цену. Только в Дубровинском районе захоронено 22 тысячи участников прорыва, 10 тысяч из которых покоятся под мемориалом в Рыленках.

За успешные действия в Белоруссии 331-я Смоленская стрелковая дивизия награждена орденом Суворова II степени.

Фронт приближался к Минску. Город был освобожден 3 июля 1944 года, на двенадцатый день совместного наступления танковых корпусов 1-го и 3-го Белорусских фронтов и общевойсковых соединений. За участие в освобождении столицы Белоруссии нескольким частям 331-й стрелковой дивизии присвоено наименование «Минских», в том числе 783-у батальону связи.

Но за спиной наступающих армий оставалась большая боеспособная группировка немцев, окруженная восточнее Минска. Несколько дивизий фронта были повернуты на ликвидацию этой группировки, отходившей на запад.

Громадная колонна немецких войск и боевой техники была остановлена перед городом Ракув. Голова колонны уперлась в наш танковый заслон, а сама колонна растянулась на десятки километров по лесным дорогам. После массированных ударов штурмовой авиации и наземных частей, колонна представляла собой ужасное зрелище. Множество машин, танков, орудий, повозок, разбитых и сожженных огнем авиации и артиллерии, тысячи трупов людей и лошадей. Все это горело, дымилось, разлагалось и представляло собой что-то невообразимое.

В эти дни произошло еще одно памятное событие. Командование постоянно напоминало нам о большом количестве разрозненных блуждающих групп немцев, отставших от своих частей и оказавшихся на уже

освобожденной территории. Они нападали на солдат-одиночек и небольшие подразделения. Поэтому марши мы совершали с необходимыми предосторожностями, оружие держали наготове.

Однажды наша небольшая группа была обстреляна из лесочка, отделенного от лесного массива глубоким оврагом. Сам же лесок был окружен ржаным полем. Я был старшим группы и должен был принимать решение. Когда немцы открыли стрельбу, я распорядился быстро согнать транспорт в овраг, а потом, двигаясь по ржи, мы окружили лесок, ударили по нему из автоматов и винтовок. Два немецких офицера были убиты, а десять солдат и унтер-офицеров мы взяли в плен. За удачно отбитое нападение, сохранение людей и техники, я был награжден орденом Красной Звезды.

Дальнейшее наступление развивалось в направлении на Лиду, Друскеники, Сувалки. Здесь нам за считанные дни пришлось пересечь несколько границ: западную границу Белоруссии, границы Литвы и Польши. В районе Друскеники части дивизии форсировали Неман.

За бои на Немане дивизия была награждена вторым орденом Красного Знамени. Из района Сувалки, из Польши, дивизию отвели на отдых на территорию Литвы, в район Волковишки. Там мы получили пополнение и начали подготовку к предстоящему наступлению на Восточную Пруссию, очаг германского милитаризма.

Это наступление началось в середине октября 1944 года. Бои были тяжелыми и кровопролитными, немцы отчаянно защищали свой дом. Но нашим войскам уже в начальный период удалось захватить значительную территорию, включая города Летцен, Роминтен, Шталупеннен, Гумбинен и другие. К сожалению, наступательный порыв наших войск быстро иссяк. Начались затяжные бои, особенно тяжелые в районе Гольдапа, который, как говорили, был родиной Геринга. Но постепенно бои затихли, фронт стабилизировался.

К этому времени относится еще одно событие в моей жизни. Мой родной брат Анатолий тоже был на фронте, мы с ним изредка переписывались. В то время письма шли долго, но вдруг я заметил, что письма от брата стали приходить на второй - третий день после отправления. Ясно, что брат был где-то близко. Я попросил его как-то намекнуть, где же он находится,

но с учетом строгостей военной цензуры. Через некоторое время пришло письмо, в котором брат сообщал, что находится на «даче Геринга». Дача Геринга. Но где она? Я пошел к штабным топографам, посмотрели карты, подумали. Задача в какой-то мере облегчалась тем, что территория поиска была ограничена восточной границей Пруссии и линией фронта. Мы наметили три места, где следовало побывать. Одно из них находилось в районе города Роминтен и обозначалось на карте как «охотничий замок». Я попросил у командования два дня отпуска, оседлал лошадь и отправился на поиски брата. Первое из намеченных мест было явно неподходящим, какой-то необитаемый полуразрушенный дом в лесу.

Вторым на пути был «охотничий замок» на высоком берегу реки Роминте. У ворот - часовой. Я спросил про брата: «Есть ли такой?» «Да, есть, сейчас позовем» - ответил часовой. Через несколько минут подошел брат, с которым мы не виделись с весны 1941 года. Он немало удивился моему появлению. Я представился его командованию. Вместе мы осмотрели бывшую резиденцию Геринга. И хотя она немного пострадала во время боев, я сказал бы, что замок был не из бедных, хотя основные здания были построены из дерева.

А мой серый конь удобно устроился в конюшне, где до того содержались геринговские рысаки.

Повидавшись с братом, я на следующий день вернулся в часть.

В январе 1945 года возобновилось общее наступление на Восточную Пруссию. 331-я стрелковая дивизия двигалась в направлении на город Растенбург, где, как позже стало известно, находилась ставка Гитлера, называемая «волчье логово». К городу мы подошли, преодолев по льду со всей техникой одно из Мазурских озер. Растенбург был первым немецким городом на нашем пути, в котором сохранилась значительная часть населения.

Дальнейшее наступление развивалось в направлении Хайльсберг, Грюнвальд, Ландсберг и далее к Балтийскому морю. Когда части дивизии вступили в Ландсберг, мы, впервые за войну, увидели не разрушенный город, электрический свет в домах, действующий водопровод и другие блага цивилизации. К сожалению, ненадолго. Вскоре все было отключено. Это страшно огорчило хозяйку дома, где мы остановились,

пожилую немку. Она ходила по дому и охала: «Ах, ах, нет света, нет газа, нет воды!». Для нее это было неслыханное бедствие. Ей не могло прийти в голову, что немецкие войска причинили населению оккупированных территорий России неисчислимые бедствия, выжигая дотла целые районы.

В эти дни нашей дивизии и ее соседям 88-й стрелковой дивизии пришлось пережить тяжелейшую трагедию.

Потеряв Ландсберг, немцы быстро опомнились и решили восстановить положение, отбить город обратно. Уже на следующий день они нанесли по нашим передовым частям сильнейший удар и прорвались к городу. Несколько танков в сопровождении пехоты пробились к домам, где располагался штаб дивизии. Мы отстреливались из окон домов. Потом были подтянуты орудия противотанкового дивизиона. Немцев удалось отбить. А ночью они стали окружать Ландсберг. Можно было наблюдать, как вспышки немецких осветительных ракет постепенно «обтекали» город. На утро осталась одна дорога на юг, в сторону Грюнвальд, откуда мы накануне прибыли.

В связи с создавшимся опасным положением командование дивизии приняло решение вывести некоторые отделы штаба, секретные материалы и боевое знамя дивизии из осажденного Ландсберга в Грюнвальд. Со штабом выехала группа связистов с радиостанцией РСБ и имуществом связи. Я был в составе этой группы. Когда мы выезжали из Ландсберга, последняя дорога уже простреливалась. Но мы успели проскочить без потерь.

Несколько слов о Грюнвальде. Этот городок известен со средних веков. 15 июля 1410 года в районе Грюнвальда и Танненберга польско–русско-литовские войска под общим командованием польского короля Ягайло разгромили войска немецкого Тевтонского ордена (Грюнвальдская битва). Это сражение положило конец дальнейшему продвижению ордена на восток.

Но это история.

А теперь мы прибыли в Грюнвальд со своей задачей. Оставив машины и людей на дороге, я пошел искать место для размещения. Это оказалось непростым делом. Небольшой городок был забит тыловыми подразделениями двух дивизий, включая наш медсанбат с ранеными. Когда я вышел к окраине города, то увидел группу офицеров, чем-то озабоченных и

смотревших в сторону леса. Повернувшись в ту же сторону, я понял причину их озабоченности: оттуда двигались более десятка, на первый взгляд, немецких танков и самоходок в сопровождении пехоты.

Первая цепь пехоты была в маскировочных белых халатах, вторая - в обычных шинелях. Эта мобильная группа появилась неожиданно, прорвавшись в месте стыка флангов наших наступающих армий. Танков и самоходок я насчитал семнадцать. Все это двигалось на беззащитный городок. У нас было только личное оружие. Танки и самоходки открыли огонь. Во все стороны летели осколки стекла и кирпича, падали телеграфные столбы и деревья. Ну и, как обычно в подобных случаях - началась суматоха и паника. Попытки организовать какую-либо оборону успеха не имели. Многие, спасаясь от огня, бросились по подвалам или прочь из города. Я со своими экипажами и хозяйством принял решение возвращаться обратно в Ландсберг. Но развернуться на узкой, забитой транспортом дороге не было никакой возможности, и мы попытались дворами выбраться на свободную дорогу.

Первой шла наша машина ГАЗ-АА, за ней машина с радиостанцией РСБ. Но маневр не удался. Шедшая впереди машина провалилась передними колесами в какую-то заснеженную яму. Вторая, переехав через убитую лошадь, выбралась на дорогу и скрылась за домами. Вытащить застрявшую машину быстро не удалось.

В это время один из наступающих танков, обойдя городок с запада, начал преследовать машины, отходящие к лесу, и с ходу обстрелял их. На моих глазах, одним из снарядов был подбит и остановился, охваченный пламенем, какой-то «студебеккер». Покончив с ним, экипаж немецкого танка взялся за нас. Раздался очередной выстрел. Снаряд не попал в машину, а ударил рядом в кирпичную стену сарая. Мотор заглох, два солдата упали ранеными. Меня взрывом отбросило в сторону, осколками в несколько местах порвало шинель, а один из них врезался в задник сапога.

К моему счастью, я отделался легкой контузией и сильными ушибами. Придя в себя, я поднялся и, превозмогая шум в голове и боль, подошел к раненым. «Товарищ старший лейтенант, не бросайте нас!» - простонал один из них. Кажется, в этот момент на моей голове зашевелились волосы. Что я мог

сделать? Немцы занимают город. У них - танки. Машина, на которой я мог бы вывезти раненых неисправна, к тому же завязла в канаве. Тащить раненых к лесу под огнем противника - безумие.

Хромая, сильно болела нога, я выбежал на улицу в надежде перехватить хоть какую-нибудь машину, но их уже не было. Одни успели уйти, другие - горели, подожженные снарядами или собственными водителями.

И тут я увидел нашу машину с радиостанцией. Она стояла на льду озера у взорванного моста, не далее 100-150 метров от меня. Я бросился туда. Из экипажа остался один шофер, который стоял с коробкой спичек в руках. Он не мог решиться поджечь машину и боялся не сделать этого, так как немцы были совсем близко. Я велел ему садиться за руль и ехать назад, чтобы подобрать раненых и других наших людей. Нам удалось быстро проскочить опасный участок. Поставив машину за углом дома, мы быстро погрузили раненых, забрали оставшихся наших людей и под огнем выехали из Грюнвальд.

Я стоял на крыле машины, внимательно наблюдая за происходящим. Отъехав полтора - два километра от города, мы увидели на дороге скопление машин. Оказалось, что немцы уже перерезали дорогу на Ландсберг. У нас оставался один выход: свернуть с дороги и ехать полем в сторону соседней дивизии.

На наше счастье снег на поле был неглубоким, и трехосная машина шла довольно уверенно. От леса нас отделяла высокая насыпь железной дороги, но мы удачно попали на переезд, откуда лесной дорогой добрались до соседней дивизии. Там начальником связи был знакомый мне капитан Самотин. У него остановились, сдали в госпиталь раненых.

Зная схему связи, позывные и имея при себе радиостанцию, я связался с начальником связи дивизии, который находился в окруженном Ландсберге. Доложив ему о том, что немцы захватили Грюнвальд (командованию дивизии об этом было уже известно) и о нашем незавидном положении я испросил дальнейших распоряжений.

Мне было приказано оставаться у Самотина и ждать указаний. Ночью сообщили, что в Ландсберг пойдут наши танки и мне следует двигаться за ними. Позже этот приказ был отменен. К утру подошли еще наши связисты, в том числе из экипажа РСБ. Мы небольшой группой решили идти в

Грюнвальд в надежде узнать обстановку и попытаться выручить оставшуюся там машину.

Над городом стоял дым, слышалась стрельба, шли раненые. Северную окраину города захватило пехотное подразделение какой-то резервной дивизии. Я попытался выяснить обстановку, но никто не мог дать мне вразумительного ответа. А мне необходимо было пробраться на другой конец города, где осталась машина. Оставив бывших со мной людей у костра, я с автоматом в руках стал осторожно пробираться в сторону оставшейся машины по придорожной канаве, заваленной при обстреле битым кирпичом, сучьями деревьев, спутанной проволокой.

Так я дошел до взорванного моста. Осторожно по его обломкам перешел ручей. В этот момент из-за ближайшего дома вышел немец с автоматом на груди. Вопрос жизни и смерти решался в доли секунды. Я увидел его первым и нажал на спусковой крючок автомата раньше. Немец упал. Хорошо, что он был один. Видимо, тоже шел что-то разведать. Дальше я идти не решился.

Вернулся к своим, посидели у костра. Вскоре подошли несколько наших самоходок, за ними мы двинулись по улице. Немцы бежали из городка. Из подвалов домов и с чердаков выходили наши солдаты, не успевшие по разным причинам уйти при внезапном нападении немцев. Меня же больше всего интересовала наша брошенная машина.

Мы быстро добрались до нее и увидели, что она в основном уцелела, если не считать, что проходившим мимо танком был задет борт, помята дверца кабины и осколками побиты колеса; досадной на тот момент потерей оказалось то, что немцы «увели» из кузова ящик коньяка, который мы «по случаю» прихватили на немецком складе.

Нам довольно быстро удалось завести мотор, вытащить машину из ямы и выехать на спущенных колесах. Но доехали мы только до ближайшего оврага и там «засели». Всю ночь мы ремонтировали камеры, а утром я обнаружил поблизости брошенный передок артиллерийского орудия с колесами - «гусматиками». Они оказались нужного нам размера. Быстро установив их, взамен неисправных, мы выехали в Ландсберг. К этому времени блокада города была ликвидирована пришедшей

на помощь 28-й противотанковой бригадой полковника Радченко.

За проявленную инициативу, сохранение радиостанции РСБ с важными документами, эвакуацию из Грюнвальда раненых и других наших людей я был награжден вторым орденом «Красная Звезда».

Позднее, специальной комиссией было установлено, что немцы, заняв Грюнвальд, учинили над захваченными воинами кровавую расправу, уничтожили много раненных, травили выхлопными газами танков наших бойцов в подвалах домов.

Вскоре были взяты города Цинтен, Хайлигенбайль, Розенберг. Части дивизии вышли на Балтийское море, точнее на залив Фришесгаф. Война на нашем участке фронта закончилась. А после взятия соседями (11-й гвардейской армией) столицы восточной Пруссии - города Кенигсберга, война оказалась от нас более чем за 500 км, где-то в районе Данцига и Померании.

Наступила непривычная тишина. В последних боях было взято много пленных, которым уже некуда было отступать. За спиной - море.

Многие пленные были очень молодыми. Я спросил одного из них: «Сколько тебе лет?» Он ответил: «Пятнадцать». Вот таких, юных ребят, гитлеровское командование посылало на смерть.

Для сопровождения пленных не хватало людей. Пленных строили по 400-500 человек и, вручив правофланговому записку: «Взяты в плен частями генерала Берестова», отправляли без охраны в армейские тылы. По побережью залива было разбросано много всякой всячины: от автомобилей и танков, до автоматов, лопат и противогазов в круглых металлических футлярах.

После короткого отдыха и подготовки к длительному маршу в 800 км, дивизия получила приказ следовать через территорию Польши в распоряжение командования 2-го Украинского фронта, который располагался юго-восточнее Берлина.

Уже на новом рубеже мы узнали о падении Берлина и смерти Гитлера. Новый приказ поднял дивизию, и мы двинулись к Чехословацкой границе.

В Чехословакии в те дни сложилась серьезная обстановка. В Праге поднялось восстание против немецких захватчиков. Восставшие хотели защитить свой древний город от варварского разрушения немцами.

Прага надеялась на нашу помощь. В район Праги были брошены две танковые армии, освободившиеся после взятия Берлина. В то же время, части генерал-фельдмаршала Шернера, не желая сдаваться нашим войскам, пытались через Чехословакию пробиться на запад, к американцам. 331-я дивизия участвовала в боях против частей Шернера в освобождении Чехословакии.

Бои с остатками немецких войск на территории Чехословакии продолжались до 12-13 мая, хотя война официально уже закончилась. В этих боях участвовало немало чехов-добровольцев, которые вечерами приходили на сборные пункты, получали оружие и ехали в ночь на облавы в ближайшие леса и горы.

По утрам они возвращались с новой партией пленных. В городе Тырново, например, был большой лагерь военнопленных, что-то около 30 тысяч человек, значительная часть из которых была взята в плен чехами.

Вспоминается еще один эпизод последних дней войны.

Как обычно, во время наступления впереди дивизии двигался передовой мобильный отряд, которым на этот раз командовал майор Раппопорт - офицер оперативного отдела штаба дивизии.

В состав отряда входил стрелковый батальон на машинах, самоходные орудия, батарея противотанковых пушек, отделение саперов, взвод разведчиков и группа связистов с радиостанцией. Задачей отряда было преследование противника и разведка. Ему иногда приходилось далеко отрываться от основных сил дивизии, действовать самостоятельно. В один из тех дней отряд встретила на дороге машина с трехцветным флажком и тремя чехами из города Ликерец. Они предложили сопровождать отряд Раппопорта до своего города. В Ликерце наших солдат и офицеров ожидала торжественная встреча, как, впрочем, было во всех городах и селах, куда вступали наши войска. В Ликерце удалось узнать, что имеется телефонная связь со следующим на пути отряда городом, другое место, где находился сильный немецкий гарнизон с артиллерией.

Майор Раппопорт решил рискнуть и вызвал к телефону начальника немецкого гарнизона, майора Рейтера. Сообщив ему, что Берлин пал, командование германских войск капитулировало и дальнейшее сопротивление бессмысленно, майор Раппопорт предложил Рейтеру сложить оружие. Немецкий офицер попросил пятнадцать минут на размышление. Как позднее рассказывал сам Раппопорт, он за эти пятнадцать минут пережил не меньше, чем за всю войну. Он взял на себя ответственность за исход операции, предупредив немцев о появлении нашего отряда, не зная, что может предпринять враг. Но через 15 минут майор Рейтер сообщил, что готов принять условия капитуляции: 1017 солдат и 63 офицера сложили оружие.

А наступление продолжалось. На пути движения частей дивизии толпы нарядно одетых чехов приветствовали освободителей, предлагали помощь, наперебой угощали наших солдат. Играли самодеятельные оркестры. В городах висели плакаты на русском языке: «Прохладительные напитки для Красной Армии». А однажды нашу машину остановили у ворот пивоваренного завода, где нас угостили хорошим пивом. В то время у немцев было взято много трофейных машин, а шоферов не хватало. На помощь пришли молодые чехи, которые охотно садились за руль и следовали с нашими войсками. Один из этих ребят вел трофейную машину штаба дивизии до места нашего последнего сосредоточения - города Фриденберга в Верхней Силезии. Там шоферу-чеху подарили эту машину и выдали соответствующий документ. Его удивлению не было границ.

Наступили дни отдыха и решения судьбы дивизии, ее личного состава. Вскоре пришел приказ о расформировании дивизии и демобилизации солдат и сержантского состава старших возрастов. Им вручили ценные подарки и с почетом проводили на Родину. Офицеров, солдат и сержантов младших возрастов откомандировали в другие части.

На этом закончился боевой путь одного из славных соединений нашей армии - 331-й Смоленской стрелковой дважды Краснознаменной ордена Суворова дивизии имени Брянского пролетариата. За ее спиной остались тысячи километров боевого пути. Было много трудностей, лишений, невосполнимых потерь.

Многие бойцы и офицеры были награждены орденами и медалями, а шестеро из них получили звание Героя Советского Союза.

И еще несколько слов о связистах дивизии. Они не опорочили славного имени российского воина, без них не проходила ни одна серьезная боевая операция. В тяжелых фронтовых условиях, в любую погоду, часто под огнем противника, они вершили свой ратный труд, обеспечивая командование надежной связью, столь необходимой для оперативного управления войсками. Часто им приходилось откладывать в сторону рацию или телефон и браться за оружие.

Большое значение в те годы также имел прием сообщений Совинформбюро о действиях наших войск и событиях в мире.

Многие друзья-связисты удостоены правительственных наград, а трое из близких знакомых удостоены ордена Красного Знамени.

Немало связистов стали жертвами войны.

Наш батальон, численность которого составляла около двухсот человек, потерял только убитыми пятьдесят бойцов, не считая выбывших по ранению и другим причинам.

В годы войны и в послевоенный период мне довелось при разных обстоятельствах видеть многих выдающихся военачальников: Жукова Г.К., Василевского А.М., Конева И.С., Катукова М.Е., Еременко А.И., Черняховского И.Д., Соколовского В.Д., Артемьева М.А., маршала войск связи Пересыпкина И.Т. и других.

В послевоенные годы был создан совет ветеранов дивизии, который существует по сей день, и членом которого я имею честь быть. Совет розыскал по всей стране ветеранов дивизии, сейчас ведет с ними переписку, оказывает посильную помощь, обращаясь в органы власти по месту проживания ветеранов, проводит встречи ветеранов по юбилейным датам в Москве, Брянске, Минске, Лобне.

Сейчас на учете в совете ветеранов дивизии состоит 276 человек, возраст самых младших из которых уже под восемьдесят. Всего 276 человек из более чем тринадцатитысячной дивизии, пришедшей под Москву в декабре 1941 года. А ведь дивизия в ходе войны неоднократно пополнялась, переформировывалась, и общая ее численность значительно превышает эти цифры.

Что касается меня, то в сентябре 1945 года я вернулся из Германии в Союз, прослужил еще год в Львовском военном округе.

После демобилизации, до 1951 года работал в различных районах Западной Украины по своей специальности, но уже в качестве вольнонаемного.

В 1951 году вернулся в Москву, работал инженером на номерном заводе.

В мае 1953 года пришел на Московскую Северную водопроводную станцию. Работал инженером в цехе КИП и автоматики.

В 1960 году с отличием закончил вечернее отделение Московского инженерно-строительного института по специальности «Водоснабжение». В том же году назначен начальником цеха насосных станций.

В 1962-64 годах работал в Монголии на строительстве водопровода в городе Улан-Батор. В 1964 году вернулся на прежнюю должность.

В 1966-69 годах работал начальником Северной водопроводной станции города Москвы, а с 1969 года, когда развернулось строительство нового производственного комплекса СВС, посвятил всего себя этому сложному и многотрудному делу.

В 1971 году был осуществлен ввод в эксплуатацию первой очереди строительства, производительностью 200 тысяч кубометров воды в сутки. В последующие годы закончены 2-я и 3-я очереди и общая производительность 3-го блока доведена до 600 тысяч кубометров в сутки.

В 1985 году, в год 40-летия Победы, награжден орденом Отечественной войны II степени.

В 1981 году по возрасту вышел на пенсию, но продолжал работать в производственном отделе, участвовал в осуществлении большой программы производственного и жилищного строительства.

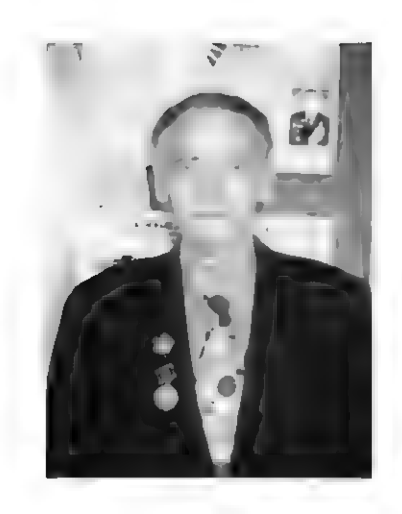
В 1987 году вышел в отставку как говориться «вчистую», но еще долго поддерживал отношения с коллективом, которому отдал более 35-ти лет жизни.

Поддерживаю отношения и со своими однополчанами - ветеранами 331-й, как у нас говорили, «непромокаемой» дивизии.

Февраль 2004 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Яхонтова Анна Владимировна****, студентка Профессионального училища №5 города Москвы*

Зверев Борис Иванович

Вся группа, отвлекающая врага, понесла большие потери

Я родился 12 августа 1923 года в Москве. Русский, беспартийный, православный.

До войны успел окончить 10 классов, сразу после сдачи выпускных экзаменов, 28 июня 1942 года был призван в армию.

О начале Великой Отечественной войны узнал 22 июня 1941 в Москве по радио, когда делал школьные уроки.

26 июня 1942 был призван в ряды Вооруженных сил. Среди призванных, окончивших 10 классов, выступил добровольцем для обучения в танковом училище.

Учился сначала в Камышенском танковом училище, затем в Казахстане в пос. Берчегур, где строил городок и учился до весны-лета 1943 года, откуда вместе с училищем был переведён в Омск (до 10 сентября 1943), а затем, по окончании училища направлен в Нижний Тагил (там располагался танковый завод).

В Нижнем Тагиле мне, младшему лейтенанту, назначили экипаж и дали технику. В дальнейшем был отправлен эшелоном под Киев (6-7 ноября 1943 г.), там в составе 4-й танковой армии 25-го корпуса 175-й бригады будучи командиром танка форсировал Днепр. 4-й танковой армией в то время командовал генерал-полковник Лелюшенко И.Д. .

Военные боевые действия закончил в Житомирской обл. около хутора Хотиновка по ранению 23 декабря 1943 года в составе 4-й танковой армии 25-го корпуса 175-й бригады на

воинской должности командир танка в воинском звании младший лейтенант под командованием старшего лейтенанта Мармелова.

С войны возвращался из госпиталя в Киеве (23 декабря 1943 г. – 12 мая 1944 г.), оттуда сразу домой в Москву (15 мая 1944 г.)

Демобилизовался по причине тяжёлого ранения, поражения глаз и контузии. Уволен в запас из госпиталя 12 мая 1944 г.. Ушел в отставку 28 марта 1945 г.

Прибыл в Москву 15 мая 1944 г. В 1944 г. году поступил в МВТУ им. Баумана сначала на факультет «Тепловые и гидравлические машины», а затем переведён на только что созданный «Инженерно-физический» факультет.

Ещё во время учёбы в училище вместе с другими курсантами своего училища, осуществлял тыловую поддержку армии, охраняя склады, помогая тушить пожары и осуществляя погрузку и разгрузку боеприпасов, при не прекращающихся бомбёжках.

В лесу при помощи ремонтной бригады сняли с танка башню, разобрали броню, вынули мотор и произвели в этих условиях ремонт мотора и замену масляного насоса.

Однажды ходили ночью в разведку. Углубились за линию фронта километров на 20, а когда вернулись на место прежней дислокации, там уже никого не было, и всё в округе было заминировано. Только чудом никто не подорвался.

Однажды, сбили своим стрелковым оружием немецкий истребитель, который гнался за нашим У-2.

Под хутором Хотиновка вышли на позиции и взяли под обстрел позиции немцев, пока основные силы заходили к немцам с тылу. За эту операцию был награждён орденом Красной Звезды. К сожалению, вся группа, отвлекающая врага понесла большие потери.

Имею награды:

- орден Красной Звезды (№3609504, указ от 12 июня 1968 г., вручен 12 июля 1968 в музее Красной Армии, за бой под хутором Хотиновка);
- орден Отечественной войны (№1462130, указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г., вручил представитель военкомата);

- остальные медали юбилейные, по случаю 800 и 850-летия Москвы, годовщин окончания Великой Отечественной войны и другие медали (всего 13).

Участвовал в боях:

- под Новоград-Волынском (декабрь 1943 в составе 1-го Украинского фронта 4-ой гвардейской танковой армии, под командованием генерала Лелюшенко И.Д., 25-го танкового корпуса под командованием Аникушкина, 175-й бригады);
- под г. Коростень и под Чиповичами (декабрь 1943 в составе 1-го Украинского фронта 4-й гвардейской танковой армии, под командованием генерала Лелюшенко И.Д., 25-го танкового корпуса, под командованием Аникушкина, 175-й бригады).

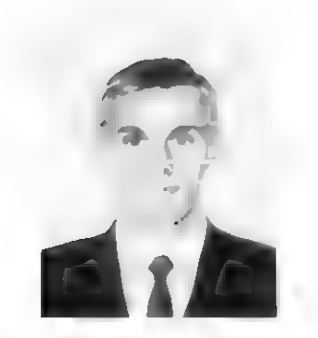
Ранения: 23 декабря 1943 подорвали танк, в результате чего получил увечие руки, повреждение глаз и контузию. Лечился в Киевском госпитале до мая 1944 года. По причине ранения был демобилизован.

Погиб в конце войны двоюродный дядя Фёдоров Виктор Николаевич, артиллерист, а также двоюродный дядя Князев Сергей Васильевич, пехотинец.

В живых остался двоюродный брат Каширин Борис Владимирович, который служил мичманом на Тихом океане в разведке на катере, а также тетя Фёдорова Лидия Дмитриевна, которая прошла блокаду Ленинграда и служила в авиации.

Написал около 20-ти статей научно-технического направления для закрытых каталогов в областях, связанных со структурой полимеров и радиационной химией полимеров.

Имею 2 авторских свидетельства на изобретения.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Окуньков Артём Георгиевич,** студент 3-го курса Московского авиационного института*

Козлов Николай Петрович

Краснознаменный кавалерийский полк

(продолжение, часть 2-я, начало в томе 8)

Короткий отдых в Осинах на Висле

9 января 1945 года, сдал НП и ОП комбату, сменившего нас стрелкового полка. Батарея, совершив ночной сорокакилометровый марш-бросок, на рассвете сосредоточилась на окраине села Осины. Квартирьером от батареи, входящей в состав полковой группы, был И. Калачев. Встретив батарею, он указал на несколько удаленных от села домов, в которых должна квартироваться батарея. Подозвав командиров взводов и старшину, я повел их, указывая, где кому расположиться. Два крайних дома я определил для размещения огневых взводов, самый крайний дом для размещения отделения разведки и себя. Подхожу к этому дому и вижу на двери написано «Тиф», подумав, решил не отступать. Стучу, за дверью женский голос спрашивает: «Кто?» Отвечаю, что я русский офицер и мне необходимо поселить ненадолго нескольких военных. Дверь открылась, на пороге появилась женщина (в темноте трудно было определить возраст) и почти без акцента по-русски сказала: «Пожалуйте». Я вошел. Она зажгла керосиновую лампу и повела меня по комнатам: небольшая прихожая, просторная гостиная, небольшая, на две

кровати, спальня. Спрашиваю ее, где разместим семь человек? – Она отвечает, что тут, т.е. в гостиной, сокрушаясь, что спального белья на всех не хватит. Разговариваем на русском языке, хотя я мог говорить довольно сносно и по-польски. Хозяйка мне предлагает занять одну из двух коек в спальне, а свекровь и дочь уместятся на одной. Я отказался, сказав, что я размещусь на полу. Пока мы разговаривали, встал и оделся хозяин. Он сказал, что принесет соломы из клуни и расстелет на полу, а сверху постелят одеяла. В общем, постель получилась неплохой.

Хозяин, узнав по моей одежде (хорошая черная с синевой и красным верхом кубанка, казачья с начесом бурка, хорошие из польского габардина гимнастерка и шаровары, лампасы, серебряные шпоры, офицерский ремень с двумя плечевыми портупеями, офицерская шашка, на руках лайковые перчатки, в руке стальной обшитый кожей стек), что мы кавалеристы, спросил, сколько у нас лошадей, и предложил разместить их в клуне, поскольку там тепло и есть сено. Чувствую, что произвел на них благоприятное впечатление. Вместе с хозяином я вышел на улицу, он пошел открывать ворота клуни, а я предупредил всех о культурности и вежливости взаимоотношений с хозяевами. Хозяин Стефан занялся размещением людей и лошадей, а я пошел проверить, как устроились взводы и хозяйство старшины.

Все устраивались нормально. Командиры взводов В.Кедров, Н.Мельников и старшина А.Руцкой - красавцы и одеты так же хорошо, только без бурок. Возвратясь, заглянул в клуню, там Стефан сказал, что ночевать будет в клуне, чтобы мы не беспокоились. В клуне тепло, лошади жуют сено, я подошел к «Атаке», погладил.

Возвращаюсь в гостиную, стол накрыт, струится пар от отварного картофеля и чая, нарезаны сало и хлеб. Хозяйка, Елизавета Валерьяновна, приглашает к столу. Я поблагодарил, и отказался, так как уже ночь и есть не хотелось. Она показывает на соседнюю комнату и говорит, что постель мне приготовил вестовой (ординарец Василий) и что постельное бельё он расстелил своё. Прошел в продолговатую соседнюю комнату, входная дверь посредине стены. Вдоль противоположной стены расставлены две кровати, моя постель (матрац, подушка, две простыни и одеяло) оказалась между

ними, головой к стене. Сняв сапоги, ослабив ремень, расстегнув воротник, я улегся и мгновенно заснул. Проснулся я, лежа на спине, от чувства, что кто-то смотрит на меня. Поворачиваю голову влево и вижу через трубчатую решетку спинки кровати красивое личико, пытливо смотрящее на меня. В гостиной уже никого нет, все ухаживают за лошадьми. В доме тихо, спокойно, и я снова заснул. Разбудил меня Василий, сказав, что вызывает комполка. Вскочив, я вышел умываться на улицу. Пока снимал гимнастерку и свитерок, подошла красавица с водой, мылом и полотенцем, сказала: «День добрый» и оказала услуги в умывании. Умывшись, поблагодарил её и спросил, как зовут? Она ответила, что зовут её Яной, и спросила мое имя. Я назвался. Она повторила моё имя и поблагодарила по-польски. Знакомство состоялось. Яна пригласила меня к накрытому столу. Я, поблагодарив ее, сказал, что позже. Вскочил на «Атаку», за мной Василий, поскакали в центр села.

Комполка организовал чаепитие, собрав всех комэсков, комбатов и штабных работников. Он сказал, что предстоят серьезные бои, вероятно глубокий рейд по тылам противника во взаимодействии с танками. Надо готовить личный и конский состав, вооружение и транспортные средства к длительным и ускоренным маршам с боями. Далее сказал, что нам выдадут служебные десятикилометровые карты. Вот на этой самой карте он и погорел (подробнее об этом позже). Получив и развернув карту, я увидел, что на ней отражена полоса местности от Вислы до Одера. Возвратясь, я собрал командиров взводов (Кедрова, Мельникова, Калачева) и старшину. Отойдя от дома за клуню, шепотом передал разговор, состоявшийся у комполка, и наши задачи, умолчав о карте.

Возвратился, личный состав взвода управления, пообедав, собрался в клуне, развлекался. Н. Широков играл на баяне, А. Серьдюков запевал, остальные подпевали. Л. Аверьянов, артистично приплясывая, травил байки о своих любовных похождениях, например, как в него влюбилась и хотела с ним убежать радистка эскадрона связи дивизии («походно-полевая жена» комэска). Кто-то играл в шашки, шахматы и т.д. В общем, собравшись вместе, что редко бывало, делились своими «героическими» и не героическими курьезами фронтовой жизни, разыгрывая друг друга. Я любил слушать музыку, песни и нарочитую хвальбу подчиненных. Зная это, они при моем

появлении расходились еще больше. Посидел с ними на сене, все было хорошо, но что-то тревожило, а что? Это что-то проявилось через неделю.

Войдя в дом, увидел накрытым стол, хозяйка приглашает пообедать. За стол в прихожей-кухне садятся Елизавета, Янина и Стефан, свекровь. На столе бутылочка хорошего вина, первые и вторые мясные блюда, овощи и фрукты. Разговор получился оживленным, взаимно приятным. По просьбе хозяйки я рассказал о себе, о Сибири, затем она рассказала о себе. Она была родом из Петербурга, в 20-м году, восемнадцатилетней девушкой, выехала с родителями во Францию. В Варшаве она встретилась с бравым польским офицером Стефаном и осталась с ним. Вскоре Стефан вышел в отставку, и они переехали в его владения в Пулавы. С приходом в Пулавы наших войск начались постоянные бомбежки, обстрелы, бои, поэтому семья купила для себя это временное, неустроенное жилье. Как только фронт продвинется дальше, они вернутся в Пулавы. Елизавета сказала, что она очень хочет побывать в Петербурге, в Советском Союзе. Стефан больше молчал, только поддакивал, видно было, что Лизу он очень любил. Яна не произнесла ни одного слова, хотя по-русски понимала и говорила неплохо. Так за разговорами просидели до сумерек. Я решил пройтись по батарее и посмотреть еще раз, как устроились мои бойцы, чем они занимаются. Все были в заботах: кто приводит в порядок амуницию, кто обмундирование, кто возится со своими лошадьми, а кто просто отдыхает. На постах, как и положено, расставлены часовые.

Возвращаясь, подхожу к дому. Мне навстречу идут двое: Яна и еще одна девушка, которая представилась Даной. Яна сказала, что Дана её подруга, и она приглашает нас в гости. Я обращаюсь к Дане по-польски, спрашиваю, почему она сама не приглашает? Дана обрадовалась и залопотала: «Барзо, барзо, проше пана офицера до мешкане». Предупредив И. Калачева и Василия, я в сопровождении двух красавиц отправился в гости. Хутор, где жила Дана, оказался далековато, с полкилометра от окраины Осин. Мать и отец Даны занимались хозяйством.

Поздоровавшись, мы прошли в добротный дом, состоящий из двух просторных половин. Дана хлопотала у стола. Яна завела патефон и под зазвучавшую польскую песню пригласила меня к танцу. Я, извившись за то, что являюсь плохим

танцором, попросил поставить пластинку с музыкой танго. Прислонясь к Яне в танце, я почувствовал течение приятного тепла с головы до ног. Танцуя, спрашиваю у Яны, сколько же ей лет, отвечает - девятнадцатый. Говорю ей, что я старше, мне уже в марте будет двадцать один. Она засмеялась.

Сели к столу, полакомились фруктами и чайком с абрикосовым вареньем. Провожая нас, Дана просила приходить в гости с другом, они уже присмотрели В. Кедрова, симпатичного блондина. Кстати, он очень хорошо пел, в том числе и оперные арии, и танцевал превосходно, чему я всегда, по-хорошему, ему завидовал. Возвращаясь домой, взявшись за руки и прижавшись, мне казалось мы пылали огнем и молчали, боясь нарушить такое состояние. Подойдя к дому, поцеловались.

Так начался наш роман. Вошли, маленький стол накрыт в спальне, так как в гостиной на полу расположились для ночлега разведчики. Я поблагодарил хозяйку, но от ужина отказался и сказал, что с её разрешения лягу спать. Василий сказал, что постель мне подготовлена не на полу, а на кровати, поскольку бабушка ушла ночевать к родственникам. Раздевшись и улегшись в постель, я долго не мог заснуть, чувствую, что и Яна не спит, но молчу.

Последующие дни и вечера проходили так же. Яна отказалась ходить в костел, из-за чего бабушка здорово рассердилась и поругала Яну. Вечером в гости мы пошли втроем, потом мы с Яной долго гуляли на окраине села, она предложила посмотреть и погладить мою «Атаку». Войдя в клуню, я отправил Н. Котлярова в дом, сказав, что потом его позову. Яна погладила «Атаку», сели на сено, хорошо. От лошадей, жующих сено и похрапывающих, исходил родной для меня запах (два хозяйских бельгийских тяжеловоза были тут же). Сидели мы, обнявшись, молча, целовались. В четвертую ночь, закрыв двери, Яна подошла к моей кровати и полураздетая улеглась рядом. На мои возражения, что родители рядом, что я завтра не смогу им смотреть в глаза, она сказала, что я маме очень понравился, осуждать не будет, у поляков это не грешно. Крепко обняв, прижалась ко мне. Так началась наша любовь... Счастливо и радостно прошли и последующие три дня. Только бабушка возненавидела меня за то, что Яна перестала ходить с ней в костел.

Комполка Сацюк снят, полк принял полковник Кобяков

Утром 14 января вызов к командиру полка. Прибыв, докладываю. Сацюк пожал мне руку, сказал: «Извини, поговорим позже» и представил нового командира полка, полковника Кобякова и комбата, капитана Войтенко. Все комэски, комбаты, штабные работники, кроме Андриенко, мне посочувствовали в том, что я не уехал в Москву, и что меня опять не утвердили комбатом. Я сожалел только о первом. Теперь я понял, что меня тревожило: на предыдущем совещании комполка Сацюк вел себя не как всегда, он уже знал о последствиях утраты помначштаба служебной карты. Закончилось совещание, посвященное подготовке к ночному маршу в другое место. Мы понимали куда: за Вислу. Разрешив расходиться, Сацюк подозвал меня и сказал Кобякову обо мне много лестных слов. Одновременно попросил ходатайствовать о моем повышении, при этом сказал, что я этого заслужил, и что Скворцов и Изумрудов меня хорошо знают. Потом отозвал меня в сторону и сказал, что очень сожалеет о том, что не сможет теперь выполнить того, что задумал, и извинился еще раз. На прощание сказал: «После победы приезжай ко мне в Москву». И, наконец, сказал, что его подвели помначштаба по разведке и Дануся. Потом подозвал меня к себе полковник Кобяков и сказал, что он постарается выполнить просьбу подполковника Сацюка, будет ходатайствовать о моем повышении, а пока надо сдать батарею Войтенко и помочь ему в первое время при знакомстве с батареей. Он также намекнул, что предстоят серьезные боевые дела. Кобяков не обманул, несколько позже мне предложили должность командира престижного взвода управления у генерала Изумрудова. Поблагодарив, я отказался: не хотелось мне быть штабным, тыловым воякой.

Возвращались после совещания молча. Василий уже знает, что Сацюк не комполка, а это значит, что Андриенко будет отыгрываться на мне и за «Атаку», и за наши отношения с командиром полка и с ним. Василий мне это высказал и добавил, что все ординарцы так думают. Я ему сказал: «Дорогой Вася, не горюй, мы еще повоюем». Прибыв, приказал старшине отправить Парфенова, коновода, за новым комбатом

Войтенко. Я полагал, что это мое последнее распоряжение как комбата, а оказалось не так: комбат Войтенко занимался своими, личными делами… Боевыми делами батареи приходилось и дальше руководить мне, но об этом потом. А теперь я думал о Яне. Сказать, что ночью уходим, нельзя. Что же делать? Запала она мне в душу, а я ей еще больше. Она говорила, что очень любит, и написала на фотокарточке «На память для моего Николая». Подчиненные, по словам Василия (Султана), не осуждали, знали, что я не увлекался женщинами. Была любовь к Яне или просто увлечение с моей стороны, не знаю, но мне приятно было быть с ней рядом. Возможно, теплый прием и внимание родителей способствовали нашему сближению.

Прибыв, вызвал в клуню И.Калачева и Е.Ильиных, предупредил, что, возможно, ночью выйдем в поход, что готовиться следует тихо, не говорить об этом никому. Пришел посыльный от комбата, вызывающего меня в хозяйство старшины. Капитан А. Войтенко, высокий, постоянно громко хохочущий, и, как мне показалось, рубаха-мужик. Прибыл он из запасного полка из-под Ленинграда, в боях не участвовал. Старшина организовал обед с «наркомовскими». За столом - новый комбат, три комвзвода и старшина. Комбат предложил выпить за знакомство, начало совместной службы и залпом выпил. Далее каждый из нас доложил о состоянии своего подразделения, и после этого все разошлись. Возвратясь, я еще раз вместе с Калачевым и Ильиных проверил готовность личного состава, коней, вооружения, снаряжения и амуниции. Все было готово, можно отдохнуть.

Отдых в польской семье. В гостях у Елизаветы, Янины и Стефана

Войдя в дом, я был приглашен в спальню, к столу, там сидела одна грустная Яна. Я поблагодарил и сказал, что только что пообедал. Хозяйка, Елизавета Валерьяновна, настаивала, и я сел к столику рядом с Яной. Вскоре пришел и Стефан, разлил по рюмочкам вино и предложил тост за здоровье. Елизавета Валерьяновна, выпив, начала вспоминать и рассказывать о том, как жила с состоятельными родителями, об учебе в Петербургской гимназии, как в спешке уезжали (бежали), о

поездке к родителям, которых уже нет в живых, в Париж и т.д. Сказала, что очень хотелось бы побывать в Советском Союзе. Я ей сказал, что есть и Российская республика, туда входит Ленинград (Петербург). Затем переключились на мою персону с вопросами: кто родители, есть ли сестры, братья, где и как я жил, учился и т.д. Их интересовало буквально все обо мне, о моей стране.

Неожиданно Елизавета Валерьяновна сказала, примерно следующее: «Война закончится, приезжайте к нам, в Пулавы. Мы обеспечены, у нас есть все, чтобы жить хорошо, или заберете Яну, она Вас очень любит. А мы будем приезжать к Вам в гости. Нам, Стефану и мне, Вы очень понравились». Стефан только кивал головой в знак согласия, а Яна сидела молча, выжидающе смотрела на меня. Что я мог сказать, кроме как: «Спасибо за все, но войне еще не конец и чем она кончится, для меня неизвестно, а Яну я очень люблю и постараюсь после Победы встретиться». Я чувствовал, что этих слов от меня ждала Яна. Она тяжело вздохнула и повеселела. Я также поблагодарил Елизавету и Стефана за прием, за отношение ко мне. Сказал, что они мне очень понравились. Затем Елизавета рассказала о Яне. Она для них - всё. Яна окончила гимназию и поступила в Варшавский университет, но из-за приставаний немцев и угрозы увоза в Германию вернулась в Пулавы.

Так засиделись мы до вечера. Родители вышли, мы остались вдвоем. Яна спросила: «Мама сказала, ты скоро уедешь?» Я ответил, что, конечно, уеду, но когда, я не знаю. Она сказала, что скоро, и, заплакав, бросилась ко мне, обнимая. Женские слезы для меня мука, а слезы Яны - вдвойне. Я не мог отказать ей в просьбе пойти к Дане, хотя этого не следовало бы делать. Выйдя на улицу и вызвав Василия, попросил оседлать лошадей и быть готовым при необходимости прискакать за мной на хутор. Но этого не потребовалось.

Около 22.00 ч. прибежал связной от комбата и, вызвав меня на улицу, сказал, чтобы тихо, без шума вытягивались в колонну. Пройдя к Калачеву, я приказал: «Строить взвод в колонну и выводить в голову батареи, я задержусь, догоню». Войдя в гостиную, я увидел плачущую Яну и успокаивающую ее Елизавету Валерьяновну. Яна бросилась ко мне и обняла, рыдая. Стефан сказал: «Хватит! Присядем к столу на дорожку»

и налил в рюмки вина. Выпили, я встал, сказал: «Пора». Обнялись с Елизаветой Валерьяновной, поцеловавшей меня в щеку и перекрестившей, обнялись со Стефоном, а Яна, обняв, плача, не отпускает. Клянусь, что буду помнить и писать, что после войны встретимся. Вышли на улицу. «Атака» прыгает, рвется за колонной. Елизавета Валерьяновна дает мне какой-то узелок. Я благодарю и отказываюсь принять, она отдает его Василию. Вскакиваю на «Атаку», она на дыбы, отдаю честь провожающим и карьером вперед. Яна писала письма, я изредка отвечал, а потом мне «посоветовали»: переписка нежелательна. Встретиться не пришлось, хотя две попытки с моей стороны были: при возвращении после Победы 10 июля 1945 г. и через 40 лет, будучи в командировке. Не судьба…

От Вислы до Одера

Пулавы, Радом, Томашув, Лодзь, Калиш, Познань, Яроцин, Косьцян, Швенеберг.

В ночь с 14 на 15 января 1945 г. форсировали Вислу, вошли в прорыв за танками 9-го и 11-го танковых корпусов и стремительно двигались на Запад. За 14 дней и ночей, прошли более 500 километров, 28 января пересекли польско-германскую границу и устремились к Одеру. 29 января с боем форсировали Одер в районе Грюнберга (Швенеберг). Продвигались настолько быстро, что немцы иногда оказывались позади нас или смешивались в ночное время с нами.

Лодзь

23 января ночью с южного направления (я предполагаю, для немцев неожиданного) мы ворвались в Лодзь. Накануне танкисты без мотопехоты вошли в город, но немцы, поджигая танки фаустпатронами, заставили танкистов оставить город. На улицах города завязались ожесточенные бои. Как командир взвода управления батареи я находился в боевом порядке эскадрона, успешно продвигавшегося и теснившего по улице противника, постоянно поддерживая связь с комбатом, обеспечивая его имеющимися у меня данными о ходе боя. Вскоре эскадрон был остановлен немцами, нужна

артиллерийская поддержка, но батарея где-то сзади. Послал связного с донесением к комбату. Решил выбрать для НП повыше дом и подняться на чердак для наблюдения. Со мной два разведчика. Открываю входную дверь и остолбенел - на меня «смотрит» дуло автомата.

Инстинкт самосохранения: бессознательно бросаюсь вниз под автомат, левой рукой за ствол автомата, автоматная очередь вверх, правой выхватил пистолет из-за пазухи и разрядил в живот фрица. Пришел от стресса в себя, весь мокрый. Оказалось, что немец, пригревшись около полячки, проспал наше наступление. Наблюдательный пункт я занял в просторном помещении мансарды, из окна помещения хорошо просматривалась полоса наступления эскадрона (улицы, переулки и дома). Послал разведчика с донесением комбату.

Через некоторое время прибыл мой помощник В. Калачев с телефонистами, разведчиками, телефонной связью, буссолью и стереотрубой. Он сказал, что скоро прибудет комбат А. Войтенко. Установив стереотрубу, я стал изучать впереди лежащую местность, положение эскадрона и противника. Наблюдая, слышу сзади голос Азизы, спрашивает: «Все здоровы? Кому требуется помощь? Не задело?». Оказалось, разведчик наговорил ей страсти обо мне. Я поблагодарил за заботу и попросил вернуться на ОП, предчувствуя, что может произойти непоправимое. Она сказала, что скоро уйдет, а пока, как всегда, начала развлекать нас танцами и песнями, а танцевала и пела она очень хорошо.

Я продолжал наблюдать и докладывать комбату об обстановке, и вдруг, в окно влетел 75-мм вражеский снаряд, пробив оконное стекло рядом со мной, он не разорвался, а разорвался в противоположной стене, там, где выступала Аза, так мы ее называли. Пела она песню «Синий платочек», пение и жизнь ее оборвались, одновременно с разрывом снаряда. Осколок снаряда попал в правый висок Азы, смерть мгновенная. До сих пор не простил себе за то, что не прогнал ее с НП. Все очень переживали, так как очень любили ее. Прибыл комбат и наехал на меня за то, что не уберег ее. Ее тело перевезли в медсанвзвод полка. Где она похоронена, не знаю, так как стремительно двигались на Запад. Мне кажется, что снаряд залетел не случайный, а прицельный по солнечным (закатным) отблескам от объективов стереотрубы.

Варта

Бой, трофеи: танк «Пантера», десятки автомашин. Полубатарея (половина взвода управления и 1-й огневой взвод) дралась без поддержки пехоты (кавалеристов) и победила.

23 января взяли Калиш, затем Яроцин. От Яроцина в направлении Познани в авангарде дивизии мы продвигались в головном отряде от 56 гвардейского кавалерийского полка во главе с заместителем комполка гвардии подполковником Журавлевым. Отряд включал в себя кавалерийский эскадрон, взвод 45-мм пушек, взвод 82-мм минометов, взвод 76-мм пушек. Я, как всегда, был назначен командиром группы от батареи. Со мной были три разведчика, два телефониста, три коновода и первый огневой взвод, командир В. Кедров.

Наш сборный отряд совершал ночной марш. На ходу я лежа дремал на лафете пушки. Вдруг колонна остановилась. Я встал, решив пройти в голову колонны для выяснения причины остановки. Люди отряда спали кто на повозках, кто, сидя на лошадях, или свалившись прямо на землю с остановкой отряда. Мое внимание привлекли шум моторов танков и мотоцикла с людьми, у дома возле дороги, в темноте не разглядев, я принял мотоциклистов за своих и направился в их сторону, чтобы узнать обстановку. При приближении меня, двое направились к дороге, я им наперерез. Один из них, шагая через наших, спящих у дороги солдат, перешел на другую сторону. Второй за ним, которого я догнал и ухватил сзади за шинель, немецкая! Он вырвался и бросился бежать. Выхватив пистолет, я выстрелил несколько раз, но подумал, что в темноте промахнулся. Спящие вскочили, некоторые начали стрелять в стороны от дороги.

По колонне прошла команда: «Прекратить стрельбу». Около меня кружится, скуля, собака - овчарка с ошейником, за который я как-то бессознательно и ухватился. Взял у Василия ременный повод, привязал за ошейник и пошел вместе с овчаркой к Журавлеву. Подойдя к нему, рассказал, как все было. Он не верит, говорит, что мне спросонья показалось, и выговорил за то, что устроил шум, а надо держаться тихо. Сказал, что к Варте пошла разведка. Возвращаюсь, овчарка, скуля, тянет меня вслед за убежавшими немцами. Зову разведчика сержанта А.Сидоренко и иду в том направлении.

Метрах в тридцати лежит труп, овчарка, завывая, тянет к трупу. Забрав и отдав документы Сидоренко для передачи Журавлеву, я направился к своей полубатарее для принятия охранных мер. Разбудил Кедрова и командиров орудий, предупредил об опасности сзади и готовности к бою.

Прошло часа два, было еще темно. Слева мимо нас по той же лесной дороге, на которой мы остановились, быстро двигаясь, нашу колонну начала обходить колонна немцев. Кричу, командую: «Пушки вправо, к бою!» Поднялась беспорядочная стрельба, разрывы гранат. Кавалеристы уходят с лошадьми влево в лес, немцы бросились по дороге вперед, развернуться технике негде, так как дорога идет по лесу, в углублении, прорытом в возвышенности. Полубатарея (часть моего взвода и огневой взвод Кедрова) осталась одна, готовясь к бою и с тыла и с фронта. Второй боевой расчет гвардии сержанта Р. Сапарова подготовил огневую позицию справа от дороги с основным направлением стрельбы в тыл.

Первый боевой расчет гвардии сержанта И. Борисова с помощью разведчиков и связистов перекатил пушку на полсотни метров вперед и оборудовал огневую позицию на пригорке слева от дороги в сарае, пробив амбразуру в стене, с основным направлением стрельбы - по фронту. Кедров остался у пушки Сапарова, а я ушел к И. Борисову. Начало светать, с тыла послышался шум моторов, и из-за поворота начала выдвигаться колонна техники с включенными фарами.

При приближении колонны на расстояние 100-150 метров Сапаров первым выстрелом подбил головную автомашину. Колонна остановилась, немцы, выскакивая из машин, побежали в лес. Я и Сидоренко с автоматами наизготовку (у меня автомат, взятый у убитого мною немца в Лодзи) пошли вдоль немецкой колонны, осматривая содержимое автомашин. Внезапно из-за поворота вырвался танк «Пантера» и быстро устремился к нам. Сапаров начал стрелять, но снаряды, рикошетируя, не поражали танк. Танк выстрелил, повредил орудие и продолжал двигаться, обогнав нас, бегущих к пушке Борисова. Борисов оказался молодцом. Он, дождавшись, когда танк поравнялся с пушкой, выстрелил ему в бок и подбил. Танкисты выскочили из танка и побежали в лес. Там они столкнулись с кавалеристами, и были убиты. Я забрался в танк, покрутил башню, работает, а снарядов нет, жаль.

Смотрю в прицел и вижу: из-за поворота показались всадники, разведчики полка. Вскоре подъехал и командир полка. После моего рапорта он поблагодарил и спросил о Журавлеве. Подъехали начальник артиллерии Андриенко и комбат А. Войтенко, думаю, с неудовольствием присоединились к поздравлениям комполка. Наши трофеи: почти исправный танк и десятки разных крытых и не крытых автомашин. У нас потерь в личном составе нет, повреждена пушка. Везение? Да, везение иногда бывает на войне.

Гродзиск

Беспечность и последствия. Значительные потери авангарда полка от удара немцев с тыла. Полный разгром пехотного батальона немцев. Войтенко наскочил на мину и вместе с коноводом Парфеновым находился в медсанэскадроне дивизии. Так я оказался опять и.о. комбата. Войтенко практически не бывал непосредственно в боях, чаще находился при штабе с Андриенко или в хозяйстве старшины и не вмешивался в дела мои, Кедрова и Мельникова. Это нас вполне устраивало. Не признал коллектив батареи его комбатом, а его это и не беспокоило. Он занимался тыловыми делами: хозяйство, выпивки, женщины и др.

При приближении к границе Германии, ожидая сильное сопротивление немцев, авангард дивизии - эскадрон 56-го гвардейского кавполка был усилен артиллерией. Кроме нашей батареи в полном составе (все четыре пушки), в группу усиления включили одну 76-мм дивизионную пушку ЗИС-3 146 артминполка (командир лейтенант Федин, подчиненный мне). Стремительно двигаясь вперед, наш подвижный отряд уничтожал сопротивляющиеся мелкие группы противника и рано утром захватил большое селение Вольштынь вблизи Гродзиска.

Подошел наш полк, значительно усиленный дивизионными артиллерийско-минометными средствами. Комполка приказал нашему головному отряду, авангарду полка, остановиться на отдых до подхода дивизии и потом догнать полк. В селение с востока входила одна шоссейная дорога, пересекаемая поверху железной дорогой. При выходе она разветвлялась на две дороги. Проведя рекогносцировку западной окраины селения, я

приказал: взводу В. Кедрова занять ОП на выходе из селения у правой дороги, по которой ушел наш полк (направление стрельбы на г. Збтошин), орудию Федина - у левой дороги (направление стрельбы на Сулеху), взводу Н. Мельникова - у развилки дорог (направление стрельбы - круговое). На входе в селение прикрытие организовывал комэска, об этом мы с ним договорились. В его распоряжении были значительные огневые средства, в том числе: два станковых пулемета, два крупнокалиберных зенитных пулемета ДШК, две 45-мм пушки и четыре 82-мм миномета, кроме того, четыре сабельных взвода с табельным вооружением, хотя и не полностью укомплектованных.

Приняв меры безопасности, я с моим взводом управления батареи расположился в ресторане вблизи огневой позиции взвода Мельникова. В ресторане была готовая, горячая пища. Послав связных к Кедрову, Мельникову и Федину, я приказал прислать от них помкомвзводов, чтобы набрать в ресторане необходимое количество пищи и накормить личный состав. Перекусив, я улегся на стол, укрылся шинелью и заснул.

Проснулся от крика: «Немцы!» Вскочив, вижу: на улице перед окном автомашина с немцами, в правом и левом окне тоже немцы. Мелькнула мысль: «Попали!» Командую Калачеву: «Задворками взвод к Кедрову, далее действуйте по обстановке!» На улице послышалась редкая, беспорядочная стрельба из стрелкового оружия. Как потом выяснилось, это немцы расстреливали выбегавших из домов кавалеристов. В голове вопросы: «Как могли немцы войти без боя? Почему молчат пушки Мельникова? Как у Федина?». Мысли мыслями, а действовать надо. Даю команду: «Сидоренко, Котляров, - за мной!» Василий с вопросом: «А я?» Бросив ему шинель, крикнул: «Ты и Коротенко ждите нас с лошадьми для нас троих на окраине, у Кедрова!» Выбегаю во двор, Сидоренко и Котляров за мной, бежим к взводу Мельникова.

Подбегаем, там немцы, взвода нет. Теперь - путь к взводу-орудию Федина на противоположную сторону улицы, а на улице немцы. Что делать? Взглянул назад вверх, там железнодорожная эстакада через улицу. Сидоренко и Котлярову показал и крикнул: «Бежим!» Пробрались по задворкам до железнодорожной насыпи, по железнодорожным путям ползком через улицу. Немцы внизу, нас не видят.

Добравшись до задворок, спустились с насыпи и - к Федину. Он на месте, но стрелять невозможно, колонна на улице прикрыта домами. Решили перекатить пушку для стрельбы по колонне, но не успели.

Немцы оказались впереди и слева, позади большое озеро, Положение - хуже некуда. Для отхода остался один путь, пока не занятый немцами: назад по садам, по берегу озера. Около меня собралось более двух десятков вооруженных людей, среди них старший сержант эскадрона со станковым пулеметом. Можно драться, все смотрят на меня вопросительно. После мучительных раздумий об ответственности за жизни этих людей, не думая о последствиях для себя, приказал: «Андрей (Сидоренко), Николай (Котляров), пробирайтесь поскорее в полк, доложите обо всем». На вопрос Котлярова: «А как же Вы?», сказал: «Выполняйте, это зависит и от вас!» Федину скомандовал: «Вынимай и бери с собой затвор и прицел, а снаряды и пушку - под лед, быстро!» Я надеялся, вернемся, вытащим и пушку, и снаряды из воды.

Озеро оказалось мелким, пушка погрузилась только по ствол. Затем Федину: «Веди всех по садам в лес, пулемет не бросай, я за вами следом!» Все делал как-то машинально и только теперь, приняв решение, опомнился: автомат и пистолет у Василия, у меня только маленький маузер «Вальтер» с одной обоймой, отданный мне пленным обер-лейтенантом под Люблином. Идя за группой Федина, задумавшись, отстал от них. Вернулся к реальности от стрельбы и гортанных криков немцев, оказавшихся между мной и группой Федина. Меня им, вероятно, из-за садовых деревьев не было видно.

Мысль подсказала залечь, спрятаться в саду. Присел, оглядываюсь, выбираю укрытие и вижу, что цепь немцев, прочесывающих сад, движется прямо на меня. Выход один: бежать по озеру и утонуть или застрелиться. Вынимаю из кобуры маузер и бегом к озеру. Бегу по льду, проваливаясь и застревая в иле. Немцы кричат: «Хальт, хальт! Хенде хох! Рус капут!» и стреляют правее и левее меня. Думаю, хотят взять в плен. Бегу еще быстрее, один сапог застрял и остался в иле, бежать стало легче. Снимаю второй сапог и в носках ускоряю бег. Немцы бегут по озеру за мной. И вдруг я проваливаюсь и падаю в яму (канаву), по которой течет вода. От воды до льда пространство с полметра. Сунув «Вальтер» в кобуру и изо всех

сил гребя руками по воде, и ногами по дну бросился по течению вниз. А сверху у меня ледяная крыша. Слышу, немцы кричат, стреляют, а я думаю: хрен вам теперь.

Так проплыв (проползя) минут двадцать, я решил отдышаться и передохнуть, сидя в воде по пояс, подо льдом. Еще не верю, что и на этот раз повезло, вдохнув, продолжил «плавание». Через какое-то время канава стала расширяться, и я понял, что впереди озеро или река. Пробиваю лед ногой, снимаю кубанку, просовываю голову и убеждаюсь: действительно река. Вылез на берег. Кругом тихо, вхожу в лес, вынимаю из планшетки размокшую карту и определяю путь моего следования.

Протер и продул «Вальтер», пощелкал спусковым крючком, зарядил его и отправился в путь. Выбрав направление, строго выдерживая его по створам деревьев, иду быстро, чтобы разогреться. Пройдя с километр, встречаю лейтенанта Федина с конем. Спрашиваю его: «Где люди?» Отвечает: «Ушли под командой пулеметчика». «А ты?» «Жду Вас».

Увидев, что я весь мокрый, снял свою нательную рубашку и отдал мне. Сняв с себя гимнастерку, свитерок и нижнюю рубашку, отжав все, я переоделся и, устроившись к Федину на коня, мы вдвоём поехали. Стало темно. Подъезжаем к реке, видим мост, там должны быть наши. Спешившись, идем по мосту, конь в поводе между нами. Договорились, если на той стороне окликнут по-русски, отвечаем и идем, если по-немецки, коня стегнуть, а сами назад. Подошли к берегу, справа станковый пулемет, пулемётчик спит. Бужу и спрашиваю, где командир. Пулемётчик указывает в темноту на дом. Подходим к дому, у дома часовой и несколько оседланных лошадей. Присоединяем к ним и нашего коня. Вошли в дом. В нём жарко натоплено, все спят, У печки несколько пар сапог. Из них выбираю себе сапоги по размеру, надеваю и показываю Федину, уходим. Вышли из дома, часовой на нас не обращает внимания. Подходим к привязанным лошадям. Федин берет своего коня, я другого и потихоньку удаляемся в сторону. Проскакав километров десять до первого попавшегося хутора, просушились, отогрелись и утром направились в полк.

Прибыв, докладываю командиру полка. Он на меня смотрит как на пришельца с того света. Ему доложили, что

видели, как немцы гнались за мной, стреляли и убили в озере. Мои разведчики прошли по следу до канавы, не нашли ни живого, ни мертвого, решили, что раненого или убитого меня немцы увезли, или водой унесло. Последнее оказалось правдой. Выслушав мой рапорт, комполка сказал: «Рад за тебя, не думал увидеть, долго проживешь. Забери своего ординарца, вещи, лошадей и повозку, они у меня».

А начиналось и окончилось все так. Боевое охранение от эскадрона на въезде в село находилось у спиртзавода. Приняв спирта, усталые, не спавшие сутками пулеметчики и сабельники уснули, и немцы свободно въехали в село. Личный состав, разместившись по домам у поляков, проявил беспечность, зная, что впереди полк, а позади дивизия. В результате проявленной беспечности мы понесли значительные потери в людях. Немцы расстреливали бойцов, выбегавших из домов, или захватывали в домах. В конском составе, находящемся во дворах, потерь практически не было. Кедров, развернув пушки в сторону села, организовал оборону с использованием людей своего и моего взвода и отправил связных в полк. Мельников, струсив, оставил ОП, что и стоило ему жизни. Его достала пуля гнавшихся за ним мотоциклистов. Получив донесение от Кедрова, комполка развернул полк, и решительными действиями разгромил пехотный батальон противника. Помогали в этом и попрятавшиеся, пришедшие в себя сабельники, артиллеристы и минометчики. Мстили крепко, пленных не брали. Немцы вытащили из озера пушку и прицепили к бронетранспортеру, но увезти не успели, бросили всю технику, разбегаясь, кто куда. Если бы боевое охранение не проспало, усиленный эскадрон (7 пушек, 4 миномета, 2 пулемета ДШК, 2 станковых пулемета «максим» и табельное вооружение) сам бы расправился с немцами, а получилось наоборот.

Германия, граница

Продолжая движение на Запад, 26 января 1945 года пересекли границу Германии и вошли в первый населенный пункт. Батарея, как всегда, заняла ОП на западной окраине н.п. Мой взвод управления разместился в просторном дворе, с согласия пожилого хозяина. При первом разговоре, по-русски

он понимал и говорил неплохо, он сказал, что в Германскую был в плену у русских. Хозяин мне отвел отдельную небольшую комнату, спальню внучки. Из военного имущества он, как положено, отдал мне 10-ти кратный бинокль и хорошую карту. Стоим, разговариваем. Вбегает Калочев и зовет меня на улицу, вышли, спрашиваю «Что случилось?». Говорит «А. Сердюков изнасиловал девушку на сеновале».

Приказал построить взвод, Сердюкова перед строем отстегал стеком и сказал, что обращусь к зам. комполка по политчасти, чтобы его судить. Иду к хозяину старику и спрашиваю «Где Ваша внучка?». Он сказал, что у него их две и обе на сеновале. Я сказал, чтобы он привел их в дом, и сам пошел с ним. Вошли в сарай, он позвал, они спустились вниз. Одна совсем еще девочка, другая старше, ей 22 года. Когда вошли в дом, я через деда, спросил «Кого из Вас обидел солдат?». Молчат. Старик сказал, что мы поговорим и Вам расскажем, я вышел. Через полчаса вышел старик сказал, что он видел и слышал о наказании солдата, что произошло это со старшей внучкой, она замужняя и сама согласилась. Он также попросил меня не судить военным судом солдата.

Приехал посыльный от комбата с распоряжением, мне быть на митинге, у штаба полка. Первым выступил зам. ком. полка по политчасти гв. подполковник Куркович и сказал: «Мы в логове фашистского зверя. Вы тут делайте все, что хотите! Вы прокуроры! Вы судьи! Пришла смерть фашистским извергам!». Эту речь я хорошо запомнил т.к. поступил иначе и в принципе не согласен с его лозунгами. Хотя я его понимал, у него немцы в Белоруссии всю семью уничтожили.

Вернувшись с митинга, я построил взвод, и сказал только то, что мы в логове фашистского зверя, хотя об этом все и так знали. Дал команду взводу быть готовыми к выступлению: проверить и накормить конный состав, проверить вооружение и снаряжение. Принес извинения деду и внучкам от имени командования, лег и заснул. Проснулся я от падения чего-то на меня, сразу за пистолет???

Оказалось, младшая из сестер убежала от А. Войтенко, пристающего к ней, прячась, бросилась ко мне на кровать. Вскоре и он, хмельной пожаловал, увидев, что она лежит со мной, задумался. Я не выдержал и резко сказал ему «Комбат, прекрати, какой ты подаешь пример подчиненным. Что будут

говорить о нас подчиненные и немцы, мне не безразлично». Он расхохотался и сказал, что пошутил, а я нажил еще одного врага (первый - начарт полка Андриенко, о котором я писал раньше). А девушка прижалась ко мне, ухватилась за руку и лопочет: Nein,…,nein (Нет,…,нет).

Войтенко уехал, а дед пришел и бесконечно благодарил и по-русски, и по-немецки. К моему удовлетворению, вскоре был объявлен Приказ Командующего фронтом Маршала Советского Союза Г.К. Жукова о мародерстве и бесчинствах отдельных военных и строгом наказании. Вероятно, таких, как А. Войтенко и А. Сердюков было немало.

Двигаясь к Одеру, полк внезапно для местных жителей, немцев, без боя ворвался в небольшой городок. Продолжая движение, полк выдвинулся на западную окраину города, где слева, с юга был атакован небольшой моторизированной колонной противника. Организованной контратакой и организованным огнем батарей 76-мм пушек, 82-мм минометов и 45-мм орудий колонна противника была рассеянна. Полк закрепился на юго-западной окраине города. Батарея заняла открытую огневую позицию, командовал ОП старший на батарее гв. лейтенант В. Кедров.

Я со своим взводом управления, занял боевой порядок, для обороны позади ОП. В. Карменов позвал меня в дом, где хозяйка, немка неплохо говорила по-русски, поужинать. Только сели за стол, вбежал санинструктор батареи старшина Свинин и рассказал, что в одном из домов вся немецкая семья покончила самоубийством, одна молодая девушка, возможно, будет жить, он помог ей. Я сказал ему, чтобы он проводил меня туда. Вошли в дом, большой просторный, обстановка богатая. В первой комнате, около окна, на полу, на чем-то подстеленном, лежит молодая, белокурая девушка, глаза закрыты, дыхание слабое, обе руки у кистей перевязаны. Санинструктору я сказал, чтобы он занялся приведением девушку в чувство, а с Василием продолжил осмотр дома. В другой комнате, на подоконнике, с шнуром на шее, привязанным к оконной ручке, с порезанными руками сидит мертвая пожилая женщина, на полу лужа крови.

В другой комнате видим на полу двух мертвых мужчин с огнестрельными ранами: у молодого в левом виске, у пожилого во рту с выходом в затылок, «Парабелум» валяется рядом. Видел я немало ранений и крови, но это? Возвратился к

санинструктору, который занимался девушкой, она еще без сознания, потеряла много крови. На носиках перенесли ее в дом, где собрались ужинать, пища в рот не лезла. Хлопотами опытного санинструктора, девушка пришла в сознание, открыв глаза и увидев нас, снова потеряла сознание.

Я попросил хозяйку, чтобы она занялась девушкой и рассказала бы ей, что мы ничего плохого ей не сделаем. Позже, через переводчицу-хозяйку, девушка рассказала: отцом-нацистом было принято решение всем покончить самоубийством. Мать перерезала ей вены и должна была перерезать себе, а отец должен был застрелить сына и застрелиться сам. Как все происходило потом, она не помнит. Немцев обрабатывал пропагандист Геббельс, а помогали ему такие типы, как А. Сердюков и А. Войтенко.

2008 год

(Продолжение следует)

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Буракова Елена Анатольевна****, экономист*

Костин Сергей Тихонович

Подвиг матери

Родился я 7 ноября 1926 года в деревне Осиновка (Палькoво) Будяновского сельсовета Спас-Деменского района Смоленской области (с 1943 г. Калужской) в семье колхозников Костина Тихона Сергеевича и Костиной Марии Петровны.

С самого раннего детства познал крестьянский труд. Уже до Великой Отечественной войны работал в колхозе «Прогресс» на хуторе Палькoво (пас телят) и в колхозе имени И.В. Сталина (до 1937г. имени Румянцева). Но, так как был несовершеннолетним, трудовой стаж начал фиксироваться только с июня месяца 1940 года.

С 23 июня 1941 года нас обязали дежурить по сельсовету на лошадях с тем, чтобы в любую погоду и время суток мы могли доставить повестки призывающимся в Красную Армию, которые должны были явиться в райвоенкомат к 9 часам.

Так как райвоенкомат находился в Спас-Деменске, а это 12 км от деревни Осиновка, то нам надо ночью вручить повестку под личную роспись живущего, с тем, чтобы он к 9 часам был уже в райвоенкомате. Так как Смоленская область с 23 июня 1941 года, согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года, объявлялась на военном положении, то вся власть по обороне и безопасности переходила в руки военного командования, которому

подчинялись и мы. Телефон, по которому объявлялись постановления власти, в сельсовете был только один. Что может удивить настоящее поколение. 16 июня пал Смоленск, идут тяжелые бои в районе г. Ельни - а это от нас по прямой 30-35 км. Очень часто менялись воинские части, в прифронтовой полосе (где мы жили) много шпионов и диверсантов. Бывало едешь с повестками ночью. Часовой кричит: «Кто едет?», хотя мы ехали верхом на лошадях. Если знакомый часовой, подъедешь к нему и расскажешь куда едем. Но, так как части менялись очень часто (бои под Ельней обострялись, недаром первые гвардейцы появились под Ельней), менялись пароли, нам приходилось (по малолетнему разуму), прижавшись к седлу во весь опор гнать лошадь в деревню и вручать лично под роспись повестку.

Так продолжалось до августа-сентября. Ночью дежуришь по сельсовету, а днем идешь копать противотанковый ров, который рыли мы в 500 метрах от деревни. Правда, этот ров никакого вреда немецко-фашистским войскам не принес, хотя выбран был очень правильно (слева и справа было болото), так как мост через речку не был взорван, средние танки немцев проходили через него свободно. Ведь тогда не было еще «Тигров» и «Фердинандов».

В конце июня, начале июля 1941 года, на ровную площадку поля совхоза «Прогресс» (в одном километре от нашей деревни Осиновка) не очень удачно приземлился самолет У-2, в котором находился комбриг, и который сказал, что на этом месте будет аэродром, на котором мы потом работали до 5 октября 1941 года - дня оккупации немецко-фашистскими захватчиками нашего Спас-Деменского района.

По факту моего участия в работах по сооружению оборонных объектов в тылах Западного и Резервного фронтов имею именное удостоверение - серия М №015914, выданное Бабушкинским РВК.

В июле-августе 1941 года из западных районов Смоленской области началась массовая эвакуация оборудования заводов и фабрик, массовый угон скота на восток. Мы, подростки, оказывали очень большую помощь погонщикам скота и Красной Армии. Запомнился один трагический случай. Я после ночного дежурства прилег отдохнуть. Тут в окно постучали. Я встал, плачущий старик просил помочь ему перегнать на восток

километров 10-15 его стадо (огромное), так как женщины, которые были с ним, разбежались после того, как вчера немецкий самолет из пулеметов убил 14 коров. Люди чудом спаслись. Как я мог отказать ему. Пошел и разбудил своего товарища Александра Никитовича, 1927 года рождения. Собрали скот и погнали на восток, не зная точного маршрута, но на восток! Прогнали мы стадо до деревни Ипоти (километров 15). Дед накормил нас мясом и каждому из нас дал по 50 рублей денег. От денег мы отказывались. Так как тратить их было негде. Мы решили идти в Спас-Деменск и купить, что-нибудь домой. Когда до Спас-Деменска оставалось 2-3 км, мы увидели фашистских пикирующих бомбардировщиков, которые бомбили Спас-Деменский железнодорожный узел фугасными бомбами большой мощности. Железнодорожные скаты летели на 150-200 м. В Спас-Деменск мы не пошли.

Работы на оборонных объектах продолжались до конца сентября. 5-го октября 1941 года наша деревня Осиновка, да и весь Спас-Деменский район были оккупированы немецко-фашистскими войсками. Началась новая жизнь с новыми порядками. В ноябре 1941 года немцы отобрали и зарезали нашу корову. В нашей деревне застрелили одного старика жителя нашей деревни. Всего же осенью 1941 года и зимой 1941-1942 г.г. в нашей деревне и на наших полях было расстреляно около 10 человек. В январе 1942 года в нашу деревню прибыла немецкая часть, разбитая, под Москвой. Расстреливали всех, кто проходил или проезжал нашу деревню.

Так, в конце января, были расстреляны двое мужчин и женщина, ехавшие через деревню. Трупы их, изъеденные мышами, мы весной похоронили на огородах в окопах, вырытых нашими красноармейцами. Много в сочинениях Солженицина описано благородных дел власовцев. Но их благородные деяния я видел своими глазами. Они расстреляли старика только за то, что у него были хорошие валенки и шапка. (Зима 1941-1942 годов была холодная). 9 февраля 1942 года мы с матерью пошли за сеном в сарай, который находился на другом конце деревни. Я сверху сбрасывал сено, а мать укладывала его в плетуху (большая плетеная из прутьев корзина). Мать зачем-то пошла посмотреть за сарай. Быстро вернулась. И крикнула мне: «Сережа, там наших расстреливают

немцы». Я взял плетуху с сеном, и мы с матерью, она впереди, а я следом, пошли к немцам.

В это время я увидел 9 человек, поставленных к задней стенки сарая, и отделение фашистских солдат, готовившихся к расстрелу этих людей, некоторые из которых сильно плакали. Мать опустилась на колени и стала просить фельдфебеля (старшего команды) подождать, пока она позовет старосту. Немец не соглашался. Тогда она сказала: «Вот вам мой сын, он станет там, куда прикажете, а я пойду за старостой». Меня фельдфебель поставил примерно на 1-2 метра от приготовленных к расстрелу людей. Велел снять плетуху, которую поддал ногой. Минут через 5-10 мать со старостой вернулась, и староста стал объяснять, что эти люди везут фашистов к фронту, что они расположились в том конце деревни, а мужчинам разрешили собирать милостыню, так как им есть было нечего. Фельдфебель разрешил старосте с матерью бежать в тот конец деревни за «камрадами». А мы, все 10 человек, стояли и ждали, что вот прогремит команда и нам хана. Но, все обошлось. Приехали «камрады» - те немцы, которых везли эти люди к фронту, и нас отпустили. Ребята, которых мы спасли, бросились на колени и со слезами на глазах благодарили мою мать. Прошло много лет, но подвига, совершенного моей матерью, не забуду никогда. Сейчас о ее подвиге знают все в моем родном Спас-Деменске.

В немецко-фашистской оккупации мы прожили до сентября месяца 1943 года. Правда, считается днем освобождения Спас-Деменска 13 августа 1943 года. Но, нас (всю деревню) немцы погнали на запад 8 августа 1943 года. Конечным пунктом нашего мытарства стала деревня Чепищево Шумячинского района Смоленской области, куда мы приехали числу к 20 августа. Нас, ребят 1926 года рождения, сразу отправили в 113-й концлагерь в г. Рославль. В концлагере, числа до 15 сентября, мы рыли вместе с нашими военнопленными противотанковый ров. Впервые увидели наших солдат и сержантов в погонах. В последние время в концлагере шли слухи, что нас отправят в Германию. В одну из дождливых ночей мы бежали из концлагеря (удостоверение малолетнего узника фашистских концлагерей: серия Р, №039551).

По прибытии в деревню Чепищево, мы поселились в сарае с сеном. В одну из ночей в наш сарай пришли наши разведчики. Спросили, есть ли немцы в деревне, но немцев в деревне не было. Утром пришли регулярные части Красной Армии. Сколько было радости. Мы поехали домой обратно по Варшавскому шоссе. Приехали домой, избы нет, ее сожгли немцы при отступлении. Стали жить у своих родственников и с матерью заготавливать лес для новой избы. Работали на полевом аэродроме, который строили в 1941 году, и который немцы использовали для своих самолетов, а теперь он стал нашим, родным. По возвращении из концлагеря и из эвакуации нас вызвали в Райвоенкомат, где нас готовили по программе одиночного бойца с занятиями в поле по 12 часов в сутки.

Вечером давали винтовку и 5 боевых патронов, и нас, человек 4-5, во главе с офицером заставляли патрулировать по г. Спас-Деменску, в котором был введен комендантский час. В конце сентября нас отпустили домой на неделю. 6-го октября с вещами мы прибыли в Райвоенкомат. Под руководством офицеров нас погрузили в вагоны и отправили в г. Калугу (теперь уже наш областной город) на пересыльный пункт.

На пересыльном пункте мы пробыли несколько дней, но потом (числа не помню) нас поездом отправили домой до особого распоряжения. Все это время, когда мы были, по сути, на службе в Красной Армии, нигде не записано. Первый призыв в Красную Армию до 6-го октября 1943 года был осуществлен до исполнения мне 17 лет (родился 7 ноября 1926 года). Когда нас отправили «до особого распоряжения», говорили, что под Киевом обошлись без нас.

Особое распоряжение поступило 23 декабря 1943 года, а 26 декабря мы с вещами пешим порядком пошли в воинскую часть. Это порядка 20-25 км. Нас привели в сосновый лес. Вот здесь вы будете жить. Ночь. Лес и мы. Костры разводить нельзя. Спать хочется. Стали ломать лапки сосен, обустраивать себе ночлег. Утром привезли шансовый инструмент. Отмеряли 120x60 метров площадку. Разрешили по метру разводить костер. Отогрелись. За первый день углубились примерно на 1 метр. Ночью стало тише. Ветер не так задувал, хотя иногда снег с вершин сосен летел на нас.

Начались армейская жизнь. 23 февраля 1944 года я принял присягу. Стал курсантом учебного батальона младших

командиров Красной Армии. Занимались по сокращенной программе и за 3 месяца нас выпустили сержантами. Занимались по 12 часов в сутки, а после отбоя шли на старую оборону (под г. Кировым Калужской области она продолжалось свыше 2-х лет) за досками и бревнами для нашей землянки. Спали 4-5 часов, а затем снова занятия (в основном в поле, зима 1943-1944 годов была холодная). В январе месяце нам выдали «союзническую» обувь. Мне достались английские ботинки с малым подъемом. В феврале 1944 года я отморозил обе ноги. Пролежал в бригадном лазарете около 20 дней. Ноги почернели, но быстро зажили, и я снова стал в строй. Сдали экзамен по программе младших командиров с включением в нашу программу обязанностей командиров взводов Красной Армии.

В мае месяце 1944 года лучших младших командиров отправили в только что освобожденные или освобождаемые районы западной Украины и западной Белоруссии для оказания первой помощи местным властям в мобилизации людей призывного возраста в Красную Армию и лошадей для нужд Красной Армии.

В июне месяце вместе с частями Красной Армии, выполнявшими операцию «Багратион», мы вошли в город Минск, в окрестностях которого бродили остатки разбитых, но не сложивших оружие немецких частей, власовцев, бандеровцев и бульбовцев. С этими разбитыми немецкими частями приходилось вступать в бой.

Особенно изощренно действовали власовцы, бандеровцы и бульбовцы, которые говорили по-русски. Так был уничтожен один из наших отрядов. Отряд, обычно, состоял из 12 человек во главе с офицером. Потеря бдительности привела к тому, что отряд ночью был вырезан, а младший лейтенант был распят на деревьях на виду у местных жителей Пинской области Белоруссии. Было это сделано для устрашения лесного населения. Наш отряд задержал 17 человек бандеровцев.

Через месяц нас отозвали в часть, где уже формировались маршевые роты. В одну из них попал и я. Так как я был старшим по вагону, то по прибытии на фронт стал командовать этим взводом. Но командовать взводом и 11-й ротой мне пришлось не более 10 дней, рота находилась в обороне.

Приходилось строить часть к фронту. В Литве очень сыро, плохие дороги.

В один из вечеров к нам в окопы прибыл старшина из 72-й отдельной разведроты, группы СНАРС и отобрал нас двоих в разведроту. Командир батальона, которому я доложил, отругал меня и не хотел отпускать, так как в батальоне почти не было офицеров, но старшина-разведчик сказал, что это приказ командира 71-й гвардейской стрелковый дивизии.

Нас «со скрипом» отпустили. В 72-й отдельной гвардейской разведроте нас очень хорошо встретили, накормили. Утром командир взвода разведроты старший сержант А. Бекмухамедов познакомил меня с 3 солдатами и представил меня, как командира их отделения.

Так началась моя армейская жизнь дивизионного разведчика. Не забыть первого боя, точнее - разведки боем. В этом бою мы потеряли сержанта Предтешенского, с которым мы вместе пришли в разведку. Взяли очень ценные документы, за что получили благодарность командира дивизии. Затем были и другие походы за «языком» в ближайший тыл противника.

В разведроте я был дважды ранен. С последним ранением пролежал в госпитале около 3-х месяцев. О контузии, которую я получил в 1944 году, знали только разведчики нашей роты. Так как я не знал, что такое контузия, кровь идти перестала, я далее остался в роте под наблюдением фельдшера из санроты. Так и прослужил я 8 лет в звании сержанта без медицинского (комиссии) обслуживания. И только много лет спустя, когда меня вызвали в райвоенкомат в 1955 году для прохождения медкомиссии, с последующей отправкой на Курильские острова заместителем командира роты по политчасти у меня было выявлено органическое поражение центральной нервной системы в результате перенесенной ранее контузии.

После излечения в госпитале, в конце марта 1945 года из города Двинска (Даугавпилс) попал во 2-ю стрелковую роту 71-го стрелкового полка 24-й гвардейской стрелковой дивизии, командиром отделения, как раз в период подготовки к штурму г. Кенигсберга.

После штурма Кенигсберга, немного левее него, мы вышли к берегу Балтийского моря. Прямо у самого берега моря был фашистский аэродром, на котором базировались немецкие штурмовики. Этот аэродром находился в расположении нашей

дивизии. Летом, в июне месяце, я заболел паратифом «А». После лечения в госпиталях Восточной Пруссии (в одном из них нам вручили медали «За взятия Кенигсберга») мне дали отпуск. Дома я пробыл около 3-х месяцев. Затем райвоенкомат направил меня на распредпункт в г. Калугу. С распредпункта нас, нескольких сержантов, один майор забрал служить в военпродпункте в г. Вязьму. В октябре 1946 года военпродпункт законсервировали, а нас направили служить в 1128-й КАП, где я был писарем-контенармусом и старшиной батареи. Из 1128-го КАП в 1946 году меня перевели в воинскую часть 51169 отдельной противотанковой артиллерийской дивизии, где я служил в должностях: зав делопроизводством артвооружения и секретарем бюро ВЛКСМ. С должности секретаря бюро ВЛКСМ в октябре 1951 года я был демобилизован.

С 1951 по 1954 год работал в органах МВД-МГБ заместителем начальника отдела по политчасти на станции Молоярославец Московско-Киевской железной дороги. За время службы в армии и работы в органах МВД-МГБ я окончил 10 классов школы рабочей молодежи, так как у меня до призыва в армию было только 6 классов образования.

Местность, где я проживал, была оккупирована фашистскими захватчиками. Учебу в школе мы закончили в 1940 учебном году. После увольнения из органов МВД-МГБ (по болезни) работал на предприятиях и НИИ оборонной промышленности.

В частности, в Московском радиотехническом научно-исследовательском институте, радиотехническом институте НИИДАР, НИТП министерства среднего машиностроения. Последнее место моей роботы - Агрегатно-конструкторское бюро «Якорь» в должности начальника отдела. За время работы окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики по специальности инженера-радиотехника.

Ветеран труда, удостоверение: серия П, №613468. Награжден медалью «Ветеран труда», орденами Отечественной войны I-й степени, Славы III-й степени и 15-ю медалями СССР и России, в том числе, медалями «За отвагу», «850 лет г. Москве», «За взятие Кенигсберга», почетным знаком РКВВС и благодарностями Московского комитета ветеранов войны, Всесоюзного комитета ветеранов войны и ветеранов военной

службы «За активное участие в ветеранском движении и воспитании подрастающего поколения»

Дважды участвовал в военных парадах на Красной Площади в г. Москве, посвященных дню Победы в 1995 и 2000 годах.

В настоящие время являюсь членом совета «Союза фронтовиков» СВАО г. Москвы и членом совета ветеранов ВОВ 71-й гвардейской орденов Ленина и Красного Знамени стрелковой дивизии.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Потайнова Татьяна Сергеевна****, студентка 2-го курса Профессионального училища №5 города Москвы*

Костромов Владимир Иванович

По-немецки нечетко бросил: «Свои!»

Я родился 21 ноября 1924 года в городе Москва. Русский, атеист. Был членом КПСС с 1944 года.

До войны окончил 9 классов Барвихинской средней школы Кунцевского района Московской области.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года в 12 часов, встретив бегущую в слезах женщину. Она крикнула: «Сынок, война!» Я был потрясен. На всю жизнь в памяти звучат слова: «Сынок, война!». Я побежал в Ильинское к единственной радиоточке в селе и услышал речь В.М. Молотова.

24 октября 1942 года добровольцем прибыл в Сталинский РВК города Москвы и был мобилизован в Красную Армию.

Военную присягу принимал 18 ноября 1942 года в Гороховецких лагерях, восточнее г. Владимира. 20 ноября 1942 года поездом прибыл на окраину г. Воронежа, был зачислен пулеметчиком.

Командование распределило всех прибывших по специальностям в гражданке. Группа без специальности была отправлена в деревню Васильевка г. Борисоглебск Воронежской области. Там я был зачислен в состав 365-го фронтового ветеринарного лазарета 1-го Украинского фронта. Командир лазарета майор Савченко. Через 2 месяца был

переведен в поселок Таловая Воронежской области. Там был принят в военную группу подготовки ковочных кузнецов, которую окончил по военной специальности ВУС 119 ковинструктор.

Боевой путь проходил через Тернополь (апрель 1944); Лодейное Поле (июнь 1944); Краков (30.01.1945); Катовицы (4.02.1945); Обер Глогау (19.03.1945); Бреслау (6.05.1945).

В составе ветлазарета летом 1943 года совершил конный марш по Воронежской области (Новый Оскол, Старый Оскол, Томаровка, Борисовка). Затем направились к Киеву через город Борисполь. После взятия Киева находились в городе.

Служил в 365-м фронтовом ветеринарном лазарете, затем переведен в марте 1944 года в состав 135-й стрелковой дивизии. 24 апреля 1944 года под Городищем участвовал в боях за г. Тернополь под командованием полковника Иванова.

В 276-м артполку был дан приказ, маршем идти на город Тернополь. Была поставлена задача обойти Тернополь и окружить его. В 12 км западнее Тернополя в городе Козлово завершили окружение. Противнику не удалось пробиться к окруженному гарнизону. Комендантом города Тернополя был назначен полковник Иванов Михаил Порфирьевич. После этих боев дивизия была отведена, и до 6 июня 1944 года проводила боевую подготовку, затем полк был погружен в железнодорожный эшелон на станции Борки Вельки, выехал на Карельский фронт через Киев-Курск-Москву и занял оборону у города Лодейное Поле для прорыва обороны финнов на реке Свирь. Войска пошли к городу Выборг.

Тягловая сила была конная. Лошади имели отличный вид и славились на всю 21-ю армию. Конный состав был поставлен на новые подковы (180 лошадей), что содействовало успешному продвижению артиллерии. С необыкновенным упорством мы отбивали атаки финнов. Полк имел 20 тысяч снарядов, 12 гаубиц. Местность была покрыта огромными валунами. Иногда они имели размеры 2-х этажного дома. В конце августа 1944 г. активность финнов стала спадать. 5 сентября 1944 г. на переднем крае появились белые флаги финнов, они капитулировали. Финляндия вышла из войны.

14 декабря 1944 года полк был направлен на 1-й Украинский фронт и 28 декабря 1944 года разгрузился в Польше, восточнее города Жешув и приступил к маршу на

Сандомирский плацдарм, который и был прорван. 16 января 1945 года полк подошел к Кракову, занял северо-западную окраину Кракова.

Овладев пригородами Кракова и станцией Товарная, вместе с другими подразделениями 30 января 1945 года, наша дивизия овладела бывшей столицей Польши городом Краков, за что дивизия получила наименование Краковская.

Продолжая преследование врага на запад, полк подошел к центру Домбровского угольного бассейна города Катовицы. Овладел городом Катовицы и получил наименование Катовицкого. Измотав врага, наши части 15 марта 1945 года окружили и уничтожили Оппельно-Козельскую группировку фашистов, за что мы получили благодарность Главнокомандующего тов. Сталина И.В. Наш полк участвовал в освобождении ряда городов, в том числе и города Обер Глогау.

18 апреля 1945 года артполк по приказу командования начал марш на город Бреслау и занял боевой порядок на западной окраине города. В ходе сложных уличных боев с 24 апреля овладели 5-ю кварталами города и после 2-х кратной бомбежки 500 самолетами 6 мая 1945 года на наш ультиматум фашисты капитулировали. Весь день 7 мая беспрерывно тянулся плененный 40 тысячный гарнизон.

8 мая полк отведен на окраину Бреслау в деревню Опперау. 9 мая 1945 года полк получил долгожданную и радостную весть о победе над фашисткой Германией. Над городом раздался и загудел многотысячный громоподобный ликующий крик «Победа!». Пулеметные очереди и радостные крики «Победа!» живут в моей памяти и снятся уже почти 60 лет. 15 мая 1945 года 135-я стрелковая Краковская Краснознаменная дивизия расформировалась и на базе 276-го артполка сформировался 675-й минометный Катовицкий полк.

21 июня 1945 года полк начал длительный марш на машинах по маршруту: Бреслау, Глац, Брно, Вена. По всему маршруту гремели оркестры. Население забрасывало машины цветами. Море улыбающихся лиц, особенно в г. Брно и Вене.

Из Вены полк был направлен на запад Австрии. Через Санкт-Пелтен на северо-восток от г. Линца в пункты Лембах и Рорбах (лето 1945г.).

В октябре 1945 года был направлен в г. Шопрон (Венгрия), где продолжал службу. 10 декабря из Венгрии был

демобилизован в звании гвардии рядового 178-го гвардейского стрелкового орденов Кутузова и Александра Невского полка. Подпись: начальник штаба полка гвардии майор Васкевич.

В поселке сельского типа я помогал ветврачу майору Карташеву ухаживать за конным составом, чистить, поить, кормить, измерять температуру лошадей, особенно подготавливать прибывающих коней к операции. Было мучительно больно видеть страдания умного животного.

В суровое время начала 1943 года полуголодные красноармейцы с разрешения командования сварили и съели лошадь. Ходили с котелками за километр на кухню, где получали суп-бурду - суп из перловки. Поили коней из обледеневшего колодца-журавля. Те ведра, в которых варили конину, лошади в ужасе били ногами.

Командование мне поручило 7 слабых от голода лошадей увести из лазарета и передать в колхоз. Привязав к хвостам семь лошадей друг за другом, повел, потащил цугом слабых животных по зимним снежным полям Воронежской земли. Надо было доставать корм, а его нигде не было. Когда привязывал к стойке лошадей, они ее изгрызли. Измучившись, я увидел далекие огоньки в поле. Пошел через поле. Началась пурга, и вдруг я провалился в глубокий окоп, а на меня сползла первая лошадь и накрыла тяжестью груди, и я почувствовал, что погибаю вместе с ней. Сзади на ветру стоят еще 6 замерзающих лошадей. Выбившись из сил, я выбрался из окопа и побежал по снежному полю к огням. Нашел спящих мужиков, объяснил им ситуацию. Они взяли веревки, пошли со мной, вытащили едва дышащее животное.

Я отморозил ноги (был в ботинках и обмотках), но коней передал колхозу.

Оказавшись с 17 февраля 1944 года в составе 135-й стрелковой дивизии в её тылу под Тернополем, будучи кузнецом, я не только занимался ковкой конного состава, но был использован как красноармеец на подсобных работах в свободное время от ковки лошадей.

24 апреля 1944 года командир дает мне задание – доставить под Городище к возвышенности (около 300 м) повозку с противотанковыми минами. Вся местность на десяток километров была под огнем артиллерии. Получив конкретное дело, я с радостью повез мины на паре лошадей. Точного места

разгрузки я не знал. Сидел один на горе мин (100).

Под покровом ночи слышу, солдаты кричат: «Куда ты прешь по нашему минному полю!? Объезжай!» Подъехал на указанное место, начал разгружать эти мины и почти до утра возился с ними. Трассирующие пули летели с высоты. Попадание пули в мину - это невиданной силы взрыв. Этот взрыв мы готовили для фашистов. Под утро, закончив разгрузку, возвращаюсь в часть. Лошади бешено мчатся под обстрелом артиллерии врага. Снаряды ложатся, то справа, то слева, то впереди. Осколком снаряда была убита лошадь. Враг стал обстреливать местность тяжелыми снарядами. От взрывов снарядов зловеще освещалась деревня, и охала земля. И все же мне удалось, хотя с одной лошадью, уйти живым из зоны обстрела. Я вернулся в войсковую часть. Только одна мысль меня тревожила. Я не мог понять, как и почему я остался жив, но доволен был выполнением задания.

В июне 1944 года товарный поезд меня мчит по израненной фашистами Родине. Куда – не знаю. Вижу и догадываюсь – это Киев, это Курск, это Орёл. Жадно слежу за маршрутом поезда. Неужели попаду в Москву? А если поезд будет стоять, то могу и встретить маму.

Промелькнули Благушинская больница, Измайлово, Хлебозавод. Поезд в 10 часов остановился в Бескудниково. Звоню маме: «Я в Бескудниково на товарном поезде с лошадьми. Если сразу поедешь, то, может быть, увидимся». Нервничаю. Поезд стоит. Вижу, бежит моя мама, маленькая, в белом платьице. Немного времени нам подарила судьба. Услышал команду: «По вагонам!» Поезд помчался навстречу белым ночам. Мама стояла на краю платформы и махала мне платочком пока не превратилась в точечку.

Какой ты счастливый, Кострома, ты виделся с мамой. А поезд шел и шел на север. Вот уже Сонково, далее Красный Холм, Тихвин, Оять.

У города Лодейное Поле получили задание разгружаться и занять боевой порядок. Разгрузились в лесу, уже 2 часа ночи, но удивительно светло. Мы можем даже читать газету. Спать не удалось. Весь лес был насыщен орудийными стволами. Вся подготовка артиллерии проводилась молча. Для орудий 276-го артполка дали узкий кусочек пространства. Солнце поднялось, но столько орудий! Столько солдат! А стояла странная тишина.

В 8.00 утра – артподготовка. И вдруг страшный рёв, раздирающий землю. Она вздрогнула и задрожала от ударов землетрясения, сотворенного нашей артиллерией. И небо и земля клокотали, гудели. Голосов солдат не было слышно, говорить невозможно. Обменивались жестами. У многих появилась кровь из ушей. Темная полоса закрыла более, чем полнеба, и солнце заволокло дымом. Более трёх часов продолжался адский грохот советской артиллерии. Много лет с тех пор минуло, но эхо грохота грохотом слышится в голове каждого из нас. А нынешние салюты по звуку, как комариные полёты.

8 января 1945 года мы находились на польской земле. Наш полк на марше шел на Краков. Был привал. Наши дивизионы в разных местах леса, расположены полукругом. Меня, как самого грамотного из красноармейцев (9 классов), вызывает командир (кажется капитан). Я мог объясняться на немецком языке. Он приказывает: «Садись на коня, бери бидон с питанием и доставь его по бойцам». Очевидно, я перепутал маршрут и выехал на лес с другой стороны. Вдруг послышался из леса разговор. Не пойму, наверное, наши ребята. Подъезжаю ближе и ясно слышу немецкую речь, смех. Замер, остановился, говор многолюдный. Их не вижу, они в густой зелени. «Кто там?»- вопрос немца в мою сторону как-то не настороженно. Мелькает мысль: «Что делать?». Используя некоторые ходовые слова по-немецки, нечетко бросил: «Свои!» и быстро развернул коня в обратную сторону леса. Вскоре нашел своих и передал им бидон с обедом. И подумал: «Как выгодно знать язык врага».

В январе 1945 года 276-й артполк наступал. Артиллерия была на конной тяге. Три пары лошадей тянуло каждое орудие. Дивизия шла по территории Польши на Краков. На одной из остановок решили подкормить лошадей. Нашли большой сарай с заготовленным сеном. Начали брать. Из сена вдруг показался ботинок. Когда потянули сильнее, вместе с башмаком вытянули укрывшегося там фашиста. При первоначальном допросе он признался, что укрылся от немецкой армии. По специальности он – врач, хотел работать в этом поселке после окончания войны. Пленный был доставлен мною в пункт приема. Мои сомнения подтвердились – он оказался шпионом. Я был награжден.

Одервальд. 3.02 1945 г. Серое небо. Моросит дождь, берег реки Одер.

135-я СД захватила плацдарм на левом берегу реки. Одна из 76-мм пушек осталась на этом берегу на огромном пустыре. Вдали виднелся красный кирпичный дом с огромной, пробитой снарядами, брешью.

Лейтенант попросил проверить, нет ли в доме фашистов. Длинные занавески развевались через брешь и разбитые окна, горы щебня и стекла, труп старика и вой ветра. Вижу, стоит круглый стол, не накрыт. Кричу: „Wer ist da?» - «Есть ли кто?» Зловещая тишина. Нагнулся и увидел - под столом трясется в черной одежде девушка лет 15. Говорю: «Stehe auf!» - «Встаньте». Она ползет к моим сапогам, и слышу умоляющий голос с рыданиями: «Камерад, не стреляйте меня, я еще так молода, я хочу жить». Я знал немецкий язык и просил её не бояться. Советская армия не расстреливает мирных жителей. Глаза ребенка, в ужасе просящего жизнь, стоят передо мной спустя 60 лет. Я горд своим поступком красноармейца.

А когда наступила темная ночь, то видны были вереницы тяжелой техники с открытыми фарами. Это шли наши танки, тяжелые орудия к Одеру. Враг уже не имел силы сопротивляться, молчал. Сердце радостно стучало в груди. Скоро будет наша победа, наш праздник и никогда не будет войны.

Где-то после 15 марта 1945 г., получив пополнение, полк участвовал в овладении городами Обер-Глогау, Зюльц и др. В городе Обер-Глогау дивизия стояла около кирпичного завода, Решив посмотреть на город, я поднялся на самую высокую точку – на чердак кирпичного завода. Несколько мощных колонн подпирали крышу. Стояла тишина. Вдруг послышался слабый шорох. Я с автоматом бросился в сторону шума. На слова: «Кто здесь? Выходи или я буду стрелять» из-за колонны появилась фигура фашиста лет 30. Он бросил оружие и поднял руки. Глядя на меня в упор, он лепетал, чтобы я подарил ему жизнь, у него двое детей. Я указал ему вниз, спускайся, а он всё пятился и пятился, боясь повернуться ко мне спиной. Отвел его в комендатуру и сдал. Потом мне сообщили, что от моего «языка» были получены ценные сведения. Я был награжден медалью.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кузьминов Алексей Вячеславович****, студент 4-го курса Московского государственного университета природообустройства*

Краснов Александр Борисович

Взгляд, брошенный с неба

(продолжение, часть 2-я, начало в 8-м томе)

Разный народ разведчики, но одинаковы в одном – в безотчетной любви к своему делу, к своей профессии. Ничего не говорят об этом ни между собой, ни с другими людьми, а эта любовь выпирает во всем - и в унынии, когда не пускают в полет сложные метеоусловия, и в радости, когда выдается удачный боевой вылет, и даже в том, как они идут к самолетам – неторопливым шагом, в котором чувствуется туго свернутая пружина, готовая развернуться с громадной силой. Идут степенно, группками – этакие прожженные профессионалы, которым сам черт не брат и море по колено.

Понимают друг друга разведчики с полуслова, полужеста, угадывают взаимные намерения по движению бровей, мимике, едва заметному подрагиванию губ. У них свой особый лексикон, свои понятия, критерии.

Связанные с разведкой профессиональными узами, экипажи не склонны преувеличивать ее трудности и опасности, противопоставляют им предусмотрительность, осторожность, тактическое мастерство и, если хотите юмор, летный оптимизм. А как тщательно готовятся они к полету, подгоняют парашютные лямки, усаживаются в кабинах! Это не пустяки,

если человеку предстоит просидеть не один час, плотно привязанным к сидению и выполнить немало маневров в рисковых, острых ситуациях.

Мы начинаем осознавать, что труд воздушного разведчика– труд умственный, интеллектуальный. Аналитический склад ума, способность к творческому мышлению разведчику крайне необходимы. Но будь разведчик хоть семи пядей во лбу, не выручат его эти замечательные качества, если не обладает он зоркостью, твердой памятью, не может мгновенно, как фотоаппарат зафиксировать изображение объекта на свою «пленку» и схваченную информацию закрепить в своем сознании. Тот не разведчик, кто не настойчив, не упрям, кто не стремится найти упрятанный противником объект, когда и шансов обнаружить его, как будто, нет никаких. Все эти качества не прирожденный дар, они проявятся, если разведчик будет достаточно натренирован.

А главное добыть достоверные данные, да еще и доставить их своевременно. Недаром говорят, что тем, кто бежит за событиями, не суждено встретиться с ними.

- Наших донесений ждут штабы и командармы, – подхватывает Червяков, – без них войска ни шагу. Наши снимки рассматривают буквально в лупу в дивизиях и полках. И вот уже рождаются на картах красные стрелы – направления ударов, пути-дороги к победе.

- Хорошо сказано! – поддержал Червякова Корзун. – Ну, кто еще станет утверждать, что разведка ненужное и безвредное для врага занятие?

Нам предстояло вступить в этот заманчивый мир разведки, и мы окунулись в него, но все же с волнующим и чуточку пугающим чувством его новизны. Конечно, как и все истребители, прикрывавшие войска, сопровождавшие штурмовиков и бомбардировщиков, летали мы и на разведку: наблюдали за полем боя, искали позиции немецкой артиллерии, минометов, уточняли положение своих войск – но все это рядом с передним краем. Теперь же предстояло действовать по иному: идти на крупные объекты врага в сотнях километров за линией фронта, долгими часами находиться в его тылу. Сколько длится боевой вылет истребителя? Чаще всего минут сорок – час. А здесь придется сидеть в тесной кабине вдвое, может и больше времени. Нужно уметь маневрировать и фотографировать в

зонах зенитного огня, уходить от фашистских истребителей. Кто мог сказать, как это делать? Короче говоря, дальняя воздушная разведка была для нас во многом «вещью в себе».

Говорят, что легче построить новый дом, чем перестраивать старое здание. Но тактику воздушной разведки истребителями на пустом месте построить нельзя, а перестраивать надо было основательно и многое из того, что нужно перестроить предстояло сделать впервые. Перестраивали «здание тактики» все, даже Кононенко, постоянно поучавший профессиональных разведчиков по вопросам воздушного боя.

На всестороннюю подготовку к разведке, на разработку новой тактики требовалось время и немалое. Но разве можно было спокойно есть, спать, корпеть над теорией в классе или томиться в учебных полетах, когда на фронтах происходили грандиозные события? Немцев били повсюду. Каждый день начинался и заканчивался слушанием сводки Совинформбюро. Огненный шквал все дальше уходил на запад. Исчезла знаменитая Курская дуга, наши войска громили гитлеровцев под Орлом и Белгородом, вступали на территорию Украины – лавина этих событий и нескончаемый поток названий освобожденных городов, не только безмерно радовал, но и заставлял торопиться. Ожидание казалось невыносимым. Летчики нервничали, спешили как можно быстрее завершить подготовку, работали с энтузиазмом и большим напряжением. Все остальное ушло на второй план. Нерадивых и недовольных не было.

Но оказывается, не только мы считали дни и полеты. Оценивали нашу готовность и старшие начальники. Когда прошло полтора месяца – срок, установленный на формирование эскадрильи истребителей – дальних разведчиков, поступило распоряжение: быть в готовности к перелету на один из фронтовых аэродромов Донбасса.

Разрешение на перелет вызвало общий прилив энергии. Там, в Донбассе, войска Юго-Западного фронта, преодолевали сильно укрепленные оборонительные рубежи гитлеровцев, отбрасывали их на запад, освобождая один за другим донецкие города. В эскадрилье закипела предотлетная суета. На картах прокладывалась прямая линия между Кубинкой и селом Петропавловка в Донбассе – летчики чертили маршрут полета, он был не близким, усердно изучали район предстоящих

боевых действий. От самолета к самолету, медленно, словно неповоротливые быки, передвигались бензо- и маслозаправщики, подвозились черные и голубые баллоны со сжатым воздухом и кислородом, тускло поблескивающие желтизной ленты, туго набитые пушечными снарядами. Техники и мотористы, оружейники и прибористы, деловито переговаривались, позвякивали заправочными лючками, и еще раз тщательно проверяли исправность моторов, оборудования и вооружения самолетов. Все немного взволнованы, как это всегда бывает перед дальним полетом. Но вот постепенно пофыркивание спецмашин, говор людей, стук инструментов начали стихать. Последний час в Кубинке...

Всей предотлетной работой руководил назначенный командиром эскадрильи Петр Малай, майор с густыми черными, выбивающимися из-под фуражки волосами в сильно потрепанном кожаном реглане. Новый комэск пришелся по душе подчиненным. Приятное лицо, лоб высокий, большие карие глаза смотрят из-под черных бровей изучающе цепко. Ровное уважительное отношение к людям, ордена на гимнастерке и среди них редкий для летчика орден Ленина утвердили его авторитет. Не очень то жаловали такими орденами летчиков, особенно в начале войны. На своего командира летчики возлагали большие надежды. Фронтовик с первых дней военной страды, имевший уже солидный боевой опыт, внешне спокойный и уверенный, он как бы заранее вселял уверенность в своих подчиненных, веру в успех предстоящих разведывательных полетов.

Я смотрю на своего командира. Отчего же хмур и пасмурен сейчас комэск? Почему не радуют его предполетные сборы? Все как будто бы шло хорошо, все было в порядке: отличные самолеты, боевой настрой летного состава...

Я догадывался - донимали тревожные мысли. Эскадрилья не только создана заново, но и получила другое тактическое предназначение. Только несколько летчиков имеют опыт дальней воздушной разведки, но летали они на «пешках», привыкли работать со штурманами, да и не прошли полностью программы переучивания на истребители. А летчики-истребители? Как поведут себя они – любители воздушных боев и что сумеют в тылу врага – летчики, штурманы, стрелки, радисты: все сразу в одном лице? Успокаивало одно, что комэск

считал главным: у всех горячее желание скорее приступить к боевой работе, скорее в бой. Ну, а навыки и опыт? Не боги горшки обжигают, – придут и навыки, и опыт.

Но как бы то ни было, пора в путь. Дружно ревут запущенные моторы, взметая сзади самолетов вихри пыли, один за другим мы выруливаем на взлетную полосу. В последний раз, убыстряя свой бег, несутся наши машины по серой бетонке, поджав под себя шасси, уходят в воздух. Прощальный круг над аэродромом и Кубинка тает в голубоватой дымке. Курс – на Донбасс.

Коварство «мелочей»

Над Донбассом – солнце, бездонное синее небо с застывшими белыми облачками. По широкой, уходящей в бесконечность донбасской степи, гуляет свежий ветерок, и мне чудится неслышный шелест трав в разогретом воздухе. Вокруг, куда ни посмотришь с самолета, раскинулась привольная, кое-где изрезанная оврагами равнина, бесчисленные терриконы, и лишь изредка попадаются отдельные деревья, кучки мелких кустарников издали похожие на низкие зеленые облачка. Но, если внимательно всмотреться в бегущую внизу местность, донбасский пейзаж не так уж и привлекателен. Он решительно испорчен следами злодеяний фашистов. По широкой степи будто прошли чудовищные грабли. Все что можно было искорежить – искорежено, начисто разрушено. Везде взорванные шахты, промышленные предприятия, электростанции, скелеты разрушенных зданий, сгоревшие шахтерские поселки, воронки от бомб и снарядов. Там и сям поверженные наземь валяются столбы электропередачи, вывороченные взрывами, и совсем по-другому смотрится пейзаж, над которым нависло какое-то не радостное, вовсе не синее, а блеклое, разморенное жарой небо.

Враг только недавно изгнан из Донбасса. Гитлеровцы перед отходом взрывали и поджигали населенные пункты, разрушали и вывозили в Германию все, что могли. Исчезла в прямом смысле этого слова даже целая железная дорога на Павлоград. Мосты лежат в обломках, станции – в руинах. Этой дорогой, обозначенной на наших полетных картах, мы были намерены воспользоваться, как одним из характерных линейных

ориентиров. Ни рельс, ни шпал, лишь слабо желтеющая насыпь осталась там, где прежде шли один за другим поезда.

Не с чем сравнить эту удручающую картину, настолько она своеобразна. Одно дело, если воспринимаешь ее разумом, по сообщениям газет, по рассказам людей, другое – когда видишь все зримо и ясно собственными глазами, не можешь примириться душой с таким варварством, поверить в его жестокую реальность.

Злодеяния фашистских оккупантов были поистине чудовищными. Они вызывали гнев, боль, обостряли ненависть к врагу, желание немедленно сделать что-то такое, чтобы он никогда не топтал нашу землю. Но радовало наступление наших войск. Преследуя противника, они рвались к Днепру.

Днепр, строгий и неприступный разделял обе стороны – нашу и фашистскую. Немецко-фашистское командование придавало большое значение этой широкой полноводной реке.

У гитлеровцев быстро возникали все новые и новые полевые укрепления: дзоты, бронеколпаки, бетонированные огневые точки, эскарпы, контрэскарпы, рвы и надолбы, появлялись свежие траншеи, запетляли ходы сообщения, отсечные позиции, у самого берега повисла паутиной колючая проволока в три кола, затаились минные поля. Всё это нужно было вскрыть, нанести на карты, а потом преодолеть войскам Юго-Западного фронта. Это и было первой задачей, которую поставило фронтовое командование перед полком. Задачу можно было выполнить только сплошным фотографированием правого берега Днепра.

Командир полка, приняв решение, ставит задачу экипажам лично:

– Произвести площадное фотографирование создаваемой противником обороны по реке Днепр на участке Днепропетровск-Запорожье одним заходом. Для выполнения задания выделяется один Пе-2 и пара истребителей. Истребителям фотографировать оборону совместно с экипажем Пе-2, располагаясь от него слева и справа, на расчетных интервалах. В случае встречи с истребителями противника, – полковник колючим взглядом окинул меня и Червякова, внимательно слушавших приказ, ни один мускул не дрогнул на его бесстрастном лице, – на вас возлагается ответственность за безопасность Пе-2.

Последние слова командира полка настораживали. Откровенно говоря, меня куда больше, чем фотографирование, беспокоили эти расчетные интервалы между самолетами, которые будут очень велики, и мой напарник, еще ни разу не бывавший в воздушном бою в роли истребителя.

Искоса посматриваю на Червякова. Он отменный воздушный разведчик, правда, слегка «задается» своей золотой звездочкой. Получил её недавно за великое множество вылетов на разведку на самолете Пе-2. Владимир горел на «пешке», прыгал с парашютом, но главное был непревзойденным мастером поиска малозаметных объектов. Все-таки, наверное, дано ему некое загадочное шестое чувство. В полку до сих пор вспоминают, как однажды разведчикам пришлось искать под Сталинградом танковые колонны Манштейна, спешившие на помощь окруженной группировке гитлеровцев. В снежной круговерти при ограниченной видимости сделать это было нелегко. Другие разведчики уже прочесали весь район вдоль и поперек, но даже признаков колонн не увидели. Экипаж Червякова сам выбрал маршрут, маневр и зоркий взгляд разведчика обнаружил все-таки следы гусениц танков. Но это были только следы, причем следы давние, самих же танков не было, как в воду канули. Владимир пошел по следам в надежде, что они приведут к цели. Следы были слабые, полузанесенные снегом, но они помогли экипажу найти танки. Те, прекратив движение, стояли в поле, покрытые сверху соломой, ветвями и просто комьями мерзлой земли и снега. Только Владимир мог разглядеть эти замаскированные черные коробочки. Видимо, гитлеровцы занимали район сосредоточения.

Но сейчас меня волнует другое. Шепотом, неслышным полковнику, говорю Червякову:

– Полковник решил убить сразу двух зайцев: и полосу фотографирования увеличить втрое, и разведчика прикрыть, но какой же тогда получится боевой порядок нашей пары?

Червяков пожимает плечами, молчит, а я задаю этот вопрос командиру полка. На КП, где мы получаем задачу, становится напряженно тихо. Все знают – полковник не терпит возражений. Командир так долго молчит, что я уже начинаю думать, он забыл о моем вопросе.

– В советах не нуждаюсь, – после длинной паузы, скучно поморщившись, отрезал полковник, – готовьтесь к выполнению задачи.

Он был сух, неприступен, не менял выражения на гладко выбритом лице, а у меня даже внутри похолодело от этих сказанных так равнодушно слов. Бросив на меня в последний раз такой же равнодушный взгляд, командир отвернулся и пошел к выходу. Даже со спины было видно, что он покидает КП в гордом убеждении своей несокрушимой правоты.

Мы приступили к подготовке, сделали все, что полагается в таких случаях: изучили условия полета, проложили маршрут, штурман с Пе-2 рассчитал данные для фотографирования и расчетные интервалы между «пешкой» и истребителями – по 900 м каждый. Это значит, что Червякова и меня будет разделять расстояние без малого два километра, а так противника нам не отразить. Конечно, одновременное фотографирование с трех самолетов позволит увеличить ширину захвата местности, но сразу видно: командир, поставивший задачу, не был истребителем.

Уже вечерело. Нам бы вместе с экипажем Пе-2 обсудить, как лучше выполнить боевое задание, какие и когда маневры применять над зонами зенитного огня при встрече с фашистскими истребителями и как поддерживать связь, но задумались мы об этом только в полете.

На другой день с утра мы были уже на аэродроме с радостным и тревожным чувством ожидания. У моего «яка» с бортовым номером «7» прозрачный плексигласовый фонарь сдвинут назад – кабина была открыта и ждала летчика. Ждал и техник самолета Павел Тихоненко, доложил:

– Товарищ лейтенант, самолет к вылету готов, фотоаппарат исправен, кассета с пленкой установлена, оружие заряжено.

Своего техника я знал еще мало, его определили на мою машину незадолго до отлета из Кубинки. Выслушав доклад, не спеша обхожу «семерку», осматриваю винт, шасси, начинаю придирчиво проверять на самолете все, что требуется и не требуется в таких случаях под неодобрительным взглядом техника (вероятно понимает мое недоверие), а сам незаметно приглядываюсь к нему. Кроткое, несколько деревенского типа лицо. Он чуть постарше меня, сдержан, неразговорчив, замкнут,

на вопросы отвечает без желания. Однако самолет оказался в идеальном состоянии.

Было еще очень рано. Аэродром дышал покоем и прохладой пока не начавшегося летного дня. Вокруг умиротворенно тихо, как будто и нет войны. Звенели птичьи голоса. Сверкая яркими каплями, тяжелая роса пригибала травы к земле, нежно пахли влажные от росы листья кустарников, возле которых располагалась самолетная стоянка. Стояла отличная погода. Поднявшееся невысокое солнце мягко играло на тугой глянцевитой обшивке крыла моей «семерки», светилось на остеклении кабины Пе-2 и самолете Червякова. Все было готово к полету. Натекавшая с севера белесая паутина легких, как пушинки, высоких перистых облаков, таких тонких и безобидных на вид, что солнце без труда пробивалось сквозь них, также не могла помешать фотографированию. Но команда на вылет поступила значительно позже, когда солнце уже было высоко над горизонтом, и тени стали короче, иначе фотоснимки могли оказаться недостаточно четкими. Договариваемся наскоро с экипажем Пе-2 о порядке действий: взлетаем вместе, идем к Днепру, фотографируем, возвращаемся.

По команде с Пе-2 запускаем моторы. Мой «Як» задрожал всем корпусом от работы винта. Я проверил показания приборов, заученными автоматическими движениями опробовал рули управления. Все было в норме. Старшина Тихоненко у крыла самолета. Взмахом рук показываю: «убрать колодки». Техник, пригнувшись, выдергивает из-под колес красные колодки, препятствующие движению самолета при пробе и прогреве мотора, прикладывает руку к пилотке – «путь свободен». Вслед за «пешкой» медленно рулим к началу взлетно-посадочной полосы. Я закрыл фонарь кабины.

Дрогнула, стремительно понеслась назад взлетно-посадочная полоса. Отрыв. Пальцы привычно перекинули кран управления шасси на уборку, щелкнули замки сложившихся колес, земля качнулась и ушла вниз – наши «яки» взлетели, выполнили левый разворот, пристроились к «пешке» и с набором высоты пошли на запад.

Под нами поле боя. Отчетливо видно, как, обволакиваясь густым черным дымом, горят танки, разбитые машины, сгустившийся дым закрывает небольшое село, где тоже горят хаты, кипит клубами, искрами, висит над войсками, ведущими

бой. Я всматриваюсь в это разноцветье частых вспышек орудийных выстрелов, огненную паутину пулеметных очередей и как будто слышу лязг гусениц, грохот орудий, тугой гул тяжелых снарядов, тявкающий лай мин, треск пулеметов, ощущаю привкус горелого железа, тяжелый запах сгоревшего тротила и пепла. Под нами занятая врагом родная земля, истерзанная, горящая, покрытая оспинами многочисленных воронок, пепелищами сожженных сел с оставшимися печными трубами. Не может быть пощады упорно цепляющимся за эту землю фашистам.

Высота полета быстро растет. С каждой сотней метров подъема все больше ощущается, как закладывает уши, труднее становится дышать. Местность под нами становиться плоской и пестрой, как топографическая карта. Когда стрелка высотомера стала подходить к пяти тысячам, надеваю кислородную маску, выше без нее не обойтись. На высоте шести тысяч метров, куда мы взобрались вслед за экипажем Пе-2, перевожу машину в горизонтальный полет – это заданная высота фотографирования.

А вот и Днепр. Вместе с «пешкой» начинаю разворот. Самолет накреняется, небо, и часть неподвижного горизонта начинает, словно в огромной карусели убегать под крыло. Закончен разворот и под крылом - могучая река. Голубая широкая лента предстала перед нами во всей своей красе. Отсюда она кажется хотя и красивой, но не живой, какой-то блеклой – большая высота скрадывает краски. Днепр слегка дымится, будто в тумане, он нем, словно вымер. Ни единой лодки, ни одного суденышка не видно на его широкой со светлым отливом глади. Только желтеет прибрежный песок, чернеют по берегам удивительно похожие друг на друга выжженные деревушки с печными трубами на месте хат, да встают жидкие дымки на правом берегу, где закрепился враг. В воздухе вокруг видимость отличная – значит и нас видно всем.

Разомкнувшись на расчетные интервалы, строго выдерживаем равную с «пешкой» высоту, включаем по команде штурмана с Пе-2 фотоаппараты и приступаем к выполнению задания. Сразу же рядом с нашими самолетами появляются черно-белые облачка разрывов зенитных снарядов. Местами они вспыхивают чаще и плотнее, местами реже. Но маневрировать нельзя, ни набрать высоты, ни снизиться,

снимки должны быть одного масштаба, чтобы потом монтироваться. Стараюсь не обращать внимания на эти облачка, хотя трудно отвести взгляд от рвущихся рядом с самолетом снарядов, посматриваю на них с опаской, но еще больше опасаюсь встречи с фашистскими истребителями. В воздухе спокойно, а на душе тревожно. До предела напрягаю зрение, чтобы не прозевать врага. Главное, вовремя его заметить. Увидишь раньше – успеешь сманеврировать, не увидишь – тогда... Последствия представить не трудно даже при самом небогатом воображении. Об этом, видимо, думает и Червяков, но он так же, как и я, молчит. За себя я не беспокоюсь. Но выдержит ли атаки наша группа в таком странном боевом порядке? С одной стороны Пе-2 идет Червяков, с другой – я. Интервалы между нами настолько велики, что не может быть и речи о какой-нибудь огневой связи. Нервы напряжены в ожидании любых неожиданностей, напоминаю Червякову:

– Смотри за воздухом!

– Воздух чистый, – тут же откликается Владимир. В его голосе удовлетворение, словно в этом его заслуга. Молодец, не трусит.

В условиях напряженной неопределенности время тянется мучительно долго, но нам везет, ничего такого неожиданного не происходит. В воздухе по-прежнему все спокойно. Старательно выдерживаю интервал с Пе-2, по спокойному миганию зеленой сигнальной лампочки слежу за работой фотоаппарата, он работает, как часы. Я поглядываю с удовлетворением на эту лампочку, на «пешку», но ощущение неясной тревоги, странное беспокойство чего-то не сделанного не покидает меня. Я пытаюсь разобраться в этом чувстве, но оно ускользает, словно рыба в мутной воде, преследует меня.

Наконец наш лидер дважды качнул крылом – «фотографирование закончил», и вместе с ним мы энергично разворачиваемся на восток навстречу к своим войскам, своим товарищам. Задание выполнено, можно возвращаться. Неужели все, и так просто? Тут же лихо перестраиваемся в боевой порядок пары «фронт», уходим в сторону солнца и выше «пешки». Скорость у нас большая, если что, надежно ее прикроем.

Обратный путь кажется всегда короче пути к цели. Чем ближе подходим мы к линии фронта, тем выше поднимается у меня настроение. «А как чувствует себя экипаж Пе-2 после успешно выполненного задания?» – подумал я, глянув на прикрываемого разведчика. Ведь работа у него будничная, монотонная – ходить с неизменным курсом на одной и той же высоте, фотографировать, наносить на карту данные. И так каждый день…

Но главное, я сам не испытывал того приятного волнения, которое охватывает человека, когда он по-настоящему увлечен. Легкость полета даже озадачивала. Как будто вместо фронта попал в глухой тыл, в серую прозу будней. Я понимал, что такие простые полеты – не правило, а исключение и что нельзя рассчитывать только на везение, но, оказывается, подумалось мне, что в тылу врага работать можно не хуже разведчиков-профессионалов. Мудра пословица «Не боги горшки обжигают». И все же к концу нашего полета я уже с невольной грустью думал о том, что напрасно «утюжу» воздух, хотя мог бы заниматься более полезным и увлекательным делом в истребительном полку. Конечно, и в разведке есть нечто увлекательное, но я пока этого не ощущал.

Итак, первый вылет на разведку завершен. Но, принимая поздравления от комэска и своих друзей, я еще не знал, какой конфуз меня ожидает. На проявленной пленке, снятой с моего самолета, ничего не было. Она была чиста, как стеклышко. У меня мурашки по спине пробежали. Каково же было огорчение, когда выяснилась причина случившегося. Она оказалась до обидного проста: перед фотографированием я забыл открыть фотолюк, предохраняющий от повреждений объектив аппарата, что и говорить, оплошал.

У меня дрожали колени, пылали щеки, я не мог поднять глаз от земли, не знал, что делать, злился на себя. Вокруг полным-полно людей, они переговаривались, пересмеивались, а я не знал, что говорить. Навсегда остались в памяти иронические реплики бывалых разведчиков, косые взгляды товарищей, злая ухмылка техника по фотовооружению и презрительный злой возглас командира полка:

– Вы что же? Не знаете оборудования своего самолета? – глаза командира были такими отчужденными и холодными, будто в них навсегда застыли нетающие кристаллики льда.

Я молчал, опустив глаза, лицо мое запылало огнем. Ну как объяснить командиру непростительную оплошность?

– Не знаете, что и сказать! О чем Вы думали в полете? – Полковник перевел суровый взгляд на других летчиков эскадрильи:

– Эх вы, горе-разведчики, и зачем я согласился связаться с вами, истребителями?

– Да, первый вылет получился комом, – сдвинув широкие смолистые брови, глянув на меня с укором, заговорил комэск Малай, собрав своих летчиков – и не просто комом, а откровенно говоря, сырым тестом, этот позорный вылет должен всем хорошо запомниться.

В голове был сумбур, обрывки мыслей мешали друг другу, волнами накатывались чувства вины и стыда. Но Малай или уловил мое настроение, или делал скидку на отсутствие опыта, но продолжал уже в более спокойном поучающем тоне:

– Настоящий разведчик не только следит за воздухом и не допустит внезапной атаки врага. Он никогда не забудет о «мелочах» – например, открыть фотолюк, проверить кислородную маску, даже аккуратно застругать карандаш, чтобы делать записи в полете на своем планшете. Я знаю – вы умеете это делать и впредь не допустите подобных ошибок.

Впервые я понял не с чужих слов, а на своем опыте, что ощущают люди в таких ситуациях. И хотя Малай просто щадил мое самолюбие, наставляя на путь истинный, и его последняя фраза, отражая тактичность комэска, предназначались явно мне, и я просто не имел права после этого сделать что-то плохое, но чувствуя в себе усталую тоску и остро переживая свою ошибку, я ответил ему (и не соврал), что разведка, видимо, не для меня. Быть воздушным разведчиком наверно интересно и почетно, но уж очень он напоминает бесстрастного наблюдателя или воздушного извозчика, перевозящего разведаппаратуру.

Прошло несколько дней. Линия фронта, которую каждое утро мы наносили на свои полетные карты, приближалась к Днепру и местами уже пересекала его. Но вылеты истребителей на разведку все еще вынуждали желать лучшего. Правда, на фотографирование с «пешкой» летать больше не пришлось, сумел таки Малай убедить сурового командира полка в рискованности таких полетов, но и другие задачи давались не

сразу. Летчики пытались копировать тактику «пешек» или, наоборот, действовать «по-истребительски».

Беспокоило и то, что добытые нами, а точнее вымученные данные о противнике были настолько куцыми и серыми, что вызывали чувство неловкости не только у командования, но и у них самих. Откровенно говоря, горький вкус неудач на хорошее не настраивает. Разведка доложила неточно – это просто противоестественно.

Цена оплошности – жизнь

Календарь войны отсчитывал новые дни и недели. Наступила осень, пожелтела трава, оголились деревья, но главное - все чаще низкая сплошная облачность, моросящие, как сквозь мелкое сито, дожди, туманы закрывали плотной завесой передвижения врага. Пустело и небо над аэродромом, замирало, как неживое. Самолетные стоянки погружались в тишину, не взрывался воздух ревом моторов, и не гудело летное поле от взлетающих самолетов. С закрытыми фонарями кабин они мокли без дела. Для летчиков нет ничего хуже такой картины.

Войска наступают, форсируют Днепр, бьют фашистов, а мы сачкуем, томимся в вынужденном бездействии, топчемся на самолетной стоянке у мокрых, неподвижных, тоскующих по солнцу наших «яков» со злостью смотрим в пасмурное небо и на метеорологов. Те прилежно «колдуют» над сводками погоды, синоптическими картами, проводят черные, синие и красные линии изобар, холодных и теплых атмосферных фронтов, охватывающих целые континенты, но с завидным упорством «не хотят» дать погоды.

Шел день за днем, погода не радовала, не было и надежды на улучшение. Но когда погода не выпускает в небо, нетерпение нарастает лавинообразно и бездействие утомляет больше, чем самая напряженная работа.

Хмурое утро. В туманном влажном воздухе будто повисли обступившие аэродром кустарники и кроны деревьев. Голые ветви, точно они никогда не были зелеными, казались мертвыми. Оседая на этих ветвях, мелкие капельки тумана стекали вниз, как слезы, и так же безрадостно мы посматривали на свои набухшие сыростью «яки».

Непогода затягивалась, данные разведки нужны были до зарезу, «пешки» тоже были на приколе, и комэск решил собрать летчиков для очередного «разговора».

- Под облаками и в облаках летать сложно, а истребителям с их примитивным оборудованием и вовсе тяжело, но можно, сами знаете, – говорил Червяков. – Зато, какие преимущества: прикрылся облачностью и выскочил на объект внезапно; преследует фашист, глазом моргнуть не успеет – ты снова в облака уйдешь.

- Нужно работать, – настаивали другие, – но чтобы внезапно выйти на объект разведки и также внезапно скрыться, используя для маскировки облачность, разведчик не должен быть связан с другим самолетом. Будем ходить на разведку по одному. Мнения были разные, но истина решалась не в споре, а на боевой практике.

Слетал на разведку Червяков – получилось, за ним потянулся и я. Трудны полеты в плохую погоду, когда горизонт впереди тебя грозит сомкнуться с мрачной кромкой облаков, сделать невидимой несущуюся под самолетом местность. Какой же это изнурительный и опасный труд, когда одному приходится работать за пару, как сложно ориентироваться при ограниченной видимости, точно выйти на объект, фотографировать с малой высоты. Летать и сражаться с врагом бок о бок, с товарищем куда легче. Это и поддерживает, и подбадривает, и сливает в единое целое усилия обоих разведчиков.

Сейчас все самолеты великолепно оборудованы для полетов в плохую погоду, но в то время только компас, высотомер, да еще несколько датчиков были теми спасительными приборами, которые могли обеспечить летчику полёт в облаках.

Несмотря на все капризы погоды, удача следовала за удачей, и полеты на разведку в сложных метеоусловиях становились привилегией истребителей, но злая судьба еще не исчерпала своего запаса испытаний.

Я вспомнил лейтенанта Ивана Передерия – невысокий скромный паренек пришел к нам в полк уже в Донбассе. Он не отличался веселым нравом и трудно сходился с людьми, наверно потому, что у него было нелегкое детство и такая же юность. Мы знали, но помалкивали о том, что родители

Передерия были репрессированы «за отравление колхозных коров». Рос и воспитывался Ваня вместе с сестрой в детском доме. Там учился, стал пионером, вступил в комсомол. Потом учеба в ФЗУ, работа на заводе, летное училище. Как отзвуки далеких лет звучали для него слова «сирота», «беспризорник». Всякое бывало видно в его жизни, это и повлияло на его характер. Но был он исполнительным, дисциплинированным офицером и главное не хотел отставать от товарищей. Именно поэтому и решил командир послать Передерия с его еще небогатым боевым опытом на сложное задание: разведать аэродром Апостолово, где по непроверенным данным село совсем недавно много «юнкерсов» и «мессершмидтов». В поступившем в полк сообщении говорилось, что враг готовится к вылету, медлить было нельзя.

Я видел, как Передерий аккуратно проложил маршрут на карте, рассчитал необходимые данные для фотографирования и как, доложив о готовности, получил команду на вылет. Одет парашют, в левой руке планшет с картой. Теперь подошву на крыло самолета, гибкое тело рывком в кабину, ноги на педали, застегнуть ремешок шлемофона, пристегнуться привязными ремнями и подать команду «от винта». А потом запустить мотор, показать технику взмахом рук – «убрать колодки из-под колес» и подрулить к старту.

Сереньким унылым утром Иван Передерий взлетел в хмурое невысокое небо. Позади остался водяной, поднятый винтом вихрь на сумрачном полевом аэродроме, впереди его ждал важный неразведанный еще объект, но он не знал и не мог знать, что на часах его жизни оставалось совсем немного времени, всего минут сорок до того момента, когда он выйдет к этому роковому для него объекту.

Я представил себе, как летчик идет к объекту разведки на высоте 300-400 м под самой нижней кромкой облаков. Как неотрывно следит за курсом, тщательно сличает карту с местностью. Под ним бежит земля, такая недобрая и обманчивая… Но что было дальше не знает никто - то ли самолет был поврежден, лётчик ранен, то ли он потерял скорость и поздно заметил ошибку, а может растерялся в такой критической ситуации – «як» беспорядочно вывалился из облаков в полуперевернутом положении. Высоты для вывода машины в нормальное положение не хватило. На глазах

многочисленных очевидцев (все это происходило у города Апостолово) самолет врезался в землю и вспыхнул. Клубы огня и дыма поднялись над местом падения, лётчика при ударе выбросило из кабины. Немцы не разрешили трогать тело и только слегка присыпали его комьями земли.

Обо всём этом мы узнали из рассказов жителей значительно позже, когда Апостолово было освобождено нашими войсками, и только обломки «яка» вблизи неразведанного аэродрома напоминали о печальной судьбе разведчика. А пока мы томились в неизвестности, не уходили с самолетной стоянки и в тишине ожидания напряженно всматривались в ту сторону, откуда должен был вернуться Иван Передерий – на войне всякое бывает, авось обойдется...

Много разных смертей встречалось в моей жизни, но горше всех те, которых можно было бы избежать. Когда я вспоминаю об обстоятельствах гибели Ивана Передерия, храброго лётчика, ставшего жертвой собственной неопытности, меня и сейчас охватывает чувство досады и горечи. Рано еще было посылать его на разведку. Но много ли толку от позднего раскаяния? Да и с одним ли им, и только ли в те далекие фронтовые годы случались подобные случаи?

«Летчик 48-го ДРАП лейтенант И.С. Передерий 26 октября 1943 г. с боевого задания не вернулся» – так было указано в боевом донесении, которое пошло в штаб Воздушной армии. Но именно этого и боялся Ваня. Для такого беспокойства имелись веские основания. Он прекрасно сознавал, что значит ему, сыну «врагов народа» оказаться пропавшим без вести, знал, что никто и ничто не спасет ни его близких, ни его честного имени. К счастью, судьба распорядилась иначе.

О действиях воздушных разведчиков в годы войны немало написано и рассказано. И почему-то во многих воспоминаниях они выглядят этакими непогрешимыми прирожденными чудо-богатырями. Все это красиво, но не всегда верно. Было и другое: и недоученность, и недисциплинированность, и просто трусость. Говорить об этом трудно, тягостно и как-то не принято, но нужно.

Не перечесть в веренице напряженных фронтовых будней боевых эпизодов, насыщенных непредвиденными обстоятельствами. Но вот, что интересно: хорошее порой выветривается, а неудачи врезаются намертво. О них долго

помнят, говорят злые языки. Это как круги на воде: давно упал камень, а они все шире и шире. Правда, то были первые вылеты, первые взлеты и падения, мы только начинали, но они давали богатейший материал для размышлений и обобщений.

Нужно искать... Пожалуй, стремление, выраженное в этих словах, было присуще всей последующей боевой работе воздушных разведчиков над Крымом, Правобережной Украиной, в небе за рубежом родной страны. Летать на разведку и учиться! Учиться использовать для маскировки солнце, облачность, темную сторону горизонта, маневрировать по курсу и высоте – все для того, чтобы перехитрить фашистских истребителей и ослабить губительный зенитный огонь.

О всех этих делах разведывательных мы размышляли уже перед предстоящим перелетом на новую точку. Болезненный период психологического привыкания к новому был позади. Так бывает, когда то, что было, закончилось, а то, что должно быть, еще не обрисовалось, витает где-то в туманном приближающемся будущем. Каждый из нас, наверно, задумался о своем, только ему принадлежащем, а впрочем, как знать, может быть все мы думали об одном и том же. Ведь кроме боевого опыта, у нас появилось естественное желание быстрее заявить о себе, если можно так сказать, разведывательное тщеславие. Хотелось показать свою силу, хотелось летать на разведку и не было страха перед врагом.

Февраль 2005 года

Продолжение следует…

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Вершинина Наталия Андреевна****, студентка 5-го курса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.*

Кубецкий Олег Михайлович

Новый год под немецкой проволокой

Я родился 23 ноября 1925 года в городе Москве. Русский, атеист, беспартийный, состоял членом ВЛКСМ с 1940 года.

До войны окончил 8 классов средней школы в 1941 году и один курс Московского авиационного техникума имени Н.Н. Годовикова в 1942 году, второе Московское военно-пехотное училище в 1943 году (не закончил), военное авиационное училище аэрофотослужбы в 1947 году.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года из выступления по радио В. М. Молотова. В боевых действиях начал участвовать по призыву.

После досрочной отправки всего нашего народа из второго МВПУ в действующую армию прибыл на место переформирования 4–й гвардейской армии в район города Тулы 27 июня 1943 года, где был направлен в 25–й гвардейский воздушно-десантный стрелковый полк 8-й гвардейской воздушно-десантной стрелковой дивизии. 8-я гвардейская воздушно–десантная дивизия (ВДСД) была сформирована 8.12.1942 года в поселке Внуково Московской области и прибыла в 4-ю гвардейскую Армию с Северо-Западного фронта из-под Старой Руссы. Начинал службу (точнее продолжил) гвардии рядовым, автоматчиком под командованием командира взвода гвардии младшего лейтенанта Гринева (инициалы не

помню).

Боевой путь проходил через город Грайворон (июль 1943), город Богодухов (июль 1943), районный совхоз «Ильичевск», «Комсомолец», «Осетняк», «Солнечный» Ахтырского района Сумской области (август 1943) райцентр Котельва Полтавской области (август – сентябрь1943)

Освобождал село Каплуновка Ахтырского района Сумской области (18.08.1943), поселок Солнечное Ахтырского района Сумской области (19.08.1943), районный центр Полтавской области (28.08. – 2.09. 1943)

Служил в составе:

Воронежского фронта (командующий гвардии лейтенант Ватутин)

4–й гвардейской армии (командующий генерал – лейтенант Кулик Г. И.)

8-й гвардейской ВДСД (командир дивизии генерал – майор Богданов М. А.)

25-го гвардейского ВДСП (командир полка подполковник Орлов)

1-го батальона (командир батальона капитан Барбинов Ф. В.)

2-й роты (фамилию командира роты не помню)

1-го взвода (командир взвода младший лейтенант Гринев)

2 сентября 1943 года был тяжело ранен (слепое осколочное ранение мягких тканей черепа с повреждением левой сонной артерии и левого лицевого нерва). Убыл из медсанбата 8 гвардейский ВДД в подвижной хирургический полевой госпиталь (ХППГ №64) в село Б. Писаревка Сумской области, затем в 385 Днепропетровский госпиталь в село Красная Яруга Курской области, где была сделана операция по перевязке сонной артерии, потом лечение в Тамбове в госпитале № 5949 и в феврале 1944года в Москве в госпитале № 5022.

В общей сложности лечился с 2.09.1943 – 8.03.1944 года (6 месяцев). После выписки из госпиталя был направлен в учебный батальон 183-го армейского запасного полка 33-й армии 3-го Белорусского фронта разведподразделение. По окончанию учебы было присвоено звание младшего сержанта и направлен в 70-ю стрелковую Верхнеднепровскую дивизию в 252-й стрелковый полк во взвод пешей разведки.

Освобождал город Минск (3.07.1944), город Лида (июль

1944) в составе:

3-го Белорусского фронта (командующий генерал армии Черняховский И. Д.)

33-й армии (командующий генерал – лейтенант Морозов)

70-й стрелковой дивизии (командир полковник Красновский)

252-го стрелкового полка (командир полка полковник Яценко А. Т.)

ПНШ–2 (начальник разведки капитан Левин)

Командир взвода разведки лейтенант Казарин А.

В составе 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал армии Баграмян И. Х.), в той же 70-й дивизии освобождал Город Каунас (1.08.1944), город Науместис (Ширвиндт) (август 1944), город Баусли (август 1944), город Алитус (август 1944), город Шяуляй (июль 1944).

На 1-м Прибалтийском фронте дивизия уже входила в состав 43-й Армии под командование генерал-лейтенанта Белобородова А. П. и до конца войны.

9 октября пересекли государственную границу с Восточной Пруссией в районе населенного пункта Довилай и вышли на подступы к городу Клайпеда (Мемель), где три с половиной месяца простояли в обороне. В январе 1945 года был направлен в 94-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион этой же дивизии наводчиком 76-мм противотанкового орудия в звании сержанта. 28 января 1945 года была освобождена Клайпеда, дивизия продолжала наступления, были взяты города: Зекенбург, Коршау, Гранц (февраль – март 45-го) и вышли на подступы к Кенигсбергу. 9 апреля 1945 года был взят город Кенигсберг, и далее дивизия продолжала бои по освобождению Земландского полуострова вплоть до 15 апреля 1945 года с выходом на побережье Балтийского моря и взятием города Фишхаузен. На этом дивизия (и я в ее составе) военные действия закончила.

Я в должности наводчика 76-мм противотанкового орудия в звании сержанта под командованием командира огневого взвода старшего лейтенанта Нехорошева.

В 94-м ОИПТД 70-й стрелковой дивизии воевал под командованием командира дивизиона капитана Кондранина (погиб под Кенигсбергом) и сменившего его майора Пулико, командира батареи капитана Пелевина, командира огневого

взвода старшего лейтенанта Нехорошева.

Возвращался с войны из города Нойштеттин через Белосток и на территории СССР по транссибирской магистрали в город Красноярск ВАУАФС с 13 декабря 1946 года по 11 января 1947 года.

Демобилизовался по болезни из Самаркандского военного госпиталя № 342 (по причине последствий ранения и контузии). 2 июня 1949 года признан инвалидом Отечественной войны 3 группы.

Прибыл в Москву 29 июня 1949 года.

Награжден:

- орденом Славы 3 ст. (№ 446449, приказ частям 70 СВДОСД №025/Н от 15 мая 1945 года подписан и вручен 20 июля 1945 года начальник артиллерии 70 стр. Верхнеднепровской Ордена Суворова дивизии полковник Е Савченко в городе Лауенбурге, Польша, Гданьское воеводство);

- орденом Отечественной войны 1 ст. (№ 500827, Указ Президента Верховного Совета СССР от 11.03.1985 года. Указ подписал секретарь президиума ВС СССР Ментешашвили в ознаменование 40-летия Победы);

- орденом «Знака Почета»;

- медалями «100-летия В. И. Ленина», «За взятия Кенигсберга», «За победу над Германией», «20, 30, 40, 50 лития победы над Германией», «30, 50, 60, 70, лет Вооруженных Сил», «Ветеран труда», «70 лет Воздушно десантных войск», медаль «Жукова», «850-летие Москвы», медаль трижды Героя СССР маршала авиации Кожедуба.

Почетные грамоты Советского Комитета ветеранов войны, Московского Комитета ветеранов войны, почетными знаками СКВВ и МКВВ, являюсь почетным гражданином Первомайского района Николаевской области и почетным гражданином поселка Солнечный Ахтырского района Сумской области.

Орден Славы 3-й степени получил за уничтожение немецкого «Фердинанда» и живой силы противника в населенном пункте Гроссфридрихсберг на подступах к Кенигсбергу.

Родственников погибших на войне не имел, воевавшие двоюродные братья умерли после войны.

Пригородный поезд, отошедший утром 20 июня 1943 года от Курского вокзала Москвы, со многими остановками и длительными стоянками в пути, наконец – то привез нас, целый состав курсантов 2-го Московского военно-пехотного училища, в Тулу. Под Тулой в то время переформировалась 4-я гвардейская армия, туда и были мы направлены в качестве пополнения. Всего, какой – то месяц оставался нам до выпуска. Мы уже видели себя младшими лейтенантами, мысленно примеряя на себя «комсоставское» обмундирование, на занятиях по тактике нам ставили задачи уже не за батальон за полк.

Вдруг приказ: училище в полном составе направить в действующую армию. Не присвоив даже звание ефрейтора, нас спешным порядком погрузили в поезд, - и вот мы здесь, в Туле. С любопытством встретились мы с курсантами других училищ – Винницкого, Тульского, Телавского, 1-го Московского, узнавая друг друга по курсантским погонам, которые нам еще не успели сменить на полевые, таких же юных 17-18-летних вчерашних школьников, но уже успевших хлебнуть суровой армейской службы в училище.

Настроение было приподнятое: мы едем на фронт защищать Родину! Что нас ждало впереди? Какими дорогами суждено было пройти каждому из нас, как сложатся наши судьбы или оборвутся в первом же бою – никто не знал, да и не задумывались особенно – в каждом жила бесшабашная удаль и желание поскорее попасть на фронт. По крайней мере, так мне казалось. Все было новым, интересным, загадочным…

Расположились в лесу, ожидая представителей соединений и части, - «покупателей», как тогда их называли. После спрессованного до минуты и секунд времени учебы в училище мы отдыхали здесь, занимаясь иногда политподготовкой или изучением материальной часть оружия, которую мы и без того знали назубок. Так прошло дней десять безмятежного времяпровождения, но вот, наконец, прибыли «покупатели» и отобрали нас, большую группу курсантов, 8-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Я был зачислен в 25-й гвардейский воздушно-десантный стрелковый полк.

Через несколько дней дивизия погрузилась в эшелон и прибыла на станцию Касторная. Выгрузились. А за тем

походной колонной с полной выкладкой двинулись в неизвестном для нас направлении. Шли ночами. Сколько их было таких душных июльских ночей по пыльным дорогам Воронежской и Курской областей! Казалось, не будем им конца… Недели через две прибыли на место, став лагерем в лесу неподалеку от большого курского села Чернянка.

После оборудования незатейливого солдатского житья началась отработка наступательных действий. Бесконечные учебные атаки, но с боевыми стрельбами и метанием учебных гранат, с нестройными криками «ура!» из пересохших от жары глоток, с рытьем стрелковых ячеек и огневых позиций в потрескавшейся и закаменевшей от зноя земле… Тяжелые, изнурительные будни жарким летом 1943 года.

В начале августа дивизия снялась и срочно направлена в район совхозов, что под городом Ахтыркой на Сумщине. И снова пыль дорог, многотрудные, изматывающие ночные переходы по 40 – 50 километров за ночь в течение двух недель. Теперь уже к фронту.

На одном из дневных привалов мне впервые пришлось увидеть смерть. Не в кино, где иногда герои картинно падают и никак не могут упасть, а смерть самую настоящую, к тому же не неожиданную, как обычно это бывает, а наоборот, смерть ожидаемую. Позорную смерть. Расстреливали перед строем дивизии дезертира – средних лет узбека, отрубившего себе топором три пальца на правой руке, чтобы не служить в армии. Дивизию выстроили громадным «каре» на поляне. Все взоры были обращены на опушку леса, куда должны были привести осужденного. Наконец его вывели. Был он почему – то без гимнастерки, с забинтованной правой рукой на перевязи, и его нательная рубаха зловеще белела на фоне темной стены леса.

В голове у меня билась мысль: «Зачем? Зачем он это сделал? О чем думал тогда, когда заносил топор над своей рукой? О чем он думает сейчас, в это солнечное утро, когда лишь считанные минуты отделяют его от небытия?» Внутри у меня все противно дрожало.

Вот сейчас свершится непоправимое…. Не было у меня к этому узбеку ни жалости, ни ненависти, лишь какое – то тупое чувство неотвратимости того, что сейчас должно произойти на глазах у тысяч людей. Осужденный держался спокойно. По крайней мере, внешне, будто сам еще не верил в реальность

происходящего. От нас он находился метрах в 50-70, стоя на краю вырытой могилы. Зачитывается обвинительное заключение и приговор. Все замерли. Пронзительная, гнетущая тишина застыла в воздухе. «Руководствуясь статьей 198, пункт 12 УК РСФСР… Военный трибунал… приговорил красноармейца Курбанова … Приговор привести в исполнение!»

Шесть автоматчиков из комендантского взвода вскинули автоматы. «По изменнику Родины». Словно треск разрываемого полотнища распорола воздух шестикратно усиленная автоматная очередь. И все кончилось. Стояла мертвая тишина. Я, казалось, слышал бешеный стук своего колотившего сердца. Секунду назад был еще человек и вот его нет. Так просто и так страшно! Потом мне много еще придется видеть смертей, самому быть на волосок от смерти, но та, первая, с которой встретился вот таким образом, оставила очень сильное и гнетущее впечатление…

А вечером, перед заходом солнца, снова собираешь свое нехитрое, но чувствительно оттягивающее шею и плечи солдатское снаряжение и – снова в путь. Снова впереди душная, пыльная, безветренная ночь, только огромная печальная луна тускло отражается на касках и стволах автоматов. То в голове колонны, то где – то сзади зарождается вдруг песня. Песни пели почему – то все больше украинские, протяжные с каким – то тоскливым подголоском. С песней легче было нести свою ношу и, как – бы, сокращалось время до заветной команды «Привал вправо!» И тогда сбрасываешь с себя автомат, скатку, вещмешок, диски к ручному пулемету и мгновенно проваливаешься в чуткий, тревожный десятиминутный сон, который тут же, кажется, прервется командой: «Выходи строиться на дорогу!»

Иногда встречалась такая же колонна, которая двигалась навстречу нам. Это куда – то перебрасывают какую – то часть. И тогда стихийно возникает своеобразная перекличка: «Смоленские есть?» «Есть». «Какого района?» «Руднянского!» «А я Красненского – рядом!» «Москвичи есть?» «Есть». «Откуда?» «С Арбата!» «А я с Красной Пресни!» И как принято узнать, что вот рядом прошел твой земляк, которого ты и в глаза не видел, не знаешь ни его имени, ни фамилии, но все равно, что – то роднит тебя с ним. Словно прикоснулся к дому,

посетил родные места…

Мы идем к фронту. Впереди страшные бои, стальные чудовища немецких танков, с воем пикирующие на тебя «лаптежники» самолеты Ю-87, когда лежишь ты, как на ладони, похолодев от страха и прикрывшись от смерти одной лишь гимнастеркой, и кажется, будто все бомбы и снаряды летят именно в тебя…

Впереди еще половина войны. А пока мы идем к фронту…

Его величество случай!

Главным для себя эпизодом войны считаю «Его величество случай», благодаря которому я имею возможность писать сейчас эти воспоминания.

Ночью, 28 августа 1943 года мы сменили какую – то войсковую часть, располагавшуюся в поселке Котельва. Просто я занял окопчик бойца сменной части. Отрыт он был в огороде возле разрушенного дома. Утром я углубил его и накрыл листом железа, так как начал накрапывать дождик. День и следующая ночь прошли спокойно, и с рассветом командир взвода посылает своего связного казаха Джураева на КП роты. Предстояло пересечь улицу, простреливаемую немецким пулеметчиком.

Связной почти скрылся за развалинами дома, как командир взвода окрикнул его: «Джураев, вернись!», и ко мне: «Иди лучше ты. Ты толковее». А становилось уже светлее и, откровенно говоря, мне так не хотелось идти под пулеметную очередь немца. Не буду описывать, как я преодолел этот опасный участок, но немец, хоть и выстрелил, очередь меня не зацепила. Просидев на КП роты и не получив никакого приказа, к концу дня я вернулся в расположение взвода уже другим, безопасным путем, который мне подсказал командир роты. Подойдя к огороду, я не узнал место, откуда ушел.

Кукуруза, росшая в огороде, вся была посечена, лист железа, которым был накрыт мой окопчик, весь продырявленный, был отброшен в сторону, а в окопчике, сидел наш убитый пулеметчик, окопчик которого находился в метрах трех от моего. После моего ухода на КП роты ручной пулеметчик перебрался в мой окоп, так как он был поглубже, к тому же накрыт железом. Днем немцы произвели обстрел наших позиций шрапнельными снарядами. Один такой снаряд разорвался над расположением нашего взвода…

Еще фатальный эпизод. Перед окончанием учебы в разведподразделение учебного батальона в запасном полку на занятия пришел командир батальона посмотреть, как мы, будущее командиры отделений, сумеем объяснить своим подчиненным устройство различного стрелкового оружия. Мои «преподавательские» способности понравились комбату, и он пригласил меня вечером прийти в его землянку.

Он задал мне вопрос: как я смотрю на то, чтобы пройти мне трехмесячные курсы младших лейтенантов, учитывая, видимо, то, что я почти закончил 2 МВПУ. Я попросил дать мне время подумать.

Утором я ему дал отрицательный ответ. Он был искреннее огорчен и не скрывал этого…

Как сложилась бы моя дальнейшая военная судьба, согласись я на его предложение, предугадать невозможно: впереди был еще целый год войны. Но с войны я вернулся живым.

Дневной налет

Находясь в обороне под Клайпедой, долгое время нам не удавалось взять «языка». Разведчики несли потери. Командир полка нас по этому поводу насмешливо журил: «Вы разведчики на пять «О» (Осветил.…Обнаружил… Обстрелял… Отошли… Отдыхаем), а вы должны быть разведчиками на четыре «П» (Пошли… Поймали… Привели… Пьянствуем!).

Решено было изменить тактику. Организовано было тщательное наблюдение за переднем краем, за распорядком дня немцев. Было установлено, что в 12 часов у немцев обед, после чего они оставляют одного наблюдателя, а сами ложатся отдыхать.

План был таков: ночью саперы подползут к переднему краю немцев, проделают проход в минном поле, за которым был всего один ряд колючей проволоки в виде «спирали Бруно». Саперы перерезают эту спираль, к концам разреза привязывают телефонные кабели, а другие концы провода протягивают в воронки от снарядов, которые были по обеим сторонам разреза. В воронках заранее прячутся солдаты.

Как только немцы после обеда уходят в блиндаж на отдых, разведчики, молча без единого выстрела и звука, стремглав

несутся к немецкой траншее.

Солдаты, сидящие в воронках, растаскивают концы разрезанной «Спирали Бруно», создав проход к траншее. Расчет был сделан на внезапность.

В тылу на передовой был сделан макет немецкой обороны, тщательно и многократно отрепетирована сама операция, учтены все недочеты и ошибки. Отход должна была обеспечить группа прикрытия и полковая артиллерия, и минометы.

Сама операция прошла блестяще. Был захвачен немецкий обер-лейтенант, но на самом бруствере нашей траншеи немецкий снайпер убил наш «трофей».

Планшет с документами и картами дал некоторые сведенья, но живой «язык» для командира был гораздо предпочтительнее.

Новый год под немецкой проволокой

В конце декабря выпал снег и установилась легкая морозная погода. Командованием было принято решение повторить 1 января 1945 года попытку дневного налета в другом месте. Для этого был выбран участок передовой, где была самая узкая нейтральная полоса метров 150. Должны были применить тот же способ, что в первом случае в ноябре. Мне и еще двум разведчикам предстояло в ночь на 1 января ползти вместе с нарядами в качестве прикрытия. Так как на складе ОВС (обозно-вещевого снабжения) белых маскхалатов не оказалось, командир полка приказал подобрать для нас самое большое, какое имеется, нательное белье, которое с большим трудом натянули на телогрейки и ватные брюки. Автоматы обмотали бинтами, а шапки замотали белыми косынками. Небо было ясное, и к тому же, светила предательски полная луна.

Артиллеристы предупредили нас, чтобы мы управились до полуночи, так как они будут «поздравлять» фрицев с Новым годом, массированным артналетом по переднему краю, в том числе и на нашем участке. Не помню, почему–то мы замешкались с выдвижением к немецкой траншее. И когда мы туда доползли, часы на Спасской башне Кремля возвестили о наступлении Нового Победного 1945 года.

И тут заговорили наши пушкари, а нам пришлось уносить (точнее уволакивать) ноги, дабы не попасть под свой огонь. Операция была отложена. А через несколько дней я был

отозван в штаб дивизии и переведен в 94-й истребительный противотанковый дивизион.

И когда меня спрашивают, какой самый памятный Новый год (вернее его встреча) мне особенно запомнился, я всегда говорю: «Ну, конечно, Победный 1945-й, с настоящим боевым артиллерийским «салютом», смертельный для врагов!»

Касок нам не полагалось.

У каждого москвича, которому довелось в том или ином качестве защищать столицу, осталась в памяти своя Москва тех лет.

Жил я тогда на Арбате, в Нижнем Кисловском переулке, в знаменитом доме № 5. А знаменит он был тем, что это был самый хулиганский дом во всем районе! К слову сказать, именно в нашем доме родился и жил до 1940 года ныне знаменитый летчик-истребитель, дважды Герой Советского Союза генерал–лейтенант авиации и Почетный гражданин Москвы Виталий Иванович Попков. Впрочем, тогда он был такой же паренек, рождения 1920-х, как и мы все...

О начале войны я узнал в день отъезда в пионерлагерь. Автобус отходил от Манежной площади как раз тогда, когда начал выступать Молотов. Возле репродуктора, висевшего на углу здания Манежа, молча стояли люди...

А, вернувшись через месяц в Москву, я сразу вошел в пожарную команду, сплошь состоявшую из мальчишек нашего «хулиганского дома». Каждому из нас было по 15-16 лет, и ни одного взрослого среди нас не было. Разное случалось, но страшно было даже не из-за зажигалок, а из-за осколков зенитных снарядов, которые дождем сыпались на крышу. Касок нам не полагалось, а осколки были немаленькие; некоторые величиной с кукурузный початок, острые, зазубренные, еще горячие... Бывало, что рядом падали фугаски. Одна такая развалила четырехэтажный дом на углу Воздвиженки, возле кинотеатра «Художественный». Взрывной волной меня едва не сбросило с крыши - спасибо барьеру!

А вот еще один случай. Наш дом соседствовал (через трехметровый каменный забор) со знаменитым особняком Морозова на Воздвиженке (сейчас Дом Дружбы). До войны там находилось японское посольство, но они быстро выехали, и

осталась одна охрана. А к нам во двор регулярно наведывался один «тип» из «органов», осматривая, все ли в порядке. Он настолько примелькался, что мы его все знали в лицо.

Однажды, во время тревоги, мы сидели в домоуправлении, когда к нам буквально ворвался наш «знакомый» с мольбой: «Ребята, выручайте! Зажигалки пробили крышу посольства и горят на чердаке!..» Дважды просить нас было не надо.

Ведра с песком передавались прямо через каменный забор, а во дворе посольства была бочка с водой. Когда мы по пожарной лестнице забрались на чердак, там ослепительно горели две немецкие зажигалки, разбрызгивая вокруг огненные капли. Успели мы вовремя, справились. Хотя кое-что и мешало. Дело в том, что чердак посольства был буквально завален пустыми бутылками. Сколько же их, выпитых во чье-то здравие, накопилось за эти годы!

Мы гордились, что подоспели вовремя. Еще несколько минут — и полыхал бы Морозовский особняк, как свечка! И сейчас, проходя мимо, я всегда вспоминаю, что именно мы спасли эту московскую достопримечательность...

Из военных песен.

На тебе износилась шинель,
Впереди тебя – ясная цель.

Мне довелось служить в полковой разведке 70-й стрелковой Верхнеднепровской ордена Суворова дивизии. Перед тем, как идти в ночной поиск, мы просили нашего командира отделения Валентина Бунзиса, моего друга и земляка: «Валя, давай нашу!» Он брал трофейный аккордеон, начинал, а мы тихонько подпевали:

Закури, дорогой, закури.
Ты сегодня до самой зари.
Не приляжешь, уйдешь опять
В ночь сырую врага искать.

Ты совсем от покоя отвык,
Мой товарищ, боец-фронтовик,
Вижу я по туману волос —
Много выстрадал ты, перенес.

На тебе износилась шинель.
Впереди тебя ясная цель.

Воют ветры, снегами пыля,
Это стонет родная земля.

На полях полыхает война,
О тебе вспоминает Она,
Напевая в далеком краю,
О разведчике песню свою...

Так закури, дорогой, закури.
Ты сегодня до самой зари
Не приляжешь, уйдешь опять
В ночь сырую врага искать...

Еще помнится песня, которую я слышал и на других фронтах. Ее почему-то называли «солдатское танго». Вот она:

Мы с тобою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома.
Наши сероглазые подруги
Над письмом не спят сегодня тоже.
Это ничего, что мы в разлуке
Встреча будет нам дороже.
Тишины в сраженьях мы не ищем
И не просим отдыха на марше
Это ничего, что мы, дружище,
За войну немного стали старше.
Небо снова будет голубое,
В парках снова будут карусели.
Это ничего, что мы с тобою
До войны жениться не успели.
Мы с тобою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек любимых,
Мы пройдем сквозь бурю жарких схваток
И домой вернемся невредимы.

Полгода, лежа в разных госпиталях, я слышал еще песню, которая называлась «Дорогуша». Вот несколько строчек из нее:

...У калитки заветная груша,
Где не раз целовал я тебя.
Где ж ты, где ж ты, моя дорогуша,
Ясноглазая чайка моя?
И в землянке, усыпанной хвоей,
Часто грезилась ты мне во сне,
Твое имя в лесу перед боем
Финкой вырезал я на сосне...

Спасли разведчики

Мне довелось воевать в то время во взводе разведки 252-го Ковенского стрелкового полка 70-й стрелковой Верхнеднепровской дивизии. Тогда она была переброшена из-под Шяуляя на Клайпеду. Это было в ночь на 9 октября 1944 года. Захватить город с ходу не удалось, и нам пришлось стать в оборону. Штаб дивизии находился в Гаргждан, а мы, разведчики 252-го полка, располагались недалеко от Довилай.

С ноября 1944 года наша дальняя бомбардировочная авиация стала совершать ночные налеты на немецкие военные объекты в Клайпедском порту и на корабли на рейде. Однажды вечером прилетела группа бомбардировщиков и, «развесив фонари», как мы называли осветительные ракеты на парашютиках, начала бомбежку. Мы, группа разведчиков, находясь недалеко от переднего края, наблюдали за «работой» наших летчиков. И вдруг один самолет загорелся. В свете ракет и зарева пожаров мы увидели, как в ночном небе раскрылся купол парашюта, и летчик стал опускаться на нейтральную полосу. Немцы не стреляли, надеясь, видимо, захватить летчика живым.

Мы бросились к предполагаемому месту приземления и успели вовремя. Летчика нам удалось вытащить прямо из-под носа у противника. Он был ранен. Мы принесли его в расположение взвода, расспросили. Как выяснилось, их самолет был внезапно атакован и подожжен немецкими истребителями. Один из летчиков был убит. Командир приказал покинуть горящую машину. Штурман (а это был наш спасенный) выбросился с парашютом, и в это время его ранило в голову.

Назвал он также и свое имя и фамилию: Виктор Коталевский. Потом он потерял сознание, и мы срочно

отправили его в медсанчасть полка, а оттуда - в госпиталь. Больше мы его не видели...

В 1980 году, когда я был на праздновании 35-летия освобождения Клайпеды, я вспомнил тот далекий эпизод и, что удивительно, вспомнил имя и фамилию штурмана. Я твердо решил его разыскать. Два года длились поиски и, наконец, увенчались успехом. Я нашел его! Теперь он — полковник в отставке, живет в Калинине. Написал я ему большое письмо, он был очень удивлен и обрадован.

А сколько подобных событий хранит еще память ветеранов войны, людей, никогда не стареющих душой.

Ноябрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Денщиков Олег Леонидович****, студент 3-го курса Российского государственного технологического университета (МАТИ)*

Куропатков Евгений Петрович

На волжской переправе

Я родился 19 июля 1923 года в Башкирской АССР, Аургазинский р-н, деревня Толбазы, русский, православный, был в комсомоле и членом КПСС.

Окончил 10 классов средней школы №4 в г. Бабушкин Московской обл. 21 июня 1941 г.

19 декабря 1941 г. ускоренный курс Тульского оружейно-технического военного училища им. Тульского пролетариата с присвоением воинского звания "воентехник 2 ранга". В 1948 г. окончил полный курс артиллерийской орденов Ленина и Суворова I степени Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г. в кругу семьи в г. Бабушкин Московской области. 23 июня 1941 был призван и добровольно направлен на учебу в Тульское оружейно-техническое училище (ныне Тульский инженерно-артиллерийский институт). 19 июля принял присягу, в день своего рождения. По окончанию училища был направлен в Южно-Уральский военный округ, где получил назначение в 884-й стрелковый полк (СП) 196-й стрелковой дивизии (СД) на должность начальника мастерской боепитания. 196-я стрелковая дивизия формировалась в г. Соль-Илецк

Оренбургской области, части дивизии в населенных пунктах Соль-Илецкого района.

Дивизией командовал комбриг Д.В. Аверин. 884-й СП - сначала майор Попов, затем подполковник Борисов М.М.

Я начал службу в 884-м СП под командованием начальника артснабжения капитана Лаврова Михаила Савельевича, окончившего до войны Ленинградское артиллерийское техническое училище.

26 апреля 1942 г. дивизия была передислоцирована под Сталинград (район ст. Садовая, ст. Прудбой) и с 9 июня 1942 г. по 8 июля 1942 г. входила в состав 7-й резервной армии, а с 9 июля 1942 г. по 27 сентября 1942 входила в состав 62-й армии.

С 28 сентября 1942 г. по 12 октября 1942 г. дивизия находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, а по 21 января 1943 г. находилась в Московской зоне обороны.

С 16 июня 1942 г. по 28 сентября 1942г. 196-я СД участвовала в Сталинградской битве.

В этот период я был в должности начальника мастерской боепитания и затем начальником артснабжения 884-го СП, а с 12 августа 1942 г. был назначен на должность помощника начальника артснабжения 196-й стр. дивизии по боеприпасам. В этой должности я находился по 28 июля 1943 г., т.е. вплоть до откомандирования с Ленинградского фронта (55-я армия) на учебу в Артиллерийскую академию им. Дзержинского. Таким образом, мой боевой путь включал участие в обороне 2-х городов-героев: Сталинграда и Ленинграда.

19 сентября 1942 г. при выполнении боевого задания по доставке боеприпасов для сводного полка дивизии я был ранен на Сталинградской переправе через Волгу. Ранение легкое, в мышечную ткань в районе правой ключицы осколком снаряда. Боевое задание выполнил, а лечение проходил в медсанбате дивизии. В октябре 1948 г. окончил полный курс Артиллерийской академии им. Ф.Э. Двержинского и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Военно-морские Силы, где служил до мая 1977 г. и был уволен в запас в звании полковник-инженер, из УРАВ ВМФ.

24 июня 1945 г. участвовал в Параде Победы в составе сводного полка Артиллерийской академии им. Дзержинского.

Награждён:

1. орденом Красной Звезды (№2759073, Указ Президиума Верховного совета СССР от 1.12.1947 г., вручен 12.01.1948 г. Председателем Президиума Верховного Совета СССР Шверником Н.М.. Награжден за мужество при выполнении боевого задания по доставке боеприпасов для дивизии под Сталинградом);
2. орденом Отечественной войны I-й степени (№1496539, за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.);
3. орденом Красной Звезды (№3412236, награжден за выслугу лет в Вооруженных силах СССР);
4. орденом "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" 3-й степени (№15800, за участие в разработке ракетного вооружения для авианесущего крейсера "Минск);
5. медалями:

- "За боевые заслуги" (выслуга лет);
- "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г." (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945г. Номер удостоверения № 00008287. Участник парада Победы. Вручена 22 июня 1945 г. начальником Артиллерийской академии генерал-полковником Хохловым);
- "За оборону Сталинграда";
- "За оборону Ленинграда";
- 20, 30, 40 и 50лет Победы в ВОВ 1941-1945 г;
- . 30, 40, 50, 60 и 70 лет Вооруженных Сил.
- В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина;
- В память 250-летия Ленинграда;
- 300 лет Санкт-Петербургу;
- 850-летие Москвы;
- 300 лет Российскому флоту;
- 60 лет полного освобождения Ленинграда от блокады;
- Жукова;
- Адмирала флота Кузнецова;
- Ветеран Вооруженных Сил СССР;
- За безупречную службу в ВС. 1-й степени.

В войне погиб отец Куропатков Петр Ефимович, 1898 г. рождения, доброволец народного ополчения Москвы. У меня есть копия его заявления от июля 1941 г. в Железнодорожный райком ВКП(б) о просьбе принять его в ополчение г. Москвы. С сентября 1941 г. от него не было известий. Розыск не дал результатов. Погиб предположительно на Волховском фронте, откуда было последнее письмо. Рядовой. Связист.

Погиб брат-близнец Куропатков Владимир Петрович, 1923 г. рождения 19 июля. Согласно извещению ефрейтор 716-го стр. полка погиб в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество. Был убит 29 февраля 1944 г., похоронен в 300 м от совхоза "Крынка" Выдирейского района Витебской обл. Он в июле 1941 г. добровольно поступил в то же училище, где учился и я, т.е. Тульское оружейное. Но кончить учебу ему не удалось, заболел, попал в госпиталь, был отчислен, так как сильно отстал, и в звании «ефрейтор» был откомандирован в войска и участвовал в боях на фронте, служил в противотанковом дивизионе, был наводчиком 45-мм пушки. Сведений о его наградах не имею.

Собственных публикаций о войне не имею, но вместе с моим однополчанином Фроловым Семеном Семёновичем (теперь подполковником в отставке) мы два года работали в Подольском архиве Минобороны и собрали большой фактический материал о боевом пути 196-й Краснознаменной Гатчинской дивизии, о боевых делах ее командиров и рядовых солдат, их личной судьбе.

Материал включает 2 периода в жизни дивизии. Боевой путь (хроника событий) в Сталинградской битве, т.е. первая часть объемом 250 листов машинного письменного текста. Вторая часть о боевых действиях дивизии при обороне г. Ленинграда, участие в его деблокировании, боевых действиях в Прибалтике, освобождении г. Риги (два полка получили наименование Рижских) и разоружении Курлядской группировки фашистской Германии, вплоть до расформирования дивизии в мае 1945 г. Это материал объемом ~ 300 л. машинописного текста. По первой части рукописи имеется отзыв от музея-панорамы «Сталинградская битва» Отзыв положительный. Весь этот материал передан для издания в Академию военно-исторических наук (в мае 2003 г.).

Обо мне имеются публикации:

- в газете «За коммунистический труд» от 6 ноября 1983 г., орган ветеранов Соль-Илецкого РК и КПСС и районного Совета народных депутатов, в рубрике «Встречи на Соль-Илецкой земле» в статье журналиста Папиной В.Л. «Мы - Советские Люди»;
- в сборнике «Забвению не подлежат», автор Белоусов Н.С. председатель совета ветеранов, Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл. издание «Южный Урал», 2001, стр. 33;
- в сборнике «Солдаты 20 века», выпуск 3, том 2 стр. 340, раздел «Галерея ветеранов». Выпуск посвящен 60-летию Сталинградской битвы. Сборник выпущен Международным объединенным биографическим центром и Российским комитетом ветеранов войны и воинской службы в 2004 г.;
- в сборнике «Победители. Парад Победы 24 июня 1945 г.» (Москва, 2000, том 2, стр. 120);
- в сборнике «Вошедшие в бессмертие» (составитель Н.С.Белоусов) на стр. 117 моя статья : «На линиях огня - рядовой и генерал» («Южный Урал», 2000 г.)

В июне 1941 года я оканчивал среднюю школу и еще ранее, в семье, было решено, что я буду поступать в военное училище. Поэтому уже весной 1941 года я прошел призывную комиссию и подал заявление для поступления в Тульское оружейное училище и 23 июня по вызову я выехал в Тулу и в начале июля был зачислен в училище. 19 июля 1941 г. принял военную присягу, в день своего рождения.

Еще в период учебы в училище мы, курсанты, сознавали, какая грозная опасность нависла над нашей Родиной. Уже в сентябре 1941 года враг подходил к г. Орлу.

В училище срочно формируется батальон курсантов, в состав которого попал и я. Батальон был хорошо вооружен и направлен на защиту автомагистрали Москва-Симферополь, г. Орел был уже занят врагом, и мы заняли оборону на шоссе южнее города Мценска.

Однако, вступить в бой нам не пришлось, т.к. наш батальон сменила танковая бригада под командованием полковника Катукова, известного потом танкового военачальника.

Мы вернулись продолжать учебу в г. Тулу, но вскоре училище эвакуировалось в г. Томск. Нам было известно, что мы проходим ускоренный курс обучения. Учили нас почти круглосуточно, и нам, 18-летним мальчишкам, приходилось нелегко. Наступала лютая зима 1941 года, в Томске морозы доходили до -30°, а ночью иногда -60°. Учили нас не только теории, но главным образом практическим действиям по ремонту стрелкового и артиллерийского оружия, по приведению к боевому виду боеприпасов к ним.

Все учебное оружие, бывшее в арсеналах училища, было нами отремонтировано под руководством опытных преподавателей и тут же отправлялось на фронт. И вот, в один из декабрьских дней, неожиданно было объявлено, что мы заканчиваем обучение. Нам приказано было сдать госэкзамены, а уже 19 декабря 1941 года состоялся выпуск в училище. Нам было присвоено воинское звание - «воентехник 2 ранга».

Было радостно и тревожно на душе: с одной стороны - радость и гордость, что мы уже командиры Красной Армии, и тревога за будущее, т. к. мы сознавали свою неполноценность в результате ускоренного обучения. По этому поводу, помню, хорошо сказал наш преподаватель по материальной части и ремонту стрелкового оружия воентехник 1-го ранга Урюпин: «Мне жаль вас мальчишки, ведь вы ничего не знаете, а главное - не знаете жизни. Поэтому мой вам совет - держите себя скромно, не старайтесь показать свою власть. У вас в подчинении, наверняка, будут люди более опытные и знающие. Держитесь за старослужащих, сверхсрочников, опирайтесь на них и доверяйте им». Лично для меня это был важный совет. С самого начала службы я помнил о нем и старался ему следовать.

По распределению из училища я попал в распоряжение Южно-Уральского военного округа, штаб которого находился в г. Чкалове (ныне Оренбург). В штабе округа я получил направление в г. Соль-Илецк, где формировалась 196-я стрелковая дивизия. Это было в первых числах января 1942 года.

В штабе дивизии я получил назначение на должность начальника мастерской боепитания 884-го СП, который формировался в зерносовхозе «Маяк» (станция Маячная).

Прибыв в полк, я понял, что таких «зеленых» как я, не так уж много. Большинство командирского и начальствующего состава опытные и знающие люди, хотя некоторые были призваны из запаса, такие как, например, командир полка майор Попов. Были в полку и такие, которые уже побывали в боях, как, например, командиры, бывшие преподаватели Одесского пехотного училища, выпускники этого училища.

В частности, начальником штаба полка был бывший преподаватель училища капитан Саунин, грамотный и храбрый командир, который погиб летом 1942 года в боях в излучине Дона.

В начале формирования полка у меня непосредственного «начальника» не было. Мне пришлось действовать на первых порах на свой «страх и риск». Как начинать, с чего, нас в училище не учили, но помогали старшие товарищи, в частности, капитан Саунин. Мне поручили формировать мастерскую, самому набирать необходимый личный состав, а это оказалось совсем не просто. Я чувствовал, что мне требуются люди, знающие технику, мастеровые, имевшие дело с металлом.

Конечно, такие люди нашлись: это был слесарь из подмосковного города Подлипки - Шепелев, который до войны работал на артиллерийском заводе, мастер на все руки, Момот - из Харькова, который был и слесарем и кузнецом, Шкода - из Баку и другие. В выборе людей мне помогли прибывшие к тому времени в полк сержанты-артмастера Терехов и Суримеев, затем прибыл старшина сверхсрочник Иван Мищенко. Все они оказали мне неоценимую помощь в организации мастерской боепитания, в оснащении ее всем необходимым инструментом и принадлежностями. Был назначен и мой непосредственный начальник. Начальником артснабжения полка стал Лавров Михаил Савельевич, которому в дальнейшем я многим был обязан. Он имел звание политрука, на рукавах его гимнастерки были нашиты соответствующие знаки отличия. Меня это вначале удивило, но затем все стало на свои места.

Лавров прибыл в полк, как говорят, понюхав пороху. Он участвовал в боях под Киевом, был комиссаром бронепоезда. Ему было 26 лет, он окончил еще до войны Ленинградское арттехучилище, и после окончания училища был направлен на политработу. Он - москвич, очень энергичный и инициативный

человек. Опыт политработника и сумма знаний по специальности арттехника позволяли ему находить верные решения во многих сложных ситуациях. Он хорошо понимал людей и быстро находил с ними общий язык, был хорошим организатором и отзывчивым человеком. По характеру был прямой, в меру жесткий и требовательный, справедливый. Вместе с тем, был очень веселым, общительным.

Попав в наш полк, Лавров, по-моему, принял правильное решение, согласившись продолжить службу по своей основной специальности. Одним словом, я считаю, что с начальником мне повезло. У него я многому научился, относился он ко мне не иначе как старший товарищ, а иногда и просто по-отцовски.

В мастерскую к нам затем были назначены техниками младший воентехник А. Бар и воентехник 2 ранга Веселовский. Младший воентехник Бар призван из запаса, до войны жил и работал в г. Шепетовка. Это был человек уже имевший жизненный опыт и быстро освоивший новую для себя специальность оружейника. Воентехник 2 ранга Веселовский Александр Петрович был моим одногодком, также окончил ускоренный курс арттехучилища. Это был общительный молодой человек, знающий свое дело арттехника, хотя ему, конечно, как и мне, еще не хватало жизненного опыта. Таким образом, у нас в боепитании образовался неплохой коллектив. Складом боепитания заведовал сержант Чеканов, специалист своего дела. Боеприпасы и вооружение полка знал хорошо.

В период формирования полка личный состав мастерской занимался приобретением инструмента к оборудованию необходимого для ремонта вооружения в полевых условиях, занимался повседневной учебой, совершенствованием своих знаний и приобретением необходимых навыков и опыта.

Большую работу проводили арттехники, а также старшина Мищенко, сержанты Терехов и Суримеев в батальонах, ротах, батареях полка по оказанию помощи в обучении рядового и сержантского состава правилам хранения и сбережения вооружения и боеприпасов, а также в изучении материальной части вооружения.

Мне приходилось вести занятия по изучению матчасти стрелкового оружия в полковой школе сержантов. В этот же период командование полка дало нам ответственное задание. Заканчивалась формировка, а полк не имел ни одной походной

кухни. Задача заключалась в том, чтобы изыскать местные возможности собственными силами изготовить походные кухни в сжатые сроки. Выручили смекалка и мастерство наших людей. Было решено их изготовить в условиях МТС (машинотракторная станция), которая находилась тут же. Для изготовления кухонь было решено использовать металлические бочки из-под бензина - для варочных котлов и топки, а подрессоренную колесную пару от старых повозок - для изготовления «ходовой « части кухни.

Дирекция МТС и совхоза в этом вопросе пошла нам навстречу и хорошо помогла. Но основная часть работы: изготовление варочных котлов, топок, дымовых труб, ремонт колесных пар, изготовление недостающих деталей производили мастера из нашей мастерской.

Особенно трудоемкой была работа по подготовке котлов для лужения, на этой работе были заняты все, вплоть до начальника мастерской.

Лужение котлов проводили тт. Момот, Шкода, Терехов и Суримеев. Момот провел также все ковочные работы, т.к. был отличным кузнецом. Несмотря на зимние условия, отсутствие многих необходимых инструментов и материалов, благодаря высокому чувству ответственности, мастерству людей задание командования было выполнено с честью, в назначенный срок.

Полк получил необходимое количество походных кухонь, которые затем верно служили в начале нашего ратного пути. Благодарность командира была нам наградой за труд. Первый этап формировки был завершен. Полк продолжал подготовку к боевым действиям совместно в другими частями дивизии под Сталинградом, в районе ст. Прудбой.

В большой излучине Дона

В июле 1942 года наш 884-й СП высадился из эшелона на станции Суровикино.

Стояла жаркая сухая погода. Получив приказ, полк, сделав небольшой переход, занял оборону на заданном рубеже. Как и все тыловые подразделения, артснабженцы полка были заняты своими делами: устанавливалась живая связь с батальонами и артбатареями полка, уточнялись пути подвоза боеприпасов, за

личным составом мастерской боепитания закреплялись подразделения полка, которые надлежало обслуживать.

Были налажены связи с транспортной ротой, которой командовал лейтенант Шемчук. Командир роты Шемчук выделил часть повозок для подвоза боеприпасов в подразделения полка и для эвакуации на обратном пути раненых в медсанбат.

Ездовыми на повозках были большей частью казахи по национальности, и это было оправдано, т. к. лошади в роте были из казахстанских степей, почти полудикие, низкорослые, коренастые и очень выносливые, но своенравные. Поэтому, естественно, с ними легче было управляться казахам, знающим их нравы и умеющими за ними ухаживать.

Полк еще в Прудбое был полностью вооружен и получил необходимое количество боеприпасов. Часть боекомплекта была выдана в подразделения в соответствии с приказом командира дивизии комбрига Аверина Д.В., другая часть находилась на складе боепитания полка, которым заведовал сержант Чеканов.

С началом боевых действий полка задача артснабженцев усложнилась. Уже 17 июля начались боевые действия в излучине Дона. К этому времени 62-я армия, куда входила 196-я СД, заняла оборону западнее р. Дон, в районе Большой его излучины и провела значительные оборонительные работы. В этих работах, которые велись круглые сутки, участвовали также подразделения нашего полка.

Если в первые два дня было характерным действие передовых отрядов армии, то уже 20-го и 21 июля бои развернулись по всему фронту армии. Немцы наступали большими силами пехоты и танков, меняя направление ударов, они нащупывали слабые участки нашей обороны.

Наш полк, как и другие части 196-й СД, сдерживал превосходящие силы противника, вел тяжелые бои против пехоты и танков врага. Авиация гитлеровцев имела превосходство в воздухе и буквально висела над позициями, занятыми полками нашей дивизии, доставалось и нашим тыловым подразделениям. Несмотря на это артснабженцы полка честно и достойно выполняли свой воинский долг. Случаев задержки с доставкой боеприпасов в части полка не было. Боеприпасы доставлялись в любое время суток. Все это было

результатом проводившихся еще в период формирования специальных учений тыловых подразделений полка и всей дивизии.

Конечно, наиболее подходящее время для подвоза боеприпасов была ночь, однако, не всегда ею можно было воспользоваться, т.к. ночью также происходила передислокация частей и подразделений дивизии и, естественно, в это же время менялось расположение тыловых подразделений. Благодаря хорошо налаженным связям, в подавляющем большинстве случаев это происходило организованно, нам в этом помогали также другие тыловые подразделения, в частности, продснабженцы и медики. В зависимости от обстановки действия наши менялись. Так, если в первое время боеприпасы подавались в подразделения со склада боепитания полка, то в дальнейшем приходилось доставлять их непосредственно с дивизионного обменного пункта (ДОП'а).

В транспортной роте полка, как и в других подразделениях, были большие потери, т.к. авиация противника никогда не упускала случая атаковать даже отдельную повозку, в связи с этим нам значительную помощь оказывали соответствующие подразделения дивизии. Мы часто на автомашинах автороты подвоза дивизии везли боеприпасы прямо в подразделение полка. Личный состав службы артснабжения полка постоянно находился в подразделениях, оперативно решая вопросы снабжения боеприпасами, мелкого ремонта стрелкового и артиллерийского вооружения.

Воентехник 2-го ранга Веселовский, находясь в расположении одного из батальонов полка, участвовал в пленении немецкого офицера, у которого была захвачена карта, на которой были нанесены рубежи наступления немецких войск и сроки захвата Сталинграда врагом. Но как было уже ясно, в назначенные сроки гитлеровцы не укладывались, благодаря упорному сопротивлению частей 62-й армии.

Трудно сейчас восстановить в памяти все перемещения полка, но знаю, что 884-й СП часто находился на важных участках.

Командование дивизии делало все возможное и почти невозможное, чтобы упорно противостоять коварному и до зубов вооруженному врагу. Необходимых средств, особенно для борьбы с танками, не хватало. Помню еще в период

формирования в Прудбое были получены новые тогда для нас боеприпасы - противотанковые гранаты РПГ-40, кумулятивные снаряды для 76-мм полковых пушек и 45-мм подкалиберные снаряды. Однако количество этих боеприпасов было ограничено.

Появились тогда и 14,5-мм противотанковые ружья, в частности, в нашем полку были ПТР системы Дегтярева. Всего этого для борьбы с превосходящими силами врага было недостаточно. Нехватку нужно было компенсировать мастерством применения этих средств, хорошо знать возможность вооружения и боеприпасов.

Поэтому личный состав службы артснабжения принимал самое активное участие в учебе войск, в подготовке их к боям.

Вспоминается такой случай. Полк получил разрешение командования дивизии использовать для учебных целей несколько десятков гранат РПГ-40. В батальонах и ротах полка были проведены занятия по устройству гранат, правилам обращения и техники безопасности, по их тактико-техническим характеристикам. Сначала занятия проводились для командного состава, а затем под контролем специалистов из артснабжения такие же занятия командиры подразделений проводили с рядовым и сержантским составом. Итоговым занятием было показ практического применения гранат. На этих занятиях в полку присутствовал командир дивизии комбриг Аверин Д.В., который дал им высокую оценку. Однако, из-за недостаточного количества этих боеприпасов на занятиях не все бойцы, к сожалению, имели возможность проверить свои знания и получить практический навык. Несмотря на все трудности, бойцы и командиры дивизии и, в частности 884-го СП, показывали образцы самоотверженности и стойкости. Мы в тылу полка ежедневно слышали о конкретных примерах стойкости и героизма наших бойцов. О них я узнал позже из архивных материалов работая, в Подольском архиве МО. Нами с С.С. Фроловым написана рукопись о боевом пути дивизии (полков) под Сталинградом, все известные факты о героизме наших воинов там описаны.

Вся вторая половина июля была исключительно трудной для наших войск. Нам, работникам тыловых органов, было сложно в полной мере оценить весь трагизм положения, но по

тому, как буквально таяли подразделения полка, можно было представить насколько положение стало тяжелым.

Немцы поняли, что имеют дело с войсками, упорство которых нелегко сломить. Противник сосредоточил свои силы в крупные группировки и намеревался их силами нанести удары по флангам войск, оборонявшихся на правом берегу Дона, имея целью окружить и уничтожить эти войска, и тем самым открыть себе путь на Сталинград. Одна атака следовала за другой, и кое-где противнику удалось вклиниться в нашу оборону. Командование армии с целью закрыть образовавшуюся брешь перебросило части нашей дивизии, которые навязали врагу изнурительные бои. Чтобы не допустить окружения и разгрома соединений, ведущих тяжелые оборонительные бои, командование Сталинградского фронта 24 июля приняло решение нанести контрудар по противнику, прорвавшемуся в районе Верхне-Бузиновка, частью сил 62-й армии и соседних с ней армий подвижными соединениями.

В результате нанесенных ударов враг был остановлен. Однако, как известно, разгромить группировку врага в районе Верхне-Бузиновка не удалось. Немцы подтягивали сюда резервы и готовились к новому удару.

Видимо, в связи с этим, начало августа отличалось некоторым затишьем.

В это время подразделения 884-го СП занимали оборону в районе хутора Майоровский, однако, относительное затишье длилось недолго.

Создав на этом участке фронта многократный перевес сил, сосредоточив здесь большие массы авиации и танков, противник 7 августа перешел в новое наступление. Очень хорошо помню этот день.

Ранним утром 7 августа, еще до рассвета, я по приказанию капитана Лаврова М.С. должен был отправиться с несколькими повозками в сопровождении сержанта Чеканова на дивизионный обменный пункт (ДОП), который находился в нескольких километрах от нашего расположения в заросшей кустарником и небольшими деревьями балке. Там же, невдалеке, находился дивизионный медсанбат. Выехали мы в назначенное время. Казалось, ничто не предвещало трудного дня, хотя некоторое затишье в предыдущие дни не сулило ничего хорошего. Над позициями нашей дивизии и нашего

полка чаще обычного появлялась воздушная разведка противника.

В воздухе подолгу висела, так называемая среди бойцов, «рама» - двухфюзеляжный разведчик «Фокке-Вульф».

Стояла предрассветная тишина, по балке стелился небольшой туман, выпала роса - предвестник жаркого дня. Через некоторое время наш небольшой обоз прибыл в распоряжение ДОП'а. Мы оставили свои повозки в кустарнике у проселочной дороги. Я встретился с помощником начальника артснабжения дивизии интендантом 3-го ранга Несмеловым Александром Федоровичем. Это был сравнительно молодой мужчина, темноволосый, выше среднего роста. Был он в хорошем расположении духа, быстро сделал нужные распоряжения, расспросил об общих знакомых, в частности о Лаврове, которого хорошо знал. Вскоре мы тронулись в обратный путь.

Возвращались мы, когда солнце только что появилось из-за горизонта, ехали по теневой стороне балки с целью маскировки от воздушного врага, и он не заставил себя долго ждать. Мы услышали хорошо знакомый противный гул, а затем увидели и сами самолеты, это были двухмоторные «Ю-88», они на большой высоте направлялись к позициям наших частей.

Нам следовало спешить, насколько это было возможно сделать на груженых пароконных (запряженных парой коней) повозках. Прибыв в распоряжение полка, повозки с боеприпасами тут же были отправлены в батальоны полка. Уже была слышна интенсивная ружейно-пулеметная стрельба, гул артиллерии, разрывы снарядов и мин, а также разрывы бомб. Над позициями полка висел плотный занавес из пыли и дыма. Было тревожно на душе, как-то там наши, выстоят ли?

К полудню бой был в разгаре, начали поступать раненые... Видимо, он складывался трудно для наших войск. Во время марша, при смене позиций, на наших глазах были выведены из строя почти все орудия одного из дивизионов 725-го артполка нашей дивизии. Самолеты противника настигли дивизион в открытой степи и расстреливали его почти в упор - горели арттягачи СТЗ-НАТИ, нагруженные боеприпасами, они взрывались. Больно и обидно было смотреть на все это, бойцы и командиры стреляли по самолетам из личного оружия, винтовок и ручных пулеметов, но это не приносило им

никакого вреда. Хотя, конечно, мы знали, что бывали случаи повреждения самолетов и даже сбивали самолеты при стрельбе из стрелкового оружия бронебойно-зажигательными пулями, особенно при стрельбе из ПТР (противотанковых ружей) и крупнокалиберных пулеметов, но это были лишь эпизоды.

В нашем расположении появился комиссар артполка Горохов, он был контужен и с несколькими ранеными бойцами был отправлен в медсанбат, но, как стало позже известно, туда он не попал, т.к. к тому времени в балку, где расположились ДОП и медсанбат, прорвались фашистские танки, которые затем обошли позиции нашего полка и двинулись на восток к Дону, стремясь окружить оборонявшиеся войска.

Раненые поступали все чаще, на одной из повозок в наше расположение привезли комбата Николая Черменцова. Я помню его плотно сбитую фигуру, энергичное, почерневшее от солнечного загара лицо, темные глаза, излучавшие боль и ненависть. Он был еще весь там, в бою, страшно ругался, что его увезли оттуда, и просил вернуть в батальон, хотя об этом нечего было и думать. У него автоматной очередью были перебиты ноги, были ранены и обе руки, но он кричал, что будет рвать врага зубами, и рвался в бой. Знали, что героически сражались и другие наши подразделения, в частности, батальон, которым командовал старший лейтенант Курманов, славный сын казахского народа. Он был высокого роста, суровый на вид. К сожалению, о дальнейшей его судьбе я ничего не знаю. В этих боях от прямого попадания мины погиб начальник штаба полка капитан Саунин, много было раненых.

Через некоторое время мы получили приказ командира полка Борисова М.М. отходить в сторону Дона, было указано место сбора - у переправы в районе г. Калач. Вначале отходили колонной. Тут же были все тыловые службы полка. Но самолеты противника начали охоту за отходящими подразделениями, и нам пришлось рассредоточиться.

Отчетливо помню, как на нас устремлялись «хейнкели» и буквально, пролетая над нашими головами, поливали нас из пулеметов. Пулемётные трасы оставляли глубокие следы на земле, а осколки глины били по лицу! И поневоле мелькало в голове: ”На сей раз пронесло!” А девчата только кричали “ Ой, мамочка родная “. Были среди отходивших убитые и раненые.

Все лето не было дождей. Стояла жара с температурой днем +30°- +35°. Земля высохла и была как камень, поэтому бойцам, чтобы хоть как-нибудь окопаться, было непросто, лопата в землю не шла, приходилось ее рубить. Трава высохла от солнца, в степи местами были хлебные поля, которые некому было убирать, подожженные с самолетов врага они горели.

Гимнастерки бойцов и командиров выгорели и почернели от пота, на них выступила соль.

Поздно вечером того же дня часть нашего полка собралась у крутого правого берега Дона, недалеко от остатков разбитого авиацией противника деревянного моста, а где-то на противоположном левом берегу был г. Калач. Как помнится, с нами был командир полка Борисов и еще несколько десятков человек, в том числе, из службы артснабжения капитан Лавров, воентехник 2-го ранга Веселовский, я и красноармеец Шкода и другие, мл. лейтенант Демченко (командир огнеметной команды) и еще девушки - медсёстры из санроты полка Лена Стенакова и Маша Каширина. Была ночь, довольно светлая, неподалеку были слышны отдельные выстрелы, местами взлетали осветительные ракеты; район моста обстреливался врагом из минометов или орудий, то тут, то там иногда были видны разрывы.

Посланная командиром полка группа разведала место переправы, в ней были и наши товарищи - воентехник 2 ранга Веселовский и красноармеец Шкода, а также сержант Чеканов из этой группы сообщил, что хотя мост и разрушен, но через один из разбитых пролетов сохранилась толстая бревенчатая балка, по которой можно перебраться на оставшуюся часть моста к левому берегу. Мы узнали, что первая группа людей уже переправилась по этому бревну. Переправиться же в других местах можно было только на подручных средствах, которых поблизости не было.

Мы, как и первая группа, перелезли с пролета на пролет ползком, по бревну. На левом берегу Дона, который зарос низким кустарником, нелегко было найти друг друга, поэтому мы разминулись с первой переправившейся группой, тем более, что берег уже обстреливался артиллерией врага, и задерживаться здесь было небезопасно.

Как мы узнали позднее, в расположение первой группы, которая ожидала нас, упала вражеская мина, многие были

ранены, а некоторые убиты. Получил тяжелое ранение и воентехник 2-го ранга Веселовский, рядовой Шкода был контужен.

Веселовский утром был подобран девушками-зенитчицами, охранявшими мост через Дон, и был эвакуирован в тыл, о чём я тогда не знал. В 1982 году мы встретились, и я узнал, что он лечился в госпитале, затем служил в тыловых частях, а после увольнения в запас окончил институт в Горьком. Работал на автозаводе, был секретарём РК КПСС, а потом директором Заволжского моторного завода, переведён в Москву в Госснаб СССР, сейчас на пенсии, инвалид ВОВ.

Остатки полка и других частей дивизии собрались у селения Камыши на левом берегу Дона, а затем, рано утром, перешли в город Калач.

Здесь мы узнали, что штаб дивизии 7 августа подвергся нападению прорвавшихся вражеских танков и пехоты и вёл неравный бой с ними.

В этом бою, героически сражаясь с врагом, погибли командир дивизии, комбриг Аверин Дмитрий Васильевич, начальник штаба дивизии подполковник Прибыльский Виктор Леонидович, начальник артиллерии подполковник Соколов Павел Ильич и другие.

Оставшиеся в живых и бывшие с нами офицеры штаба Сухенко И.П., начальник инженерной службы Гущин И.П. и другие, приняли решение отходить в сторону станции Прудбой (что на пути к Сталинграду).

Тут же утром в г. Калач, мы подверглись ожесточенной бомбардировке вражеской авиацией и укрывались, где как могли. Я оказался в углу открытой за огородами щели вместе со своими ребятами. Кругом были дым и пыль от разбитых деревянных домов.

Позже мы узнали, что из «мешка» вышел раненый в предплечье комиссар дивизии Желамский И.О. Через Дон Желамский И.С. переправлялся на плоту, с ним были 9 человек, в том числе командир санитарного взвода 884 ст. лейтенант м/с Жданович Николай Валерианович (он был в 1-м батальоне под командованием Н.С. Черменцова, о котором я уже писал выше.). Плот был на воде потоплен немецкой авиацией, а Жданович спас комиссара дивизии, они выплыли на левый берег реки на бревне. Остальные люди утонули. Позднее мы

увидели, что было спасено знамя дивизии, оно было на теле Желамского, под гимнастеркой. Из архивных материалов установлено, что Николай Жданович, постоянно находясь на передовой, вынес лично несколько десятков раненых – с их оружием, проявлял бесстрашие и верность клятве Гиппократа.

Он был первым в дивизии за свои подвиги награждён орденом" Красного Знамени", что для медиков бывает крайне редко, особенно в то время под Сталинградом. Я хорошо знаком с Николаем Валериановичем, он также как и я прибыл в 884-й СП из военного училища, и мы вместе шагали в январе 1942 г. со ст. Маячная в расположение полка при его формировании.

Сейчас полковник медицинской службы Жданович Николай Валерианович, кандидат наук, доцент, теперь уже инвалид ВОВ, проживает в городе Минске, и мы иногда переписываемся с ним. У меня есть воспоминания о войне в период Сталинградской битвы.

Спустя несколько дней остатки дивизии собрались на ст. Прудовой, где мы были ещё до боевых действий – весной.

На 14 августа в частях дивизии насчитывалось 1546 человек, в том числе: комсостава 314 человек, младших командиров 263 человека, рядовых 949 человек.

На вооружении частей дивизии осталось 953 винтовки, автоматов (ППШ и ППД) – 154, пулемётов ручных – 11, станковых – 4, зенитных – 3, 120-мм миномётов – 4, 122-мм гаубица и одно противотанковое ружьё. Это я привожу официальные архивные данные, таким образом, мы оказались свидетелями ряда крайне тяжёлых неудач 62-й армии в большой излучине Дона. Армия фактически окружена, но с большим трудом сумела часть сил сохранить и не дать себя полностью окружить и уничтожить.

В то время лично мне было трудно осознать всё случившееся и оценить в полной мере трагичность положения, хотя, откровенно говоря, повода для оптимизма было маловато.

Командующий 62-й армией генерал-майор Колпакчи В.Я. был снят с должности и с 3 августа 1942 г. на его место назначен генерал-лейтенант Лопатин А.И.

В эти дни временное командование дивизии решало задачи комплектования жизненно важных подразделений, т.к.

исключительные трудности насчитывали службы тылового обеспечения, прежде всего, продснабжения.

17 августа 1942 г. командиром 196-й СД назначен полковник Иванов Василий Поликарпович, ранее командующий 199-й СД. В те же дни на должность начальника штаба дивизии был назначен полковник Ковригин Иван Владимирович. Не закончив лечения, из госпиталя вернулся в строй военком дивизии батальонный комиссар Желамский Иван Семёнович. Были проведены и другие назначения, так была вновь создана служба артиллерийского снабжения.

Начальником артснабжения 12 августа 1942 г. назначен капитан Лавров Михаил Савельевич, помощником по вооружению - капитан Луценко Фёдор Иосифович, помощником по боеприпасам – я, воентехник 2-го ранга Куропатков Евгений Петрович. Мне было всего только 19 лет! Луценко Ф.И. был до этого начальником артснабом 725-го артполка нашей дивизии, уже не молодой человек.

В эти же дни помощь в обеспечении частей боеприпасами оказывал начальник военно–технического снабжения сапёрного батальона Митченко Даниил Павлович.

Первая встреча с полковником Ивановым В.П. у меня произошла на КП у ст. Ново-Алексеевской. Запомнилась она, прежде всего, тем, что я не сумел прибыть туда вовремя, т.к. ехать пришлось верхом на лошади, которая до того под седлом не ходила. Она никак не слушалась, пыталась сбросить, вставала на передние колени, стремилась меня укусить. Лишь тогда, когда в сторону КП пошла запряжённая повозка, моя лошадь зашла ей вслед, так как она привыкла ходить в обозе. За опоздание получил внушение от комдива. Он поинтересовался мной, я доложил ему, что в артснабжении со дня формирования дивизии, что я из 884-го СП назначен на должность помощника начартснаба по боеприпасам. Он предупредил меня, что будет строго спрашивать за своевременное обеспечение боеприпасами, и о мой личной ответственности за это.

Я обещал сделать всё возможное, чтобы оправдать его доверие. Не думал я тогда, что почти через 39 лет доведется мне встретиться с бывшим комдивом 196-й генерал-майором в отставке Ивановым Василием Поликарповичем уже в Москве!

8-го февраля 1981 года я присутствовал на 80-м юбилее генерала Иванова, адрес которого незадолго до этого сообщил

мне наш однополчанин по 196-й СД, бывший работник штаба дивизии, Сухенко Иван Павлович.

19-22 августа части 62-й армии, в том числе, и нашей дивизии, вели ожесточенные бои. 20 и 21 августа фашистские войска переправились на левый берег Дона.

Переправа на нашем участке происходила, в основном, в районе Вертячего. Авиация противника проявляла в это время исключительную активность, десятки самолетов непрерывно атаковали наши позиции, снабжение боеприпасами наших частей резко затруднялось. Наша дивизия фактически лишилась автотранспорта, не хватало повозок и лошадей. Несмотря на эти трудности, личный состав службы артснабжения самоотверженно выполнял свои обязанности, конечно, были и недостатки в нашей работе, но они подчас носили объективный характер. Эти недостатки были главным образом из-за перебоев в связи, т. к. она осуществлялась главным образом через связных, а также из-за недостатка транспортных средств. Наши войска вели тяжелые бои с прорвавшимися на правом фланге армии лучшими силами врага.

Артиллерия и минометы немцев днем и ночью вели беспрерывный огонь. На протяжении десятков километров земля содрогалась от взрывов, в воздухе стоял непрерывный гул. Враг рвался к северным окраинам Сталинграда. Получив приказ Гитлера взять Сталинград к 25 августа, немцы, не считаясь с потерями, рвались к Волге.

23 августа наш дивизионный обменный пункт находился в 10-12 км от Сталинграда. Располагался он в одной из многочисленных балок в районе Садовой.

Как отмечается в книге «62-я армия в боях за Сталинград» (Воениздат, Москва, 1949 г., авторы Ступов А.Д. и Кокунов В.Л.), в этот день противнику удалось «ценой огромных потерь силами нескольких пехотных и одной танковой дивизии прорвать оборону армии на участке Вертячий-Песковатка». «Немцы наносили главный удар непосредственно на Сталинград, через д. Россошку, конный разъезд и вспомогательный - на ст. Карповка. В этом районе находились части нашей дивизии. Передовые части немцев (около 100 танков) прорвались в районе поселка Рынок к Волге, северо-западнее Сталинграда, непосредственно угрожая городу. Создалась исключительно напряженная обстановка. Казалось,

еще один бросок немцев, и город падет. Малейшая растерянность, малейшее проявление паники были гибельны в этих условиях, именно для того, чтобы создать эту растерянность и панику, и, воспользовавшись ею, ворваться в город, противник днем 23 августа начал с исключительным ожесточением бомбить Сталинград».

Мы видели, как над нами к Сталинграду пролетают армады немецких самолетов. Бомбардировка продолжалась и в следующие дни. Весь горизонт в стороне города заволокло дымом. Город горел. Горели бензобаки «Нефтесиндиката», горело все, что могло гореть. Вечером над городом пылало зарево. Наши люди, вернувшиеся из города, рассказывали, что по улицам города невозможно пройти, т.к. везде бушует пламя пожара.

Наша зенитная артиллерия героически отражала налеты фашистских стервятников, многие из которых нашли там смерть, но силы были слишком неравны, и одна батарея смолкала за другой, и только отдельные орудия, несмотря ни на что, еще стреляли.

Однако все расчеты немецкого командования были сорваны героическими войсками, оборонявшими Сталинград. Все последующие дни наши войска вели активные оборонительные бои. Наши подразделения стойко держали рубежи, и враг продвигался вперед только ценой огромных потерь за счет создания ударных превосходящих сил.

Враг обескровливался и изматывался, в этом была основная заслуга 62-й армии в оборонительных боях на подступах к Сталинграду.

30 августа 62-й армии была поставлена задача: стойко защищать город, не допустить его захвата противником. Начался отход основных сил армии на внутренний Сталинградский обвод, укрепленный рубеж, построенный для обороны города.

Выполняя приказ командования армии, наши части с боями также начали отходить в город.

В Сталинграде

В город мы вошли или 31 августа, или 1 сентября во второй половине дня, ближе к вечеру. Перед нами предстала панорама города, только что пережившего сильнейшую бомбежку. Всюду

были видны следы разрушений и пожарища.

Помню, остановились у какого-то дома из красного кирпича, в котором были побиты окна. Если память не изменяет, это было одно из станционных строений, в подтверждение чего могут служить раскинувшиеся тут же станционные пути, а вдали виднелся элеватор. Здесь мы переночевали, а утром в соответствии с указаниями командования передислоцировались в центр города. Я ранее уже упоминал, что у нас сложилось тяжелое положение с транспортом, поэтому мы возили с собой крайне ограниченное количество боеприпасов. Артиллерийский склад боеприпасов на станции Кавповка к этому времени был уничтожен фашистской авиацией. Надо отметить также, что в это время дивизия фактически не имела артиллерии, об этом я упоминал выше.

Мы стремились обеспечить войска необходимыми боеприпасами без перебоя, но сообразуясь со складывающейся обстановкой. Больших запасов мы у себя делать не могли, т. к. при передислокации нам не на чем их было перевезти. Место дислокации дивизионного обменного пункта было определено командованием - площадь Павших борцов. Она располагалась недалеко от железнодорожного вокзала и было видно, что это была красивая площадь. Но мы увидели ее уже со следами пожара и разрушений от бомбежек фашистских самолетов.

Зияли чернотой выбитые окна в сгоревших изнутри красивых зданий, отдельные из них были почти полностью разрушены, мы разместились в подвале одного из этих здании, почти напротив еще сохранившегося в то время здания универмага, полукругом выступавшего на площади.

Помнится, что здание, в подвале которого мы разместились, занимал, кажется, городской почтамт. Недалеко находился сквер, в котором был круглой формы фонтан, по окружности фонтана были расположены фигурки пионеров, кружащихся в хороводе.

В сквере, в вырытых для укрытия жителей щелях, мы разместили склад боеприпасов, часть боеприпасов хранили в подвале нашего здания. Помещение, которое мы занимали, было, видимо, трансформаторной подстанцией, которая, естественно, не работала, выход из него был не на площадь, а на прилегающую боковую улицу. Здесь мы и работали, и

отдыхали. Работать приходилось ночью, т.к. днем город по-прежнему фашисты нещадно бомбили. В центральной части города жителей почти не осталось, они были эвакуированы за Волгу почти сразу же после событий 23 августа.

Проехать по городу с боеприпасами было очень трудно, особенно днем.

Тылы 62-й армии находились уже на левом берегу Волги, и все снабжение войск шло через переправы. Вначале мы пользовались центральной переправой, но после 14 сентября возили боеприпасы через Волгу, уже переправляясь на баржах и речных буксирах.

Начальник артснабжения дивизии капитан Лавров М.С. организовал работу таким образом, что перебоев в снабжении боеприпасами не было.

Зав. делопроизводством Гончаренко А.И. заготавливал заявки на боеприпасы, готовил необходимые отчетные документы, он обычно сидел за столом перед знаменитым фронтовым светильником из артиллерийской гильзы от 45-мм патрона, которая была наполнена подсоленым бензином, а вместо фитиля вставлен кусок фланелевой портянки. Запомнился его колоритный вид: седые волосы и на носу старинное пенсне, которое непрерывно падало, и он приговаривал при этом ворчливо: «Вот чертяка!», водружая снова его на место!

Подвозкой боеприпасов из-за Волги занимались пиротехник мл. лейтенант Исайкин Георгий Михайлович, ст. сержант Николай Лычко, я и другие.

Для этих целей командование выделило единственную оставшуюся в дивизии автомашину ЗИС-3, водителем которой был красноармеец Алексеев.

Тем временем бои за город принимали все более ожесточенный характер. Было жарко в прямом и переносном смысле. С раннего утра и до захода солнца в воздухе слышался гул самолетов, в отдельных местах они выстраивались в карусель и с воем устремлялись на позиции наших войск, стрельба не затихала ни на минуту.

Как-то в один из таких дней к нам в расположение пришел начпродснабжения техник-интендант Зинченко. Он объяснялся жестами, т.к. был сильно контужен. С трудом от него мы добились, что продсклад, находившийся в балке реки Царица,

разбит авиацией, немцы начали новые атаки позиций дивизии и пытались прорваться к Волге по балке.

Вскоре мы получили приказ перебазироваться севернее, в район завода «Красный Октябрь», т.к. части нашей дивизии перебрасываются в этот район. Это было 2 или 12 сентября, когда гитлеровцы просочились в город в районе вокзала, а затем 14 сентября вышли к центру города.

Служба артснабжения разместилась во дворе одного из домов, выходившим фасадом на центральную улицу города, проходящую параллельно Волге. Люди расположились в бетонированных погребах, видимо оставшихся от разрушенного небольшого склада продовольственного магазина. Во дворе у дома был навес, под которым мы оставили свой грузовик.

Однако, на следующий день во двор упала бомба, которая контузила большинство находившихся в погребках людей. Взрывной волной от бомбы была повреждена автомашина - были сорваны борта и снесена верхняя часть деревянной кабины ЗИСа.

Часть людей из нашей службы были отправлены в медсанбат и к нам уже не возвратились. Получили легкую контузию капитаны Лавров М.С. и Луценко Ф.И. Я в это время находился на КП начальника артиллерии дивизии полковника Тищенко в качестве офицера связи, который располагался в одном из одноэтажных деревянных домов южнее Мамаева кургана. Мне потом рассказали, что машина получила повреждения от взрыва находившихся в кузове ящиков с гранатами РГД-33.

Как известно, после 14 сентября положение защитников Сталинграда осложнялось с каждым днем. В это время командующим армией назначен генерал лейтенант Чуйков В.И.

Противник стремился во что бы то ни стало столкнуть наши войска в Волгу, и полностью овладеть Сталинградом. Он по-прежнему, не считаясь с потерями, беспрерывно возобновлял атаки на наши позиции. Пользуясь превосходством в силах, немцы хотели расчленить армию на отдельные группы и уничтожить их по одиночке. Мы уже знали, что в Сталинград прибыли гвардейцы генерала Радимцева, и что они ведут с ходу упорные бои.

62-я армия пополнилась из рядов других частей и соединений (полковника Горохова, генерала Гурьева и других), которые тоже вступили в бои.

Части нашей, основательно поредевшей, 196-й СД были переброшены в северную часть города в район Орловки и поселка тракторного завода, дивизию с натяжкой можно было бы назвать полком. В сложившийся обстановке командование дивизии приказало нам и другим тыловым подразделениям перебазироваться на левый берег Волги. С целью выбора места расположения тылов дивизии была создана группа, в которую входил и я.

Сентябрьской ночью мы на лодках переправились через Волгу. На правом берегу в городе все еще горели баки «Нефтесиндиката», часть нефти стекала в реку и горела. Так при свете горящей нефти мы и переправились на отлогий пляж левобережья. Ночь пришлось коротать на песке, т.к. впереди была сплошная темнота. Попили из котелков волжской воды с кусковым сахаром.

Не помню уже с кем-то мы вырыли ложе в песке, одну из шинелей расстелили, другой накрылись и так продремали до рассвета. С рассветом наша группа отправилась дальше. Было принято решение расположиться в с. Лебяжье, куда в скором времени и прибыли все тыловые органы дивизии. Теперь нас с войсками разделяла р. Волга, но зато рядом были тылы 62-й армии, которые возглавлялись членом Военного Совета полковником Лебедевым. Здесь мы оказались в более или менее спокойной обстановке, но работа наша ни упростилась. Боеприпасы мы возили через Волгу, делали это по мере необходимости. Нам постоянно приходилось наблюдать, какие героические усилия предпринимают матросы и командиры переправы. У них то работы не уменьшалось. Переправа в районе действия 62-й армии постоянно находилась под воздействием противника.

Если вначале ее только бомбила вражеская авиация, то после того, как немцам удалось 15 сентября отрезать войска 62-й армии от соседей с юга и с севера и прижать их к Волге, переправа стала досягаема для артиллерии и даже минометов противника. Несмотря на все это переправа действовала.

Помню, что здесь недалеко от переправы на левом берегу Волги располагались орудия резервного артполка, они по мере

возможности вели борьбу с артиллерией противника, тем самым оберегая переправу. Здесь же у одного из орудий я случайно встретил своего однокашника по Тульскому училищу, он был простым заряжающим, хотя в петлицах носил два «кубаря». Фамилию его я теперь не помню. Мы с ним посидели под кустиком, выкурили по «цигарке», я ему отдал свой паек - сахар и сухари, на том и расстались. Он мне поведал, как они стреляют через Волгу с закрытых позиций и довольно успешно. Этот эпизод у меня невольно ассоциируется с тем фактом, когда 19 ноября 1942 года артиллерия Сталинградского фронта, стреляя из-за Волги, положила начало разгрому врага.

Вспоминается также относящийся к сентябрьским дням эпизод, характеризующий наши трудности. Как я уже упоминал выше, автомашина, на которой мы перевозили боеприпасы, получила сильные повреждения, т.е. у нее были оторваны в кузове борта и не было кабины водителя. Однажды я на этой машине и еще двое или трое наших бойцов выехали за боеприпасами на армейский склад, тут же на левобережье. Вид у нашей машины был, конечно, неважный, у встречных вызывал недоумение и, мягко выражаясь, улыбку. Однако машина все же двигалась!

Так мы проехали какое-то расстояние и произошло то, что мы не ожидали. Машина встала, все попытки завести мотор оканчивались неудачей. Выяснилось, что отказала система подачи топлива. Тогда наш шофер красноармеец Алексеев решил задачу просто: налил в ведро бензин, засосал его ртом в резиновую трубку, которую подсоединили непосредственно к мотору. Можно было ехать, но для этого пришлось посадить человека на крыло машины, который и держал ведро в руках, поставив его на колени. После такой процедуры выглядеть мы стали еще потешнее, однако ехали. И не только прибыли на склад, но и, погрузив боеприпасы, вернулись в свое расположение. Конечно шофер затем привел в порядок топливную систему, но в тот момент делать было нечего, задание надо было выполнить во что бы то ни стало.

Красноармеец шофер Алексеев за участие в боевых действиях был предоставлен, как мне помнится, к награждению орденом Отечественной воины 2-й степени.

Между тем масштабы Сталинградского сражения разрастались, оно принимало все более напряженный и грандиозный характер.

В эти дни были популярны слова «За Волгой для нас земли нет!», они выражали чувства и мысли, которыми жили все солдаты и офицеры 62-й армии. В конце сентября в городе повсюду шли ожесточенные сражения.

В один из таких дней я получил приказание капитана Лаврова доставить боеприпасы для наших бойцов в район Орловки. Это были, главным образом, патроны к стрелковому оружию и ручные гранаты.

Со мной отправился ст. сержант Николай Лычко. Это был молодой человек богатырского телосложения, сибиряк. Блондин с крупными чертами лица, физически очень сильный. Вечером, погрузив боеприпасы на нашу автомашину, которая была приведена в более или менее приличное состояние, мы рано утром отправились на переправу. Однако, с ходу переправиться нам не удалось, поставив автомашину в сторону и замаскировав ее ветками, мы стали на переправе ждать. Я уже отмечал, что переправу постоянно бомбили и обстреливали немцы, мы вынуждены были сидеть в отрытых в песке щелях. Тут мы были не одни. Ждать пришлось весь день. В этот день19 сентября 1942 г. на волжской переправе уже с самого утра было как в аду. Фашистские самолеты армадами по 30-40 шт., сменяя непрерывно друг друга и выстроившись в спираль, с воем (включали сирену) пикировали на оба берега Волги, и если есть кто на воде, то и на эти жалкие «посудины» (баржи и буксиры) с бойцами и продуктами, подкреплением из солдат с левого берега.

Вода кипела от разрывов, по спине бегали мурашки, не дай бог там оказаться в эту минуту. Но что делать?! Люди шли на этот подвиг, выполняя свой воинский долг до конца. Особенно честь и хвала тем, кто работал на переправе. Это настоящие герои. Вспоминаю, что В.И. Чуйков как-то выступая перед школьниками, вспоминая те годы и в частности переправу через Волгу говорил: «Там было такое, что думалось, лучше на земле сходить в атаку, чем хоть один раз переправиться через Волгу!»

К сожалению, об этом вспоминают нечасто, а я пока жив, буду помнить этих людей-героев Сталинградской переправы, хотя лично никого из них не знаю. К вечеру около 19 часов

стало тише. Обычно немцы были педантичны, видно в это время ужинали. Но мы, однако, переправиться не смогли, т.к. очередь была большая, отдыхали полулежа на бруствере щели и мирно беседовали, наверно вспоминали мирное житье и своих родных.

Справа от нас находилась батарея наших орудий, которые вели одиночную стрельбу. Вдруг невдалеке от нас разорвался снаряд или мина, не помню, и я почувствовал удар по плечу в районе ключицы. Быстро сползли вниз. Ст. сержант Лычко заметил в моей шинели рваную дырку. Сбросив шинель с плеча, я левой рукой обнаружил, что пробита и гимнастерка, правая же рука у меня не поднимается.

Оказалось, что осколок снаряда угодил в мышечную ткань над ключицей и застрял. Сгоряча я выдернул осколок из раны, он не успел еще остыть и был горячим. Лычко тут же меня перевязал индивидуальным пакетом и предложил мне отправиться в санбат. Я отказался, т.к. чувствовал, что ранение не опасное. Ночью нам удалось переправиться через Волгу невдалеке от завода «Красный Октябрь». И рано утром мы доставили боеприпасы к месту назначения.

Это была моя последняя поездка в сражающийся город. Рану свою я залечивал на месте, в санчасти дивизии, а вскоре был получен приказ передать оставшуюся часть людей в виде сводного полка в стрелковую бригаду полковника Андрусенко, а остальному личному составу в количестве примерно 500 человек выехать на переформирование.

В составе уезжавших были командир дивизии полковник Иванов В.П., начальник штаба полковник Ковригин и со своей супругой-военврачом дивизионный комиссар Желамский И.С., начальник артиллерии полковник Тищенко и другие.

Из службы артснабжения были капитан Лавров, ст. лейтенант адм. службы Гончаренко А.И., капитан Луценко Ф.И. и другие, в числе их и я.

О трагедии, случившейся с нашим эшелоном и его людьми, хорошо рассказано в воспоминаниях т. Сухенко И.П. и в нашей с Фроловым рукописи о боевом пути 196-й СД под Сталинградом.

Итак, в начале октября 1942 г. мы покидали Сталинград. Разные чувства обуревали нами. Прежде всего, это были чувства горести за погибших товарищей, мы сознавали, что

потери наши были очень велики. Вместе с тем, были и чувства исполненного долга, ведь куда бы ни бросало командование армии части дивизии, почти всегда бойцы и командиры наших полков и спец. подразделений сражались упорно и геройски, нанося чувствительный урон противнику. Навсегда остались в памяти лозунги участников обороны Сталинграда: «Стоять насмерть, но врага не пропустить!», «За Волгой для нас земли нет!».

Еще до отъезда из города у нас была полная уверенность в победе над врагом. Чувствовалась повсюду забота Родины о защитниках Сталинграда, войска бесперебойно снабжались всем необходимым. Мы видели и знали, как прибывают новые свежие войска, гвардейские части, сибиряки. Люди говорили: «К нам на помощь идёт маршал Жуков!»

Было радостью видеть, что больше стало нашей авиации, здесь мы впервые увидели эскадрилью грозных штурмовиков ИЛ-2, летавших по нескольку раз в сутки на штурмовку вражеских позиций.

Ночью слышался стрекот ночных бомбардировщиков, славных тружеников ПО-2 и видел их работу над позициями противника. Больше стало артиллерии и танков, другой техники. Но главное же были люди-генералы и офицеры, сержанты, старшины и рядовые красноармейцы, получившие боевой опыт и закалку, умелые и упорные в достижении цели.

Воины славной 62-й армии разгромили коварного врага в Сталинграде, а командующий их армии фельдмаршал Паулюс был пленён.

Будучи на формировке под Москвой, мы внимательно следили за боевыми успехами 62-й армии.

Здесь уже мы узнали, что 196-я стрелковая дивизия награждена орденами “Красное Знамя” за упорство и отвагу, непреклонную веру в Победу. Заслуженные награды получили многие воины дивизии, хотя надо отметить, что в то время не очень-то часто давались награды.

В январе 1943 г. наша дивизия была направлена на Ленинградский фронт и вошла в блокированный город по ледяной «Дороге Жизни». Принимала участие в боях под Ленинградом, под Синявином, на Ораниенбаумском плацдарме, в деблокировании Ленинграда, в боях в Прибалтике, где закончил войну. Два полка дивизии получили наименование

«Гатчинских». Артснабженцы дивизии и в те годы достойно выполнили свой долг.

Волей судьбы с 1948 по 1977 год я проходил службу в артиллерийском и затем Ракетно-артиллерийском управлении (УРАВ) Военно-морского флота, где занимался вопросами разработки и поставки новейшего артиллерийского вооружения (боеприпасов) и ракетной техники для кораблей ВМФ. После увольнения в запас работал на оборонном предприятии.

Уже в 1980 году я узнал, что в Москве живёт бывший командир 196-й СД Иванов Василий Поликарпович, о котором я написал выше. После встречи с ним, удалось найти ещё несколько ветеранов-сталинградцев, бывших в 1942 г. с нами в дивизии. По согласованию с Московским советом ветеранов войны мы образовали группу нашей 196-й СД и вошли в Совет ветеранов 62-8-й армии и все эти годы активно участвовали в работе Совета по военно-патриотической работе в школе № 479 имени маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Чуйкова. Создан один из лучших школьных музеев - музей 62-8-ой гвардейской армии.

В 2000 году я, по поручению Президиума совета 62-8-й гв. армии, стал Председателем Совета ветеранов армии, проживавших в Москве. К сожалению, состав группы ветеранов нашей дивизии очень поредел.

Ушли из жизни артиллеристы - полковники: Ковалёв В.М., Комаров Д.М., доктор тех. наук, бывший мой непосредственный начальник подполковник Лавров Михаил Савельич. В 1995 году умер бывший командир дивизии в Сталинграде генерал-майор Иванов Василий Поликарпович.

В настоящее время в Москве проживают мой бывший подчиненный полковник в отставке Веселовский А. П., связист полковник Ковалёнок В. Н., бывший рядовой радист и военврач Логовиср Д. Г. Все они инвалиды войны. Переписка с ветеранами дивизии из СНГ резко сократилась, с теми кто пишет я стараюсь поддерживать связь, их немного.

Хочу закончить словами из воспоминаний однополчанина из 884-го СП полковника мед. Службы Ждановича Н. В. из г. Минска:

Давно отгремели, утихли бои,
Земля залечила кровавые раны,

Но те кошмарно-военные дни
Навеки запомнят её ветераны.

Ноябрь 2004 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Кочетков Сергей Владимирович,*** *учащийся 3-го Профессионального училища №5 города Москвы*

Ломакин Михаил Алексеевич

Сняли штук 20-30 ПТ мин и танки двинулись по бульвару. Мы поблагодарили немца

Родился 19 апреля 1922 года, в Тульской области, Веневского района, деревня Борозденки. С 1934 года проживал в Москве у тети на улице Маросейка дом №4.

В 1939 году окончил 8 классов и поступил в школу ФЗУ имени Орджоникидзе на улице Осипенко, по окончании работал токарем на военном заводе на шоссе Энтузиастов.

22 июня с товарищами утром хотели поехать за город играть в футбол и услышали по радио выступление товарища Молотова. С началом ВОВ работали на заводе по 12 часов. Вокруг завода, на случай бомбежки, отрыли траншеи. От призыва я имел отсрочку – так называемую «бронь». Во дворе всех мужиков, кому положено, призвали в Красную Армию. Участковый милиционер, домоуправ и дворник обязали и назначили меня старшим команды подростков (Женя Бахарев, Слава Славин, Миша Мотин, Миша Маткин) для тушения на крыше дома – зажигательных бомб. Для этой цели на чердак занесли бочки, наполнили их водой и песком. Выдали нам рукавицы, клещи-захваты, лопаты.

К нашему счастью, наш дом не пострадал, но содрогнулся, когда фугасная бомба ударила по зданию ЦК ВЛКСМ на проезде Серова. Во второй половине июля месяца, работая в ночную смену, повредил правую руку, – получил бюллетень.

Когда прибыл на завод получить получку, начальник цеха товарищ Севастьянов спросил, когда выйду на работу. Я ответил, что повреждена рука, пока работать не могу. В этом случае сообщаем в военкомат, чтобы сняли бронь. Я ответил: - «Снимайте бронь». Через три дня, 8 августа Бауманский РВК вручил мне повестку, и 10 августа призвали в РККА. Провожала меня с нашего дома Демидова Александра – одноклассница. По окончанию ВОВ стала моей женой.

От представленной брони на военном заводе из-за призыва в армию отказался. Впоследствии в октябре 1941 года завод был эвакуирован в город Саратов, об этом я узнал после окончания ВОВ. Товарищи по заводу на фронт не попали.

Дата отправления на фронт начало апреля 1942 года. По пути следования картина была очень неприглядная: всюду валялась разбитая техника, сожженные постройки, вокзалы, развороченные рельсы, воронки – всюду дым, гарь, особенно в районе городов Клина, Калинина. При подъезде к станции Калинин объявили воздушную тревогу, – налетели немецкие самолеты. Из телячьих вагонов мы как лоси бежали и прятались в оврагах. Затем нас собрали в эшелон, и мы начали понимать, что нас ожидает. Но духом не падали, настрой был боевой.

На пересыльном пункте на улице Казакова нас, призывников, построили, строй обходил и осматривал представитель РВК, который обратил на меня внимание и спросил, что с забинтованной правой рукой, как будешь воевать, скоро следуем на фронт. Я растерялся и ответил, не подумав, что как-нибудь повоюем. Как-нибудь, тогда выходи из строя. Как я переживал за эти слова. Закончив обход и осмотр строя представитель РВК велел мне сдать чемодан, он был большой, я взял все свои вещи от жадности, чтобы не пропали) и прибыть на следующий день, но уже в другую команду, которая следовала на восток. Эшелон прибыл в город Челябинск, а затем в Чибаркульские лагеря, где готовили пулеметные роты. Я был назначен первым номером прославленного пулемета «Максима». В сентябре месяце прибыли представители из города Златоуста для набора во вновь формируемое инженерное училище. В октябре начались занятия по 10 часов. По воскресеньям помогали городу: разгружать грузы вагонов, рыть траншеи для водопровода, заготавливать дрова и другие работы. Кормили слабовато, –

всегда хотелось что-нибудь положить на зуб. Но мы были молоды, сильны духом, патриотизмом, нам все было под силу, по плечу.

Боевой путь проходил с апреля 1942 года по май 1945 года в районах: Старая Русса, Лычково, Васильевщина, Рамушево, Залучье, Демьянск.

Освобождал: Демьянск, Залучье в составе Северо-Западного фронта 11 армии в саперных батальонах №1316, №284, №25.

Был на Курской дуге (операция «Кутузов»).

Участвовал в освобождении городов: Мценск в июле 1943 года, Орел 5 августа в составе Брянского фронта, 8-й отдельной штурмовой инженерно-саперной бригады, РГК-командир полковник Артицевский, командир 40-го отдельного штурмового батальона майор Крючков.

Участвовал в операции «Багратион» (1-й Белорусский фронт в период июль 1943-сентябрь 1944 года в составе 3-й и 28-й армий 36-й инженерно-саперной бригады. Комбриг-полковник Антонов В.С., командир 40-го саперного батальона майор Крючков, командир саперной роты старший лейтенант Ломакин М. А.)

Участвовал в освобождении городов: Гомель – 26 сентября 1943 года, Бобруйск – 29 июня 1944 года, Барановичи - 8 июля 1944 года, Брест – 28 июля 1944 года.

Участвовал в освобождении Восточной Пруссии (3-й Белорусский фронт 28-я армия, 36-я инженерно-саперная бригада – командир полковник Антонов В.С., комбат майор Крючков, командир саперной роты старший лейтенант Ломакин М.А.).

В период с 10 апреля по 5 мая 1945 г. в составе Украинского фронта участвовал в Берлинской операции и взятии Берлина.

24 ноября 1941 года был занят немцами Веневский район, моя родина, где остались отец, мать, две сестры, два брата. Я с товарищем по училищу Самсоновым Дмитрием написал командованию рапорт о направлении нас на фронт.

Довоенные фильмы вселили в нашу молодежь небывалый патриотизм. Нам разъяснили – на фронте нужны специалисты-саперы по установке и разминированию минно-взрывных

заграждений, и выполнению подрывных работ, чтобы эффективно бороться с танками, бронемашинами и пехотой противника. Так что готовьтесь, на фронт успеете, не забывайте, что саперы ошибаются один раз. Мой опыт подсказывает, что саперы ошибаются дважды: первый раз, что стал сапером; а второй раз….

Итак, с октября 1941 года по март 1942 года окончил 6-ти месячные курсы Златоустовского военно-инженерного училища.

Военные боевые действия закончил в городе Мельник (Чехословакия) 10 мая 1945 года в составе 36-й Брестско-Берлинской орденов Александра Невского и Красной Звезды инженерно-саперной бригады в звании старшего лейтенанта, в должности командира саперной роты.

Мой товарищ и друг Дмитрий Самсонов освобождал Прибалтику, был ранен, женился на эстонке в Эстонии. Несколько раз раньше приглашал в гости, но как-то на это не хватало времени, все мотались, все устраивались.

Ранен в октябре 1942 года в кисть правой руки от взрыва противопехотной мины при проделывании прохода в минном поле при ликвидации Демьянской группировки.

В августе 1944 года при форсировании реки Нарев в районе города Рожаны получил контузию средней тяжести. Демобилизовался по выслуге лет.

По окончанию ВОВ проходил службу в городе Гродно, в Нахабино. Затем Ленинград – учеба на КУОС, Ростов-Ярославский, Алабино, командировка по линии ГШ в Марокко, затем в Алжир – для разминирования Алжиро-Марокканской границы в течение 1963-1964 годов. С 1964 по 1973 года штаб МВО – инженерное управление.

Апрель 1942 года – лейтенант-командир саперного взвода в составе саперного батальона № 1316, затем 284-го и 25-го отдельных саперных батальонов 11-й армии Северо-Западного фронта под командированием командира саперной роты старшего лейтенанта Халецкого и зам. комбата к-на Гурьянова.

В саперном взводе воевали бывалые воины: сержант Дурнев, сержант Емельянов, рядовой Примак (все были призваны из Ульяновки). В годы гражданской войны, по их рассказам, они воевали в Гапальской 25-й дивизии. Особенно с лихостью и гордостью вел рассказ рядовой Примак, имея на

лице шрам (отметину), участвовал в конной атаке. У старшего сержанта Дурнева, бывшего конника, были отрублены два пальца на левой руке.

Демобилизован по выслуге лет 28 октября 1973 года со штаба МВО. С 1973 по 1990 года продолжил работать служащим в отделе туризма при штабе МВО, помощником начальника разведки округа по информации. С 1992 года пенсионер, инвалид ВОВ 2-ой группы.

Награжден:

- орденом Красного Знамени (№707405);
- орденом Красной Звезды (№136823. В сентябре 1942 года, при отходе под огнем противника взорвали мост через реку Зорзика в районе д. Васильевщина, Северо-Ззападный фронт);
- орденом Красной Звезды (№676160. В июле 1943 года, за пропуск войск через минно-взрывные заграждения в направлении города Мценск, Брянский фронт);
- орденом Красного Знамени (№208291. Десантом на танках при подходе к реке Днепр в направлении старой или новый Быхов – ворвались в траншею протвникака и захватили пленного, 8 лошадей и 2 повозки с боеприпасами. Июль-август 1944 года, 1-й Белорусский фронт);
- орденом Красной Звезды (№981784. Сентябрь-ноябрь 1944 года, обеспечение действий разведчиков по захвату языка, Восточная Пруссия, 3 Белорусский фронт);
- орденом Красного Знамени (№565444 в мае 1964 года. Указом Президиума СССР за выполнение правительственного задания в Алжире);
- орденом Красной Звезды (№3448867 – за выслугу лет);
- орденом Отечественной войны 1 ст. (№1500416 от 11 марта 1985 года);
- медалью «За боевые заслуги» (без номера, сентябрь 1945 года);
- знаком «Воин-интернационалист» (без номера, июнь 1964 года);
- медалью «За штурм и взятие Берлина» (№403001 – 9 мая 1966 года);
- медалью «За взятие Кенигсберга» (№009547 – 20 октября 1945 года);

- 16-ю другими юбилейными медалями.

В войне погибли:

Муж двоюродной моей сестры капитан, Герой Советского Союза Клепиков Николай Федорович, родился 5 мая 1919 года. Призван в Москве. Погиб 5 сентября 1943 года на Кубани. Сделал 600 боевых вылетов, летчик-истребитель погиб в воздушном бою (был сбит).

Его брат Клепиков Михаил Федорович, родился 15 ноября 1921 года. Призван райвоенкоматом города Москвы. Лейтенант, летчик-бомбардировщик - погиб в воздушном бою в августе 1943 года, в Калужской области (был сбит).

Демидов Георгий Афанасьевич, брат моей жены, родился в 1920 году в Тульской области Епифанского района. Призван в Москве в 1940 году. Служил в Амурской флотилии. В 1943 году направлен на Юго-Западный фронт старшиной отдельной разведывательной роты 127-й гвардейской стрелковой дивизии. При захвате языка погиб в сентябре 1943 года в районе станции Барвенково. Есть похоронная. Похоронен в Харьковской области.

Мотин Михаил Васильевич, мой двоюродный брат, 1924 года рождения. Призван военкоматом города Москвы в 1942 году. Матросом служил в Амурской флотилии. В 1944 году направлен на Ленинградский фронт в полковую разведку. Погиб в Прибалтике. От ранения умер в медсанбате.

Рядовой Бахарев Евгений Александрович – друг. Погиб в Польше – есть похоронка.

На всех погибших есть подробные данные в книге Памяти.

Остался жив брат мой, Ломакин Александр Алексеевич, 1926 года рождения – Тульская область, Веневский район, деревня Борозденки. Призван в октябре 1943 года. Служил рядовым радиотелефонистом в Дальневосточном округе. В войне с Японией в августе 1945 года участвовал в составе 486-го стрелкового полка 355-й СД десантом, высаживались и вели боевые действия на Южном Сахалине, затем на островах Итурун-Шикотан, где прослужил до 1952 года.

Публикации в газетах и журналах:

- Полковник А. Сгибнев, специальный корреспондент «Красной Звезды» – статьи «Алжир в пути» от 7 июля 1964 года; «Слышатся взрывы» от 12 июля 1964 года, «Подвиг и

память» от 30 мая 1984 года. Статьи о выполнении интернационального долга в течение двух лет по разминированию Алжиро-Мароканской и Алжиро-Тунинской границ в период 1963-1964 годах;

- статья из книги «История Московского военного округа» выпуска 1970 года. О работе саперов округа в Алжире;

- статья из газеты «Подмосковные Известия» от 6 декабря 2000 года. «А позади была Москва». Авторы Елена Павлова, Игорь Рыбкин;

- поздравления от директора Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой».

В мае 1942 года в районе деревень Васильевщина, Зорянка, Лыково Северо-Западном фронте взвод выполнял задачу:

- привести в действие;

- взорвать на непростреливаемых участках, ранее установленные шесть камнеметов (в каждом было по 2 кубометра камней - вот какие были заграждения);

- привести в готовность №1 минное поле, и взорвать брод через речку Зорянка. Наступают немцы, никакой команды нет. Сержант Добот (родом из Молдавии) и с ним 6 солдат взрывают камнеметы и ведут огонь из винтовок. На немцев посыпался град булыжников и камней. Немцы, не ожидая такого, отступили, имея потери. Атака перед второй позицией была отбита.

В июне месяце, в том же районе, при отходе пехоты на другой рубеж обороны, взводу приказано заминировать пути отхода. Выделили автомашину ГАЗ-51, быстро погрузили ПТ и ПП мины, средства взрыва. В это время подъехал, одетый в комбинезон, начальник (офицер или генерал) и потребовал немедленно подорвать мост через речку Зорянка. Кто будет выполнять. Заместитель комбата капитан Гурьянов представил меня.

Вид у меня был замученный. Начальник схватил меня за грудки и резко потребовал: «Во чтобы то ни стало мост взорвать, чтобы задержать наступление танков. Взорвешь мост - готовь дырку на гимнастерке, не взорвешь, не возвращайся. Быстро, вперед, время не ждет».

Спешим. Из леса медленно показываются бронемашины, видимо разведка. Надо успеть быстрей к мосту. А бывалый

старший сержант Дурнев с солдатами уже изготовили разной длины зажигательные трубки (шнур горит 1 сантиметр в секунду), чтобы саперы успели отойти в безопасное место.

Мост взорвали вместе с машинами. Немцы подъехали к взорванному мосту, из машин пока не выходили, наблюдали, что случилось, а когда вышли мы открыли по ним огонь, против этого резко выступал старший сержант Дурнев (не надо открывать огонь - нас из пулеметов они могут прикончить). Все-таки немцев мы загнали в машины и стали быстро отходить по указанному маршруту.

Наступление немцев задержали. Прибыв в свою часть, я с гордостью хотел доложить заместителю комбата о выполнении задания, который спросил: «Люди целы, где машина?» Машина взорвана вместе с мостом.

Спасибо, вместо похвалы, еще что-то высказал зампотех в мой адрес. Но первый орден Красной Звезды №1346823, который обещал мне тот начальник, я получил.

После ранения с 1942 года попал на формировку. В лесу между станциями Бутово-Щербинка формировалась 8-я отдельная штурмовая инженерно-саперная бригада РГК.

Если под Старой Руссой мы имели только винтовки и ограниченное количество патронов, то здесь всех вооружили автоматами ППШ, в каждом отделении был пулемет Дегтярева (так называемый «блин») и во взводе ПТ ружье Дегтярева. Личному составу выдали панцири (весом 4,2 и 3,8 килограмм) ПТ и ПП гранаты. Занимались по 10 часов. Готовились усиленно для участия в составе штурмовых групп, а кормили по 3-й норме (конины, как на СЗ фронте здесь не было). Еще давали таблетки, чтобы не ходили к женщинам, но они на нас не действовали.

В конце июня 1943 года ночью наш 40-й штурмовой инженерно-саперный батальон подняли по тревоге, погрузили в эшелон, который прибыл на станцию Чернь Тульской области. Затем на ЗИС-5 наша 1-я рота (командир капитан Афанасьев), прибыла в район деревни Малые Вяжи на реку Зуша. Посадили десантом на танки по 4-5 человек с ВВ, СВ и миноискателями с задачей обеспечения наступления танков: вести разведку минно-взрывных заграждений, бродов на ручьях и притоках реки Зуша. Немецкие самолеты непрерывно бомбили, танкисты и саперы несли потери.

Но город Мценск 20 июля 1943 года был освобожден. С выходом на рубеж Малое Измайлово наступление замедлилось. Стояла сильная жара – все пропотели с полной выкладкой, хотелось пить и хотя бы ночью умыться, но воды не было. А в нейтральной полосе ближе к немцам оказался колодец, которым пользовались немцы, а наша пехота, идя за водой, имела потери.

Возникла идея отучить немцев безнаказанно пользоваться колодцем. С ПП минами в вещмешках, пригнувшись, спешим по нейтральной полосе прибыть к колодцу. Ночь короткая, да и светлая, а работа - опасная. Времени мало. Перед колодцем журчит по камушкам небольшой ручеек. Пока все тихо. Залегли, прислушались, огляделись, подошли и окружили колодец - ждали немцев, хотели взять в плен. Выжидать их появления не было времени – приближается рассвет.

Саперы заминировали подходы к колодцу со стороны немцев, и вдруг прогремели несколько пулеметных выстрелов, от которых погиб отличный, смелый и физически сильный рядовой Кукушкин родом из Мордовии. Положили его на плащ палатку для отправки в тыл. Саперы залегли цепью и длинными очередями из ППШ мстили за погибшего. Результат, наверное, был. Ночью можно было безопасно подойти и набрать, хотя бы попить водички, утолить от жары и пыли дневную жажду.

В Белорусской операции 40-й инженерно-саперный батальон уже в составе 36-й инженерно-саперный бригады обеспечивал наступление 128-го стрелкового корпуса на Барановическом направлении. В стрелковой дивизии (не помню 130 или 50) готовили дивизионную разведку по захвату языка. Командиром батальона уже майором Крючковым было приказано обеспечить пропуск и возвращение разведчиков через заграждения. Разведчики наблюдением определили время, направление и место в траншеи, где безопаснее захватить языка. Таким направлением и местом оказалось, где были установлены заграждения, что снижало бдительность обороняющихся и создавало лучшие условия для захвата языка. Саперы и разведчики встретились в нашей первой траншеи решили все вопросы обеспечения на местности.

Помнится шел дождичек, ветер в нашу сторону, местность освещается ракетами. Иногда строчат пулеметные очереди. Саперы преодолели нейтральную полосу. Подползли к

проволочным заграждениям. Старший сержант Кишкин проверил – сигнализации на проволоке нет. Саперы умеючи, чтобы не скрипела проволока, разрезают ее, делают проход для разведчиков. Ползут дальше, за проволочным забором разминировали несколько ПТ мин, ПП - мин не оказалось.

Старший сержант Кишкин саперным карманным фонарем – синим цветом, дает сигнал, что разведчикам можно двигаться по проходам. Саперы пропускают группу захвата – 5 человек. Затем группу поддержки – 7 человек. За последним разведчиком, за пояс, цепляется саперная лента, по которой они должны возвращаться и попасть в проход. Саперы отделения капитана Мишина окопались около прохода, ведут наблюдение в готовности поддержать и обеспечить возвращение разведчиков. Разведчики в траншее схватили немца и стали возвращаться. На участке поиска началась суматоха, поднялась стрельба, засветили ракеты. Наши артиллеристы по команде дали несколько выстрелов, видимо загнали немцев в укрытие, не позволив вести огонь по разведывательной группе. Послышался шорох движения возвращающихся, грязных и мокрых разведчиков, которые волокут связанного языка. Саперы встречают и пропускают разведчиков через проход. Для обеспечения отхода, проход заминировали.

В нашей траншее, соблюдая маскировку – закурили. Рассказали вкратце о захвате языка. Немец в своей траншее дремал, поэтому все так удачно без потерь произошло. Сержант Шиндер придумал поговорку: все в грязи, и в попке ветка - впереди ползет разведка.

Вспоминается, что не было такого задания, когда приходилось во всем лично участвовать и отвечать за все командиру взвода, поэтому и награждали нас быстро только, в основном орденами, Красной Звезды.

В июле 1944 года 36-я инженерно-саперная бригада обеспечивала наступление 28-й армии вдоль автострады Кобрин-Брест.

Противник при отступлении заминировал автостраду, особенно перекрестки дорог ПТ минами и устройством на обочине различных сюрпризов с оттяжками, а иногда за неимением времени просто ломал асфальт и закапывал различные металлические предметы, вводя в заблуждение саперов.

3-я саперная рота имела задачу на удалении ружейно-пулеметного огня – это в пределах 2 километров от противника, проверить, разминировать и обозначить указками безопасное движение. Днем движения по дорогам не было. Немцы систематически на бреющем полете вели обстрел дороги. В это время по команде «воздух» саперы – как лоси быстро уходили в лес или кустарник на безопасное расстояние. Затем работы продолжались. Разведку и разминирование вели перекатами повзводно. Командиры взводов лейтенант Козлов, младший лейтенант Гузанов, старший сержант Шиндер к вечеру обеспечили движение по автостраде – подвоз боеприпасов, ГСМ, пополнения, эвакуация раненых. Все происходило только ночью.

Вот миноискатель подает звук на наличие металла. Саперы осторожно снимают грунт и асфальт – это ПТ мины, которые имеет три взрывателя – головной, боковой и донный. Головные взрыватели извлекают - это не опасно. Затем кошкой со шнуром 25 метров стаскивают мину, – происходит взрыв и образуется воронка в два метра. А сколько обезврежено было сюрпризов на обочине дороги – это расчески, ручки, простые часы, кошельки. Все это привело бы к несчастным случаям.

К вечеру мы с головным взводом подошли к окраине города Брест, где у сарая заметили двух гражданских, позвали их и спросили, где немцы, они ответили, толком не знаем. Но в районе деревни Жечище через реку Западной Буг – наведен понтонный мост. Об этом я доложил по радиостанции комбату майору Крючкову, комбат командиру 36-й бригады. Мне сказали гражданских не отпускать. Прибудет комбриг с разведывательной роты, чтобы гражданские указали место моста.

Разведчики на немецких мотоциклах и в немецкой форме (в роте было 7 немцев, работали на нас) сняли с моста охрану. Мост завели по течению на тот берег и заняли там оборону. К мосту подошел и наш 40-й ИСБ. Заняли круговую оборону. К рассвету начали подходить отступающие части, по которым в воздух был открыт ружейно-пулеметный огонь. Немцы этого не ожидали. После нашей стрельбы и призывов сдаться, немцы стали сдаваться. Было взято в плен около 300 человек. За эту операцию комбриг полковник Антонов был награжден орденом Кутузова 2 степени.

В начале сентября 1944 года наши войска вышли на восточный берег реки Нарев в районе севернее Рожана. Стал вопрос о захвате плацдарма на ее правом берегу, ширина реки около 70 метров. После проведенной разведки началась подготовка саперов, расчетов гребцов и рулевых на лодках ДСЛ грузоподъемностью до 3-х тонн. Три лодки ДСЛ на повозках ночью подвезли, а затем были поднесены и размещены, замаскированы в огороде, где росла картошка. Впереди оборонялась наша пехота, из которой были определены расчеты на первый и второй рейсы десантной переправы. Второй взвод младшего лейтенанта по имени Степан, фамилию не помню – сибиряк, был справа, на прощание мне сказал: «Настроение у меня плохое, предчувствие тоже. В случае чего отошли мои вещи в Сибирь на родину». Предчувствие его оправдалось. При обстреле его не стало – погиб прямо у реки.

Впечатление. Ранним рассветом, тишина, восходит яркое солнце, река спокойна, где-то порхнула птичка. Время идет медленно, что нас ждет? И вот началась наша артподготовка. Затем заходы наших штурмовиков ИЛ. Все ранее спокойное утро оказалось в дыму, пыли, грохоте снарядов. Команда: лодки на воду, расчеты в лодки, вперед - на тот берег. Гребцы-саперы усиленно работают веслами, рулевые выдерживают направление, расчеты ведут огонь.

Первый рейс прошел удачно – пехота на берегу ведет бой. Только вернулись за вторым рейсом, – немцы очухались, открыли ответный огонь. Начались потери.

Я получил контузию от взрыва снаряда. Лежал в медсанбате, кружилась голова, тошнило, хотелось все время пить, много с грязным лицом спал на раскладушке под кустом. По пути в медсанбат находился сарай с сеном – там были наши раненые. Сарай от взрыва снаряда загорелся, – многие обгорели.

После лечения я вернулся в свою 36-ю бригаду уже в Восточную Пруссию, – где было тоже несладко. Бои были ожесточенные. В приграничной зоне в районе города Эдкунен саперы проделали большую работу по разминированию границы и проделыванию проходов для танков и пехоты.

В конце апреля 20-й стрелковый корпус 28-й армии вел бои в южной части Берлина. Танкисты не смогли наступать в центре Берлина – улица была завалена, разрушена, перекрыта

для движения. Танкисты решили двигаться по скверу, который был заминирован. Комбат майор Крючков ставит задачу по карте - разминировать сквер.

Ориентироваться в городе было сложно, дым, гарь, разбитые улицы. 12 саперов я положил лежа в кузов «студебеккера», чтобы не было заметно солдат-саперов, чтобы не обстреляли. Поехали – стал сомневаться, правильно ли мы едем, не заблудиться бы – задание ответственное.

У одного дома заметили женщин. Со мной в кабине ехал рядовой Фалевич родом из Белоруссии из города Слуцк, имел 10 классов образования, был все время в оккупации и знал неплохо немецкий язык. Я его направил, чтобы уточнить, правильно ли мы следуем.

Женщины сказали, что неправильно. Я не поверил – едем дальше, встретили пожилого немца, которого разместили на подножке кабины и крепко предупредили, чтобы он точно сопровождал нас к этому бульвару. Прибыли правильно. Танкисты торопят саперов: «Быстрей снимайте ПТ мины. Время не ждет». Сняли штук 20-30 ПТ мин, и танки двинулись по бульвару. Мы поблагодарили немца. Комбат ждал нашего возвращения и переживал, – все-таки виден конец войны – всем хотелось остаться живым и здоровым.

Вот и кончилась для меня и для моих боевых товарищей длинная фронтовая дорога. Но с разминированием я не расставался до конца 1973 года. В сентябре 1962 года Алжирское правительство обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать помощь в разминировании Алжиро-Марокканской и Алжиро-Тунисской границы. Это для Алжира проблема номер один. Гибнут люди, с которыми подрывается транспорт, не используются пахотные земли. Посольства нашего в Алжире не было, и дипломатические отношения еще не установлены. В начале - Марокко, а затем в Алжир направляются 10 офицеров инженерных войск и два переводчика – как разведчики заграждений. Затем прибыли саперы, техника, ВВ, СВ и все необходимое для разминирования. В течение двух лет в непривычном для нас климате, при жаре 50-60 градусов личный состав успешно выполнил это правительственное задание, проявил при этом знание своего дела, выдержку и выносливость.

По прибытии из Алжира из списков части я был исключен. В 10 Управлении ГШ спросили, куда меня направить служить. Я ответил - на север, чем дальше, тем лучше – там, где нет минно-взрывных заграждений. Но направили в инженерное Управление МВО, где с 1964 по 1973 год занимался разминированием территории бывших военных действий в областях: Тульской, Орловской, Курской, Белгородской, Воронежской, Калужской, Калининской, Московской и особенно Смоленской.

Для этих целей привлекались все инженерные части округа и саперы из запаса. Всего на разминировании задействовано до 1500 человек в две очереди. С правительственным заданием справились, больших нарушений и ЧП не было.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Пахомова Елена Сергеевна**, студентка 2-го курса Профессионального училища №5 города Москвы*

Максименко Алексей Афанасьевич

Пробегая по летному полю немецкого аэродрома и «перепрыгивая» через самолеты противника

Я родился 15 февраля 1923 года в с. Шеверцы Мглинского р-на Брянской обл. Русский. Православный. Состоял в комсомоле с 1939 по 1943 г. Состоял в КПСС с 1943 по 1993 г.

До войны окончил 10 классов средней школы №612 г. Москвы в 1940 г., в 1940 г. - аэроклуб Свердловского р-на г. Москвы; в 1941 г. - Балашовское авиационное училище летчиков; в 1953 г. - Краснознаменную военно-воздушную академию (командный факультет).

О начале войны узнал 22 июня 1941 г. в г. Куйбышеве (Самаре) по пути к месту службы (г.Бугуруслан) после окончания училища в должности летчика- инструктора, в звании сержанта).

Начал действовать в боевых действиях с 22 июня 1941 г. по 7 ноября 1941 г. как летчик-инструктор Бугурусланской школы пилотов первоначального обучения.

В г. Бугуруслан начал формироваться авиационный бомбардировочный полк на самолетах У-2. После 5 рапортов я был зачислен в этот полк в качестве летчика.

С 7 ноября по февраль 1942 г. проходил программу подготовки для боевых действий в ночных условиях.

8 марта 1942 г. я в составе авиационного полка (полк еще не имел номера, а именовался полк «литер А») убыл на фронт в

должности летчика авиационного полка под командованием майора Якова Васильевича Полищука.

Маршрут полета на фронт был следующим: Бугуруслан – Сызрань – Кузнецк - Пенза – Ундол – Крюково - Елец (июнь 1942 г.).

С 6 июля 1942 г. в составе 640-го бомбардировочного авиационного полка ночных бомбардировщиков (640 АПНБ) я начал выполнять боевые действия на Брянском фронте днем и ночью.

За период с 6.07 1942 г. по 5.07.1943 г. я совершил 218 боевых вылетов, из них - 139 днем и 79 ночью.

5 июля 1943 г. началась Курская битва, в течение которой я совершил 96 боевых вылетов, из них 47 - днем и 49 - ночью.

Таким образом, за период с 6 июля 1942 г. по 18 августа 1943 г. я совершил на Брянском фронте всего 314 боевых вылетов, из них днем - 186, а ночью - 128.

Боевые действия днем осуществлялись с грунтовых аэродромов, удаленных от линии фронта от 15 до 30 км, а ночные боевые вылеты производились с, так называемых, аэродромов «подскока», на которые полк перебазировался с начала сумерек с последующим перебазированием «с рассветом» на основной аэродром базирования.

Бомбардировочные удары наносились по войскам противника в районах сосредоточения, по аэродромам, железнодорожным узлам и станциям, по ж/д мостам. Выполнялись такие полеты на разведку войск противника днем и ночью, а также производились полеты в районы действия партизан.

В конце сентября 1943 года 640-й БАП перебазировался в тыл: вначале на аэродром Егорьевск, а затем, в мае, на аэродром Ярославль, где полк начал переучивание на самолеты американского производства «Дуглас» (их называли еще «Бостон») с двумя моторами воздушного охлаждения фирмы «Райт-Циклон».

В июне 1943 г. мне было присвоено первое офицерское звание - младший лейтенант. Я был назначен на должность командира авиационного звена.

Переучивание на самолеты «Бостон» осуществлялось на аэродромах Ярославля и Костромы в период с 10 мая 1944 г. по 13 декабря 1944 г. В этот период отрабатывались техника

пилотирования, полеты в боевом порядке звена, авиационной эскадрильи с выполнением бомбометания на полигоне и выполнением воздушных стрельб «по конусу», буксируемому другим самолетом в зоне воздушных стрельб.

14 декабря 1944 года 640-й БАП с аэродрома Ярославль убыл на 2-й Белорусский фронт в составе 327-й бомбардировочной авиационной дивизии, которой командовал полковник Пушкарев. Полк перебазировался на аэродром Боровское (под Смоленском), а 18 декабря перелетел на аэродром Белосток (Польша), с которого начал с 5 января 1945 г. вести боевые действия в составе 4-й Воздушной армии под командованием генерал-полковника Вершинина.

За период с 5 января по 4 мая 1945 г. совершил 66 боевых вылетов на бомбометание войск противника, аэродромов, ж/д узлов, морских портов и других объектов на территории Польши и Германии.

Бомбовые удары наносились по городам: Бреслау, Данциг, Гдыня, Хель, Пилау, Кенигсберг, Алленштейн, Лыкк, Хохенштайн, Млава, Пренцлау, Пазевальк, Штетин, Свинемюнде.

Боевые действия велись с аэродромов Белосток (январь 1945 г.), Говорово (февраль 1945 г.), Торн (март 1945 г.). Меркиш-Фридланд (апрель-май 1955 г.). Всего я совершил 380 боевых вылетов, из которых 128 ночью.

Боевые действия я закончил в мае 1945 года на территории Германии (аэродром Меркиш-Фридланд в Восточной Померании) в составе 640-го Млавского ордена Суворова III степени бомбардировочного авиационного полка (640-й БАП) 327-й Гданьской Краснознаменной бомбардировочной авиационной дивизии 5-го Люблинского Краснознаменного бомбардировочного авиационного корпуса под командованием генерал- майора Борисенко 4-й Воздушной армии генерал-полковника Вершинина.

Войну я закончил в должности командира авиационной эскадрильи в звании старшего лейтенанта 640-го БАП под командованием полковника Я.В. Полищука.

За образцовое выполнение боевых заданий командования я был награжден орденами: Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды; медалями: «За победу над Германией в войне 1941-45 гг.», «За

взятие Кенигсберга», Польской Народной Республики, «За Одер, Нейе и Балтику».

От имени своего полка и дивизии я был удостоен высокой чести участвовать на Параде Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве в составе авиационного батальона сводного полка 2-го Белорусского фронта.

В конце мая 1945 г. 640-й БАП перебазировался на аэродром Кшесин (Познань) Польской Народной Республики, где переучился и был перевооружен на отечественные самолеты ТУ-2.

17 июля 1946 г. 640 БАП перебазировался с аэродрома Кшесин на аэродром Староконстантинов (Каменец-Подольской обл. Украины). В сентябре 1945 года я был назначен на должность командира авиационной эскадрильи.

В течение 1947 года обучался на высших оперативно-тактических курсах ВВС, а в 1947-48 гг. проходил службу в 640-м БАП в должности командира эскадрильи.

В июне 1949 года я был командирован на учебу в Военно-воздушную академию, которую окончил в мае 1953 года.

После окончания академии я был списан с летной работы по состоянию здоровья и работал на научной и педагогической работе в должности преподавателя, старшего преподавателя, начальника кафедры, зам. начальника учебного отдела академии (Монино Моск. обл.).

В 1978 г. был награжден орденом «За службу Отечеству III степени».

С воинской службы я был уволен в воинском звании полковник по возрасту в 1978 году.

В 1980 году переехал в Москву, где работал в НИИ автомобильного транспорта научным сотрудником в течение 9 лет с 1981 по 1990 гг..

С июня 1990 по 30 января 2004 г. я трудился на педагогической и научной работе в Институте, а затем в Академии повышения квалификации строительного комплекса Российской Федерации в должностях научного сотрудника, начальника отдела, помощника ректора. В течение последних 8 лет я работал в должности проректора по учебной и методической работе.

30 января 2004 года в возрасте 81 года я уволился по собственному желанию.

Я считаю, что и сейчас, спустя 60 лет после окончания войны, в памяти не угасают события тех лет, события, происходившие как на земле, так и в воздухе.

Каждый боевой полет - это дуэль экипажа (если это происходило ночью) с зенитными средствами противника в течение всего полета, который проходил над территорией врага.

Особенно опасным участком боевого полета являлся полет в районе «цели», прикрытой, как правило, большим количеством зенитных средств, способных поражать воздушные цели на всех высотах полета. Особенно велика была опасность быть сбитым или подбитым над целью. Это обусловлено тем, что в течение 30-50 секунд (иногда до 1,5 минуты) экипаж бомбардировщика должен выполнять полет по идеальной прямой, т.е. находиться «на боевом курсе». Штурман в это время выполняет прицеливание с тем, чтобы бомбы попали точно в цель. И это обстоятельство создает благоприятные условия для эффективного прицеливания наземных средств ПВО по самолету-бомбардировщику, т.к. он лишен права маневрировать по курсу и высоте в момент нахождения на боевом курсе.

Иначе говоря, или, как говорят в авиации, экипаж бомбардировщика на боевом курсе должен «стоять насмерть», и никакая сила не может свернуть его с данного пути в данный период полета.

Особая сложность нанесения бомбардировочного удара ночью была обусловлена еще и наличием прожекторов, находящихся в системе ПВО крупных и особо важных объектов противника (ж/д узлов, аэродромов, военно-морских баз и портов, крупных административных и военно-промышленных центров), которые освещали самолеты-бомбардировщики и тем самым облегчали (по лучу) их прицельное поражение.

Выполнение боевого полета днем, особенно в простых метеорологических условиях, осложнялось тем, что самолетам или группам бомбардировщиков приходилось преодолевать противодействие не столько зенитных средств противника, сколько вести воздушный бой с его истребителями.

Указанные выше условия для выполнения боевого полета бомбардировщика в составе экипажа или группы, требовали

особых качеств от всех членов экипажа на всех этапах боевого полета, а также знания противника.

Все летчики, штурманы, воздушные стрелки, стрелки-радисты 640-го полка обладали высокими боевыми и психологическими качествами и доказывали это своими боевыми делами.

Я привожу два эпизода (а их было сотни!), которые раскрывают качества сослуживцев.

Первый эпизод связан с выполнением задания в районе Орла.

7 мая была поставлена боевая задача перед 640 БАП - нанести бомбардировочный удар по скоплению ж/д эшелонов с войсками и боевой техникой на железнодорожной станции г. Орла ночью.

Нам, в составе экипажа (командир Максименко, штурман Николенко) была поставлена задача: следуя впереди всех экипажей выйти на цель и осветить цель серией светящихся бомб (САБ). Тем самым должны были быть обеспечены условия для выполнения прицельного удара следующих вслед экипажей полка, действующих на самолетах У-2.

После сбрасывания САБ, находясь в лучах прожекторов, экипаж попал в “спутную струю” экипажа тяжелого бомбардировщика, наносящего удар по данной цели. В результате этого самолет перевернуло, он потерял в какой-то момент управляемость и оказался в перевернутом штопоре.

Самолет, находясь в лучах прожекторов и под обстрелом зенитных средств, быстро потерял высоту.

Высота нанесения удара была небольшой, и из такого сложного положения, находясь в лучах прожекторов, трудно было вывести самолет в режим горизонтального полета. Самолет удалось вывести из перевернутого штопора на высоте 10-15 метров буквально над самым аэродромом противника, на котором шли полеты немцев на самолетах «Юнкерс-88».

Самолет продолжал снижаться прямо на аэродром, попытка вывести мотор на полную мощность и набрать скорость не получилась, так как мотор работал с перебоями. Пришлось, пробегая по летному полю немецкого аэродрома и «перепрыгивая» через самолеты противника, делать попытку запустить мотор. Нам все-таки удалось набрать скорость, пробегая по летному полю, оторваться от земли и, поднявшись

на нужную высоту, выйти из зоны огня. И уже тогда самолет продолжил полет на свой аэродром.

Полет продолжался на малой скорости, так как мотор был поврежден и работал с перебоями. Экипажу пришлось вынужденно садиться в поле, едва перелетев через линию фронта на свою территорию.

Штурман осветил место посадки выстрелом из ракетницы. Самолет был весь в дырах - механик насчитал около 360 повреждений. Но самое важное было то, что экипаж остался жив и невредим. Этот полет был самым критическим в моей боевой биографии, поэтому он остался в моей памяти во всех подробностях.

Второй эпизод, особенно ярко отложившийся в памяти, произошел на территории Польши.

Это случилось 19 апреля 1945 года при нанесении удара 640-м БАП, действовавшего уже на самолетах «Бостон» («Дуглас» А-20 G) в составе дивизии, по аэродрому Олива (около Данцига). Удар наносился под прикрытием трех истребительных авиационных полков.

64-й БАП следовал головным в колонне дивизии под командованием подполковника Полищука (командир полка). Штурманом был капитан Коваленко.

В этом полете принимали участие всего около 200 самолетов одновременно (три бомбардировочных авиационных полка и три истребительных авиационных полка). Истребительные полки прикрывали действия 327-й бомбардировочной авиационной дивизии.

В этом боевом вылете проявил героизм и погиб, до конца выполнив свой священный долг, командир авиационного звена 640 БАП лейтенант Анатолий Родионов.

Огнем зениток был поврежден, а потом загорелся один из двигателей самолета А. Родионова. Летчик был тяжело ранен в голову и потерял зрение. На горящем самолете, теряя высоту, он выполнил бомбардировку цели по команде штурмана – ст. лейтенанта Сергея Моисеева и стал со снижением уходить на свою территорию. Стрелок был также ранен. По команде штурмана раненый лейтенант перелетел линию фронта и дал команду штурману - покинуть самолет на парашюте. Сам лейтенант Родионов остался в кабине самолета. Самолет упал

на землю и разбился - это произошло уже на своей территории. Анатолий Родионов был похоронен на месте гибели.

В этом боевом полете прямым попаданием зенитного огня был сбит экипаж лейтенанта Сергея Смирнова – летчика 640 БАП. Летчик Смирнов очнулся в воздухе, раскрыл парашют и оказался на земле прямо на площади города Данциг.

Он был взят в плен и после длительных мытарств оказался в лагере Маутхаузен. В этом лагере сжигали пленных, и Смирнов оказался первым на очереди в печь. Но в тот момент на территорию лагеря ворвались американские войска, и летчик вместе с остальными пленными был спасен.

В то время мой 640-й БАП базировался на аэродроме Кшесины (р-н Познань). Летчик Смирнов после освобождения возвращался в поезде и увидел знакомых товарищей (недалеко от места базирования проходила железная дорога). Он поведал сослуживцам обо всем, что с ним случилось.

Многие летчики и штурманы были награждены орденами и медалями, а подполковник Зеленхин, зам. командира истребительного авиационного полка – орденом Суворова III степени. Он руководил воздушным боем в этом боевом полете, в котором было сбито 27 истребителей противника. Наши потери составили 3 самолета- бомбардировщика и 1 самолет-истребитель.

Март 2003 года.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Силкин Захар Сергеевич,** курсант 4-го курса строительного факультета и кафедры военного обучения Московского государственного университета природообустройства*

Малкин Василий Максимович

Гитлеровцы прорвались к Солнечногорску

Я родился 7 марта 1914 года в селе Большие Поляны, Ардатовского района, Симбирской губернии. Русский. Атеист. Член КПСС.

В 1930 году я окончил 7 классов Школы крестьянской молодежи.

В августе 1938 окончил рабфак при Казахстанском горно-металлургическом институте в Алма-Ате. В 1941 году окончил 3 курса Казахстанского горно-металлургического института, был переведен на 4-й курс, но учебу не продолжил из-за начала войны.

О войне узнал 22 июня 1941 года на руднике Сокольники, что в городе Ридер (Казахстан). В это время я находился на студенческой практике. Известие о начале войны получил находясь на отдыхе в горах, со своими друзьями.

В армию я ушел 18 июля 1941 года добровольцем (на военном учете не состоял по причине близорукости). Службу начинал в звании рядового на должности старшего телефониста во взводе связи 3-го батальона 1077-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В. Панфилова. Через 1,5 месяца я был произведен в политруки. Соединение формировалось в городе Алма-Ате. 31 июля 1941 года принял военную присягу. Эшелоны с дивизией были отправлены на фронт 18 августа 1941 года.

Боевой путь проходил через: город Солнечногорск (зима 1941), город Волоколамск (зима 1941), город Истра (зима 1941), город Горький (апрель 1942), город Аткарск (ноябрь 1942) (проходил курсы зам. командиров по политчасти), станица Крымская (март - май 1943), полуостров Тамань (сентябрь – октябрь 1943), город Керчь (апрель 1944), город Феодосия (апрель 1944), город Судак (апрель 1944), город Каленов (Словакия) (21 сентября 1944), река Одер (30 апреля 1945), города Домштадт, Гибау, Доланы, Оломоуц (Чехословакия) (5-7 мая 1945).

Военные боевые действия я закончил в селе Бездеков под Прагой 12 мая 1945 в составе 327-го гвардейского горнострелкового полка 128-й гвардейской горнострелковой дивизии 4-го Украинского фронта на должности зам. политчасти в звании майора.

Возвращался с войны через город Лослау (июнь 1945), город Каленов (июнь 1945), город Боров (июнь 1945), город Габуре (июнь 1945), село Тибава (19 июля 1945), город Ужгород (20 июля 1945).

Из армии не демобилизовался.

4 мая 1943 года освобождал станицу Крымская в составе 696-го стрелкового полка (командир подполковник Кельбас) 383-й стрелковой дивизии (командир генерал-майор Горбачев) 16-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор Провалов) 56-й армии под командованием генерал-лейтенанта А.А. Гречко.

11 апреля 1944 года освобождал город Керчь, а 9 мая 1944 года город Севастополь в составе того же соединения.

21 сентября 1944 года освобождал город Каленов (Словакия), а 1 мая 1945 года освобождал город Моравска-Острава (Чехословакия) в составе 327-го гвардейского горнострелкового полка 128-й гвардейской горнострелковой дивизии 4-го Украинского фронта, под командованием генерала армии А.И. Еременко.

Особенно запомнившийся эпизод войны - бои под Солнечногорском в ноябре 1941 года. Случилось это в конце ноября 1941 года: гитлеровцы прорвались к Солнечногорску и вышли на Ленинградское шоссе, ведущее на Москву. На шоссе наших войск почти не было, и Москва оказалась на острие вражеского удара. В этой обстановке Сталин и Жуков

немедленно выбросили южнее Солнечногорска заслон в составе полка Панфиловской дивизии и конной группы генерала Доватора, с задачей – задержать врага, выиграть время, вывести к Солнечногорску две резервные армии и сорвать вражеский удар по Москве из-под Солнечногорска. Заслон эту задачу успешно решил, две армии вышли к Солнечногорску, немцев заставили отступить. Подробнее об этом эпизоде войны рассказано в моем очерке «Как был сорван вражеский удар от Солнечногорска в сторону Москвы».

Награжден:

- орденом Красной Звезды (№253512. Приказ войскам 56-й армии Северо-Кавказского фронта №0140/Н от 10.11.1943. Награжден за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявление при этом доблести и мужества. Я был награжден этим орденом за победное завершение боевой операции по освобождению полуострова Тамань);
- орденом Отечественной войны II-й степени (№271747. Приказ по 1 гвардейской армии 4-го Украинского фронта №01/Н от 10.01.1945 Награжден за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявление при этом доблести и мужества во время проведения боевых операций по освобождению Словакии и Польши);
- орденом Красного Знамени (№218682. Приказ по 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта №090/Н от 03.06.1945. Награжден за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявление при этом доблест и мужества. Этим орденом я был награжден по совокупности боевых заслуг во время войны);
- орденом «Чехословацкий Крест 1939 г. за отвагу» (Награжден Президентом Чехословацкой Республики. Диплом №20941 1946 год. Награжден за освобождение Чехословакии);
- орденом Красной Звезды №3442394);
- орденом Красной Звезды (№3615562. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.02.1968);
- орденом Отечественной войны 1-й степени (№501601. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985. За

храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов);

- медалью «За Отвагу» (№69047. Приказ войскам западного фронта №0158 от 10.02.1942. Награжден за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявление при этом доблести и мужества. Награжден за бои под Солнечногорском);
- медалью «За боевые заслуги»;
- медалью «За Оборону Москвы» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.05.1944. Награжден за участие в героической обороне Москвы);
- медалью «За оборону Кавказа» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.05.1944. Награжден за участие в героической обороне Кавказа);
- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945» (Указ Президиума Верховного Совета от 09.05.1945);
- медалью «Звытеньшства и вольности» (Декретом Президиума Крайвой Рады Польской народной республики от 26.10.1945. Диплом №44113 от 25.06.1946. Награжден за освобождение Польши);
- медалью «За безупречную службу» (Приказ Министра обороны СССР №70 от 17.01.1962);
- медалью «Ветеран вооруженных сил СССР» (Приказ Министра обороны СССР № 331 от 21.12.1976. За безупречную долголетнюю службу в ВС СССР от имени Президиума Верховного Совета СССР).

24 ноября 1941 года я получил в бою касательное осколочное ранение мягких тканей спины. Убыл из войскового подразделения в тот же день. Лечение проходил в эвакогоспитале №3642 в городе Медногорске со 2 декабря 1941 по 1 апреля 1942. Вернулся в войсковое соединение 16 апреля 1942 года.

Погибших в войне родственников у меня нет. Брат подполковник Федор Максимович Малкин, во время войны был ранен и умер от последствий ранения после войны.

Осталась жива моя сестра Турдакова Анна Максимовна. Проживает в городе Саранске, Мордовской республики.

Список опубликованных произведений:

В. Малкин «Грудью заслонившие Москву», изд. «Казахстан», Алма-Ата, 1971;

В. Малкин «Карпатские орлы», изд. Воениздат, Москва, 1975;

В. Малкин «На «Голубой линии», изд. «Краснодарское книжное издательство», Краснодар, 1980;

В. Малкин «Батальон неизвестных солдат», Московский рабочий, 1981;

В. Малкин «Подвиг одиннадцати саперов в Строково», изд. «Кыргызстан», Фрунзе, 1982;

В. Малкин «Неизвестные – известны», изд. «Московский рабочий», Москва, 1983;

В. Малкин «От Керчи до Севастополя», изд. «Таврия», Симферополь, 1984;

В. Малкин «Батырлар калмас беймэлiм», изд. «Казахстан», Алма-Ата, 1987 (на казахском языке);

В. Малкин «В цепи атакующих», изд. ДОСААФ СССР, Москва, 1988;

Сборник «Живая память» в 3 томах, изд. Союза журналистов России, Москва, 1995, т.1, стр. 643-651;

В. Малкин «Как был сорван вражеский удар от Солнечногорска в сторону Москвы», Москва, 1997;

Есть публикация обо мне в сборнике «Солдаты XX века» (многотомное издание выпуск II, изд. Международный объединенный биографический центр, Москва, 2001, стр. 58-59).

Март 2004 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Гуценко Роман Константинович****, студент 1-го курса Московского авиационного института*

Михаленков Лев Васильевич

Силы были неравными, но два самолёта удалось подбить

Я родился 12 февраля 1925 года в г. Симферополе Крымской ССР. Имею русское гражданство, ни к какой партии не принадлежал.

В 1941 году пошёл работать на военный завод, токарем. О войне узнал по возвращению из кинотеатра, как сейчас помню, фильм назывался "Остров сокровищ". Народ столпился около громкоговорителя. Кто-то внимательно слушал, кто-то уже подался в обсуждение о случившемся с окружающими.

Так я узнал о начале войны. В душе сразу же заиграл патриотизм, и были попытки уйти на войну добровольцем. Но это не так-то легко было сделать, не смотря на истории, которые гуляют сейчас, что в призыве был беспорядок. Каждый уходил в положенное ему время. Да, были и некоторые исключения. Всё же существовало одно "Но", как воспитать в себе ненависть к немцу, о котором так недавно говорили, что он наш союзник. Так мы были воспитаны.

9 февраля поступил в Новосибирское военно-пехотное училище. Оттуда был отправлен в Бело-Церковное военно-пехотное училище.

Не закончив училища, попал уже на войну. Хотя и не без проявления инициативы. (Узнал о пропаже своего дяди и решил его разыскать или отомстить за него).

Местом формирования части был посёлок Ахуны Пензенской области. Состоял в 68-й зенитно-артиллеристской дивизии, в звании младшего сержанта. Был назначен на должность командира орудия. В этой должности и прошёл всю войну. Командир батареи был, тогда ещё лейтенант, Никитюк.

В апреле 1944 года были высажены, вошли в состав 4-й танковой армии, в районе Тернополя. 13 июля начали наступление. 19 июля вошли в город Золочев. Затем был приказ переброситься в город Перемышляны.

За освобождение Львова, наша дивизия стала называться Львовской.

Дальнейший путь следования: Самбор, Санок, Жешув, Сандомир.

На сандомирском плацдарме простояли 5 месяцев.

11 августа поступило указание переправиться через Вислу. Ночью с 28 на 29 августа остановились, заняли оборонительное положение. Простояли там до января месяца.

11 января вышли на передовую. 12 января провели артподготовку, продолжительностью около двух часов. После чего уже начали наступление.

Пришлось также участвовать в Висло-Одерской операции.

Сначала пробились через Петракув. За это 1995-й полк получил название Петракувский. Прошли через Самбор.

11 февраля на реке Бобер, где-то около Бенау, где ожесточенные бои длились двое суток, был ранен и госпитализирован. Примерно через месяц, когда стал выздоравливать, со своими боевыми товарищами бежал из госпиталя - и снова в бой.

Позже попал в Верхне-Силезскую операцию. 10-12 марта проводились большие ночные переходы в район Алау. Оттуда Люкенвальде и затем уже поход на Берлин. Там встретили серьёзное противодействие. То была армия подкрепления для немцев. Но всё же удалось её разгромить. Теперь проход на Берлин был открыт, чем мы и воспользовались. Берлин был взят.

Но следовало поторопиться на освобождение Праги. Совершили разворот и снова в поход. Официальная дата марша на Прагу 4-5 марта.

Оттуда был направлен в город Кладне, где и закончил военный путь. Начальная точка возвращения, лично для меня, город Кладно. Оттуда в Кесег (Венгрия).

В конце августа прибыл в Горький, где поступил в военно-политическое училище в 1945 году. В 1946 году демобилизовался по состоянию здоровья, так как полученное ранение давало о себе знать.

В том же году поступил в Московский кооперативный техникум. Началась обычная гражданская жизнь. Но воспоминания, всплывающие внезапно, помогают избежать совсем уж скучной жизни. Да и разве может она быть у фронтовика скучной. Воспоминания есть и печальные, и весёлые, и поучительные.

Расскажу наиболее запомнившееся.

Может торжественная обстановка, которая присутствовала при вручении мне медали "За отвагу" и чувство патриотизма никогда не позволят мне забыть дорогу, которой мы шли на штурм Львова.

Мы отстали от впереди идущей танковой бригады, так как столкнулись с выходящими из окружения частями немцев. Вступили в бой. Подбили 2 бронетранспортёра и часть машин, которые закупорили проезд в туннель. В наступление пошла немецкая пехота, которую мы расстреляли из орудия. Подошли другие соединения, а мы, соответствуя приказу, прорвались в город Перемышляны.

19 ноября, в день артиллерии, была вручена, за участие в освобождении Львова, медаль «За отвагу».

Второй, запоминающийся момент, который мне сейчас представляется – это действие вблизи реки Бобер.

После форсирования реки сложилась неблагоприятная обстановка в зоне наступления 4-й танковой дивизии. Немцы оказали серьёзное сопротивление и стремились окружить танковые соединения, которые вырвались вперёд других.

Танковой бригаде было дано приказание - для выяснения обстановки выдвинуться вперёд в зону наступления противника. На нашу батарею возлагалась обязанность прикрыть бригаду с воздуха. Переправившись через реку Бобер, попали на луг, который был весь разворочен танками и представлял собой непролазную грязь, где увязали машины и орудия. С трудом преодолев эту преграду, встретились с

другой, с крутым подъёмом на который нам пришлось втаскивать все орудия и машины вручную.

Вышли на опушку леса и решили передохнуть перед очередным броском. Орудия поставили в боевое положение, но не окапались. Появилась эскадрилья немецких самолётов (примерно 33-36 самолётов), по которым командир принял решение открыть огонь. После того как мы открыли огонь, самолеты развернулись и пошли в атаку на нашу батарею. Силы были неравными, но два самолёта удалось подбить. У нас вышло из строя одно орудие из-за интенсивной стрельбы. Расчет 4-го орудия, в количестве 5 человек был убит. Мой расчет тоже понёс потери, 5 человек были ранены. В момент боя увидел самолёт, который неожиданно вынырнул из-за леса на нас. Открыли огонь, но он успел сбросить бомбу (на вид около 200 кг). Это была кассета, начинённая минами. Скомандовал "В укрытие", но так как укрытия не было, легли все на землю. В ту же секунду раздались взрывы мин. Фактически не пострадал. Ранен был командир батареи. За участие в этом бою получил орден Славы 3-й степени.

Так же вспоминаются веселые истории войны.

Два лесных массива соединяла пустынная дорога, которая находилась под обстрелом. Поэтому приходилось ускоренно проскакивать этот участок дороги и через разные промежутки времени. Это делалось для дезориентации противника. Перерывы могли быть и 2-х минутными, и 5-и минутными, из-за чего враг не знал: толи колонна проехала вся или только часть её. Вот дошла очередь до нашей машины. Я сидел в кабине, вдруг слышу крик: «Стой». Не знал, что и подумать. Остановиться значило приблизиться на полпути к смерти, что я и сделал. В окне увидел лицо моего подчиненного, который мне сказал: ”Остановите, пожалуйста, у меня упала пилотка”. Тут уж я не сдержался, но всё же не стал рассказывать ему всю правду, что я о нем думаю, а оставил её до ближайшей просеки леса, куда мы вскоре въехали. Вскоре я у него спросил: "Что же ты делаешь? Нас ведь могли убить". На что он тихо спокойно ответил: "А что я товарищу старшине скажу, где моя пилотка? Он бы меня не простил".

Наша дивизия входила в 4-ю гвардейскую танковую дивизию, входящую в состав 1-го Украинского фронта. Командовал 4-й танковой дивизией Лелюшенко. Командиром

взвода был Андрей Кочетков, в звании старшего лейтенанта. За ним командиром взвода был младший лейтенант Коробкин. Командиром батареи был Никитюк.

Местом лечения являлся госпиталь №1000 4-й танковой армии.

Из родственников без вести пропал только мой дедушка, который, как говорят, спалил собственную хату вместе с полицаями, за что был не то расстрелян, не то повешен. Никаких уточнений привести не могу.

Медаль «За Отвагу» мне вручил подполковник Ударцев А.П.. Остальные медали получил, уже у себя в военкомате:

- орден Славы' 3-й степени, №616510;
- орден Красной Звезды, №2646283
- медаль «За Отвагу», №1734908;
- медаль «За освобождение Праги»;
- медаль «За взятие Берлина»;
- медаль «За Победу над Германией»,

а также другие юбилейные медали и значки.

Ноябрь 2002 года.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Савченко Сергей Геннадьевич,** курсант кафедры военного обучения Московского государственного авиационного института*

Моисеев Михаил Ильич

А конец провода мы вытянули уже с другого, немецкого, берега

Я родился 4 ноября 1923 года в деревне Дракино Серпуховского района Московской области. Русский. Православный. Был пионером, в комсомол не успел вступить, в партии не состоял.

В январе 1941 года, в связи с тяжелым материальным положением в семье, ушел из 10 класса школы работать на строительство Серпуховского мотоциклетного завода учеником столяра и одновременно учился в г. Серпухове на рабфаке (вечерняя школа рабочей молодежи), который окончил в июне 1941 года.

Через несколько часов после ее начала 22 июня 1941 года в 12 часов дня услышал обращение Правительства к гражданам Советского Союза. На следующий день пошел в Военкомат с просьбой взять добровольцем на фронт. Сразу на фронт не взяли, так как брали с более ранними годами рождения, а мне еще 18 лет не исполнилось. Продолжал работать на заводе, а в свободное время разносил повестки гражданам старшего призывного возраста.

Через месяц после начала войны, 23 июля 1941 года, пришла и мне повестка «явиться в военкомат».

В тот же день явился с вещами в военкомат и был направлен во Владимирскую область, в Муромское военное

училище связи. Всего нас обучалось по специальности «телефонист» 120 человек, всем нам должны были присвоить звание «сержант». Но немецкие войска наступали, уже подходили к Москве. С 20 октября 1941 года в Москве введено осадное положение. Поэтому нас 20 октября 1941 года выпустили из училища курсантами и срочно направили на формирование в г. Павлов.

Год нам платили «курсантские», потом сказали, что надо идти учиться. Учиться я не захотел, у меня к тому времени погиб старший брат, я рвался в бой отомстить, сказал, что буду воевать рядовым. Ну, это небольшое отступление по вопросу присвоения звания.

Так вот, после формирования в г. Павлове, был направлен на Центральный фронт в составе 916-го отдельного батальона связи 27-й отдельной стрелковой бригады телефонистом.

В начале ноября 1941 года наш батальон уже защищал г. Москву в районе Химки-Планерное. К концу ноября 1941 года немцы подошли к Москве на расстояние 25-30 км. Мы стояли вдоль канала им. Москвы, который уже к тому времени замерз. Морозы в тот год стояли небывалые. Неоднократно пришлось переходить через канал пешком, исправлять обрывы в линии связи.

Советские войска перешли в контрнаступление под Москвой уже 5-6 декабря 1941 года. Наш батальон в составе бригады в самом конце декабря 1941 г. был переброшен на Северо-Западный фронт, где наши войска в районе г. Старая Русса окружили 16-ю немецкую армию и держали ее в окружении по апрель 1942 года. Я служил тогда радистом, в звании рядового.

Потерпев поражение под Москвой, германское командование не могло проводить наступление по всему Восточному фронту. Оно решило нанести главный удар на юге, овладеть Кавказом и Нижним Поволжьем. Несмотря на донесения разведки, советское командование ожидало нового наступления на Москву, и поэтому здесь было сосредоточено значительное количество войск и боевой техники. Однако, отвлекающие наступательные операции советских войск в районе г. Харькова в мае месяце 1942 г. окончились неудачей для советских войск. Немцы прорывались к р. Волге.

Наш батальон в конце мая 1942 года был направлен на переформирование в г. Вязники Владимирской области, вошел в состав заградотряда 316-й стрелковой дивизии и 15 июня 1942 г. направлен на Сталинградский фронт.

В августе 1942 г. немцы вышли к Волге в районе Сталинграда. Часть немецкой армии выдвинулась глубоким флангом далеко на север, в сторону г. Серафимович. Наши войска попытались окружить и отсечь северную часть 18-й группы 6-й немецкой армии, наступавшей на г. Сталинград. Однако, эта попытка успехом не увенчалась, не хватало танков, артиллерии. Тогда наши войска заняли оборону до осени. В то время наш заградотряд воевал уже в составе Донского фронта, так как Сталинградский фронт находился с южной стороны Сталинграда, а Донской с северо-западной.

Контрнаступление советских войск под Сталинградом началось в ноябре 1942 г. окружением 6-й германской армии и закончилось в феврале 1943 г. полным разгромом немцев и сдачей в план немецкого командования 6-й армии во главе с фельдмаршалом Ф. Пауллюсом.

На Донском фронте я воевал телефонистом в составе заградительного отряда 316 стрелкой дивизии до июня 1943 года.

После разгрома немцев под Сталинградом, наше подразделение направили на переформирование в г. Тулу. Я попал служить на Брянский фронт радиотелеграфистом в состав 735-го отдельного стрелкового батальона 260-й стрелковой дивизии. После переформирования из Тулы пешком двинулись на Калугу, затем через Козельск, Перемышль на Брянск. Из Брянска направились через г. Почеп в район г. Жлобин на Днепре. На Брянском фронте воевал с июня 1943 г. до конца 1943 г.

В январе 1944 г. направлен на переформирование в г. Курск.

В Курске наш 735-й ОБС 260-й стрелковой дивизии вошел в состав 1-го Белорусского фронта. Нас погрузили на поезд и повезли в район г. Киева. В Киев попали в январе 1944 года, когда он уже был освобожден. До марта 1944 г. находились в районе г. Сарны-Ковель.

Из г. Сарны пешком двинулись на Варшаву. В июле-сентябре 1944 года стояли на правом (восточном) берегу р.

Вислы, напротив г. Варшавы, в так называемой Малой Варшаве, и ждали открытия второго фронта.

В сентябре 1944 г. двинулись по правому берегу р. Вислы на север, затем переправились через Вислу, дошли до г. Шнайдемюль, затем вышли к Балтийскому морю у г. Щецин. Таким образом, обошли всю Белорусскую группировку немцев группы армии «Центр» с тыла и вышли к Балтийскому морю (так называемый «Польский коридор»).

От г. Альтдам в составе 735-й ОБС 260-й стрелковой дивизии двинулись к р. Одер, форсировали Одер и двинулись на запад, в сторону Берлина, обошли Берлин с севера, вошли в г. Брандербург, который находится западней Берлина.

Таким образом, с января 1944 года по 9 мая 1945 года воевал на 1-м Белорусском фронте.

Боевой путь проходил: Муром (июль-октябрь 1941 г.), Павлов (октябрь 1941г.), Москва (ноябрь 1941г.), Старая Русса декабрь (1941- апрель 1942 г.), Молвотицы (апрель-май 1942 г.), Вязники (май-июнь 1942 г), Сталинград (июнь 1942 - февраль 1943 г), Тула (февраль 1943 г.), Калуга (март 1943 г), Козельск (апрель 1943 г.), Перемышль (июнь 1943 г.), Брянск (август 1943 г.), Почеп (сентябрь 1943 г.), Жлобин (декабрь 1943 г.), Курск (январь 1944 г.), Киев (февраль 1944 г.), Сарны (март 1944 г.), Ковель (май 1944 г.), Варшава (июль-сентябрь 1944 г.), Шнайдемуль (октябрь 1944 г.), Щецин (январь 1945 г.), Альтдам (февраль 1945 г), форсировали р. Одер (март 1945 г.), Брандербург (апрель 1945 г.), Берлин (апрель 1945 г.). После окончания войны служил в Германии в городах Эрфурт, Гота, Мюльхаузен, Зондерхаузен.

Военные боевые действия закончил в Берлине 2 мая 1945 года в звании ефрейтора. Мы с севера обошли Берлин, взяли за Берлином г. Брандербург. Берлин был, практически, окружен, и наша дивизия входила в него с запада, как раз в берлинский зоопарк. Гарнизон берлинский сдался. Мы стояли в Берлине до 9 мая 1945 года. В три часа ночи нам сообщили, что война окончена, подписана полная капитуляция Германии. Я в ту ночь дежурил. Слышу крики, стрельба началась, выскочил и узнал, что объявили о полной капитуляции немцев.

Сразу демобилизован не был, а находился в Германии до 2 мая 1946 года. Служил телефонистом, наше подразделение дислоцировалось в городах Эрфурт, Гота, Мюльхаузен.

После Победы сразу всех демобилизовать и отправить на Родину не могли. Часть войск была срочно переправлена на Дальний Восток для участия в войне с Японией, часть демобилизована. Для отправки на Родину формировались специальные роты по годам рождения. Я со своими сверстниками, 1923 года рождения, продолжал служить в Германии. Приказ о демобилизации пришел, когда мы стояли в г. Зондерхаузен. Нас погрузили и отправили на поезде, ехали через территорию Германии, Польши, Белоруссии, Смоленской, Калужской областей. Если в Германию почти весь путь прошли пешком, каждый населенный пункт в памяти отложился, то обратно домой ехали, особенно не запоминали города, главное знали, что живы и едем домой.

Демобилизовался из Германии, из г. Зондерхаузен в июне 1946 года. Прибыл в г. Москву на Белорусский вокзал в начале июля 1946 года. В августе 1946 года поступил во 2-й Московский медицинский институт, который окончил в 1952 году. В конце войны мне было присвоено звание «ефрейтор». После окончания института присвоено звание лейтенанта медицинской службы. В настоящее время имею звание подполковника медицинской службы запаса.

На войне всякое случалось: и беспримерный героизм люди проявляли, и трусость. Были сложные ситуации, когда счет шел буквально на секунды, были и смешные, и курьезные. Решения принимались умные и правильные, когда командир думал не только о том, чтобы выполнить поставленную задачу, но и сохранить возможно большее число людей. Но нередко принимались решения и поступали команды не очень понятные и оправданные. Допустим, поступала команда: «Взять тот или иной населенный пункт или высотку любой ценой». А любой ценой, без артподготовки, без поддержки техникой, - это значит, что люди шли на верную смерть. Особенно часто такие случаи были в самом начале войны, когда еще бытовало мнение, что нас много и немца шапками закидаем.

Как раз такой случай произошел под Старой Руссой в конце 1942 года. Соседний с нами батальон послали взять Н-скую деревню в тылу у немцев. Через некоторое время было получено известие, что связи с батальоном нет. Вызывает командир двух связистов, среди них и меня, и приказывает

восстановить связь. Меня, как курсанта, назначили старшим и дали охрану - двух автоматчиков, в белых маскировочных халатах и трёх пехотинцев без маскировочных халатов, один из них с ручным пулемётом.

В 16-00 двинулись по направлению к немцам. А фронт проходил по шоссе. Подошли к шоссе. Ночь, ничего не видно, но присмотрелись: на противоположной стороне дороги у обочины машина грузовая стоит, а рядом человек лежит. Подождали, человек не двигается. Говорю: «Кто пойдёт первым?»

Никто не идёт, тогда я, как старший, приказал ребятам без нужды стрельбу не открывать, в меня не стрелять, только в немцев, и пошёл первым. Благополучно пересёк линию фронта и залёг в кустах. После меня побежали все остальные.

Немцы все-таки заметили, открыли стрельбу. Мы залегли в кустах, лежим, не отвечаем, так как наша задача связь установить, а не в бой вступать. Я приподнялся, трассирующие пули летят над головой. Организовал круговую оборону: пулемётчик с ручным пулемётом посередине, а два автоматчика по краям.

Я приподнялся, трассирующие пули летят над головой. Встал во весь рост - всё равно пули выше летят. Стал толкать и поднимать ребят, разговаривать нельзя - обнаружат. Поднялись, пошли. Идем по протоптанному следу, все-таки батальон прошел, протоптали. Шли быстро, почти бежали, догнали батальон уже в три часа дня. Они возле какой-то деревни остановились и залегли в овраге. Потом командир приказал взять деревню.

Двинулись к околице, немцы сразу же нас обнаружили, открыли огонь. Мы снова в овраг отошли, через некоторое время предприняли новую попытку, и снова неудачно. Немец открыл огонь по тому месту, где мы лежали. Несколько раз пытались мы эту деревню взять, и каждый раз нас снова в лес загоняли. А к вечеру, когда людей уже почти не осталось, поступила команда: «Отступить».

Из четверых ребят-связистов, что со мной пошли, один раненый оказался, но легко, сам идти может. Пошли назад, за линию фронта в свое расположение. Двое чуть вперед ушли, а мой напарник говорит:

- Стой, подожди, в туалет хочу.

Отошел он в сторонку от тропинки, потом вышел, и мы побежали своих догонять. Темно, ночь уже, я внимания и не обратил, как он вышел и с чем. Вдруг парень резко остановился и говорит:

- Мишка, я винтовку там забыл. Что делать?

- Что делать? Под трибунал идти! Оружие потерял, живой вернулся, даже не раненый, а почти все у той деревни полегли. Скажут: «Струсил, сбежал». Постояли минутку, говорю: - Пошли назад, надо искать.

Пошли назад, а уж от того места больше километра отошли. Но по тропинке все-таки нашел я то место, где его стоял и ждал. Ну, он в кустах полазил, выходит с винтовкой. Побежали к линии фронта, опять к шоссе подобрались, залегли в снегу, прислушались, тихо. Выскочили, да бегом через шоссе, немец огонь открыл, но никого из нас не ранило.

В марте 1944 года нас везли от Киева до Сарн по железной дороге. Нас всю ночь продержали на каком-то полустанке. Часов в пять утра выпустили два поезда одновременно навстречу друг другу: наш состав, груженый снарядами, который везли два паровоза «ФД», и пустой состав, который шел навстречу с фронта. Пока состав со снарядами пытались сдвинуть с места, последний вагон сошел с рельсов. Я - телефонист, обеспечивал связь между вагонами. Когда вагон отцепился, связь порвалась. Я пошел вдоль состава. Дошел примерно до половины и вдруг услышал:

- Паровоз, паровоз!

В марте ранним утром еще темно, кто-то выхватил красный фонарь, начали махать и встречный состав остановили. А наш состав разделили на три части, растащили, потом снова сцепили. Поехали мы уже днем и тут только увидели, что после Киева железнодорожная ветка одна. Так вот, как говориться: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Если бы не случилось такого с вагоном, два состава на одноколейной дороге в полной темноте определенно столкнулись бы. Видимо, была специально сделана диверсия, чтоб два состава столкнулись и взорвались.

От Балтийского моря мы вернулись по Одеру, пошли южнее, форсировали Одер. Сложность при форсировании была

в том, что восточный берег низкий, а западный - высокий. На Одере очень интересный был случай.

Весна, Одер разлился на 1,5-2 км. Первые лодки с солдатами начали переправляться на другую сторону, частично закрепились на западном берегу, под обрывом. Нужна связь. Связисты, в том числе и я, взяли кабель. Тогда ведь другой связи не было, вся связь только через кабель, катушки таскали на себе. (правда, были переносные радиостанции, но ими пользоваться запрещалось.)

Кабель погрузили в лодки и поплыли к западному берегу. А немец с высокого берега стреляет шрапнелью, одна лодка перевернулась, все испугались. Смотрю, начали разворачиваться назад. А назад немцу еще лучше нас обстреливать: с высоты видимость, как на ладони. Я кричу: «Только вперед, только вперед!».

Одер, конечно, уже, чем наша Волга, но когда сверху стреляют, то до другого берега очень далеко кажется. Но все-таки наши бойцы-связисты налегли на весла, рванули вперед, вышли из зоны обстрела немцев и проложили кабель связи через Одер. За форсирование Одера, за то, что сумели обеспечить связь и не отступили, я был награжден орденом Красной Звезды.

Второй случай на Одере был такой. Немца отогнали дальше на запад, нам надо было смотать линию связи и тоже двигаться дальше. Линия у нас тогда уже была полностью немецкая, все оборудование, кабель немецкий, такой красный, в хлорвиниловой изоляции, которой в России тогда еще не было. Кабель был проложен по дну Одера, а ширина Одера в этом месте примерно 1,5-2 км, как наша Ока во время разлива.

Мы переплыли на лодке на свой, восточный, берег и начали сматывать кабель. Вдруг кабель застрял, его течением снесло под какую-то корягу. Мы дергали-дергали, и провод боимся оторвать и вытаскивать надо. Я додумался и говорю: «Замотайте за уключину лодки и провод сорвет течением за счет натяжения».

Замотали мы провод за уключину, но провод не сорвался, а лодка стала подниматься в вертикальное положение и начала переворачиваться. Хорошо, что у меня был немецкий штык, я сразу же перерубил кабель, лодка вернулась в нормальное

положение. Таким образом, спас пять человек связистов. А конец провода мы вытянули уже с другого, немецкого, берега.

Уже после окончания военных действий, служил в Германии в г. Гота. Я к тому времени поневоле стал адъютантом у капитана. Капитан просил найти ему комнату и сказал, что я буду жить с ним в комнате, одновременно следить за телефоном и выполнять его поручения.

Комнату нашли в доме у немцев, в котором жили только старушка, да ее дочь. Сначала нас сторонились, с опаской поглядывали. Но как-то утром вышел я на улицу, смотрю: старушка дрова колет. Я подошел, немецкий знал плохо, но сказал: «Нихт гут, нихт гут. Гебен зи мир».

Взял топор, наколол дров. Это им очень понравилось, стали ко мне за помощью обращаться.

Еще один эпизод произошел в Германии, в г. Мюльхау. Я познакомился с немцем-музыкантом, который немного говорил по-русски, попросился обучить меня музыке. Поговорили мы с ним, он спросил, каких я композиторов знаю. Я сказал, что знаю Листа, Бетховена. Немец согласился обучать меня за две марки в час и с условием, что я буду с ним говорить по-немецки, а он со мной по-русски. И уже через две недели я по нотам уже мог играть «Стеньку Разина». Когда он рассказал об этом своим знакомым немцам, то они ему не поверили. Сказали, что не может русский, который никогда не занимался музыкой, выучить за две недели такую сложную мелодию.

К сожалению, были случаи, когда оказывался и в неприятных ситуациях, сталкивался с хамством и самодурством своих же русских. В Зондерхаузе я развозил пакеты. У меня был трофейный велосипед, который закрывался на замочек, чтоб не угнали. Как-то послали меня с пакетом, еду, навстречу полковник медслужбы:

- Кто такой?
- Ефрейтор Моисеев, везу пакет.
- Куда?
- К Вам в полк.
- Почему один?
- Охрану не дали

- Ну, ладно, езжай!

Возвращаюсь обратно, завез пакеты в «СМЕРШ», а уже смеркалось, спускаюсь с горки, велосипед с «динамо», то есть фонарь горит. Слышу окрик:

- Стой! Стрелять буду!

Остановился, свет погас. Подскакивает пьяный фельдшер, старший лейтенант:

- Почему свет выключил? Отвечаю: «Это ж динамо».

- Какое еще динамо?

Отвечаю: «Свет горит, пока колесо крутится».

Орет: «Как разговариваешь с офицером? Пошли в комендатуру, там разберутся, кто ты такой на какой-то «динаме».

Автомат у меня был с собой, думаю: «Что делать? Начать стрелять? Так ведь война кончилась, за что же мы гибнуть должны? По собственной глупости?»

Пришли в комендатуру, он меня оставил в одной комнате, сам пошел к дежурному. Что он там ему наговорил, я не слышал, но дежурный выскочил, кричит:

- Сдать оружие!

- Не сдам, не вы мне его давали, а силой отберете, я у вас его не возьму, потому что не знаю, что вы там с оружием сделаете.

Отобрали автомат, сумку отобрали тоже, спрашивают:

- Что в сумке?

- Там пакеты, если отберете, я от вас их тоже не приму, сами их пойдете разносить.

Ну, сумку отдали, не обыскали, а у меня нож в кармане был. А тут полковник входит, который меня по дороге встретил, тоже пьяный:

- Как разговариваешь? Сниму погоны!

- Снимайте, но сами же и одевать будете. Я требую доложить начальнику части, что вы задержали связиста, не дали выполнить поручение.

- Ничего, ночку посидишь у нас, там посмотрим!

Посадили меня, правда, отдельно от других арестованных. А ребята, с которыми я жил, утром доложили командиру батальона, что задержали связиста при исполнении обязанностей. Из штаба позвонили. Заходят ко мне утром трое, а один здоровый такой, как даст мне оплеуху. Ну, думаю, за

нож схватиться, так ведь пойдешь под трибунал, оставишь мать без двоих детей (старший брат погиб в 41-м под Харьковом), стерпел. Вывели меня. Говорят:

- Распишись.

- В чем расписаться? Что необоснованно меня задержали, да еще избили?

- Ну, тогда иди отсюда и жди, когда за тобой приедут.

Сел я на свой велосипед, поехал в свою часть, все доложил командиру батальона майору Бурдейну, который доложил командиру дивизии. А командир дивизии устроил нагоняй полковнику за то, что задержали и избили связиста.

Награжден:

- орденом Красной Звезды (№ 2192931, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.01. 47);

- медалью «За отвагу» (№ 181703, № приказа и дата в книжке отсутствует);

- медалью «За отвагу» (№ 2563588, № приказа и дата в книжке отсутствует);

- медалью «За оборону Сталинграда» (№ 32819, приказ от 9 сентября 1943 г. вручена полковником Максимовским);

- медалью «За оборону Москвы» (№ 012524, вручена 5 декабря 1944 года командиром 260-й стрелковой дивизии полковником Поповым);

- медалью «За освобождение Варшавы» (№ 237195, приказ от 9 июня 1945 г., вручена 3 апреля 1946 г. командиром 260 стрелковой дивизии генерал-майором Поляковым);

- медалью «За победу над Германией» (№ 181189, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г., вручена 3 апреля 1946 г. командиром 260 стрелковой дивизии генерал-майором Поляковым);

- медалью «За взятие Берлина» (№ 152060, приказ от 2 мая 1946 г., вручена 11 мая 1946 года командиром 260 стрелковой дивизии генерал-майором Поляковым);

- орденом Отечественной войны II-й степени (№ 4930507, Указ Президента РФ от 11 марта 1985 г., вручена в военкомате г. Москвы);

- медалью Жукова (№ 0679970, Указ Президента РФ от 19 февраля 1996 г., вручена в военкомате г. Москвы);

- другими правительственными наградами к Памятным послевоенным датам.

Освобождал:

- г. Варшаву в августе 1944 года, в составе 1-го Белорусского фронта, 260-й дивизии, 735-го отдельного стрелкового батальона;

- г. Берлин апрель 1945 г., в составе 1-го Белорусского фронта 260-й дивизии, 735-го отдельного стрелкового батальона.

Было одно легкое ранение. Много раз был контужен, в госпитали не обращался, лежал в медсанбатах. В госпитале лежал уже после войны, в Германии в г. Эрфурт.

В войне погибли родственники:

- Моисеев Александр Ильич, брат, 1921 г. рождения, младший лейтенант пулеметных войск, погиб в августе 1941 года в с. Богодаровка, Шевченковский район, Харьковской области.

- Солдатов Леонид Георгиевич, двоюродный брат, 1919 г. рождения, рядовой, погиб в июне 1941 года при защите границы в районе Бреста.

- Солдатов Иван Георгиевич, двоюродный брат, 1921 г. рождения, рядовой, погиб под Москвой в декабре 1941 года.

- Солдатов Николай Степанович, двоюродный брат, 1923 г. рождения, танкист, погиб летом 1943 года под Прохоровкой.

Умерли в разные годы после войны: Моисеев Илья Борисович - отец, 1894 г. рождения, умер в 1975 году; Сергеев Петр Иванович - дядя, 1909 г. рождения, подполковник, умер в 2003 г.; Моисеев Николай Степанович - двоюродный брат, 1925 г. рождения, умер в 1990 году; Солдатов Степан Георгиевич - дядя, 1893 г. рождения, умер в 1973 году; Солдатов Филипп Степанович - двоюродный брат, 1921 г. рождения, умер в 1980 году.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Красноглазов Александр Владимирович**, курсант 3-го курса кафедры военного обучения Московского энергетического института (технического университета)*

Молчанов Иван Гаврилович

Во время переправы приходилось осуществлять огонь по немецкой обороне

Я родился 15 января 1926 года в Тульской области, Каменский район, в селе Изрог. Русский. Не придерживаюсь никакого вероисповедания. Беспартийный.

До войны окончил 7 классов. В 1944 году окончил военное артиллерийское училище. Уже после войны, в 1953 году, окончил Московский государственный университет имени Ломоносова. В 1957 году защитил диссертацию философских наук.

О начале войны я узнал по месту рождения – в своём селе, я тогда только-только заканчивал школу. 22 июня 1941 года по радио сообщили, что в утренние часы фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину.

Позже мы узнали, что со стороны фашистов были брошены в бой пять с половиной миллионов человек (190 дивизий), пять тысяч самолётов, 4,3 тысячи танков, сорок семь тысяч орудий, гаубиц и минометов. Преимущество противника в технике и живой силе было очевидным: в 1,25 раза больше пушек, в 1,8 раза больше живой силы, в 1,65 раза больше танков, в 3 раза больше новейших боевых самолётов.

Было чертовски страшно получать сообщения о том, в какие короткие сроки немецко-фашистские войска

продвинулись вглубь советской территории на 500-600 километров, о том, как фашисты одну за одной занимали Латвию, Польшу, часть Эстонии, Литву, Белоруссию, Молдавию, большую часть Украины. В первый год боевых действий было видно, что Советский Союз не готов к войне. Но и враг понёс чувствительные потери: более 100 тысяч убитыми и ранеными, около 2 тысяч танков и 1300 самолётов.

Весть о Победе под Москвой стала для меня, как и для всего советского народа, зарядом небывалого до этого оптимизма. Она развеяла слух о непобедимости гитлеровской военной машины, вселила во всех нас в бойцов-защитников нашей Родины, если ещё не уверенность в победе, то понятия, ради чего мы воевали. Она помогла окрепнуть моральному духу каждого советского человека, проявляя волевое стремление выстоять и победить любой ценой – несмотря ни на какие трудности и страхи. Ведь в войне этой решалась судьба всего советского народа, поэтому весь народ поднялся на защиту родины, и именно поэтому она называлась Великой Отечественной. Невозможно передать ощущение от того, что ты принимал в ней участие, вмешался в ход истории, что все мы совершили великое дело, отстояв бескрайние просторы нашей необъятной Родины.

22 июня 1941 начался масштабный набор призывников. В ряды Красной Армии я был призван в 1943 году и направлен в артиллерийскую школу. 1941-1942 года прошли для меня на трудовом фронте. Никогда не забуду, с каким желанием и стремлением, всеми силами желая помочь Родине, мы строили блиндажи, доты, укрытия, рыли противотанковые рвы. Материалы возили на санях, переправляли на лошадях. В мае 1944 года я был направлен на фронт. Хорошо помню то время, что я думал, чувствовал, переживал. Это был 1-й Белорусский фронт, 8-я гвардейская армия под командованием В. И. Чуйкова.

Боевой путь проходил: река Висла, река Одер (январь 1945), город Люблин (январь 1945), город Варшава (январь 1945). Военные боевые действия закончил в Берлине в марте 1945 года.

По окончании боевых действий продолжал службу в вооружённых силах и в течение двух лет окончил среднюю школу. Сразу же поступил в университет. В конце 1945 года

был переведён на службу в органы государственной безопасности за границей, в составе которых в качестве сотрудника органов безопасности прослужил в Берлине до конца 1953 года.

Затем был переведён на службу в управление КГБ СССР по Москве и Московской области в качестве сотрудника.

После защиты кандидатской диссертации был переведён старшим преподавателем в высшую школу КГБ СССР имени Дзержинского, где прослужил семь или восемь лет.

По своей инициативе был переведён на службу в вооружённые силы СССР и определён политическим управлением кадров доцентом кафедры философии Военно-воздушной инженерной Академии имени Жуковского, где проработал до 1984 года.

После демобилизации по возрасту в звании полковника гвардии в запасе перешёл на должность доцента в Московский автодорожный институт (ГТУ) на кафедре философии, где и работаю по сей день.

Больше всего мне запомнилась первая боевая операция и последняя, Берлинская. Первая боевая операция – Ковель-Сарнская проводилась летом 1944 года на 1-м Белорусском фронте в составе 8-й гвардейской армии. Эта операция закончилась освобождением Украины и Белоруссии. Затем, всё дальше продвигаясь вглубь Польши, участвовал в форсировании Вислы и захвате Магнушевского плацдарма. В январе 1945 принимал участие в Висло-Одерской операции, закончившейся освобождением Варшавы и всей территории Польши. Во время наступления были тяжелейшие бои, но всё же немцы вынужденно отступали, и мысли о том, что они могли победить, не было.

На фронте занимались в основном боевыми действиями. В перерывах между боями приезжали артисты. Мы посещали фронтовые концерты. Рассказывали друг другу смешные случаи, случаи из гражданской жизни, о людях, которые ждали нас дома. Больше всего беседовали о мирной жизни. Каждому хотелось, чтобы война поскорей закончилась. Мы делились друг с другом мыслями о послевоенном будущем, о том, как изменится жизнь, как изменится мир, как мы будем жить.

Многие высказывали желание пойти учиться, когда всё закончится. Большинство высказываний сбылось.

Вообще за время летней и осенней кампаний 1944 года на Восточном фронте наша Советская армия вывела из строя 1,6 миллионов солдат и офицеров противника. Освобождение оккупированных территорий Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии имело огромное значение в борьбе против фашистской армии. Это были источники сырья и производства всего необходимого для немецкой военной машины, поэтому противник так отчаянно защищал эти территории.

Это наступление по просьбе наших союзников началось на целый месяц раньше планируемых сроков – 12 января 1945 года.

Во время форсирования Вислы погибло много наших солдат. Это была одна из самых сложных операций. Мы переправлялись через реку, используя всё, что было способно держаться на воде: лодки, плоты, понтоны. Использовали все подручные средства. Во время переправы приходилось осуществлять огонь по немецкой обороне. Они ожесточённо защищались, всеми силами стараясь удержать наши наступательные силы, но мы двигались вперёд. Больно вспоминать, как гибли боевые товарищи. Раненым приходилось оказывать помощь прямо во время переправы. И всё это время в небе над нашими головами постоянно кружили вражеские самолёты, обстреливая нас, поливая шквальным огнём. Но мы всё равно шли вперёд. На берегу, продолжая отстреливаться, окапывались, рыли траншеи. Затем трудно продвигались вглубь, в итоге захвалили плацдарм 35-40 километров по фронту.

Реки Одер наши передовые части достигли к началу февраля. До Берлина оставалось 60 километров. Предстояла перегруппировка перед решающим броском – последней крупной наступательной операцией Второй мировой войны.

Всё было готово уже к середине апреля. Но и противник тоже подготовился: он выставил 195 дивизий. Они намеревались любой ценой остановить нас. 16 апреля наши войска перешли в наступление и были уже неудержимы, проходя как нож сквозь масло через немецко-фашистскую оборону. Уже 20 апреля дальнобойная артиллерия открыла огонь по Берлину.

Двойственные воспоминания оставила Берлинская операция, закончившаяся взятием Имперской канцелярии и кабинета Гитлера. С одной стороны она завершилась полной победой Советского Союза, а также наших английских и американских союзников и капитуляцией Германских войск, их остатков. С другой стороны – это были тяжелейшие уличные бои, гибло много солдат. Погибнуть здесь было особенно тяжело, в шаге от победы, в самом конце войны. Но вместе с тем у всех было полное стремление победить во что бы то ни стало и как можно быстрей.

Никто не думал о том, чтобы погибнуть. Немцы сражались за каждый квартал, каждое здание, каждый этаж, потому что это был их дом. Берлин защищали не менее 300 тысяч немецких солдат и офицеров. Всех видов танки колесили по его разрушенным и израненным войной улицам. Среди солдат были и подростки, и просто дети, тринадцатилетние мальчишки, обученные пользоваться фаустпатронами и готовые отдать за фюрера свою ещё только начинавшуюся жизнь. Воевать против них было особенно тяжко. Кроме них были и пожилые люди, ветераны Первой мировой войны.

Одним словом, фашисты держались до последнего. Но мы всё-таки победили! Но какой ценой… Армейская группа противника дралась остервенело. В этой последней операции мы понесли тяжёлые потери – около 300 тысяч убитыми и ранеными…

30 апреля пошла решающая атака – штурм рейхстага. Вскоре над рейхстагом взвился советский флаг, и над Берлином опустилась тишина. Нарушали её лишь треск очередей направленных в израненное небо автоматов, взрывы безграничной радости и звуки победы.

Между 21 апреля и 2 мая по нацистской столице было выпущено 1,8 миллиона артиллерийских снарядов общим весом в 35 тысяч тонн. Было взято в плен почти полмиллиона человек, захвачено 15 тысяч танков, 4,5 тысячи самолётов, 8,6 тысячи всевозможных орудий.

Победе радовались все, но далеко не для всех она была такой уж радостной. У многих на фронте погибли родственники: отцы, братья, крёстные.

К сожалению, грустные новости не миновали и меня. На фронте погибли братья моей матери, один в Смоленской битве.

Где погиб второй мне так и не известно. Третий вернулся домой тяжело раненым и умер через полтора-два года.

Награды:

- орден Отечественной войны 1-й степени;
- орден Красной Звезды;
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «За освобождение Варшавы»;
- медаль «За взятие Берлина»;
- медаль «За Победу над Германией»;
- медаль «За мужество и храбрость» от Польской народной республики;
- 16 юбилейных медалей.

Имел два ранения в правую ногу. Средней тяжести. Лечился в военных госпиталях на территории СССР и Германии.

Несколько человек из моей батареи погибли, несколько были очень тяжело ранены.

Опубликовал около 30 научных работ:

- учебные пособия, брошюры и статьи (закрытого типа, издательство КГБ СССР высшей школы и военно-воздушной академии имени Жуковского);
- ряд статей по Великой Отечественной войне - «Защита Отечества – священный долг гражданина страны», «В столетие со дня рождения маршала Жукова», «Великая победа под Москвой»;
- в кафедральном сборнике института «Начало Великой Отечественной войны»

Кроме того, принимаю активное участие в общественной работе. Являюсь председателем комиссии по международным связям Московского комитета ветеранов войны. Основную работу комиссия проводит по встречам ветеранов Великой Отечественной Войны со студентами иностранных государств и слушателями военных университетов других стран, обучающихся в московских Вузах. Главная задача – разъяснение правды о войне, о тех, кто развязал кровавую бойню, рассказ о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, о победах советских войск под Сталинградом, в

Курской и других битвах; рассказы о Висло-Одерской и Берлинской операциях.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Зайцев Алексей Петрович,*** *студент 3-го курса Московского государственного университета природообустройства.*

Павлов Илья Николаевич

Бой за высоту под Немировым

Я родился в 1923 году в д. Малое-Буяново Шемуршинского района Чувашской АССР. Рано познал труд и материальные трудности большой крестьянской семьи, состоявшей из 11 человек.

В 1940 году окончил Батыревское педагогическое училище. Затем работал учителем в родной деревне.

В августе 1941 г. призван в ряды РККА. Военную подготовку проходил в Свердловском пехотном училище. В октябре-ноябре 1941 года в составе 28-й отдельной танковой бригады, будучи рядовым, участвовал в боях под Москвой. После окончания курсов младших лейтенантов при 16-й армии, с января 1942 года воевал в составе 354-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник Д.Ф. Алексеев. Зимой и весной 1942 года в боях на Гжатском направлении (Западный фронт) командовал взводом, ротой, работал начальником штаба стрелкового батальона. По окончании курсов штабных офицеров при 5-й армии, будучи старшим лейтенантом, выполнял обязанности первого помощника начальника штаба 1203-го стрелкового полка 354-й стрелковой дивизии.

В августе-декабре 1942 года эта дивизия в составе 20-й армии участвовала в Ржевско-Сычевской наступательной операции Западного фронта и в боях под Ржевом. Здесь за

умелое управление боем стрелкового батальона при отражении психической атаки немцев награжден орденом Красной Звезды.

В битве под Курском участвовал в звании капитана в должности начальника штаба 1203-го стрелкового полка 354-й стрелковой дивизии 65-й армии Центрального фронта. За искусное построение обороны полка и умелую организацию наступательного боя в районе Севска награжден орденом Отечественной войны I степени.

В битве за Днепр, в звании майора участвовал в качестве первого помощника начальника оперативного отделения штаба 354-й дивизии. За умелую и грамотную помощь штабам частей в организации форсирования Днепра, а также проявленную личную храбрость и мужество, награжден орденом Красного Знамени.

В последующем, в должности начальника штаба 1203-го стрелкового полка 354-й стрелковой дивизии, участвовал в Гомельско-Речицкой и Мозырско-Калининковичской наступательных операциях Белорусского фронта. В боях трижды ранен.

В апреле 1944 года решением Военного Совета Белорусского фронта направлен в Военную академию имени М.В.Фрунзе, которую окончил в 1947 году.

С 1948 по 1956 год в звании подполковника работал сначала в Главном управлении боевой подготовки сухопутных войск, затем начальником штаба мехполка, заместителем начальника оперативного отдела штаба 9-го стрелкового корпуса ГСВГ, начальником ПВО 35 гвардейского стрелкового корпуса. В 1956 году получил воинское звание полковника и до 1963 года работал начальником штаба Самаро-Ульяновской, трижды Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого Железной дивизии Прикарпатского военного округа.

О первом бое под Москвой.

Моя судьба в течение 50-ти лет связана с Советской Армией. За это время мне довелось пережить как успехи, удачи, награды, поощрения, так и промахи в службе. Радость чередовалась печалью. Однако я счастлив тем, что остался живым в огне страшных сражений, а после войны долгие годы

служил в Вооруженных Силах СССР. Теперь все это в прошлом...

Трудно рассказывать о своих душевных чувствах. Но многое, особенно пережитое в годы войны, осталось в памяти. Прошли десятки лет, но твердо сохранилась память о первом бое под Москвой в октябре 1941 года...

Осенью 2001-го года, в дни 60-й годовщины начала битвы под Москвой, я, в сопровождении своих внуков Алексея и Владимира - студентов Бауманского технического университета, побывал на поле первого для меня священного боя с немецкими фашистами. Мы приехали в район деревни Немирово (40 км западнее Истры), где в конце октября 1941 года шли тяжелые бои. На опушке леса я нашёл следы места своего окопа, откуда в рядах 1-й мотострелковой роты 28-й отдельной танковой бригады пошел в первую атаку на немцев. Долго, молча, мы сидели на осенней травушке. Внуки прижались ко мне. Они знали об этом бое из моих воспоминаний, опубликованных в книге «Вспоминают политбойцы» (Чебоксары, 1985 г., стр. 179-196). В их глазах я увидел волнение.

Потом мы пошли на высоту, которую наша рота атаковала в далеком октябре 1941 года. Шел я со своими внуками через поле, как тогда. В памяти воскрес первый бой. Я четко вспомнил своих товарищей, разных возрастов и профессий, но объединенных в рядах одной роты Красной Армии с единой целью - защитить Москву.

Мы, коммунисты Чувашской парторганизации, призванные в армию в августе 1941 года по решению ЦК ВКП(б) в качестве политбойцов, проходили недолгую военную подготовку при Свердловском военном пехотном училище. Мне - кандидату в члены ВКП(б) - тогда было 18 лет. В начале октября 1941 года нас перебросили под Москву, в район Кубинки. Меня, как и многих из нашей группы, определили в состав мотострелкового батальона 28-й отдельной танковой бригады, которая находилась на переформировании. Затем бригаду перегруппировали на Волоколамское направление, где она вошла в состав 16-й армии.

24 октября 1941 года наш мотострелковый батальон выдвигался к полю боя. Серьезные и молчаливые ехали бойцы. С запада доносилась артиллерийская канонада. На дорогах -

разбитые машины, повозки, убитые люди, лошади. В деревнях - сожженные дома, стоял запах гари. Впереди шел бой. Это чувствовалось во всем. Группами шли в тыл легкораненые. Санитары на повозках везли тяжелораненых. В небе висели немецкие самолеты. Враг рвался к Истре.

Теперь мне известно, что тогда в районе деревни Немирово войска 16-й армии вели тяжелые активные сражения. Здесь немцы вынуждены были временно закрепиться на достигнутом рубеже с целью подготовки наступления на Истру. Утром 25 октября 1941 года командующий 16-й армией генерал К. Рокоссовский поставил 28-й отдельной танковой бригаде задачу - стремительной атакой овладеть деревней Немирово, закрепиться там и не допустить прорыва немцев на Истру.

Наша 1-я мотострелковая рота, усиленная взводом танков, должна была овладеть безымянной высотой на северной окраине деревни. По данным разведки, на высоте оборонялось до роты пехоты с 2-мя противотанковыми пушками, а за ней - минометная батарея немцев. Наша рота развернулась в боевой порядок на опушке леса и начала окапываться. Командир роты старший лейтенант Коваленко, командиры взводов и отделений приступили к организации атаки: провели рекогносцировку, довели задачу до каждого бойца, организовали взаимодействие с приданными танками.

Все готовились к атаке, которая должна была начаться через 4 часа. Настали напряженные минуты. Все чувствовали - скоро бой. Огромное психологическое напряжение перед предстоящей атакой, чувство тревоги за себя, близость возможной смерти, поиск внутренних сил для выполнения присяги Родине и злоба к ненавистному врагу - все смешалось в душе каждого. Мы понимали: чтобы жить, выжить, есть единственный способ уничтожить врага. Волновались все - от командиров до рядовых бойцов, но сохранялся твердый воинский порядок по принципу: приказ командира - закон для подчиненных. Предстоял первый бой, и каждый думал о том, как лучше провести его, как добыть победу.

Политрук роты и его заместитель разъяснили существо полученной боевой задачи, а также смысл крылатых слов, рожденных в боях под Москвой, которые выражали чувства и мысли всех защитников столицы, всех советских патриотов: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва». Среди нас

было немало политбойцов - коммунистов и комсомольцев из Чувашии, посланцев партии, активных помощников командования в деле политической подготовки бойцов для предстоящего сражения.

Во второй половине 25 октября части бригады, после короткого огневого налета, перешли в атаку. Наша рота действовала в бою организованно, решительно. Бойцы показали находчивость, уничтожили противника в окопах первой линии. Но при дальнейшем развитии наступления рота под сильным огнем залегла перед опорным пунктом немцев.

Повторная атака успеха не имела. Командир роты поставил нашему 3-му взводу задачу — обойти опорный пункт противника справа и атаковать его с фланга. Командир взвода, молодой, смелый, красивый лейтенант, получил тяжелое ранение. Командование взводом принял его заместитель сержант Василий Михайлович Кудряшов. До призыва в армию по партийной мобилизации он работал помощником прокурора Шемуршинского района. Скромный, душевный, обаятельный человек, крепкого телосложения он пользовался среди товарищей особым авторитетом. Красноармейцы уважали его, знали о его высокой требовательности к себе и товарищам.

Василий Михайлович по всем уставным правилам отвел взвод в укрытие и через лес вывел его в тыл опорного пункта противника. Все ближе и ближе были окопы врага. Тишина, но так и кажется - смертным холодом тянет оттуда.

Кудряшов оглядывает нас, товарищей по оружию: не трусим ли? Нет, твердо идем.

Фашисты молчали, пока не осталось до них метров полтораста-двести. И вдруг стали поливать наш взвод огнем из пулеметов и минометов. В таких случаях необходимо идти на сближение с противником перебежками, стремительно вперед! Иного выхода нет. В. М. Кудряшов объяснил нам, что этот бой для взвода не должен быть последним. Во что бы то ни стало, необходимо было уничтожить противника. Кругом открытое поле - ни окопаться, ни укрыться. Взвод броском ворвался в опорный пункт противника, уничтожил несколько автоматчиков, три пулеметных расчета. 20 немецких солдат сдались в плен. В результате рота продвинулась вперед, овладела высотой и закрепилась на ней. Умело действовал в этом бою политбоец, член ВКП(б) Василий Федорович Урнев,

бывший лесничий Шемуршинского лесхоза. Он первым ворвался в один из окопов и уничтожил пулеметный расчет противника.

В этом бою в рядах других подразделений бригады храбро дрались с противником наши политбойцы-коммунисты Шемуршинской партийной организации братья Петр и Николай Космовские. Их родственник Иван Космовский в 1918 г. в боях под Симбирском командовал батальоном Алатырского полка Железной дивизии.

Вспоминая первую атаку, я не могу сказать, что в последующих боях мне было легче. Все бои тяжелые. В любом бою один миг решает судьбу и жизнь воина. Правда, человек привыкает к опасности. Но это связано не с бесстрашием, а с приобретением определенного боевого опыта. Атака всегда была самым тяжелым способом действий, требовала от воинов максимального напряжения моральных и физических сил. Она решала исход боя. Что испытывает солдат, уходя в бой, идя в атаку? Было ли мне страшно в первом и последующих боях? Прежде всего, хотелось бы отметить, что в бою иногда бороться с собой труднее, чем с противником.

В замечательном кинофильме «Два бойца» есть песня о том, что «смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи». Конечно, эти слова патриотические. Но, в бою смерть страшна, она преследует воина на каждом шагу. «Не верьте, - говорит писатель, Герой Советского Союза В. Карпов, - если кто-то скажет, что только смелость испытывал в бою. Таких людей нет. Сила человека в другом - в том, чтобы преодолеть страх, взять себя в руки, идти вперед вопреки страху, победить его, а не дать ему победить себя...»

Я полностью согласен с этим. Страх - от природы. От него никто не избавлен. Действительно, если кто-то говорит, что в бою не страшно, тот о бое ничего не знает. В человеческой душе есть не только сильные, но, конечно же, и слабые стороны, противоречивые чувства. Они могут развиваться, если человек с ними не управится, не обуздает, не остановит их, не скрепит себя присягой, честностью, чувством долга перед Родиной. Страх - от природы, но человек может и должен победить его. Кто не умел управлять собой, тот поддавался страху, превращался в паникера, труса.

Ходить в атаку - это означало сознательно идти на смерть. Но о ней в атаке никто не думал, никто не хотел умирать. Воин, идущий в атаку, находился в особом морально-психологическом состоянии. Он всегда помнил принятую присягу: защищать Родину «не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами». Если бы он шел в бой с думой о своей смерти, то не мог рассчитывать на жизнь. Во время атаки воин управлял собой, в противном случае - неизбежная смерть. Смысл атаки в уничтожении противника. На войне путь к жизни, победе лежит только через смерть противника. Таков закон вооруженной борьбы.

В первом бою - наступлении на деревню Немирово - наша рота прошла суровое испытание, выдержала первый тяжелый экзамен войны. Этот день казался мне вечностью. Каких только чувств я не пережил за день боя! Впервые в жизни встретился со смертью воочию. Мы потеряли навсегда многих своих товарищей по оружию.

Немцы предприняли отчаянные контратаки. Рота выдержала, отстояла занятую высоту. Бойцы стояли насмерть во имя жизни. Но мне трудно было мириться с мыслью, что завтра будет так же, как сегодня, а может, еще тяжелее. А ведь это только начало: когда же будет конец этому аду? Офицеры, сержанты, солдаты понимали - это будет только тогда, когда Красная Армия разгромит фашистских оккупантов. Наступление 28-й танковой бригады 25 октября 1941 года показало, что немцев можно бить. Сам факт первой победы роты над врагом имел огромное психологическое значение для политбойцов. Воины убедились в справедливости русской поговорки «Не так страшен черт, как его малюют».

Бои на Истринском направлении продолжались. Потом разошлись наши фронтовые пути-дорожки. Многие посланцы Чувашской парторганизации, отличившиеся в боях, были направлены на курсы политработников.

Первый бой за высоту под Немировым явился поворотным событием и в моей жизни. Вскоре я оказался на курсах младших лейтенантов, получил офицерское звание и прибыл на передовую командиром взвода. В марте 1942 года вступил в члены ВКП(б), стал полноправным бойцом партии, но тогда мне не хватало опыта работы с людьми. Я воспитывался в партийной организации 1203-го стрелкового полка 354-й

стрелковой дивизии, последовательно входившей в состав Западного, Центрального, Белорусского фронтов. В полку мне суждено было выдержать суровые экзамены в первых боях в должностях командира взвода, роты, начальника штаба и командира батальона, первого помощника, а затем начальника штаба полка. Каждое новое назначение приходилось оправдывать в новом бою.

Мне повезло. Судьба распорядилась так, что я остался живым. За долгие годы службы в Генеральном штабе ВС СССР мне суждено было познать основы военного искусства (стратегии, оперативного искусства, тактики), теории строительства Вооруженных Сил, а также изучить зависимость хода и исхода войны от постоянно действующих факторов, отражающих содержание постоянно изменяющихся исторических законов и закономерностей вооруженной борьбы. Правду о Великой Отечественной войне я знаю по архивным документам Ставки ВКГ и Генштаба Вооруженных Сил СССР.

И вот теперь, после долгих лет, я снова находился на поле первого нашего боя, в котором участвовал солдатом. Память вернула меня и к другим событиям давно минувших суровых дней, проведенных на полях сражений, вдали от Москвы. За годы войны я убедился в том, что управлять боем в роли командира подразделения, части, соединения и участвовать в нем солдатом - функции разные, несравнимые. Дело в том, что чем выше должность, тем больше обязанностей, ответственности. Солдат отвечает за себя, сержант - за десятки подчиненных, а офицер - за жизнь сотни, тысячи людей.

У каждого ветерана войны свое понимание характера и результатов боевых действий. Поэтому один и тот же бой вспоминается различными должностными лицами по-разному. В бою всем было тяжело. На войне легких должностей не бывает, особую тяжесть несли коммунисты-солдаты, сержанты и младшие офицеры - основные труженики войны. Им приходилось выполнять самые ответственные, сложные боевые задачи непосредственно на поле боя.

Существует широко известная пословица: «тяжело в ученье - легко в бою». К сожалению, она не раскрывает правду о современном бое. Дело в том, что в бою легко не бывает. Я на своем опыте убедился: больше пота на ученье, меньше крови в

бою. Высокий уровень личной физической, огневой, тактической подготовки бойца - залог сохранения его жизни в бою.

Бой - явление сложное, охватывающее все стороны жизни воинского коллектива. На ход боя оказывали влияние многочисленные обстоятельства. В бою всегда много неопределенного, непредвиденного. Условия, в которых велись бои, постоянно менялись. Поэтому шаблона в организации и ведении боя не могло быть, каждый бой имел свои особенности. Ни один из них не был похож на другой, поскольку каждый велся при боевых различных возможностях, на разной местности, с коварным различным противником. Командиры и штабы постоянно проявляли творчество при организации боя. Успех боя закладывался в штабах, которые согласовывали и направляли усилия всех имеющихся сил и средств на выполнение боевой задачи частей. План боя, разрабатываемый штабом согласно решению командира, являлся исходным документом, основой для организации управления, взаимодействия, боевого, материально-технического, медицинского обеспечения, а также определения содержания и проведения партийно-политической работы. Главной целью всех служб являлось обеспечение достижения победы над врагом.

Чем сложнее, опаснее складывалась обстановка в бою, тем активнее, как правило, работали штабы, проводилась партийно-политическая работа с людьми по идейному воспитанию их, поддерживанию у них духовных и физических сил, укреплению веры в свои силы, решимости во что бы то ни стало выполнить боевой приказ. Победа в бою обеспечивалась целеустремленной, организованной деятельностью командиров, штабов, постоянно ведущейся эффективной работой партийных и комсомольских организаций.

Партийно-политическая работа проводилась всегда и везде активно, интенсивно и непрерывно как при организации, так и в ходе боевых действий. Она направлялась на мобилизацию сил для выполнения боевой задачи, на своевременное вскрытие и устранение недостатков, отрицательно влияющих на исход боя. В результате согласованной работы командиров, штабов и партийных организаций достигалось успешное выполнение боевой задачи.

В боях под Москвой закладывались новые формы и методы организации боя, боевого, материально-технического, медицинского обеспечения и партийно-политической работы, которые в ходе войны постоянно совершенствовались.

На высоте, которую мы взяли 25 октября 1941 года, я, вместе с внуками, через 60 лет, нашел братскую могилу. На нее мы возложили венок из поздних осенних полевых цветов. Я поклонился своим товарищам по оружию, погибшим на этом поле, поклонились и мои внуки. Я убежден в том, что в них будет жить священная память о живых и павших участниках Великой Отечественной войны.

Эти строки я написал в преддверии 60-й годовщины Победы Советского Союза над фашистской Германией. В моей памяти живут не только первые бои под Москвой, но и первые послевоенные мирные дни и годы.

Тогда советский народ торжествовал. В жестокой войне победила социалистическая система общественно-государственного строя, победили трудовые подвиги народа, его моральный дух, сильно развитая военная экономика, передовая военная наука и могучие Вооруженные Силы СССР. Все мысли, все чувства народа были обращены к тому, кто вел страну через трудности, суровые испытания войны, кто спас державу от гибели, чей гений указал пути сохранения независимости страны, добился увеличения объема производства оружия, боевой техники, обеспечения армии и флота всеми видами материально-финансового довольствия и направил усилия государства на разгром Германского блока, чья воля привела СССР к Победе, - к великому И. В. Сталину, который возглавлял Государственный комитет обороны, Совет народных комиссаров, Ставку ВГК ВС СССР и Политбюро ЦК ВКП(б).

В выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года И.В. Сталин сказал:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза, среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода.

Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества - над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!» (И.В. Сталин. Сочинения. М. 1997 г., т. 15, стр. 228).

После окончания Военной академии Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова с 1965 года служил в Генеральном штабе ВС СССР. Работал старшим офицером, начальником группы, заместителем начальника отдельного направления Главного оперативного управления. По долгу службы целенаправленно изучал историю войн и военного искусства. Участвовал в разработках замыслов и планов маневров войск, стратегических командно-штабных учений на театрах военных действий и актуальных вопросов военного искусства, рассматривавшихся в Политбюро ЦК КПСС, Совете обороны СССР.

В послевоенные годы награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, многими медалями и ценными подарками ЦК КПСС, Совмина, Министра обороны СССР. После увольнения в запас с 1979 по 1991 годы работал в Генштабе старшим помощником начальника отдела, занимавшегося проблемами создания автоматизированной

системы управления Вооруженными Силами СССР. Автор книг «От Москвы до Штральзунда» (Воениздат, 1985 г.), «Легендарная железная» (Воениздат, 1987 г.). «Они защищали Родину в рядах Железной дивизии» (1996 г.), «Легендарная Железная дивизия» (1997 г.). «Доблесть отцов - сыновьям в наследство» (2001 г.), которые пользуются широкой популярностью.

Лауреат Всероссийского конкурса на военно-патриотическую тему по итогам 1998 г. (диплом Российского государственного военного историко-культурного центра при правительстве РФ и Союза журналистов России от 16 февраля 1999 г.).

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Безчастнов Кирилл Константинович,*** *студент МАТИ-РГТУ*

Песков Михаил Ильич

Цели хорошо определял, да удачно корректировал огонь минометов

(Начало)

Я родился 18 февраля 1925 года в деревне Афанасьевской, Шенкурского района Архангельской области. Русский, бывший член КПСС, сейчас беспартийный.

До войны начал и в 1942 году окончил 52-ю среднюю школу в г. Архангельска.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г. при следующих обстоятельствах. Утром мы с товарищем (другом) из нашего 9а класса пошли по Соломбале (это район г. Архангельска, один из островов дельты Северной Двины, омываемый двумя рукавами – Соломбалкой и Кузнечихой) и на площади услышали из радиорепродуктора в 12.00, что в 4 часа утра фашистская Германия без предупреждения бомбила Киев, Минск и вторглась на территорию СССР. Началась война.

Первое что мы сделали – побежали в нашу школу. Там уже собралось несколько десятков школьников, некоторые учителя и директор школы Павловский Алексей Андреевич (потом погиб на фронте) – он жил в квартире, которая была в торце нашей школы. Наша школа кирпичная, 4-х-этажная, построена в 1936 г., т.е. совсем новая. Таких зданий в Соломбале мало, большинство домов деревянные, одноэтажные и двухэтажные.

Алексей Андреевич объявил нам, присутствующим, чтобы мы сбегали домой, пригласили наших товарищей – учеников к

15.00 в школу – мы должны подготовить нашу школу под госпиталь. Так мы и сделали. Предупредили родителей, что уходим в школу – моя мама уже знала о войне.

Собрались к 15.00 почти все учителя и ученики от 5-х до 10-х классов. Работали до 5 часов утра (был перерыв вечером – сбегали домой на 2 часа – там поели). Наша задача была вытащить из всех помещений школы (классов и кабинетов) все парты, столы, стулья, приборы, плакаты и др. Парты и столы штабелировали на площадке возле школы – оказалось к утру много штабелей парт и столов. Я даже предположить не мог, что в школе такое огромное количество мебели.

К утру 23 июня 1941 г. школа наша была полностью освобождена. И к вечеру – уже военные в школу завезли оборудование для госпиталя, и теперь без нашего участия госпиталь был готов к приему раненых, которые уже через несколько дней стали поступать с фронта, пока с Карельского направления, а потом и с других фронтов.

В июле-августе 1941 г. мы (все ученики) были на трудовом фронте 2 месяца – в колхозе под г. Тотьма Вологодской области – там под руководством классного руководителя Чуданова Владимира Федотовича занимались, в основном, сенокосом. Добирались туда и обратно на рейсовом пароходе, который ходил от Архангельска до Котласа, в общем трюме, где много народу и очень спертый воздух.

Без нас Архангельск уже многократно бомбили в течение лета. По карточкам выдавали только хлеб и нам на троих (мать, младший брат и я) полагалось 1400 г. черного хлеба на сутки. А в конце 1941 года хлеб по карточкам урезали в 2 раза и мы на троих стали получать 700 грамм. Голодные были всегда. На свалке собирали картофельные очистки, варили и ели, если они попадались. Хлебную фуру, которая развозила хлеб по магазинам, ждали с нетерпением. Из пустой фуры аккуратно вычищали все крошки от корок черного хлеба.

В начале учебного года (1941 г.) весь сентябрь старшие классы работали в колхозе на копке картошки. Нас увозил утром пароходик по дельте р. Северной Двины (там много островов), причаливал на какой-то остров (названия не помню), там колхозные поля. День мы копали картошку. Вечером этот же пароходик привозил нас домой, в Соломбалу. В конце сентября нам всем выдали по мешку картошки (около 50 кг).

Вот радости-то было! Этой картошкой питались более месяца. Я свой мешок еле доволок от пристани до дома. Сил-то мало!

10-й класс школы мы заканчивали в 1942 году уже в другой деревянной школе № 16 (тоже в Соломбале), учась во вторую смену.

В 1941 году ребята из нашего класса рождения 1924 года были призваны в Красную Армию и многие погибли в первых же для них боях. Погибли на фронтах и учителя-мужчины: директор школы Павловский Алексей Андреевич, завуч, преподаватель химии Репин Виктор Ильич и др.

Я успел в 1942 году закончить 10-й класс школы (аттестат с отличием, тогда не было золотых медалей) и даже до призыва в амию в 1943 году (когда исполнилось 18 лет) успел поработать в Гидрографической экспедиции Северного флота до 20 марта 1943 г. Работа была очень тяжелая, и условия тоже не легкие. Экспедиция работала в горле Белого моря, в районе острова Сосновец. Условия тяжелые, но зато снабжение продовольствием было по 1 категории, поэтому за этот летний период голода не ощущалось, даже восстановились силы, и поправился. Доставлял экспедицию по Белому морю военный ледокольный корабль «Морозко», вооруженный зенитными пушками. И несколько раз охотились за кораблями в море фашистские самолеты, от которых отстреливались зенитками. Один самолет был сбит, но не нашим кораблем, а другим, более мощным - мы это видели издалека.

В марте 1943 г. призван в армию, в Великоустюжское военно-пехотное училище (было дислоцировано в г. Каргополе Архангельской области), которое не закончил – нам предложили в конце августа 1943 года фронт, и мы все поголовно согласились. Я был в минометной роте. Учение в училище было тяжелым (особенно для меня – высокого роста и не особенно сильного). На дорогу выдали сухой паек.

Железнодорожный эшелон (теплушки) доставил нас на вторые сутки же поздно вечером в чистое поле где-то между Орлом и Курском. Фронт недалеко – слышна стрельба и разрывы снарядов, видны даже всполохи. Никаких селений поблизости не видно. Оружия у нас нет. Для охраны в эшелоне и здесь, когда высадились в поле, был один карабин на вагон, и бывшие курсанты по очереди стояли на посту. Костры жечь нельзя. Закусили сухим пайком, запили водой (фляги

заполнены во время стоянок на станциях в пути) и улеглись спать на какие-то жесткие стебли, росшие на этом поле. Когда рассвело, увидели, что мы находимся на кукурузном поле. Я впервые увидел, как растет кукуруза. Поле большое, всю кукурузу мы не вытоптали. Вдали видна роща и еще дальше, правее рощи – деревня, полуразрушенная и сгоревшая. Закусили.

Утром прибыли представители фронтовых полков и наше минометное отделение отобрал молодой (около 20 лет) офицер – человек 20-25, предупредил, что идем пешком (30 км) и надо проверить портянки, ботинки и обмотки. Шинели в скатку, вещмешки – за спину и двинулись в путь уже не строевым шагом, а вольным: впереди лейтенант, мы за ним.

Лейтенант очень разговорчивый и за время пути (почти весь день) много рассказывал о нашем полке, куда идем, где полк воевал. Последнее сражение на Курской дуге потребовало пополнения в живой силе и оружии, поэтому полк отведен с фронта на доформирование. Привел лейтенант в рощу, где были землянки и стояли автомашины – американские «студебеккеры», еще какая-то техника и минометы, боеприпасы и др.

Мы, курсанты, прибыли в полк в первых числах сентября 1943 г. На следующий день прибыло еще пополнение – это оказались солдаты старше нас с Дальнего востока, морские десантники, уже бывалые, но на фронте впервые, видно, что давно знают друг друга, дружные и отважные.

Мы прибыли в 467-й гвардейский минометный полк (командир – майор Копин И.Д.), который входит в 7-й гвардейский танковый корпус (командир – генерал-майор Иванов С.А.), который входит в 3-ю гвардейскую танковую армию (командующий – генерал Рыбалко П.С.), в армии три таких же танковых корпуса (6-й, 7-й и 9-й). Армия только что завершила успешно танковое сражение под Прохоровкой на Курской дуге в составе Воронежского фронта.

Я попал во 2-й минометный дивизион (командир – капитан Жданов, начальник штаба – ст. лейтенант Ахметзянов), в 4-ю минометную батарею (командир – лейтенант 22-23 лет Григоренко Юрий, отчество забыл). Комбат сразу определил меня в разведчики, я четвертый в отделении разведки, задачи которой быть на командном пункте (КП), т.е. в передовых

рядах пехоты. Наш полк всю войну поддерживал 23-ю гвардейскую мотострелковую бригаду (командир – капитан Головачев Александр Алексеевич, потом полковник, дважды Герой Советского Союза, погиб в последние дни войны), которую на фронте называли «Головорезами Головачева». Бригада входит в 7-й гвардейский танковый корпус.

В батарее есть два основных взвода по 6 минометных расчетов в каждом и взвод управления (командир – лейтенант Ильин), в который входит отделение разведки (мое), отделение связи (6 человек) и санинструктор (бурятка Надя). Задача разведчиков: быть на КП, разведывать и определять цели противника, рассчитывать прицельные данные для минометов, которые комбат передает (команды) на открытие одиночного (прицельная пристрелка), затем залпового огня по разведанным целям. Минометы (120 мм) находятся в укрытии (в лощине, овраге, опушке леса) на расстоянии 300-500 м от КП, связь с которым проложена телефонистами, с которыми мы всегда вместе находим при развертывании пехоту, одновременно прокладывая связь и неся с собой наше оружие: у разведчиков – это автомат, бинокль (на шее), буссоль (в сумке через плечо), две гранаты лимонки на ремне, перископ, противотанковое ружье (ПТР).

На КП роются окопы, с бруствера которых и происходит наблюдение за противником, их линия обороны недалеко – метров 200-300 от нашей. Во время обороны и противостояния иногда свистят пули, иногда рвутся снаряды, иногда бомбят. От прямого попадания спасает окоп. Во время перестрелок применяется перископ – важно определить цель во время выстрелов.

Вернусь в лес под Курском. В день нашего прибытия в полк все прошли медосмотр в санчасти полка, кормились из полевой кухни, прошли санобработку – пропарили всю одежду в бочках от вшей – но их не было – вымылись в походной бане, получили дополнительно портянки, автоматы, бинокли, буссоли и др. Уже освоились в своих подразделениях и с ребятами из соседних. Своих знакомых курсантов я уже потерял из поля зрения, т.к. они попали в другие батареи, которые были тоже где-то здесь, в лесу, но не рядом. Я подружился со связистом (тоже солдатом как я) Лешкой (Алексеем) Волоховым, дружба наша, продолжавшаяся всю

воину, разговоры общие и понятные друг другу. Он сибиряк, лет тоже 18, но окончил только неполную среднюю школу, перед армией работал и даже охотничал в тайге.

На третий день получили команду «По машинам!» Производится загрузка ящиков с минами в кузова автомашин (в каждом ящике по 2 мины по 16 кг каждая), к машинам цепляются сзади минометы на лафетах, выдается всем сухой паек, и все солдаты усаживаются в кузова на ящики с минами. Так всегда в походном положении. Офицеры усаживаются в кабины рядом с шоферами. Одна автомашина взвода управления (наша), где тоже погружены мины (в ящиках), телефонное оборудование (катушки с проводами, полевые телефонные аппараты), все имущество разведчиков. В дивизионе своя походная кухня, которая цепляется за свою автомашину, в которой запас продуктов на несколько дней, своя штабная машина (крытый брезентом такой же «студебеккер», в его кузове закреплен стол, сидения и т.п.). Если бы вытянуть весь полк на марше в цепочку, то колонна была бы более 1 км длиной (более 100 автомашин), но этого почти никогда не бывало, т.к. прямых маршей полка не может быть на войне.

Перед отправкой, как бы предчувствуя, комбат приказал из нашей управленческой автомашины перегрузить все мины в одну из недогруженных, а в нашей разместить только солдат (вместилось 30-35 человек). Сидели на дне кузова, а сзади за машиной прицеплен миномет. Шофер опытный (за 40 лет) и бывалый, Тарабанов. Мне досталось место в центре кузова. Колонна отправилась уже вечером, в темноте. Это было 10 сентября 1943 г. Машины идут друг за другом без фар на определенном расстоянии (едем к фронту!), иногда по утрамбованному, но разбитому, с колдобинами шоссе, иногда по проселочным дорогам в сторону юга. Уже ночь. В кузове тряско, но многие спят сидя, качая друг друга, даже храпят. Я не смог спать в такой тряске и качке – ноги в сидячем положении, почти калачиком, устают. Несколько раз вставал на ноги. На небе звезды, луны нет. Автомат и вещмешок рядом со мной.

Вдруг чувствую, что машина кренится на правый бок и затем переворачивается. Прижимаюсь к дну кузова. Понимаю, что летим кувырком. Машина опрокинулась. Чувствую, что

ударился об землю головой. Слышится стон со всех сторон. Темно. Ничего не видно. Кто-то ногой (ботинком) пнул мне по губе – больно! Вроде пошла кровь. Но это ничего - живой кажется, а там, рядом стонут, значит, под бортом зажаты – мелькнуло в голове. Слышу, около машины голоса. А внутри кузова даже помочь друг другу не можем, т.к. находимся под колпаком. Снаружи открыли задний борт.

Я вылез третьим, живым, вылезли еще несколько человек. Живые, да и ладно! Подъехали наши машины и всеми силами уцепились за левый борт, чтобы перевернуть машину и поставить на колеса. Оказалось, что машина опрокинулась на насыпи перед мостом через речку. Общими усилиями поставили машину на колеса на ровное место у насыпи. Вытащили 5 раненых и 5 уже погибших под бортами солдат. Раненых увезли. Уже светало. Выкопали братскую могилу и похоронили погибших (в т.ч. командир нашего отделения разведки сержант Коваленко), дали залп и сделали холмик и доску с фамилиями. Вся колонна нашего полка уже прошла, шли машины других полков. Танковые бригады корпуса шли другим маршрутом, и я еще наших танков не видел. Мы свой полк догнали уже в колонне другого полка.

Произошла эта трагедия около села (или городка) Суджа Сумской области, у моста через р. Псел. Перед мостом небольшая насыпь, и дорога поворачивает чуть влево. Шофер Тарабанов съехал с дороги правым передним колесом на склон насыпи и резко стал выруливать на дорогу (в темноте, ночью). Этим самым поставил переднюю ось почти вдоль машины. Машина потеряла устойчивость, и весь кузов стал клониться вправо, а шофер своим выруливанием усугубил переворот кузова на склон насыпи. Надо было съехать по насыпи (она небольшая) и снова выехать на дорогу, тем более, что автомобиль «студебеккер» с передними и задними ведущими колесами – вездеход. Тарабанова тут же арестовали, и Военный трибунал присудил ему штрафную роту, но он около месяца был в полку, его не забирали, он переживал и все мы за него (очень хороший и порядочный человек). Потом где-то в октябре уже в период боев за Киев, его взял себе шофером командир полка (его шофер погиб), и он, кажется, воевал и рулил до конца войны. А нашу управленческую машину стал водить шофер Стрекалов.

А что было бы, если бы в машине были ящики с минами? Одному Богу известно.

Моя рана на губе быстро зажила, но рубец виден по сей день. Зато заболел живот (видимо сильно встряхнуло), и в течение месяца я мучался. Но и это в боевой обстановке прошло. Марш к фронту продолжался через Сумы, Ромны, Пирятин, Переяславль-Хмельницкий.

По дороге произошло еще одно ЧП и снова в нашей батарее у Григоренко где-то между Ромнами и Пирятином в большом селе. Располагались в домах, куда уже возвратились жители (женщины и дети) после недавнего освобождения села. Мы, несколько солдат, уселись в доме и чистим свои автоматы (ППШ) – это полагается делать систематически. Вдруг рядом со мной раздается автоматная очередь: солдат (кажется связист) из нашего взвода стал разбирать ППШ, не вытащив из него магазин (диск) с патронами и нечаянно нажал на спусковой курок. Естественно, автомат застрочил, и несколько пуль попало в ногу слева сидящему солдату (бывшему курсанту Гуляеву). Раненого со сквозными ранениями отправили в госпиталь, и я его уже больше никогда не видел. Опять судьба отвела меня от возможной смерти – ведь я был рядом.

Оказалось, что в этом селе мы остановились не на привал, а потому, что в машинах было мало бензина – какие-то тыловые службы прошляпили. Но приказ прибыть к месту назначения к установленному времени надо выполнить. Командиры решили собрать всех имеющихся в селе лошадей, запрячь их в телеги, прицепить минометы, а мины – в телеги. Солдаты пошли пешком. Чтобы лошадей вернуть обратно в качестве проводников поехали деревенские ребята (лет 10-11), которые управляли лошадьми. Я умел обращаться с лошадьми и на одной подводе управлял я. Несколько автомашин шли своим ходом (слили бензин из оставшихся). Навстречу нам уже попадаются машины с ранеными и ходячие забинтованные солдаты – совсем недалеко Днепр, и они участвовали в боях. Чем ближе к фронту, тем беспокойнее ведут себя наши лошади – уже совсем рядом стрельба и разрывы снарядов.

Мы прибыли к Днепру, на Букринский плацдарм, который только что вчера (это было в ночь с 22 на 23 сентября 1943 года) заняли батальоны нашей 23-й мотострелковой бригады Головачева. Обозом мы ехали, кажется, две ночи и один день.

Быстро разгрузили телеги – повозки и с малолетними ребятами отправили обратно. А так как повозок-телег было 20-25, то разгружали последние довольно далеко от переправы. Впрочем, никакой настоящей переправы (моста) тут не было. Была груда бревен, досок, бочек, привезенных из близлежащих сел (деревень) от разобранных домов. Из этого материала делали плоты, на них ставились минометы и ящики с патронами. Каждый расчет переправлял свои минометы.

Мы, управленцы (разведчики и связисты), делали свои плоты для переправки на плацдарм своего имущества. Это было 24 сентября 1943 года. Началось мое боевое крещение. Плоты использовались для многократного курсирования с левого на правый берег Днепра и обратно. Автомашины переправлять на плотах невозможно, поэтому они пока остались на левом берегу. Все это делалось при периодическом обстреле немцами и разрывах снарядов и по плотам на реке, и по нашему берегу. Бомбежек не было, т.к. переправу охраняли наши истребители. Занятый нашей 23-й бригадой пятачок на правом берегу был еще небольшим и при переправе надо было не ошибиться, очень сильно сносило плоты – быстрое течение.

Пришла очередь переправляться и нам. Уже в ночь на 24 сентября 1943 г. мы погрузили все имущество на плот, а мы с Лешкой Волоховым с разрешения командира отделения Новикова (вместо погибшего Коваленко) и командира взвода Ильина решили переправляться самостоятельно.

Еще в детстве мы с ребятами, обычно вдвоем, выбирали два бревна (на Северной Двине и Соломбалке их плавает много, оторвавшихся от сплавных плотов), садились на них с двух концов и сжимали ногами, доской гребли и управляли. Так мы катались по воде. Вот и теперь мы выбрали из кучи два бревна, доски в руки, на шее автомат, ботинки с обмотками – в вещмешок (на спине), засучили брюки выше колен и двинулись в путь на правый берег Днепра. Ширина Днепра тут не менее 800 метров. Я на заднем конце бревен (я умею управлять – есть детский опыт). Чуть выплыв поперек реки, почувствовали, что течение очень быстрое и сносит влево очень здорово. Это оказалось много труднее, чем баловаться в Соломбалке. Грести и направлять наше движение пришлось все время не поперек реки, а чуть ли не вдоль -против течения. Ориентиры мы знаем, да и наш плот, хоть и темно (уже ночь), виден. Над рекой все

время периодически висят осветительные ракеты, запускаемые немцами, поэтому плоскость реки просматривается хорошо, пока горит ракета. По реке бьют орудия с немецкой стороны. Снаряды взрываются и в воде, но нас (впереди мы видим три наших плота) пока не достает. Мы во всю гребем и стараемся держаться на видимом расстоянии от своих. Они тоже гребут – мы видим. Были некоторые моменты сомнения за этот задуманный мною трюк – плыть на бревнах: хватит ли сил справиться с течением. Гребем во всю. Пушки немецкие бьют, снаряды рвутся, ракеты освещают, но в нас и в плоты пока не попадают. Слава Богу, уже доплыли до середины реки, а там течение еще сильнее, удерживаемся в створе ориентиров.

Наконец, видим, что передний плот нашей батареи начал разгружаться – значит, это берег. Начинает светать. Уже разгружается второй плот. Ближе к берегу течение стало меньше, и наши силы на исходе. Мы подоспели к разгрузке нашего (управленческого) плота. Оказалось, что метров за 100 от берега мелко (по колено) и плоты дальше не идут. Мы оставляем свои бревна и доски – они поплыли по течению. Спасибо им за службу! Сразу помогаем разгружать наш плот и переносить свои вещи (ПТР, бинокли, перископы, катушки с проводами, телефонные аппараты и т.п.) на берег по колено в воде (вода теплая – сентябрь же!) Плоты отправляются обратно за очередным грузом, забирая с собой раненых наших солдат, среди которых были и из нашего полка, переправившиеся ранее.

Выходим на берег. Он песчаный, много отдельно стоящих кустов ивняка небольших размеров. Метров за 50-60 от воды начинается холмистая местность, на склонах которой не очень густо растут ивы, березы, сосны. По реке переправа продолжается, прибывают новые плоты с грузом и солдатами. Стрельба по фарватеру реки продолжается, но, видим, палят из пушек немцы вслепую, по площадям. Уже совсем светло – это утро 25 сентября.

Нам, разведчикам и связистам во главе с командиром взвода Ильиным, приказано идти на место огневых позиций батареи. Командует и отдает распоряжения начальник штаба нашего 2-го дивизиона старший лейтенант Ахметзянов. Он, видимо, прибыл с машинами раньше нашего обоза, успел переправиться еще вчера. Он с забинтованной головой (уже

ранен, но легко), но командует умело. Мы добавляем к своим вещам еще груз. Мне достался ПТР (20 кг), нести его удобно на плече, как бревно или жердь; естественно, бинокль на шее, буссоль, перископ и две лимонки. Кто-то несет ящики с патронами, кто-то – ящики с гранатами. Минометные расчеты несут 120-милимметровые минометы в разобранном виде: ствол – отдельно, плита – отдельно, прицел – отдельно, лафет катят вручную. Ящики с минами несут вдвоем, плиту – тоже. Не менее тяжелый груз у связистов. Погода нормальная, сухая.

Ступив несколько шагов по песчаному берегу с грузом, вижу один труп (убитый немец), второй, третий во всей своей фашистской форме. Трупов много. Обходим их (убирать их пока некому – мы все заняты своим делом). Сапоги на убитых очень хорошие, но снимать противно, пока похожу в ботинках с обмотками. Теперь я почувствовал, что попал на фронт, на войну. Наших убитых солдат хороним сразу же на месте.

Цепочкой, друг за другом, идем по холмистой местности, вроде бы по тропинке виляющей между деревьями. Деревья все побитые, без верхушек – видно, что здесь разрывались снаряды, много воронок от снарядов и бомб. Много веток и поваленных деревьев под ногами. Лес не густой, ближайшие холмы просматриваются хорошо. Прошли первый холм (с грузом идти тяжело!), у меня разболелся живот, все сосредоточено на животе и тяжесть груза забылась. Во время погрузки-разгрузки и переправы вроде бы живот успокоился, а теперь вот снова. За холмом овраг, за ним опять горка, опять овраг, спуск крутой - спускаться еще тяжелее, чем подниматься в горку. Здесь солдаты, но не нашего полка. Идем дальше, за впереди идущим, опять на горку – она выше предыдущих. Уже совсем рассвело. Слышны пулеметные очереди, одиночные выстрелы из орудий и разрывы снарядов уже недалеко от нас. Пройдя еще несколько оврагов и горок (очень пересеченная местность, на ней нет никаких селений) спускаемся в большой овраг почти круглой формы. Здесь уже наши и вроде весь наш дивизион. Другой (1-й) дивизион нашего полка – видимо в каком-то соседнем овраге. Здесь уже комбат Григоренко и развернуто несколько минометов, которые прибыли раньше нас. Здесь оказалась в целости и на колесах наша (дивизионная) походная кухня, из трубы которой шел дымок – значит, будет завтрак.

Спасибо тем, кто перевез по этим оврагам кухню, спасибо повару! Молодцы.

По прибытии нас (разведчиков и связистов) Григоренко приказал идти за ним на КП. Связисты сразу же устанавливают телефонный аппарат прямо на земле, берут на плечи катушки с проводом, который разматывается по нашему пути на землю. Я несу свой груз, в том числе и ПТР. Цепочкой двигаемся за комбатом на очередную горку, по которой карабкаемся наверх, и перед нами открывается поле, где растет гречиха (она уже вся примята и вытоптана).

Комбат предупредил, что здесь уже стреляют, и надо идти короткими перебежками. Мы уже слышим свист пуль, пролетающих где-то рядом по звукам: фьють! фьють! фьють! Это значит, что пуля уже пролетела и пригибаться поздно. Итак, короткими перебежками мы пересекли поле и оказались на краю очередного оврага очень большого размера, спуск в который был пологим, и на нем стояли далеко отступающие друг от друга крупные покореженные сосны.

Здесь, на самом краю оврага (кромка оврага зигзагообразная) была траншея, в которой сидели солдаты. Это передний край нашей 23-й мотострелковой бригады и, в частности, ее 1-го батальона, которым командовал капитан Девиденко (впоследствии дважды Герой Советского Союза, сейчас у него на гимнастерке несколько орденов). Мы пришли как раз на свой КП, в передовые порядки пехоты того батальона, который мы (наш минометный дивизион) в дальнейшем будем поддерживать огнем по их просьбе и по собственно разведданным целям всю войну.

Телефонная связь с батареей уже заработала (Лешка Волохов у аппарата здесь же, в окопе, рядом). Григоренко дает команду на огневые позиции подготовиться к стрельбе. Начинается наша работа разведчиков. Из окопа высовываться нельзя – свистят пули. Закрепляем на бруствере перископ и через него хорошо можно рассмотреть всю впередилежащую лощину и следующий холм очередной горки за ней, изрезанной оврагами. По лощине проходит проселочная дорога. На краю лощины, ближе к дальнему склону горки, видны укрытия и передвигающиеся ползком или перебежками немецкие солдаты. На склоне горки видна цепь траншей, из которых изредка стреляют в нашу сторону – пули свистят периодически. Если

внимательно присмотреться, видны высовывающиеся и прячущиеся головы (они в касках, а наши солдаты их не любили надевать) немецких солдат. Траншеи в несколько рядов. Это немецкая передовая линия (не линия, а зигзаги сплошные).

Из нескольких точек нашей траншеи с помощью биноклей (они 10-ти кратные, с делением в окуляре), что делается короткими высовываниями над бруствером (стреляют!), буссолей и перископов, мы (несколько разведчиков) определили возможное расстояние до немецких укрытий и траншей. Григоренко обобщал наши расчеты и по телефону сообщал прицельные данные на огневую позицию (дальность, азимут, угол наклона). Начинается одиночная пристрелка. Этот первый выстрел нашего миномета помню до подробностей. После выстрела из оврага, где стоит батарея, слышен шорох летящей где-то над нами в воздухе выпущенной из миномета мины. Все разведчики в бинокли, Григоренко в перископ - наблюдаем местность и смотрим, где разорвалась наша мина. То, что это наша мина – сомнений нет, так как секунду-другую она прошуршала у нас над головами и по своей траектории достигла цели. Разрыв виден хорошо, видны летящие осколки вместе с землей, дым, затем воронка от разрыва. Мина упала не точно в цель. Подкорректировали (правее, дальше чуть-чуть) и с третьего выстрела попали почти точно в предполагаемую цель. Видим, как там заполошились немцы после взрывов наших мин. Аналогичным образом произвели пристрелку одиночными выстрелами по немецким траншеям. Все минометы батареи после одиночных пристрелок знали координаты целей и были готовы к залповому огню, когда потребуется. Пока на огневой позиции еще не все минометы и запас мин маловат. Еще идет переправа и доставка грузов на огневую позицию. Поэтому надо экономить мины. Все минометы батареи, дивизиона и полка будут развернуты в течение этого дня и ночи. На этой стороне нет и машин. Мы пока одни из первых на этом Букринском пятачке, который постепенно расширяется прибывающими подразделениями нашей армии. Танков тоже здесь еще нет. Потом, через несколько дней, наведут понтонный мост, и вся техника по нему будет переправлена и введена в бой.

За время нашей пристрелки двое из свободных связистов сходили (где-то перебежками, где-то ползком) на огневые позиции, где была наша кухня, и принесли к нам на КП два термоса с завтраком. Был уже светлый день. Есть уже сильно хотелось, еще больше захотелось спать, так как почувствовали некоторое расслабление. Ведь последние 3-4 дня мы почти не спали. Еще там, в селе, где собирали лошадей, удалось поспать на полу в доме. Потом, на телеге, в обозе как-то на ходу кимарил. Остальные-то шли пешком возле телег. А потом на переправе почти сутки невозможно было прилечь. А где? И как? Живот мой вроде бы успокоился в нервной и напряженной обстановке. Очень хорошо, что есть завтрак – ведь мы еще не ели на этом берегу. А тут горячий завтрак и с настоящим хлебом! Термосы прекрасная вещь и держат тепло хорошо, носятся на заплечных ремнях, хорошо закрываются винтами с барашками, даже по-пластунски можно с ними ползать. Потом они многократно выручали нас. За обедом, завтраком, ужином ходили по очереди. Термосы были нашим имуществом, мы их мыли с мылом, котелки солдатские – личное имущество. Ложки, алюминиевые кружки – тоже. Позднее, когда появились у меня сапоги, то ложка хранилась за голенищем.

Сытно нас накормили – была перловая каша с мясом (тушенка), хлеб черный и чай сладкий. Мы пока размещаемся в чужих окопах – мотострелков. Они позавтракали раньше нас – у них такие же термосы. Надо думать и о своем пристанище – надо рыть свои окопы. Саперные лопатки всегда с собой (это тоже наше оружие), которые носили в чехле на ремне, слева. Наша задача теперь в свободное от наблюдения за немцами время (пристрелявшись, на НП дежурили по очереди) вырыть себе (каждый для себя) и комбату индивидуальные окопы с таким расчетом, чтобы в нем можно было стоять в рост, чуть высовываясь из-за бруствера, и спать на дне, когда это возможно. Свой окоп вырыл с перерывами по всем правилам саперного дела (учили в училище). Наши окопы (разведчиков, связистов, комбата) отстояли друг от друга на 3-4 метра и на таком же расстоянии от траншей пехоты на краю гречневого поля. Уже днем удалось рассмотреть стебельки гречихи, высота стебля 30-40 см коричневого цвета, сверху – зернышки, крупинки в шелухе неправильной формы. От траншеи до окопа передвижение только ползком. Одиночная стрельба и разрывы

снарядов близко продолжаются. Ну, и пехота наша, и мы тоже стреляем, поэтому на поверхности находиться нельзя.

Теперь уже в своем окопе можно поспать, когда свободен от НП. Так мы и делали – спали по очереди. И в первый же свой привал в окопе выяснил, что, лежа на дне окопа (там стебли гречихи и даже сосновые ветки – натаскал), ноги упираются в торец. Спать очень хотелось и сразу заснул мертвым сном. Но через некоторое время почувствовал, что ноги затекли и повернуться в окопе на другой бок трудно. Пришлось срочно заняться ремонтом своего окопа. Оказывается, когда человек спит, то обычно ноги в коленках чуть согнуты (и у меня также), но в какой-то момент ноги надо вытянуть во всю длину то ли вместе обе, то ли поодиночке. Этого в моем окопе было сделать нельзя, хотя в ширину выкопал вполне достаточно. Выкопал нишу для ног с избытком. Стало все в порядке. Улегся на подстилку – совсем другое дело. Но выспаться не успел – надо менять напарника на НП. Зато потом ночью с некоторыми перерывами выспался хорошо. На разрывы снарядов не обращал внимания. Только подумал: а если снаряд угодит в окоп, что от меня останется? От пуль и осколков окоп спасает надежно.

В ночное дежурство хорошо видно, откуда стреляют немцы – по вспышкам. Орудия были явно в укрытии. Живот мой разболелся не на шутку: поешь и через некоторое время болит с последствиями. Даже есть не хотелось.

Пришла моя очередь идти с термосами на огневую позицию к кухне. Там уже прибыли все наши минометы – батарея была в полном составе. Один из командиров орудий, дальневосточник сержант Краснок запомнился мне своим всегда бодрым и веселым видом. У меня к нему были какие-то особые симпатии. Да и он, видимо, меня заприметил и всегда при встрече (было это не часто, далеко друг от друга) выспрашивал, как там ведет себя немец, как там на НП и всегда балагурил, подбадривал. Сегодня поинтересовался, почему у меня кислый вид. Не стал говорить, что болит живот. И вдруг в расчете Краснока я увидел парня в гражданском пиджачке и штанах, в полудырявых ботинках, кепка на голове. Узнал в нем того парня из села, самого старшего, который ехал в обозе и управлял одной из повозок. Он, Горбань по фамилии, ехал за мной на подводе и должен был возвратиться назад с лошадьми,

взятыми из их села, вместе с другими ребятами-малолетками. Но он не возвратился, а обоз собрал и отправил ребят домой. Он пошел на переправу и там помогал нашим минометчикам грузиться на плоты. Обратился к Красноку, почувствовав в нем начальника, и попросил взять его на войну. Ему уже скоро будет 18 лет (1926 г. рождения) и вот-вот должны призвать в армию. Немцев он уже повидал, будучи в оккупированном селе, повоевал даже с партизанами и умеет стрелять. Краснок с согласия комбата, а затем и комдива оставил его у себя. Теперь он полусолдат в гражданской одежде, подносит мины к минометам. Осталось только согласовать его закрепление в батарее с оперуполномоченным ОКР «Смерш» (Отдел контрразведки смерть шпионам). В каждом полку был такой представитель НКВД. У нас был старший лейтенант Хаджиев (кавказской национальности, кажется, чеченец). Потом я с ним познакомился поближе. А пока он еще, видимо, не переправился на этот берег. Чуть позже он допросил дотошно Горбаня, навел дополнительные справки и разрешил остаться в батарее. Этот Горбань воевал в составе батареи у Краснока и был ранен где-то на территории Германии.

Через несколько дней плацдарм немного увеличился, был наведен понтонный мост, и все наши автомашины были уже здесь. Появились и танки. Но местность была очень пересеченной, с множеством оврагов, поэтому танковых боев, по-моему, на Букринском плацдарме не было. Нашим связистам приходилось очень тяжело. Когда идешь на огневую позицию с НП, то телефонных проводов (вдоль и поперек) на земле великое множество: связь внутри батареи, с КП дивизиона, с соседними батареями, дивизион – штаб полка и т.д. Провода рвутся от снарядов, от гусениц танков и т.п. Связисты постоянно в работе, ищут разрывы проводов, и все бегом. Нам, разведчикам, легче физически, но зато мы на самой передовой, тут больше летает пуль и снарядов.

Воду брали из Днепра, носили в термосах. Но она была нужна для мытья. Ее, кажется, не пили. Хватало для питья чая. Ходил и я за водой – это 1-1,5 км от НП, вниз по холмам. Там, где мы брали воду, была небольшая деревня – Трактомировка. Стояла она от берега Днепра на 150-200 метров у самого склона горки. Жителей, конечно, нет. Хаты-мазанки небольшие полуразрушенные. На песчаном берегу много автомашин

(видимо тыловые подразделения). Были машины и нашего полка. Здесь начиналась проселочная дорога – это та дорога, которую я видел в бинокль, – она проходила по оврагу между нашей и немецкой передовой. Здесь, на площадке возле дер. Трактомировки, было несколько костров.

У костров, да и на песчаной площадке солдаты явно пожилого возраста (это тыловые части). Все они занимались какими-то своими делами. В одной из хат (заглянул из-за любопытства) увидел на полке в чулане мешочек, в котором оказались сухофрукты (сушеные яблоки, груши). Мне очень, очень захотелось компота. Я взял горсть из этого мешочка. Засыпал в свой котелок (он всегда на ремне со мной) и на одном из костров сварил себе компот. Теплый, почти горячий, без сахара выпил с удовольствием. Вернулся (ходили всегда вдвоем) на НП с водой. Захотелось есть, еле дождался обеда. И что же? Мой живот успокоился, ел обед хорошо. Я поверил, что компот – это лекарство. И уже в своей дальнейшей жизни расстройство желудка лечил компотом. Слава фруктовому компоту!

Наши постоянные наблюдения за противником показывают, что немцы делают какие-то перегруппировки на своих позициях. Их задача – сбросить нас с этого плацдарма в Днепр и за Днепр. Уже двое суток здесь затишье. Мы делаем пристрелки по вновь появившимся целям. Пехотная разведка притащила «языка» с кляпом во рту. С разведчиками-пехотинцами я уже знаком – это бывалые, смелые ребята, уже ранее неоднократно бравшие «языков», имеющие боевые ордена. Я присутствовал вместе с Григоренко в окопе (блиндаже) у командира батальона Девиденко на инструктаже разведчиков перед их выходом – наша батарея должна в это время (ночью) вести отвлекающий огонь из минометов. Язык-немец, кажется, что-то прояснил в обстановке.

Было уже начало октября. На нашем гречишном поле вечером в темноте появились новые солдаты, на руках выкатывали сюда, наверх, по бездорожью, через овраги 76-миллиметровые пушки, которые устанавливались на прямую наводку почти рядом с нами, с передовыми траншеями. Скопилось очень много пушек и солдат других частей. Нам сообщили, что под утро (4-5 часов) начнется артиллерийская подготовка, после чего – атака на противника. Мы (наша

батарея) тоже готовы, была определена площадь с засеченными целями. Предстоял первый бой в моей жизни. Появился условный сигнал – ракета – и началось! Все пушки, наши минометы и орудия с других горок и слева, и справа от нас стреляют по немецкой стороне. Сплошной грохот. Стараемся наблюдать разрывы наших мин. Где там! Вся оборона немцев в сплошных разрывах. От выстрелов и огня стало даже светло. От такого плотного огня от немцев ничего не должно бы остаться, было сплошное месиво. Мы на НП оглохли от выстрелов наших пушек рядом. Воздух пропитан гарью, даже пылью, ухудшилась видимость, как в тумане, хотя уже рассвет. Самолетов и бомбометания не было. Наверное, видимость была не та, да и передний край очень зигзагообразный – можно ударить по своим (так мне показалось, ведь солдат не знает тактических планов). Артподготовка, этот грохот продолжался 40 минут. Стало совсем светло, хотя дым, гарь и туман висели в воздухе еще долго.

В воздухе появились три боевых ракеты – это сигнал к атаке. Стрельба из орудий прекратилась. Пехота выскакивает из траншей (батальон Девиденко) и та, дополнительная, прибывшая сюда ночью, все ринулись вниз, в овраг, в несколько рядов. Мы (минометчики и артиллеристы) свое дело сделали, вперед не идем. Мимо нас, прыгая прямо через нас, бегут все новые и новые солдаты с автоматами и карабинами. Видим, что первые пехотинцы ворвались в траншеи немцев. Видна стрельба, рукопашный бой. Удивительно, что после такой молотьбы нашими снарядами там есть еще живые немцы. Наши атакующие солдаты все бегут и бегут вперед. Видны и упавшие (раненые или убитые). Пехотинцы уже поднялись на горку и скрылись – видимо там еще овраг.

Нам команда: огневые позиции передвигать в следующую лощину, где только что были немцы, и где мы пристреливали немецкие цели. Все перемещается на руках. Наша задача разведчиков – найти батальон Девиденко. Мы вдвоем с Новиковым (ком. отделения) отправляемся за атакующей пехотой. Пока я не сделал еще ни одного выстрела из своего автомата. Два других разведчика – связные между огневыми позициями и комбатом, мы – связные между комбатом и Девиденко. Связи-то пока нет, все в движении, в перемещении. Когда мы поднялись на бывшую немецкую горку, увидели

ужасную картину: склон и сама гора исковерканы от взрывав, много воронок, много трупов и немецких и наших, встречаем раненых, помогающих друг другу. У нас своя задача, и помогать кому-либо нам некогда.

Прошли мы бывшие немецкие траншеи (пехота еще бежит вперед) и наверху горки раздалась автоматная очередь – стрелял немец явно в нас. Мы спрятались за ствол толстой сосны, немец поодаль тоже стреляет из-за сосны. Новиков дал очередь по немцу, я тоже хотел стрелять, вскинул автомат, но мой автомат не стреляет. Стреляет один Новиков. Как потом выяснилось, в автомат попал песок. Новиков ругается на меня: «Растяпа, автомат надо чистить». Перестрелка продолжается. Подоспели сюда и наши пехотинцы, стреляют в немца, он поднимает руки – сдается, видит, что ему не уйти безнаказанно. Новиков подбегает к нему и пускает в него длинную очередь. Так я увидел расстрел в упор первого немца своими глазами. Новиков пояснил, что если бы он не стрелял, а просто сдался, его бы пленили, а раз прицельно стрелял по нам, то что же на него смотреть. Подошедшие к нам солдаты (незнакомые) одобрили расстрел. Я тут же быстро почистил автомат (дело-то минутное), там действительно песок, собрал, дал пробную очередь в воздух. Стреляет! Признал, что я растяпа, и этот урок с благополучным для меня исходом был очень полезным. С тех пор за автоматом ухаживал ежедневно, а уж перед выходом куда-то обязательно.

Идем (бежим) дальше искать свой пехотный батальон. За горкой опять лощина, опять горка, опять овраг, опять горка – вот такая пересеченная местность. Мы от своих ушли уже вперед на 2-3 км. Здесь воронок от снарядов меньше. Больше стало попадаться наших раненых, идущих назад. На очередной горке стрельба, видим, что наша пехота залегла, идет бой. У раненых узнаем, что нашу пехоту остановили шквальным огнем на следующем оборонительном рубеже немцев. Мимо нас уже свистят пули. Не сразу, но находим Девиденко среди пехоты – он уже дал приказ занять оборону, и начали окапываться. Оказалось, что у немцев здесь вторая укрепленная линия обороны. Теперь, найдя поддерживаемый нами батальон, бежим назад искать свою батарею. Это уже не менее 4 км по оврагам, горкам и лощинам. Встречаем пушки, которые солдаты тянут вперед. И наши минометные расчеты вместе с

комбатом переместились вперед. Мы доложили, где Давиденко, тут же связисты начали тянуть за нами связь. Комбат Григоренко приказал развернуть огневые позиции в ближайшем овраге, а мы уже зная куда, ведем его к своей пехоте. Связь установили, стали рыть свои окопы поочередно. Думали, что закрепимся здесь надолго. Перевалило уже за вторую половину дня. А мы еще не ели, да и не спали сегодня. Развернули КП и начали наблюдения за немцами. Вскоре по телефону сообщили, что готов обед. Кто-то сходил с термосами. Пообедали, по очереди немного поспали в своих окопах. Пристреляли выявленные цели. С той стороны и с нашей периодически постреливали. Но вроде весь следующий день прошел более или менее спокойно. К вечеру поступила команда передислоцироваться и нам и пехоте на новое место. В готовые наши траншеи и окопы прибыла новая пехота, совсем нам незнакомая. Но все свои на фронте. Сюда к огневым позициям (ОП) подошли наши «студебеккеры». Связисты смотали свои телефонные провода, мы свое имущество тоже дотащили до ОП. Пехота 23-й гвардейской мотострелковой бригады шла пешком, а потом ехали тоже на своих машинах. Шли (ехали) ночью по проселочной разбитой дороге, естественно без фар мимо дер. Трактомировки и немного берегом Днепра, а затем опять по гористым холмам и оврагам, но это уже на север от прежнего места (думаю, 10-15 км).

Ехали очень медленно (горки и овраги) всю ночь и к утру оказались на большом плато, где стояло разрушенное село Григоровка. Здесь мы и танки Т-34 нашей 3-й гвардейской танковой армии в лесных укрытиях. Комбат Григоренко знает, где должна быть 23-я гв. МСБ и батальон Девиденко (есть карты этой местности) и где надо развернуть ОП – это в овраге, склон в который хотя и не очень крутой, но на машинах спускаться опасно. Все минометы и мины на ОП несут на руках (это 300-400 м). А мы, разведчики, отправились на поиски нашей пехоты. Прошли очередной овраг, поднялись на следующую горку. Здесь уже свистят пули. Пригибаемся, ползем. Встретили небольшую группу знакомых солдат – это разведчики батальона Девиденко. Они тоже изучают обстановку и пока не понимают, где немцы. Они добираются (и весь дивизион) по каким-то другим оврагам, отличным от нашего пути. Оказалось, что мы раньше батьки попали в пекло.

Кто тут воевал, кто освобождал Григоровку, мы не знаем. Может быть, танки? Вскоре подошла пехота и сам Девиденко. Получив информацию о месте расположения КП, побежали обратно, довольные своей разведкой. Комбат, связисты и мы, разведчики освоили новый НП, окопались, установили связь с ОП, разведали и пристреляли выявленные цели. Овраг, разделяющий нас и немцев, так извилист, что немцы где-то впереди и сбоку.

Начались разрывы снарядов, а откуда, определить трудно – видимо, из-за бугра. На противоположном склоне оврага обнаружили немецкие траншеи, откуда стреляют в нашу сторону одиночными выстрелами. Теперь почти точно знаем, куда направлять мины. Разрываются снаряды близко от нашего НП – значит, нас немцы заметили и делают пристрелку. Беспрерывно наблюдаем. Наши пехотинцы тоже стреляют одиночными по немцам.

Итак, опять ночь и день не спали. Погода пасмурная, дождя нет, солнца тоже нет. Но высоко в небе появился немецкий самолет-разведчик («рамой» его мы звали, так как он с двумя фюзеляжами). По нему стреляют наши зенитки, но не достают, т.к. он очень высоко летит. На «раме» есть точные цейсовские оптические приборы и бывалые солдаты говорили, что после пролета рамы надо ждать бомбежку. Так было и в этот раз. Было это уже к вечеру, но еще светло. Я пошел спать в свой окоп и уснул сразу и крепко. Разбудил страшный грохот.

Вскочил из окопа и увидел разрывы бомб, а в небе десятка два немецких самолетов и щемящий свист от летящих бомб. Первая партия отбомбилась правее нас, пролетела мимо нас, за ней сразу же появилось еще 20-30 самолетов. Эта порция оказалась уже для нас. Появились наши истребители (Яки и ЛАГи) и на моих глазах завязался настоящий воздушный бой (вижу впервые). Немцы сбрасывают бомбы уже куда попало, даже в нейтральную лощину. Но досталось и нам: осколки от бомб свистят над окопом. Думаешь, только бы не в окоп. Вверху видишь из окопа только кусочек неба и наши истребители. Загорелся один, второй немецкий самолет («Юнкерс-87», как потом узнал) и полетели с дымящимися шлейфами вниз. Атака наших истребителей была удачной, мощной, и «юнкерсы» удалились. Одна бомба разорвалась в траншее пехоты. Были раненые и погибшие. Одна бомба

недалеко от нашего НП, но все уцелели, только Лешка Волохов немножко оглох (но вскоре все прошло).

Бомбежка окончилась. Моя очередь (втроем идем) идти за ужином с термосами. Кухня была не на нашей ОП, дальше, но мы попутно зашли на батарею. Туда тоже попали две или три бомбы. Расчеты укрывались в своих окопах (окопы рыли всегда и везде – таков закон). Прямых попаданий не было, но несколько человек получили царапины (забинтованные). Минометы все целы, автомашины тоже. Осколками пробило несколько колес, да несколько треснутых стекол в кабинах (стекла небьющиеся, а остались разводы во все стороны).

Заряжающий из расчета Краснока рассказывал в шутливом тоне, как он, сидя в своем окопе при бомбежке, крестился и взывал к Богу: «О, Господи, отведи сю черную хмарь от нас!» Этим я хочу сказать, что на войне как на войне, в любом месте можно получить смерть. Здесь же я узнал, что еще вчера в темноте одна наша машина «студебеккер» перевернулась на склоне горки. В машине, в кузове было человек 5-6. Как у нас месяц назад, машина сошла с края дороги и стала опрокидываться. Люди успели выпрыгнуть из кузова, груз высыпался при первом опрокидывании, а шофер с офицером в кабине сделали несколько кувырков по склону, и машина встала на свои колеса у задержавшей ее от дальнейшего кувыркания толстой сосны. Все остались живы, а машина своим ходом (даже бензин цел) тут же выехала на дорогу. (Чудо какое-то!) Молодец шофер!

На этой новой позиции мы постояли с неделю. Мы постреливали, в нас постреливали. Разведчики-пехотинцы таскали «языков». Была предпринята еще одна попытка атаки после мощной артиллерийской и бомбовой подготовки. Но прорыва немецкой обороны не получилось. Танки не могли активно участвовать в прорыве (очень пересеченная местность). Немец, видимо, разгадал замысел и после нашей артподготовки устроил свою артподготовку по нашим позициям. Атака нашей пехоты захлебнулась с большими потерями и пришлось отступить назад, в свои траншеи, занять оборону. Мы даже не успели сняться со своих позиций.

Это было уже в октябре 1943 г. Погода становилась дождливой, пасмурной, но не холодной. Промокали многократно от дождей, одежда становилась тяжелой,

просыхала на нас. Атаковали и немцы, но их встречали огнем, и на своих позициях пехота выстояла. Дальнейшие попытки расширить этот Букринский плацдарм были безрезультатными. Мы еще раз сменили боевые позиции вместе с батальоном Девиденко на северный край плацдарма и от деревни (села) Григоровки на 5-7 км. На марше по дороге, где рассредоточиться и замаскироваться было нельзя, налетели немецкие бомбардировщики и посыпались на колонну бомбы. Там были и наши машины с минометами, и танки. Солнца не было, пасмурно, облачность низкая. Самолеты выныривают из облаков и сбрасывают бомбы на нас, совсем незащищенных. Зенитки откуда-то стреляли, но сбитых самолетов не видно. Естественно, все бросились врассыпную от своих машин – было много воронок – осколки летят в разные стороны. Грохот от взрывов оглушительный. В овраге тоже не спасешься. Одна, вторая машина загорелась от прямого попадания. Нашей авиации нет, горит танк. Я никуда не побежал, распластался прямо на дороге под своей машиной. Знал, что это опасно, но подумал: хоть колеса спасут от осколков, а прямое попадание – везде смерть, хоть в овраге, хоть на поле, хоть в танке, хоть в машине, хоть под машиной. Немцы, сбросив бомбы, улетели, и второго захода не было. Воронок было много. Были потери: и убитые, и раненые, и в нашей батарее. Один осколок и меня зацепил – скользнул по голове, была кровь, но даже не забинтовывал, скоро прошло, но шрам и сейчас видно. Я уцелел, и слава Богу.

На новой, уже четвертой позиции здесь на горках и в оврагах была предпринята артподготовка и атака, но безрезультатно. Танкам не было простора для действий. А без танков, одной пехотой, прорвать линию обороны немцев, да еще эшелонированную, не получилось.

(Продолжение следует)

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Базин Станислав Сергеевич,*** *студент 3 курса Московского государственного строительного университета*

Пистунов Андрей Иванович

Мой выстрел из пистолета ТТ был более точен

Я, родился 1 мая 1922 года в г. Днепропетровске, Украина. Украинец. Атеист. Член КПРФ (ВКП(б) - с 1942 года).

До войны окончил 10 классов 1-й железнодорожной школы г. Днепропетровска. В 1940 году поступил, а в 1941 году (июль) окончил Севастопольское училище зенитной артиллерии.

В 1946 году поступил и в 1952 году окончил Военную артиллерийскую радиотехническую академию ПВО им. Говорова Л.А.

В 1958 году закончил высшие академические курсы при Военной артиллерийской радиотехнической академии им. Говорова и Военной инженерной артиллерийской академии им. Дзержинского.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года в лагере Севастопольского училища зенитной артиллерии и с этого же дня принял участие в боевых действиях по защите г. Севастополя от воздушного противника (по 20 июля 1941 года). В дальнейшем, с 21 ноября 1941 года - совхоз “Хлебниково” Московской области, в составе 2-й батареи 619-го Отдельного зенитного дивизиона 331-й Брянской Пролетарской стрелковой дивизии 20-й армии Западного фронта в звании лейтенанта и

должности командира 2-й батареи 619-го дивизиона.

Закончил боевые действия 11 мая 1945 года в г. Яблонец, Чехословакия в звании капитана и должности начальника штаба 1478-го отдельного зенитного Смоленского краснознаменного ордена Александра Невского артиллерийского полка 31-й армии (8-й Гвардейской армии) 1-го Украинского фронта. Командир полка - подполковник Моисеенко А.Т.

В войне погиб дядя - Бедняк Федор Степанович - командир полка ополчения г. Днепропетровска (август 1941 года, село Краснополье под г. Днепропетровском).

В 1986 году в г. Днепропетровске умер брат Пистунов Василий Иванович (родился 23 марта 1924 года), разведчик и командир пулеметного расчета (дважды тяжело ранен) - в августе 1943 года по февраль 1944 года находился на излечении в эвакогоспитале № 2763 г. Ленинграда), а также с августа 1944 по декабрь 1944 - в эвакогоспитале №2584 в г. Кингисеп. В марте 1947 года, после окончания 2-го Ульяновского танкового училища демобилизовался.

Великая Отечественная война 1941-1945 г.г. для меня началась 22 июня 1941 года в г. Севастополе, где я учился на 1-м курсе Севастопольского училища зенитной артиллерии. В этот день личный состав училища находился в летних лагерях в районе впадения реки Альма в Черное море. Примерно в 5 часов утра была объявлена боевая тревога.

В соседнем с нашим лагерем находился лагерь Качинского авиационного училища и там тоже послышался шум, стали взлетать истребители И-153 “Чайка” и И-16 “Ястребок”. В это время проводились учения Черноморского флота, и объявление боевой тревоги не вызвало особых разговоров, правда было некоторое недоумение - почему тревога боевая, а не учебная.

Постепенно просочились слухи (от дежурных по подразделениям, которые видели какие-то всполохи в направлении г. Севастополя), что, по-видимому, бомбили Севастополь, и началась война с Германией, неизбежность которой предчувствовали практически все.

К 10-00 появилось командование училища, собрали митинг и было объявлено, что действительно, в 4 часа утра немецкие самолеты бомбили г. Севастополь и фактически началась война. Сразу же пошли предложения объявить запись добровольцев в действующую армию. К моменту выступления по радио

Молотова практически все курсанты записались добровольцами.

Примерно к 14-00 в лагерь поступили боеприпасы к зенитным орудиям и пулеметам, транспортные тягачи, и батареи приступили к работе по боевому расписанию. К 16-00 было объявлено, что для батарей училища уже выбраны боевые позиции в районе г. Севастополя, которые мы должны занять к 22-00. Нашей батарее досталась позиция на Воронцовой горе прямо в створе с южной бухтой, где стояли корабли Черноморского флота. На этой позиции мы и начали боевые действия по защите города от вражеской авиации.

Налеты на город регулярно проводились каждую ночь в течение 10-ти суток. Понеся очень большие потери в самолетах и не достигнув практически никаких результатов (город не был разрушен и все корабли остались на плаву), фашисты объявили по радио, что от Севастополя не осталось камня на камне, поэтому налеты они прекращают.

В училище начались ускоренные выпуски курсантов старших курсов (3-го и 2-го). Формировались команды и направлялись в действующую армию. Одновременно начался большой набор в училище новых курсантов. Нам, окончившим 1-й курс, приказом Министра обороны также присвоили звание “лейтенант”, но оставили в качестве сопровождающих эшелоны училища, которое должно было перебазироваться в г. Уфу.

20 июля началась передислокация и в конце июля мы прибыли в г. Петровск Саратовской области (на реке Медведице). 30 или 31 июля в г. Петровске была сформирована команда из 14 человек (в числе нескольких аналогичных команд) и направлена в Орловский военный Округ, г. Мичуринск, на формирование 331-й Стрелковой дивизии. Из нашей команды остались в памяти Скачков Филипп Гаврилович, Дьячков Павел Иванович, Цегельник. В училище нам выдали летнее обмундирование (еще в г. Севастополе), противогаз, револьвер “Наган” с 14-ю патронами и сухой паек на двое суток.

В г. Мичуринск мы добрались поездом. На станции нас встретил представитель штаба дивизии при военном коменданте станции Мичуринск и направил нас в штаб дивизии (школа недалеко от вокзала), а оттуда, примерно через час, с провожатым, мы отправились в место расположения зенитного

дивизиона в районе мичуринских садов (с правой стороны). Там уже стояло несколько палаток, дымилась полевая кухня, и было видно несколько военнослужащих. Встретили нас командир дивизиона майор Щедрик и комиссар, старший политрук Антонов. Как нам рассказал командир, он был заместителем командира пушечного артиллерийского полка, побывал уже в боях на Западном фронте в районе г. Минск, был ранен и после непродолжительного лечения направлен на формирование 331-й СД в качестве командира зенитного дивизиона. Комиссар до войны работал техническим директором Рамоньского сахарного завода Воронежской области.

В этот же день (3-го или 4-го августа), после ознакомления с нашими личными делами и общей беседы, командир дивизиона произвел предварительные назначения прибывших лейтенантов на штатные должности. Мне он предложил временно исполнять должность старшего адьютанта (начальника штаба дивизиона).

По штатному расписанию 331-й СД числился 619-й ОЗАД в составе одной батареи 85-мм зенитных пушек, 2-х батарей 37-мм автоматических зенитных пушек, одной пулеметной роты 12,7-мм крупнокалиберных зенитных пулеметов, технических и обслуживающих подразделений. Всего по штату должно было быть около 400 человек личного состава.

При распределении обязанностей командир дивизиона непосредственно на себя взял вопросы формирования дивизиона боевой техникой и всеми видами снабжения и довольствия. На меня были возложены вопросы укомплектования дивизиона личным составом и обеспечение связи со штабом дивизии.

На следующий день вместе с назначенным штабным писарем, сержантом Васильевым (он уже служил в артиллерийских частях Красной Армии с 1939 года, участвовал в боевых действиях на Западном фронте), обозначили штабную палатку (поставили стол и указатель) и пошли в штаб дивизии за личным составом. Как нам объяснил начальник штаба дивизии подполковник Пуловский, на формирование дивизии ускоренными темпами поступают в эшелонах и походным порядком, в основном, призывники из резерва военнослужащих 1895-1905 г. р. из сельских районов Брянской, Орловской, Курской и Воронежской областей. Начальник штаба дивизии,

учитывая сложность и новизну зенитного вооружения, разрешил производить комплектование зенитного дивизиона на основе персонального отбора прибывающих резервистов. Зенитчиков из прибывающего пополнения мы не нашли ни одного, поэтому приняли решение отбирать людей с образованием и опытом работы в коллективах (бригадиры, агрономы, сельские общественные работники, механики, шоферы, трактористы, комбайнеры, слесари и др.).

К концу августа стала поступать боевая техника и другое вооружение. К этому времени дивизион в значительной степени был укомплектован личным составом, и началась боевая подготовка. В дивизион были поставлены четыре 37-мм автоматических зенитных пушки образца 1939 года, восемь 12,7-мм зенитных пулеметов ДШК, восемь счетверенных зенитных пулеметных установок 7,62-мм пулеметов "Максим", смонтированных на автомашинах ГАЗ-АА. Из стрелкового оружия поступили 7,62-мм карабины образца 1938 года, пистолеты ТТ, противотанковые и противопехотные гранаты. Поставлены были также четыре быстроходных гусеничных тягача СТЗ-НАТКИ для транспортировки орудий среднего калибра, тягачи и транспортные машины ЗИС-5 и ГАЗ-АА, а также различная другая техника в соответствии со штатом дивизиона. Кроме указанной боевой техники, в дивизион ничего больше не поступило, в связи с чем были полностью укомплектованы только одна (вторая) батарея 37-мм зенитных пушек и пулеметная рота. Первая батарея, которая должна быть вооружена 85-мм зенитными пушками, и третья батарея МЗА получили только стрелковое вооружение и в дальнейшем использовались как стрелковые роты до момента преобразования 619-го ОЗАД в 298-ю отдельную зенитную артиллерийскую батарею 331-й БП СД (январь 1942 года, район г. Волоколамска, Западный фронт).

Учитывая, что в училище мы изучали только 76,2-мм зенитную пушку образца 1931 года, 85-мм зенитную пушку образца 1938 года, зенитные пулеметы и приборы управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО), которые в дивизион не поступили, а зенитные пушки 37-мм калибра (МЗА) были нам незнакомы, изучение этих пушек решено проводить в два этапа - вечерами и ночами матчасть пушек и тактику их применения изучали все офицеры дивизиона, а днем этим

занимались боевые расчеты батарей.

К моменту передислокации дивизии в г. Алатырь Чувашской ССР (октябрь 1941 года) офицерский состав и боевые расчеты батарей неплохо освоили эту пушку и все остальное вооружение дивизиона, однако боевых стрельб провести не представлялось возможным. Лишь однажды, на свой страх и риск (к этому моменту, в связи с прибытием начальника штаба дивизиона, я был назначен на должность командира второй действующей батареи) была произведена очередь из пяти выстрелов одной пушкой, чтобы расчеты имели хотя бы представление о боевой работе пушки.

В 20-х числах октября части дивизии были погружены в эшелоны и отправлены в сторону Москвы на фронт, однако в дороге эшелоны были остановлены и повернуты назад. Разнеслись слухи, что нашу дивизию направляют в Иран для защиты коммуникаций поставки союзниками вооружения и продовольствия со стороны Красного моря. Однако мы были выгружены в г. Алатырь Чувашской ССР и вошли в состав 26-й резервной армии (командующий - генерал-лейтенант Соколов). В этой армии была продолжена интенсивная боевая подготовка подразделений частей дивизии. В ноябре были проведены батальонные и полковые учения, в которых наш дивизион практически не участвовал. Мы проводили занятия по своему плану, в основном, по сколачиванию батареи, углублению знаний техники и навыков боевой работы, проведению работ по инженерному обеспечению батареи (щели, окопы, пушечные дворики), смене позиций, движению по пересеченной местности, изучению авиации противника (тактика применения, технические характеристики самолетов и их силуэты). Боевые стрельбы из пушек, к сожалению, также не проводились. Были проведены несколько раз всем личным составом дивизиона стрельбы из стрелкового оружия, а также стрельбы из зенитных пулеметов по наземным целям. В конце ноября 1941 года нас погрузили в эшелоны и отправили на фронт. 27-28 ноября наш 619-й ОЗАД в составе 331-й БПСД прибыл в Москву и вместе с частями дивизии вошел в состав 20-й армии Западного фронта.

К этому времени, несмотря на величайший героизм и ожесточенное сопротивление советских войск, враг прорвал нашу оборону и ценой огромных потерь в конце ноября начале декабря 1941 года вышел к каналу им. Москвы (г. Яхрома), а на

юге к г. Кашире. Однако дальнейшие попытки врага прорваться к Москве были тщетными. К 5-му декабря фашисты были обескровлены и повсеместно остановлены, а советские войска перешли в решительное контрнаступление, которое превратилось в сокрушительный разгром немецко-фашистских войск под Москвой и уничтожение колоссального количества живой силы и техники противника. Вражеские войска были отброшены на 150-400 км. Эта победа положила начало коренному перелому в ходе войны, развеяла миф о непобедимости гитлеровской армии, способствовала укреплению антигитлеровской коалиции, начисто перечеркнула каннибальские планы фашистов о порабощении славянских народов. И мы, участники этой великой битвы, гордимся тем, что внесли свою лепту в дело разгрома черных сил человеконенавистников.

Уже в ночь на 28 ноября мы получили боевой приказ на прикрытие шоссейных и железнодорожных мостов через канал им. Москвы в районе совхоза “Хлебниково” поселка Красная Горка, станции (ныне города) Лобня от воздушного противника и десантов. Утром 28 ноября мы вели бой с тремя бомбардировщиками противника Ю-88, пролетавшими в направлении г. Москвы. Боевого опыта личный состав дивизиона, в т.ч. и командиры, как уже отмечалось, не имел. Правда, мы, молодые лейтенанты, выпускники ускоренного курса Севастопольского зенитного артиллерийского училища, принимали участие в составе зенитных батарей училища в отражении налетов авиации противника на г. Севастополь в период с 22 июня по 20 июля 1941 года. Но этот опыт нам практически не пригодился, так как в Севастополе позиции батарей были стационарными, а наша батарея была вооружена другой матчастью и должна была действовать при непрерывном перемещении войск.

Активность авиации противника на нашем участке в период до 5 декабря была довольно высокой (цель - вывести из строя мосты через канал, нарушить движение по окружной железной дороге и уничтожить наши бронепоезда, действовавшие в этом районе). До 5 декабря дивизион отразил пять или шесть групповых налетов бомбардировщиков и парных истребителей, а также предотвратил просачивание нескольких мелких групп автоматчиков противника на берега

водохранилища и канала.

6 декабря 1941 года началось контрнаступление войск 20-й армии Западного фронта. Удар был настолько мощным, что в первые дни фашисты не смогли организовать серьезное сопротивление и в бессильной злобе на пути своего бегства сжигали села и деревни, разрушали все, что могли, организуя пространство "выжженной земли".

Во время наступления наших войск 2-я батарея имела постоянную задачу по охране частей дивизии от ударов авиации противника. Стремительность наступления была такова, что батарее приходилось менять позиции по несколько раз в эти короткие зимние дни. Зима была морозная и снежная. Кроме того, во многих местах, особенно на въездах в населенные пункты, по берегам рек немцы создавали "ледяные горки", которые сильно затрудняли движение войск. В этих условиях нас выручали прекрасные быстроходные гусеничные тягачи СТЗ-НАТК. С помощью этих тягачей мы всегда занимали боевую позицию точно, в соответствии с боевыми приказами. Эти же тягачи служили нам и своеобразными пунктами обогрева, т.к. двигатели конструктивно находились в кабинах тягачей и практически не глушились из-за трудностей с заводкой при сильных морозах. Помнится, батарея занимала боевые позиции в районах населенных пунктов Красная Поляна, Истра, Озерецкое, Глазово, Трусово, Карцеве, Никиты.

19 декабря к вечеру мы заняли позицию в пригороде г. Волоколамска - Возмище. В батарее нашлись знатоки истории, которые рассказали, что г. Волоколамск - один из древнейших городов России, что о нем упоминалось в документах даже раньше, чем о Москве, как о перевалочном пункте на пути из Новгорода в Киев. Освобождение этого города было для нас для всех праздником, правда, омраченным видом восьми виселиц - зверской расправы фашистов над нашими партизанами, и укреплением нашей уверенности в неминуемом разгроме гитлеровской армии.

Позицию, как всегда, мы заняли на пригорке, продуваемом всеми ветрами. Мороз был довольно сильный, до 25 градусов, снега было много. Земля промерзла на 70-80 см. Ее не брали ни лопата, ни лом. Дворики для пушек попытались вырыть с помощью тротиловых шашек, но из этого ничего не вышло. От взрывов шашек оставались только неглубокие лунки, и поэтому

приняли решение: пушки обваловать вырезанными из снега кубиками, внутри подстелить солому. Была какая-то защита от ветра. На следующий день два истребителя-бомбардировщика Ме-110 сбросили бомбы и обстреляли обменный пункт дивизии, расположившийся примерно в 4-х км к северо-востоку от города. В связи с этим командир дивизии издал приказ - зенитным подразделениям быть в непрерывной боевой готовности, а командиру батареи все светлое время суток быть на батарее. При такой суровой погоде это было очень трудно выполнить. Была организована почасовая смена части боевых расчетов, но так, чтобы в любой момент можно было открыть огонь по внезапно появившимся самолетам. Надо признаться, что погода в это время благоприятствовала нам. Стояла мгла, часто мела пурга, наземная видимость была небольшой. Поэтому со стороны противника активность проявляли в основном, так называемые, "охотники" - пары истребителей-бомбардировщиков Ме-110 или истребителей Ме-109, которые летали на малых высотах и внезапно атаковали отдельные населенные пункты, группы автомашин, либо конные обозы. Несколько таких охотников попадали и в зону огня наших батарей. Несмотря на внезапность, они получали достойный отпор и скоро перестали летать "излюбленными" маршрутами. В дальнейшем, по мере приобретения боевого опыта, мы изучали их маршруты и практиковали применение "кочующих" орудий, и даже батареи в целом, что приносило нашим войскам несомненную пользу, так как фашистские стервятники вынуждены были летать на больших высотах, нервничали, и эффективность их действий резко падала.

В конце декабря, когда наши войска окончательно освободили город Волоколамск, батарея заняла позицию на западной окраине города (Солдатская Слобода), и в начале нового, 1942 года, после освобождения населенного пункта Лудина Гора, вслед за войсками мы двинулись дальше на запад. Остались в памяти населенные пункты Шаховская, Княжьи Горы, Середа.

В январе 1942 года на базе 619-го ОЗАД была сформирована 298-я Отдельная зенитная батарея 331-й БПСД. Меня назначили командиром батареи (с июля 1942 года) и присвоили звание старшего лейтенанта.

В феврале 1942 года 331-я БПСД была переподчинена 5-й

армии (командующий генерал-лейтенант артиллерии Говоров С.А.) и переброшена в район г. Гжатска. Наша 298-я ОЗАБ занимала позиции в селе Уваровка, станции Дровнино и участвовала в эпизодических боях с самолетами противника, а уже в конце марта 1942 года дивизия была отведена на отдых и пополнение, закончив на этом зимний этап контрнаступления Красной Армии и разгрома германской армии под Москвой. Всего за время контрнаступления наших войск под Москвой (до начала летнего наступления Красной Армии в августе 1942 года в районе города Погорелое Городище), батарея уничтожила 11 самолетов противника.

Летнее (август 1942 года) наступление Красной Армии на нашем участке фронта проходило с большими затруднениями. Погодные условия и сплошное бездорожье (болота) не позволили в полную силу использовать самоходную технику и танки. Передвижение войск осуществлялось, в основном, пешим порядком. Автомобили и артиллерийское вооружение перемещалось, как правило, с помощью канатов и тросов силами боевых расчетов.

В начале наступления батарея взяла трофей - 20-мм автоматическую кассетную зенитную пушку “Крупп”, на которой оператором (как правило, после начала боя с воздушным противником) работал я сам, а заряжающим был мой ординарец Прохор из Донбасса (фамилию, к сожалению, не помню; Прохор погиб в Восточной Пруссии в марте 1945 года). Примерно 15 августа из этой пушки мы с Прохором сбили немецкий самолет разведчик-корректировщик Хенкель-126 (“кривая нога” или “костыль”). Об этом были заметки во “Фронтовой газете” и “Фронтовом юморе” - органах печати Западного фронта.

Начавшееся в начале августа наступление заглохло к концу месяца на рубеже рек Осуга и Вазуза (южнее города Зубцов) в 10-15 км восточнее г. Сычевка. Этот город был ключевым пунктом немцев в их защите города Ржев, так как являлся станцией на важной рокадной железной дороге Вязьма-Ржев, которая была основной дорогой снабжения немецких войск. На этом рубеже советские войска вели позиционные бои, переходящие на отдельных направлениях в ожесточенные попытки прорыва линии обороны противника.

Наша 298-я ОЗАБ имела задачей прикрытие частей 331-й

Дивизии и переправы через реку Осуга от воздушного противника.

23-24 августа (на следующий день после занятия позиции) утром немцы внезапно, силами до батальона пехоты и шестью танками ТШ, предприняли попытку переправиться через реку Осуга. Завязался бой, в котором наряду с подразделениями 1108-го полка участвовала и 298-я ОЗАД. Бронебойными и осколочно-фугасными снарядами батарея буквально смела фашистов обратно на другую сторону реки. Немцы бежали, оставив подбитый танк и множество солдат. Батарея потерь не понесла.

Через день (25 августа) батарея подверглась нападению двумя волнами самолетов Ю-87 и Ю-88 (около 50-ти штук). Необходимо признаться, что в этом бою целью командира батареи и личного состава было физическое сохранение подразделения. Несмотря на многократные заходы самолетов противника с применением бомб и обстрела авиационными пушками и пулеметами, личный состав батареи не прекратил ведение прицельного огня, не дрогнул, выстоял и уцелел, правда, ценой гибели одного боевого расчета и пушки (прямое попадание бомбы). Потери фашистской авиации в этом бою нам неизвестны, но с этого момента налетов на переправу больше не было.

В октябре многие солдаты и офицеры батареи были награждены орденами и медалями. Мне был вручен орден Красной Звезды.

В декабре 1942 года батарея участвовала в прикрытии 2-го Кавалерийского корпуса при его прорыве обороны немцев и выходе его в расположение наших войск после рейда по тылам противника.

В конце декабря (25-26 числа) батарея сбила истребитель Ме-109, который пытался уничтожить наш штурмовик Ил-2, возвращавшийся после выполнения боевого задания.

В марте 1943 года началось наше успешное наступление, которое закончилось освобождением г. Вязьмы и форсированием реки Днепр.

В этом же месяце наша 298-я ОЗАД 331-й СД вошла в состав вновь сформированного 1478-го отдельного зенитного артиллерийского Полка 31-й армии Западного фронта в качестве 2-й батареи. Командиром полка был назначен

подполковник Семенов Г.П.

После сформирования полка первой боевой задачей 2-й батареи была охрана от воздушного противника базы снабжения 31-й армии в районе станции Вишенки Московско-Белорусской железной дороги (апрель-июнь 1943 г.). В этот период боевые действия батареи проводились, в основном, по пролетающим целям.

В июне 1943 г. мы получили приказ на занятие позиции в районе восточнее станции Дорогобуж. Разведка предполагаемой позиции со стороны штаба полка была проведена недостаточно, позиция была выбрана неудачно, и при ее занятии батарея подверглась обстрелу артиллерии немцев, в результате которого были повреждены две пушки. Личный состав использовал старые окопы, находившиеся в расположении позиции батареи, и практически потерь не понес (двое легко ранены, после перевязки они остались в строю). После ремонта пушек в армейских артмастерских, они были возвращены на боевое дежурство, а батарея получила приказ на прикрытие артиллерийских частей армии при подготовке Смоленской операции. Позиция батареи была северо-восточнее г. Ярцево.

Смоленская операция началась 8 августа 1943 года мощным артиллерийским наступлением. Однако развитие в этот день операция не получила. Немцы, по-видимому, знали о начале наступления и, используя развитую сеть полевых укреплений и укрытий, сумели остановить нашу атаку. Наши войска на отдельных участках заняли одну-две траншеи противника и вынуждены были остановиться для дополнительной подготовки дальнейшего наступления.

Однако мне не пришлось участвовать в освобождении г. Смоленска. 14 августа я был тяжело ранен в бою по освобождению г. Ярцево и эвакуирован на излечение в госпиталь г. Москвы (Центральная клиника НКПС). Из госпиталя я был выписан в конце октября 1943 года и направлен в резервный полк артиллерии Западного фронта, который располагался вблизи г. Смоленска.

1478-й зенитный артиллерийский полк активно участвовал в освобождении г. Смоленска, был отмечен в приказе Верховного Главнокомандующего, удостоен звания "Смоленский" и награжден орденом Красного Знамени.

В конце года (в декабре) мне удалось возвратиться в свой полк на должность командира 3-й батареи, командир которой погиб в бою с самолетами противника восточнее г. Орша. Командовал полком подполковник Моисеенко А.Т. По прибытии в полк я узнал, что еще в августе 1943 года мне было присвоено звание “капитан”.

Позиция батареи была в районе деревни Старая Тухиня недалеко от шоссе Москва-Минск на границе с Белоруссией. В это время на нашем участке велась позиционная война и подготовка боевых действий по освобождению Белоруссии. Немцы занимали хорошо подготовленную, глубоко эшелонированную (около 250 км) оборону с множеством полевых укреплений и естественных рубежей (реки). Авиация противника вела активную разведку наших войск.

В апреле 1944 года мы сбили немецкий разведчик «Физлер-Шторх», летчики которого настолько обнаглели, что проводили полет в расположении наших войск прямо по оси шоссе Москва-Минск.

Белорусская операция началась 23 июня мощнейшим артиллерийским и авиационным наступлением. Удар был настолько силен, что в первый же день Оршанская группировка немцев была разгромлена, войска нашей армии вышли на Минское шоссе, оседлали все виды транспорта и двигались с такой скоростью, что фашисты практически остались сзади. Это создавало затруднения нашим тылам, так как не попавшие в плен фашисты организовывали мелкие диверсионные группы и нападали на наши тыловые подразделения.

Мне дважды пришлось участвовать в ликвидации таких мелких групп фашистов. При переезде через р. Бобр, где образовалось большое скопление наших войск, при выборе позиции для батареи я встретился лоб в лоб с немцем, который первый выстрелил и промахнулся, мой выстрел из пистолета ТТ был более точен, и немец погиб. В этот же день на р. Бобр группа офицеров нашего полка проводила рекогносцировку и встретилась с группой фашистов (12 человек). Завязалась перестрелка, немцы не выдержали боя и сдались в плен (в том числе два офицера - подполковник и майор).

Уже 1 июля наши войска форсировали реку Березину и освободили г. Борисов. Наш полк прикрывал войска на переправе через реку Березину (мост на Минском шоссе был

взорван, и наводилась понтонная переправа, перед которой скопилось огромное количество наших танковых, стрелковых и других частей). Такое положение создавало возможности для действий немецкой авиации. В связи с этим, батареи полка заняли позиции слева и справа от этого скопления войск и прикрывали их от налетов фашистов.

1478-й зенитный артиллерийский Смоленский Краснознаменный полк за освобождение г. Борисов был отмечен в приказе Верховного Главнокомандующего.

1 июля вечером наш полк занял позицию в 7-ми км севернее г. Минска, в котором шли бои за его освобождение.

2 июля утром несколько человек нашего полка отправились на машинах ЗИС-5 с целью разведки северной окраины г. Минска (р-н Пивоваренного завода). В то же время фашисты решили прорваться на помощь окруженной юго-восточнее города группировке немцев. Прорыв производился через северную окраину города, и нашей группе вместе с многочисленными солдатами (рядовыми и офицерами) других частей Красной Армии пришлось удерживать свой участок. К вечеру следующего дня нас выручили, и мы возвратились в свой полк.

5 июля проскочили г. Молодечно. 9 июля проехали г. Лида и остановились на холмистой местности перед г. Гродно. Завязались бои, и 16 июля был освобожден г. Гродно. Батареи полка вели интенсивные бои с авиацией противника. За участие в освобождении г. Гродно полк был награжден орденом Александра Невского.

На следующий день мы получили приказ занять позиции в г. Друскеники (Друскенинкай). Наша батарея заняла позицию на восточной окраине города в районе санатория. 19 июля утром на северном берегу реки Неман послышалась частая автоматная и оружейная стрельба. Оказалась, некоторые наши подразделения переправились через реку на подручных средствах и направились в г. Алитус.

В нескольких километрах от г. Гродно эти подразделения встретились с немецким отрядом, который двигался со стороны г. Алитус. Немецкий отряд с двумя танками типа ТIII прорвался к реке и начал обстрел г. Друскеники. Батарея выдвинула свои орудия прямо на обрыв реки Неман в парке санатория и открыла огонь по немцам, не дав возможности переправиться

немцам в город. Мы продержались 2-3 часа до прихода в город полка САУ 152-мм калибра. После открытия огня установками немцы немедленно бежали.

20-21 июля была наведена понтонная переправа, и батарея окопалась на северном берегу реки Неман (деревня Балтошишки) с задачей охранять понтонную переправу. В том же районе заняли позиции батареи 66-й зенитной дивизии. Совместно мы отразили несколько налетов немецкой авиации и сохранили переправу. В г. Друскеники мне был вручен орден Отечественной войны I степени.

Тем временем войска Красной Армии продолжали наступление, форсировали реку Неман и в конце июля 1944 года освободили множество населенных пунктов на территории Литвы, в т.ч. и станцию Шестаков (Шештоки), которая в дальнейшем послужила железнодорожной базой снабжения нашей армии.

В конце октября войска 3-го Белорусского фронта прорвали глубоко эшелонированную оборону немцев и ворвались в пределы Восточной Пруссии, заняли много городов и населенных пунктов и среди них город Сувалки, который фактически был столицей Польского анклава.

1478-й Отдельный зенитный артиллерийский Смоленский Краснознаменный ордена Александра Невского полк (ОЗАСКОАНП) занял позиции в районе городов Сувалки (штаб полка) и Гольдап с задачей прикрытия войск при их дальнейшем наступлении по территории Восточной Пруссии. Необходимо отметить, что к этому времени самолетов у противника сильно поубавилось, как вследствие боевых потерь, так и распыления вражеской авиации по всей линии советско-германского фронта, которая неумолимо и с большой скоростью перемещалась в сторону Германии. Какое-то количество самолетов отвлекалось также на Запад, где союзники открыли второй фронт. В связи с этим полк получал задачи не только в борьбе с авиацией, но и по поддержке наших войск в сухопутных боевых операциях (например, при взятии отдельных населенных пунктов).

В середине ноября 1944 г. две батареи и два взвода пулеметной роты полка получили задачу по обороне от воздушного противника базы снабжения войск 31-й Армии, размещенной на станции Шестаков. Командиром этой группы и

начальником гарнизона назначили меня, как имевшего уже опыт по выполнению таких задач (станция Вишенки Московско-Белорусской железной дороги).

В конце декабря 1944 года во время боев в районе г. Гольдап погиб начальник штаба полка майор Ракивненко, прекрасный опытный военный специалист и в прошлом видный спортсмен Украины (по мотоспорту). Меня назначили исполняющим обязанности начальника штаба 1478-й ОЗАСКОАНП, который я и возглавлял до самого расформирования полка в июле-августе 1945 года.

С января до 25 марта 1945 года войска Красной Армии методично преодолевали сильное сопротивление противника, продвигаясь через Восточную Пруссию. В этот период основная нагрузка приходилась на артиллерию, которая своим огнем расчищала путь через многочисленные опорные пункты, которыми являлись небольшие поселки и отдельные фольварки.

Как я уже отмечал ранее, подразделения полка практически непрерывно принимали участие во взятии таких населенных пунктов. Запомнился один такой бой за овладение фольварком подразделениями 331-й дивизии в районе южнее г. Грюнвальда 23 февраля 1945 года, В этот вечер всей фронтовой артиллерии Красной Армии приказано было отметить День Красной Армии огнем батарей по всему фронту. Командир 331-й СД решил использовать это мероприятие для овладения сильно укрепленным фольварком. В этом районе были батареи нашего полка и с разрешения командующего 31-й армией (в это время действовал приказ о запрете использования огня зенитчиков по наземным целям) они приняли участие в захвате этого пункта. Пленные немцы особо отметили эффективный огонь наших пушек.

В середине марта 1945 года войска нашего корпуса оказались перед городом Дойч-Тирау, важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны немцев на пути к городу Кенигсберг. Особенностью этого городка было то, что с востока его прикрывали болота и болотистый лес с единственной шоссейной дорогой (примерно шириной 6 метров). В условиях распутицы и сильного танкового прикрытия (несколько танков “Тигр”, окопанных на окраине города и прикрывавших единственную дорогу) город был крайне труднодоступен.

После нескольких дней топтания возле города Военный совет армии принял решение двумя штурмовыми отрядами артиллеристов и всей артиллерией армии, начиная с 0 часов 20 минут 17 марта начать штурм и захватать этот город. Задачей батареи нашего полка был прорыв через передний край немцев после начала артподготовки. Мы должны были въехать в город и дать сигнал артиллерии (трассы снарядов вверх) на перенос огня. К этому времени штурмовые отряды должны были с флангов войти в город и в дальнейшем овладеть им.

Как и намечалось, в 0 часов 20 минут началась артподготовка и две батареи и пулеметная рота (на автомобилях), выставив вперед счетверенные пулеметы “Максим” и крупнокалиберные пулеметы ДШК, восемь штук 37-мм зенитных пушек на прицепах с расчетами по-боевому, направленные вправо и влево по ходу стрельбы по наземным целям, открыв огонь, прорвали передний край и остановились на шоссе в город.

Однако, метров через 300 стоял наш подбитый танк ИС-2, башня которого с пушкой лежала поперек дороги. Наши попытки сдвинуть башню с дороги не увенчались успехом, дорога оказалась непроходимой (справа - болота, слева - болотистый лес). Пришлось остановиться и искать объезд.

Пока шла эта работа, артподготовка прекратилась, наступила тишина, и немцы, почуяв неладное, начали хаотический обстрел дороги минами и снарядами. Один снаряд попал в первый пулемет “Максим”, машина загорелась, и нам пришлось под огнем разворачивать вручную свои машины назад.

Часам к трем ночи мы возвратились в первоначальное положение, однако боевые действия на этом не закончились. Несмотря на то, что штурмовые отряды не достигли цели, немцы поспешно бежали из города, оставив для прикрытия два танка “Тигр”. Первыми в город вошли связисты, не подозревая, что штурм не удался. К 7-00 мы въехали в город, оставленные для прикрытия танки боя не приняли и ушли на запад. К 8-00 появились наши штурмовики ИЛ-2, однако в городе им работы уже не было. Увидев сигнальные ракеты “Я свой”, штурмовики улетели в сторону моря. В этом бою за город во время штурма погибли мой бессменный ординарец Прохор и расчет пулемета “Максим”, которые там и похоронены.

К 20 марта войска вышли на подступы г. Хайлигенбайль (Мамоново). Он был последним опорным пунктом немцев на побережье залива Фриш-Гаф, юго-восточнее г. Кенигсберга. Город был превращен немцами в сильнейшую крепость. На верхних этажах домов были установлены пушки и пулеметы, на нижних этажах находились офицеры. Местность перед городом была открытая и для пехоты практически непреодолимая. Поэтому перед городом было установлено (полукругом) много батарей различного калибра (вплоть до самых крупных), которые вели непрерывный огонь по городу. Несмотря на подкрепления, которые немцы поставляли из косы Фриш-Нерунг через порт Розенберг (3-4 км западнее Хайлигенбайля), положение фашистов было безнадежным. В ночь на 25 марта наши войска начали штурм города. В городе началась паника, немцы бросились в порт, надеясь переправиться на косу Фриш-Нерунг. Наши войска этот момент заметили, и вся артиллерия была перенацелена на бегущих фашистов. Это был такой разгром немецкой группировки юго-западнее г. Кенигсберга, который описать практически невозможно. Такого количества плененных и уничтоженных фашистов, уничтоженной и брошенной техники (на единицу площади) я за весь период боевых действий, в которых принимал участие, никогда не видел (даже во время Белорусской операции). Так для нашего полка окончились боевые действия в Восточной Пруссии.

За бои и овладение городами Бенкхайм и Тройбург, Летцен, Хальсберг, Ланцберг и Бартенштайн, Хайлигенбайль, за прорыв долговременной и эшелонированной обороны в Восточной Пруссии и в районе Мазурских озер, 1478-й ОЗАСКОАНП получил благодарности Верховного Главнокомандующего. Мне, вместе с другими воинами, был вручен орден Красного Знамени.

27 марта 1945 года полк получил приказ следовать своим ходом в район боевых действий 1-го Украинского фронта, где в это время войска готовились к победоносному завершению Великой Отечественной войны - полному разгрому немецко-фашистских войск и взятию г. Берлина. Получили продовольствие, ГСМ, план местности маршрута, сдали 3-му Белорусскому фронту трофейные машины и вооружение и 29 марта по шоссе Кенигсберг-Эльбинг двинулись в Польшу. Через Бранево, Олльштын, Торунь, Иноврацлав, Гнезно,

Яроцын, Острув-Велькопольский, Кэмпно, Ополе, Ниса, Свидница приехали в район расположения, город Явор.

В середине апреля (16 числа) войска 2-го и 1-го Белорусских, и 2-го Украинского фронтов начали операцию, целью которой являлся разгром Берлинской группировки немцев, овладение г. Берлином и соединение с войсками союзников по реке Эльба.

Наша 31-я армия наступала по левому флангу фронта в направлении г. Дрездена. Авиация противника проявляла некоторую активность только в начале операции. В дальнейшем наша авиация полностью господствовала в небе и нам, зенитчикам, работы было немного. Помню, мы занимали позиции в районах городов: Любань, Гёрлиц и Баутцен. В этом районе наши боевые действия в Германии были закончены.

В конце апреля наш полк был переподчинен 8-й гвардейской армии, и мы с частями этой армии вошли в Чехословакию. В этих районах нас застала весть о взятии г. Берлина. Последние наши позиции мы занимали в районах городов Либерец и Яблонец, западнее и юго-западнее которых проводились боевые действия против войск фельдмаршала Шорнера и предателя Власова. Боевые действия для нас закончились 11 мая 1945 года. За время боевых действий полк уничтожил 61 самолет противника.

После окончания войны с Германией в конце мая 1945 года мы получили приказ перебазироваться в город Балатон-Фюред в Венгрии. В этом пункте 1478-й зенитный артиллерийский Смоленский Краснознаменный ордена Александра Невского полк был расформирован на два отдельных зенитных артиллерийских дивизиона. Эти дивизионы были приданы стрелковым дивизиям. Наш дивизион № 1012 ОЗАСКОАНД вошел в состав 252-й стрелковой дивизии Центральной группы войск и был расквартирован в поместье в 10 км севернее г. Печь, Венгрия.

В декабре 1945 года 252-я дивизия получила приказ перебазироваться в Северо-Кавказский военный округ (штаб - в г. Нальчик, артчасти - в г. Прохладный). На новое место расквартирования мы прибыли в январе 1946 года.

В мае 1946 года дивизия была переформирована в “кадрированную”. 1012-й ОЗАСКОАНД был расформирован и преобразован в Зенитную батарею 252-й СД.

С июня 1946 года я был зачислен кандидатом в слушатели Высшей военной школы ПВО, г. Москва, на базе которой в июле-августе 1946 года была образована Военная артиллерийская радиотехническая академия ПВО им. Говорова Л.А. С октября 1946 года я стал слушателем этой Академии, которую закончил в мае 1952 года, получив диплом военного инженера-радиотехника. В этом же месяце мне присвоили звание инженера-подполковника.

После окончания академии я был назначен научным сотрудником НИИ-2 Академии артиллерийских наук, однако уже в июле 1952 года я был переведен в Главное артиллерийское управление Военного Министерства СССР на должность старшего инженера отдела 5-го управления НТК ГАУ.

До февраля 1984 года я проходил службу в 5-м и 2-м Управлениях артиллерийского научно-технического комитета ГАУ (ГРАУ), занимая различные должности. В 1961 году мне было присвоено звание инженера-полковника, которое в 1971 году было переименовано в звание полковника-инженера.

В феврале 1984 года я был демобилизован в отставку по возрасту и в марте этого года поступил на работу в 3-е Управление НТК ГРАУ на должность инженера отдела, а затем был назначен помощником начальника отдела этого Управления, Службу в Советской Армии я закончил в марте 1988 года и стал военным пенсионером.

За участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны награжден орденами:

- Красной Звезды - октябрь 1942 года - № 64428;
- Отечественной войны 1-й степени - август 1944 года - № 71268;
- Красного Знамени - март 1945 года - № 291797;
- Красной Звезды - 1945 год - № 3466330;
- Отечественной войны 1-й степени - март 1985 года - № 454118,

а также медалями:

- «За боевые заслуги» (выслуга лет) - 1950 год - б/н;
- «За оборону Москвы»;
- «За взятие Кенигсберга»;
- «Победа и свобода» ПНР -1973 год;
- «30-летие освобождения Чехословакии» -1973 год.

Мне присвоено звание “Почетный гражданин г. Лобня” (1996 г.)

За разработку и внедрение новой техники награжден:

- орденом Красной Звезды (март 1973 года, № 3652775);

- орденом Трудового Красного Знамени (май 1981 г., № 1009665).

Ранен тяжело 14 августа 1943 года под г. Ярцево Смоленской области: - слепое осколочное ранение лица с повреждением мягких тканей носа, в верхней челюсти пяти зубов, языка, ранение мягких тканей левой кисти, грудной клетки, живота, проникающее в брюшную полость (в брюшной полости имеется инородное тело размером 1х1 см). Произведена операция на гайморовой полости.

Находился на излечении в ЭГ НКПС через ПМП, 360-й МСБ, ХППГ № 703, СЭП № 2714, ЭГ № 2963.

Мои публикации:

1. Воспоминания “На подступах к Москве” - / Газета “Лобня”, № 48/185, 28.11.-05.12.1997 года -5 с.

2. Воспоминания “На семи ветрах” / Газета г. Волоколамска.

3. Воспоминания / Журнал «Ориентир» МОРФ 2001г, № 6, стр. 16-18

4. Воспоминания “На рубеже г. Лобня”. /Магнитофонная запись для музея Великой Отечественной Войны г. Лобня.

Публикации с упоминаниями обо мне:

1. Субачев А.Ф. “Рубежи жизни. Воспоминания”. Изд-во г. Лобня, 2000 г.-73 с.

2. Петухов С.И., Шестов И.В. “История создания и развития Вооружения и Военной техники ПВО, Сухопутных войск России”. Часть 1.-198,207,209,211 ее. Часть 1.- 45,66,68,81 Изд-во ВПК 3 ЦНИИ МО РФ, Российская академия ракетных и артиллерийских наук.

3. Шляпников Н.В. «Не сломили годы» / Газета «Лобня» № 41/439, 11-17 октября 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Афанасьева Светлана Николаевна****, студентка 2-го курса Профессионального училища №5 города Москвы*

Полторак Андрей Филимонович

Смотрел, как я лично навожу панораму (оптический прицел) на каждый миномет

Я родился 14 декабря 1924 года в Черкасской области, Тальновском районе, селе Кривые Колена.

Украинец, православный, беспартийный. С 1939 года член ВЛКСМ, ОСОАВИАХИМа. С 1945 г. кандидат в члены ВКП(б), с 1946 г. член ВКП(б), КПСС.

В Красной Армии добровольно с 7 июля 1941 года по 12 сентября 1987 года. Выслуга в Вооруженных силах СССР 50 лет.

Служил:

с 7.07. 1941 г. по 30.11.1942 г. - рядовой, сержант, младший лейтенант, зам. командира стрелковой роты Калининского, Донского, Сталинградского фронтов;

с 30.11.1942 г. по 20.08.1944 г. - госпиталь по ранению, курсы младших лейтенантов, командир учебного взвода Южно-Уральского ВО;

с 20.08.1944 г. по 9.09.1945 г. - 1-й Белорусский фронт - командир взвода и батареи;

с 1952 г. по 1957 г. - Военная академия химической защиты;

с 1957 г. по 1965 г. - служба на руководящих должностях в воинских частях, соединениях, объединениях вплоть до Зам. НХВ ЮГВ Прик. ВО.

с 30.10.1966 г. по 12.09.1987 г. - старший преподаватель в Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Награжден 7-ю орденами: 2 – Красной Звезды; 1 - Отечественной войны II ст.; 2 - Отечественной войны I ст.; За службу Родине в ВС III ст.; 1 - Красного Знамени (№ 241770).

Награжден медалями: “За боевые заслуги”, “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”. “За взятие Берлина”, “За Победу над Германией”, польская «За Варшаву» и 12-ю юбилейными .

В 1941 году окончил два курса с/х техникума в г. Тальное (тогда) Киевской области. Во время войны – курсы младших лейтенантов с октября 1943 года по апрель 1944 года в Южно-Уральского ВО (г. Благовещенск Башкирской АССР). После войны окончил Высшую артиллерийскую офицерскую школу (ВОАШ) с ноября 1945 года по апрель 1946 года. Подготовительный и полный курс Военной академии химической защиты с сентября 1952 года по февраль 1957 года г. Москва, Академия имени маршала Советского Союза Тимошенко.

Узнал о начале войны 22.06.1941 г. в больнице г. Тальное после хирургической операции по устранению правой паховой грыжи. Грыжу обнаружила медицинская комиссия при моем поступлении в Одесское артиллерийское училище. Из больницы выписался досрочно 29 июня 1941 года, чтобы явиться в Райвоенкомат для вступления добровольно (досрочно) в ряды РККА.

По прибытии из больницы в с/х техникум г. Тальное, в котором я учился, я обратился к его директору, чтобы получить документы и ходатайство о зачислении меня через Райвоенкомат добровольцем в ряды РККА. Так как я был секретарем комсомольской организации техникума и членом Райкома ВЛКСМ г. Тальное, директор Пироженко направил меня для конфиденциальной беседы в Райком ВКП(б).

В райкоме ВКП(б) Украины 30 июня 1941 года на беседе, в присутствии двух человек - Первого секретаря ВКП(б) и начальника НКВД района меня рекомендовали остаться на

территории района (если она будет захвачена немецко-фашистскими ордами) для подпольной работы с молодежью. Для конкретизации исходных данных и задач по предстоящей работы они пообещали вызвать меня дополнительно через несколько дней. Но, вызвав меня 2.07.1941 г., объявили, что меня в районе многие знают по работе комсомольской организации техникума и по работе в Райкоме ВЛКСМ, то безопаснее подобрать незаметного активиста-комсомольца из неучащихся комсомольцев. Они позвонили в Райвоенкомат, чтобы меня оформили добровольцем в одну из формирующихся частей. В Райвоенкомате меня определили 7 июля 1941 года в отмобилизованный стрелковый полк в лесопарке с/х техникума в г. Тальное.

С 7.07.1941 года я добровольно в рядах РККА.

Полк не полностью укомплектованный и мало снаряженный обмундированием, снаряжением и вооружением утром 8 июля 1941 года пешим маршем, длинной колонной, выступил в направлении г.Черкассы на сборный пункт г. Козельщина Полтавской области с задачей доукомплектоваться до боевой готовности. Но немцы нас несколько опередили, и в Козельщине нас – призывную молодежь, отправили маршем в направлении г. Кременчуга под командованием командира и штаба 13-го запасного стрелкового полка из отмобилизованных командиров. И так двигались до глубокой осени, частично выделяя в отходящие части мало-мальски подготовленных в военном отношении солдат (ранее служивших в армии) и подразделения полка.

Молодежь, имеющую образование более 7 классов, по ходу марша определяли через военкоматы в различные военные училища. Меня и нескольких бойцов направили на пересыльный пункт в г. Ртищево Саратовской области, где в середине декабря 1941 года определили в эшелон (отдельный вагон) до ст. Привольская Саратовской области в Могилевское пехотное училище, в котором я проучился до 5 мая 1942 года.

5 мая 1942 года всех курсантов училища, без присвоения каких-либо воинских званий, погрузили в эшелон и повезли мимо Москвы в северо-западном направлении. 10 мая 1942 года мы прибыли в район формирования 27-й гвардейской стрелковой дивизии на базе 3-й гвардейской стрелковой

бригады морской пехоты - район ст. Селижарово, на Калининский фронт.

С 10 мая 1942 года в моем послужном списке и в соответствующих бюллетенях 27-й гвардейской стрелковой дивизии я числился участником боевых действий Великой Отечественной войны, хотя наш эшелон перед ст. Осташково налетом немецкой авиации 7 мая основательно разбомбили (в т.ч. командный вагон). С 13 мая 1942 года 27-я гвардейская дивизия вошла в состав группы войск резерва Калининского фронта, а с 20.06.1942 г. вошла в состав 58-й армии Калининского фронта в резерв.

С 7.08.1942 г. дивизия, погрузившись в ж.д. эшелоны на ст. Селижарово убыла в распоряжение Ставки Верховного Командования по маршруту: Калинин, Москва, Рузаевка, Артищево, Поворино, Иевля и с 18.08.1942 г. дивизия поступила в состав 1-й гвардейской армии Сталинградского фронта.

Я, до прибытия на Сталинградский фронт, вместе с другими курсантами разных военных училищ, зачислен с 10.05.1942 г. рядовым бойцом 74-го гвардейского стрелкового полка. После нескольких боев до середины сентября, нас, оставшихся в строю (живых) бывших курсантов училищ, со всех частей дивизии, собрали и отправили в отдельный учебный батальон 27-й гвардейской дивизии для подготовки резерва офицеров различных родов войск, в дивизию.

10.11.1942 г. мне было присвоено звание младшего лейтенанта, и я был направлен в 83-й гвардейский стрелковый полк 27-й гвардейской стрелковой дивизии заместителем командира 6-й стрелковой роты по политической части.

30.11.1942 г. в этой должности в наступлении по внутреннему кольцу окружения немцев под Сталинградом, в 2-х км от хутора Вертячий был тяжело ранен осколком баллистической мины в область левого тазобедренного сустава. Эвакуирован в госпитали: Камышин, Саратов, Уральск Западно-Казахстанской области.

Первая часть моих воспоминаний будет в пределах написанного выше периода моей военной службы до прибытия на фронт и в ходе боевых действий на Калининском, Сталинградском и Донском фронтах.

Нужно отдать должное подготовке в стране молодежи к службе в армии и создании резервов. Я имею в виду деятельность ОСОАВИАХИМа. За время учебы в техникуме молодежь хорошо овладела знаниями вооружения и легкой боевой техники Красной Армии, правилами оказания помощи, самопомощи, взаимопомощи при ранениях и травмах, средствами индивидуальной медицинской помощи и химической защиты, разведывательными действиями, стрельбой, а также знаниями фортификационных укреплений, позиций для стрельбы и укрытий.

Там, где был хорошо подготовлен военрук, все это было доведено до совершенства. «Готов к труду и обороне; к медицинской и химической защите» и др. занятия давали свои результаты.

Первый опыт «близкого» знакомства с противником у меня произошел уже на третий день (10.07.1941 г.) моей службы.

В большей своей части отмобилизованный стрелковый полк двигался по 150 км маршруту к Черкассам. В 16.00 с востока на запад, как потом мы поняли, после выполнения, видимо, разведывательного полета летит самолет на высоте 25-30 м, а летчик, беззаботно улыбаясь, ведет его вдоль колонны. По опознавательным знакам, мы видим, что самолет немецкий и ждем команды «Воздух», но, увы, никакой реакции. У летчика, видимо, кончился до этого боезапас, но он возмутился, решил развернуться и бросить пару гранат, которые предназначены для обороны летчика в случае, если его подобьют и сделать последнюю очередь оставшимися в ленте патронами. Большинство мобилизованных вооруженных солдат, возрастом за 30 лет, в панике разбежались по пашне. Молодежь - без оружия, но залегла в кюветик. Потерь, по счастью, нет, но панику наблюдать было очень грустно.

Мы, трое из бывших студентов с/х техникума, подошли к командованию и попросили, чтобы по колонне дали указания: при налете авиации противника всем ложиться в ближайшем кювете на спину и стрелять из всех видов оружия (винтовок, ручных пулеметов) по самолетам. Тем самым самолеты будут приучены летать на высоте не менее 1,5 км, а прицельному огню они на высоте не научены, т.к. прошли всю Европу, не сходя с машин и летая на «бреющем» полете. Кстати, эта

простая школа в ходе войны сыграла решающую роль: подняли самолеты противника и сняли боязнь самолетов.

Буквально тут же второй пример. В 16.00-17.00 12.07.1941 г. колонна пока на подходе к Черкассам (в 5-и км). Два транспортных самолета немцев «высыпали» 10-12 парашютистов в лес под Черкассами с высоты 400-500м. Думаю, для захвата в ближайшем будущем единственного здесь моста через р. Днепр и одновременной разведки. Парашютисты, увидев с воздуха колонну полка, открыли беспорядочный, далеко не прицельный и недосягаемый огонь разрывными пулями из автоматов. Но только вчера наученные нами стрелки и ручные пулеметчики полка в количестве до 500 человек открыли прицельный огонь по двум самолетам и парашютистам противника. Результат - один сбитый транспортный самолет, а 6 оставшихся в живых парашютистов добровольно сдались в плен. Коллективная победа.

Солдаты-стрелки и пулеметчики ликуют, и каждый думает, что это именно им выпущенная пуля достигла цели. Поверили в умение достигать победу в бою.

В дальнейшем для меня (до середины декабря 1941 года) - невеселые будни совершения марша запасным стрелковым полком, стараясь по ночам оторваться от противника на несколько переходов. Встреча с ранней очень суровой зимой, начиная с середины ноября. У нас у многих из-за неправильного (неумелого) подгона обуви, в том числе и у меня, обморожение ног с последующим серьезным лечением.

Я уже писал о том, как в середине августа 1942 года мы, грамотные, хорошо обученные в военных училищах солдаты, в целом полностью укомплектованной нами 27-й гв. СД прибыли на Сталинградский фронт.

Противник целеустремленно рвался к Волге, к Сталинграду. Сплошного фронта между нашими измотанными боями войсками и немцами не было. Задача состояла в том, чтобы нанесением контрударов по флангам противника исключить возможность достижения его целей.

27-я гвардейская стрелковая дивизия была обречена наспех готовить и наносить контрудары во фланг противнику, нести тяжелые потери и переходить к тяжелым оборонительным боям. Почти до конца октября дивизия результативно

оборонялась к востоку от малой излучены Дона, в районе Паншино-Вертячий-Котлубань.

Только три дня, с 24 по 26 сентября, враг потерял убитыми и раненными около 1000 солдат и офицеров, 149 были взяты в плен, уничтожены: 21 танк, 10 броневиков и 44 грузовых автомобилей. По меркам того периода боев на Сталинградском фронте это был ощутимый для немцев урон.

В ходе каждодневных боев днем - контрудар, ночью - маневр 30-50 км на новое направление и утром опять контрудар.

Мне хорошо запомнился первый бой 74-го гв. СП 27-й гв. СД 26 августа 1942 года. Я был пулеметчиком в полку, 74-м гв. СП, который развернулся на участке северной окраины станицы и до разъезда Паншино. После не впечатляющего артналета, на открытой местности, днем, против ослепляющего солнца, мы в полный рост шли метров 400, подвергаясь только минометному огню противника. Затем перебежали под «проливным огнем» стрелкового оружия и подняли залегшего противника на необорудованных позициях. Донскую степь нельзя оборудовать в короткий срок. Твердая, как камень. Да немцы и не думали в те времена, что это нужно делать. Не многим немцам, обратимым в бегство, удалось добежать до второй позиции. Но и я видел, как падали под огнем мои друзья по училищу. Два бойца с ружьем ПТР пали в одночасье. Одновременно я, с большой внутренней похвалой, наблюдал, как Гриша Попов прикрывает меня, опуская в 50-мм миномет роты одну за другой мины. 1,5 часа боя и - 6 км вклинение полка в оборону противника. Нет, это не фрагменты из кинофильма. Это один из эпизодов, снящихся и ныне по ночам, какой кровью давалась нам частица общей победы.

Важнейшую роль сыграло своевременное и верное определение направления возможного завтрашнего наступления или контрудара противника. А это, ой, как трудно определить. Нужно признать, что этому, маскироваться и ложно демаскироваться в условиях голой степи, немцы научились.

Вспоминается курьезный случай, который произошел в нашем же 74-м гв. СП, в батальоне, в котором я служил. Где-то в начале сентября 1942 года под Котлубанью (совхоз) несколько ночей подряд на участке по фронту до 6 км противник ловко ложно демаскировал направления

наступления. В течение темного времени суток проводил на всем участке гул моторов танков и гудки бронемашин, выкрики солдат, мигание фонарей. Все мы, прислушиваясь, между собой говорили: «Ну, жди», «Запасай гранат и бутылок с зажигательной смесью» и т.п.

Вместе с тем, дивизионная и полковые разведывательные подразделения не могли взять «языка». Командир дивизии, тогда еще полковник, Виктор Сергеевич Глебов приказал штабу и всем командирам стрелковых частей организовать массовую «вылазку» групп от каждого батальона из специально подготовленных смекалистых специалистов, по общему плану, с разнообразием приемов захвата «языков». Это готовился не спектакль, а хорошо отрежиссированная премьера.

Такая группа готовилась и в нашем батальоне. Определили в группу 12 человек, из них один старший группы; - я, один связной между действиями группы и командованием батальона ряд. Кирсанов и 10 человек разведчиков (доморощенных для этого случая). Готовить группу искусству вылазки было поручено командиру взвода разведки полка. Перед вылазкой готовность группы проверял командир полка, гвардии полковник Григорий Емельянович Осечкин.

Выдвижение группы решили к стоящему на нейтральной полосе за мелкой балкой ближе к нашему переднему краю комбайну (оставленному в поле комбайнерами совхоза). Разведкой до этого было установлено, что под комбайном оборудована немцами пулеметная огневая точка. Ночью в ужин и завтрак, когда усиливается движение наших бойцов от траншей к кухне, немцы выдвигаются к огневой точке, открывают не длительный и не ежедневный огонь на звуки наших солдат.

Было решено упредить немцев, занять окоп пулемета. И взять, как минимум, одного «языка». Я не буду утомлять описанием науки разведчиков, действиям в таких случаях от выдвижения группы захвата и других двух групп к объекту. Все было выполнено с большой степенью учета всех и вся, «а вдруг». Но было приказано ночью посыльным доложить о благополучном занятии пулеметного окопа и мест групп поддержки. Я послал Кирсанова с донесением, а сам с большим вниманием наблюдал за сигналами управления.

Группа начала выдвигаться еще во второй половине дня, по солнцу, и к 22.30 достигла объекта. Солнце било в глаза противника. В то же время разведка предельно редко выдвигается днем. Здесь был успех в нашу пользу. Я отправил донесение. С опозданием, после выдвижения нашей группы, командиру батальона было доложено разведчиками полка, что немцы справа и слева в 120-150 метрах от пулеметного окопа под комбайном вдоль старой траншеи, проходящей по гребню балки, оборудовали запасные пулеметные окопы.

Это резко меняло обстановку, и командир батальона решил меня предупредить через связного Кирсанова о ситуации. Он незамедлительно прибыл к нам. Мы его опять отправили, а сами спокойно растянули кабель в стороны и установили сигналы дергания за кабель в случае обнаружения пулеметного расчета немцев в любом из окопов.

Вдруг в 23.45 (50) от правой группы поступил сигнал, что к их окопу медленно выдвигается (или выдвигаются), судя по отблескам Луны на каске, немец (немцы), делая одно-два движения в минуту. Далее все было оформлено быстро: кляп, завернули в палатку и поволокли к боевому охранению батальона. Ошибка была обнаружена уже в боевом охранении - это был связной Кирсанов. Но нас тревожить не стали. В эту ночь на нашем участке немцы так и не обстреливали наш передний край. Мы благополучно вернулись в батальон. На вторую ночь полковая разведка на этом участке взяла сразу двух «языков». Над нами в батальоне долго насмехались. Но командир дивизии лично приезжал в батальон и нас все же похвалил, что если бы сунулись немцы, то у нас был бы более результативный успех.

Далее вскоре, где то 10.10.1942-15.10.1942 г., меня откомандировали в учебный батальон. Он был во всех боях как резерв командира дивизии, а мы, курсанты, познавали азы военной науки по специализации взвода, в который были зачислены. Через два месяца всех офицеров определили на вакантные должности в части. Я был направлен в 83-й гв. СП заместителем командира стрелковой роты по политической части. Так как в феврале 1943 г. в Красной Армии был ликвидирован институт заместителей по политчасти в ротах и батареях (я в это время лечился после ранения в госпитале в Саратове), то после излечения был направлен на курсы

младших лейтенантов артиллерии в офицерскую группу замполитов для переучивания на командные должности.

Закончив учебу в апреле 1944 г., был назначен командиром учебного взвода в 40-ю учебную дивизию в г. Уфа, и только в августе 1944 года удовлетворили мои ходатайства о посылке на фронт. Прибыл в распоряжение командующего 5-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта и был назначен командиром взвода управления батареи в 44-ю гвардейскую армейскую пушечную артиллерийскую бригаду 5-й Ударной армии. Таким образом, моя боевая служба в составе 44-й гв. Апабр началась в конце ноября 1944 года. До конца ноября я находился в распоряжении командующего артиллерией 5-й Ударной армии.

Далее мои воспоминания о различных эпизодах на боевом пути охватывают только Висло-Одерскую, Кюстринскую и Берлинскую операции.

Как уже было изложено ранее, к этому времени я был хорошо «обстрелян» на Калининском, Сталинградском и Донском фронтах, где в горниле тяжелых боев прошел службу в пехотных подразделениях от рядового стрелка до младшего лейтенанта - заместителя командира стрелковой роты по политической части.

В середине Сталинградского сражения 30.11.1942 г. был тяжело ранен. Ехал я на 1-й Белорусский фронт в распоряжение командующего артиллерией 5-й Ударной армии с большим волнением. Понимал, что встречу своих будущих подчиненных и начальников с богатым боевым опытом артиллеристов-профессионалов, а мне его в этом качестве предстоит приобретать и многому учиться в условиях уже нового качественного состояния войск Красной Армии и решающих сражений конца Великой Отечественной войны.

И действительно, когда меня со штаба бригады связной привел в распоряжение 3-го дивизиона для представления начальству о прибытии на должность командира взвода управления 8-й батареи, я был приятно поражен и восхищен блеском многих правительственных наград, украшавших грудь каждого встречающегося рядового, сержанта или офицера.

Я хорошо помнил внешний вид бойцов всех рангов на Калининском, Сталинградском и Донском фронтах.

Нужно сказать, что мои тревоги во многом рассеялись уже после первого знакомства с начальством и подчиненными.

Я увидел и понял, что коллектив в дивизионе очень дружный, что каждый офицер и подчиненный в любую минуту готов прийти на помощь. В дивизионе был большой процент офицеров, так же как и я, выросших на фронте от рядового. Покорило меня еще и то, что с первого взгляда чувствовалась какая-то уютная, доброжелательная обстановка. Весь личный состав был отстиран (отчищен) с пришитыми белоснежными подворотничками, начищенными до блеска сапогами.

Нужно помнить, что 5-я Ударная армия и, соответственно, бригада в августе 1944 года из состава 3-го Украинского фронта была передислоцирована в резерв Ставки, а затем 1-го Белорусского фронта в район западного берега р. Висла, напротив Магнушевского плацдарма. В этот период в войсках 5-й УА до конца ноября кипела учеба и работа по обобщению опыта предыдущих боев. Люди выполняли ту или иную работу спокойно, уверенно и отвечали при обращении на вопросы не высокомерно, но с достоинством. Если все это приятно поразило меня, то можно себе представить, какое ошеломляющее впечатление произвело на поляков (с сентября до середины ноября 1944 года бригада располагалась в лесах в 55 км северо-восточнее Варшавы в 50 км от Магнушевского плацдарма на Висле и готовилась к предстоящим боям). Известно, что для нас фронтовая жизнь, в сущности, складывалась из двух слагаемых – боя и учебы.

Поляков десятилетиями пугали коммунистами и «русскими варварами» Но еще в апреле 1944 года ГКО потребовал от командного и политического состава Красной Армии, чтобы личному составу была разъяснена политика ВКП(б) и нашего государства в отношении освобожденного населения Польши. Наше доброжелательное и отзывчивое отношение окупалось.

Да, как же далее проходило мое «вживание» в коллектив непосредственно 3-го дивизиона? Командир 3-го дивизиона гвардии майор Макаренко Илья Ильич принял меня в своем штабе, который размещался в просторной полуземлянке-полушалаше. В это время там находились начальник штаба дивизиона гвардии майор Янченко Иван Яковлевич, заместитель командира дивизиона по политической части гвардии майор Зурков Герасим Аввакумович, парторг дивизиона гвардии капитан Кац Владимир Маркович.

Поздоровавшись, командир дивизиона сказал, показывая на мою медаль «За оборону Сталинграда»: «Ну это наш, сталинградец, и этим уже много сказано».

Выяснив кратко мою небогатую биографию, руководство дивизиона довело до меня основные вехи боевого пути бригады и дивизиона. Не буду утомлять читателя фрагментами нашей беседы, но с благодарностью вспоминаю, какая попечительная забота была проявлена к моей скромной личности и помощь быстрейшего врастания в дела дивизиона и моего взвода.

Акцент беседы был определен каждым должностным лицом по боевой и политической подготовке, по моей профессиональной деятельности. После беседы командование дивизиона пригласило меня в офицерскую столовую - большой шалаш, где представило меня всем офицерам дивизиона (так совпало по распорядку дня). К тому времени там обедали почти все офицеры. Я обратил внимание, как с интересом офицеры рассматривали новичка, тем более, что я, заменял очень уважаемого, назначенного на выдвижение офицера 8-й батареи. Но должен доложить, что с первых дней и до конца совместной службы все офицеры дивизиона относились друг к другу и ко мне очень доброжелательно, предупредительно вежливо и отзывчиво.

После обеда я представился командиру 8-й батареи и офицерам батареи: гв. капитану Лантухову Андрею Васильевичу, гв. старшему лейтенанту Гизатулину Владимиру Николаевичу и гв. лейтенанту Шилягину П.И.. Гв. капитан Лантухов А.В. представил меня взводу и пожелал успехов.

В начале нашей совместной службы я никак не мог привыкнуть к манере руководства офицерами батареи, которую применял А.В. Лантухов. Все его неторопливые действия совершенно откровенно мне говорили: "На войне должна быть самостоятельность с первых шагов и успех будет сопутствовать только в тех случаях, если не будешь ждать подсказки от старших, не будешь бояться брать на себя ответственность и опережать решения начальников и старших". Вскоре я убедился, что он внимательно следит за деятельностью подчиненных, находит место похвале и говорит об упущениях в работе как о достижениях, способствующих творческой деятельности.

Еще с прибытием 5-ю УА в новый район во всех батареях были зачитаны приказы по армии и бригаде, в которых нам определялись основные задачи по боевой подготовке на ближайший период. Для нас главное внимание уделялось усвоению функциональных обязанностей каждым рядовым, сержантом, офицером.

В этой связи мне вспоминается, как все взводы управления батарей и дивизионов бригады привлекались на дивизионные учения со стрелковыми дивизиями армии на специально оборудованных полях по типу обороны противника перед Магнушевским плацдармом. На учениях отрабатывали движение пехоты, танков и нас за огневым валом.

Здесь я с восхищением воспринимал возможности нашей артиллерии к середине 1944 года, и с некоторой грустью вспоминал, что под Сталинградом, когда мы ежедневно контратаковали, то такого позволить себе не могли, т.к. артиллерии было мизер. Я с гордостью наблюдал за своими разведчиками, радистами и телефонистами, которые спокойно и решительно не отставали от пехоты.

В ночь на новый 1945 год мы всей бригадой прибыли на боевые позиции на Магнушевском плацдарме. Здесь у нас день и ночь кипела работа по разведке, засечке позиций, огневых точек, наблюдательных пунктов и ОП артиллерии противника. Ведь 44-я гв. АПАБр контрбатарейной борьбы, в первую очередь. Ежедневно готовились и уточнялись исходные данные для стрельбы с учетом всех поправок на метеоогневые бюллетени и уточненные координаты целей.

Нам где-то числа 11-12 января во все батареи бригады выдали топографические карты с набивкой системы обороны противника. Видно было, что разведка всех видов поработала отлично. В это время между батареями нашего дивизиона были распределены цели (батареи противника) для их подавления или уничтожения в ходе артиллерийской подготовки атаки, огонь которой забушевал в 8 часов 30 минут утра 14 января. Наша 8-я батарея вела огонь по заранее подготовленным данным для стрельбы без корректирования огня на подавление 150-мм батареи противника, разведанной в 5-ти километрах от переднего края.

На направлении наступления 32-й СК 416-й СД, с которой мы действовали, нейтральная полоса между нашим передним

краем и противником была около 400 м, наша пехота, и мы с ними стали организованно выдвигаться к переднему краю противника уже с началом первого огневого налета. Мне было приказано организовать передовой наблюдательный пункт (ПНП) в составе двух разведчиков, двух радистов и меня, чтобы действовать с передовым батальоном пехоты 416-й СД. Я взял с собой разведчиков Елкина И.В., Юркина Н.И., старшего радиотелеграфиста Ганибова Умат Гери и радиста Налпенко П.Е. и в составе ПНП прибыл на передний край в первую траншею впереди расположенного в исходном положении для наступления стрелкового батальона.

Командиры стрелковых подразделений всегда с радостью встречают артиллеристов, поэтому командир батальона обрадовался нашему прибытию. Было приказано после первого огневого налета атаковать передний край противника и в случае успеха действий переносить огонь в глубину без последующей повторной обработки переднего края.

Артподготовка в рассветные сумерки и сильный туман была настолько мощной, многоголосой, точной и ошеломляющей для противника, что он не устоял. И уже где-то через час, т.е. к 10 часам, стрелковый батальон продвинулся вглубь около 3-х км, подошел к опорному пункту Выробув и залег под сильным минометным, пулеметным, автоматным огнем противника. В это время старший разведчик Елкин И.В. мне доложил: «Наблюдаю стрельбу трех минометов противника из проломов в стене красного кирпичного здания на южной окраине Выборув и двух бронетранспортеров со спаренными крупнокалиберными пулеметами». Я посмотрел в бинокль и убедился, что из трех проломов в стене кирпичного сарая периодически поднимаются белые кольца дыма, характерные при стрельбе из минометов, вместе с этим увидел примкнувшие к правой и левой стене сарая бронетранспортеры с зенитными пулеметами, ведущими непрерывный огонь по нашим воинам по наземному.

Расстояние до них было около 1-го км, но свист осколков мин и пуль пулеметов ощутимо прижал нас и пехоту к земле и наносил потери.

Я знал интервалы стрельбы орудий 8-й батареи по 105 мм батарее. Подготовил данные для стрельбы по обнаруженному опорному пункту, вызвал огонь батареи и после 5-го снаряда по

пристрелке перешел на поражения четырьмя снарядами на орудие, веер сосредоточенный (всего 16+5 снарядов) «Огонь». Сарай был разрушен, стрельба противника прекратилась, всю окраину Выборув заволокло пылью и черным дымом.

Какое же ликование и воодушевление это вызвало у наших бойцов и командиров! Командир стрелкового батальона бросился целовать сначала Елкина И.В., а затем меня, вскочил на ноги и под крики «Ура-ра» увлек весь батальон вперед. Когда в течение 15-20 минут овладели опорным пунктом и увидели под обрушившейся дымящей крышей сарая опрокинутые минометы и раздавленные их расчеты, а также опрокинутые под грудой кирпича бронетранспортеры противника от ударов 152-мм снарядов, командир батальона воскликнул: «Вот это работа! А говорят «лапоть вправо, лапоть влево». Нет, уж Бог войны, есть Бог войны! Батальон свернули в ротные колонны и форсированным маршем преследовали противника, вскоре вышли в район 150-мм батареи противника, по которой вела огонь на подавление 8-я батарея. Я в этом районе со своим ПНП дождался НП с гв. капитаном Лантуховым и любовались результатами стрельбы. Мы, видавшие виды своей «работы», были радостно восхищены. Стрельба оказалась не на подавление, а на уничтожение. Все орудийные расчеты батареи противника (большинство людей) были перебиты, орудия искорежены. Раненных осталось 3 человека.

Наступление наших войск было настолько стремительным, что, по существу, огневикам батареи и бригады в целом до самой р. Одер не пришлось развертывать и занимать ОП, и вести огонь, и даже не угнаться было за нашей пехотой.

Я со своим ПНП был включен в состав созданного командующими 1-м Белорусским фронтом и 5-й УА передового отряда, который имел задачу к 1 февраля схода захватить плацдарм на Западном берегу р.Одер и удерживать его до подхода главных сил армии. Это в 70-80 км от Берлина, т.е. в 450 км от наших войск к моменту создания отряда. Мне быть в подчинении командира 507-го АИПТАП подполковника Дмитриева В.А. в составе передового отряда. За предыдущие действия с начала наступления и его завершения, от Вислы до Одера, я был награжден орденом Красной Звезды, а личный состав с ПНП тоже весь был награжден орденами и медалями.

В боях за Одерский плацдарм и Кюстрин

К вечеру 31 января командир 507-го АИПТАП подполковник Дмитриев В.А. приказал переправить вручную по тонкому льду р. Одер большую часть своей артиллерии и перенес свой КП на плацдарм, на западный берег р. Одер. Он приказал мне оставить водителя и одного радиста на нашей машине с транспортом его полка в лесу в 6 км северо-западнее Кюстрина, а нам занять НП на дамбе в 2 км юго-восточнее Каленцига, вести разведку, накапливать данные до подхода управленческих подразделений бригады и дивизиона, а также быть готовыми к отражению атак противника.

В первых числах февраля нам пришлось участвовать в боях на этом плацдарме. Особенно жестокий бой был 1 и 2 февраля. Массой пехоты и танков, после мощных налетов авиации, противник непрерывно атаковал. Маленький клочок земли за Одером содрогался от разрывов бомб, снарядов и мин.

Личный состав передового отряда всех специальностей, переправленный на плацдарм, сражался стойко, мужественно оборонялся и плотным ружейно-пулеметным огнем косил фашистских автоматчиков. Гитлеровцам удалось несколько потеснить наших бойцов отряда к дамбе, на которой мы занимали НП и оборонялись, но им не удалось сбросить нас с плацдарма. Нас здесь воодушевляли действия по всему фронту вдоль дамбы бойцов отряда, высокое мастерство наших коллег, артиллеристов 507-го АИПТАП. Меня и моих подчиненных приводила во внутреннее ликование стрельба в упор прямой наводкой ПТ орудий из цепи нашей пехоты.

Особенно отличился здесь наш разведчик рядовой Юркин Н.И., который расстрелял несколько коробок патронов из немецкого трофейного пулемета, и небезуспешно. Соседи по бою, солдаты из стрелковых подразделений, в коротких перерывах между атаками противника, пожимали ему руки и восхищались им. За бой в Висло-Одерской операции он вскоре получил награду. В своих воспоминаниях «Весна Победы» генерал-лейтенант Боков Ф.Е. об этом коротком периоде писал: «Февральские и мартовские бои на Одере были одни из самых упорных и кровопролитных, какие довелись вести войскам 5-й Ударной армии на плацдармах.

В течение почти двух месяцев металл и взрывчатка разносили в клочья человеческие тела, технику, строения, а бомбы и снаряды перепахивали землю, уничтожая все живое… только 2 и 3 февраля авиация противника сделала 5008 самолето-вылетов на клочок земли».

Со 2 февраля на плацдарм все больше прибывало нашей пехоты и легкой артиллерии. 4-5 февраля прибыл командир нашего 3-го дивизиона с командирами батарей и взводами управления, отозвал нас с плацдарма и организовал наблюдение на восточном берегу Одера.

Наш НП 8-й батареи был на окраине Кистельц (3 км северо-западнее Альт-Древиц). На этом НП я, со взводом управления, и командир батареи вели разведку до начала апреля 1945 года, по существу, в ходе всей непосредственной подготовки к Берлинской операции. Вместе с тем, частью сил взвода управления и первым огневым взводом участвовали в штурме и овладении городом–крепостью Кюстрин. В этот период, мы, командир 8-й батареи и я с разведчиком Юркиным Н.И., периодически вели наблюдение за противником из аэростата по заданию командующего артиллерией генерал-лейтенанта Костенко.

Напротив плацдарма генерал использовал воздухоплавательный дивизион артиллерийского наблюдения (ВДАН), с которым вели разведку по очереди несколько командиров батарей и командиров взводов управления нашей бригады. Второй отряд 4-й ВДАН в это время был подчинен нашей бригаде. Это была очень полезная и, вместе с тем, очень опасная боевая работа, требовавшая не только мастерства в наблюдении из раскачивающейся гондолы на высоте до 800 м, но и большого хладнокровия и мужества. Особенно было «неуютно», когда немецкие самолеты пытались сбить аэростат. В целом, до середины апреля, мы накопили много ценной информации.

В начале марта командиром 3-го дивизиона гвардии майором Макаренко И.И. был объявлен командиру 8-й батареи гв. капитану Лантухову А.В. и мне приказ: «3-й дивизион входит в состав подгруппы армейской артиллерийской группы 5-й Ударной армии и имеет задачу - действовать с 32-м СК по овладению городом-крепостью Кюстрин. Готовность огня к исходу 4.04.1945 г.». Командиру 8-й батареи и мне приказано

занять НП на восточной окраине Альт-Древиц и огнем батареи поддерживать боевые действия 295-й стрелковой дивизии, подавляя и уничтожая артиллерийские и минометные батареи противника в полосе ее действий. Здесь на занимаемом НП Кистельц оставить вести разведку зам. командира взвода управления, двух разведчиков и двух телефонистов.

К исходу 3.03.1945 года мы выполнили этот приказ, представились командующему артиллерией 295-й СД и к утру 4 марта были готовы к выполнению новых боевых задач.

7 марта в 13.00 начался штурм Кюстрина. Командир батареи гв. капитан Лантухов А.В. с частью сил взвода управления оставался с командующим артиллерией 295-й СД, а мне было приказано с двумя разведчиками и двумя радистами действовать на передовом наблюдательном пункте (ПНП) с подразделениями 1040-го СП этой же дивизии, выявлять и подавлять огневые точки, минометы и орудия противника.

В начале штурм развивался успешно, бойцы и командиры 1040-го СП громили огневые точки противника, забрасывая их гранатами, истребляли сопротивляющихся немецких солдат; бойцы штурмовых групп били по укреплениям и бронированным машинам и железобетонным колпакам на огневых точках трофейными фауст-патронами. Огнеметчики с близких дистанций уничтожали пулеметные расчеты, направляя огневые струи в амбразуры и оконные проемы подвалов и домов.

Но к 17.00 батарея 75-мм орудий противника, наблюдаемая нами на южной границе футбольного поля, открыла интенсивный прицельный беглый огонь по передовым целям стрелковых подразделений и прижала к земле атакующих бойцов, нанося им большие потери.

Доложив о складывающейся обстановке командиру батареи и, получив от него разрешение на стрельбу нашей 8-й батареи, я, после сокращенной подготовки данных для стрельбы, пристрелял 75-мм батарею противника и беглым огнем нашей батареи перешел на поражение. На глазах у атакующих наших бойцов орудия противника и обслуживающие их солдаты взлетали в воздух от мощных 152-мм снарядов. Это вызвало всеобщий восторг и восхищение залегших пехотинцев, и они, вскочив, в стремительном броске, с криками «Ура» ворвались во вторую траншею.

В моем присутствии командир 1040-го СП подполковник Козлов Иван Семенович по телефону докладывал, не жалея хвалебных эпитетов в наш адрес, своему командиру дивизии генерал-майору Дорофееву Александру Петровичу.

К исходу дня стало ясно, что в дальнейшем из-за взаимного вклинивания наших подразделений в оборону противника и противника в атакующие наши боевые порядки, и вместе с этим наличие мощных железобетонных, деревянно-металлических, земельных и других укреплений, стрельба с закрытых ОП не могла оказывать эффективной помощи наступающим подразделениям. Большинство дивизионной артиллерии перешло на прямую наводку, но ее снаряды не пробивали толстых стен укрепления. К тому времени бетонобойные снаряды были только к нашим системам. Решением командующего артиллерией 5-й УА наша батарея к утру 8 марта должна была перейти на прямую наводку. Первая попытка выдвижения орудий батареи на маломаневренных тягачах ЧТЗ-65 и с демаскирующим громким грохотом выхлопных труб даже ночью не привела к желаемому результату. Два трактора-тягача были подбиты немецкими фаустниками. В дальнейшем наши умельцы-трактористы придумали специальное приспособление - глушители на выхлопные трубы.

Мне было приказано взять управленцев и огневиков, кроме командиров орудий и наводчиков, и действовать по пехотному (так как я знал, где противник), ночью автоматным огнем и применением трофейных фауст-патронов (они валялись возле укрытий противника штабелями) обеспечить проводку орудий на ОП на прямую наводку.

Первое орудие (командир орудия - гвардии старший сержант Захарченко Илья Андреевич, наводчик - ефрейтор Мелехов Петр Васильевич) было приказано возглавить командиру первого огневого взвода гвардии старшему лейтенанту Гизатулину В.Н. .

Второе орудие (командир - гвардии старший сержант Власов А.Е., наводчик - ефрейтор Белугин В.Т.) возглавлял я, гвардии старший лейтенант.

К утру 8 марта эти два орудия были выведены на прямую наводку и приступили к выполнению боевой задачи. Так как это был первый опыт в войне, то наши позиции посетил

командир бригады гв. полковник Соколов А.И., похвально отозвался о них и, подбадривая, сказал: «Снарядов не жалеть, (впервые за всю войну такое услышал) еще подбросим».

С рассветом пехота ринулась на дальнейший штурм укреплений противника. 9 марта наша пехота была остановлена и прижата к земле стрельбой батареи шестиствольных минометов противника. Батарея хорошо наблюдалась в большом дворе. Командир 1040-го стрелкового полка гв. полковник Козлов И.С. сам прибежал к нашему орудию и выжидательно смотрел, как я лично навожу панораму (оптический прицел) на каждый миномет и каким образом даю целеуказание наводчику. Вместе с тем, для подстраховки, я подготовил данные для стрельбы с закрытых ОП для второго взвода батареи вызвал и скорректировал и его огонь. Великолепная боевая работа командира орудий, наводчика и расчета покорила всех, наблюдавших стрельбу. Козлов И.С. наблюдал за уничтожением минометов противника в мою стереотрубу.

После каждого выстрела исчезала одна за другой установка батареи шестиствольных минометов вместе с прислугой. «Ура!». Особенно жаркий бой л/с ПНП и расчета 2-го орудия был утром 12 марта, когда противник, пытаясь прорваться из окружения, подошел вплотную (100-150 метров) к КП 1040-го СП и к нам. Здесь мы по пехотному косили противника со всех видов оружия. За всю войну я ничего подобного не видел, как бои за форт и укрепления в Кюстрине.

Не меньше при штурме Кюстрина сделал личный состав первого орудия. Так, действуя на прямой наводке и с закрытых ОП до 12 марта 1945 г. 8-я батарея при штурме Кюстрина уничтожила батарею 75-мм орудий противника, батарею шестиствольных огнеметов, зенитную батарею, два командно-наблюдательных пункта и более 10 укрепленных огневых точек противника, довольно прицельно израсходовав более боекомплекта снарядов на каждое орудие (60х4).

Да, к этому периоду мы научились воевать и чувствовать себя уверенно в любой ситуации боя. За эти бои на Одере весь личный состав 8-й батареи был награжден орденами и медалями. В последующем наш опыт действий на прямой наводке был нами и 3-м дивизионом, в целом, широко

использован в уличных боях за Берлин, в которых принимали участие уже все батареи (7-я, 8-я и 9-я).

В битве за Берлин

Боевые действия 8-й батареи в Берлинской операции можно условно разделить на два периода. Первый - с 16 по 26 апреля, когда она подавляла и уничтожала батареи противника с закрытых огневых позиций. В этот период я с частью сил взвода действовал на ПНП с пехотой 9-го СК, где снова встретился уже с полковником, Героем Советского Союза Козловым И.С. Мне было приятно смотреть на бородатого героя и восхищаться его выдержкой, хладнокровием и тем, с какой любовью к нему относятся подчиненные.

После того, когда я ему представился, он нарочито строго сказал: «Что крупнокалиберная контрбатарейная, будем только демаскировать мой КП или же помогать?». Я в тон ему: «Как было в неравном бою за Кюстрин». Он заулыбался своей шутке, пожал мне руку, поздравил с наградой за предыдущие совместные бои, похлопал меня по плечу и сказал: «Знаю, знаю что снарядов не жалеть! Рад Вам. Устраивайтесь капитально». За этот период (с 16 по 26 апреля) мы только составом ПНП обнаружили и засекли, а огневики подавили огонь трех артиллерийских и двух минометных батарей противника.

Второй период, с 26 апреля по 2 мая, характеризуется действиями 3-го дивизиона на прямой наводке при штурме Берлина. Взвод управления 8-й батареи выполнял двойную функцию. Находясь со штурмовыми отрядами, своевременно обнаруживали узел сопротивления противника, нацеливали туда орудие прямой наводки. Действуя под пулеметным и фауст-патронным огнем, очищали дома и кварталы от противника, обеспечивали перемещение орудий. Орудия бетонобойными снарядами крошили здания в правительственных кварталах, делая проломы в толстых стенах, обеспечивали продвижение пехоты. Так можно сформулировать, в общем виде, нашу боевую работу. Но это только в общем виде.

Финалом битвы за Берлин для нас было - помочь пехоте и, в частности, 9-й СК прорваться к «Цитадели» т.е. правительственным зданиям: Главной Берлинской ратуше,

Полицай-Президиуму (Гестапо), Министерству ВВС, Имперской (Рейхс) канцелярии, Министерству финансов, Главпочтамту и др. Здесь кроме 7-й и 9-й батарей была подключена 28.04.1945 и 8-я батарея, в командование которой я вступил 26 мая, т.к. гв. капитан Лантухов А.В. был назначен НШ 3-го дивизиона.

По мере продвижения войск к «Цитадели», каждый стрелковый полк вел наступление на участке всего 200-250 м.

«Цитадель» была превращена в мощную крепость с толщиной железобетонных стен до 3-х метров, в которой с фанатизмом смертников оборонялись гитлеровцы. Дивизионная артиллерия не всегда могла пробить железобетонные стены. Это было по силам только нашим орудиям.

Командующий артиллерией 301-й дивизии, которая штурмовала этот квартал, лично обеспечивал проводку наших маломаневренных орудий и управлял нашим огнем по прокладке брешей в обводных стенах. Нельзя без восхищения и преклонения перед самоотверженностью, храбростью и высокой гуманностью говорить о наших людях, бойцах и командирах батарей. О их высоком проявлении интернациональных чувств, уважении к простым людям и любви к детям поверженной фашистской Германии.

При очистке одного из зданий от противника, мы ворвались в подвал и увидели там стариков и детей, забившихся в угол одной из комнат. Нас поразило их состояние: доведенных до отчаяния, вызванного гитлеровской пропагандой. Навстречу нам вышел старик и дрожащими руками протянул какой-то сверток. Каково же было наше возмущение, когда мы узнали, что он собрал у присутствующих украшения, видимо хотел как-то откупиться. Мы строго потребовали сейчас же при нас раздать это владельцам. Мы разъяснили, что Красная Армия несет избавление народу Германии от фашизма. Ей чужды захватнические и грабительские войны.

В это время наш вычислитель ефрейтор Корж Н.Ф., младший сержант Ганибов У. и другие разведчики и радисты стали угощать детей и стариков своим скромным солдатским пайком. Нужно было видеть какое впечатление это произвело на немцев. Старик-немец, возвращавший украшения владельцам, воскликнул: «Проклятье от нас Гитлеру и его своре! Дети, запомните этот момент освобождения, вам строить

новую Германию». Перевод сказанного вела девушка из Воронежской области, интернированная в Германию.

За действия по штурму Кюстрина я был награжден орденом Отечественная войны 1-й ст., за штурм Зееловских высот - Отечественной войны 2-й ст., за штурм Берлина - орденом Красного Знамени, за действия в Висло-Одерской операции и на Одерском плацдарме - орденом Красной Звезды.

Выписка из представления к ордену Красного Знамени от 2.05.1945 г.:

"...гвардии старший лейтенант Полторак Андрей Филимонович, командир батареи 152-мм пушек-гаубиц контрбатарейной борьбы 44-й гв. АПАБр в боях по прорыву обороны немцев на западном берегу р. Одер и в уличных боях г. Берлина проявил отвагу и мужество. С начала наступления, находясь на передовом наблюдательном пункте (ПНП) вместе с пехотой вел разведку, своевременно обнаруживал артиллерийские и минометные батареи, узлы сопротивления и огневые точки противника, вызывая огонь своей батареи.

В период с 16 по 26 апреля гв. ст. лейтенант Полторак А.Ф. обнаружил и подавил огонь 3-х артиллерийских и 2-х минометных батарей противника.

С 26 апреля по 2 мая 1945 г. в уличных боях г. Берлина управлял огнем своей батареи на прямой наводке. Тов. Полторак А.Ф., находясь вместе со штурмовыми отрядами и группами стрелковых частей и соединений, своевременно обнаруживал узлы сопротивления противника за баррикадами и укрепленными зданиями, нацеливал по ним орудия прямой наводки.

Действуя под пулеметным и автоматным огнем, тов. Полторак А.Ф. вместе с личным составом батареи принимал участие в очищении от противника домов и кварталов города.

За отличное выполнение боевых заданий по выявлению и подавлению вражеской артиллерии и проявленное мужество и храбрость тов. Полторак А.Ф. достоин награждения орденом Красного Знамени. 20.05.45г. г. Берлин".

Из боевой характеристики 25.05.1945 г.:

"... гв. ст. лейтенант Полторак А.Ф. требовательный к себе и подчиненным, решительный и инициативный командир, волевые качества развиты хорошо, умеет обеспечить выполнение любой боевой задачи в бою.

Среди бойцов и офицерского состава пользуется деловым и заслуженным авторитетом, умеет разбираться в тактической обстановке и организовывать взаимодействие с другими родами войск, хорошо освоил управление огнем в бою. На личном счету тов. Полторака А.Ф. три уничтоженных и восемь подавленных артиллерийских и минометных батарей противника, до 2-х рот солдат и офицеров противника.

Тов. Полторак А.Ф. в уличных боях г. Берлина проявил образцы храбрости, мужества и отваги, находился на ПНП в передовых рядах боевых порядков пехоты, своевременно давал ценные сведения и целеуказания о противнике, быстро вызывал и открывал огонь по врагу."

В послевоенный период - активная, творческая, целеустремленная служба в сочетании с повышением уровня общеобразовательных и военных знаний. Учеба в вечерней школе, в Академии и в системе командирской подготовки. Освоение и внедрение в сознание всех категорий военнослужащих возможностей ракетно-ядерного оружия, способов как индивидуальной защиты от него, так и защиты подразделений, частей и соединений во всех видах действий в случае его применения, пропаганда борьбы за запрещение применения и уничтожение ядерных и химических военных потенциалов.

Вместе с тем, обучение тактике и оперативному искусству молодых офицеров в Военной Академии им. М.В. Фрунзе.

Прилежное участие в ветеранском движении. Являюсь председателем совета ветеранов войны соединения и зам. председателя Президиума Совета ветеранов объединения.

Родственники: отец - 1898 года рождения и брат - 1919 года рождения, участники войны. Отец умер в 1971 г., брат умер в 1998 г.

Опыт вооруженной защиты Отечества всегда вызывает в народе, у современного читателя, переживших ужасы войн, повышенный и стабильный интерес.

За многовековой путь России накоплен богатый опыт освободительных войн против завоевателей. Наш опыт обогащен и в крупнейшей за многие века Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., ставшей стержневой частью Второй мировой войны. Это очень важно знать всем нам

и особенно подрастающему поколению в деле привития им специальных знаний, умений и практического их воспитания.

Это еще очень важно потому, что историческая победа в Великой Отечественной войне досталась нам дорогой ценой.

Это была не только величайшая трагедия, в которой сгорела юность предыдущего поколения. Одновременно война ознаменовалась блистательной победой советской военной науки и военного искусства, экономического, морально-психологического фактора, победой народа в борьбе за национальную независимость страны, за демократию, за жизнь новых поколений.

Носителями ценного опыта этой войны является советский народ, непосредственный участник боевых и трудовых свершений. Это был боевой, трудовой и гражданский подвиг наших соотечественников, совершенный талантом, мастерством, патриотическими делами миллионов сограждан 40-х годов, мужчин и женщин, молодежи, представителей всех социальных слоев и народностей (этносов).

Мы их с любовью именуем ветеранами Великой Отечественной войны.

В ознаменовании их подвига в стране учрежден праздник «День Победы в Великой Отечественной войне». Празднование его - дань дням военной славы, прежде всего, ретроспективный взгляд, восстановление связи времен, преемственность поколений, критическое изучение опыта, без чего не может быть поступательного развития общества. Это и воскрешение духовных, нравственных ценностей, которые были исконно присущи россиянам: любви к своему Отечеству, стойкости, готовности к самопожертвованию, трудолюбия, высокой человеческой порядочности, милосердия, скромности и др.

Кто же, как не ветераны ВОВ расскажут выросшим после войны и подрастающему поколению о великом подвиге их отцов и дедов, братьев и сестер в годы войны, да и в послевоенный период. Речь они ведут не столько об обобщенном в изданиях опыте войны, а о своих личных свидетельствах самоотверженности их соотечественников, фронтовых однополчан и производственных сотрудников.

Подобные беседы являлись и являются актуальными со времен войны и в наши дни. Государство вынужденно остро и постоянно чувствовать и учитывать проблему боеготовности

армии, государственной безопасности, патриотического воспитания граждан.

Апрель 2004 года.

Просвирин Пётр Иванович

Бегу вдоль цепи, подаю команды

Я родился 16 июня 1925 года в Куйбышевской области Приволжского района в селе Спасское. Русский. В бога неверующий. Партийный, член коммунистической партии с 1948 года, до сих пор храню партийный билет.

В 1940 году окончил семь классов и поступил в техникум «Мукомольно-крупяной». В 1943 г., не окончив техникума, призван в армию и направлен во второе Куйбышевское пехотное училище. В 1955 г. закончил Военно-транспортную академию в Ленинграде.

О начале войны узнал в 1941 году во время обучения в техникуме. В армию пошёл добровольцем 12 августа 1943 года, но был направлен в пехотное училище. Обучение проходило до августа 1944, после чего был сразу направлен на фронт в должности командира взвода, командиром взвода был с 26 августа 1944 г. по 13 января 1945 года.

Начинал служить в воинском звании младший лейтенант, в составе 3-го Белорусского фронта 28-й армии 20-й стрелковой дивизии в должности командира стрелкового взвода под командованием генерала армии Черняховского. Боевой путь проходил через город Брест (сентябрь 1944), Польша (осень 1944), Восточная Пруссия (осень 1944), под городом Кенигсберг (зима 1945) был ранен во время атаки. Тот день помню как сейчас, хотя прошло 58 лет.

В январе 1945 г., мне тогда еще молодому человеку в возрасте 19 лет пришлось вести в штыковую атаку свой стрелковый взвод.

Хочу поделиться своими впечатлениями об этом весьма коротком, но глубоко врезавшемся в мою память, мгновении моей жизни. Буду, бесконечно рад, если данное воспоминание поможет молодежи определить, какие черты характера необходимо воспитывать в себе, чтоб быть стойкими в самые опасные и ответственные моменты при защите нашей любимой Родины.

Атака – это стремительное продвижение вперед в непосредственном соприкосновении с противником. Ты видишь ненавистного тебе врага прямо в лицо, его цвет волос, его злобное или испуганное выражение. Ты идешь на него с примкнутым штыком, стиснув зубы, погасив в себе страх, с одной мыслью – надо его убить, пленить или отбросить. Видишь перед собой весьма неоднообразную картину. Враг, хоть он, в душе твоей - зверь, но все же человек, по-разному реагирует на стремительное приближение наших солдат. Чьи-то нервы не выдерживают, он бежит, бросая с себя ремень и тяжелую одежду, но кто-то из них еще продолжает изрыгать на тебя лавину смертоносного огня. Но ты идешь вперед, только вперед, ставя перед собой только одну цель – его надо убить или пленить, иначе он тебя убьет. Все мысли в голове направлены к этой цели. Вперед, только вперед; смотри по сторонам - не отстает ли кто. Ведь ты командир взвода, идешь не один, а ведешь к победе, славе, а возможно и посмертной славе десятки верящих в тебя солдат.

Атака! Всего несколько минут, маленький, совсем маленький эпизод в твоей жизни. Но вот здесь-то и проявляются все те качества человека, воина-гражданина, которые воспитывала в тебе Родина-мать в течение всей твоей жизни.

Морозное январское утро. Легкий снежок припорошил землю, сделав ее однообразной. Только отдельные господские дворы да воронки от взрывов снарядов черными пятнами выделялись на фоне равнинной местности Восточной Пруссии.

Прошедшей ночью мы скрытно подошли в непосредственное соприкосновение с противником. Стало светать. Впереди в 100-150 метрах видим траншею и движение

людей в белых халатах. Меня, командира взвода, спрашивают мои солдаты: ”Что за люди впереди?” Тут же прибывший связной передает приказ командира роты: “Впереди противник. В 6 часов, по сигналу – серия красных ракет - атака. Направление атаки - господский двор Жиргупенен, далее подступы Кенигсберга”.

Кратко и ясно. Но сколько мыслей, чувств, переживаний вызвало это сообщение. Всего 100 метров до ненавистного противника. Он мельтешит перед глазами, не подозревая, что мы рядом. Мой связной, 16-летний паренек из под Могилева, Миша Полтавцев - снайпер. Он просит разрешения пустить в ход свою снайперскую винтовку. Даю разрешение. Миша – меткий стрелок. Вижу один, потом второй, третий фашисты падают от его выстрелов. Миша по-детски радуется и весело вскрикивает при этом: ”Еще один” и ставит на прикладе “крестик”. Поняв, кто перед ними, фашисты быстро опустили головы в траншею, и только отдельные стрелки и пулеметчики стали отвечать на наши выстрелы.

Потом все стихло. Затишье перед бурей. Но в душе ураган. До атаки осталось меньше часа. В голове борьба мыслей и противоречивых желаний. Ведь впервые в жизни предстоит увидеть фашиста в лицо, огнем, штыком, прикладом вытолкнуть его с нашей земли и добить в собственной берлоге.

До этого фашиста я видел только в кино и на плакатах, а теперь вот он, рядом. Мне всего 19 лет. Неужели так коротка моя жизнь? А жить хочется. Но и струсить перед врагом не могу - не так воспитан. Борется два мнения: страх за жизнь и необходимость убить, пленить врага или заставить его отступить.

Но я еще и командир взвода. Как поведут себя подчиненные в атаке? Поднимутся ли дружно в атаку, не залягут ли в ходе атаки, не побегут ли назад? Обхожу траншею, где изготовились для атаки мои солдаты. Поведение их разное. Изготовившись для стрельбы, они зорко наблюдают за траншеей противника. Кто-то загрустил, забеспокоился за семью, за своих детей, оставшихся на родине, кто-то с юморком шлет проклятия фашистам или рассказывает забавные анекдоты.

Возраст моих солдат разный - от 16 до 48 лет. Поэтому, естественно, каждый по-своему реагирует на предстоящую

схватку с врагом. Кто старше, тот серьезнее, готовится к предстоящей атаке: подтягивают ремни, готовят гранаты, запалы к ним, снаряжают патронами магазины. Вид у них солидный, задумчивый, а у некоторых со следами страха на лице. Ведь сейчас будет решаться гамлетовский вопрос: "Быть или не быть". А если не быть? Как будут расти дети без отца, что будет с семьей, ведь они ждут, надеются. Но и отстать в атаке нельзя, нельзя нарушить присягу, подведешь друзей, нарушишь установившийся на данный момент закономерный ход событий.

Закономерный ход событий! Кто его установил? Жизнь, комплекс всех событий и причин. Нарушить его нельзя, никто не позволит, друзья не простят, проклянут или на месте пристрелят. Да почему я должен подвести товарищей, скомпрометировать себя? Страх? Его нужно подавить. А как? Всеми силами своей души. Вот тут и скажутся все результаты воспитания, идеологического и бытового воздействия, которое оказывало на тебя общество в течение всей твоей жизни. Какие черты характера победят? Храбрость, мужество или трусость и страх за жизнь? Победят те черты, которые ты воспитал в себе, воспитало общество в тебе в течение всей твоей жизни.

У тех, кто помоложе и у совсем молодых, мысли почти те же. У них еще нет детей, жены, нет еще своей семьи. Но есть страстное желание жить, есть любимая (фото ее у груди), есть еще молодецкий задор, такой вроде "Шапкозакидательства". Ведь большинство их еще не обстреляны, слабо представляют, что такое атака, что такое в упор разить врага, видя его остервенелое лицо. Они все живые, веселые, охотно стреляют в сторону врага и радостно вскрикивают, когда им кажется, что прихлопнули "фрица".

Идя по траншее, напоминаю своим питомцам о важности одновременного и дружного поднятия в атаку, о взаимной поддержке в атаке и придельной стрельбе. Тех, кто загрустил, подбадриваю словом. А тех, кто совсем распустил "нюни", любовно ругаю, убеждаю, что ничего страшного впереди нет, только необходимо дружно и стремительно идти вперед. Захватить первую траншею, а потом фашисты не выдержат - побегут. «Не забывайте присягу», – напоминаю я им.

17 января 1945 г., пять часов тридцать минут. Прекрасный утренний рассвет и только что установившуюся тишину

внезапно нарушил мощный грохот артиллерийских выстрелов, слившихся в один сплошной гул. Траншеи противника заволокло дымом и гарью от разрыва наших снарядов. Они совсем рядом, ведь до первой траншеи противника всего 100 метров, а, может быть, и меньше.

Это артиллерийская подготовка перед атакой. Мои солдаты, оценив и поняв серьезность момента, присели на дно траншеи. Лица их приняли весьма серьезный вид. Каждый понимал, что через несколько минут, сразу же после прекращения артподготовки, предстоит смело идти навстречу лавине огня. Возможно это последние минуты жизни. Что уготовила им судьба? Посмертную славу или жизнь? У каждого в голове свои мысли, каждый по-своему реагирует на предстоящую опасность. Кто готовит ступеньку в стенке траншеи, чтобы удобно и быстро можно было выскочить из траншеи по сигналу "атака". А некоторые (их гораздо меньше), обхватив руками винтовку или пулемет, покорно, с чувством страха ждали своей участи. Пришлось к ним подползти, подбодрить: "Не вешай носа, ты же мужчина, советский боец. Пуля - дура, а штык - молодец. Пуля чаще всего настигает тех, кто струсит".

Прошло несколько минут. Потом сразу, как по команде, прекратился артобстрел, наступила тишина, а сигнала атаки нет. Солдаты, как суслики из нор, выглядывали из траншей с недоумением, что же делать дальше?

Как бы в ответ на эти недоуменные взгляды, позади послышался шум моторов и лязг гусениц. Оглянулись, видим наши танки и самоходные орудия. Бывалые солдаты те, кто уже раньше был в бою, сразу поняли – это танки поддержки атаки; как только они поравняются с нашей траншеей, мы должны под прикрытием их огня и брони ринуться в атаку.

Действительно, как только танки пересекли нашу траншею, в воздух взвилась серия красных ракет. Их вспышки отчетливо обозначили передовую линию наших войск, создали красивое зрелище, таящее в себе неизвестность.

Не успели погаснуть ракеты, с обоих флангов послышались команды: "В атаку! Вперед!" Секунду или две я был как-то зачарован этим, небывалым для меня, зрелищем. Потом, как бы очнувшись от этого очарования, я выскочил из

траншеи и с поднятым в правой руке автоматом что есть мочи крикнул: “За Родину! За Партию! В атаку! Вперед!”.

За мной дружно стали выскакивать мои командиры отделений и большинство солдат. Противник из уцелевших огневых средств открыл бешеную стрельбу по нашему расположению. Слышна автоматная и пулеметная стрельба, взрывы снарядов и мин. Все мысли мои в этот период были направлены на то, как обеспечить дружную атаку. Некоторые мои солдаты еще оставались в траншее и никак не могли побороть в себе страх, выйти из нее и присоединиться к общей цепи взвода. Они боролись с собой, со своим страхом. Что же победит! Страх или смелость? Чтоб помочь им победить в себе страх, я подбежал к ним, и подбадривая: ”Смелее, смелее вперед! Видите, наши уже впереди, можем отстать, помните присягу!» Стал их увлекать в общий ход атаки.

Солдаты, осознав обстановку, стряхнув с себя некоторое внутреннее замешательство, один за другим повыпрыгивали из траншеи и с криком “Ура!” стали догонять своих. На душе стало радостно – ребята не подвели, дружно все влились в общую лавину атаки. По всей цепи громыхало наше русское: “Ура!”. Теперь мой взор был обращен на траншею противника. Я шел почти в цепи взвода и видел, что противник, как бы опомнившись от артподготовки, усилил огонь. Вижу, справа и слева редеют ряды моего взвода. А все мысли – как бы сохранить людей, как бы захватить первую траншею и далее указанный в приказе объект – господский двор Жиргупенен.

А страх за жизнь? Его уже нет. Обстановка, внутренние черты характера, воспитанные родителями, партией, народом победили страх. И сейчас у всех одна цель победить, т.е. подавить противника, убить тех, кто сопротивляется, пленить или отбросить назад. Поэтому вся цепь взвода, каждый из своего оружия ведет бешеный огонь по первой траншее противника.

Стрельба очередями, одиночные выстрелы, взрывы снарядов и мин, мощные крики “Ура” и стоны, падающих от огня противника, солдат – все слилось в единый гул боя, где трудно понять, откуда ведется огонь, отчего падают раненые и убитые, что предпринять, чтоб выйти из этого пекла. Выход один - только вперед. Назад нельзя, обстановка и сила воли не пускают.

Бегу вдоль цепи взвода, подбадриваю тех, кто отстает, потом вместе со всеми кричу "Ура!", корректирую огонь взвода. Вижу, некоторые пули идут вверх, выше голов фашистов. Ведь траектория полета трассирующих пуль хорошо видна. Мы специально закладывали в магазины на каждые 10 патронов, один с трассирующей пулей. Совместный полет их из многих автоматов и пулеметов создает красивую картину фейерверка, но любоваться ей нет времени. С пригорка вижу цепь соседей справа и слева. Натуральная картина атаки на большом фронте. Вот где чувствуешь согласованность действий. Единая воля, единая цепь, одно желание у всех – победить.

Вот мы почти уже врываемся на первую траншею противника. Враг в замешательстве. Кто-то бежит, спотыкаясь на ходу, сбрасывает ремень, оружие и тяжелую одежду, а кто-то еще изрыгает на нас лавину смертоносного огня из пулеметов и автоматов. Ох, какая ненависть к ним. Ведь они убивают моих лучших солдат, отличных парней, отцов семей. Сержусь, кричу на своих пулеметчиков, которые на ходу ведут беcприцельный огонь и часто выше голов фашистов. Командую им – ниже. Иногда при этом ввернешь грубоватое словцо – все к тому, чтоб удержать своих солдат от растерянности, направить их волю к победе. Вижу слева, прямо по цепи моего взвода ведет огонь пулемет, возле него два фашиста. Один из них собирается бежать, а другой еще бесприцельно изрыгает на нас лавину свинца. Прыгаю в траншею и пулей мчусь к этому пулемету, выскакиваю из траншеи ему в тыл. Один, рыжий, первый номер пулемета, увидев меня, повернул пулемет и с остервенением, с звериным лицом направил пулемет на меня. Не моргнув глазом, с чувством, с которым давишь жирного клопа, я пустил в него порцию свинца. Он схватился за живот и вместе с пулеметом повалился в траншею. Другой номер пулемета, сивый фашист, сразу поднял руки вверх. Испуганно глядя на меня, сивый фашист что-то бормотал, вроде "Гитлер капут", потом, после моей очереди из автомата, откинулся назад, рухнул на бруствер траншеи, оставив открытым свое лицо. До сих пор я вижу это лицо. Молодое, суровое, покрытое легким рыжеватым пушком. Тонкие черты лица его и по-детски испуганное выражение говорили о том, что он, видимо, еще молод, не опытен и был

приставлен к ярому фашисту, первому номеру пулемета, на выучку.

Но рассуждать некогда, цепь взвода уже впереди, дружно следует за нашими танками. Заняли первую траншею, ускоренным шагом двигаемся ко второй. Ровность цепи уже нарушена, порой не выдерживаются интервалы в 7-8 шагов, кто-то выскочил вперед, а кто-то отстал. Бегу вдоль цепи, подаю команды: "Подтянись! Вперед! Не отставай!" Противник ведет огонь, но уже меньшей плотности. Особенно уменьшился огонь из стрелкового оружия. Фрицы по ходам сообщения и открытому по ровному полю, слегка запорошенному снегом, бегут. Но некоторые продолжают стрелять. Подходим уже к третьей траншее, совсем рядом уже господский двор Жиргупенен - цель наступления. На душе радость, скоро приказ будет выполнен. Господский двор каменный, стало быть, там будет больше укрытий, чем на равном поле. За господским домом стоит стог сена. Вижу, из-за него торчит ствол какого-то орудия, как будто бы танка. Да, точно, там фашистский танк "Фердинанд" или "Тигр". Выйдя немного из-за стога, он минуту постоял спокойно, медленно покачивая стволом из стороны в сторону, как бы выбирая себе жертву. Потом, подобно сказочному дракону, вздрогнул, выбросил несколько языков пламени и опять спрятался за стог. Рядом с моим взводом следовало наше самоходное орудие "САУ-76". Выстрел "Фердинанда" точно угодил в цель, наше орудие резко остановилось и вспыхнуло. И тут я был свидетелем трагической картины. Танкисты с горящей на них одеждой, оглушенные взрывом попавшего в них снаряда, медленно вываливались из люка самоходки, потом с криком и стоном бросались на снег, катаясь по нему. Тушили на себе одежду. Помочь бы им, но кому? У каждого своя задача. Нам нельзя отвлекаться от своей цели ни на минуту, иначе фашисты оправятся и ринутся в контратаку. Сзади нас следуют санитары, они им помогут.

Совсем немного до господского двора. Фашисты, отступая, сгрудились на стыке хода сообщения и траншеи. Кто-то из них поднял руки, а кто-то, из этой толпы фрицев, ведет огонь. Даю команду своему пулеметчику направить огонь на них. Очередь – одна, вторая. По трассирующим пулям вижу – огонь идет выше цели. А цель надо поразить, там много фашистов ведут огонь по нашей цепи, а мы совсем рядом, 30-50 м. Сердясь и

ругаясь на пулеметчика, я подбежал к нему, выхватил у него пулемет и направив его точно в цель – по скоплению фрицев, дал очередь, вторую. Вижу падающих фрицев, и тут же почувствовал сильный удар “палкой” по правой ноге. Не почувствовав боли, а только от динамического удара какого-то тяжелого предмета я упал и потерял сознание. Сколько прошло времени – неизвестно. Очнувшись, приподнял голову и наблюдаю весьма невеселую картину. Разорвавшийся вблизи нас вражеский снаряд, сделал свое кровавое дело. Рядом со мной лежат три человека. Первый номер пулемета лежит без движения, второй стонет, почти не шевелясь, а возле меня о чем-то хлопочет мой связной, 16-летний Миша Полтавцев, раненный в щиколотку. Слышу его крик: «Санитары сюда! Здесь ранен офицер!» Спрашиваю его: “Что случилось, где наш взвод?” Он мне отвечает вопросом. “А Вы - ранены? Мы думали, Вы убиты. К Вам подбегал Ваш товарищ младший лейтенант Володин, увидел, что Вы без сознания, и сказал, что Вы убиты”.

Войдя в сознание, я сразу попытался встать, но тут же, почувствовав сильную боль в правой ноге и головокружение, обратно упал на снег. Вокруг меня красное пятно крови все увеличивалось в размерах. Это меня испугало. Ведь от потери крови можно умереть. Превозмогая боль, сразу же стал ощупывать ногу, почувствовал теплое и мокрое вокруг места ранения. Попытался разорвать штанину, но, увы! Армейские брюки шьются надежно и надолго.

Тогда попытался ползти на четвереньках, за мной след крови. «Да, у меня есть индивидуальный пакет» - вспомнил я. В это время мой связной справился сам с перевязкой своей раны, подполз ко мне, помог мне разрезать брюки и сделать перевязку. Потом вместе с Мишей стали ползти в тыл. Наши войска ушли вперед. Ружейная стрельба и крики “Ура” еле улавливались нашим слухом.

К счастью, вскоре появились санитары. Санинструктор роты, осмотрев мою рану, хорошо перевязал ее и на себе пытался тащить к медпункту. Но это оказалось ему не под силу. “Разрешите сходить за носилками”, - обращается он ко мне. “ Ни в коем случае”, – с жаром ответил я. Мне показалось, что он хочет оставить меня и убежать в тыл. Ведь по тылам прошел слушок, что наше наступление остановлено и фашисты

контратакуют. “Меня не могут захватить в плен”, – подумал я. Вынув из кобуры наган, я пригрозил санинструктору, что если он покинет меня – убью на месте. Потом он все же сумел убедить меня, и я отпустил его за носилками.

Остался беспомощный лежать на поле один. Справа догорала наша самоходная артиллерийская установка, возле нее неподвижно лежал один танкист; других, оставшихся в живых, забрали санитары. Слева и сзади видны неподвижные тела наших и вражеских солдат. Кое-кто из них медленно поднимает руку или голову, зовя на помощь. Санитары, пригибаясь и в полный рост, бегают по полю, отыскивая особо, тяжело раненых, нуждающихся в немедленной помощи. Они указывают раненым, способным двигаться, место медпункта и туда, как металл к магниту, кто ползком, кто парно обнявшись, помогая друг другу, тянутся раненые.

В правой ноге у меня нестерпимая боль, в голове рой мыслей. Ведь в таком беспомощном виде можно попасть в плен. Если немцы успешно контратакуют, что мне тогда делать? Держу в руке наган. Живым не дамся. Последний патрон – для себя. Тут вскоре мои мысли прервали санитары. Их двое – с носилками. Уложили меня на носилки и на руках, пригибаясь, втащили в ближайший блиндаж. Здесь был оборудован ротный медицинский пункт, где много раненых ожидали эвакуации в тыл.

Блиндаж – это уже хорошо, взрывы снарядов не страшны. Хотя рана еще кровоточит, но можно терпеть. Здесь я узнаю, что наши имеют успех, командование взводом моим взял на себя мой заместитель, 18-летний сержант Коля Кравченко, что господский двор занят, задача ротой выполнена. Но очень много потерь. Из роты в строю осталось меньше одной трети. Время шло к вечеру. Кто легко ранен стали приноравливаться к обеду, из своих вещмешков доставали имеющиеся запасы. Угощали меня. Но у меня так разболелась рана, что мне было не до еды. Перестав стесняться, я стал потихоньку стонать. Но эти стоны мало кого беспокоили. Солдат, есть солдат. Он понимал, что впереди ничего плохого уже не будет, стоит только потерпеть, и дальше все будет хорошо. Кто-то продолжал жевать, кто-то шутить и смеяться, а кто-то серьезно и задумчиво ожидал дальнейшей своей участи.

Но вот что-то всех вдруг встревожило и обрадовало. Пришли санитары с ранеными и трофеями. Из захваченного нашей ротой господского дома, они принесли мед, галеты и другие трофеи. Особенно обрадовал всех мед. А один санитар сует мне в руку "парабеллум". "У немецкого офицера взял, возьмите на память", – предлагает он мне. А зачем он мне? Боль в ноге все усиливалась, видимо поднялась температура, ко всему окружающему я потерял интерес.

Только с наступлением темноты нас эвакуировали на батальонный, и далее - на полковой медицинский пункт.

Запомнился эпизод, когда меня несли на носилках, от ротного на полковой медпункт. Несли четыре санитара на плечах. Я приподнял голову и, несмотря на боль в ноге, не мог не очароваться удивительной картиной еще не остывшего поля боя. На едва всхолмленной местности, покрытой белым покрывалом из снега, видны следы только что состоявшейся битвы. Даже темнота ночи не могла скрыть эти следы. Огни горевших строений, курившийся дымок от свежих воронок, обгорелых танков и орудий, вспышки ракет всех цветов придают полю битвы красивый, величественный вид. Изредка видны разрывы снарядов и ружейная стрельба. А там вдали на западе, в 3-4 км от нас, на фоне черного неба отчетливо вырисовывалась линия битвы. Вспышки ракет, полет трассирующих пуль и реактивных снарядов красиво обозначили линию переднего края. Там еще продолжается борьба. А здесь, всего в 3-5 км от переднего края, почти тихо. Только взрывы отдельных снарядов да ружейная стрельба где-то рядом в лесу нарушали эту зловещую тишину. Как будто в сказке стая черных воронов появится здесь, чтобы поживиться добычей. Но добычи здесь не будет. Проворные санитары, молча и сосредоточено, выполняют свою работу.

Военно-боевые действия закончил под городом Кенигсберг, в составе третьего Белорусского фронта 28-й армии 20-й стрелкой дивизии, в должности командира стрелкового взвода в звании младшего лейтенанта.

Был ранен 13 августа 1945 года. Характер ранения - краевое повреждение бедра (три осколка). Сначала доставлен в медсанбат, далее в полевой госпиталь, в Вильнюс, в Москву, в Казахстан. В общей сложности лежал в госпиталях 4,5 месяца.

В войсковое соединение не вернулся, поступил в военно-транспортную академию. Был главным инженером при строительстве Шереметьево. После окончания строительства преподавал на военной кафедре Московского автомобильно-дорожного института с 1959 года по 1977 год, уволился старшим преподавателем по причине возраста.

Награждён: орденом Отечественной войны 1-й степени (приказ №534702 от 11 марта 1985 года), медалью «За боевые заслуги» (январь 1945), медалью «За боевые заслуги» (1947) и ещё 13-14 медалями.

На войне в 1942 погиб племянник Дмитрий Александрович Просвирнин в звании сержанта.

В данный момент готовится к выпуску моя книга «Воспоминания о Великой Отечественной войне», был внештатным корреспондентом на военной кафедре и издавался в газете «За автомобильно-дорожные кадры». Наиболее известные статьи: «Ближний бой», «Дорога и люди», «Верность», «Страшно ли идти в атаку».

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Сигаев Сергей Александрович****, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета*

Пушканцер Владимир Борисович

Был помощником командира отделения связи

Я родился 5 февраля 1925 года на Украине - Херсонский район, Одесская область, село Голая Пристань (сейчас оно переименовано, названия не знаю). С родителями я там проживал до 1929 года, потом отца перевели работать в Москву. И с 1930 года нахожусь в Москве до настоящего времени, исключая время пребывания в армии, то есть с января 1943 года до июля 1950 года.

По национальности я еврей, хотя и родился на Украине. По вероисповеданию - атеист (ни той, ни другой веры я не придерживаюсь), как и все я отмечаю церковные праздники, Пасху, например.

Мой родной язык русский. Другими языками я не владею. Я вступил в комсомол в 1942 году и до января 1945 года был комсомольцем. В январе 1945 года вступил в партию и был членом партии до 1990-1991 года. Членский билет у меня остался, я его не рвал, ибо вступал в партию и по духу, и по времени, и по личным убеждениям. В то время, да и сейчас, я им особо не изменял.

В 1941 году я окончил семь классов 268-й школы города Москвы, тогда это был Ждановский район, на 1-й Мещанской (теперь она Проспект Мира), здание бывшей гимназии, директор школы был директором этой гимназии до революции. И преподавал он у нас русский язык и литературу. Звали его - Иван Иванович Винокуров. Я окончил семь классов в 1941 году, когда началась война, в этом же году я поступил работать на 1-й авиационный завод им. Авиахима (который потом был переименован и стал им Сталина, затем стал 30-м заводом на Ленинградском проспекте, а сейчас – «Знамя труда») учеником токаря-револьверщика. Выпускает и выпускал МИГи.

Проработал я там два месяца (август–сентябрь). Когда немцы приближались к Москве, завод эвакуировали в город Куйбышев. Но я не мог эвакуироваться вместе с заводом, так как мой старший брат Григорий (1915 года рождения, комсомолец) по комсомольской путевке, по комсомольскому призыву работал в Метрострое. Он заболел туберкулезом легких и до войны в 1939 году ушел с работы.

Отец был призван в Красную Армию, средний брат Леонид тоже. Я остался один с матерью и не мог эвакуироваться. Уволился 16 октября. Немцы прорвали оборону под Можайском, и я был направлен на трудовой фронт. Делал противотанковые рвы, завалы. При бомбежке Москвы все 16-летние ребята лазили на крышу и сбрасывали специальными клещами зажигательные бомбы на землю. Все это было на 2-й Мещанской, где я жил.

Когда немцы отошли (т.е. бомбежки стали не такие интенсивные и регулярные, как это было раньше) уже было можно и нужно идти работать. В январе 1942 года я поступил работать на фабрику Химфото, сначала учеником электромонтера, потом работал электромонтером. На этом предприятии я поступил в комсомол. И проработал там до призыва в армию. В армию я пошел, когда мне не было еще 18-ти лет (не хватало нескольких месяцев) по призыву. Но тут, надо сказать, что фабрика выпускала материалы для аэрофотосъемки, так что я мог получить бронь, но настроение было такое, что война кончится, и без меня. Это было не по тому времени. В январе 1943 года меня призвали в армию и направили в город Горький, в Горьковскую школу

радиоспециалистов, в которой я прослужил (проучился) до начала июля 1943 года.

После этого нас отправили в распоряжение ГУСКА (Главное управление связи Красной Армии). Там я пробыл один день, потому что на следующий день после прибытия приехали, так называемые, «покупатели», т.е. армейские представители, и меня и еще одного товарища направили в 3-ю гвардейскую танковую армию, в армейскую 430-ю мастерскую связи, где я пробыл до сентября 1943 года. Это было после участия армии нашей гвардейской танковой армии в разгроме фашистов в боях за Курск, Белгород, Орел. Когда я прибыл, армия была на формировании.

Пробыл несколько месяцев в армейской мастерской, потом направили в 241-й отдельный запасной батальон 3-й гвардейской танковой армии. И с этим батальоном я попал в район Прилуки, Ровно. И тут уже попали под бомбежки. Это было началом боевой жизни. Потом началась операция по освобождению Киева.

В этом батальоне я был командиром отделения связи, комсоргом роты боевого обеспечения. После началась операция на Букринском плацдарме, и нашему батальону приходилось участвовать в строительстве моста между правым и левым берегом Днепра. Тут были интенсивные бои, бомбежки, обстрелы, в общем, такая боевая обстановка, в которой страшны были и бомбежки, и обстрелы. На самом Букринском плацдарме нашего батальона не было, там были другие отдельные части. Но очень запомнилось начало операции по освобождению Киева (она началась где-то в конце сентября – начале октября).

Нужно сказать, что левый берег Днепра при отступлении немцев был практически весь сожжен (когда немцы отступали, они сжигали все: села, деревни, в общем, делали пустынную зону). Они надеялись, что закрепятся на правой стороне Днепра, более возвышенной, поэтому сделали как бы пустыню, чтобы нашей армии, нашим солдатам, было негде укрыться. Киев освободили к 7 ноября 1943 года и после взятия Киева, Белой Церкви, Василькова, Плесецка (так же освобождали Фастов) двигались далее в сторону Бердичева (1943 год). В начале 1944года была проведена Корсунь-Шевченковская операция, в результате которой были освобождены Тернополь,

Проскуров. Двигаясь дальше по территории Западной Украины в сторону Львова, мы освобождали Желкев, Перемышль. Весной 1944 года были трудные бои. Мы продвинулись по территории Украины на 350-400 километров в сторону Польши. Далее вышли к Висле, и началась Сандомирская операция. В Сандомирской операции немцы применили «королевские тигры».

После Сандомирской операции нас отправили обратно под Львов, в резерв Верховного Командования, так как мы понесли большие потери. Под Львовом нам пришлось воевать с бендеровцами около двух – трех месяцев. После того, как армия вышла из резерва Верховного Командования, она была направлена в район Вислы. Это города Сташув, Катовица. И вышли мы на рубежи реки Одер, около границы с Германией.

Вообще, в Польше для нашего батальона особых операций не было. Польша мне запомнилась тем, что мы стояли, перед Сандомирской операцией, в селе, название которого я сейчас не помню. Польша была очень бедная страна. И помню, что когда мы стояли там до формирования, то там произошла моя первая встреча с Рыбалко П.С.. Нас заранее предупредили, что страна бедная, люди бедные. Приходилось строить землянки, находиться в землянках. Было запрещено брать солому, чтобы подстилать её на место, где спит солдат. Приходилось рвать папоротник и использовать его вместо соломы.

И вот однажды, когда я был дежурным по роте, приехал Рыбалко П.С., командующий армией. Он посмотрел, как мы там обустроились, и говорит: «Ну-у… Что-то вы давно не меняли папоротник». Уж больно слежавшийся он у нас был. Первый раз я увидел генерала. Я молодой парень еще был, мне еще 19 лет было. Трепет, конечно, был. Потом уже вступили на территорию Германии. На чужой территории воевать было приятней.

Я был помощником командира отделения связи и занимался также ремонтом переносных радиостанций (РБ, РБМ) уже в условиях батальонной мастерской. Мы прошли Польшу и вошли на территорию Германии, форсировав Одер. Захватили города Бреслау, Опельн и другие населенные пункты. Когда мы подходили ближе к Берлину (это уже был март – апрель 1945), передовые части уже были в предместьях

Берлина. Мы отставали от них, и наш батальон (даже часть батальона) попал в полуокружение.

Это были какие-то отставшие немецкие подразделения. Они нас взяли в полукольцо. Тут уже пришлось непосредственно, с оружием, с гранатой под обстрелом нашей роты, держать оборону. Какие силы там были, мы не ведали, но, очевидно, они не знали, что нас мало и побоялись наступать. Наш батальон отступил и занял оборону. Мы же в это время (командир взвода связи гвардии старший лейтенант Свистун Василий Макарович, я и еще несколько солдат) отправились в разведку. Разведка нужна была, чтобы узнать «где?, кто? и что?», чтобы быть в курсе. Потом, связавались с нашими армейскими подразделениями по радио, нам оказали помощь силами пехоты и танками. Немцы были разбиты.

В этом бою погиб помощник командира саперного взвода Кунтусов. Ну и там меня контузило, правда, это была легкая контузия.

Я обратился после боя в медсанбат. Минуты 2-3 я ничего не слышал, поскольку снаряд разорвался примерно в 5-6 метрах от нас. Старшине нашему оторвало руку осколком снаряда. Я лежал между старшиной и помощником командира взвода Соновым, и, можно сказать, отделался «легким испугом». Это был такой бой, когда второй эшелон был несколько отдален от передовых частей, и приходилось налаживать связь корпусными штабами, приходилось тянуть телефонную связь.

9 мая Берлин был взят, после, наша армия, в том числе наш батальон, через Дрезден, окраину Дрездена, перешли и продолжали войну на территории Чехословакии, освобождая территорию, и в дальнейшем Прагу.

Во время войны я получил звание младшего сержанта. Окончил военные действия в звании сержанта. Так я всю войну и прошел. В самой Праге мне побывать не пришлось, не пришлось потому, что пришел приказ о том, чтобы откомандировать наш взвод из батальона в Польшу, потому что на территории Польши осталось много складов (продовольственных, вещевых, ГСМ). Склады, на которые нас отправили, располагались около города Баранув. Мы расположились примерно в 3-х километрах от этого города. Охраняли до нас эти склады старики, которых должны были после войны сразу демобилизовать. И вот наш взвод, во главе

со старшим лейтенантом Свистуном, я уже стал его помощником (пом. комвзвода), нас, в составе 14 человек плюс старший лейтенант, после Берлинской операции из Чехословакии отправили в Польшу, на смену старикам, потому что война, со взятием Праги, фактически закончилась, но в Чехословакии она еще продолжалась до 11-го мая. Мы прибыли в Польшу. Там охраняли склады и отправляли колонны машин в части нашей армии, около 1,5 месяцев, пока склады не перевезли в место дислокации армии.

После Польши, когда склады были перевезены, наша армия уже оказалась в Австрии. Нас, 15 человек, откомандировали на месяц, но месяц прошел; и продовольствие закончилось. Старший лейтенант добрался до места дислокации штаба армии, и я оставался почти две недели за него. Когда он вернулся за нами на машине («студебеккер»), и нас оттуда сняли, привезли в город Голобрунный. Там был штаб армии. И когда мы вернулись – нашу часть расформировали, причем раньше, чем мы вернулись. И, так как я уже был членом партии в то время, то меня отправили в распоряжении политотдела тыла. Там я стал техническим секретарем при начальнике политотдела.

Начальником был полковник Гринько. Мы пробыли там до половины 1946 года, 3-я гвардейская танковая армия передислоцировалась в Германию из Австрии. Я попадаю опять в 430-е армейские мастерские связи (эти мастерские находились в городе Лукенвальде, как и штаб армии) и встречаюсь со всеми своими ребятами, с которыми я был в 1943 году. Это радиомастера: Веренько Паша и Иванов Юрий. Они оба москвичи. Юра умер, а с Веренько Пашей я встречаюсь до сих пор.

Дальше расформировываются армейские мастерские связи. И меня, как радиомастера, переводят в 138-й полк связи 3-й гвардейской танковой армии, который находится также около города Лукенвальда. Я там был старшиной автовзвода, выполняя свои обязанности радиомастера. Начиная с 1946 года и до начала 1950 года, я прослужил в 138-м полку связи. Далее, солдаты 1925 года рождения, демобилизовались в СССР.

Демобилизовался рядовой состав в 1947 году или в начале 1948 года. Сержантский состав оставили вплоть до того, пока мы не подготовим себе смену, т.е. не только себе, а смену всего

состава. В 1949 году прибыло пополнение из Советского Союза, и мы их подготовили.

Этот период запоминается тем, как мы относились, прослужив столько времени, познав войну, к молодому поколению 1928 года рождения, призванному к нам в пополнение. Никакой дедовщины не было. Отношения были теплые, добрые. Мы старались передать им все, что знали. Почему я это говорю? Говоря об армии нынешней, нашего времени, нет никакого сравнения. Те, которые называют себя стариками, прослужив один год, им не мешало бы прослужить восемь лет, чтобы быть стариками, как прослужили мы.

Из Лукенвальда (это был 1950 год), мы в товарных, оборудованных вагонах были направлены в Москву. Нас везли через Польшу, до границы СССР с Польшей, потом мы пересекли границу, и нас привезли на Белорусский вокзал.

Дальше началась гражданская жизнь. Как я уже и говорил, образование у меня семь классов, но многое мне дала горьковская школа радиоспециалистов и фронт. Это была настоящая школа, не только военной жизни, но и техническая. По существу, я там получил специальность, пополнил знания физики, которые мне семь классов не дали. Но и, кроме того, моя армейская специальность давала мне возможность поступить работать в 1950 на 408-ю АРМБ (авиационную радиомонтажную базу). Это произошло в сентябре, после 2-х месяцев отдыха. Поступил я на завод радиомонтажником. Отработал один год радиомонтажником 3-его разряда и готовился к поступлению в следующем году в техникум. Но, так как столько времени я не учился, то естественно, экзамены я не смог сдать и пришлось пойти в 8-й класс школы рабочей молодежи. И проучился я с 1951 по 1953 год. В 1952 году женился.

Окончил школу и подал заявление в институт. В 1954 году поступил в Киевский институт инженеров гражданского воздушного флота им. Ворошилова, на заочное отделение. После стал работать настройщиком радиоаппаратуры (предварительно получив 5 разряд). В 1958 поставлен на должность мастера цеха, а далее инженера-технолога, начальника отдела 408-го опытного завода гражданской авиации.

У меня погиб средний брат под Сталинградом в 1942 году, а в 1943 умер старший брат от туберкулеза легких. Отец воевал всю Великую Отечественную войну с 1941 по 1945 год и участвовал в войне с Японией. Отец был награжден медалью «За боевые заслуги» перед Родиной. Он работал в госпитале для легко раненых и был переводчиком.

После войны, с 1950 года я работаю на опытном 408-ом заводе гражданской авиации.

Мои награды:

- орден Отечественной Войны II степени;
- медаль «За победу над Германией»;
- медаль «За взятие Берлина»;
- медаль «За освобождение Праги»

Награды мне вручал командир части, полковник Химченко, в политотделе, в 138-м полку связи.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Железнов Алексей Васильевич****, курсант 3-го курса факультета военного обучения Московского авиационного института*

Райкова Любовь Андреевна

Связная партизан «Бати»

Я родилась 30 сентября 1923 года в г. Москве. Училась с 1 по 3 класс в школе №12 (325) - в старинном здании, а когда построили новое здание – в школе №360. В нашем классе учился будущий артист и спортивный комментатор Н. Озеров.

После 3-го класса я по болезни пропустила целый учебный год, а потом в 4-ом классе уже училась в школе №346 в Токмаковом пер. В этой же школе учился Юрий Никулин – будущий артист цирка и кино. Это был весельчак и шутник, его всегда окружали ребята. Он знал массу анекдотов и уже тогда их коллекционировал.

Нашу школу окончили многие интересные люди.

В нашем школьном дворе в здании бывшей Сталоверской церкви располагался Бауманский аэроклуб, в котором занимались и многие старшеклассники. Я была зачислена на парашютное отделение, закончить которое помешала война. Но я на своем счету имела 5 прыжков.

Время учебы в школе вспоминается с огромным удовольствием и с тоской. С удовольствием потому, что в те годы, в те времена спорту, воспитанию, всестороннему развитию детей и молодежи уделялось огромное внимание. Было очень много разнообразных кружков, спортивных секций, ходили в тир стрелять. Тир был в Инженерно-строительном

институте, что на Разгуляе. Сдавали нормы на значки «Ворошиловский стрелок», «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО). Значки нам выдавали в торжественной обстановке. Тогда спортивные секции можно было посещать на стадионах и дворцах (домах) спорта бесплатно, только имей желание. Я еще занималась в мотосекции спортобщества «Строитель».

День войны, 22 июня 1941года, меня застал на мотокроссе в Захарково. Все наши спортсмены-мотоциклисты, заканчивая первый круг, узнали о войне из выступления В.М. Молотова по радио-»громкоговорителю».

Мотокросс прекратили, был организован митинг, на котором все выступающие говорили о готовности, желании защищать Родину. Ребята прямо с соревнования поехали в Райвоенкоматы. Из нашей секции: механик Саша Лаптев, Серёжа Экарев, Лёва Ермомих, Толя Бакланов и др. Уже во время войны Лев Ермомих попал в партизанские соединения Ковпака С.А. Воевал там.

С тоской вспоминаю потому, что теперь ребята, молодёжь лишены всего того, что имели мы в довоенное время. Почти все кружки и спортивные секции сейчас платные и посещать их могут далеко не все.

С первых дней войны я принимала участие в сооружении оборонительной противотанковой обороны Москвы в районе Кунцево. В основном там были женщины и девушки. Работали очень много, не считались со временем.

Во время налётов на Москву немецкой авиации, когда гитлеровцы пытались бомбить Москву, а им это не удавалось – не подпускали к столице наши самолёты, то они сбрасывали бомбы, свой смертоносный груз, куда попало. Несколько раз бомбёжки задевали краем нас, но жертв у нас не было.

На оборонительных работах я была до 15 декабря 1941 г.

Когда вернулась домой, каждый день ходила в Бауманский Райвоенкомат и РК ВЛКСМ, просила отправить на фронт. Мне отвечали: «Ещё маленькая, подрасти, на фронте достаточно взрослых людей». Мне тогда было неполных 18 лет, и я себя считала совсем взрослой.

Но однажды мне повезло. В Бауманский РК ВЛКСМ прибыли представители 27-й (позже 4-й ударной) армии, меня вызвали на собеседование. Сказали: «На войне в куклы не

играют, а защищают Родину, всякое может случиться». На что я ответила: «Не подведу, если что, все вытерплю, не переношу только, когда сверлят зубы». Это всех рассмешило, но меня решили взять.

Так, 26 декабря 1941года, я поехала на Калининский фронт.

В феврале 1942 г. в 4-ю УА в разведотделение прибыли Н.З. Коляда («Батя») и секретарь Слободского партизанского отряда М.Н. Шульц. Назначили связной при штабе «Бати» с 4 УА. В Слободу я уже поехала с Н.З. Колядой и М.Н. Шульцем.

Во время пребывания в партизанском соединении «Бати», я одиннадцать раз отправлялась из штаба «Бати» в 4-й УА с различными заданиями. В том числе, один раз с «Батей», Таней Ивановой-Петровой и дядей Мисько. Один раз с помощником «Бати» - И.А. Воротсвенконием за боеприпасами и медикаментами. Один раз препровождали пленного немца с разведчицей штаба «Бати» из деревни Мелюхово Надей Степановой, которая 34 раза ходила на разведку в Смоленск, где на Коммунистической улице коммунистом с 1918 года, из деревни Фалисы, Василием Владимировичем Зуевым была открыта слесарно-жестяная мастерская, которая стала квартирой подпольщиков Смоленска.

Надя приносила очень ценные данные разведки. В последний раз её выдала предательница Елизавета Малышева, которая внедрилась в подполье. После страшных пыток, издевательств, мучений, Надю казнили. Так она погибла.

Переходила линию фронта с представителем 4-й УА майором Тарасенковым В.А., который был направлен в штаб «Бати» из 10 отдела 4-й УА для непосредственной связи с отделением «Бати». Вместе с этой задачей он имел цель установить связь с партизанами Белоруссии. Мы несли бесценный груз партизанам - газеты и листовки. Ближе к вечеру мы подошли к избе, в которой жил староста, который помогал партизанам.

Когда он открыл нам дверь, то с испугом и удивлением сказал: «Как вы не встретились с полицией, они только что ушли от меня». Мы сказали, что нам повезло. Ещё когда с «Батей» мы возвращались из 4-й Ударной армии, то на пути нашего следования в деревнях были развешаны на столбах объявления о том, что кто укажет о нахождении «Бати», тому за

его голову будет выплачено 50 тысяч немецких рейхсмарок – большая награда.

Но никто из местных жителей на это объявление «не клюнул». Несколько объявлений мы сорвали, привезли в штаб соединения. Теперь эти объявления находятся в партизанском музее в Пржевальском (б. Слободе) Смоленской области.

А местные жители сложили частушки:

Партизанский вожак «Батя»
Ох, как здорово целится
100 тысяч марок за него
Кто достанет в цельности.
Ох, смоленские леса
До чего же хороши:
Только скажут: «Батя едет»
Немцы драпают в кусты.
Партизанский вожак «Батя»
Приходи к нам поскорей,
Надоело жить в неволе,
Всё разграбил фриц-злодей.

Несколько раз меня направляли в 4-ю ударную армию одну. Когда я возвращалась обратно, в партизанское соединение, то была прикомандирована ко 2-й партизанской бригаде (к-р Овгаренко И.И.) и принимала участие в её боевых действиях.

Наши партизанские бригады соединения освободили более 400 населённых пунктов северо-западных районов Смоленщины. Это был партизанский край, где была восстановлена и действовала Советская власть, проводились сельхозработы, действовали школы и т.д.

Соединение принимало участие в боевой операции «Слободские ворота», отвлекая на себя часть немецких войск, которые должны были идти на Москву.

В северо-западных районах действовало около 6000 тысяч партизан. На базе соединения «Бати» формировались полки И.Ф. Садчикова и С.В. Гришина (позже Героя Советского Союза), Героя Советского Союза А.Ф. Докуналова. Начинал свою партизанскую деятельность в рядах партизан соединения уроженец Смоленщины Михаил Егоров.

Когда осенью 1941г. в его деревни появились немцы, то он стал искать возможность борьбы с ними. Ему удалось связаться

с пятью советскими танкистами, попавшими в окружение и скрывавшимися в лесу. Вместе они собрали оружие и готовились к партизанской борьбе. Позже организовали партизанский отряд из местного населения и попавших в окружение солдат и офицеров Красной Армии.

Отряд этот вошел в партизанское соединение «Бати». Было тогда Егорову 18 лет. С июля 1942 г. он стал партизаном полка И.Ф. Садчикова, действовавшего уже в Витебской области. С июля 1944 г. он сражался против врага в рядах Красной Армии, участвовал в освобождении Прибалтики, Варшавы Берлина. И вместе с мл. сержантом М.В. Кантария бесстрашно водрузил Знамя Победы над рейхстагом в Берлине.

В соединении был подрывник-наземник Володя Куриленко, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

При штабе действовала выездная редакция газеты «Комсомольская правда». Главный редактор К. Непомнящий, Любовь Федорова, Н. Николаев и спецкор. ТАСС Л. Бокашова.

Приезжали к партизанам И. Андронников, Р. Бершадский – военкорр, Б. Полевой, М. Ромм. Был снят документальный фильм о боевых действиях соединения.

Я горжусь тем, что мне довелось принимать участие в боевых действиях соединения партизан «Бати».

Сейчас поддерживаю связь с бывшим комиссаром штаба «Бати» - П. Исоколовым, который живёт в Санкт-Петербурге, с Т.Г. Пироговой-Ивановой - секретарем ВЛКСМ во 2-ой бригаде, жившей в Перми, в Москве – со Смирновым А.О. и другими партизанами.

Апрель 2003 года.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Митичева Ирина Валентиновна**, студентка 2-го курса Профессионального училища № 5 города Москвы*

Розин Марк Борисович

Рогнединская партизанская бригада

Я родился 19 февраля 1909 года, коренной москвич.

В школе в одном классе со мной учились Яков Джугашвили (Сталин), Ростислав Плят. Как и все ребята, они играли на пустырях в футбол. Тогда я не представлял, что эта замечательная игра станет смыслом всей жизни. В большой футбол стал играть, когда работал фрезеровщиком на заводе. Позднее стал комсомольским активистом и приложил много усилий для создания клуба «Крылья Советов».

В 1937 году меня пригласили на работу в Спорткомитет СССР. Одно время был даже помощником Председателя Василия Васильевича Снегова.

В 1941 году меня направили в Чебоксары в войсковое училище.

Грянула война и меня, «досрочника» Чебоксарского политучилища, направляют в город Тулу, где формируется стрелковая дивизия Тульского Пролетариата (в дальнейшем 330-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта). В дивизию по зову сердца в основном шли добровольцы: и молодые, и старые.

Кремлёвский курсант – партизанский комдив

Трудно было в наших условиях сформировать дивизионную разведку. Здесь требовался особый отбор. Создать такое боевое подразделение нам все же удалось. С крепкими молодыми ребятами в разведку пришли ветераны финской воины. Не скрою, что в числе отдела 3-й стрелковой дивизии разведчиков оказались и те, кого я взял из Тульской тюрьмы. Это были истинные патриоты, которыми впоследствии гордилась дивизия.

Формировалась разведка 330-я СД на окраине Тулы в лагере – Осоавиахим. Воины были в полном порядке, но пока без комсостава. Ожидали взводных. Помнится, как на рассвете в расположение лагеря прибыли три молодых лейтенанта. Представились просто: «Иван Корбут, Владимир Климов, Михаил Горбунов - выпускники Кремлёвского училища». Они сразу понравились мне. От этих ребят веяло смелостью, стремлением честно служить Родине. «Мы рады, что направили нас в разведку», - заявил старший из них Иван Корбут. «Кремлевские курсанты не подведут», - добавил Миша Горбунов.

К сожалению, этот чудесный офицер погиб в первом бою в Московском наступлении. С Корбутом и Климовым мы вместе прошли боевой путь в дивизии и в партизанском соединении Лейтенанты оказались хорошо подготовленными командирами, а самое главное, нашли подход к сердцам солдат.

Вскоре Иван Корбут, хорошо проявивший себя в боях, был назначен командиром разведроты. В мае 1942 года он с офицерами Галюга, Корчма и Зиненковым направляется в тыл врага, где по приказу военного командования формировалась партизанская дивизия. Несколько позже в Брянский лес прибыл и Владимир Климов, так мы вновь объединились.

Иван Корбут был участником многих операций, проводимых нами в тылу врага, в том числе и такой, как вывод на «Большую землю» кавалерийского корпуса генерала Белова, за что он был награжден вторым орденом Красного Знамени. В конце 1942 года Корбут был назначен командиром Рогнединской партизанской бригады. Могу ответственно сказать, что авторитет Ивана Корбута - комбрига Рогнединской

– был очень значителен. В 1943 году он был направлен на учебу в Разведакадемию Генштаба, окончив которую, уже после войны получил назначение командиром десантной дивизии.

К сожалению, жизнь Ивана Корбута оказалась трагичной. Из-за грубого нарушения дисциплины, во время службы в г. Пскове был снят с должности и направлен в г. Черновцы заместителем командира десантной дивизии. Последняя наша встреча произошла в Черновцах в 1948 году. Иван был уволен из рядов Советской Армии.

Наша встреча была очень грустной. Он тягостно переносил случившееся, вспоминал дорогие его сердцу партизанские будни. Мне было искренне жаль этого прекрасного, талантливого и еще совсем молодого человека. Он мог еще сделать так много хорошего. Умер Иван на пляже от солнечного удара в 1957 году. Значительно позже, узнав об этом, я долго не мог себе простить, что при встрече не сумел убедить его перестроиться, найти силы преодолеть себя, выйти из кризиса, куда он попал по слабости, а может и от славы.

Тяжело завершать свой рассказ о друге на такой трагической ноте, но что поделаешь - так это было. Хочу, чтобы Брянщина не забыла командира Рогнединской партизанской бригады. Иван Корбут много сделал для освобождения Брянской области от немецко-фашистских захватчиков.

Федя-сибиряк

Он появился в деревне Малые Желтоухи зимой 1942 года, где находилась спецразведгруппа 330-й СД под моим командованием. Предо мной предстал молодой подтянутый солдат. Представился: «Федя-сибиряк», верней, архангельский помор. Служил срочную. Попал под Смоленском в окружение, скрывался в деревнях. Собирался в партизанский отряд Акимочкина, но побоялся. В Бутчине узнал о вашей группе. «Знаю, - сказал он, - что вам запрещено брать окруженцев, есть приказ задерживать их, но, поверьте, я вам помогу. Я знаю местность, знаю людей, обучен военному делу». Мне нужны были люди, особенно такие, как Федор Старцев. Не побоялся, взял его в свою спецгруппу и не ошибся. Он показал себя с самой лучшей стороны как разведчик, как диверсант и как

смелый воин. Треть 3-й партизанской дивизии составляли бывшие окруженцы.

Общительный молодой человек быстро сошелся с добровольцами - тульскими шахтерами. Веселый баянист и затейник, он был первым и в боевом деле. В апреле нас окружили немцы, с боями вырываемся в лес, что у деревни Бутчино. Федор во главе группы, отвлекающей наш прорыв. Ее бросок в направлении Кирова отвлек немцев, обеспечил успешный выход из окружения подразделения дивизионных разведчиков.

После этого я счел возможным доверить Старцеву направиться в г. Киров и получить приказ штаба о наших дальнейших действиях. Задача такого перехода, в то время, оказалась очень сложной. Противник сумел заблокировать все пути-дороги, закрыть так называемый «коридор». Обходя немецкие гарнизоны, Старцев успешно добрался до штаба 330-й стрелковой партизанской дивизии, находящейся в городе Киров. Получив его указания, вернулся в Бутчино. Вместе с ним пришел большой отряд Московской ОМСБОН под командованием капитана Шемякина, который направлялся для выполнения спецзадач в Клетню.

Вместе с разведчиками пришли и назначенные Западным фронтом на различные должности еще не существовавшей 3-й партизанской дивизии, офицеры 10-й армии: А. Галюга, И. Корбут, М. Зиненков, И. Корчма. Здесь, от Бутчина, началась жизнь одного из крупнейших партизанских соединений Великой Отечественной войны. Смелый и решительный Федор был взят в штаб партизанской дивизии как личный порученец командира дивизии. Он активно действовал в операции по выводу корпуса Белова и десантных подразделений на Большую землю. Был впереди и в Рогнединской операции.

Не менее ответственная задача на него была возложена по охране радиосвязи и, что самое главное, - в период боевых операций. Не случайно, так называемый «окруженец», в 1942 году был награжден орденом боевого Красного Знамени. В 1943 году, после освобождения Брянщины, пути наши разошлись. И вот Москва, 1948 год. Звонок в квартиру, где я живу. Открываю дверь. Это он, молодой красивый капитан. Федя-сибиряк! Докладывает: «Успешно отслужил. Теперь выпускник военной академии».

«Да у тебя же даже среднего образования не было?» - спрашиваю его. «Да, - отвечает, - школу сдал экстерном, и на «хорошо» - экзамен в академию. Жду назначения. Семья в Ерцево Архангельской области. Там и буду работать.»

Служба заместителем начальника УИНа оказалась очень трудной, в чем я убедился, побывав у Федора в гостях. Глухие места, побеги... Ну, а затем вскоре мы увиделись снова. В Москве, в праздник Дня Победы, баян Федора звучал в компании наших разведчиков в сквере у Большого театра. Потом Федор заболел, уволился из армии, работал в школе военруком; перенес большое семейное горе - похоронил двоих детей и... не выдержал. Звонок из Москвы, из больницы Бакулева, застал меня врасплох - Старцев тяжело болен, операцию перенес, но жить ему осталось недолго. Друзья навещали, прощались с ним в больнице. Последние слова Федора были: «Помогите семье похоронить меня на родине». Мы сумели эту просьбу выполнить. Он скончался в Коряжме на руках своих родных.

Председатель

«Председатель» - так по доброму запросто называли мы Филиппа Васильевича Аксенова, командира Косеватского отряда, а в партизанской дивизии - командира второго, одного из головных батальонов.

Ко всему, имя «председатель» пристало к нему не случайно. До войны Аксенов возглавлял передовой в области колхоз на Смоленщине, а когда пришел враг, партия оставляет его в числе других активистов для организации партизанской борьбы. Заранее в лесу было зарыто все, что необходимо для проведения боевых операций. В отряде находилась семья Аксенова и все родственники от мала до велика. Они достойно защищали Родину, наравне с другими бойцами участвовали в проведении сложнейших операций.

Большую роль в отряде играл офицер Красной Армии Василий Иванов. Враг уже вскоре почувствовал силу и смелость партизан. Их операции были хорошо продуманы и организованы. Так что в состав нашего партизанского соединения влилась крепкая боевая единица. Зимой 1942 года Аксенов отправил через «огненный коридор» (Малые

Желтоухи) в город Киров продовольственные обозы для Красной Армии.

Мне, как «бургомистру» Малых Желтоух, довелось принять участие в этой операции, выделив сопровождение. Так я впервые познакомился с аксеновцами. А с Филиппом Васильевичем встретился в Желтоухах. когда тот шел в Киров на совещание командиров и комиссаров партизанских отрядов, действовавших на Брянщине и Смоленщине. Совещание это организовал штаб 10-й армии. Близко познакомились, когда решался вопрос о вхождении отрядов в третью стрелковую партизанскую дивизию. Аксенов первым поднял руку «за». «Такая сила покажет себя», - сказал он и осудил тех, кто отказался идти в дивизию. «Вы еще пожалеете», - сказал Аксенов и был прав. Батальон Аксенова участвовал во всех боевых операциях дивизии: станция Жалынец, Рогнедино и другие. Особо надо отметить роль Аксенова в выводе на «Большую Землю» кавкорпуса Белова и десантников. Проводниками были партизаны 2-го батальона во главе с Василием Тимошенко. Как известно, переход был проведен успешно, и многие партизаны получили государственные награды, в том числе и сам Аксенов.

Аксенов сумел внедрить своих людей в органы местного самоуправления, созданные немцами на оккупированной территории. Это были старосты и даже полицаи. Через этих людей мы получали ценные данные для военного командования.

Интересен в связи с этим один эпизод. Аксенов узнал, что староста одного из населенных пунктов издевается над населением, из кожи вон лезет, чтобы услужить немцам. Вскоре в немецкой комендатуре оказалось письмо «этого старосты», где он сообщает партизанам важные сведения. Немцы быстро разобрались со своим подручным.

Для нас, военных, Аксенов всегда был авторитетом. Не имея военной подготовки, он находил правильные решения, и его советы принимались при планировании и подготовке операций. «Председатель» был человеком народной мудрости, знал народ, жизнь, умел найти выход из трудного положения.

После освобождения оккупированной территории Аксенов получил ответственное назначение и до последних дней жизни работал в Калуге. Не раз встречались мы в Москве у А.С.

Должикова. Филипп Васильевич всегда являлся с подарками для каждого. Его появление вносило радость. Вспоминали об однополчанах, «лесных днях и дорогах». О чем впоследствии Аксенов написал в своих книгах «Огненный коридор».

Партизанский комиссар

Человека часто определяет его профессия. Так было и в годы войны, когда не раз приходилось решать, с кем можно идти в разведку. Одной из ярких личностей являлся Михаил Петрович Зиненков - первый комиссар 3-й партизанской дивизии. С первых дней работы в тылу врага на нас легла большая забота по объединению отрядов, руководство которых не хотело терять самостоятельности. Вот здесь и проявился характер человека «от точных наук»... Меня удивляло, как доказательно умел убеждать Михаил Петрович. Мы обошли много отрядов, в большинстве своем те впоследствии влились в дивизию. Стали ее батальонами. В этих походах я и понял, откуда у Михаила Петровича такая логичность мышления.

Родился он в Самаре в 1906 году. Получил высшее педагогическое образование, преподавал физику и математику в старших классах средней школы, был ее директором. Незадолго до начала Великой Отечественной войны его призвали в армию. В 1942 году Зиненкова направили в Политотдел 10-й Армии. По его инициативе с 1942 года в г. Кирове неоднократно собирались командиры и комиссары партизанских отрядов, действовавших в прифронтовой зоне. Уже тогда вынашивалась идея создания крупного партизанского соединения, а когда оно было создано, до начала боевых операций мы с Зиненковым продумали план нашей работы.

Здесь я еще раз убедился, что такое владеть азами точной науки. Все, что предлагал Михаил Петрович, было выверенным, точным и убедительным. Во-первых, это работа с населением. Свои люди, агитаторы имелись во всех деревнях; своя типография: выпуск листовок, других материалов, рассказывающих о положении на фронтах, вселяющих веру в нашу победу. Четкие направления и указания от него получали комиссары батальонов. При всех трудностях мы имели полную информацию о жизни подразделений и их делах. По

инициативе Михаила Петровича в Центр, наряду с разведданными, передавались политдонесения. Во всех батальонах были созданы партийные и комсомольские организации. В то время это было важнейшим звеном и фактором в боевой и политической работе.

Михаил Петрович часто принимал участие в ответственных боевых операциях. В освобожденных населенных пунктах создавались органы Советской власти.

Вместе с Галюгой они талантливо разработали и обеспечили успешный прорыв дивизии из окружения из Раменной дачи. За эту операцию в 1942 году Михаил Петрович вместе с А. Галюгой были награждены орденами Ленина.

К сожалению, в дальнейшем не вес гладко складывалось Зиненкова во взаимоотношениях с Галюгой. Это были два разных человека, можно сказать - лед и пламень. В конце концов, командование нашло правильное решение. Галюга получил назначение в Клетню, а Зиненков - на должность комиссара полка действующей армии.

Неожиданная встреча с Михаилом Петровичем произошла осенью 1943 года в лесах Белоруссии. Он после ранения вернулся в строй, выводил на передовую свои подразделения, я тем же путем ехал с машинами своего артполка. Обнялись! Вспомнили Брянские леса и нашу бригаду.

Уже после войны мы встретились в Москве. Зиненков служил в Политуправлении Советской Армии, где руководил отделом Суворовских училищ. Знаю, что здесь проявился его педагогический талант. Дружили мы семьями до самой смерти Михаила Петровича в 1974 году. Михаил Петрович был незаурядным человеком. Он был настоящим патриотом, доблестным сыном своей Родины.

Красный директор – Красный партизан

Впервые с Александром Сергеевичем Должиковым я встретился весной 1942 года на Брянщине в деревне Марьевка, Рогнединского района. Вместе с М. Зиненковым, по поручению штаба третьей стрелковой партизанской дивизии, мы ездили по деревням и весям, где располагались партизанские отряды и группы. Наша задача заключалась в том, чтобы убедить командиров отрядов в необходимости объединиться в составе,

создаваемого военным командованием, партизанского соединения.

К Должикову, «красному директору», мы приехали по совету Аксенова. Марьенская группа партизан, которой командовал Александр Сергеевич Должиков, входила в Косеватский отряд.

Встретил Александр Сергеевич нас с большой радостью и даже зажарил на обед зайца. О вступлении в дивизию и вопроса не было. С таким решением он был полностью согласен. Должиков рассказал нам о себе. Родился он 22 марта 1903 года в селе Рогнедино. Отец - плотник. Мать - батрачка. Жили бедно. С 15 лет самостоятельно работал, а дальше - путь от конторщика до директора крупного завода в Бежице и два высших образования.

В первые дни войны Должиков эвакуировал завод на Урал, а сам по зову сердца пошел добровольцем в Красную Армию. В тяжелых боях под Смоленском попал в окружение, собрал воинов и организовал на родине партизанскую группу. Когда сформировалась дивизия, по моей просьбе Александр Сергеевич был откомандирован для работы в политотдел. Здесь до 1943 года нам пришлось работать с ним бок о бок. Главной его задачей была связь с населением оккупированных районов и деревень. Он также ведал нашей типографией, где печатались листовки и обращения. Под его контролем (и только одного его) находились подпольные агитаторы. Кроме листовок, им тайно доставлялись и газеты, получаемые нами с Большой земли.

Член компартии с 1937 года, Должиков руководил парткомиссией, где решались вопросы партийных окруженцев, а также осуществлялся прием в партию.

В 1942-1943 годах в семи батальонах нашей партизанской дивизии были созданы первичные партийные и комсомольские организации. Немало активных воинов и партизан вступило в ту пору в партию. В дивизии все: от командиров до женщин-партизанок участвовали в боевых операциях. Смелым и отважным воином показал себя и А.С. Должиков. Особенно в знаменательной эпопее по выводу из окружения кавкорпуса Белова. За эту операцию он был награжден орденом Красного Знамени, затем - орденом Отечественной войны и медалью партизану Отечественной войны.

В дивизии Александр Сергеевич пользовался большим уважением. Умел разобраться в каждом человеке. Его жизненный опыт и образование помогали в этом.

Как-то в кругу друзей мы затеяли разговор, кому какую характеристику дать. По Должикову это сделал я, так как больше других с ним общался. Вот что я тогда сказал: «Саша - крепкий мужичок, спокойный, выдержанный, осмысливающий каждый свой поступок и каждое сказанное слово. А самое главное, он понимает людей». Честь, достоинство и преданность Родине всегда у Должикова были на первом месте. Характер Александра Сергеевича, видимо, от земли Рогнединской, где я встречал немало таких же патриотов.

Весной 1943 года наши пути разошлись. Снова я встретил Сашу в Москве, где он занимал до конца войны ответственную должность в военкомате Свердловского района.

Он трижды избирался депутатом Совета, в то время Центрального района г. Москвы. Дружба наша продолжалась до последних дней его жизни. В его добрейшей семье всегда жил кто-то или гостил из партизанского края. В нашей среде разведчиков он был прекрасным товарищем. Сегодня я поддерживаю связь с его детьми. Память о нем всегда в моем сердце.

Первый из числа семи

Так, не умаляя достоинства остальных подразделений третьей партизанской дивизии, в обиходе в штабе называли первый батальон, которым командовал Иван Крылов. При создании партизанского соединения был определен статус входящих в него подразделений - это батальоны, по существу самостоятельные партизанские отряды, успешно действовавшие в тылу врага и добровольно вошедшие в дивизию: рогнединцы (Солдатенков), жуковцы (Гомонов, Мальцев, Демин), дубровцы, аксеновцы, бутчинцы (Акимочкин), рославльцы (Боровичев), группа Кабанова и другие. Первый же батальон состоял из воинов 330-й стрелковой дивизии Тульского пролетариата 10-й армии.

Это те ребята, что вместе со мной переходили из Кирова линию фронта и почти четыре месяца обеспечивали так называемый «огненный коридор» в районе М. Желтоух.

Первый батальон был стержнем партизанской дивизии. Располагался он всегда там, где находился ее штаб, отвечая так же за охрану аэродромов, штата роты связи. В первом батальоне находились специальные разведывательные группы 10-й армии. В батальоне, в основном, были туляки. У многих за спиной финская война.

Другая группа - молодые ребята из Кирова, которые влились в разведку 330-й СД после освобождения Кирова. Командиром батальона, как я уже сказал, был Иван Крылов - шахтер, смелый и отважный разведчик. Вместе с ним делила тяготы походной жизни его жена и боевая подруга Фаина, вынесшая с поля боя и выходившая немало воинов.

Комиссар батальона - Василий Зиненко, старшина разведки. Воины - разведчики: Мурзин, Киндеров, Титкин, Клочков, Бровкин, Коровенкин и другие шахтеры-туляки. Гордостью бригады были кировчане Матвей Сосков, Петр Капристов, Евгений Блохин, Нил Ключев, закрывший своим телом амбразуру дзота, когда мы прорывались из окружения в Раменной даче. В этой операции первый батальон первым был брошен в прорыв и обеспечил выход других групп.

Вместе с партизанскими отрядами воины первого батальона также в числе передовых групп активно участвовали в операциях по разгрому немецких гарнизонов станции Желынец, в деревне Бацкино, селе Рогнедино и других местах.

Первый батальон первым встретил войска советской армии, освобождавшие Брянщину. Его бойцы вошли в состав армейских частей и в дальнейшем воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

Иван Крылов после освобождения Брянщины был оставлен здесь для работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Затем переехал в Гомельскую область на родину жены.

Василий Зиненко освобождал Кенигсберг, какое-то время был заместителем коменданта города, жил и работал после войны. Там он и похоронен.

Разведгруппа «Андрей»

В мае 1942 года командование 3-й партизанской дивизии получило шифровку из центра: принять под свое начало

разведгруппу «Андрей» и помогать ей в выполнении спецзаданий вышестоящего армейского командования. Встреча с группой состоялась ночью в штабе дивизии.

Первым представился лейтенант Андрей Сизов, дальше был Юра - радист, за ним милые девушки. Сами о себе сказали: «Шура из Немерич», «Вера из Ивота», «Ира из Брянской области». Фамилии их мы узнали позже - Шура Ивлева, Вера Жаркеева и Ира Кричунович.

Эти восемнадцатилетние комсомолки были оставлены в своих районах с первых дней оккупации и выполняли задания по разведке. Ира, по легенде «внучка графини», была внедрена в Брянский немецкий офицерский клуб. Ее разведданные оказались очень важными для командования. Весной 1942 года Иру предали. Ей удалось скрыться в Бежицком партизанском отряде.

Андрей и радист, перейдя линию фронта, связались с девушками - подпольщицами. До прихода в дивизию они выполнили ряд заданий. Наш штаб сделал все возможное, чтобы «Андрей», снабжал разведотдел 10-й армии подробной информацией. Большую разведывательную работу группа «Андрей» провела при прорыве на «Большую Землю» кавалерийского корпуса Белова и десантников, и во время битвы на Курской дуге.

Нас удивляла смелость этих юных разведчиц, их преданность Родине. В любых условиях они не теряли самообладания, были веселыми и жизнерадостными. Последний раз они переходили линию фронта в районе Раменной дачи, где наша дивизия прорывалась из окружения. В Раменной даче увидели страшное зрелище - трупы местных жителей, расстрелянных немцами. Этот переход группы закончился печально. Она была обнаружена, да еще на руках оказался тяжело раненный радист Юра. С очень большим трудом ей все же удалось уйти от преследовавших по пятам немцев.

Наши фронтовые дороги разошлись. Андрей и девушки продолжали службу. Встретились мы после войны в День Победы и сфотографировались вместе с нашими генералами у могилы неизвестного солдата. Затем встречи были ежегодными и очень радостными.

Сегодня нет уже в живых Андрея, Веры и Шуры. Ира с семьей живет в Юрмале и, как все русские люди в Латвии, находится в трудном положении. Мы поддерживаем с ней связь, помогаем, чем можем.

Трагедия Раменной дачи

Немцы приняли решительные меры по уничтожению беловцев, десантников и партизан. Как явствуют документы, это был приказ Ставки Гитлера.

Для проведения этой операции были брошены большие танковые силы и дивизия «СС». Беловцы были блокированы с 24 мая 1942 года с «земли и воздуха». Они были лишены возможности пополнять запасы продовольствия, боеприпасов, фуража.

В начале июня Белов запросил командование Западным фронтом дать разрешение на выход из тыла на «Большую землю» в район города Кирова. Операция по выводу корпуса была возложена на командование 10-й армии (командующий В.С. Попов). Таким образом, наша третья партизанская дивизия оказалась в центре событий, и на нее были возложены очень сложные задачи по выводу беловцев.

Обстановка сложилась очень напряженная. Дивизия стянула свои силы в деревни близлежащие к большому лесному массиву «Раменная дача». Подбирались из числа партизан, местных жителей проводники для встречи и проводов беловцев в район Кирова. Надо было подготовить продовольствие для того, чтобы кормить солдат, посадочные площадки для санитарной авиации, так как беловцы в боях несли большие потери, было много раненых.

Преследовавшие беловцев немецкие части не жалели и население, которое считалось партизанским. Народ скрывался в лесах. Раменная дача была буквально забита стариками, женщинами и детьми. Мы отвечали за их охрану. Отряды наши с боями отходили в лес. С нами и народ. При всех трудностях мы сумели встретить беловцев, оказать им всяческую помощь, а проводники успешно провели на Киров, где их уже поджидала спецгруппа майора Фомина.

Раненых и штабные документы, самого Белова переправили ночью самолетом У-2 в районе деревни Бацкино.

Ответственность за эту операцию была возложена на меня и Ивана Корчму, она прошла успешно. Когда к утру мы вернулись к Раменной даче, то оказались уже окруженными. Удачно проскочив в лес, мы с Иваном Корчмой пошли туда, где собрались отряды и население. Там же оказались раненый Григорий Мальцев и летчик Сергей Петров, сбитые немцами накануне.

Окружив партизан, немцы начали обстрел леса из орудий и минометов. С воздуха непрерывно бомбили. Вокруг лесных выходов были установлены танки и огневые точки врага. С каждым днем положение становилось все тяжелее. Только лес и удачное расположение отрядов и людей спасали нас. Кончились продукты, нет боеприпасов, рядом беззащитные люди: женщины и дети. Стал вопрос: прорваться или погибнуть.

Некоторые командиры отрядов предлагали прорываться на «Большую землю». Однако был принят другой вариант - прорываться в Брянские леса, ближе к Бытоши. По плану прорыва было решено в нескольких точках завязать бои, а прорывы главными силами обеспечить совершенно в других направлениях. В ночь на 30 июня прорыв был совершен. В два часа ночи партизанские отряды неожиданно обрушились на врага. К утру проскочили безлесную зону и вошли в Косиловский лес.

Мне лично во главе батальона разведчиков пришлось выводить сотни местных жителей. Их мощные «ура» и крики обескуражили врага. Бесстрашный подвиг во время прорыва совершил юноша - разведчик Нил Ключев из Кирова. Он закрыл своим телом вражеский пулемет. Маневр был настолько удачным, что каратели на машинах не успели нас опередить.

Потери у нас были немалые, но основные силы были сохранены. На следующий день дивизия вышла в район лесов Косилово - Ивановка - Бацкино. Немецкая пропаганда сообщила, что уничтожено 22 тысячи партизан, но это была ложь. О том, что произошло в Раменной даче после нашего прорыва, я узнал в 1945 году, в конце войны.

В газете написал статью под названием «Трагедия Раменной дачи». Было это под Веной, я тогда уже служил в артиллерийском полку РВГК в должности заместителя командира полка по политчасти. Наши пушки стояли на окраине города. Из окружения выводили пленных. Ко мне

подбежал комбат Н. Растрыгин и говорит: «Товарищ комиссар - это же не немцы, это - власовцы». Я подошел к колонне пленных и вдруг двое «немцев» пали на колени и, плача, по-русски назвали меня по имени-отчеству. Это были ребята одного из наших отрядов.

Я был поражен, когда услышал их рассказ. Они рассказали страшную историю. Когда мы вырвались из Раменной дачи, там еще осталось немало людей и больше всего крестьян из близлежащих деревень. Они испугались и с нами не пошли, надеясь переждать. У всех были закопаны продукты, как их называли, «ямки». Прошло некоторое время, прекратилась стрельба, и они решили выбираться.

Неожиданно в лесу встретили группу «офицеров-десантников». Те рассказали, что все партизаны погибли, когда выходили из леса, в живых остались только они, разведали дорогу на Киров и завтра пойдут. «Вам, - сказали они - выход один - идти с нами, иначе в деревнях вас уничтожат». Люди им поверили. Договорились назавтра встретиться на одной из просек. Когда пришли к просеке, руководителей пригласили в шалаш и там убили. А остальных расстреляли из пулеметов. Оказывается, это были предатели власовцы. Нескольких молодых ребят, в том числе и тех, что я встретил под Веной, они забрали с собой. Что они делали эти годы, узнать не удалось, пленных увели. Но, что было в Раменной даче, я узнал от них, затем уже трагедия подтвердилась.

Наш кормилец

Так запросто мы называли Казеичева Ивана Афанасьевича - интенданта партизанской дивизии. Должность у него была ответственная, почетная, а вместе с тем и опасная. В августе 1942 года дивизия выросла до 3000 человек. Всех надо кормить, одевать, вооружать, лечить - и это в условиях полного вражеского окружения. А потому было очень важно добиться поддержки населения, чтобы получать от него продовольствие, исключая какие-либо насильственные действия, кроме всего того, что мы получали с «Большой земли» с посадками «уточек» на партизанские аэродромы.

Были времена, когда наши аэродромы бомбили, и тогда летчики сбрасывали нам грузы на парашютах, и нами

создавались поисковые группы для розыска этих парашютов. Отбивать у немцев обозы с продовольствием и скотом, что забирали они у крестьян, тоже был один из путей пропитания партизан. Все это, конечно, с помощью штаба, легло на плечи интендантской службы, возглавляемой Казеичевым. Правда, в каждом батальоне были свои заготовители, но работали они вместе с Казеичевым. На нем также лежала вся аэродромная служба, служба быта и многое другое.

У нас были свои сапожники, портные, женская команда «пищеблок». Организаторские способности, умение ладить с людьми и находить взаимопонимание - именно эти качества Ивана Афанасьевича играли решающую роль в его успешной повседневной деятельности на посту интенданта.

Вспоминаю, как он стал им. После вывода беловцев и десантников, которым мы отдали наши запасы продовольствия, встал вопрос, как жить дальше, имея в виду усиление блокады. На одном из совещаний в штабе было решено создать интендантскую службу. А кто возглавит это важное дело? Тогда Солдатенков предложил Казеичева. Бывший работник райотдела милиции, самая лучшая кандидатура. Он знает народ, ему поверят.

Помню, как ранней весной 1943 года дивизию охватила большая беда - эпидемия тифа. Казеичев сумел найти в деревнях народные средства лечения, обеспечить бани, организовал приготовление лекарств и даже производство самогона, что крайне нужно было для больных и разведчиков. После операций по разгрому немецких обозов он отдавал крестьянам их добро.

Много усилий прилагали Иван Афанасьевич и его люди и при приемке самолетов с «Большой земли»: с продовольствием, оружием и боеприпасами. Батальоны бригады были всем обеспечены. Уходившие в разведку или на подрыв эшелонов всегда также имели все необходимое. Работа интенданта требовала быть в народе и с народом, и Казеичев с сыном не страшились идти в деревни, занятые немцами и полицаями. Как мы знаем, это закончилось трагически.

Не забуду, как после разгрома Рогнединского вражеского гарнизона Казеичев, первым делом, отдал народу награбленное врагом. Затем повел меня, Корбута, Корчму и других к дому фотографа, где мы сфотографировались на память.

Самый-самый секретный...

Лето 1942 года. Партизанская дивизия расположилась на лесной базе севернее Дятьково, залечивая раны после тяжелых боев в Раменной даче. Надо укрепить боевые единицы, привести в порядок вооружение, найти места и оборудовать новые аэродромы, наладить связь с Большой землей. А Центр, которому крайне необходимы разведданные о перемещении войск противника, особенно эшелонов по железной дороге, уже ставит новые ответственные задачи. В этих целях было очень важно создать в населенных пунктах, занятых врагом, широкую сеть агентурной разведки из числа жителей, а также полицаев. Заниматься всем этим должен был человек особого склада, смелый, решительный, умеющий разглядеть «нутро» того или иного человека...

В один из дней штабу был представлен новый для нас человек из числа пополнения, как помнится, из Рославльского отряда Боровичева, Михаил Андреевич Кулик. Нам он сразу понравился. Крепко сбитый, лысоватый мужичок с хитрецой в глазах и юмором, до войны работавший в милиции и по службе связанный с районами Брянщины. Рекомендовавшие Кулика, характеризовали его только с хорошей стороны: знает народ, может найти подход к людям и убедить их; хорошо знает местность, где и как можно найти агентуру. В конце концов, было решено, что он подходит для кандидатуры самого секретного человека.

Назначение Кулика состоялось, причем было определено, что кроме него никто никаких связей с агентурой не должен иметь, а обо всех данных Кулик докладывает лично только начальнику штаба дивизии И. Муралю. В короткий срок Кулик сумел найти нужных людей, вскоре Центру были сообщены весьма важные сведения, за что мы получили благодарность.

Ценность разведданных, их достоверность заключалась еще в том, что все они перепроверялись через нескольких человек и только тогда докладывались в Центр. Кулик организовал доставку селянам оккупированных населенных пунктов писем от их близких из действующей армии, для чего использовалась партизанская авиасвязь. Такая акция способствовала укреплению связи с населением. Контачил с

Куликом и политотдел дивизии. По нашему заданию он создал в селах сеть подпольных агитаторов.

Через них шло распространение агитлистовок, печатавщихся в наших типографиях, газет, что приходили к нам с «Большой земли». Все это поднимало дух народа и уверенность в скором разгроме врага. Кроме того, Кулик был главным комендантом партизанских аэродромов – принимал грузы и отправлял донесения, больных и раненых. Все им делалось четко и разумно. Могу сказать, что Михаил Андреевич Кулик был одной из важных фигур в партизанском соединении.

Последняя наша встреча с Михаилом Андреевичем произошла в необычной обстановке. Это было осенью 1943 года. Артиллерийская бригада РВГК была поставлена на переформирование в населенные пункты Рославльского района. Я уже служил в армии и политуправлением Западного фронта был направлен в эту бригаду.

На окраине Рославля нас задержала милиция и потребовала явиться к коменданту города. Пришлось подчиниться. Каково же было мое изумление, когда в коменданте я узнал М.А. Кулика! В присутствии подчиненных он сделал вид, будто меня не знает и распорядился: «Ну, докладывайте, каких диверсантов вы задержали. Машины пусть идут в бригаду, а капитана я задерживаю...» Когда все ушли, мы обнялись.

Целую ночь я провел в семье Кулика, вспоминали пережитое, обо всем переговорили. Михаил Андреевич рассказал мне такие секреты, о которых я, второй человек в штабе партизанского соединения, не мог даже догадываться. «Что-ж тут удивляться, - сказал он, - я ведь у вас был самый, самый секретный!»

Наутро он отвез меня в Политотдел артиллерийской бригады. Извинился перед моим начальством за мое задержание и рассказал много интересного о наших делах в Рогнединской партизанской бригаде. К сожалению, дальнейшие наши пути с этим человеком разошлись. Узнал лишь, что он до своей кончины работал в Смоленске. Семья его живет в Рославле.

Жуковский самородок

Не боюсь так назвать этого человека - героя подполья и партизанского движения на Брянщине в период Великой Отечественной войны. Разговор пойдет о Григории Васильевиче Мальцеве, комиссаре Жуковского партизанского отряда, а затем Рогнединской партизанской бригады.

В Мальцеве, красивом во всех отношениях молодом человеке, сочетались такие качества как ум, смелость, простота, любовь к родине и народу. Первые дни оккупации боевая группа жуковцев, находясь в сложных условиях, наносила чувствительные удары по врагу. Войдя в состав 3-й партизанской дивизии, Жуковский отряд занял одно из ведущих мест в партизанском соединении. В отряде по зову сердца остался он в Жуковском подполье, и уже объединились семьи жуковцев Деминых, Гомоновых, Платоновых и другие. Погиб в 1942 году Гомонов, командиром стал Демин. Отличились «жуковцы» на «железке», пустив под откос не один эшелон противника. Героем одной из таких операций, был совсем юный Коля Васечкин.

Авторитет Мальцева в отряде был незыблем. Он первым из партизанских командиров в 1942 году был награжден орденом Ленина. Григорий Васильевич обладал каким-то особым умением объединять людей, зажечь их на выполнение боевого задания.

Впервые я встретился с Мальцевым в деревне Малые Желтоухи, когда он вместе с другими партизанскими командирами направлялся на совещание в Киров, проводимое командованием 10-й армии. Знаю, что он сумел убедить многих командиров в необходимости объединяться в партизанскую дивизию. Как я уже ранее писал, не все понимали всей важности этого мероприятия, проводившегося по заданию армейского командования.

Вторая моя встреча с Григорием Васильевичем состоялась в более сложной обстановке, в центре лесного массива «Раменная дача». Мы готовились к прорыву из окружения. Неожиданно появляется Мальцев, которого под руки вел летчик Сергей Петров. Оказывается, Мальцев в самолете Петрова возвращался из Москвы, где ему вручали орден Ленина. Перелетая линию фронта, они были сбиты, при этом Мальцев

был ранен. Первую помощь ему оказали наши медики. Как они нашли нас, уму непостижимо. Вместе прорывались из окружения. В дальнейшем лечился Григорий Васильевич в бригаде. Позднее участвовал в различных боевых операциях, а после отъезда в Москву Зиненкова Г.В. Мальцев был назначен комиссаром Рогнединской партизанской бригады и встретил радостные дни освобождения родных мест.

Не раз мне вместе с Григорием приходилось разбираться в весьма сложных вопросах жизни и деятельности бригады. Всегда удивлял его острый ум, умение находить правильные решения, в чем приходилось соглашаться даже нашим военным спецам.

Брянская область была освобождена, и Мальцев с друзьями целиком уходит в работу по восстановлению хозяйства и порядка в районе. В должности военкома района он много делает в подготовке пополнения для армии. А дальше, неожиданно, хозяйственная работа директором Навлинского ремонтного завода.

Дела и здесь пошли успешно. Москва заметила способного молодого руководителя. Он был отозван на новую и ответственную хозяйственную работу в Московскую область. Пришел ко мне домой, рассказал о назначении. Был настроен на большую работу. Пожелав ему добрых дел, я был уверен в успехе, так как знал характер Григория и его самородный талант.

Увы, вскоре состоялась наша последняя встреча в Навле, куда я приехал, чтобы отдать последний долг другу и соратнику... Никогда не думал, что так трагически закончится жизнь этого незаурядного человека. Много доброго он мог еще сделать для Родины.

Но, наверное, не по душе пришлась недобрым и завистливым людям его правдивость, требовательность и принципиальность. Похороны Григория Васильевича вылились в народную демонстрацию. К кладбищу из сел и деревень Навлинского района шел народ. Делегации шли под красными знаменами, дабы проводить в последний путь партизанского комиссара. Хочу, чтобы память о патриоте Григории Васильевиче Мальцеве передавалась из поколения в поколение, так как тех, кто поклялся не забывать его, с каждым годом становится все меньше и меньше.

Через линию фронта в Партизанский край

Лето 1942 года. Ночь. Партизанский аэродром на окраине лесной деревни Копаль, что в Рогнединском районе на Брянщине. Горят сигнальные костры: ждем самолетов с боеприпасами, продовольствием, медикаментами, письмами. Не раз самолеты приближались к нашей базе. Но на пути появлялись «мессеры», и Ут-2 уходили на бреющем полете. Но вот, наконец, она, долгожданная «Уточка». Резкое снижение и мастерски точное приземление на «пятачок» лесного аэродрома. Тушим костры, немедленно отгоняем самолет в сторону и маскируем его. На разгрузку времени отводится мало. Ночь коротка, а еще надо погрузить раненых и почту.

- Привет, партизаны! - раздается из темноты. Из самолета выпрыгивает плотный, усатый летчик.

- Получайте груз! Где главный? - спрашивает летчик и представляется: комэск капитан Сергей Петров.

- Летел в сложных условиях, - рассказывает он, – Очень трудно было пройти линию фронта: кругом зенитки, а дальше «мессеры». Но мы знаем, как Вам нужны наши грузы.

Вот таким был наш любимец Сергей Петров, свердловчанин, воспитанник аэроклуба, работавший до войны в гражданской авиации. Большая дружба связывала партизан с Петровым, его так и называли «наш партизанский «ас»!». Он всегда помогал нам в самые трудные дни, многократно прилетал в тыл врага.

Партизанская бригада выполняет задания фронта по выводу на «Большую землю» кавалерийского корпуса генерала Белова и десантных подразделений, действовавших на оккупированной врагом территории.

Целую ночь, до рассвета, на аэродром у реки Десны совершали смелые полеты летчики эскадрильи Петрова, вывозя раненых. Кавалеристы вышли на «Большую землю», а партизаны оказались блокированными в лесу. Несколько дней отчаянные бои. Петров совершает полеты в труднейших условиях, сбрасывая боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Получая эти грузы, мы всегда находили записку Петрова: «Держитесь, друзья, мы с вами!». В один из рейсов самолет Петрова был подбит. Сам он чудом спасся, сумел найти нас, и вместе с нами выйти из окружения.

Довелось мне в самолете Петрова перелетать линию фронта на «Большую землю» и в тыл врага, и я воочию был свидетелем его смелости и профессионального мастерства.

Осенью 1943 года пути наши разошлись: Петров пересел на «Ил», а я был направлен в артиллерийскую бригаду, но связь не прекращалась. В мою часть пришло письмо Петрова «Наконец нашел! Рад! Вышел из госпиталя, адрес взял у тебя дома в Москве, опять летаю». Был рад безмерно письму фронтового друга. Вскоре получил от Сергея письмо из госпиталя: «Отлечился и направляюсь в часть». А затем долгое молчание. Делаю запрос и получаю ответ: «Ваш друг и наш боевой товарищ, майор Сергей Иванович Петров не вернулся с боевого задания». Это горестное сообщение и все другие письма Сергея Петрова вместе с его фотографией я храню как вечную память о боевом друге, замечательном человеке, воине и патриоте.

«Нарком» связи

Так мы называли нашу милую миниатюрную партизанскую радистку Шуру Воронину, если можно так сказать, - одну из важнейших боевых единиц партизанского соединения. А это - постоянная связь с «Большой землей», с Центром, своевременный прием транспорта и, самое главное, немедленная передача разведданных, так необходимых для действующей армии. Не случайно Шура и ее рация «Белка» оберегались самым ответственным образом. Ее «охранниками» были такие широко известные, прославившиеся в партизанской среде личности, как Федор Старцев, Зиненко, Петр Мурзин.

Отдельная землянка с радиостанцией, где находилась Шура, была пристроена к штабному блиндажу и замаскирована особым покрытием. Во время передвижения бригады, боев и других боевых мероприятий Шуру сажали на плечи Василия Зиненко, а Федор и Пётр с автоматами шли как охрана. Приказ им был такой: «Головой отвечаете за рацию!», они это твердо помнили.

По распределению обязанностей по штабу Шура подчинялась только командиру бригады и начальнику штаба. Однако и для меня она выполняла очень важную работу. Шура постоянно принимала по рации сводки Информбюро, передавала мне, а дальше, через нашу типографию, мы

печатали листовки для населения. Такая работа была сродни боевым операциям.

Народ, находившийся «под немцами», всегда знал, что враг будет разбит. Помню, с какой радостью Шура передала мне сообщение о разгроме врага на Курской дуге. Ведь она в свое время передала необходимые данные в штаб Западного фронта о подготовке немцев к наступлению в этом направлении. Эти очень важные данные добыла наша разведгруппа «Андрей».

С большой радостью принимали мы сообщения с благодарностями за нашу работу и о награждениях... А впервые с Шурой я познакомился в Москве на Ходынском аэродроме в 1942 году. По вызову мы были в Москве и на самолете Сергея Петрова возвращались в расположение бригады. Перед самым вылетом на аэродром привезли двух девочек-комсомолок, закончивших курсы разведчиц-радисток. Одна из них направлялась в Клетню. Шура настоятельно просилась только к нам. Пришлось удовлетворить ее просьбу. А дальше совместная работа.

Лишения и трудности не испугали эту девушку из Подмосковья. Она стала нашей помощницей до последних дней действия бригады. В сентябре 1943 года пути наши разошлись. Шура до конца войны работала военной радисткой, а после ее окончания продолжала службу в Красноярске. Вернулась в Москву, поселилась в Томилино. Первым делом, как она говорила, ей захотелось найти меня и других боевых друзей. Вместе с ней мы это сделали. Не могу забыть с какой душевностью отнеслась она к поиску Андрея Сизова, как много, приехав в Калининград, помогла она Василию Зиненко, когда тот был очень болен. Много внимания оказала и Федору Старцеву. Неожиданно узнаю, что Шура умирает. Успеваю в Люберцы. Да, эта прекрасная женщина-патриотка уходила из жизни. Она успела попрощаться со мной и просила не оставить без внимания ее дочерей. Я дал ей слово, и эти прекрасные женщины, и их семьи сегодня самые дорогие и близкие для меня люди. Жизнь их достойна памяти их матери Александры Ворониной (Копачевской). И всегда, когда мы собираемся в День Победы, имя Шуры-радистки вспоминается как имя достойного человека, большой патриотки Родины. Очень хочется, чтобы рогнединцы знали это имя в числе тех, кто

освобождал Брянскую землю от врага. А в сердцах друзей она останется навсегда.

Главный диверсант

Так называли в партизанском соединении (Рогнединской бригаде) Володю Климова. Таковым он и был по своему назначению. В. Климов был начальником диверсионной службы. Иначе говоря, все, что проводилось в этом плане в партизанских батальонах: подрыв эшелонов, минирование дорог, других вражеских объектов осуществлялось под его руководством. Работа сложная, точная, требующая большого профессионализма и риска.

Вопрос о создании такой спецслужбы возник у нас после «Беловской эпопеи» и боев в Раменной даче. Оправляясь от понесенных потерь, залечивая раны, пополняя батальоны личным составом, важно было не прекращать нанесение урона врагу. С этой целью более подходящего метода, чем диверсия трудно было придумать.

Задумка командования партизанской дивизии была одобрена армейским штабом Западного фронта. Не случайно вскоре Всесоюзным штабом партизанского движения повсеместно была проведена операция «железка». Во всех вражеских тылах прозвучали взрывы на дорогах, в результате чего фашисты понесли большие потери. Когда мы задумывали это дело, встал вопрос, где взять для службы в 3-ю стрелковую дивизию специалиста? И он нашелся. Это был командир разведроты 330-й СД В. Климов. Кто он? Володя Климов - бывший беспризорник, воспитанник полка, а затем курсант военного училища.

Пришел к нам совсем юным, когда формировалась 330-я СД. Юнец этот вскоре оказался одаренным воином, прекрасно знающим различные вооружения, а главное - подрывное дело. Наверное сама природа наградила его этим редким даром. В короткий срок он научил наших разведчиков подрывному делу. С трудом добились мы появления Владимира в партизанской дивизии. Мне, правда, и до этого приходилось контактировать с ним. Он из Кирова переводил через линию фронта диверсионные группы и разведчиков. В частности, в середине марта 1942 года, Климов перевел направляющуюся в глубокий

тыл врага группу разведчика, будущего Героя России Ю. Колесникова.

Последний рейд Климова из Кирова пришелся на тот момент, когда немцы перекрыли так называемый «коридор». Ночью группа столкнулась с засадой. Враг не успел открыть огонь и только окликнул наших разведчиков. Климов успешно вышел из этого положения, спас людей и тех, кого вел в тыл врага. Не забуду еще один случай из боевой жизни. Канун нового 1942 года. Бои за деревню Береговая под Белевом - сильно укрепленный опорный пункт противника, расположенный на высоте. Армия несет большие потери. Перед группой разведчиков Климова разведотдел 10-й армии ставит задачу; скрытно войти в деревню и взорвать дома, где засели немцы, создав этим панику. Вместе с Климовым в этой операции участвовал и майор С. Фомин. В дальнейшем мы его знали, как отважного генерала, участника штурма Берлина.

Все в этой операции получилось как нельзя лучше. Осажденные в Береговой немцы были обескуражены и стали неорганизованно отступать, а в Береговую после многих дней битвы вошли полки 330-й дивизии. Путь на Белев и дальше был открыт. А потом был город Белев, уличные бои, в которых разведчики уничтожают огневые точки. Климов ранен. Он заползает в подворотню одного из домов и вдруг видит, как в санях, погоняя лошадь, едет немец. Володя прицеливается, убивает немца, заводит лошадь, которая, к счастью, не испугалась, во двор.

Лошадь-то была наша, русская и, наверное, поняла, что лейтенант Климов ее друг. Когда после боя мы нашли раненого Климова и раскрыли сани, то увидели, что вез немец. В них был набор закусок и напитков к новому году. Этим мы и отметили встречу 1942 года. В госпиталь Климов не лег. Лечил его наш фельдшер Д. Подьячев. Вместе с разведчиками в числе первых в Киров вошел и Климов. Володя всех нас радовал. Он был смелым и отважным офицером, получившим первым в дивизии медаль «За отвагу». Почему такая награда не знаю, но командование так решило. Ведь в 1941-м наградами не радовали. Вот таким был Климов.

Таким же лихим парнем он потом возглавил диверсионное дело в партизанской дивизии. Много было операций и разных. Могу привести данные из официальных документов,

хранящихся в Смоленском архиве 3-ей партизанской дивизии (Рогнединская партизанская бригада) спущено под откос 130 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, выведено из строя 127 паровозов и 1484 вагона. Взорвано более 30 километров железнодорожного полотна, 32 моста, 22 склада, 432 автомашины, 83 танка, 37 орудий. Убито 9582 немецких солдата и офицера, более 4000 ранено. Большая доля здесь тех ребят, что работали с В. Климовым.

Распрощались мы с Володей в сентябре 1943 года. Я ушел в отдел кадров Западного фронта, а он в резерв для нового назначения. Могу только сказать, что предлагали Климову учебу в Разведакадемии. Помню, как прощаясь, он сказал мне: «Я - воспитанник армии и буду воевать до Победы!»

В Белоруссии Владимир был тяжело ранен, подлежал демобилизации, но остался служить строевым офицером в Харьковском летном училище. Там мы с ним встретились, а еще раз в Кременчуге, где он уже служил в вертолетном училище. Все ж демобилизовался на гражданку, устроился диспетчером завода «КРАЗа». Живет сейчас в Кременчуге. Отец прелестных детей. Приезжал в Москву на встречи. Ну, а теперь шлет поздравления к Дню Победы. Очень хочу, чтобы жители Брянщины знали об этом патриоте и отважном разведчике, отдавшем немало сил для освобождения Брянской земли.

Генералы разведки

С радостью могу сообщить, что в жизни мне довелось повстречать немало незаурядных личностей, и всякий раз при этом удивлялся их оптимизму, честности, смелости и преданности Родине. Горжусь этой дружбой. Сергей Антонович Фомин - один из них. С ним мы встретились впервые зимой 1941 года в сложнейшей обстановке в боях под городом Белевом. Стояли сильнейшие морозы, враг укрепился на востоке деревни Береговая. Наши несут большие потери, развернувшееся наступление срывается. Задача, поставленная командованием, невыполнима.

Неожиданно в расположении разведроты 330-й стрелковой дивизии появляется майор Фомин из штаба разведотдела 10-й армии: «Перед вами задача: скрытно пройти в деревню

Береговая, где группа разведчиков должна своими действиями создать обстановку неожиданного наступления и прорыва наших войск».

Откровенно говоря, командир роты и я не представляли, как можно осуществить такую операцию. Майор Фомин подробно изложил свой план действия. «Весь расчет, - сказал он, - строиться на том, что немцы уже обессилены и от неожиданного удара могут растеряться, посеяв в своих рядах панику. И в этом мы должны им помочь».

Возглавив взвод лейтенанта Климова, ночью майор Фомин с разведчиками находят проход в обороне врага, просачиваются в Береговую. Вскоре по ракетному сигналу в этот проход устремляется вся разведрота. Разведчики забрасывают дома, где засели гитлеровцы, гранатами, сея в их рядах панику, и в конечном итоге достигают своей цели. Подумав, что оборона прорвана, враг оставил Береговую и отошел к Белеву. Путь для нашей дивизии был открыт.

А дальше и в Белеве мы применили эту же тактику, и здесь разведрота сыграла решающую роль в уличных боях. По прошествии времени как-то еще более отчетливо представляешь - до чего же лиха была задумка! К сожалению, больше с Фоминым нам встретиться не пришлось, но все разведчики знали, что он наш куратор и друг. От него мы всегда получали поддержку, особенно когда находились в составе партизанской дивизии. На нем, как я узнал, лежало обеспечение партизан оружием, боеприпасами и всем необходимым. Прилетают самолеты, а с ними и привет от Фомина. Немалая его роль в выводе из рейда по тылам противника на «Большую землю» конников генерала Белова и десантников. Спецгруппа под командованием майора Фомина встречала их на последнем этапе похода в очень сложных условиях перехода линии фронта. Дальше пути наши разошлись. Полковник, а затем генерал С.А. Фомин, будучи начальником разведки танкового корпуса, штурмовал Берлин, был ранен, но остался в строю.

Сбылась его давняя мечта сфотографироваться у стен поверженного Рейхстага. Сергей Антонович в дальнейшем занимал высокие генеральские должности, последняя из них - начальник отдела разведки штаба Московского Военного Округа. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени. Возвратившись после демобилизации в Москву, я с радостью

встретил Сергея Антоновича. Дружба наша продолжалась до последних дней его жизни. Ни одна встреча друзей-ветеранов не проходила без его активного участия. Генерал с академическим образованием, он многое сделал в передаче опыта молодым офицерам разведки.

Генерал разведки Виталий Александрович Никольский. Жизнь этого прекрасного и очень достойного человека заслуживает особой оценки. В 1941-1942 годах заместитель начальника разведотдела штаба 10-й армии. В.А. Никольский был непосредственно связан с Брянским, Смоленским и Калужским подпольем, он ведал всей агентурной разведкой. Это он формировал и внедрял на оккупированной территории разведгруппы и диверсионные подразделения, в том числе К. Поварова и А. Морозовой в Сеще, К. Мельникова и В. Воронова в Кирове. Находясь в Кирове, после его освобождения в январе 1942 года, он обеспечивал выход в тыл врага разведчиков: небезызвестные группы «Андрей», «Аркадий»; Антона Шалаева (Героя Советского Союза), Зинаиды Чибисовой и многих других.

Впоследствии агентура Никольского работала в Польше. Могу назвать фамилии этих отважных людей: А. Трубецкой, Н. Кортакова, И. Позняк, И. Колос, А. Павлова, А. Семенова. В битве на Курской дуге, в других крупных сражениях Великой Отечественной войны огромную роль сыграли разведданные «людей Никольского». Можно без преувеличения сказать, что В.А. Никольский в 10-й армии был одним из лучших представителей ГРУ Генштаба. После Победы занимал ответственную должность в военной миссии в Австрии, затем – военным атташе в Швеции. В связи с делом Пеньковского служба его была прекращена.

Ну, а дальше - преподавательская деятельность в разведакадемии Генштаба и литературная деятельность. Его книга «Аквариум - 2», раскрывает очень важные стороны армейской разведки. Почетный ветеран ГРУ, он активно участвует в жизни наших ветеранов. Не перечислить его добрых дел и его учеников. В жизни Виталий Александрович большой души человек. Пожалуй, не хватит слов, чтобы перечислить его достоинства.

Могу, однако, сказать то, что говорили мы, его друзья - это святой человек. Виталии Александрович не терпит обмана,

несправедливости, бездушия. Время не щадит никого. В 2002 году Виталию Александровичу исполнилось 92 года. Жил в Москве. Его жизнь - пример для подражания.

Колесов Афанасий Георгиевич, полковник, начальник разведотдела 10-й армии - генерал во всех отношениях, но почему-то по воле судьбы оказавшийся вне этого звания. А был в одной связке с Фоминым, Никольским и другими его подчиненными по разведотделу штаба 10-й армии. Своими успехами разведка 10-й армии обязана, прежде всего, ему. Для нас он был - «первый». Волевой, отважный, образованный офицер - академик. В 30-х годах служил на Дальнем Востоке, участвовал в боях с японцами на озере Хасан.

После окончания академии им. Фрунзе служил в ГРУ РККА начальником спецотделения, помощником генерала Голикова. С октября 1941 по апрель 1944 года - начальник разведотдела 10-й армии. Руководил разведывательными операциями против немецких войск в Кировском, Рогнединском, Рославльском и других районах. Далее был заместителем начальника разведуправления 2-го Белорусского фронта (1944 г.), начальником отдела по репатриации советских граждан во Франции (1944-1947гг.). Закончил Военную академию Генштаба (1949 г.). Затем служил начальником штаба дивизии, заместителем начальника штаба армии в Приморском крае, на Курилах, в Молдавии (1949-1960гг.). С 1960 года в запасе. Он был отмечен многими наградами: орденами Ленина, Красного Знамени (3), Красной Звезды (2), Отечественной войны 1 ст. (2), медалями. В нашей дружной компании разведчиков, на всех встречах, он в звании полковника был выше всех генералов бывших его подчиненных, да и нас, его учеников. Здесь он был тот самый «первый», мы высоко ценили его достоинства и дружбу. Мог еще сделать много хорошего, но рано ушел из жизни. Похоронен в Москве.

В числе наград, полученных мною в годы войны, значатся: орден Боевого Красного Знамени, три ордена Отечественной войны, из которых два 1-й степени; орден Красной Звезды, около 20 медалей. И все же одна из них – партизана Великой Отечественной войны, приравниваемая фронтовиками к ордену, особенно дорога мне.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Коняхин Николай Николаевич****, студент 1-го курса Московского авиационного института*

Романов Александр Константинович

Под гром всех видов оружия мы прощались с экипажем затонувшего танка у стен Рейхстага

Я родился 9 июня 1924 года в селе Монаенки Арсеньевского района Тульской области. Русский, православный, член КПСС с X-1953 по IX-1991 гг., состоял членом общественной организации ВЛКСМ с 1941 по 1953 год.

Я до войны окончил в 1941 году 10 классов Арсеньевской средней школы Тульской области.

О начале Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. узнал на выпускном вечере, после окончания средней школы в поселке Арсеньево, в июне 1941 года.

В марте 1944 года с дипломом отличника, окончил Орловское ордена Ленина Краснознаменное танковое училище с присвоением воинского звания «младший лейтенант» приказом командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии (БТ и МВ) № 0104 от 8 марта 1944 года.

Далее в июне 1958 года окончил центральные ордена Ленина, Краснознаменные офицерские курсы «Выстрел» имени маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, по курсу войсковой разведки.

В июле 1963 года окончил отделение оперативной разведки при Военно-дипломатической академии Советской Армии.

На действительную военную службу поступил по призыву Арсеньевским райвоенкоматом Тульской области 9 июня 1942 года и направлен для прохождения службы в 18-й армейский запасной стрелковый полк 3-й армии Брянского фронта, который после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, дислоцировался в районе станции Горбачево Плавского района Тульской области.

После окончания обучения в 18-м АЗСП и присвоении воинского звания «младший сержант» вместе с маршевой ротой пополнения прибыл 17 сентября 1942 года на передовую, линия фронта которой проходила по реке Зуша в районе города Мценска Орловской области.

При распределении маршевой роты пополнения, приказом командира полка я был назначен командиром стрелкового отделения, 1-го стрелкового батальона, 336-го стрелкового полка, 5-й стрелковой дивизии, 3-й армии Брянского фронта (Орловское направление).

Первое боевое крещение получил уже в октябре месяце 1942 года, когда в составе усиленного батальона участвовал в разведке – боем огневых средств и оборонительных сооружений противника, находившихся на противоположном берегу реки Зуша, в дальнейшем до января 1943 года, участвовал в ряде оборонительных боев местного значения на том же участке фронта.

Далее следует перерыв в боевых действиях, в связи с учебой в Орловском танковом училище. После окончания училища в марте 1944 года и получения личного состава и техники во 2-м запасном танковом полку города Нижний Тагил, Уральский военный округ, прибыл с пополнением в действующую армию в 267-й танковый батальон 23-й танковой бригады 9-го отдельного танкового корпуса. В составе этого соединения боевой путь проходил по освобождению территорий Белорусской ССР, Польши и Германии; освобождал города: Бобруйск (26.6.1944 г.), Барановичи (8.07.1944 г.), Слоним (10.7.1944г.), Радом (16.01.1945 г.), Лодзь (19.01.1945), Варта (20.01.1945), Калиш (22.01.1945), Реетц (19.02.1945), Штаргард (06.03.1945), Альтдамм (17.03.1945), Кунерсдорф

(18.04.1945), Бух и Каров (20.04.1945), Берлин (21.04.1945). Участвовал во взятии Рейхстага (29.04.1945).

Военные боевые действия закончил 2 мая 1945 года, в городе Берлине, при штурме Рейхстага в составе 9-го отдельного Бобруйско-Берлинского, Краснознаменного ордена Суворова 2-й степени танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Кириченко И.Ф., 23-й Глуховско-Речицкой Краснознаменной ордена Ленина и ордена Суворова 2-й степени танковой бригады под командованием полковника Кузнецова С.В. в воинском звании «лейтенант» и занимаемой должности командира танкового взвода 267-го танкового батальона.

При ведении разведки противника 16 февраля 1945 года получил контузию и первое легкое огнестрельное ранение мягких тканей задней поверхности шеи и правой височной области. Лечение проходил при медсанроте 23-й танковой бригады, войсковое соединение не покидал.

Второе легкое осколочное ранение задней поверхности грудной клетки слева получил 19 апреля 1945 года, действуя в разведдозоре в районе пригорода г. Берлина - городе Бух. Ранение было не опасным для жизни и позволило выполнять боевые задания командования по ведению разведки в городе Берлине и принять участие в штурме Рейхстага, не покидая своего подразделения. Постоянная медицинская помощь оказывалась в медсанроте бригады. Инвалид войны 2-й группы.

В дальнейшем военную службу проходил в том же соединении в составе Группы Советских войск в Германии до января 1950 г., после чего по замене прибыл для прохождения дальнейшей военной службы в Белорусский военный округ, на должностях войсковой разведки: в разведывательном батальоне, начальником разведки танкового полка, старшим помощником начальника разведки танковой дивизии.

В июле 1963 года переведен в ордена Ленина Московский военный округ, где проходил службу командиром отряда бригады специального назначения, старшим офицером разведывательного отдела штаба Московского военного округа.

Уволен с действительной военной службы в запас по статье 59 пункт «А» по возрасту с правом ношения военной формы одежды приказом Министра Обороны СССР № 01010 от 06.10.1975 г. в воинском звании полковник.

Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени № 133136 приказом командира 9 отдельного Бобруйского Краснознаменного танкового корпуса № 011/н от 29.07.1944 г. генерал-майора Воейкова Н.И.

Вручение ордена состоялось в перерыве между боями в районе города Брест в августе 1944 года командиром 23-й танковой бригады подполковником Бойко Константином Илларионовичем.

Награжден за умелые боевые действия в войсковой разведке и проявленные мужество, и героизм при выполнении приказов командования по освобождению городов и населенных пунктов от немецко-фашистских захватчиков: Старцы, Осиповичи, Свислочь, Самохваловичи, Бол. Жуховичи, Барановичи, Слоним, Ружаны, Пружаны. Взаимодействие с Белорусскими партизанами, выявление сосредоточения войск противника, его огневых средств, танков, артиллерии, минированных участков местности, мостов и переправ через водные преграды на маршрутах выдвижения бригады и корпуса в Белорусской операции «Багратион».

Так, в одном из боевых эпизодов, действуя в отдельном разведывательном дозоре (ОРД), мой танковый взвод усиленный двумя СУ-76 в июне 1944 года в районе населенного пункта Бол. Жуховичи попал в засаду, устроенную немцами на маршруте выдвижения бригады. Немцы открыли огонь по дозору из самоходных установок «Артштурм», условия местности не позволили уклониться от огневого боя с тем, чтобы обойти очаг сопротивления и продолжать выполнять разведывательные задачи. Доложив по радио в штаб бригады об обнаружении засады, принял огневой бой, в результате боя засада была уничтожена, две самоходки противника были сожжены и до 10 солдат убиты.

Но и мы понесли потери, в топливный бак командирского танка попал снаряд, и танк загорелся. Погасить огонь в моторном отделении не удалось, и пока не возникла опасность взрыва горючего и боеприпасов, экипаж мужественно вел огонь из орудия и пулеметов по врагу, но когда огонь достиг боевого отделения, я приказал экипажу покинуть танк, экипаж спасся, не имея потерь. Это была первая моя потеря боевой машины. Вскоре экипаж получил другой танк, вышедший из ремонта.

Предстояло решать новые разведывательные задачи, терять технику и боевых друзей при этом.

Вторым орденом Отечественной войны 1-й степени № 501737 награжден указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года. Указ подписал секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменовании 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Орден вручен представителем Кировского РВК г. Москвы 5 мая 1985 года на торжественном собрании, посвященном сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, полковником Четвериковым.

Орденом Красного Знамени № 203161 награжден приказом Командующего бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом т/в Орел Г.Н. № 9/н от 09.02.1945 г.

Орден вручил в перерыве между боями 10 марта 1945 года в районе города Розенгартем, командир 23-й танковой бригады полковник Кузнецов Семен Васильевич.

Награжден за самоотверженные и активные действия по ведению войсковой разведки в танковых частях при освобождении польских городов, прорыве обороны немцев на западном берегу реки Вислы, взятии городов Радом, Лодзь, Жешув, Калиш, форсировании реки Варта и захвате небольшого плацдарма на западном ее берегу, что обеспечило выполнение боевой задачи 23-й танковой бригаде.

В одном из эпизодов Висло-Одерской операции следует упомянуть, что после освобождения города Лодзь мне была поставлена дальнейшая задача ведения разведки в направлении города Варта. При достижении разведдозором ближайших подступов к городу, противник открыл шквальный орудийно-минометный огонь, мосты через реку Варта были взорваны. Доложив об обстановке в штаб бригады, получил задание разведать пути обхода узлов сопротивления противника и броды для форсирования реки Варта танками бригады. Пути обхода и брод были найдены, но не были известны глубина брода, грунт дна реки и наличие мин на противоположном берегу, которые бы обеспечивали продвижение танков. Брод

прикрывался небольшой группой немцев, и как только прозвучали первые очереди из пулемета и автоматов, противник был уничтожен огнем танков.

Первым из добровольцев разведать брод и выход из него, оказался механик-водитель командирского танка Т-34, старший сержант Полежаев Николай Сергеевич.

Был январь месяц, и по реке плыли первые льдины. В полной экипировке танкиста: в сапогах, комбинезоне, танковом шлеме Николай Полежаев смело вошел в ледяную воду, раздвигая руками льдины и измеряя шестом глубину реки, которая доходила ему по грудь, он дошел до противоположного берега. Признаков минирования берега не было. Возвратясь и сменив обувь и одежду, сел за рычаги танка и первым форсировал реку Варту. Путь для продвижения танков бригады был свободен. За совершенный героический поступок и другие боевые эпизоды при действиях в разведке в составе экипажа командованием корпуса представлен к награждению.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.02.1945 года ему присвоено звание Герой Советского Союза.

Справка: старшина Полежаев Николай Сергеевич 1921 года рождения, уроженец поселка Полевской Свердловской области, участник парада Победы 1945 года в городе Москве. Умер 22.06.1974 г.

Другой эпизод из ведения боевых действий с Померанской группировкой немцев. После боев в Польше, корпус получил небольшую передышку для приведения в порядок вооружения, техники и отдыха личного состава, но уже в 15-х числах февраля 1945 года я был вызван в штаб бригады и получил задачу по разведке маршрута выдвижения войск в направлении города Реетц.

Мой танковый взвод, усиленный отделением автоматчиков и двумя самоходками СУ-100, в ночь выступил на разведку маршрута и в рассветных сумерках утра встретил отходящую пехоту, впереди шел сильный бой, немцы атаковали наши стрелковые подразделения.

Я по радио доложил, что встретил отходящие наши пехотные подразделения, и что до города Реетц не дошел несколько километров, в ответ получил указание прекратить движение, укрыться и вести разведку наблюдением до подхода главных сил бригады.

С подходом главных сил корпуса обстановка стабилизировалась, встретив сопротивление войск, немцы стали окапываться. Для продолжения наступления командование приняло решение, на участке обороны 23-й танковой бригады, для уточнения обороны противника, его огневых средств, танков, артиллерии, резервов, провести разведку боем.

Для проведения разведки боем был выделен мой танковый взвод, усиленный двумя самоходками СУ-100 и тяжелым танком ИС-2. После короткой артиллерийской подготовки по установленному сигналу танки, развернутые в боевой порядок, сходу ведя огонь по ожившим целям, на большой скорости устремились вперед, атаку поддерживали огнем СУ-100 и ИС-2 из второго эшелона. Атака развивалась успешно, преодолено более километра обороны противника, горит самоходка «Артштурм» разбиты две противотанковые пушки, пулеметным огнем уничтожается пехота, однако огонь противотанковых средств противника усиливается. Даю команду маневрировать, используя складки местности. Снаряды взрывают землю впереди, сзади машины. Вдруг страшный взрыв и огонь в танке, экипаж с ранениями различной тяжести покинул танк, кроме механика-водителя, который погиб на месте, меня контуженного и неспособного двигаться подобрали санитары.

Это был второй сгоревший танк под моим командованием. Остальные танки взвода так же были подбиты и сожжены. От прямого попадания снаряда, башня ИС-2 раскололась надвое. С сожалением приходиться принимать невозвратные потери в людях и технике, из-за запоздалого обнаружения на командном пункте бригады, окопанную и замаскированную самоходку «Фердинанд», на фланге нашей атаки. Она была уничтожена, но сделала свое черное дело. Я не указал фамилии танкистов, так как после истечения такого продолжительного времени от данного события многое стерлось в памяти. Город Реетц был взят 19.02.1945 года.

Впереди предстояли бои за города Штаргард и Альтдамм.

Вторым орденом Красного Знамени (№ 289503) награжден приказом Командующего 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова В.И. № 086/н от 13.05.1945 г.

Орден вручил после окончания боев в городе Берлине в мае 1945 года командир 23-й танковой бригады полковник Кузнецов Семен Васильевич. Награжден за умелые действия

при ведении разведки в крупном городе, в числе первых форсировал реку Шпрее и участие в штурме Рейхстага.

В боях на подступах к городу Берлину мой взвод, усиленный отделением автоматчиков, в качестве отдельного разведывательного дозора в пригороде г. Бух обнаружил лагерь угнанных в немецкое рабство русских, украинцев, поляков, чехов и многих других национальностей, принятым решением, огнем танков и гусеницами уничтожена охрана, невольники были освобождены.

Впереди был город Берлин. Бои были трудными, все перекрестки простреливались. Против танков применялись даже зенитные пушки. Солдаты вермахта, оснащенные кумулятивными противотанковыми реактивными снарядами «фауст-патронами», представлявшие большую угрозу для танков, поэтому автоматчики десантом на броне оказывали большую помощь танкистам в обнаружении и уничтожении «фаустников», которые обстреливали танки из слуховых окон подвалов, чердаков, верхних этажей зданий и других укрытий.

Продолжая вести разведку ОРД, вышел к реке Шпрее у моста Мольтке и в числе первых форсировал ее.

29 апреля 1945 года я был вызван на КП командира 150-й СД генерал-майора В.М. Шатилова, где получил задачу, огнем танков поддержать штурмующий Рейхстаг, батальон капитана С.А. Неустроева и ст. лейтенанта К.Я. Самсонова. Генерал сказал: «Ну, танкист, смотри, не подведи, обеспечь продвижение пехоты огнем танков. Не допустить огневой поддержки противника со стороны Тиргартена и Бранденбургских ворот».

Для выполнения задачи необходимо было выдвинуться как можно ближе к Рейхстагу. Одним из препятствий стал противотанковый ров и карьер от строящегося метро у рейхстага, заполненные водой из реки Шпрее.

Через них были наведены временные мосты на металлических балках и прикрыты досками.

Один из танков, для улучшения сектора обстрела, направился к одному из мостов, но, снизив скорость, медленно стал преодолевать мост. Балки не выдержали, и танк рухнул в ров днищем вверх. Экипаж не смог покинуть затонувший танк через аварийный люк. Несмотря на потери в людях и технике, танкисты выполнили поставленные задачи. 3 мая 23-я танковая

бригада 9-го отдельного танкового корпуса была выведена из Берлина в пригород Веддинг, где и встретили Победу, под гром всех видов оружия мы прощались с экипажем затонувшего танка у стен Рейхстага.

Такими остались в моей памяти бои последних дней Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Командованием 9-го отдельного танкового корпуса я был представлен к награждению за боевые действия в Берлинской операции и присвоения звания Герой Советского Союза, однако по не вполне известным причинам награда была заменена на второй орден Красного Знамени, о чем свидетельствуют аттестационные материалы личного дела.

Кроме этого, награжден медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу на пожаре», «За воинскую доблесть в ознаменование 100-я со дня рождения В.И. Ленина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «20 лет Победы», «25 лет Победы», «30 лет Победы», «40 лет Победы», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Медали:

- Жукова
- «За взятие Берлина»
- «За освобождение Варшавы»
- «Ветеран Вооруженных сил»
- «XXX лет Советской Армии и Флота»
- 40, 50, 60, 70 лет Вооруженных сил СССР
- В память 800-летия Москвы
- В память 850-летия Москвы
- За безупречную службу 1-й и 2-й степени

Объявлены 17 благодарностей Верховным Главнокомандующим Сталиным И.В. за боевые действия в боях от г. Бобруйска до г. Берлина.

Погибших в войне родственников - нет. Осталась после войны жива мать Романова (Успенская) Ольга Владимировна 1883 года рождения, заслуженная учительница Российской Федерации с пятидесятилетним стажем работы, награжденная орденом «Ленина» № 139942 и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Опубликованы мои статьи:

- участника боев в Берлине и штурме рейхстага, опубликованная в сборнике под названием «За нашу Советскую

Родину» под редакцией члена Военного Совета 1-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта Попель Н.К. Воениздат МО СССР Москва 1946 г. Статья называлась «Бои в Берлине и штурм рейхстага», автор А. Романов.

- о боях в Берлине и штурме рейхстага в книге документальных повествований Бориса Петровича Вольхина «Победа шагала на запад», отпечатано в ГИПП «Алтай» г. Барнаул, ул. Короленко, 105, 2003 год. Страница 288-289.

Обо мне есть упоминания в других публикациях. Отмечен в многотомном издании «История Второй мировой войны 1939-1945 гг.». В 12 томах под председательством Д.Ф. Устинова Воениздат МО СССР, Москва 1979 г. Том №10 «Завершение разгрома фашистской Германии», глава 3, страница 341.

«…29 апреля бои за рейхстаг начали войска 3-й Ударной армии. Задача по овладению зданием рейхстага была возложена на 79-й стрелковый корпус генерал-майора Переверткина С.Н…»

«…Вместе со стрелковыми подразделениями рейхстаг штурмовали доблестные танкисты 23-й танковой бригады. Прославили свои имена командиры танковых батальонов майор И.Л. Ярцев и капитан С.В. Красовский, командир танковой роты старший лейтенант П.Е. Нуждин, командир танкового взвода лейтенант А.К. Романов. Помощник командира разведывательного взвода старший сержант Капустин Н.В., командир танка старший лейтенант А.Г. Гаганов, механик-водитель старший сержант П.Е. Лавров, старшина И.Н. Клетной, наводчик орудия старший сержант М.Г. Лукьянов и многие другие…».

23-я танковая бригада была придана 79-у стрелковому корпусу для взаимодействия по выполнению задачи овладения Рейхстагом.

Старший лейтенант Гаганов Алексей Григорьевич 1923 года рождения, командир танка 267-го танкового батальона 23-й танковой бригады отличился 17.04-30.04.1945 в боях на подступах к Берлину, и в самом городе. Подбил два танка, 5 самоходок, 9 орудий разного калибра, уничтожил 11 пулеметов, 13 автомашин, 3 тягача. Поддерживал группу, участвующую в штурме рейхстага. Несмотря на ранение, остался в бою. Звание Герой Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

Младший лейтенант Конев Павел Федорович 1925 года рождения. Отличился 20.01.1945 г., когда на плечах противника форсировал реку Варта, захватил и удерживал переправу, обеспечивая движение бригады. Уничтожил 3 орудия, 60 гитлеровцев. Звание Герой Советского Союза присвоено 27.02.1945 г. Погиб 05.03.1945 г.

Сержант Чудайкин Владимир Иванович 1925 года рождения. Смело и решительно действовал в бою при штурме рейхстага. Танк сержанта Чудайкина двигался впереди пехоты и беспрерывно вел огонь по вражеским огневым точкам в рейхстаге, обеспечивая атаку пехоте. В ходе боя помог соседнему танку погасить пожар. Был ранен. Звание Герой Советского Союза присвоено 31.05.1945 г.

Так в сентябре 1944 года в корпусе были проведены военно-физкультурные соревнования, первые места по бегу на 100 метров, прыжках в высоту и в длину завоевал майор Сергеев, по бегу на 1000 метров - лейтенант Попов М.М. 23-й танковой бригады. На армейских военно-физкультурных соревнованиях 2-й танковой армии отличились воины 9-го отдельного танкового корпуса – старший лейтенант Дойников И.М., старшина Дуванов Г.К., сержант Ракилев Ю.Ф., лейтенант Попов М.М., сержант Дорошев А.И. Все они были награждены грамотами Военного Совета Армии 12.10.1944 г.

В часы свободные от обслуживания вооружения и техники исполнялись песни советских композиторов: «Землянка», «В лесу прифронтовом», «Три танкиста» и многие другие.

Спецкор корпусной многотиражки «За победу» поэт Михаил Светлов написал песню «разведбатальона», ее пели на мотив «Каховка», а для танкистов про поющий экипаж танка, которая начинается словами:

На башню танка сел радист
веселый как огонь
и как заправский гармонист
подругу взял гармонь.
Легко прошел по голосам,
Притронулся к басам,
И заиграл веселый вальс
Товарищам – бойцам.
Его услышав, люк открыл
Механик и запел,

Ему ответил командир,

Башнер ему подпел…

Текст не окончен, забыты строки песни, но ее напевали на мотив песни «В лесу прифронтовом». Ее исполняли по радио и телевидению ко Дню Победы, ко дню танкистов. Желательно восстановить слова полностью. Возможно, что она и не вошла в сборник стихов М. Светлова.

Май 2004 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Кузютина Евгения Сергеевна,*** *студентка 2-го курса ПУ №5, города Москвы*

Сафронов Сергей Ефимович

Стрелять по крепостям с полузакрытых позиций или прямой наводкой, когда находишься под прицельным огнем

Я родился 25 августа 1920 года в деревне Кузьмино Собинского района Владимирской области. Русский. Христианин, как и мои родители. С 1936 года стал членом ВЛКСМ, с 1944 член КПСС.

До войны, в 1937 году окончил девятый класс средней городской школы №267 города Москвы, а с 1937 по 1938 гг. 2-ю артиллерийскую спецшколу. С 1938 по 1940 год учился в 1-м Московском артиллерийском училище, где мне присвоили звание лейтенанта. В то время эта артиллерия была последним образцом дальнобойной техники для уничтожения долговременных сооружений и сверхтяжелых танков и крепостей.

После окончания артиллерийского училища в сентябре 1940 г. был направлен на Дальний Восток в город Биробиджан, где принял командование батареей артполка. В декабре 1940 года был переведен в г. Хабаровск в «столичный» полк тяжелой артиллерии. В результате, к началу войны я стал командиром батареи того же полка под № 1137, в котором проявил свою самостоятельность и с успехом выполнил возложенные на меня задачи.

С июля 1942 года был назначен командиром батареи полковой школы (подготовки младшего комсостава), а с 1943 года стал начальником штаба дивизиона. В связи с ликвидацией Института комиссаров, где я служил до июня 1944 года до завершения программ слушателей 33-го учебного артполка офицерского состава (переучивание на строевой комсостав), был направлен на формирование артиллерийских частей для орудий, купленных на средства офицеров для 1-го Белорусского фронта. Там я и принял командование батареей корпусной артиллерии.

Дело было под городом Брянском, где сформированная мною батарея в начале июля 1944 г. была выдвинута на фронт, Мне присвоили звание ст. лейтенанта. Командовал гвардией полковник Смирнов, дивизией – генерал Курковский.

Первый бой состоялся под городом Калинковичи. Цель сражения - подавление огневой позиции за лесом. После десяти перемещений, батарее то и дело сопутствовала удача, так что, в наступление на утро пошли без противодействия. Уничтожение наблюдательных пунктов на опушках прошло как нельзя лучше.

Благодаря удачному укрытию батареи от контроля противника, потерь с нашей стороны удалось избежать. Новый рывок был сделан на юг, где Люблин был взят с ходу.

Получив оперативный простор, тяжелая артиллерия сбивала врага с рубежей, за которые он цеплялся. К августу мы уже вышли к реке Висла, где в районе Казимежа и Пулавы брали плацдармы и расширяли старые, чтобы подготовиться к Радомской операции, окружению Варшавы. С пехотным начальством, мы, корпусные артиллеристы, не были знакомы. Эта операция была наиболее удачной, так как противникам не дали нигде сосредоточиться и подвезти свои резервы.

Боевой путь - Казимеж, Радом, Лодзь, Пулавы, проходил форсированно под угрозой окружения Варшавской отходящей группировки. Лишь в Познани около трех недель шли бои за взятие крепостей. Севернее, в 20 км от Франкфурта-на-Одере, держались в районе деревни Аренсдорф.

На укрепление плацдарма ушло около месяца. Опора на артиллерийскую подготовку и решающую роль тяжелой артиллерии, плюс неотразимое ослепление врага, все это –

открыло путь к прорыву вглубь и уничтожению их дзотов и дотов.

На поле лежали эсэсовцы в черных мундирах - отступать было некому. Артиллерийский огонь (до 6 км в глубину обороны) клал эсэсовцев кучками и в большом количестве.

С южных берегов Шпреи пришлось уничтожать пехотный заслон из окон многоэтажных домов. Путь нашей пехоты на берег Шпрее, открывал артиллерию фашистов и вынуждал их углубляться в город, где ее поражала наша легкая артиллерия и минометы. Сдача немцев последовала быстро.

Лишь попытка прорыва немцев в Берлин поставила нас, дальнобойщиков, перед дальним огнем вдоль автострады Франкфурт-на-Одере до Магдебурга. На протяжении 25 километров велся беспрерывный огонь по пехоте. Главной задачей было не допустить немцев к Берлину, а рассыпанные на мелкие части группы добивать и отправлять в плен. Взятие Рейхстага авиация и тяжелая артиллерия обеспечивали дружно, не допуская авианалетов на нас.

От Берлина до Магдебурга добивали остатки группы немцев и отправляли в плен, после чего сдавали пехотной группе охраны и высылали на Восток в Сибирь.

За боевые действия в городе Познани - уничтожение дзотов, пулеметных гнезд и долговременных дотов (долговременных огневых точек - железобетонных), я был награжден орденом Красного Знамени.

Под Берлином, на плацдарме реки Одер, я был контужен. Там же, на плацдарме, я был ранен в кость руки, но из боя не выходил, держа руку на повязке и применяя болеутоляющие средства.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени за участие в разных боях с немецко-фашистскими захватчиками (2258673 от 14 III 85 г; 6 № 493363), медалями «за Победу над Германией», «За взятие Берлина» (А№ 483658), «За освобождение Варшавы (№А 466429; 17.01.1945г.), медалями Жукова (№ 0621402-19 II 1996).

Остались в живых после войны отец, мать, брат (капитан-лейтенант подводного флота).

Демобилизован после выезда из Германии в 1946 году с должности начальника штаба дивизиона в звании капитана.

С 1940 года, я уже лейтенант - командир взвода 181-го гаубичного артполка (152-мм калибра), прибыл на Дальний Восток после окончания 1-го Московского артиллерийского училища.

О нападении фашистов узнал будучи на границе с Манчжурией вечером 22 июня 1941 года и вскоре встал на госграницу у городов Иман и Лазо. Боевая готовность полная. Батарея была доукомплектована.

До июня 1944 года служба комбатареи полковой школы подготовки младшего комсостава, а затем резерва артиллерийского училища и переподготовки политсостава на строевой состав.

В июне 1944 года с группой офицеров я отправлен на фронт, где принял командование тяжелой корпусной батареей 125-го пушечного артполка 12-ой артдивизии до конца войны. Это были резервы главного командования. Последние бои за взятие Берлина, Магдебурга, прошли до контрнаступления на Берлин.

Боевой путь от Брянска до Магдебурга изобиловал разными боями, особенностью которых была борьба с батареями противника. Осуществлялось уничтожение долговременных сооружений, взятие крепостей, особенно в г. Познань, где я непосредственно участвовал в разгроме обороны 3-х крепостей «Святая Мария», «Цитадель» и «Западная крепость» Их площадь была до 3 кв. км. Враг с гарнизонами от 3 до 10 тысяч человек был изолирован в них.

Задача тяжелой артиллерии была в том, чтобы без потерь взять эти гарнизоны. Командным составом и мной был придуман метод обрезания водоводов для лишения гарнизонов воды. Особенно это было нужно для оголения фронтов-крепостей от обороны пехотой и легким стрелковым оружием.

Поступали так. С прямой наводки до 1 км дальности (ближе нельзя, ибо враг поражал наши тяжелые пушки) мы подводили пехоту до ближайших от крепости укрытий и открывали огонь по обороняющимся там защитникам. Взрывы снарядов над крепостной стеной достигали высоты 10-20 м. Они, чтобы поразить пехоту, убивали, наносили серьезные ранения, а некоторых, пораженных волной от взрывов, просто сбрасывали с настилов.

Мы оголяли от вражеской пехоты крепости, а в это время наша пехота с помощью «кошек» зацеплялась за верх крепости и взбиралась на стену, которую враг уже не оборонял. Так четырежды нам удавалось сбивать оборону крепостей, и, взобравшись на стены, вынуждать гарнизоны сдаваться. Названный способ так ускорил взятие крепостей с гарнизонами, что к 23 февраля 1945 года город Познань, ключевой город в обороне, был взят. После следовал захват плацдарма за рекой Одер в 60 км от Берлина, и велась подготовка последнего решающего наступления на Берлин (26 апреля 1945 года).

При наступлении на Берлин, мы форсировали реку Шпрее и проникали во внутрь города, а оборону в высотных 5-7-этажных домах тяжелые пушечные батареи уничтожали (разрушали).

Эффект от разрывов снарядов моих пушек был такой, что в радиусе 30-50 метров пехота бросала оружие. Она была парализована, чем обеспечивался быстрый прорыв нашей пехоты. Такая тактика была эффективна во многих боях в Берлине и его окрестностях.

Перед окончанием берлинских боев, был пройден путь через города Калинковичи, Бело Коровичи, Люблин, Радом, Лодзь, Познань, т.е. через узлы сопротивления врага. Форсированы два плацдарма рек: Висла и Одер. Направление Радом-Лодзь угрожало отсечением и окружением немецких войск.

В ядро наступающей группировки войск, входил и мой корпусный (тяжелый) артполк вместе с танками. Перед этим не смогли устоять фашистские захватчики. Поэтому, был обеспечен быстрый прорыв наших войск через всю Польшу с выходом севернее Франкфурта-на-Одере в шестидесяти километрах от Берлина - дер. Аренсдорф, именье Клессинг.

Но, бои с врагом были скоротечными и встречными, как с закрытых позиций, так и с прямой. Так по городу Калинковичи, где враг использовал болото и лесное прикрытие, пришлось проявить искусство, чтобы разведать батарею противника. За лесом, надо ее увидеть и засечь светом или звуком, что отчасти удавалось.

Чтобы обнаружить батарею, пришлось облазить макушки сосен и елей, пока не обнаружили огневую позицию. Труды не пропали даром, после наши войска ее подавили. Не сделав

этого, мы могли бы подвести свою пехоту под удар, чего нельзя было допустить.

Другую батарею обошли, не дав ей развернуться. Лишь в этих двух эпизодах контрбатарейной борьбой удалось сбить врага с позиций и продвинуться вперед без потерь.

Был случай на реке Висла, под городом Казимеж, когда после меткого подавления 155-мм батареи врага, мы успели сменить позицию и свою батарею увести ее на 150 метров, вызвав промах ответных залпов трех батарей противника. Так, нередко обманывая врага, мы сберегали свои орудия от ответного огня. Это было особенно важно, так как немцы умели вести звуковые засечки наших радиостанций.

Так, в первом же бою под городом Казимеж, где находился узел сопротивления врага на плацдарме, моя батарея была переправлена на плацдарм (взвод управления). И не успели мы развернуться, как вблизи раздался воздушный разрыв.

Смекалка помогла мне определить - идет пристрелка. Было однозначно - мы замечены. Тогда я сразу же схватил радиодатчик, скомандовал, и все побежали назад к переправе. Убежав на 50-60 метров, услышали сзади три разрыва снарядов, благо осколки просвистели мимо моих бойцов, никого не ранив. Это было боевое крещение, показатель оперативности засечек наших радиостанций и открытия огня врагом.

Этот пример на всю войну был наказом. Шесть-семь раз, попадая под обстрелы батареи по засечкам моих радиостанций врагом, я спасал орудия и личный состав от поражения. Тактика, выработанная на основе примера, приучила меня, открыв огонь по цели, немедленно прицеплять орудия и быстро увозить с огневой позиции за 30-50 метров раньше подлета вражеских снарядов.

Так нас учил враг, так мы научились воевать, не имея потерь. Важно и то, что для каждого орудия готовили по 2-3 окопа (позиции), не допуская повтора занятия старых позиций.

Сложнее стрелять по крепостям с полузакрытых позиций или прямой наводкой, когда находишься под прицельным огнем противника. Здесь, выбор метода стрельбы отдельными орудиями, увод их от огня противника и частая смена позиций сыграли свою роль.

Такими способами нашим бойцам-умельцам удавалось, всякий раз разя врага, самим уходить от потерь. Танки нам

были не страшны, т. к. за 1 км мы их поражали. Таковы 122-мм пушки корпусной артиллерии, основы их воздействий по врагу и безопасности наших позиций.

Следует заметить, что корпусная артиллерия, созданная в 30-е годы, состояла из современных орудий последнего образца: из дальнобойных и бетонобойных, которых в СССР ранее не было.

Кроме орудий, были созданы взрыватели, которые обеспечивали разрыв снарядов в воздухе. Это подавляюще действовало на личный состав противника, парализуя его. Средства тяги были быстроходны и не уступали технике врага, а превосходили ее. Наличие корпусных орудий, дальнобойных и метких, постоянно сдерживало немцев. К тому же, они опасались поражения своей артиллерии на позициях. Командный состав был подготовлен заметно лучше и тактически грамотнее. Все это позволило создать прорывы на больших скоростях.

Точность стрельбы была такова, что дот (долговременная огневая точка) на позиции Восточной крепости был поражен прямой наводкой с первого выстрела на расстоянии двух километров. Показателем чего был выход черного дыма. Дот был пробит, в нем произошел взрыв.

Мне приходилось с взводом управления подступать с востока к Восточной крепости фронтом 3 км и, с открытыми подступами по взлетной площадке у крепости.

С 500 метров крепость обдала нас пулевой россыпью из пулеметов. Казалось некуда деться. Однако, сориентировавшись, я дал команду всем врассыпную и мелкими перебежками уходить дальше. В случае ранения кого-либо, было решено уходить с помощью ближайших соседей, не давая прострелять пространство до нас. Так мы без потерь ушли из западни.

Особой заботой командира была маскировка. Без приказа нельзя было подниматься и перемещаться за все время пребывания бойцов на наблюдательном пункте.

Мне четырежды пришлось участвовать в артподготовках: под Калинковичами, Казимежем, Познанью и Аренсдорфом. Воевал с крепостями и под Берлином, в районе именья графа Клессинга и севернее Франкфурта-на-Одере.

Каждая артподготовка была своеобразна. Подавлялись рубежи сопротивления с расчетом уничтожить живую силу и изолировать войска противника (на примере гарнизонов крепостей в г. Познань).

Благодаря сосредоточению артиллерийского, пулеметного огня и фауст-патронов, были взяты не только вырывавшиеся, но и подползавшие к окопам солдаты врага на дальность броска гранаты. Восточную крепость из-за большого фронта обороны и необходимости экономить снаряды, брали прорывом с юга. Последовательно уничтожали очаги сопротивления в подвалах и в пролетах высотных домов. В этом бою было взято необычайно много боеприпасов и оружия, в том числе и зенитных пушек.

Плацдарм на реке Одер имел решающее значение и для обороны Франкфурта, и для всего Восточного фронта.

Именно на этом направлении в районе Клессинга был применен, кроме массированной артподготовки, еще и способ ослепления противника одновременно включенными прожекторами (более 200 штук). Это позволило нашей пехоте без потерь ворваться в окопы врага и в рукопашную уничтожать его. Всю подготовку я вел на прицеле, т. к. данные для стрельбы были верны.

С углублением в позиции врага, мои орудия уничтожали пулеметные точки в деревне Аренсдорф.

Дважды мне приходилось наступать следом и вместе со штрафными ротами под Казимежем и на плацдарм реки Одер. Штрафники вводились в зону начала атаки поздно ночью перед утренним наступлением. Размещались они во рвах и окопах без права какого-либо перемещения и разговора.

После артогня бежали часто «елочкой» (зигзагом), на окопы врага, так как были еще сумерки. Стреляли на ходу из автоматов, бросали вперед гранаты, ведь надо было ворваться в окопы врага и уничтожить отдельных стрелков с ходу. Остановиться было нельзя, так как можно было попасть под минометный или пулеметный огонь с задних позиций врага. По стремительности рывка я ничего подобного раньше не видел, учитывая, что оборона создается из 2-3 рубежей и рядов окопов, оборона была сильной.

На Одерском плацдарме продвижение проходило вдоль придорожных посадок. Одновременно орудия разрушали

кирпичные стены дзотов (деревенские дома были из кирпича) и огневые точки на чердаках, и в окопах до 400 метров. В сторону от деревни, вплоть до железобетонного дота, завершавшего участок обороны узла, в целом, было разрушено 7 дотов и дзотов и с десяток пулеметных точек, не считая огневых точек автоматчиков. Прорывом до 12 км был отрезан Франкфурт-на-Одере, а гарнизон пленен, причем по приказу командования, в целости остались цеха и заводы.

Такие боевые действия во Франкфурте были важны, т. к. территория переходила к нам. Разрушать что-либо не имело смысла.

Особой заботой была экономия снарядов, т. к. не известно было, как развернутся боевые действия дальше. Тогда окончание войны упрется в наличие боеприпасов, подвозить которые уже не было возможности, т. к. до своих тылов было уже около 2000 километров. К тому же, нельзя сказать наверняка, как поведут себя американцы. Благо все закончилось благополучно, без осложнений. В этом наша боевая удача в целом, и всей войны в особенности.

По прошествии многих лет и размышлений итоги войны по-прежнему считаю большой удачей. Поэтому, вспоминая воинов и полководцев, наряду с титаническим трудом наших людей в тылу, безгранично благодарен тому, что я – русский, без оглядки всю войну шел вперед для Победы.

После войны.

В восточной Германии я, в составе оставшихся войск уже в должности начальника штаба дивизиона 155-го артполка 12-й артдивизии, находился до июня 1946 года, было еще много работы. С прибытием на Родину началась демобилизация и расформирование частей, в том числе, и моего гаубичного артполка. После увольнения, я стал работать и заочно учиться в юридическом институте до 1950 года. После учебы стал заместителем главного арбитра Министерства сельского хозяйства СССР.

Для родных и близких мое возращение после восьмилетнего отсутствия принесло неописуемую радость. Огромным счастьем для них было и то, что я вернулся домой на своих ногах, целым и невредимым.

Но память о не вернувшихся товарищах жива и по сей день. Мы победили, но как дорого стоила эта победа! Последствия войны легли на плечи не только наших детей, но и отразились на последующем поколении.

Поражение грозило бы нам полным геноцидом, гибелью нации и страны. Думать о собственных желаниях и нуждах было некогда, когда речь шла о спасении твоей семьи и Родины.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Петрова Екатерина Анатольевна**, студентка 1-го курса МАИ*

Сергованцев Владимир Трофимович

Все осколки пролетели прямо надо мной

Родился 25 июня 1922 года в Иссиль-Кульском районе Омской области. В большой крестьянской семье, был одиннадцатым, последним ребёнком. Вероисповедание - православный. В ряды коммунистической партии вступил на фронте во время Великой Отечественной войны, в тяжёлый период - май 1942 года. Это было недалеко от Доможирово на Карельском фронте.

В 1940 году окончил среднюю школу в городе Омске. После окончания школы в 1940 году поступил в Тихоокеанское высшее военно-морское училище во Владивостоке, окончил первый курс на «хорошо» и «отлично». Летом 1941 года курсанты проходили практику. Мне пришлось её проходить на мониторах - речных кораблях Амурской флотилии. О начале войны мы узнали там же по радио.

Курсантов сняли с практики и собрали в училище. Вместо учёбы нам пришлось рыть окопы на подступах к городу Владивостоку. Это продолжалось на протяжении всего лета.

В сентябре начались занятия, а в конце октября 1941 года нам разрешили записываться добровольцами на фронт. Под Омском формировались части морской пехоты. В числе добровольцев, младших курсантов и отличников учёбы, был откомандирован на фронт. Меня определили в 70-ю отдельную морскую стрелковую бригаду в роту связи на должность

командира отделения в звании главный старшина под командованием старшего лейтенанта Иоффе Михаила Соломоновича.

Работа была нелёгкой. На одну рацию выделялось 2 человека. Станция состояла из 2 упаковок. Одни радист носил на себе приемопередатчик, который весил 12 кг, другой же питание массой около 20 кг, при этом на каждом была солдатская выкладка. В качестве питания использовались аккумуляторные батареи, заряжаемые от электрической сети. Для этого использовалась походная электростанция, состоящая из двигателя и генератора.

Радиостанции того времени работали на лампах, вот однажды произошёл курьёзный случай. Лампа имеет катод и анод. Катод излучает электроны, в результате этого он изнашивается, а сам процесс излучения называется эмиссией. Однажды у моего приятеля-радиста перестала работать лампа из-за того, что катод износился полностью. Он приходит на доклад к начальнику, и докладывает, что лампа потеряла эмиссию, на что начальник ему ответил: «Как потеряла? Найти и доложить!». Радиус действия радиостанции колебался в диапазоне до 10 км. При этом сильно влияли на дальность действия, характер местности и сама антенна. Работали мы в коротковолновом диапазоне с длиной волны 10-15 метров.

Были ребята, которые легко воспринимали морзянку, кому-то она давалась сложнее. Каждого радиста можно было определить по передаче сообщения. Каждый вырабатывал свой подчерк. Морзянку опытного радиста было приятно слушать, она шла как какой-то напев, помнится, после войны мне пришлось даже участвовать в соревновании в радиоклубе в Москве по морзянке.

На фронт бригада была отправлена в конце ноября, и в 15 числах декабря 1941 года наш эшелон попал под Москву вместе с другими бригадами из Сибири. Если бы не отстал эшелон с одним из батальонов, то наша бригада попала бы на фронт под Москву. Дней 10 мы простояли под Москвой и после этого были отправлены на Карельский фронт, в район города Ладога, расположенном на реке Свирь.

1 января 1942 года наша бригада шла через Тихвин, мы увидели трупы, сложенные штабелями, там были и русские, и

немцы, гражданские и военные, я испытал большую моральную подавленность.

С февраля 1942 наша бригада занимала оборону на перешейке Ладожского и Онежского озёр.

В 1943 году, когда не было боёв, личный состав занимался изучением техники, работы радиостанции, морзянки, мне даже пришлось проводить такие занятия. В свободные минуты рассказывали друг другу про жизнь, кто, чем занимался до фронта, думали, что будем делать после войны. Вели разговоры про своих девушек: письма, которые приходили нам на фронт, мы читали коллективно. Была на фронте также и музыка. В роте связи был гитарист. Он погиб. Похоронили его только через сутки. Это было зимой - в посёлке Никкель под Мурманском.

Специальность радиста сплачивала нас, у нас было мало споров, выяснений отношений. Разница положений командира и подчиненного особо не чувствовалось, рядовые солдаты подчинялись добровольно. Сама военная обстановка требовала от нас сплочённости. Если надо было идти, то выделялись люди, и они шли без сопротивления.

В 1944 году я участвовал в Тулоксинской десантной операции. Когда началось наступление на Карельском фронте, 70-ю морскую стрелковую бригаду отозвали. Ночью всю бригаду погрузили на плавсостав и переправили на 70 км в тыл к немцам. Мы высадились на берег ночью, и немцы не знали об этом до тех пор, пока бригада не перерезала железную и шоссейную дороги, тем самым, отрезав им фронт от тыла. Три дня бригада сражалась, отбивая атаки немцев со стороны фронта и тыла, до подхода своих войск.

К январю 1945 года в связи с большими людскими потерями, бригаду переформировали и переименовали из морской в горнострелковую. Бригада была переброшена в район Кракова, откуда в течение месяца с боями шла до города Пардубицы, где закончила свои боевые действия.

Февраль 1945 года. Распутица. Наш взвод связи на пригорке занял оборону, а левый фланг шёл в наступление. Я окопался, сделал бусфер. Сижу на краю окопа, наблюдаю за ходом боя, а солнце припекает, снег немного растаял, мой окоп наполнился водой. Повсюду слышны разрывы минометных снарядов, а со временем слух вырабатывается такой, что по звуку летящей мины уже достаточно точно можно определить

место, куда она упадёт. Сижу на краю, вдруг какой-то невидимой силой меня бросило на дно моего сырого окопа в воду. Как только я упал, мина разорвалась прямо на бусфере, и все осколки пролетели прямо надо мной.

Солдаты, командиры - это героические люди, которые выполняют свой долг в любых условиях. Фронт всегда приучает к мужеству. Своей жизнью рисковали не только те люди, которые были на фронте, но также и те, которые были в тылу. Ведь очень много людей погибло в результате бомбардировок тыла. Морская пехота особенно отличалась морской традицией и мужественностью, обстановка среди моряков заставляет быть мужественным. Немцы очень боялись морскую пехоту, они говорили, что это «Чёрная смерть» идёт.

13 мая 1945 года, уже после окончания войны, мы вели бои в лесах недалеко от Пардубицы с бендеровцами - националистической украинской организацией, и власовцами, которые воевали на стороне немцев.

После войны, в июне 1945 года бригаду расформировали.

25 мая 1945 года покинул город Пардубицы, где стояла наша бригада, и был направлен через весь Советский Союз на учёбу обратно во Владивосток. Желая стать гражданским моряком, попытался поступить в Мореходное училище, но меня не отпустили, и я, взяв справку об окончании первого курса, был откомандирован обратно в свою бригаду. Получил документ о её расформировании и был направлен в Западносибирский военный округ в город Омск. До Омска я не доехал, в Москве у меня вытащили документы, и я попал в комендатуру. В 1945 году были случаи выхода дезертиров из состояния нелегального положения, и таким образом, оставшись без документов, я попал под контроль, не дезертир ли?

Две недели я находился под стражей до выяснения личности. После того, как все было выяснено, стали формироваться отряды. Один отряд должен был отправиться в Германию в качестве оккупационных войск, а второй - на демобилизацию. Попал во второй отряд и был демобилизован в октябре 1945 года. После этого остался в Москве и решил продолжить своё обучение. Поскольку был уже октябрь месяц, пришлось обивать пороги ряда институтов. В результате этого в начале ноября поступил на первый курс факультета

электрификации Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

В 1950 г. закончил с отличием факультет электрификации и поступил в аспирантуру на кафедру “Производство и распределение электрической энергии в сельском хозяйстве”. За отличную учебу в институте и аспирантуре неоднократно присуждалась персональная стипендия имени И.В. Сталина. После защиты диссертации в 1954 г. по специальности «Автоматика и телемеханика» работал ассистентом, доцентом кафедры и ученым секретарем института. Первым в институте начал заниматься вопросами автоматизации сельских электроустановок. В 1959-68 гг. работал руководителем лаборатории автоматики и телемеханики, начальником отдела вычислительной техники и автоматики ВНИИ природных газов Мингазпрома. Стал ведущим специалистом отрасли по вопросам телемеханизации газопроводов и газовых промыслов, был гл. редактором научно-технических сборников «Автоматизация, телемеханизация и связь в газовой промышленности». Был инициатором и руководителем работ по использованию газопроводов, как каналов телемеханики. За разработки в области телемеханизации и автоматизации газопроводов получено более 20 авторских свидетельств. За достижения в области телемеханизации и автоматизации объектов Мингазпрома был награжден нагрудными знаками «Нефтепровод Дружба» и «Отличник газовой промышленности».

С 1968 по 1971 гг. работал проректором по научной работе МИИСП (ныне МГАУ). Первым в институте начал заниматься вопросами внедрения вычислительной техники в управление ВУЗом и в учебный процесс, Поставил курс по вычислительной технике в инженерных и экономических расчётах. В 1971-74 гг. работал зам. директора ВНИИ кибернетики МСХ СССР, являясь научным руководителем работ по информационному и техническому обеспечению разрабатываемых автоматизированных систем управления в сельскохозяйственной отрасли. В ноябре 1974 г. для завершения докторской диссертации перешел в НИПИ экономики и АСУ Миннефтегазстроя.

В 1975 г. защитил докторскую диссертацию по специальности «Автоматическое управление технологическими процессами в газовой промышленности».

Трудясь в других организациях в 1971-76гг, не прерывал связи с МИИСП, работал на кафедре управления и вычислительной техники по совместительству, фактически руководя кафедрой. В декабре 1976 г. вернулся в МИИСП на должность заведующего кафедрой, с 1990 г. по настоящее время работаю профессором кафедры.

Являюсь руководителем кафедры, поставил курс по управлению сельскохозяйственным производством для инженерных специальностей. При мне получили развитие дисциплины по вычислительной технике и электронике, под моим руководством создана современная по тем временам техническая база и учебно-методическое обеспечение читаемых дисциплин на кафедре.

Огромной заслугой является организация вычислительного центра института, филиала кафедры при ВНИИ кибернетики МСХ СССР, отраслевой научно-исследовательской лаборатории по электронизации и информатизации учебных процессов в АПК.

Приобщил к компьютерам преподавателей нашего института, организовав и проведя курсы для профессорско-преподавательского состава по изучению средств вычислительной техники и программированию. Мне было поручено возглавить Межвузовский кабинет по применению технических средств обучения при Главке вузов МСХ СССР. За труды по развитию учебного процесса и научных исследований награжден нагрудным знаком «Отличник энергетики и электрификации».

Основным научным направлением деятельности являются научные основы информатизации и автоматизации управления производственными системами. В соавторстве и под моим руководством издано несколько учебников. Список научных и учебно-методических трудов включает почти 300 наименований. Под моим руководством защитили кандидатские диссертации 13 человек.

Награждён орденом «Красной Звезды» и медалью «За оборону Советского Заполярья» (ноябрь 1944 года). А орден Отечественной войны 2 степени получил я уже после войны.

К трудовым значимым для себя наградам отношу «Отличник газовой промышленности» - ведомственный знак за ввод электронной системы программного управления и телемеханики на газопроводе «Дружба».

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шеховцов Алексей Михайлович****, студент 4-го курса военного факультета Московского государственного агроинженерного университета имени В.П.Горячкина*

Старостин Валентин Фёдорович

Через тернии войны к мощной державе

(продолжение, часть 2-я, начало в томе 8)

Партизанское движение на Черниговщине

Во время разведки и при сборе данных от населения нам часто попадали в руки листовки, подписанные: «Командующий партизанским движением на Черниговщине генерал-лейтенант Орленко».

Ходила легенда, будто секретарь областной партийный организации Федоров А.Ф. (Орленко – один из его псевдонимов) живет в Черниговской области, руководит подпольем, поднимает на борьбу людей, а партизанами командует другой человек – опытный военный. Гитлеровцы переполошились и каких-то двух неизвестных повесили, объявив, что это Федоров и Орленко. В действительности, прибывший из Киева А.Ф. Федоров, 19 ноября 1941 года принял командование областным отрядом, которым до этого временно командовал 2-й секретарь обкома партии Н.Н. Попудренко. В состав подпольного обкома партии входил и комиссар нашего партизанского соединения «За Родину» М.И. Стратилат.

Областной отряд под командованием А.Ф. Фёдорова (комиссар – В.Н. Дружинин) вырос в партизанское соединение, которое насчитывало около тысячи бойцов и действовало весьма успешно севернее нас – в Холменских лесах, на границе с Орловской областью. Туда 12 февраля 1942 года самолетами был сброшен на парашютах груз с боеприпасами и два радиста, а в мае 1942 года сообщили, что А.Ф. Федорову присвоено звание Героя Советского Союза.

В июле, после неудачной попытки прорваться в Брянские леса, соединение вернулось в мелкие Черниговские перелески. Гитлеровцы устроили засаду крупными силами, так как в это время Федоров не имел связи с подпольщиками. Отсюда урок – необходимо высылать заблаговременно дальнюю разведку.

В середине января 1943 года одни из первых самолетов с Большой земли, севших в расположении соединения, взяли на борт А.Ф. Федорова, В.Н. Дружинина, С.А. Ковпака, М.И. Стратилата и доставили их в Москву для отчета о боевой деятельности партизан Черниговщины. На время их отсутствия исполнение обязанностей командующего областным соединением было возложено на Н.Н. Попудренко. В марте 1943 года Федоров и Дружинин вернулись из Москвы с приказом идти в области Западной Украины, на Волынь. Но не вернулся из поездки наш боевой комиссар Михаил Иванович Стратилат. Печальна и удивительна судьба этого партизанского вожака: сотни раз, рискуя жизнью в жестоких боях, уходил от смерти, а погиб в Москве при неясных обстоятельствах.

После тщательной подготовки 11 марта 1943 года, до вскрытия Днепра, две тысячи партизан под командованием Фёдорова ушли в дальний рейд. Перед этим состоялось совещание, на котором присутствовали секретарь ЦК Компартии Украины Д.С. Коротченко и начальник штаба партизанского движения на Украине Тимофей Амвросиевич Строкач. Н.Н. Попудренко остался 1-м секретарем подпольного обкома и командиром областного соединения, в котором оставалось 300 партизан. Попудренко мне довелось видеть лично в апреле 1943 года – лихого, на коне, в кожаной тужурке, перехваченной портупеей – при проверке начальником штаба Черниговских партизан боевой подготовки бойцов в нашем соединении «За Родину». А 6-го июля до нас дошло печальное известие о том, что Николай Никитович Попудренко погиб в

бою с фашистами в Злынковских лесах при прорыве из окружения. В том же году ему присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

На юго-запад от нашего соединения, в районе Новая Бсань-Остёр, дислоцировалось партизанское соединение им. Щорса под командованием Юрия Олиферовича Збанацкого. До войны он был учителем, а затем арестован фашистами, прошёл тюрьмы г.г. Остёра и Чернигова, прикрывался легендой: не знает, за что взяли, и связей с партизанами не имел. Не добившись ничего, его перевели в лагерь военнопленных около г. Чернигова, откуда он бежал и организовал партизанский отряд. Героическую гибель партизана из его отряда я переживал в Нежинской тюрьме, о чём писал выше.

Да, различные были партизанские отряды на Черниговщине: одни - сформированные партийными органами, другие – военной разведкой и НКВД, третьи – стихийно возникавшие из населения сёл и городов, организованные местными властями.

Иногда появлялись отряды украинских националистов и даже отряд «партизан», организованный немцами и из немцев, для борьбы с населением и против советских партизан. Лучше всех показали себя отряды, организованные из людей, пришедших воевать за Родину по зову сердца и совести, а не по мобилизации. Эти отряды стойко сражались с фашистами, и в них не было предательства, соперничества, противоборства коммунистов и командиров, избранных в руководство, не возникали низменные чувства, зависть. Так было и в нашем соединении, но однажды произошел случай, который не понравился не только мне. Хорошо, что он был единичный.

В соседней роте отряда воевал бывший завхоз школы – беспартийный. Когда немцы начали его преследовать, он всей семьей (жена, двое детей 12 и 15 лет) пришёл в отряд (такие случаи не единичны). Воевал храбро, выполнял все задания, ходил на боевые операции, хотя не имел одного глаза. Отделение пошло на операцию против Носовской полиции. Не совсем четко была разработана операция командиром отделения: две группы зашли к объекту с разных сторон... Дело было ночью: не разглядели друг друга и приняли за полицаев. Раздалось всего несколько выстрелов... один из них из винтовки одноглазого партизана. Был убит племянник командира

отделения. Выстреливший партизан без одного глаза был обвинён в трусости, срыве операции и т.п. Он просил у отряда помилования, права искупить кровью оплошность, клялся в верности Родине, но был расстрелян перед строем, в котором стояли его жена и два сына. А ведь были же помилованы 12 полицейских из Носовки, за каждым из которых были десяток расстрелов мирных жителей сел. Командиры не вняли просьбе несчастного. А как придётся жить всю жизнь его детям – партизанам, когда добровольно пришедший в отряд их отец расстрелян перед строем как трус. Ведь на них всё время будет клеймо «дети труса». Кем они вырастут и кем станут?

В нашем соединении «За Родину» не было ни радистов, ни раций, ни медикаментов. Трудно приходилось партизанам без бани, белья и обуви, которая износилась, а белье сгнивало на теле. Вследствие этого появлялись иногда вши, чесотка. Население, конечно, старалось помогать, но разве снабдишь всех нуждающихся партизан. Иногда, правда, удавалось кое-что отбить у немцев и полицаев. Приготовлением пищи занимались женщины, старшей у них была жена Е.П. Хахуды – Марфа Тимофеевна, вместе с ней трудились Вёкла Скотарка и Ульяна Маруха. Даже во время бомбежек они не покидали котлов, так как понимали, что необходимо накормить партизан. Когда повезёт достать продукты – отряд сыт, ну а если нет – надо хотя бы чем-нибудь накормить партизан. Минеры, после удачно проведенной операции на железной дороге, получали от непьющего комиссара чарку первача, который у него всегда был в неприкосновенном запасе. Однажды, выполняя задание, я еле ушёл от засады полицаев, пришлось зимой переходить не замерзшую быструю речушку по грудь в ледяной воде. Так и пришёл в отряд в одежде, превратившейся в ледяной панцирь. Но всё обошлось после стакана первача.

Только в августе 1943 года стали прибывать самолеты из Москвы и садиться в партизанском краю на партизанском аэродроме севернее г. Нежина. Доставлялись с “Большой земли” оружие, боеприпасы, медицинский персонал и медикаменты: стало значительно легче... Наш боевой опыт с каждым днём возрастал, и мы били фашистов с минимальными потерями. Психологическое состояние было на высшем уровне. Мы знали, что наша работа оказывает морально-политическое воздействие на население.

После наших активных действий немцы устраивали засады, облавы, забирали селян в тюрьмы, отправляли их в Германию на рабский труд и в лагеря смерти. Возвращаясь с разведки в районе города Нежина, я увидел возле села Мрин (считавшимся у полиции партизанским, так как его жители поддерживали активно нас – партизан) немцы и полиция собирались конвоировать большую группу селян в Нежин, осужденных за отказ ехать в Германию на рабский труд. Действиями нашей роты в жестокой схватке были освобождены осужденные жители Мрина, Немцы и полицаи были уничтожены, а жители пришли в наш отряд. Население уважало партизан, помогало нам, чем только могло. Партизаны же испытывали чувство самоуважения, так как видели плоды успешной борьбы против фашистов, и это вдохновляло их, давало силы в этой жестокой борьбе за Родину. Без дела ни часа в лесу не сидели: постоянно боевые, продовольственные и другие операции и задания. К середине весны обстановка крайне накалилась, так как немцы не хотели смириться с присутствием партизан и начали бросать против них целые дивизии. В этих условиях, когда вся Черниговская область была насыщена дивизией СС, полицией и даже отдельными частями немцев, снятыми с фронта, партизанам приказали усилить “рельсовую войну”, а также не допустить уничтожения соединений и отрядов партизан. Только свежая информация обо всех перемещениях немцев, жандармерии, полиции, а также их намерениях, планах, могла предотвратить окружение отрядов партизан, позволить им планомерно наносить удары по живой силе и технике фашистов. В тяжелейших условиях необходимо было собирать эту информацию от населения. Всё труднее становилось нам с напарником Сергеем Павловичем ходить в разведку и получать информацию из сел. От результатов нашей работы в такой обстановке, очень опасной и часто критической для жизни, от точности информации о передвижениях немецких частей зависела судьба соединения, возможность уйти своевременно из-под ударов превосходящих сил врага в этой безлесной местности.

Рейд за Днепр

Весной и летом 1943 года немцы проводили крупную операцию силами дивизии СС с усилением (свыше 7 тысяч солдат) по окружению и уничтожению партизанских отрядов на левобережной полосе вдоль Днепра и Десны. Шло мощное наступление снятых с фронта частей и головорезов СС на отряды нашего соединения «За Родину». Бывали такие моменты, которые казались совсем безвыходными, когда отряд, находясь в лесу, попадал в сплошное кольцо окружения, из которого выбраться днем было практически невозможно. Лишь наступление темноты давало партизанам шансы на спасение, так как ночью немцы боялись оставаться в лесу и уходили на опушки.

Это произошло в междуречье Десны и Днепра. С наступлением темноты и отходом из леса немцев, после жесточайшего боя, результатом которого могло быть уничтожение нашего отряда, найден был вариант выхода из окружения – пройти непроходимое болото. Очень топкое болото примыкало к части леса и выходило на опушку, где немцы не ожидали прорыва, но через 300-500 метров ими было установлено наблюдение с поставленных там танкеток. Все, кто мог передвигаться, шли через болото, цепляясь руками за поваленные разведчиками деревья, а затем по-пластунски переползали через дорогу на пашню перед стоящей в 300 метрах танкеткой и уходили из окружения. До утра на волю вырвался почти весь полк, хотя были и утонувшие в болоте, а также до сорока человек раненых в предыдущих боях, которые не могли передвигаться.

Вынести их не представлялось никакой возможности. Командование отряда, спасая полк, с болью в сердце решило оставить раненых, стариков и детей в густой части леса на большой заболоченной поляне среди кустарника. Все понимали, на что они обречены, но оставалась надежда на счастливый случай... мы же ничего больше сделать не могли. С ранеными была оставлена медсестра Александра Гавриловна Коваленко – мужественная молодая женщина, помогавшая раненым в такой критической для них ситуации, успокаивавшая детей и стариков.

На следующее утро немцы, получившие мощное подкрепление и совершенно уверенные в своей победе, опять пьяные для храбрости, со всех сторон пошли в лес на партизанскую стоянку, которую не сумели занять вчера. Они всё время, не жалея патронов, строчили из автоматов. Заняв наш пустой лагерь, немцы захватили полсотни лошадей кавэскадрона, продукты и запас кож, который мы взяли на кожевенном заводе, спьяну чуть не перестреляли своих, наступавших с другой стороны.

Обрадованные захватом стоянки и трофеями, хватив еще приличную дозу шнапса, немцы не догадались выйти из высокого, густого леса на болотистую поляну и поспешили сообщить о своей победе – разгроме партизанского отряда. Хотя они прошли рядом, стреляя в кусты из автоматов, Александра в одиночку сумела успокоить укрывшихся раненых, стариков и детей, убеждая их, что всё будет в порядке. Поистине героиня! Немцы же, доложив о своей победе, сняли осаду вокруг леса. В этом Сергей Павлович и я убедились, и мобилизовали в селах, где не было немцев лошадей и повозки, и вывезли всех раненных, оставшихся в лесу минувшей ночью, и разместили в безопасных селах.

Во время рейда за Днепр, Припять, Десну на разведку, на Сергея Павловича и меня была возложена большая работа по обеспечению партизан соединения лодками, плотами, бревнами и другими плавсредствами. Сложная задача, но она была выполнена без потерь.

Увертываясь от удара превосходящих сил врага, наше соединение «За Родину» совершило поход через Десну, Днепр и Припять, а немцы в это время прошли через оставленные нами места нашей постоянной дислокации. Во время рейда также шли бои, но иногда у меня происходили приятные встречи с людьми, которые двумя годами ранее, осенью 1941 года, оказывали мне гостеприимство и помощь. В частности, я встретился с учительницей, оказавшей мне тогда огромную и моральную, и материальную помощь. Какой же приятный был разговор с ней... Николай, партизанский связной из села Заошни, где я целый месяц дожидался связи с партизанами, встретился мне случайно в местном партизанском отряде. От него я узнал, что тогда, в 1941 году, отряд, с которым он был связан, ушёл в Брянские леса.

Находясь в рейде за Днепром, мы немного пришли в себя после непрерывных ожесточённых боёв и голода, сопровождавшего нас на протяжении карательной операции фашистов против нашего соединения. Затем командованием партизанского движения нам было приказано вернуться в свой прежний район действий и опять «оседлать» железнодорожную магистраль Киев-Нежин-Харьков.

Начался рейд возвращения к местам постоянной дислокации, то есть опять в Носовский лес южнее Нежина. Нашей 4-й роте второго полка было приказано прикрывать тылы рейда при форсировании соединением Днепра и Десны. Немцы и полицейские старались не пропустить колонну, сидели у неё на хвосте, но сил для разгрома у них не хватало. Бои шли постоянно. Во время ночной переправы батальонов через Десну в селе Максим, мы держали оборону, не давая немцам прорваться к реке.

Поскольку плавсредств было мало, мы только к утру, оторвавшись от преследователей, начали переправу нашей 4-й роты под жесточайшим огнем немцев и полиции. Переправившись на другой берег, мы затопили плавсредства и ушли от преследователей. Но так как переправа задержалась, рота оказалась днем на открытом берегу и местности, лишенной леса. До леса было далеко... Прошли несколько километров, но из-за усталости от боев, дойти быстро до леса не было сил, да и двигаться днем по полям, где рядом в селах полиция и немцы, очень опасно – нас могли обнаружить.

Вскоре около села Олишевка заметили маленькую рощицу с оврагом в ней. Было принято решение – устроить привал «дневку», а вечером опять продолжить путь. Расположились в рощице, радуясь, что нет стрельбы и можно немного поспать. Выставили на деревьях часовых для обнаружения полиции или немцев. Никаких костров, – полная маскировка.

Свалились в мертвецкий сон, но около семи вечера крик: «Немцы!». Все за оружие, но мадьяры (венгры) уже подошли вплотную к цепи партизан, залегших у края оврага. Завязался и три часа непрерывно длился ожесточенный бой. Мы бились до последнего: отступать было некуда – поле, а, по сообщениям наблюдателей, недалеко стоял готовый изрубить нас эскадрон. Выбора нет...– только бы продержаться до темноты! К несчастью, патроны на исходе. Экономя их, уже несколько раз

сходились врукопашную, оттесняя венгров, которых оказалось в десять раз больше, чем нас.

Единственная надежда на подарок с “Большой земли” – противотанковое ружье с двумя ящиками снарядов. Поскольку отбиваться было нечем, командир роты Коба принял решение использовать ПТР, как последний шанс к спасению, и отдал приказ взять на прицел командный пункт мадьяр. Они пошли в очередную атаку и обрушили на нас шквал огня. Наш бронебойщик точно стреляет по мадьярскому командному пункту, снаряд попадает в повозку с боеприпасами. Происходит мощный взрыв, которым убит командир мадьярской части (вероятно, очень заслуженный, так как на его мундире оказалось много орденов). Из-за потери командира у венгров возникает замешательство: атака захлебнулась. Мадьяр охватила паника – у партизан пушки! Мы пользуемся этим и бросаемся в атаку, завязывается тяжелый ближний рукопашный бой. Противник отступает, бросив боеприпасы, повозки, раненых.

Стало темнеть, и мадьяры уходят в село по квартирам, потери у них весьма значительны...

Выдержать этот бой с противником, численно превосходящим партизан в десять раз, и разгромить его было нелёгким делом. Своих раненых, а они были, мы повезли в лес на отбитых у врага повозках и за ночь добрались до лесного массива, где можно было немного передохнуть и оказать помощь раненым партизанам.

Фронт приближается, бои всё жарче

Обобщая образ нашего врага, «немцев», нам чаще приходилось воевать с их союзниками: венграми, румынами, итальянцами. Бои у села Олишевки мы вели с чисто венгерской (мадьярской) частью. Показав, на что способен русский солдат-партизан, мы из этой части через некоторое время получили значительное пополнение для нашей интернациональной роты, 22 мадьяра добровольно перешли к нам партизанить. Они верно, честно, стойко прошли боевой путь вплоть до победы над фашистской Германией. В отряде сражались также 15 румын, 2 немца (один из них унтер-офицер). Все они пришли сами, добровольно и оказали нам значительную помощь.

Большие дивизионные операции с применением танков, артиллерии и даже авиации проводили сами немцы. Из бомболюков их самолётов сыпались на нас мины, которые причиняли нам более ощутимые потери, чем обычные авиабомбы. В лесу они были эффективнее, поскольку их осколки охватывали большие площади.

Наше соединение было многонациональным: русские, украинцы, узбеки, евреи, грузины, но наш второй полк состоял, в основном, из украинцев Черниговской области и русских. Иногда здесь сказывались местнические интересы. Когда соединения С.А. Ковпака и А.Ф. Федорова ушли в дальние рейды на запад, наше партизанское соединение, став одним из ведущих в Черниговской области, действовало очень активно. Рядом с нами, севернее, успешно сражался областной отряд под командованием Н.Н. Попудренко, но гибель командира летом 1943 года заметно сказалась на действиях отряда.

Командованию нашего соединения совместно с областным отрядом (у них имелась рация и код) удалось наладить связь с "Большой землей". Самолеты из Москвы прилетали на наш партизанский аэродром, севернее г. Нежина, снабжая нас оружием, боеприпасами, радиоприемниками и рациями. Привозили газеты и другие необходимые нам вещи.

Заработала авиапочта, и 5 августа 1943 года я впервые после двухлетнего перерыва получил возможность послать письмо домой, которое, по моей просьбе, было лётчиком передано в собственные руки родителям, не знавшими обо мне ничего после трагедии Юго-Западного фронта. Нас окрестили «без вести пропавшие», а далее еще сильнее – «изменники Родины». Но мы, «без вести пропавшие», не предали Родину, а боролись, воевали, имея за плечами армейскую выучку и опыт жестоких боев первых месяцев войны, составляли костяк партизанских отрядов. Сколько замечательных друзей, «без вести пропавших», погибло в жестоких схватках партизан с фашистами! Они, героически сражались и погибали, а дома ждали хоть какой-нибудь весточки о них, но герои умирали безымянными.

Пусть они порою были и героями,
не поставят памятника им.
К. Симонов

Гитлеровцы после своей широкомасштабной карательной операции, о которой я писал выше, не принесшей им ожидаемых результатов, убеждались, что партизаны не уничтожены и, возвратившись на прежние места, активно действуют. Это их бесило, но сил для уничтожения партизан у них уже не хватало, снять войска с фронта, где их крепко била наступавшая Красная Армия, было невозможно. Немцы, полиция, жандармерия возмещали свою злость на населении сёл и городов. Лютуя, сжигали целые сёла, на жителей устраивали облавы и пытались блокировать партизанские отряды в лесах.

Летом 1943 года наш 2-й полк соединения «За Родину» оказался блокированным в лесу. Во всех сёлах вокруг находились немцы, полиция и отдельные части румын и венгров – кольцо вокруг леса оказалось замкнутым. Вырваться из него невозможно – врагов больше. Уже десять дней едим только траву, кору деревьев, да однажды забрели два бычка, которых моментально съели. Командир полка Николай Симоненко приказывает мне, много раз ходившему уже на опасные операции, взять с собой трёх партизан, две подводы и проникнуть в село, полное немцев и полиции, за продуктами. Он говорит, что продовольствие крайне необходимо, ибо бойцы отряда от голода теряют волю к победным действиям. Нам удалось без шума, ночью проехать в село, через связных селян быстро собрать хлеб, свиней, картофель, крупы, чеснок, несколько мешков муки и т.п. Нагрузили две полных подводы, нас напоили, накормили.

Вдруг получаем сигнал: кто-то сообщил о нас немцам, и скоро они будут здесь. Полицаи были уже в нескольких сотнях метров от нас, когда наши две подводы тронулись и скрылись в кустах. Полицаи открыли ружейный огонь, пули летели над головой, но мы въехали в лес, и там нас прикрыли наши партизаны. Задание было выполнено. Вскоре мы получили поддержку нашего первого полка и разорвали кольцо окружения.

Летом ожесточилась и усилилась «битва на рельсах», мы еще крепче оседлали железную дорогу. Почти каждый день, начиная с июля 1943 года, ходили подрывники на важнейшую железнодорожную магистраль и пускали под откос эшелоны с

техникой и живой силой врага. Перегоны Киев-Носовка, Носовка-Нежин, Нежин-Конотоп полностью контролировались партизанами. Составы врага летели под откос. До осени было проведено 48 удачных операций на путях, в некоторых из них участвовал и я. Сорок восемь эшелонов не попали на фронт, техника и живая сила были уничтожены. А каждый взорванный эшелон, мост, водокачка на восток от Киева – подвиг, как утверждало руководство партизанским движением Украины.

С приближением фронта немцы пытались укрепить позиции на Днепре и других водных преградах, поэтому они стали перебрасывать сюда части СС и дивизии из резерва. Воспользовавшись этим, советские войска на фронте нанесли удар по румынским и венгерским дивизиям, обратили их в бегство. Воодушевлённые этими победами, смело и результативно действовали под командованием Николая Симоненко партизаны 2-го полка, где был и я. Участились наши с Сергеем Павловичем разведывательные рейды по селам, занятым немцами и полицаями, в целях выяснения обстановки и намерений врагов в отношении партизан. В нескольких случаях мы едва избежали гибели вследствие предательства отдельных мерзавцев.

Однажды вызывает командир полка меня и ещё трех партизан, приказывает мне немедленно выехать на телеге к шоссе Конотоп–Киев, которое шло параллельно железной дороге. Там, по полученным им сведениям, двигаются с фронта колонны румынских и венгерских разгромленных войск. Офицеры уже не могут управлять этой стихийной массой солдат, которые частично побросали оружие и требуют отправки домой.

Мы, четыре партизана, появились перед одной из колонн венгров или румын, я зачитал им обращение нашего командира и потребовал сдачи оружия. Офицеры сдавать оружие не пожелали, но кроме двух выстрелов по партизанам ничего сделать не смогли, были обезоружены своими солдатами. Менее получаса потребовалось, чтобы телега была полна винтовок, и мы возвратились в лагерь, выполнив задание.

Через день опять операция: поездка на свиноферму – в отряде опять нечего было есть. Ферма охранялась немцами: они собирались на следующий день отправить свиней в Германию.

Мы разоружили охрану, забрали скот и обеспечили питанием партизан.

Да и что говорить каждый день операции то на путях, то немцев уничтожать, то сено, подготовленное к отправке в Германию, сжигать, спасать население сёл, топить «немецкие» пароходы и баржи на реках, чтобы помешать отступающим немецким войскам переправиться на западные берега. С приближением фронта задачи ставились всё более сложные, а иногда трудновыполнимые.

Битва за Днепр

К участию партизанского соединения “За Родину” в войсковой операции форсирования Днепра, захвата плацдармов на западном берегу готовились основательно. Битва за Днепр – одно из важнейших событий на пути разгрома нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны. Новая техника и разум командующих в грандиозной битве под Курском (Прохоровка) сломали хребет немецкой армии, наши войска одержали победу и положили конец наступательным действиям немецких войск. Но немецкая армия все еще сопротивлялась и старалась повернуть историю вспять, создавая “Восточный вал” на западном берегу Днепра.

В конце лета 1943 года севернее и южнее Чернигова партизаны стали образовывать и удерживать целые районы, где власть уже была партизанская, а не оккупационная. Немцы больше не господствовали на Черниговщине. Они даже не могли воспрепятствовать посадке советских самолетов на партизанском аэродроме севернее г. Нежина. Фронт приближался, и нам была поставлена задача: обеспечить надежное и быстрое преодоление наступающими войсками таких больших водных преград, как реки Десна, Днепр, Припять, для чего помочь передовым частям наших войск захватить плацдармы на западных берегах этих рек и удержать их до прихода основных сил. Задача чрезвычайно важная и архитрудная. Предстояло готовить наплавные мосты, плоты, собирать лодки, другие плавсредства для переправы бойцов армии. И это нужно было делать одновременно с усилением «рельсовой войны», чтобы сорвать переброску вражеских резервов на фронт, уничтожить перебрасываемую технику.

Наше соединение «За Родину» с поставленной задачей успешно справлялось, нанося огромные потери врагу. Ежедневно летели под откос поезда с вражескими войсками и техникой, производилась заготовка леса для наплавных мостов, собирались лодки и закрепляли плацдарм на восточных берегах рек.

Г.К. Жуков в своих послевоенных мемуарах (т.2, стр. 269), подчёркивая роль партизанского движения в войне против гитлеровцев, писал: «Они никак не думали, например, что им придется в Советском Союзе драться на два фронта: с одной стороны с Красной Армией, с другой – с мощными партизанскими силами, активно действовавшими под руководством многочисленных подпольных организаций в тылу врага».

Как Вы уже знаете, я ушел в лес партизанить в составе подпольной группы из бывшего совхоза Малая Носовка. Отряд из двенадцати человек, под руководством выбранного нами командира Николая Симоненко начал активно действовать южнее Нежина весной 1942 года. Честно и активно действовал и я, был у командования на хорошем счету. Весной 1943 года в нашем районе появился и соединился с нами отряд под командованием Михаила Ивановича Бовкуна, большинство в котором были не местные жители, а люди пришедшие издалека. За объединённым соединением сохранили название «За Родину». Командование соединения в лице Николая Дмитриевича Виноградова – начальника политического и особого отдела соединения, и Леонида Гощинского – начальника особого отдела 1-го полка летом 1943 года, учитывая мой опыт и ради пользы дела, предложило мне перейти в 1-й полк Шеверова Александра Ивановича в подчинение особого отдела. Я предложение принял и участвовал в выполнении ряда особых заданий против полиции и фашистских войск.

Поскольку гитлеровское командование хотело создать на берегах крупных рек неприступный оборонительный рубеж, очисткой правобережья этих рек от партизан занялись механизированные и танковые части СС. Была необходима разведка местонахождения и действий этих вражеских частей, чтобы предупреждать и спасать партизанские батальоны, переброшенные на правые берега рек. Небольшие партизанские

отряды из местного населения потеряли много бойцов из-за того, что не была должным образом организована разведка, а потому не было маневренности, необходимой для ухода из-под ударов фашистов. Один отряд был полностью уничтожен.

Нашей службе было также поручено осуществлять связь с соседними соединениями. У группы, куда я входил, работы было невпроворот, так как от командования постоянно шли запросы об обстановке вокруг соединения и намерениях немцев, а доставать сведения становилось всё труднее. Соединение наше получило от Украинского штаба партизанского движения важнейшее стратегическое задание – обеспечить помощь фронту: облегчить солдатам с ходу форсирование мощных водных преград – рек Десна, Днепр, Припять при возможно меньших потерях. Нам предстояло не только подготовить эту сложнейшую операцию на левобережье Днепра, но и захватить, а затем удержать до прихода советских войск плацдармы на его правом берегу. А правый берег находился под контролем больших резервов фашистов, уверенных, что советские войска не смогут переправиться на высокий берег широкого и глубокого Днепра. В этих условиях навести мосты и удержать их до прихода наших войск было крайне сложно и опасно.

Войска Центрального фронта под командированием К.К. Рокоссовского возобновили наступление в районе Севска стремительным ударом. Преодолевая упорную оборону врага, они с помощью партизан форсировали р. Десну и 21 сентября 1943 г. овладели Черниговом. Командир соединения Михаил Иванович Бовкун приказал организовать две переправы через Днепр у села Домантова. А 20 сентября нас перебросили на следующую переправу у Теремцов, куда против двух батальонов 1-го полка фашисты направили очень большие силы пехоты и танков. Партизаны несли потери, но не позволяли фашистам захватить переправу. Тогда немецкое командование направило на уничтожение переправы свыше 50-ти бомбардировщиков. Такого страшного боя, такой ужасной бомбёжки я до сих пор ещё не испытывал, хотя бомбежек к этому времени перенес немало. Жертвы были громадные. Ценой жизни 150-ти погибших партизан (из 185), наш полк отстоял переправу, обеспечив переправу советских войск у Чернобыля.

Во время налёта я находился на наплавном мосту недалеко от берега. Взрывная волна от бомбы сбросила меня с моста, но к счастью не в воду, а на песок, и я потерял сознание... Подоспевшие танки, пехота и артиллерия погнали немцев, переправившись через чудом уцелевшую переправу на плацдармы, удерживаемые партизанами. Войска 13-й армии к исходу дня 21 сентября севернее устья Припяти вышли к Днепру. Официальная сводка сообщала: «Первыми преодолели Днепр войска 13-й армии, подразделения 203-го, 207-го полков 70-й гвардейской стрелковой дивизии генерала И. А. Гусева уже в ночь на 21 сентября при содействии партизанского отряда «За Родину» форсировали Днепр в районе Теремцы. Одновременно ожесточенные бои велись за захват плацдармов на реке Припять. Форсирование Днепра и Припяти потребовало огромных усилий. Враг то и дело переходил в контратаки. Гитлеровская авиация осуществляла удары по переправам». (ВОВ, стр. 250, ред. генерал-лейтенант П.А. Жилин).

Среди разбросанных трупов обнаружили меня, контуженного, но живого... По-видимому, молитвами моей матери действовал в небесной канцелярии Всевышний указ: «Раба божьего, Валентина – сохранить в Миру».

Медики оказали мне помощь. Когда я очнулся, то первое, что увидел - березы вокруг стояли голые, на них после жестокой бомбежки не осталось ни одного листочка. Вспомнилось, что, провожая меня в армию, мать не плакала, а тихо сказала мне, любимому сыну: «Я буду ждать твоего возвращения...».

Беспрерывным потоком шли наши части на правый берег рек Днепра и Припяти по наведенным нами переправам. До 26 сентября было переправлено уже 5000 бойцов с техникой. Второй полк соединения «За Родину», в котором я прошёл почти весь путь партизанской войны, форсировал Днепр и обеспечивал переправы около села Сорокашичи, вел жесточайшие бои с переменным успехом. Особенно отчаянно бились партизаны 4-й роты командира Кобы (мой сосед по комнате в совхозе Малая Носовка), мои друзья и соратники по подпольной работе. Почти все бойцы и командир погибли, но переправу удержали до подхода подкрепления.

Тяжесть потери большинства друзей, с которыми вместе прошли долгий и тяжелый путь в боях с фашистами, разрывала

сердце, но и удовлетворение тем, что важнейшее задание Родины полностью и отлично выполнено, наполняла наши души.

Завершился последний этап партизанской войны соединения «За Родину» в сложнейшей и кровопролитной операции по обеспечению форсирования рек Десна, Днепр и Припять. Наши действия в этой операции получили наивысшую оценку командования. Прав был Александр Довженко, сказав: «Партизаны – наша слава, наша гордость».

Советские войска двинулись дальше на запад, а мы, похоронив наших товарищей, отправились в г. Чернигов на расформирование.

Не могу не рассказать о судьбе комиссара и командира нашего партизанского соединения «За Родину», в котором я воевал долгих два года и о чём писал в этой главе. Как я уже упоминал, весной 1943 года наш комиссар, Михаил Иванович Стратилат – секретарь Носовского подпольного райкома партии, полетел в Москву на совещание в Штабе партизанского движения вместо командира соединения, так как сложное положение, связанное с наступление немцев на партизан, не позволяло последнему оставить соединение. Вместе с М.И. Стратилатом на совещание прибыли С.А. Ковпак, А.Ф. Федоров, Н.Н. Попудренко, Ю.О. Збанацкий и многие другие руководители партизанского движения. В первый день заседания М.И. Стратилат присутствовал, а потом уехал в гостиницу вместе с адъютантом из нашего соединения. На следующий день он на совещание не прибыл. Начался розыск по всей Москве, и в одном из канализационных колодцев нашли его труп. Но следствие по этому делу тогда зашло в тупик.

Война для партизанского соединения кончилась, дана высокая оценка всем его боевым действиям, командованию – все командиры полков и командир соединения М.И. Бовкун стали Героями Советского Союза, награждены орденами. Чтобы восстановить документы о своей партизанской деятельности, я по пути в отпуск, заехал в Киев. Документы получил и имел длительную беседу с комиссаром партизанского соединения А.Ф. Федорова Героем Советского Союза Владимиром Николаевичем Дружининым, исполнявшим обязанности председателя Комиссии по делам бывших партизан. Владимир Николаевич поведал мне продолжение

истории с убийством М.И. Стратилата. Уже после окончания войны нашелся человек, который по злобе написал донос в КГБ о том, что Стратилат М.И. был убит в Москве, погибшим позднее в боях адъютантом, которому это якобы приказал сделать М.И. Бовкун, чтобы быть единоличным командиром соединения «За Родину» - без партийной опеки. Обвинение по тем временам страшное – поднял руку на партийное руководство. Вспомнили, что капитан Бовкун М.И. – окруженец, по приказу № 270 от августа 1941 года подлежит наказанию, как изменник Родины. Отобрали звезду Героя, ордена и сослали на каторгу в ГУЛаг. Вот что бывало в те времена даже с Героями, покрывшими себя славой в боях за Родину! А что уж говорить о других воинах, побывавших в плену? Вот так клевета подлеца привела к большой трагедии Героя. Только через четыре года, уже после смерти Сталина, оставшиеся в живых партизанские командиры и бойцы нашего соединения, наконец, добились того, чтобы КГБ разобрался в этом деле. Автор подлого доноса был разоблачён и осуждён за клевету. Михаилу Ивановичу Бовкуну вернули ордена, звезду Героя. Ему также предложили восстановиться в КПСС, но он наотрез отказался от этого, как и от предложенного ему поста руководителя Комиссии Ветеранской организации партизан УССР, уехал на постоянное местожительство во Львов, хотя родом он был из г. Нежина Черниговской области УССР.

* * *

Не знаю, удалось ли мне, участнику партизанской войны, достаточно интересно и убедительно рассказать об истории возникновения и развития партизанского соединения «За Родину», в котором я воевал с самого начала и вплоть до его расформирования после освобождения Киева, о боевых подвигах и буднях партизанской жизни. Безусловно, партизанам без тыла, без обеспечения вооружением, питанием, обмундированием, медикаментами и медперсоналом, который мог бы спасти в крайних случаях после ранения, было тяжелее, чем в армии. Конечно, бывали и радостные часы, даже дни, когда не было боев, и партизаны, собравшись у костра, запевали мелодичные украинские и русские песни. В тех тяжелейших условиях жизни нередко возникала настоящая

любовь, люди находили друг друга и становились счастливыми, если судьба была к ним благосклонна.

В конце сентября 1943 года срочно потребовалась расчистка фарватера Днепра от затопленных пароходов и барж для прохода военных катеров Днепровской военной флотилии, который командовал капитан 1-го ранга В.В. Григорьев. Взвод, которым я командовал в военно-восстановительном отряде речного флота СССР, задание выполнил – путь очищен, помощь военным оказана. Далее работа в Киеве, Новгород-Северском по бронированию и подбору кадров.

В октябре 1944 года откомандирован по вызову для продолжения учебы в Московском авиационном институте. Закончил его в 1950 году, получив диплом инженера-механика по самолетостроению. Направлен на работу в Конструкторское бюро №240 Ильюшина С.В.,. Генерального конструктора, академика. Работая в этом прославленном коллективе, участвовал в разработке систем управления и шасси, выпускаемых почти ежегодно первоклассных самолетов (Ил-28, Ил-40, Ил-18, Ил-14, Ил-62 и другие), и на самолете Ил-62 был уже ведущим конструктором по разработке системы управления закрылками. Гражданские самолеты были лидерами воздушного флота в пик развития авиационной техники.

По семейным обстоятельствам с 1964 года перешел в Конструкторское бюро № 52 Челомея В.Н., Генерального конструктора, академика, в филиал №1 в Филях. Начался беспрецедентный рост ракетной техники. Как начальник бригады, проектировал и испытывал наземные агрегаты и устанавливал испытательную аппаратуру на тяжелую двухступенчатую ракету “Протон”, которая была изготовлена и удачно испытана уже в 1965 году.

Затем, как заместитель комплексного отдела, участвовал в доработке и испытаниях (лично) малогабаритной межконтинентальной ракеты “100” и шахтного комплекса РК-100. Это была ракета в шахтной пусковой установке. Комплекс был принят на вооружение и стал основной частью нашего “ядерного щита” СССР. В 1971 году, я, заместитель Главного конструктора по созданию новой ракеты среднего класса “100Н”.

Удалось, по сравнению с ракетой “100”, в два раза увеличить полезную массу и при установке в ШПУ

использовать готовые ШПУ для “100”, но доработанную ШПУ повышенной защищенности. По своей конструкции ракета позволяла модифицировать ее без особого труда. На ракете несколько головных частей индивидуального наведения. Она являлась промежуточной между “100” и тяжелой ракетой академиков М.К. Янгеля – В.Ф. Уткина “Сатана”, вошедшей в книгу рекордов Гиннеса как самая мощная межконтинентальная ракета в мире. Боевая ракета “100Н” переоборудована в ракету-носитель для мирных целей под названием “Рокот”.

Горжусь тем, что мне повезло работать в авиационном и ракетостроительном конструкторских бюро в самый пик развития этих отраслей и мощи державы.

Разработку космических аппаратов, переняв эстафету, продолжил мой сын, Игорь Валентинович, по мирной тематике. После окончания МАИ он работал в КБ С.А. Лавочкина инженером-конструктором в проектном отделе, в “Интеркосмосе” Академии наук СССР по подготовке и запуску космических экспедиций СССР-Индия, СССР-Сирия и другие, в институте космических исследований.

В 1983 году я ушел на пенсию. Более десяти лет после ухода на пенсию меня избирали председателем Совета ветеранов войны и труда по местожительству. Эта работа отмечена наградами, Почетными грамотами Союзного комитета ветеранов, а также многими почетными грамотами районного военного комиссариата. Награжден орденом Отечественной войны и двадцатью медалями. Президиумом Советского комитета ветеранов войны награжден “Нагрудным знаком СКВВ”. Участник парадов в честь 50-й и 60-й годовщины Победы. Капитан в отставке.

Апрель 2006 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Дементьев Владимир Александрович****, учащийся 2-го курса Колледжа предпринимательства № 11 города Москвы.*

Удалова Прасковья Георгиевна

У меня в руках мой карабин. Я его никому не отдала

Я родилась 9 августа 1923 года в деревне Петухово Кемерского района Калининской (ныне Тверская) области. Русская. Православная. Беспартийная. Состояла в комсомоле.

До войны жила в деревне с родителями. Училась в школе и в 1938 году окончила 7 классов. После школы пошла на курсы учетчиков, которые длились 3 месяца. После этих курсов работала по своей специальности в местном совхозе до самого призыва на службу.

О войне узнала, как и многие граждане нашей страны, по радио и вместе со всеми переживала о событиях, происходящих на фронте. В это время я также работала на своем предприятии по своей специальности – учетчицей. Уже тогда многие понимали весь ужас происходившего на войне и стремились всеми силами помочь нашей армии. В их числе была и я. Поэтому, узнав о призыве, ни минуты не колебалась и отправилась в приемную комиссию.

Призвали меня повесткой, не только меня одну, но и многих моих знакомых девушек. Призвали прямо в город Калинин. Это было ранней осенью 1942 года. В Калинине мы прошли обучение профессии регулировщиц. Обучение длилось недолго, после него мы приняли присягу, получили звание

рядового и остались в тылу, несли службу в дорожных войсках 1-го Украинского фронта.

Начинала я свою службу под началом младшего лейтенанта Сталибицкого, который был нашим командиром взвода.

Через некоторое время мы были в городе Перемирки Калининской области, куда поздней осенью ко мне приезжала мама. Здесь мы находились всю зиму.

Ближе к середине весны 1943 г. нас перебросили под Воронеж. Под Воронежем есть было практически нечего. Нам приходилось питаться ракушками, которые мы находили вдоль берега реки, протекавшей в тех местах. В Воронеже мы стояли долго. За это время произошло много событий, которые все не упомнишь. Вспышкой в памяти остался эпизод, когда я чуть-чуть не утонула в той самой реке.

Из Воронежа мы выдвинулись в сторону фронта. Направлялись мы в сторону Курска. В это время наши войска уже перешли в наступление. Продвигались в основном лесом. Дорога была тяжелой. Бывало всякое. То в болотах увязнем, то в чащу непролазную попадем.

Мы проходили много мелких населенных пунктов, названия которых я не вспомню. Принимали в них нас по-разному. Где гостеприимно приглашали переночевать, а где, скрипя зубами, отдавали черствый хлеб. Летом мы проходили Валуйки, также Воронежской области. Все это время боевые действия до нас практически не доходили. Самым тяжелым был голод. После Валуек мы подошли к Старым и Новым Осколам. Это уже была поздняя осень. Снегу уже было много. Где-то в тех местах, находясь на своем боевом посту, на развилке, я встретилась со своим братом. Встреча наша была очень неожиданна, но от этого не менее приятна.

В конце концов, мы прибыли под Курск, где стояли вместе с гвардией нашей армии. Все время мы были на чеку, так как противник был очень близко. Я не помню, что именно там произошло, но мы сначала продвинулись вперед, а затем были вынуждены отступать. И хозяева домов в населенных пунктах, которые мы уже прошли, были очень недовольны тем, что мы отступили. Но мы ничего с этим поделать не могли. А потом люди еще больше стали недовольны, потому что начались обстрелы. Доставалось всем.

С нами в то время был корпус кавалеристов 5 армии (по-моему).

Люди на нас обозлились и перестали давать нам еду. Не все конечно, но все же недовольство населения росло. И как раз в это время началась большая битва на Курской Дуге.

Курская Дуга для меня прошла в населенном пункте Большая Даниловка. Нас очень прижали там. В этом населенном пункте саперы делали мост через протекавшую там речку. В этом месте оставили только два поста. Я была на одном из них, а все остальные девушки куда-то уехали. С нами остался только младший лейтенант Сталибицкий. Нас начали обстреливать. Я находилась около моста. Когда мост взорвался, меня подхватила взрывная волна и отбросила. Все происходило очень быстро, я практически ничего не помню. В голове крутилось только то, что вот началась настоящая война. Тогда я осознала смысл этого слова. Когда я очнулась, то поняла, что меня ранило в ногу. Ранение было осколочным, но легким. Наш командир взвода не знал, что с нами делать, а тут еще я получила ранение. Он хотел меня где-нибудь спрятать, но я отказалась. А самолеты продолжали бомбить окружающую местность.

Я выскочила на дорогу и остановила машину своим флажком. Водитель мне сказал, что Харьков взят, и надо ехать в город Большая Даниловка. Он говорил, что там сейчас находятся все части, что мои регулировщицы тоже там же. Все это происходило на дороге Белгород-Харьков. К нам подошли саперы, которые достраивали мост. У них оружия не было. У нас же были исправные карабины, с полным боекомплектом. Один из саперов подошел ко мне и хотел взять мою винтовку, но я сказала, что не отдам. Саперы стали говорить, что вам бабам ружье ни к чему, а нам воевать не чем (свое оружие они где-то потеряли). Но я стояла на своем и не отдала карабин, потому что это было единственное, чем я могла защищаться.

Через некоторое время мы все пошли в Большую Даниловку. Но я не могла поспевать за своими товарищами, так как была ранена в ногу. Боли я уже не чувствовала, нога онемела, кровь залила весь сапог. Я начала отставать, а потом и вовсе потеряла их из виду. Мимо бежали солдаты. Все, в общем, бежали в Даниловку. Скоро появились окраины города.

Это были домики, усадьбы, похожие на те, что сейчас в Подмосковье.

Я забежала в какой-то сарай. Там были какие-то «хохлушки». Я у них спросила, где наши войска, куда мне идти. Они стали меня отговаривать. Говорили, чтобы я переодевалась и прикинулась мирной жительницей, если немцы придут. Но я ответила, что мне надо найти свое подразделение, и что переодеваться я не буду.

Я вышла из сарая и пошла ложбиной. Мимо меня проезжал броневичок. Приостановился. Я хотела подбежать, чтобы меня подвезли до Большой Даниловки. Но не успела, он, не дождавшись, уехал. Я осталась одна. Вокруг только гражданские. Военные все уже ушли в Даниловку.

Я продолжала идти. Шла уже каким-то полем. Надо мной - самолеты. Страшно, но я все равно шла, потому что знала, что если не дойду до Даниловки, мне конец. В конце концов, я вплотную приблизилась к Большой Даниловке. А там уже наши солдаты залегли и кричат мне: «Руки вверх!». А у меня в руках мой карабин. Я его никому не отдала. Они мне приказали все бросить, все оружие, которое у меня было. Я бросила. И они забрали меня. А их начальник говорит, ведите ее в особый отдел, она от немцев. Меня привели, и там я узнала, что нахожусь у связистов.

Тут опять все загудело, зашумело. Кто-то сказал, что пришел приказ отступать дальше, а куда отступать, никто не знал. Все побежали и я с ними. Колея на дороге полностью разбита. Мне вдвойне тяжелей. И я опять отстала и осталась одна.

Мимо проезжала машина. Я вскочила на подножки и закричала, что не отцеплюсь, пусть делают, что хотят, но оставаться одна я не хотела. В итоге мы приехали в еще один населенный пункт. Они мне сказали, чтобы я шла в особый отдел, где меня зафиксируют и прикрепят к какому-нибудь подразделению. Они показали мне дорогу, и я пошла.

Я пришла в этот отдел. Там мне сказали, что я буду связисткой. Но мне этого не очень хотелось, я хотела найти своих подружек. И я так и не пошла с ними, а все ходила и искала своих подруг. Потом меня какой-то шофер посадил к себе в машину, дал повидло, сказал: «Ешь!». А я есть не могу, все думаю - как я без своих. Тут начало темнеть. А когда

спустилась ночь, стало потише, перестали бомбить. Машина не останавливалась. И в итоге мы куда-то выехали. Боль в ноге к тому времени я уже почти не чувствовала. До рассвета мы ехали, не останавливаясь.

А потом я каким-то образом очутилась в Киевском госпитале. В этом госпитале лежал Ватутин. Здесь произошло интересное событие. Ватутин тоже был ранен в ногу и для того, чтобы избежать ампутации ноги, ему должны были сделать прививки пенициллина. Но врачи боялись делать ему эти прививки, потому, что это лекарство было привезено из Америки. Они думали, что оно отравлено и Ватутин умрет от них. Но я сказала врачу, чтобы он сделал мне эти прививки, потому без ноги я жить не хотела, лучше умереть. В итоге Ватутин умер, а я хожу с палочкой.

В больнице в этой я пробыла долго. Успела поработать там, когда нога почти выздоровела. А потом я и еще человек двести из госпиталя отправились на фронт. Это было осенью 1944 года. Но станцию, на которую мы прибыли, разбомбили. Мы опять остались без всего, только у парня, который был с нами, был мешок с сухарями. Он его из больницы прихватил. Все это происходило ночью, а к утру мы кое-как добрались до пересыльного пункта. На этом пересыльном мы все время маршировали. Маршировали мы недели две. Нас готовили к какому-то походу. На пересыльном пункте я увидела мужчину, который принимал меня в регулировщицы. И я спряталась в казарме, потому что не хотела опять идти к тем, кто меня бросил. Так я стала связисткой. На этом пересыльном пункте я переквалифицировалась в связистки. И отправилась вместе со своим подразделением в поход. В своем подразделении из девушек я была чуть ли не единственная. Шли мы, наверное, недели две. В итоге мы пришли в ту часть, в которую нас взяли. Это была зенитная артиллерия - резерв Главного командования. В этой части я и осталась до конца войны.

В Германию мы попали, пройдя Украину и Польшу. В Польше все было достаточно благополучно. В этой стране находились достаточно долго. В Польше все было очень красиво и ухожено.

В Германии я не дошла до Берлина 40 километров. Остановилась в городе Дрезден. Но на этом для меня война не закончилась. Я участвовала в освобождении Чехословакии. В

Чехословакии мы увидели ужасную картину. Семья чехословаков (муж, жена и двое детей), испугавшись прихода советских войск, отравилась полностью за обеденным столом. Зрелище это было ужасное.

В Чехословакии я работала в штабе. После месяца работы меня демобилизовали. Демобилизовалась я 23 июля 1945 года.

Домой я возвращалась в товарном вагоне. Сначала мы доехали до Москвы, потом нас перебросили до Кимры, а потом на попутных машинах мы приехали в свои деревни. Домой я приехала где-то в августе. Но радости от приезда было мало, потому как все было разрушено.

Боевых наград я не имею. После войны мне неоднократно давали различные ордена и награды. Вот некоторые из них:

Орден Красной Звезды.

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 годов.

Указом Президиума Верховного совета СССР от 11 марта 1985 года награждена орденом Отечественной войны 2-ой степени № 3024818.

За победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг. От имени Президиума Верховного совета СССР медаль вручена 5 декабря 1978 года.

Награждена медалью «За боевые заслуги».

Июнь 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Рыжков Станислав Олегович****, студент 3-го курса Московского государственного горного университета*

Фёдорова Любовь Васильевна

«Комсомольская правда» при штабе партизанских отрядов «Бати»

Я родилась 30 октября 1919 года в городе Челябинске в семье служащих. В 1937 году окончила среднюю школу.

О начале войны узнала в 1941 году. В это время была в санатории “Правда”, где работала на должности работника редакции “Комсомольская правда”.

В 1941 году была избрана секретарём комсомольской организации редакции газеты “Комсомольская правда”. В эти тяжёлые годы войны приходилось эвакуировать семьи сотрудников редакции в глубокий тыл, заниматься отбором и посылкой комсомольцев на охрану здания редакции и типографии “Правда”. Во время налётов немецких самолётов организовывала дежурства в госпиталях, курсы медсестёр. Сама окончила эти курсы, что помогло оказывать первую медицинскую помощь раненым на фронте. Занималась сбором зимних вещей для фронтовиков.

За эту работу была награждена медалью “За оборону Москвы”.

В годы Великой Отечественной войны по решению ЦК ВЛКСМ и редколлегии газеты “Комсомольская правда” была направлена в составе выездной редакции за линию фронта, где

работала по выпуску газеты “Комсомольская правда” при штабе партизанских отрядов «Бати».

В начале июля 1942 году в “Комсомольскую правду”, где я работала литературным сотрудником, приехала группа партизан во главе с командиром партизанского соединения, воевавшего в Смоленских лесах. Все мы, сотрудники редакции, собрались в наш Голубой зал, чтобы посмотреть и послушать людей, прибывших из тыла немцев.

Это были молодые, здоровые мужчины, уже год воевавшие с фашистами по ту сторону фронта. Заметно было, что их только что одели в новую военную форму, выглядели они ладными, видавшими виды и много пережившими. Среди приехавших выделялся старший по годам своим и по званию. Это был командир партизанского соединения северных районов Смоленщины, которого все его товарищи почтительно называли “Батей”. Потом уже нам стало известно его настоящее имя и фамилия – Никифор Захарович Коляда. Он был высокого роста, с пушистой окладистой золотистой бородой во всю грудь и с весёлым прищуром очень молодых глаз.

Держался он очень свободно и увлекательно рассказывал о том, как воюют под его командованием партизаны. Он был партизаном на Дальнем Востоке ещё в Гражданскую войну, отлично владел китайским и английским языками. Отсюда такая уверенность и ответственность.

В начале 1942 года в северо-западных районах Смоленщины развернулось широкое партизанское движение. Соединение “Бати” состояло из четырёх бригад численностью в несколько тысяч человек и создавало большую угрозу фашистам на пути к Москве. В районах Смоленск – Орша – Витебск под контролем партизан находились дороги Рудня – Демидов, Демидов – Духовщина. В ряде населённых пунктов этих районов были разгромлены фашистские гарнизоны и установлены сельсоветы. Десятки партизанских отрядов контролировали около трёхсот населённых пунктов. На полях зрели хлеба, посеянные партизанами, работали загс, суд, столовые, пекарни. А по границам этих районов партизаны ежедневно вели бои с захватчиками и отстаивали отвоёванные земли.

И вот во время этой встречи в Голубом зале было решено направить в тыл врага выездную редакцию “Комсомольской

правды". Не знаю, почему так случилось, но "Батя" вдруг обвёл всех сотрудников, сидевших за большим редакционным столом и, указав на меня пальцем, спросил: "Ты поедешь к нам?". Я была настолько ошеломлена этим предложением, что, густо покраснев, не смогла ничего ему ответить. Но когда встреча окончилась, я направилась в кабинет главного редактора и стала просить послать меня в составе выездной редакции, поручив мне любую работу. Долго шли переговоры об этом, уговаривали отказаться от этого решения, пытались объяснить мне, как это опасно. Что я ещё слишком молода (мне шёл тогда двадцатый год). Но, увидев, что никаким уговорам я не поддаюсь, и упорно настаиваю на зачислении меня сотрудником этой выездной, наконец, согласились. Моя мечта попасть на фронт сбывалась. В то время я была секретарём комсомольской организации редакции. Уже немало девушек и ребят по указанию Октябрьского района ВЛКСМ ушло в действующую армию, а мои просьбы оставались без ответа.

Я была счастлива ещё и тем, что ехала со мной моя близкая подруга Лида Бакашова, корреспондент ТАСС, ехали замечательные ребята Карл Непомнящий – редактором выездной и военный корреспондент "Правды" Леонид Коробов. Оба они – и Коробов, и Непомнящий – носили уже боевые ордена, много писали о фронте и даже побывали в партизанских отрядах и с ними нам с Лидой и в начале наших сборов всё было ясно, и в боевых условиях – не страшно.

Роскошный номер гостиницы "Москва", в котором собирались партизаны, выглядел необычно. На полированных столиках лежали автоматы, кровати, застланные шёлковыми покрывалами, были завалены шинелями, плащами, вещевыми мешками, по пушистым коврам ходили люди в кирзовых сапогах. У стен стояли ящики с гранатами, радиоаппаратурой, сухарями, табаком. Здесь мы знакомились с теми, с кем нам потом пришлось ехать длинную дорогу, переходить линию фронта, жить, работать и воевать в особых условиях. Наше оформление, подготовка настоящей типографии, получение двух тонн бумаги, печатной машины, наборных касс и прочего необходимого оборудования отнимало много сил и времени, а мне казалось, что дни тянутся бесконечно долго. Хотелось скорее уехать, не прощаться каждый день с родными и

друзьями, а начать выполнять задание по-настоящему, по-боевому.

Наша журналистская группа состояла из шести человек: Карл Непомнящий – редактор нашей газеты, Александр Николаев – наборщик, я – литсотрудник, Леонид Коробов - военный корреспондент "Правды", Лидия Бакашова – специальный корреспондент ТАСС и Николай Матвеев – солдат.

В пути, на стоянках мы проводили редакционные летучки, обсуждали, какая должна быть у нас газета, как её макетировать, какие материалы готовить. Ехали мы работать не с пустыми руками. Мы везли с собой письма советских писателей к смоленским партизанам, стихи, фельетоны, клише плакатов и карикатур.

В "походных летучках" участвовали все члены нашей группы, хотя непосредственно отношение к выпуску газеты имели трое. Ведь и Леонид Коробов и Лидия Бакашова до войны работали в "Комсомольской правде" и выпуск нашей маленькой "Комсомолки" считали своим делом.

Переходили линию фронта в районе села Слобода (ныне с. Пржевальское) в Букринские леса. Встал вопрос: где проходить, как сохранить людей и грузы, как переправить типографию. Кругом на многие километры тянулись минные поля, которые минировали и наши войска, и немцы, и партизаны, где найти лазейку и прорваться через мины. Было решено переправлять типографию на лошадях. Отвечал и сопровождал нашу группу начальник штаба партизанского соединения "Бати" – Леонид Васильевич Громов, которого мы тогда звали Васильичем, замечательный человек, ныне живущий в Москве.

Сначала через минное поле проходили партизаны – разведчики и связисты. Потом двигались мы с типографией. Каждый шаг грозил смертью. Шли, не отрывая глаз от земли, ступали след в след за проводником, часто приходилось телеги поднимать и нести на руках, особенно на поворотах и выбоинах.

Так, пройдя линию фронта и перебросив оборудование походной типографии, выездная редакция "Комсомольской правды" обосновалась в небольшой деревушке Корево, окружённой густыми Букринскими лесами, и начала свою

работу. В Корево находился и штаб партизанского соединения «Бати».

Первый номер газеты “Комсомольская правда” в партизанских отрядах Смоленщины вышел 12 августа 1942 года, в котором были напечатаны сводки о боевых операциях отрядов, об активных действиях партизан, письмо И. Эренбурга к партизанам Смоленщины, специально написанный для нашей газеты рассказ “Москва сегодня”, сообщение о выпуске газеты “Комсомольская правда” в тылу врага. Тираж первого номера газеты был 1000 экземпляров. (Последние номера печатались большими тиражами).

На другой же день газета была доставлена во все отряды, где встретила очень тёплый прием и вызвала живой интерес у боевых партизан и местного населения. Они любовно называли газету “малюткой”. Буквально через несколько дней в редакцию стали поступать заметки и письма партизан, присланные через связных и разведчиков. Материалы эти мы отрабатывали и печатали.

В газете были поставлены вопросы о боевой активности молодых партизан, передавался опыт работы лучших разведчиков, минёров. Маленькая “Комсомолка” своими заголовками призывала: “Сражаясь – учись!”, “Распространять боевой опыт”, “Как взрывать вражеские эшелоны” с подзаголовками: “Первые шаги – поезд идёт!”, “В нашем полку прибыло”, “Рвать большаки, взрывать мосты и поезда”, “На смоленских дорогах хозяевами должны быть мы!”, рассказывала о боях партизан с карателями.

Специальные номера были посвящены боевым действиям партизанского отряда, которым командовал Сергей Гришин – Герой Советского Союза, и памяти комсомольца Героя Советского Союза Володи Куриленко, пустившего под откос семь эшелонов противника, шёл под аншлагом: “Сражайся так, как народный Герой Володя Куриленко”.

Наша маленькая газета с каждым номером набирала силы и грозно звучала.

Разведчики, вернувшиеся из оккупированного Смоленска, рассказывали, что они видели, как с фонарного столба немцы яростно срывали наклеенный кем-то номер “Комсомолки”, разгоняли автоматами людей, читавших газету. Тогда в штабе решили, что “Комсомолку” нужно любыми путями доставлять в

Смоленск. Рискуя жизнью, разведчики взяли это на себя. А “Комсомолка” из номера в номер рассказывала о зверствах фашистов, об их кровавых преступлениях.

Материалы о боевых действиях смоленских партизан появлялись и в центральной печати. По радио из Москвы была передана опубликованная в “Известиях” корреспонденция спецкора ТАСС Л. Бакашовой “Вражеские поезда летят под откос”.

В номере от 17 сентября 1942 года писалось:

“На днях в расположении партизанских отрядов состоялось вручение орденов лучшим партизанам Смоленщины, проявившим доблесть и мужество в тылу против немецких захватчиков. В самом просторном доме деревни Н. (имеется в виду деревня Корево) собрались награждённые. Партизаны пришли со своими автоматами, ружьями, гранатами. Многие из них пришли из лесов, где сейчас идут бои.

По поручению Президиума Верховного Совета СССР секретарь Смоленского обкома ВКП/б/ тов. Иванов вручил ордена и медали награжденным.

Орден Ленина вручается известному партизанскому командиру – Ивану О. – организатору одного из первых отрядов на Смоленщине…”

Вот ещё одна характерная заметка из нашей газеты:

“В последние дни партизанские отряды Смоленщины (северо-западного края) ведут упорные бои с карателями. Немцы хотят очистить от партизан территории, прилегающие к большакам, важным военным коммуникациям и железным дорогам. Пользуясь отличным знанием местности, партизаны наносят противнику потери в технике, изматывают его живую силу. За последние два дня усилились удары по врагу с тыла. Каратели уже потеряли убитыми несколько сот солдат и офицеров.

Все же им удалось продвинуться вперёд и занять ряд партизанских деревень. Кровь стынет в жилах от бесчисленных кровавых зверств немецких оккупантов. В деревне Зарубинки палачи топорами отрубили всем женщинам головы. В деревне Марченки они расстреляли всех мирных жителей без исключения”.

В другой заметке рассказ идёт от имени командира отряда Петра Васильевича Терехова:

“Мы углубились в тыл противника. Поход был трудный. Всякий раз приходилось высылать разведку, узнавать обстановку, знакомиться с местностью.

В первый день подошли к железнодорожной линии. Засели в кустах и установили наблюдение. По дороге курсировали немецкие мотовозы, паровозы “ОВ”. Был дан приказ организовать крушение. Дождались ночи. Шесть смелых партизан – Николай Е., Иван Б. и другие отправились на операцию. Подползли к насыпи, осмотрели местность.

«Вот здесь хорошо заминировать», - сказал Николай Е., главный минёр.

Все согласились. Действительно, место было хорошее: насыпь высокая, большой косогор, внизу болото, топи.

Выждав удобный момент, партизаны приступили к работе. Заложили мины, проверили маскировку – хорошо. Отползли в кусты. Ждут.

Когда день подходил к концу, вдали послышался стук и лязг. Все насторожились. Из-за перелеска показался поезд. Паровоз “ОВ” тащил за собой 7-8 платформ с боеприпасами и продовольствием и вагон с солдатами.

Вот он наскочил на мину. Резкий, оглушительный взрыв. Вверх поднялось чёрное облако дыма. Вражеский эшелон слетел под откос. Вспыхнул пожар. Рвались боеприпасы…

На третий день в районе станции С. заминировали железнодорожную линию. На этих минах взорвался мотовоз. Разбито пять платформ с боеприпасами и продовольствием. На обратном пути мы взорвали немецкую автомашину с грузом, сняли около 2,5 километров телефонного кабеля, обстреляли несколько немецких гарнизонов и без потерь вернулись в расположение своего отряда”.

Всё большая активность действий партизанских отрядов “Бати” вынудила немцев бросить против партизан крупные силы с конницей и артиллерией. 10 сентября 1942 года началось наступление гитлеровцев. Кольцо карателей начало сжиматься. Три вражеские дивизии обходили партизан с юга, запада и востока. Только северная часть партизанского края оставалась открытой – леса и непроходимые болота мешали врагу замкнуть кольцо.

Восемнадцать дней и ночей шли ожесточённые бои, но наша газета продолжала работу. 19 сентября был выпущен

очередной номер газеты, и редакцию с типографией переправили в деревню Воробьи. Обстановка была крайне напряжённой. В разгар боёв за деревню Выставка, 21 сентября, выпустили ещё один номер “Комсомолки”, в котором каждая строка звала в бой, звала к отмщению. Газета помогала поднимать боевой дух партизан, освещала ход боёв.

А обстановка ещё больше накалялась. Немцы подтягивали свежие силы, бросали в бой новую технику. Деревня Воробьи чуть не оказалась отрезанной. Очередной номер газеты верстался буквально под огнём противника.

Из объединённого штаба партизанского движения Смоленщины был получен приказ немедленно переправить редакцию за линию фронта в расположение действующей армии.

Последние два номера газеты были выпущены в районном центре Смоленской области – Слободе и доставлены на передовую линию боёв с карателями.

Из соединения “Бати” было сформировано пять партизанских бригад, которые ушли в леса Белоруссии. Связь с партизанами была прервана. Оставаться в Слободе было опасно, так как малейшее промедление неминуемо привело бы к потере пехотной типографии. Командир дивизии, которая вступила в бой с немцами, генерал – майор Волков помог выездной редакции спасти оборудование типографии, выделив для этой цели две автомашины. Так как связь с партизанами установить не представлялось возможности, выездная редакция, согласовав вопрос со Смоленским обкомом партии и телеграфно с редакцией “Комсомольской правды”, выехала в Москву.

Всего для партизанских отрядов было выпущено 12 номеров газеты, а также отпечатано и переброшено партизанскими разведчиками пять листов (по три тысячи экземпляров каждая) для разложения тыла противника.

После окончания командировки и выполнения задания, с октября месяца 1942 года по 1944 год я добровольно осталась на фронте и продолжала работать радисткой в редакции газеты “Врага - на штык” в 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. В 1944 году под городом Витебском была принята в ряды КПСС. В 1945 году вернулась с фронта в редакцию газеты “Комсомольская правда”.

Награждена медалями и орденами:

- медалью “За оборону Москвы” (Указом Президиума Верховного Совета СССР от первого мая 1944 года. Номер удостоверения АА № 002273. Вручена 27 апреля 1946 года);
- нагрудным знаком “Участнику партизанской борьбы 1941-1942 гг.” (выдан председателем Объединённого Совета ветеранов партизан Московской секции СКВВ Б. Н. Черноусовым);
- медалью “За отвагу” (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года. Номер удостоверения Ж № 491204. Вручена 3 февраля 1967 года);
- медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 гг.” (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года. Номер удостоверения Ю № 0227241. Вручена 3 марта 1975 года);
- орденом Отечественной войны II-й степени (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года. № ордена 1090085, номер удостоверения А № 918099);
- медалью “50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”;
- медалью “В память 850-летия Москвы”;
- памятным знаком “60 лет битвы за Москву”;
- медалью “В память 800-летия Москвы”.

Апрель 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шелюбский Алексей Михайлович,*** *курсант 3-го курса кафедры военного обучения Московского государственного текстильного университета.*

Фесенко Михаил Ильич

Бомбы бросать серийно, по две кассеты. Иду в атаку, боевой курс 165.

Герой Советского Союза, генерал-майор в отставке. Летчик-штурмовик Ил-2.

Родился 15 сентября 1923 г. в г. Красный Лиман Донецкой области, на ул. Советская, д. 129. Украинец. Из служащих. С апреля 1946 г. - член КПСС (партбилет № 05894078).

До войны окончил 10 классов средней школы. В 1952 г. окончил военное высшее Краснознаменное учебное заведение, а в 1955 г. военно-воздушную академию им. Гагарина.

Был призван Краснолиманским РВК Сталинской области. Закончив авиашколу по сокращенной программе с восемнадцатью часами самостоятельного налета на самолете Ил-2, в мае 1943 г. прибыл на Центральный фронт в 874-й штурмовой авиационный полк (ШАП). И уже на третий день пребывания в полку, после проверки т/п, облета района полетов и изучения обстановки на фронте, был включен в боевой расчет для выполнения боевой задачи на Курской дуге.

Началась боевая работа. Начинал я свой боевой путь с обычного летчика в 175-го гвардейском штурмовом авиационном Слуцком Краснознаменном ордена Суворова полку под командованием гвардии полковника Волкова М.Г.

Свой боевой путь я проходил через Землянск (13.06.1942), Рябинки (24.01.1943), Телегино (23.02.1943), Красная Заря

(10.03.1943), Зыбино (10.03.1943), Елец (29.03.1943), Русский Брод (3.10.1943), Измалково (3.07.1943), Радубеж (13.07.1943), Ребендер (23.07.1943), Износково (2.09.1943), Хижки (13.09.1943), Нежин (2.10.1943), Тростань (7.10.1943), Журавка (24.10.1943), Урицкое (16.11.1943), Ровковичи (31.01.1944), Журавка (4.03.1944), Рогинь (2.05.1944), Бобровичи(20.06.1944), Забава (6.07.1944), Копино (27.07.1944), Родзынь (3.08.1944) и др.

Участвовал в боевых действиях за Днепр, Белоруссию, освобождение Польши, в Берлинской операции.

16 апреля был ведущим группы 12-ти самолетов Ил-2 и ударами с воздуха поддерживал наши войска на Кюстринском плацдарме, обеспечивая переправу главных сил 5-й ударной армии через р. Одер. Шесть заходов сделали на позиции немцев, подавили огневые точки, артиллерийские и минометные позиции. Тем самым, мы обеспечили переправу. И такие эпизоды были почти в каждом боевом вылете. Также я участвовал в боевых операциях под Воронежем, в Косторненской операции при освобождении города Курска, уничтожал фашистов и немецкую технику на Курской дуге, участвовал в освобождении таких городов, как: Орел, Брянск, Нижний, Чернигов, Конотоп, Бахмач, Гомель, Калинковичи, Могилев, Бобруйск, Минск, Брест и многих других городов и сел.

Военные действия я закончил в должности заместителя командира авиаэскадрильи штурмового авиаполка. После войны окончил академию КВВА им. Гагарина, продолжал службу в ВВС СА на командных должностях: командир полка, дивизии, зам. командующего ВА, а также в аппарате Главкома ВВС. Оставив свою подпись на Рейхстаге 5 мая 1945 года, я был уверен: все, война окончена. Тогда все так думали, не веря, что человечество может еще когда-нибудь вернуться к ужасам боев, бомбежек, бессмысленной смерти ни в чем не повинных людей. Но я ошибся. И уже в 1973 году я был назначен советником командующего ВВС и ПВО ДРВ (Демократическая республика Вьетнам).

За успешное выполнение боевых заданий и массовый героизм в годы Великой Отечественной войны приказом НКО № 270 от 19 августа 1944 года нашему полку было присвоено гвардейское звание с вручением гвардейского Знамени. За

успешные боевые действия при освобождении города Слуцка в июне 1944 года наш полк был удостоен почетного наименования «Слуцкий». В июле 1944 года полк был награжден орденом Боевого Красного Знамени. За успешные бои на территории Польши наш полк был награжден орденом Суворова 3-й степени. А 14 особо отличившихся в боях за свободу и независимость Родины летчиков удостоены высокого звания - Герой Советского Союза. Среди них был и я.

Мои награды: звание Герой Советского Союза (15.05.1946 г.), орден Ленина, медаль «Золотая звезда» Героя Советского Союза, два ордена Красного Знамени (1944-1945 гг.), орден Отечественной войны 1-й степени (1944 г.), три ордена Красной Звезды (1943, 1945, 1950), орден Трудового Красного Знамени (1978 г.). 20 медалей, орден и медаль ДРВ, орден и медаль Польши (орден «Братерства Брони»), Болгарская медаль.

Мой боевой путь от Днепра до подступов Берлина был нелегок и трагичен. За этот период я произвел 112 успешных боевых вылетов. Штурмовикам звание Героя давали за каждые 100 боевых вылетов, а в первые годы войны и за меньшее их число - очень немногие дотягивали до заветной цифры.

Под Гомелем, к примеру, штурмовики вернулись на свой аэродром без восьми экипажей. Наш полк часто выполнял по 5-6 боевых вылетов в день. 48 раз я лично водил группы по 6-8 самолетов на выполнение сложных боевых заданий, 10 раз участвовал в боях с истребителями противника.

За 120 вылетов я уничтожил и повредил: 8 танков, 102 автомашины, 40 орудий полевой артиллерии (ПА), 27 орудий зенитной артиллерии (ЗА), 9 минометов, в том числе несколько реактивных шестиствольных. Сжег десятки вагонов с воинскими грузами и боеприпасами, разрушил 6 зданий, приспособленных под опорные пункты, уничтожил склад боеприпасов, вызвал 13 крупных очагов пожаров в расположении противника, истребил до 750 гитлеровцев.

Свой боевой путь я начал в ожесточенных боях с немецкими захватчиками за освобождение Советской Украины, городов Конотоп, Бахмач, Нежин.

6 сентября 1943 года я произвел свой первый боевой вылет по уничтожению живой силы и техники врага в районе Попова слобода. Несмотря на сильное противодействие врага, я все-таки пробился к цели и с 4-х заходов уничтожил 2 миномета и

11 солдат и офицеров противника. Имея сильные повреждения самолета от ЗА, перебитое управление правым элероном я сумел привести самолет на свой аэродром и произвести благополучную посадку.

В этой операции я произвел 13 успешных боевых вылетов. За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими захватчиками 14.02.1943 года получил первую правительственную награду - орден Красной Звезды, будучи гвардии старшим лейтенантом.

В боях за освобождение от немецких захватчиков Советской Белоруссии на Гомельском и Жлобинском направлениях я произвел 26 успешных боевых вылетов, уничтожив и повредив при этом: 30 автомашин, 6 орудий ПА, 3 орудия ЗА, 5 минометов, 27 повозок с боеприпасами и грузами, 17 железнодорожных вагонов и до 140 солдат и офицеров противника. 21.10.1943 года при выполнении задания по уничтожению минометов и артиллерии противника на ОП в районе Холмеч наша группа штурмовиков подверглась атаке 8 ФВ-190, четыре из них были связаны истребителями сопровождения, а вторая четверка пыталась помешать нам, выполнить задание. Несмотря на это, мы продолжали обрабатывать цель, одновременно сочетая маневр с ведением огня, отбивались от атак истребителей противника. Сделав четыре захода, наша группа без потерь вернулась на свой аэродром. В этом бою я уничтожил 2 автомашины, 1 миномет и до 10 солдат и офицеров противника. Так я, гвардии старший лейтенант, получил свою 2-ю правительственную награду - орден Красного Знамени.

К моменту проведения Бобруйской операции я уже был ведущим группы в 6-10 самолетов. Тогда в нашу задачу входила поддержка с воздуха наступающих частей. Я произвел 9 успешных боевых вылетов, уничтожив и повредив при этом 1 танк, 12 автомашин, 2 орудия ПА, 8 железнодорожных вагонов, 1 паровоз, истребил до 70 солдат и офицеров противника.

За участие в разгроме окруженной группировки немцев юго-восточнее Бобруйска получил благодарность от Главного маршала авиации Новикова А.А.. Принимая активное участие в боях западнее г. Ковель при форсировании реки Западный Буг, в освобождении от немецких захватчиков Польши, городов Луков, Седлец, Минск-Мазовецкий я произвел 34 успешных

боев вылета, уничтожив и повредив при этом: 2 танка, 27 автомашин, 11 орудий ПА, 8 орудий ЗА, 6 тягачей, 26 повозок, истребил до 200 солдат и офицеров противника. 24.08.1944 года в сложной тактической обстановке, в условиях стремительного движения наших войск на запад, выполнял, будучи ведущим группы, задание по уничтожению отходящих колонн противника. Установив движение противника в районе Шляхецнит, Елене я обрушил смертоносный груз группы на головы фашистов. Группой при этом было уничтожено: 9 автомашин, 12 повозок с грузами, 3 орудия ПА, истреблено до 40 гитлеровцев. Лично я уничтожил 1 автомашину, 2 повозки и до 10 гитлеровцев.

4.10.1944 года я получил третью правительственную награду - орден Отечественной войны 1-й степени.

В боях за овладение Померанией я произвел 16 боевых вылетов, уничтожив при этом: 1 танк, 14 автомашин, 8 орудий ПА. 4 орудия ЗА, 19 повозок, истребил до 130 солдат и офицеров.

В боях за очищение от противника восточного берега реки Одер и улучшение своих позиций я произвел 14 успешных вылетов ведущим группы в 6-18 самолетов.

25.03.1945 года, выполняя задание по уничтожению окруженной группировки немцев в районе Кюстрин (Ной-Блейхен), поддерживая связь с землей, я, точно, всей группой, наносил удары по заданной цели и, несмотря на ожесточенное сопротивление ЗА и МЗА, не ушел с цели, пока не закончились боеприпасы и не получил разрешения с командного пункта. Наземные войска всегда восторженно отзывались о работе моих групп, неоднократно объявляя мне благодарность.

В марте 1945 года я получил 4-ю правительственную награду за 24 успешных вылета - орден Красного Знамени.

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбу с немецкими захватчиками и проявленное при этом мужество, отвагу и геройство был удостоен высшей правительственной награды - звания «Герой Советского Союза».

Командир 175-го гвардейского штурмового авиационного Слуцкого Краснознаменного полка, гвардии полковник Волков М.Г. (15 апреля 1945 г.)

Достоин высшей правительственной награды - присвоения

звания «Герой Советского Союза».

Командир 11-й гвардейской штурмовой авиационной Нежинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии - Герой Советского Союза - гвардии подполковник Наконечников (20 апреля 1945 г.)

Достоин высшей правительственной награды - присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командующий 16-й воздушной армии генерал-полковник авиации Руденко (15мая 1945 г.)

Достоин высшей правительственной награды - присвоения звания «Герой Советского Союза». Командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Советского Союза Г. Жуков. Член военного совета 1-го Белорусского фронта генерал - лейтенант Телегин (14 июня 1945 г.)

Указом от 15.05.1946 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Архив МО ф. 33, оп. 793756, дело №50, лист №148 -149.

Мой брат- Фесенко Евгений Ильич 1918 года рождения пропал без вести в 1943 году на фронте, под Харьковом. К сожалению, его поиски не принесли никаких положительных результатов.

Отец - Фесенко Илья Федорович 1896 года рождения, мать – Фесенко (Войтенко) Матрена Анисимовна 1897 года рождения, брат - Фесенко Владимир Ильич 1920 года рождения и сестра Сотник (Фесенко) Валентина Ильинична 1925 года рождения остались живы. В настоящее время живы только сестра и брат.

В настоящее время проживаю с женой - Фесенко (Никулина) Анна Даниловна 1928 года рождения. Есть сын - Фесенко Вячеслав Федорович 1950г., капитан, инженер академии им. Жуковского и дочь – Жилина (Фесенко) Лилия Михайловна, в 1980 году окончила Московский Государственный Институт Международных Отношений.

Публикации обо мне:

Статья в газете «Правда», 2002 год, «Мастер штурмовых ударов», автор - Александр Сорокин; статья в газете «Вестник района Бабушкинский», №4(31), апрель 2000 год, стр.2, «Героическое послесловие к школьному сочинению», автор - Надежда Матвеева.

Изначально дорога в авиацию мне была закрыта наглухо: ростом не вышел. Но я все-таки пробился к штурвалу. День за днем буквально вытягивал себя в весе на перекладине, привязывая к ногам гири. Страшно было в первых боевых вылетах или нет - об этом не помнится. Главное - смотреть только на ведущего (самолет, идущий впереди всей группы): куда он - туда и ты, что он делает - то и ты. Потеряешь его из виду - погибнешь. Поэтому первый бой прошел совсем незаметно - ни огня, ни дыма не видал. Это уже потом нагляделся, когда сам стал ведущим. Страх был один - чтобы по своим не ударить. Хотя перед каждым вылетом мы так «зубрили» карту боевых действий, что могли по памяти нарисовать ее один к одному, не глядя в оригинал.

16 апреля 1945 года огнем зениток в течение дня было повреждено 12 Ил-2. И это уже под Берлином, где огневое противодействие было в основном подавлено, а истребительное - вовсе отсутствовало. К тому времени полк потерял три полных состава летчиков и стрелков. Моих однокашников по училищу в дивизии осталось всего четверо. Из двадцати двух ...

На волоске от смерти

В первых же боевых вылетах в районе Днепра мой самолет подбили. То ли знание карты помогло, то ли действительно есть Бог на небе, но в болото не плюхнулись, на бережку приземлились, под Чернобылем. Из ближайшей деревни ребятишки прибежали: «Наши, наши!» Это уже было хорошо, а еще лучше, что и дорога оказалась поблизости. К вечеру добрались до своих. И больше всех радовался командир полка. А Витя Кудрявцев, стрелок, с которым вместе чуть в болото не угодили, жив - здоров и поныне, иногда созваниваемся, встречаемся.

Персональный отзыв

А вот персональный отзыв обо мне, как о ведущем группы: «Отлично действовали! Приходите еще раз». Это земля передала по радио. А после приземления в штаб дивизии поступила телефонограмма от командира 32-го стрелкового

корпуса генерала Жеребина: «Всем экипажам группы объявляю благодарность за отличные действия по опорному пункту Ной - Блейен». В том вылете я вел группу за Одер, севернее Альтдамма, в тыл немцам. Развернулся, но атаковать в первом заходе не стал, а доразведал цель с пологого пикирования. Засек большое скопление танков, автомашин, пехоты. Приказал ведомым: «Бомбы бросать серийно, по две кассеты. Иду в атаку, боевой курс 165». Я первым накрыл цель противотанковыми бомбами - по 96 штук в кассете. Танки запылали. Мой ведомый младший лейтенант Малин сбросил бомбы вслед за мной. Грянул мощный взрыв. На земле возникла паника, а шестерка наших илов заход за заходом поливала пушечно - пулеметным огнем мешанину из машин и людей.

Май 2003 года.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Ломовцев Владислав Вячеславович**, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета*

Фисенко Кира Иосифовна

Гостиница «Киевская» была переоборудована в госпиталь

Я родилась в городе Москве 5 декабря 1923 года. Русская. Православная. Состояла в КПСС с 1943 по 1991 год.

В июне 1941 года окончила 9 классов средней школы в Москве.

22 июня 1941 года услышала по радио выступление В.М. Молотова о нападении немецко-фашистских полчищ на нашу Советскую Родину. Мы с подругой обратились в райком комсомола Киевского района с просьбой направить нас добровольцами на фронт, где нам в категорической форме отказали, ссылаясь на то, что идет война, и мы нужны здесь.

Части противовоздушной обороны приводились в боевую готовность. В Москве полным ходом проводились мероприятия по защите города. Стекла на окнах заклеивались лентами из бумаги, чтобы они не разбились на мелкие осколки во время бомбежки.

Осенью 1941 года немцы вплотную подступили к Москве. Дорога на столицу была почти без защиты.

Но уже в декабре, в ночь с 5-го на 6-е части Красной Армии начали мощное контрнаступление по всему фронту. На Киевский вокзал стали прибывать поезда с ранеными. Мы должны были снимать их с вагонов. Тяжело раненых клали на

носилки, а легко раненым помогали сесть в автобусы, которые развозили их по госпиталям.

Гостиница Киевская была переоборудована в госпиталь, где мы дежурили и оказывали помощь раненым, помогали в операционной, меняли повязки и накладывали гипс. Иногда, по просьбе раненых писали под диктовку письма им домой.

Только 20 февраля 1942 года я была зачислена в формирование местной противовоздушной обороны (МПВО) Киевского района – сандружинницей. Мне выдали обмундирование: комбинезон, спортивные ботинки, санитарную сумку, противогаз. Место дислокации – «Собачья площадка» в музыкальной школе за театром Вахтангова.

Враг стремительно приближался к городу. Через месяц после начала войны, прорвавшись самолетами, немцы начали бомбить город. Нашей задачей было оказание первой помощи пострадавшим в очагах поражения. Ежедневно в 6 часов вечера звучала сирена воздушной тревоги. Население: взрослые с детьми, старики, больные – все, кто мог ходить, спешили в бомбоубежище, на станцию метро. Здесь нужно было оказать им помощь: сопроводить их, напоить водой, дать необходимые лекарства, а самое главное - успокоить.

16 июня 1943 года Киевским Райвоенкоматом города Москвы призвана в ряды Красной Армии в 305-й Отдельный городской батальон медико-санитарной роты командиром отделения в звании младшего сержанта. 5 ноября 1943 года мне было присвоено очередное воинское звание – сержант. Дислоцировалась наша часть на улице Чайковского в школе №697.

В 1944 году указом Верховного Совета СССР награждена медалью «За оборону Москвы».

Демобилизовали меня 5 сентября 1945 года.

В период прохождения военной службы 13 раз сдавала кровь для раненых, для восстановления их здоровья.

Награждена:

- нагрудный знак «Ветеран МПВО» (14 февраля 1981 г., за безупречную службу в войсках противовоздушной обороны города-героя Москвы);

- орден Отечественной войны 2-й степени (Указ президиума Верховного Совета СССР, 11 марта 1985 г.);

- нагрудный знак «Фронтовик 1941-1945 г.» (Вручен 9 мая 2000 г. Российским организационным комитетом).

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Граблин Алексей Леонидович****, курсант 3-го курса кафедры военного обучения МГУП*

Фруль Гораций Иссидорович

Никто не спал, ждали утра. В 4 часа утра раздали боевые 100 грамм

Я родился 22 июля 1926 г. в Москве. Русский. Православный. Беспартийный.

На момент начала войны закончил восемь классов школы №48 г. Москва.

О начале войны узнал 22 июня в 12-00 из радиопередачи. В момент сообщения находился дома в Москве.

В сентябре 1942 г. был направлен курсантом в Харьковское военно-техническое училище, которое во время войны находилось в эвакуации в г. Сталинабад (Душанбе).

В 1943 г. по личному рапорту был направлен на фронт в составе 286-й отдельной армейской штрафной роты. За выполнение задания в составе штрафной роты (минирование, спасение офицера и т.п.) был переведен в 58-ю Одерскую Краснознаменную дивизию под командованием генерал-майора В.А. Самсонова. На фронте в составе дивизии с февраля 1944 г.

Мой боевой путь проходил через деревни: Тыновка (3.02.1944 г.), Павловка (5-7.02.1944 г.), Дажуковка (февраль 1944 г.), село Пьяне (февраль-апрель 1944 г.), Гороховский район (июль 1944 г.), реки: Западный Буг (июль 1944 г.), Висла (июль-август 1944 г.), город Сандомир (август 1944 г.), село

Ракув (12.01.1945 г.), город Любхен (3.02.1945 г.), крепость Глогау (12.02.1945 г.), район домика лесника (апрель 1945г.).

В феврале 1944 г. участвовал в освобождении деревень Тыновка, Павловка и Дажуковка в составе 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина, в составе 58-й стрелковой дивизии под командованием В.А. Самсонова, в составе 170-го стрелкового полка под командованием майора Н.А. Шабельника. В июле 1944 г. освободил Гороховский район в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза И.С. Конева, в составе 58-й стрелковой дивизии под командованием В.А. Самсонова, в составе 170-го стрелкового полка под командованием майора Н.А. Шабельника. 17.02.1944 г. и 30.07.1944 г. осуществил форсирование рек Западный Буг и Висла. Август 1944 г. ознаменовался взятием г. Сандомира.

В начале 1945 г. советские войска освободили соответственно село Ракув, город Любхен и крепость Глогау.

Я принимал участие в освобождении домика лесника “Массов” (места расположения штаба дивизии), где и закончил боевые действия в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза И.С. Конева, 3-й гвардейской армии под командованием В.Н. Гордова рядовым стрелком 58-й дивизии 170-го полка под командованием Н.А. Шабельника.

26.04.1945 г. в ходе боевых действий получил тяжелое пулевое ранение локтевой и предплечной части правой руки. Место лечения происходило в эвакогоспиталях Сандомира, Львова и Полтавы в период с 26.04.1945 г. по 26.11.1946 г., а 1 декабря 1946г. прибыл в Москву.

Демобилизовался по причине тяжелого боевого ранения. Пожизненно освобожден от воинской обязанности. Инвалид ВОВ I группы.

За боевые заслуги имею следующие награды:

- орден Славы 3-й степени (№ 723709. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3.02.1945 г., подписанный Верховным командующим СССР И.В. Сталиным. Орден вручен за прорыв глубоко эшелонированной обороны противника в районе села Ракув, за уничтожение отряда гитлеровцев, взятие нескольких человек в плен, в том числе младшего командира,

захват боевой техники 8.05.1965 г. в г. Москве маршалом Советского Союза В.И. Чуйковым);

- орден Отечественной войны 1-й степени. (№ 1462947. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985 г. Орден вручен в г. Москве за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия победы советского народа в ВОВ 1941-1945 гг.);
- орден Трудового Красного Знамени (№ 993652. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9.09.1976 г. Орден вручен 11.10.1976 г. в г. Москве);
- медаль "За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 гг." (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9.05.1945 г. Медаль вручена 16.02.1946 г.);
- медаль Жукова (Указом Президента РФ от 19.02.1996 г.);
- нагрудный знак "25 лет Победы в ВОВ";
- медаль "30 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг." (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25.04.1975г. Медаль вручена 20.02.1976 г. полковником Цыганковым);
- медаль "40 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг." (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1985 г. Медаль вручена 6.05.1985 г. полковником Ермиловым);
- медаль "50 лет Победы в ВОВ 1941-1945гг." (Указом Президента РФ от 22.03.1995 г.);
- медаль "50 лет Вооруженных сил СССР" (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1967г. Медаль вручена 5.05.1969 г.);
- медаль "60 лет Вооруженных сил СССР" (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.01.1978 г. Медаль вручена 5.08.1978 г. полковником Цыганковым);
- медаль "70 лет Вооруженных сил СССР" (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.01.1988 г. Медаль вручена 23.02.1988 г полковником Шпаковым);
- нагрудный знак "Фронтовик 1941-1945" (от 9.05.2000 г.);
- медаль "Ветеран труда" (указом Московского Городского Совета народных депутатов от 16.02.1987 г. Медаль вручена 25.02.1987 г.);
- медаль "В память 850-летия Москвы" (Указом Президента РФ от 26.02.1997 г.).

Публикация обо мне: Б.И. Загородников “50 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг. 58-я стрелковая Одерская дивизия”. Москва 1995г. (156 стр.) Издательство “Советский комитет ветеранов войны”.

Личный состав дивизии был информирован о предстоящем 7 января 1945 года наступлении по всему фронту 3-й, 49-й и 51-й армии.

В ночь на 7 января 1945 года немцы через громкоговоритель оповестили войска о готовящемся наступлении и обещали «достойно» нас встретить (информация была от предателя - перебежчика).

Поэтому всем нашим войскам пришлось передислоцироваться, и в течение трех ночей (скрытное передвижение) сделать марш-бросок на 80 километров на юг от Сандомира, а всеобщее наступление было назначено на 5 часов утра 12 января в районе пунктов Ракув, Радом и Кёльцы.

На участке приблизительно в 1 километр расположились три роты 58-й дивизии. Для пехоты были разминированы проходы. Справа и слева участка непроходимые леса, а в двух километрах впереди маячил населенный пункт Кёльцы. Ночью никто не спал, ждали утра. В 4 часа утра раздавали «боевые 100 грамм», по большому счету. Полевые кухни раздавали американскую тушенку на закуску, а выпивка была в больших кастрюлях с чистым спиртом. Пили из солдатских кружек по принципу «кто сколько может».

Ровно в 5 утра началась артподготовка, которая длилась около двух часов из 500 стволов.

По сигнальной ракете пошли в атаку. Впереди шла 286-я ОАШР (отдельная армейская штрафная рота), ее прикрывали три роты 58-й дивизии, а за ними танки 3-й танковой армии маршала Рыбалко.

В середине участка - минометный обстрел немцев. Залегли в воронку от крупной бомбы. Постепенно воронка была заполнена ранеными штрафниками. Одна из мин угодила в воронку. Я был контужен. В таком состоянии выбрался из воронки.

Помню, меня подобрали на танк, и я оказался в Кёльцах. Там мне оказали медицинскую помощь, и через шесть дней я поехал на попутках догонять свою дивизию. Впоследствии я

узнал, что в бою под Кёльцами из 350 штрафников в живых осталось 22 человека.

Форсирование Вислы – одна из сложнейших операций на нашем боевом пути, так как водное пространство в районе высадки батальонов просматривалось и простреливалось противником. Но, несмотря на шквальный огонь, саперы дивизии смогли переправить на противоположный берег значительную часть пехоты. Работа на переправе была очень важным и ответственным делом.

Именно в этот период нашим поэтом Николаем Грибачевым, который был командиром саперного батальона, было написано стихотворение «Переправа». Это стихотворение позволяло укрепить боевой дух нашей дивизии в то не легкое время.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Захаров Алексей Александрович****, студент 4-го курса кафедры военного обучения Московского государственного университета природообустройства*

Хребтов Владимир Александрович

Пошел связист - не вернулся, пошел второй – тоже не вернулся, пошел я

Я родился 31 декабря 1925 года в Ровдинском районе Архангельской области в деревне Рудинская. Русский, православный. Был членом КПСС с 1946 года, кандидатом в члены КПСС с 1943 года.

До начала войны окончил семь классов школы №20 города Архангельска. В 1940 году поступил в судостроительный техникум города Архангельска, в котором проучился до 31 декабря 1942 года.

О войне узнал 22 июня в 12 часов дня. Мы играли с ребятами в футбол во дворе, когда по радио выступил Молотов и объявил о начале войны с Германией. Тогда я еще учился в судостроительном техникуме.

1 января 1943 года с третьего курса Архангельского Судостроительного техникума я пошел добровольцем в Архангельское военное пулеметное училище. Место формирования – пригород Архангельска, поселок Рикасиха. В августе 1943 года курсантом был направлен на фронт (под Курск) в составе 286-го гвардейского ордена Красной Звезды Перемышльского зенитно-артиллерийского полка. Служить начал в должности телефониста.

Командиром полка был полковник Федюкин Федор Вячеславович, командиром батареи был старший лейтенант Чесноков, но он был ранен и его должность занял Чернов Борис Яковлевич, который остался командиром батареи до конца войны.

В процессе моей службы мой путь проходил через множество различных населенных пунктов, но все я, к сожалению, уже не помню. Вот самые крупные из них. город Курск (август 1943 года), город Сумы (сентябрь 1943 года), Букринский плацдарм (октябрь 1943 года), Лютежский плацдарм, город Киев (7 ноября 1943 года), город Фастов, город Житомир, город Бердичев, город Проскуров, город Славута, город Тернополь, город Перемышль, город Сандомир, город Катовице, город Герлиц, город Берлин, город Дрезден, город Прага (9 мая 1943 года 5 часов утра).

Закончил войну я под Прагой 9 мая в должности артиллерийского разведчика в звании ефрейтора. Командиром корпуса был генерал-майор Новиков В.В.(6-й танковый корпус). Командиром полка – полковник Федюкин.

В июле 1945 года я заболел тифом и попал в госпиталь. Вместе с госпиталем был перевезен под Берлин в город Кляйне-кениксустерхаузен. Там меня демобилизовали. Далее оставили работать в Германии в армейском авиационном госпитале №1880 на должности заведующего секретным делопроизводством. Работал до июля 1951 года. В 1951 году я уволился и уехал на Родину в город Северодвинск Архангельской области.

Я получил награды:

- медаль «За отвагу» (приказ по полку №07Н от 15 ноября 1943 года. Вручал командир полка полковник Федюкин прямо в окопе на Букринском плацдарме. Награжден за форсирование Днепра);

- орден Славы 3-й| степени (приказ №019/Н по 6-му гвардейскому танковому корпусу 3-й гвардейской танковой армии. От 22 февраля 1945 года. Был вручен в госпитале начальником санитарного отдела 3-й гвардейской танковой армии гвардии полковником Васильевым).

За время службы серьезных ранений не было, и в госпиталь я не ложился. Было несколько контузий, некоторые из которых были довольно серьезными, но я всегда отлеживался в полку.

Все близкие родственники живы, а из дальних - погиб мой дядя Одинцов М.И. под Сталинградом, когда шел с гранатами на танк и подорвался вместе с танком. Похоронен на кладбище Славы около Малахова кургана.

Двоюродный брат Лютиков В.М. демобилизовался старшим лейтенантом. Позднее работал в военкомате во Владимире. Сейчас на пенсии.

Что же касается самой службы, то я считаю, что это была работа, очень трудная, но работа. Я был обычным солдатом, я воевал, не бегал, выполнял все, что приказывали, работал, короче говоря. Эпизоды конечно были, но что их сейчас все вспоминать.

Мой первый настоящий бой был в Сумской области перед форсированием Днепра. Сидел я с телефонным аппаратом, вдруг прервалась связь. Посмотреть что случилось, пошел связист – он не вернулся, пошел второй – тоже не вернулся, пошел я и нашел обрыв, соединил, нашел убитых ребят – забрал их документы, карабины, вернулся в часть и наладил связь. На этом закончился мой первый бой.

Еще один запоминающийся эпизод случился на Букринском плацдарме. Сидели мы с приятелем Володей Ивановым в окопе. Батарею бомбили. Бомба разорвалась рядом нами, нас засыпало сильно, но нас откопали сослуживцы. Потом нас привели в чувство, все тело было посечено песком, но в госпиталь мы не поехали – только отлежались в части, а после продолжили службу.

Также памятным было форсирование Днепра. Тогда переправилось очень мало народу. Мы закрепились на узкой полосе, на берегу под сильным обстрелом со стороны немцев. Причем немцы были наверху, а мы внизу. Мы отбивались от немцев четыре дня, но все-таки мы удержались.

Взятие Берлина. Бои велись в городе. Бои очень тяжелые. Стреляли отовсюду – из каждого дома, из каждого окна. Было много фаустников, которые охотились за танками, а мы прикрывали танковую армию. Тоже было очень трудно, но мы справились. Единственное, что я хорошо запомнил – это когда я забежал в дом, поднялся по лестнице, вдруг выскочил немец, мы с ним лоб в лоб столкнулись и начали бороться. Скатились по лестнице, он меня зажал за горло, я потерял сознание – он здоровей оказался… Когда я очнулся, он лежал рядом с

простреленной головой – видимо за мной бежал другой солдат, который и застрелил его.

После взятия Берлина нас сразу бросили на Прагу, и 9 мая 1945 года закончилась война. Вот так я служил. Служил, как мне кажется, честно и правильно.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Косматов Андрей Викторович****, студент 3-го курса кафедры военного обучения Московского государственного авиационного института.*

Чаплыгина (Никитина) Галина Константиновна

Над этой церковью и над этим куполом начинаю кружиться

Я родилась 28 марта 1919 года в городе Пушкин (бывшее «Царское село» Ленинградской области). Русская. Родителей своих не знаю т.к. в восьмимесячном возрасте осталась сиротой. Воспитывалась в трёх детских домах в Ленинграде: на Каменном Острове, в Гатчине и в Тихвине. Детство было трудным и голодным.

До войны я училась в школе на Разъезжей улице, занималась балетом. Но с балетом пришлось распрощаться т.к. уронила на ноги самовар. Перешла в обычную школу на улице Восстания, там и закончила 10 классов в 1938 году, а сразу после этого поступила в Батайскую лётную школу Г.В.Ф. (воздушного гражданского флота).

Захотелось летать, после того, как пришли преподаватели из лётного кружка и предложили записаться, а нам учитель сказал: «Зачем вам лётный кружок, если можно поступить в лётное училище?» Так мы с подругами и загорелись желанием летать. Но желающих поступить в Батайскую лётную школу было много, да и женская эскадрилья там была только одна. Надо было иметь все пятёрки для поступления, а у меня хромала стереометрия. Но есть на земле добрые люди, помогли, и в итоге, из Ленинграда и области нас приняли только троих, и

все мы из одной школы. Окончили эту школу двое: я и Маша Калинина.

Примером для нас в этом году были наши Герои Советского Союза Гризодубова, Осипенко и Марина Раскова. В 1939 году Батайская лётная школа стала военной, а нашу лётную эскадрилью перевили в Тамбовскую лётную школу ГВФ (после войны эта школа получила наименование – имени Марины Расковой).

В 1940 году окончила лётную школу и была направлена на работу в Казахстанское управление в г. Семипалатинске в отряд специрименения – перевозила почту и людей на китайскую границу в Зайсан, в Павлоград и в другие пункты. Но это было несколько месяцев, и на моё счастье меня перевели на работу пилотом-инструктором в город Арзамас. Мне тогда здорово помог один парень.

Приходит телеграмма из Новосибирска, в которой говорится, что меня переводят. Хотели послать в Камень-на-Оби, я, с ходу, согласилась, а вышла из кабинета меня молодой человек спрашивает: «А тебя куда направили?». Я ему сказала, а он «Да ты что? Ты там и дня не проживёшь, ни связи, ни госпиталя. Иди, попросись в другое место». Я ему говорю, что уже согласилась и, что не знаю что сказать. Он меня спросил, как я училась и, когда узнал, что на одни пятёрки сказал, что вот это и скажи. Так я попала в Арзамас.

В Арзамасе нужно было подготовить 150 лётчиков для военных школ, для переучивания на военные самолёты, т.к. война приближалась к нашим границам. Я подготовила (научила летать 3 группы по 10 человек). Летом летала с четырёх часов утра и до восьми часов вечера с перерывом на два часа днём, но в эти часы изучали теорию, мотор, самолёт, аэронавигацию, метеорологию, уставы и другие предметы.

О начале войны узнали в театре. Сидим с группой, и вдруг прибегает мой курсант и говорит, что война началась. Я ему говорю, что, мол, не надо так говорить (тогда не разрешали говорить, что будет война) а он: «Да нет, война, война! Правда, началась война».

Началась война, и нашу учебную эскадрилью эвакуировали в город Татарск, в Сибирь. Условия были сибирские: морозы 25-30°, а обмундирование, прямо скажу, не для морозов: два тёплых комбинезона – у того, кто в кабине, кто стоит на старте

– должен сменить курсанта, который в кабине. Но всё равно летали, несмотря на то, что обмораживали нос и щёки, ведь кабина была открытой, как на мотоцикле.

В конце марта в отряд пришла телеграмма: «Пилота Никитину откомандировать в распоряжение Героя Советского Союза Марины Расковой, срок отправки телеграфируйте».

Я в три дня собралась, оставив все вещи на частной квартире, прихватив с собой только платье и туфли, которые так и не пригодились на войне. Я прибыла в военную лётную школу в город Энгельс, где формировала боевые полки Марина Михайловна Раскова: 1-й истребительный полк на ЯК-1 и 2-й полк на ночных бомбардировщиках ПО-2, и полк на пикирующих бомбардировщиках ПЕ-2 (Петляк). «Петляк» очень трудная машина, экипаж три человека: командир корабля, штурман и стрелок-радист, и на земле: механики, вооруженцы, техники.

Первого апреля 1942 года я уже была в школе, получила военное обмундирование, но оно было мне очень велико. Пришлось отдать в ателье, чтобы перешили по моим размерам. А помощник начальника штаба увидел меня без формы и говорит: «Ты долго такой кралей ходить будешь?». А я не поняла, что значит «краля». А оказалось, что он так сказал потому, что я была в гражданском. Началась учёба и тренировки с утра до вечера. Нужно было учить военные уставы, наставление и другие предметы и летать с инструктором. Полком пикирующих бомбардировщиков командовала Марина Раскова, он должен был освоить новый самолёт в то время ПЕ-2.

В один прекрасный день меня вызывает к себе в штаб майор Раскова и говорит: «Я беру тебя к себе личным лётчиком, будешь выполнять непосредственно мои поручения и задания, и подчиняться будешь только мне. Завтра я проверю тебя на У-2 и на УТ-2».

Это был новый самолёт, на нём ещё никто не летал, а я вдруг полетела, и стала летать. На следующий день мы с майором Расковой, которая сидела в задней кабине, как инструктор, сделали несколько посадок, и она сказала: «Отлично, можете летать самостоятельно». Я была счастлива, что мне досталось близко знать первую женщину - Героя Советского Союза. Я была знакома с её семьёй. У неё была дочь

Татьяна, но она рано ушла из жизни, остался её сын Володя, внук Марины Михайловны и правнучка Маша.

Во время войны наш полк прошёл по боевому пути от Сталинграда до Восточной Пруссии. Мне приходилось летать каждый день, независимо от погоды. Задания были разные: слетать на место вынужденной посадки самолёта нашего полка; привезти раненых и погибших. Летала на розыски самолёта, не вернувшегося с боевого задания, на то место, где его подбили. Там аэродромов не было и приходилось сажать самолёт на выбранную мной площадку. Летала с большими начальниками в другие полки. Все полёты проходили вблизи линии фронта. Возила полкового врача Марию Ивановну к раненым, которые находились в полевых госпиталях.

Ещё мне очень хорошо запомнился один случай. Под Краснодаром везу полковника Семёнова его полк. Он говорит, что уже выходит, а меня отпускает домой. Наш полк стоял неподалёку, поэтому мне оставалось его высадить и лететь к своим, как вдруг мимо меня пролетает немец. Я думаю, что он меня заметит и собьёт. Что делать, куда деваться? Неподалёку от посадочной площадки я увидела посёлок и церквушку. И вот я, над этой церковью и над этим куполом, начинаю кружиться. Я кружусь, кружусь и вдруг чувствую, что у меня в руке что-то загорелось. Этой рукой я регулирую газ, а другой управляю и думаю: «Боже мой, что-то у меня там мокрое».

Кое-как оторвалась и улетела к себе. Прилетев в свой полк, на коленях упрашивала своих подружек, у нас была капелла пять человек, чтоб не говорили начальству, что я ранена, боялась, что отстранят от полётов, а летать я могла и очень хотела. И они не сказали. Меня положили в медсанчасть, в землянку. Слева лежали ещё два парня, справа стоял стол и сидел врач. А ребята завели разговор о войне, что-то обсуждают. И спрашивают врача: «Доктор, а вы на фронте были?», а он таким еврейским голосом отвечает - «Я уже на фронте четыре месяца». Они рассмеялись и сказали: «Четыре месяца? А мы-то на фронте четвёртый год!» А они снова: «А вы когда на фронте были, как себя проявили?». «Еврейский партизанский отряд занял город Ташкент», - пошутил он.

Оттуда меня отправили в госпиталь для лётчиков в Росторгуево под Москвой. Вылечили, и я снова вернулась в полк. Летала к французским лётчикам полка «Нормандия-

Неман», привозила полковника из корпуса, который договаривался о прикрытии наших самолётов при бомбометании. Они делали это много раз и когда узнали, что на этих самолётах летают девушки, однажды при встрече с нами выразили своё восхищение так: «Если бы можно было собрать все цветы мира и возложить к ногам этих лётчиц, этого было бы мало». Мы благодарны им за такую оценку нашего труда, мы всего лишь защищали свою родину от фашистских захватчиков. Они знали этот труд, так как сами теряли своих друзей в бою.

На фронте я одна летала на УТ-2, и когда я прилетала на другой аэродром, меня спрашивали: – «Что это за самолёт?» В Монино под Москвой есть музей самолётов за всю историю авиации, и там в ангаре стоит УТ-2.

А о конце войны никто не сообщал так, как-то само собой всё получилось, ведь я с начала войны была в запасе, и в запасе по сей день.

Когда война кончилась, наш полк был в Белоруссии, и мы уже почти не летали. За время войны я налетала три с половиной тысячи часов, а вообще, я провела в воздухе порядка семи тысяч часов.

В 1947 году я вышла замуж за лётчика из своего полка Александра Михайловича Чаплыгина, с которым прожила много лет в любви и согласии, родила и вырастила двух дочерей. В 1948 году я ушла из военной авиации и пошла работать в Совинформбюро. Параллельно с работой учила английский язык. Но вскоре работу пришлось оставить. После серьёзной автомобильной катастрофы и длительного лечения я стала просто женой, хозяйкой дома, заботливой матерью Нины и Наташи, а позднее бабушкой

Сейчас я возглавляю Совет ветеранов 125-го гвардейского полка. Кроме того, я являюсь почётным членом клуба «Авиатриса», который объединяет женщин авиационных специальностей на территории бывшего Советского Союза.

Что касается наград, то я к ним не особо стремилась. У меня четыре ордена Красной Звезды, две медали Великой Отечественной войны.

Награждена медалями:

- За доблестный труд, в ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина;

- За победу над Германией;

- Наше дело правое, мы победим;
- За боевые заслуги;
- За оборону Сталинграда;
- За нашу Советскую родину;
- За оборону Кавказа;
- За взятие Кенигсберга;
- 30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов вооружённых сил СССР;
- Памятный знак Московского комитета. 50 лет победы над фашизмом;
- 20 лет победы в Великой Отечественной войне»
- медаль Жукова;
- 60 лет вооружённых сил СССР (Медаль выдана 10 июля 1978 года);
- 50 лет Победы в Великой Отечественной войне;
- 25 лет Победы в Великой Отечественной войне.

Май 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кузнецов Андрей Викторович****, курсант 2-го курса экономического факультета и военной кафедры Российского государственного технологического университета «МАТИ»*

Чернышев Виктор Петрович

Группа захвата с уцелевшими фашистами дралась ножами

Я родился 17 марта 1924 года на Кубани в бедной крестьянской семье казаков. Весь наш род во все времена стоял на защите интересов Великого Российского государства, неприкосновенности ее границ.

По окончанию 9 классов я был направлен комсомолом на учебу в Краснодарскую специальную среднюю школу военно-воздушных сил.

Великая Отечественная война застала меня в военизированных лагерях, где из нас, рослых ребят, успешно выполнивших боевые стрельбы пятью патронами, зачислили в отряд по охране Анапского побережья от вероятной высадки морского десанта румынских или немецких войск. Так мы в окопах песчаных дюн круглосуточно дежурили полтора месяца, пока нас не сменила морская пехота.

В Красной, Советской армии с апреля 1942 года. Окончив ускоренный курс авиационной школы, был направлен на аэродром Райгород, но авиации там не оказалось. 1 сентября 1942 года нас пешком привели к штабу Сталинградского фронта. Так я попал в отдельный батальон автоматчиков. Добровольно изъявил желание служить разведчиком.

Я был в звании старшины - четыре треугольника в каждой петлице, и меня назначили командиром отделения, затем

взвода.

Яростные бои, плотность огня, нескончаемая артиллерийская и минометная канонады, постоянная стрельба из стрелкового оружия, разрывы ручных гранат, строительная пыль, гарь и какой-то приторный смрад, страх за постоянную нехватку боеприпасов, особенно автоматных патронов и ручных гранат, перебои в скудном питании и, как правило, ночью пьяные рожи фашистов, напирающих из-за каждой развалины, до сих пор часто по ночам встают перед глазами, вызывая неприятную дрожь.

Отбивая у немцев второй раз Купоросное, чтобы он с Волги не напился воды, я впервые был ранен осколком между основанием черепа и первым позвонком. После ранения при выходе 14 февраля 1943 года со станции на ж/д мост через реку Дон я был ранен второй раз. Отвалявшись в госпиталях городов Зернограда и Сальска, я попал в 581-й стрелковый полк 151-й стрелковой дивизии и назначен командиром взвода.

На одной из встреч ветеранов – фронтовиков мы с командиром 581-го Станиславского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого стрелкового полка 151-й Жмеринско-Будапештской Краснознаменной стрелковой дивизии полковником Голубом Иваном Ефимовичем сидели на балконе гостиничного номера и вспоминали, … Вспоминали суровые годы Великой Отечественной войны.

То лихолетье, вихрем и смерчем пронесшееся над нашей землей. Надвигалась гроза. Черно-красная вечерняя заря и всполохи молний, тяжелые свинцовые тучи дождя как бы приблизили нас к той боевой обстановке, помогли с мельчайшими подробностями восстановить в памяти страшные дни военной поры.

Мы вспоминали солдат, командиров, их спайку и стойкость, их нелегкий воинский труд и лишения, их храбрость в тяжелых боях и хмурые лица в часы поражений и при болях утрат, их радость при каждой победе. И не раз задавали вопрос: «А помнишь бои у 3 курганов на Кубанской земле?», «Как громили врага под Мосино на Донбассе?», Как в Жмеринке уже после салютов Москвы, нас оттеснил неприятель, и нам обязательно нужен был «язык», и мы его взяли?», А помнишь… друзей боевых, их ратные подвиги в дни фронтовые…

Так в памяти перебирались далекие походы и сражения в те

молодые для нас годы, мне было тогда 20 лет, а ему 25. Картина боя с детальными подробностями ярко всплывала перед глазами каждого из нас.

Особенно врезались в память бои на Пришибских высотах у реки Молочной, о чем мы повели обстоятельный разговор.

Немцы придали исключительно важное значение удержанию города Мелитополя и рубежа обороны по реке Молочная как последней позиции, запирающей позиции к Крыму и нижнему течению Днепра. Об этом свидетельствует тот факт, что немецкие офицеры на этом участке получали тройной оклад и все офицеры награждались железными крестами.

На отдельных участках, используя складки местности или заранее подготовленные оборонительные рубежи, они оказывали сильное сопротивление. Теряя живую силу и технику, подогретые пьяным угаром, фашисты яростно бросались на наши цели, иногда сходились в рукопашном бою.

Западнее города большой Токмак, Запорожской области в полосе наступления нашего полка находилась неприступная высота с отметкой 104,5. Используя прилегающий рельеф местности, немцы ее сильно укрепили, организовали перекрестный огонь из всех видов стрелкового оружия. Подходы к ней накрывались артиллерийско-минометным огнем вражеских батарей.

Усилия наших минометов, залпы «катюш» успеха не имели. Враг зарылся в землю и, цепко держась за местность, оборонялся. Казалось, что нет никакой возможности преодолеть этот рубеж.

В эти дни к нам в разведывательное подразделение зачастил помощник начальника штаба по разведке капитан Петр Ильич Маликов. Он интересовался нашей укомплектованностью, опытностью солдат и сержантов, вооружением и общим настроем.

Вот поэтому, для меня не было неожиданностью, когда, находясь в землянке на кратковременном отдыхе, я услышал переданную по цепи команду: «Петровича к Первому».

Придя к командиру полка майору Голубу И. Е., я увидел, что здесь присутствуют помощник начальника штаба полка майора Лещинского капитан Маликов, из чего сразу понял, что задачу ставит сам Первый.

Разговор был коротким. Показав с наблюдательного пункта знакомую высоту 104,5 и разъяснив задачу, майор Голуб спросил: «Как будешь действовать?»

Разведчики не раз ползали вокруг да около этой проклятой высоты, но как кто-либо высунется, так сразу раздается выстрел снайпера. Я наблюдал за ней с нейтральной полосы, изучал по всей боевой карте. Особо меня интересовал рельеф местности, и, главное, есть ли где «мертвое пространство».

С. А. Иващенко и О. Шаловаленко, грамотные, хорошо подготовленные красноармейцы, нашли два таких места.

Начались обсуждения предположений, даже категорические заявления, что «она непреступна, и ее надо обойти». Но командир твердо сказал: «Штурмовать и сбросить немцев с высоты. Что касается артминометного, пулеметного, саперного обеспечения, сигналов и связи, дальнейшей поддержки разведгруппы Чернышева, займитесь Вы, Константин Владимирович. Время готовности сутки».

Построил разведчиков и приданных автоматчиков, 31 человек. Сюда вошли А. Иващенко, Д. Меркуладзе, В.Сериков и еще три красноармейца. Группа обеспечения - С. Завьялов, прикрытия - В. Струнов, эвакуации и связи - А. Сергеев, все уже не раз обстрелянные, выполняющие разведывание, в том числе, в тылу врага.

Для полного выполнения приказа командира полка из оставшихся бойцов во главе со старшим сержантом Сорокоумовым, была создана штурмовая группа, которой ставилась отдельная задача: используя внезапность нападения рывком в тыл, поднять у них смятение и панику, расстроить команды, прервать связь с вышестоящим штабом, сбить противника с высоты.

Времени на подготовку отводилось очень мало. Но готовились тщательно. Командиры групп настоятельно растолковывали каждому участнику поиска его личное задание, личный маневр. Проверялась экипировка, снаряжение и боеприпасы. С наступлением темноты, между нашими окопами, примерно на аналогичной местности, была проведена тренировка навыков ориентирования, бесшумного ползания по-пластунски. У кого обнаруживались недостатки – делали замечания и, здесь же, на месте сразу их устраняли, повторяя приём. Некоторые недовольно ворчали, но разговоры не

допускались, каждый это понимал и делал то, что от него требовалось.

С командирами групп проведен дополнительный инструктаж, тщательно разобраны возможные непредвиденные случаи в ходе непосредственного соприкосновения с врагом и, особенно, при выходе из боя. Здесь уже все обернулись на В. Струнова. В конце произвели рекогносцировку местности.

Доклад командиру полка сопровождался вопросами, уточнениями, особенно действиям по сигналам ракет.

Батя, как у нас с уважением называли командира полка, хотя в нашей армии из всех он был самым молодым, заключил:

«Давай действуй напористо. Постарайтесь, захватив пленного, сбить фашистов с высоты, - подчеркнул. - Береги братушек».

Сняв погоны, награды и документы, передав их старшине полка И. Лавриненко, проверив еще раз всю экипировку и вооружение, мы сосредоточились у двух выходов наших траншей.

По команде: «Пошел!» в порядке установленной очередности, группы двинулись ползком в направление высоты на заранее намеченные рубежи, в так называемую, «мертвую зону». ПНШ-3, командир батальона капитан Боровский Е.С. и его заместитель по политической части капитан Алиев Г.М., подбадривали нас, похлопывали каждого по плечу, как бы говоря: «Счастливого пути!»

К трем часам мы подтянулись и почти вплотную приблизились к окопам врага. «Вросли» в распаханную перед высотой землю и затаились. Теперь надо было ждать сигнала. На востоке уже чуть-чуть забелело небо, тут же одновременно взвиваются две зеленых ракеты – это долгожданный сигнал начала наших действий. Никаких команд подавать не приходилось. Я увидел, что поднялась «стена» солдат нашего взвода.

В порыве вихря, бесшумно без криков «ура», вскочив, как говорят моряки «все вдруг», мы, метнув по две противотанковые гранаты, бросились на окопы врага. Громобойный грохот взрывов мощных зарядов, поражающее их действие, сделали свое дело. В считанные секунды были преодолены эти разделяющие нас от окопов немцев 12-15 метров. Группа захвата с уцелевшими фашистами дралась

ножами. Нас было пятеро, их гораздо больше, но нашим союзником была еще и внезапность. Схватка была скоротечной, жесткой, кровавой. Ни одна сторона уступать не хотела. Некоторые фашисты, ошеломленные и оцепеневшие от страха, метались по ходам сообщения, все время натыкаясь на нас.

Группа захвата на одном вздохе захватила двух пленных. Толик Иващенко, не раздумывая, с ходу прыгнул в окоп и всем своим существом навалился на оторопевшего офицера. Ранил его ножом и подмял под себя в узком проходе траншеи. Пробегавшие наши бойцы и мечущиеся немцы не раз топтались по нему, но никто не вмешивался в их борьбу, так как каждый из нас выполнял свое задание, свой маневр.

В конце концов, ему удалось обезоружить и оглушить офицера, только после этого заткнуть ему в рот кляп. С трудом выволок его из траншеи и вместе с Давидом Неркладзе, у которого был уже второй пленный, передали их в группу прикрытия, для немедленной транспортировки в штаб полка. Теперь их надо было сохранить, так как они представляли большую ценность для командования полка и дивизии, а может быть и армии.

Однако операция на этом не закончилась. Предстояло выполнить вторую часть задачи: выбить немцев из этого опорного пункта. Анатолий Иващенко и другие бойцы группы захвата, сделав свое дело, могли бы выйти из боя, но все мы были повязаны одной солдатской веревочкой: сам погибай, но друга выручай. Так поступили и мы, продолжая теперь действовать в составе штурмовой группы.

В предутренней мгле, сгущенной пылью и едкой гарью от разрыва снарядов и мин, пулеметных и автоматных очередей, штурмовая группа наносила удар по юго-западному скату высоты. Здесь оказался наблюдательный пункт и группа корректировки огня противника. Мы ринулись в гущу схватки. Деморализованные гитлеровцы, с оружием, а кто и без него, большинство - только в нательных рубахах и без сапог, в одиночку и группами бежали в свой тыл. Другие, с поднятыми руками услужливо твердя «Гитлер капут», направлялись к нам навстречу.

Бой длился считанные минуты. Немцы пытались восстановить утраченные позиции, закрыть брешь, вызвав артиллерийский и минометный огонь на себя, с помощью

резервов перешли в контрнаступление, прилегающая местность беспрестанно освещалась ракетами, хотя на горизонте уже поблескивал восход. В дело включились наши группы прикрытия и обеспечения. Завязался ожесточенный бой во вражеских окопах. В ход было пущено оружие ближнего боя - ручные гранаты. Это единственно правильное решение позволило сохранить нам жизнь многих разведчиков. Пока все шло, как и договорились, по предварительно разработанному плану.

Совсем уже близко раздавалось, такое долгожданное, русское «Ура». Я оглянулся: пошли в наступление наши стрелковые подразделения. Пехота пошла за нами.

Об этом бое в оперативной сводке Совинформбюро от 12 октября 1943 года говорилось:

«На правом берегу Днепра в районе Н-ского соединения велись ожесточенные бои. Немцы любой ценной хотели потеснить наши части, но все их контратаки были отбиты. Ночью и весь день шла борьба за высоту, господствующую над окружающей местностью. Бои неоднократно переходили в рукопашные схватки. К исходу дня наши войска выбили немцев с этой высоты и продвинулись вперед».

«В бою за высоту 104,5 мы захватили большие трофеи, в числе которых 76-миллиметровую пушку, 8 пулеметов, 40 винтовок, 6 телефонных аппаратов, 70 пленных. Гитлеровцы на поле боя оставили до 150 трупов солдат и офицеров». (Архив ЦА МО ф. 151 сд. год 43, опись 1, дело 59, л. 283). Было захвачено много различных штабных документов, карт, принадлежащих 21-му пехотному полку 17-й пехотной дивизии, представляющих для нашего командования большую ценность.

А части 151-й стрелковой дивизии в составе 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, ведя тяжелые бои с противником, взломав его оборону, продвигались вперед. Мы тогда не знали, что наши вылазка по захвату контрольного пленного и разгрому узла сопротивления немцев на высоте 104,5 имели большое значение в боях на реке Молочная. Потерпев здесь поражение, немцы уже не оказывали столь яростного сопротивления и, почти не задерживаясь, откатывались к Днепру и Крымскому перешейку.

27 октября были нами освобождены районный центр

Михайловка и железнодорожная станция Пришиб, 28 октября - Малая Белозерка, 29 октября - Великая Белозерка, 31 октября - Верхний Рогачик, а 1 ноября 1943 года наш 581-й Краснознаменный стрелковый полк в районе Великой Лепетихи вышел к плавням Днепра.

«Таким образом, - как говорилось в приказе Верховного Главнокомандующего, адресованного генералу армии Толбухину, - Войска 4-го Украинского фронта после многодневных упорных боев сломили ожесточенное сопротивление противника и нанесли ему тяжелые потери.

Мощная оборонительная полоса немцев на рубеже реки Молочная, более сильная, чем оборона немцев, которую они имели на реке Миус, как по своему инженерному оборудования противотанковыми препятствиями, так и по плотности насыщения пехотой, артиллерией и танками, оказалась прорванной на решающем участке».

Немалой кровью наших частей было сломлено это яростное сопротивление фашистов. В стрелковых полках оставалось по 60-70 активных штыков. В политдонесении от 14 октября 1943 года говорилось:

«В ходе боев части дивизии несут большие потери в людях. Только за 4 дня с 9 по 13 октября 1943 года дивизия потеряла убитыми и ранеными 1366 человек. В числе убитых и раненых: начсостава - 53 чел., младшего начсостава - 151 чел., рядового состава 1002 чел.. (ЦА МО ф.151 сд. год 43, опись 1, дело 59, лист 293)…».

Мы, во взводе разведки, также с грустью расставались с двумя убитыми и 11 ранеными нашими боевыми товарищами.

В один из дней, перед новым 1944 годом, командир полка предупредил меня, чтобы все привели себя в порядок: подстриглись, побрились, погладили форму одежды и начистились. Приказано ждать большое начальство. В чем дело никто ничего не говорил. Будет начальство, а кто и зачем не знали.

Во второй половине дня, когда мы уже никого и не ждали, с нашим командиром полка входит к нам командир дивизии генерал-майор Подшивайлов Д.К.

После моего доклада, поздоровавшись с каждым за руку, обращаясь к командиру полка шутливым тоном сказал: «Обыкновенные, а говорил, что все герои!»

Эта фраза расположила к нему бойцов. Как-то незаметно стали вспоминать то одно фронтовое событие, то другие, удачи сражений и боль неудач. Командир дивизии очень удачно вставлял словечки, что оживляло разговор и вызывало спор по тому или иному вопросу. А затем он также просто сказал, что за выполнение задачи по захвату контрольного пленного, успешный штурм высоты 104,5, захват больших трофеев, документов и карт, обеспечение наступления нашим стрелковым подразделениям, личную отвагу и мужество разведчик К. Сорокоумов, С. Завьялов, А. Иващенко, А. Сергеев награждены орденом Красной Звезды, а В. Сериков и В. Струнов - медалью «За отвагу». Далее объявил: «Ваш командир Чернышев представлен к награждению орденом Красного Знамени». И хотел сразу всем вручить награды.

На столе еще лежали оставшиеся награды, но вручать те ордена и медали было некому, убыли, как безвозвратные потери... и так много, что Подшивайлов смутился, и в хате нависла гнетущая тишина.

«Налить!» - не сказал, а как бы выдохнул генерал, кинув взгляд на адъютанта, и тот проворно притащил бутылки, банки с консервами, какие-то свертки...

«За самых лучших, за тех, что полегли!» - разрядил обстановку Иван Ефимович Голуб, и первый тост приняли, не чокаясь. Потом выпили за Победу, разлили за тех, кто ждет нас дома.

После ужина к нам пришли гости. Не только из подразделений полка, но и местные жители райцентра Михайловка - ребята и девчата.

Избу заполнили до отказа. Стихийно запели советские и старые украинские песни. Но разведчики, и здесь, как в бою, каждый из нас от всей души показал свое мастерство. На следующий день дивизионная газета «Красноармеец» писала:

«На днях во взводе, где командиром старший сержант Чернышев, был организован концерт художественной самодеятельности.

Участники концерта - сержант орденоносец Завьялов, старший сержант Чернышев и старшина Куковин хорошо исполнили сценку из боевых эпизодов борьбы за Сталинград. Зрители с удовольствием прослушали песню о разведчиках. Выступали также рассказчики, танцоры.

Концерт прошел с большим успехом».

В память о солдатской спайке и боевой дружбе, о получении высоких государственных наград, оставшиеся в живых после участия в кровопролитных сражениях на реке Молочной за освобождение Крыма, и уже прибывшие к нам на пополнение рядовые Д. Дубовой и Н. Культюшный - запечатлели себя в районном фотоателье.

Нашу дивизию вывели на укомплектование до штатной численности. Обеспечили вооружением и боеприпасами, продовольствием и фуражом и по ж/д перебазировали на Украину под город Винницу. Впоследствии воевал в составе 1-го и 4-го Украинских фронтов.

После прорыва 2 марта 1944 года укрепленных позиций немцев по заданию командования 581-го полка наш взвод предотвратил подрыв отступающими немцами своих громадных складов с боеприпасами, а 15 марта изгнали оккупантов из поселка Гнивань, взяв в плен более 40 солдат, захватили 34 автомашины, 37 повозок с боеприпасами и продовольствием.

За успешное выполнение задания при взятии городов Жмеринки, Станислава, Борислава, нескольких городов в Польше и Чехословакии получил ордена Отечественной войны 2-й степени и Славы 3-й степени.

После пятого ранения в Карпатах, находясь в Станиславе на излечении, командующий 4-м Украинским фронтом генерал И. Е. Петров, при посещении госпиталя вручил мне орден Боевого Красного Знамени N127498, которым я был награжден еще 30 ноября 1943 года, а также наградил путевкой во фронтовой санаторий.

Жаль было расставаться с уже ставшими родными 581-м Станиславским Краснознаменным ордена Богдана Хмельницкого и 626-м Краснознаменным стрелковыми полками 151-й Жмеринско-Будапештской Краснознаменной стрелковой дивизии.

После шестого ранения, из госпиталя, я, в приказном порядке как коммунист, был направлен в Москву на 3-х месячные курсы младших офицеров, по окончании войны они были преобразованы в училище. Впоследствии получил высшее образование и еще прошагал в военном строю более 40 лет. Получил еще награды Родины в 1975 году – орден «За службу в

ВС СССР» 3-й степени и в 1945 году орден Отечественной войны 1-й степени.

Мне посчастливилось участвовать в грандиозном, незабываемом Параде Победы 24 июня 1945 года и в юбилейных в 1990, 1995, и 2000 годах.

Уволился я в 1980 году, но со славной авиацией не порывал тесные узы, работал в ЦК ДОССАФ под руководством легендарного А.И. Покрышкина, затем в Министерстве гражданской авиации под руководством главного маршала авиации Б. П. Бугаева.

После окончательного ухода на пенсию я продолжаю активно участвовать в ветеранском движении, за что награжден Почетным знаком Российского комитета ветеранов войны.

В настоящее время я часто надеваю свой мундир со всеми орденами и медалями и с большим удовольствием иду к молодежи, чтобы рассказать ей о той жестокой войне, боевых товарищах и об их безграничной любви к Родине.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Яхонтова Анна Владимировна,** студентка 2-го курса ПУ №5 города Москвы*

Шляпников Николай Васильевич

Поднялись и побежали за мной. Немцев мы застали врасплох.

Я родился 19 июля 1923 года в городе Кузнецке Пензенской области в семье рабочего. Русский. Атеист. Член КПСС с 1944 года. 18 июня 1941 г. окончил среднюю школу № 428 г. Москвы.

Узнал о начале войны, развязанной гитлеровской Германией, 22 июня в 12 часов из заявления, сделанного заместителем Председателя Совета Народных комиссаров, Народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым, по радиотрансляционной сети города Москвы.

11 июля 1941 г. по призыву Сталинского райкома ВЛКСМ поступил на работу на Московский завод им. Лепсе № 266 в качестве ученика слесаря-сборщика электромеханических приборов для боевых самолетов. Через месяц стал собирать приборы самостоятельно.

Работали по 12 часов в сутки в дневную и ночную смену. 17 октября 1941 г., в связи с тем, что немецко-фашистским войскам удалось прорвать оборону соединений Красной Армии в районе Вязьмы и создалась угроза Москве, было решено эвакуировать завод в город Киров. Передо мною, как и перед другими молодыми рабочими, был поставлен вопрос: в эвакуацию вместе с заводом или в Красную Армию? Я выбрал второе – в Красную Армию.

25 октября 1941 г. я был призван Сокольническим райвоенкоматом на действительную военную службу. 26 октября 1941 г. в составе команды в 100 с лишним человек был направлен пешим порядком в город Муром, где размещался штаб 46-й запасной стрелковой бригады.

Первую ночь мы шли по Рязанскому шоссе до города Люберцы. Там нас встретили, накормили и разместили. Даже удалось немного поспать. Дальше наша команда уже передвигалась по железной дороге. На электричке доехали до Раменского, там нас накормили и разместили на ночлег. Дальше наш путь лежал в город Воскресенск, затем в город Егорьевск. По узкоколейке добрались до города Шатура, где провели два дня. Размещались в доме культуры Шатурской ГРЭС. Там нам показали кинофильм «Антон Иванович сердится». Из Шатуры в Муром ехали в вагонах, груженных слитками цветных металлов. В Муроме нас накормили и направили в г. Йошкар-Олу, куда перебазировалась 46-я запасная стрелковая бригада. Опять – попутный грузовой поезд, который нас довез до станции Зеленый Дол, где мы долго ждали поезд на Йошкар-Олу.

Ехали в переполненном пассажирском поезде. В Йошкар-Олу мы прибыли 6 ноября 1941 года. Там в 133-м запасном стрелковом полку всех восемнадцатилетних со средним образованием определили в литерные роты А и Б.

8 ноября мы приняли присягу. Несколько раз меняли место проживания. Спали на нарах. Никаких постельных принадлежностей не было. Кормили два раза в сутки жидким супом из какой-либо крупы. Только хлеб выдавали точно по норме.

С нами проводились занятия по строевой, тактической подготовке, изучали материальную часть оружия и уставы. В начале декабря к нам в расположение литерных рот, размещенных в огромном сушильном цехе кирпичного завода, пришли офицеры из штаба полка. По распоряжению рот пронеслась весть: «Пришли командиры из штаба полка отбирать бойцов на фронт!». К канцелярии роты выстроилась очередь добровольцев. Встал и я, далеко не последним.

Дня через два построили роту. Командир роты зачитал список всех тех, кого сочли нужным послать на фронт. В том списке был и я. Затем построили всех названных, и повели в

баню. После помывки всех одели в новое белье и обмундирование. Каждый из нас получил нательное и теплое белье, хлопчатобумажное обмундирование, ватные телогрейки и брюки, шапку-ушанку, белый козлиный полушубок и валенки. После того, как мы переоделись, нас отправили в расположение 133-го запасного стрелкового полка, который дислоцировался в лесу у станции Сурок, в 25 км от Йошкар-Олы.

Туда мы шли пешком по полотну железной дороги. Разместили нашу маршевую роту в большой землянке, толково оборудованной саперами. В течение двух недель с нами усиленно занимались. В один из дней вывели нас на стрельбище, рассказали условие упражнения стрельбы из боевой винтовки и дали по три боевых патрона. Поочередно все из положения лежа поражали грудную мишень, стоящую в 100 м от огневого рубежа. Я поразил мишень двумя пулями и получил оценку «хорошо».

Ежедневно нас информировали о положении на фронтах Великой Отечественной войны, о событиях, происходящих в мире и нашем тылу. В середине декабря мы узнали о начале контрнаступления Красной Армии под Москвой. Все надеялись, что скоро мы там будем.

В двадцатых числах декабря под музыку духовного оркестра нас провели по улицам Йошкар-Олы и разместили в двухосных товарных вагонах, в которых были устроены двухъярусные нары, и установлены в середине вагона чугунные печки-буржуйки. Вечером наш эшелон отправился на запад.

Нам вспоминалось: совсем недавно, всего лишь два месяца назад, мы, молодые ребята, только что окончившие среднюю школу, на перекладных добирались по этой же дороге на Восток, в известный нам лишь по урокам географии город Йошкар-Ола, теперь покидали его и направлялись к родной Москве. Мы знали, что немцев уже отогнали от Москвы, но война продолжается, еще много-много надо сделать для полного разгрома врага.

Эшелон быстро продвигался. Останавливались лишь для смены паровозных бригад. Не забывали и нас накормить на продпунктах горячей солдатской пищей. Москву проезжали ночью в Новый год. Рано утром наш эшелон оказался на станции Снегири Ржевского направления железной дороги.

Дальше железная дорога не функционировала. Были разобраны пути, телеграфные столбы повалены.

Разгрузились. Построились поротно и в путь, по Волоколамскому шоссе. Прошли город Истру. Когда-то чистенький с белыми двухэтажными и одноэтажными кирпичными домами, город представлял собой сплошные развалины. Только на самом конце города чудом уцелел деревянный дом, выкрашенный в зеленый цвет, под красной железной крышей.

Наши командиры пообщались с председателями местной власти и дальше, вперед. Прошли мимо Ново-Иерусалимского монастыря. Около его стен таблички - «Мины», «Заминировано». Храмы разрушены. По пути следования останавливались на ночлег в деревнях, многие дома разрушены. Но нас хорошо встречали, рассказывали о пережитом.

Перед тем, как вступить в город Волоколамск – конечный пункт нашего похода, командование нашей колонны решило сделать дневку, остановку на сутки с тем, чтобы мы отдохнули и привели себя в порядок. Эта дневка проходила в деревне, расположенной недалеко от того поля, где совершили героический подвиг 28 панфиловцев. Хозяйка дома, в котором остановилось наше отделение, с горечью рассказала о подвиге и гибели молодых ребят, которые ценой своей жизни остановили немецкие танки и пехоту. Ругала, фашистских солдат и офицеров, обобравших всех селян: «Не знаю, как я доживу до лета и нового урожая. Все, проклятые, вымели, крошки не оставили». На другой день мы были в Волоколамске. Много сожженных домов, на улицах брошенная немецкая техника. Сразу же всех разместили по домам.

Рано утром, 4-го или 5-го января, к нам в домик, в котором размещалось человек 15 из нового пополнения, пришли комиссар 1108-го СП, батальонный комиссар Тимохов Александр Данилович и командир маршевой роты, в составе которой мы прибыли на фронт. Комиссар нам представился и сообщил, что мы прибыли в 331-ю Брянскую Пролетарскую стрелковую дивизию, которой командует генерал-майор Король Федор Петрович, участник 1-й мировой и Гражданской войн. Затем он рассказал нам о дивизии: она была сформирована в г. Мичуринске и вступила в бой в начале декабря в районе станции Лобня. Дивизия вела бои успешно: 8 декабря

освободила райцентр Красная Поляна, а 20 декабря – город Волоколамск. Полком командует майор Калиш Александр Карлович, белорус, 1894 г. рождения, участник 1-й мировой и Гражданской войн.

На другой день нас распределили по подразделениям. Я оказался в роте противотанковых ружей, получил противотанковое ружье ПТРД. Ко мне, наводчику ПТР, назначили помощником, тоже москвича, Алексея Федорова.

Бои велись в непосредственной близости от Волоколамска, у деревень Биркино, Посадники, Аксеново. Пришлось участвовать в боях по овладению Лудиной Горой, сильно укрепленным узлом сопротивления немцев на высоте 206, доминирующей над окружающей местностью.

После освобождения деревни Лудина Гора и прорыва мощной обороны по реке Лама, меня и Алексея Федорова перевели в батарею 45-мм пушек. Мы оказались в одном расчете. Командовал батареей лейтенант Дуля Алексей Сафронович, окончивший полный курс артиллерийского училища. Командиром взвода был старший сержант Гальцов Егор Иванович, ровесник командира батареи, призванный из запаса, по специальности плотник, работавший до мобилизации в колхозе. Большинство красноармейцев и младших командиров батареи были мобилизованные колхозники Орловской, Курской и Тамбовской областей, 1900-1904 гг. рождения. Они прибыли в батарею еще при формировании дивизии в Мичуринске.

После прорыва сильно укрепленной линии обороны противника по реке Ламе части дивизии успешно продвигались на запад, освободив деревни Тимошево, Шибаново, Дубосеково, Стремухово, Горбуново, Неданово, Красная Гора. Боевые действия проходили, в основном, так: марш–преследование отходящего противника, на рассвете – бой стрелковых подразделений с фашистами, засевшими в деревне.

Для оказания огневой помощи стрелковым подразделениям подтягивалась полковая артиллерия. Артиллерийские батареи и минометные подразделения, подготовив данные для ведения огня, производили налет на огневые точки противника. Стрелковые подразделения выдвигались на рубеж атаки. Но на исходе короткого зимнего дня немцы поджигали дома и начинали отход, оставляя небольшие заслоны. После

уничтожения нашими подразделениями этих заслонов при свете горящих домов вновь начиналось преследование отходящего противника. И так пять суток без сна и отдыха. Бойцы и командиры переносили, казалось, невыносимое физическое и моральное напряжение. На этом этапе наши потери были минимальными, но уставшие воины буквально валились с ног.

18 января мы подошли к деревне Большое Сытьково. Завязался бой. Было предпринято несколько атак. Артиллеристы, в том числе и наша батарея, помогали стрелковым подразделениям, подавляя огневые точки противника. Немцы упорно сопротивлялись, установив в жилых домах и сараях огневые точки. Тогда часть наших подразделений была направлена в обход. Обойти деревню было чрезвычайно трудно из-за глубокого снега. Все же в темное время это удалось. Немцы, боясь окружения, утром 19 января начали отступление. Бой длился непрерывно двадцать часов. На поле перед деревней остались лежать более двух десятков наших погибших товарищей. Среди них мои сверстники москвичи-красноармейцы Мазурин И. И., Шебаев В. Ф., Ерошин П.И. Они, как и я, были призваны в армию в конце октября 1941 г., получили первые знания и навыки военного дела в Йошкар-Оле и Сурьке, прибыли в 331-ю СД в конце декабря или в начале января.

К вечеру 19 января наш 1108-й СП совместно с 1104-м СП овладел деревнями Шляково и Житонино. После освобождения большого села Середа 331-я СД была выведена во второй эшелон 20-й армии и заняла оборону. Наша батарея 45-мм пушек 1108-го СП была размещена в деревне Левкиево, которая, к нашему удивлению, оказалась совершенно не разрушенной, так как находилась в стороне от больших дорог и поэтому ускользнула от «внимания» гитлеровцев. Там мы сумели отдохнуть, привести в порядок себя и оружие, попариться в деревенской баньке, поесть рассыпчатой картошечки, которой угостила нас хозяйка - мать красноармейца, воевавшего на другом участке фронта. Но наше блаженство было недолгим. Быстро пролетели три дня, и нам снова в поход – наша дивизия вновь вводилась в первый эшелон.

Через несколько дней мы пересекли границу Смоленской области и оказались в лесном краю, где вновь наткнулись на

заранее подготовленную оборонительную линию немцев, которая тянулась от Ржева до Гжатска и далее на юг.

28 января дивизия вступила в непосредственное соприкосновение с противником. В конце дня до нас дошла печальная весть: в деревне Павлово, которую мы прошли рано утром, прямым попаданием снаряда в дом, где размещался штаб полка, были убиты командир полка майор Калиш А.Д., начальник штаба старший лейтенант Титов А.Г., ответственный секретарь партбюро ст. политрук Хлыстов К.П., помначальника штаба Матюшкин Н.Д., переводчик штаба Петерсон Г.З. и связист красноармеец Мартыненко А.Ф.

В течение февраля-апреля 20-я армия пыталась прорвать оборону немецко-фашистских войск. Но тогда это не удалось. Противник хорошо использовал особенности местности, создав укрепленные узлы сопротивления на лесных дорогах и в населенных пунктах. Обойти их по лесу с глубоким снежным покровом было невозможно. Перед боевыми позициями противника были установлены минные поля и проволочные заграждения, на дорогах лесные завалы. В этих условиях требовалось длительное время на определение мест расположения огневых точек, подавлять их можно было лишь тяжелым оружием пехоты. Применение танков и дивизионной артиллерии было ограничено. Кроме того, противник применял выброс подвижных групп автоматчиков, на уничтожение которых затрачивалось время. Оставлять их не уничтоженными означало нанести вред своим коммуникациям. Командование 20-й армии торопило, требовало от дивизии скорейшего прорыва обороны противника, перебрасывало дивизию с одного участка на другой. В течение 28-29 января 1942 г. 331-я СД пыталась прорвать оборону противника на участке деревень Петушки - Малые Палатки. 30 января дивизия была переброшена севернее, в район деревень Спас-Вилки-Баранцево и в течение двух недель пыталась прорвать немецкую оборону у деревень Аржаники и Пустой Вторник. Затем дивизия была передислоцирована в район деревень Титово-Крутицы, где проводила безуспешные наступательные бои вплоть до 26 февраля.

В этих боях принимала участие наша батарея. Ее орудия вели огонь прямой наводкой по огневым точкам противника. Свои огневые позиции старались оборудовать таким образом,

чтобы было удобно вести огонь по противнику и иметь элементарные укрытия для расчета. В этой работе принимали участие все номера расчета.

Наиболее тяжелую работу выполняли наши старшие товарищи. Нам, молодым, приходилось лишь разгрести снег, расчистить сектор обстрела. Рыть смерзшуюся землю брались 40-летние бойцы. Обычно они говорили: «А теперь, сынки, наблюдайте за противником, а мы пороем». Земля в ту зиму промерзла на 20-30 см. Преодолеть этот смерзшийся панцирь можно было лишь при помощи лома, кирки-мотыги и топора. Дойдя до мягкой земли, подкапывали и обрушивали верхний слой.

Неподалеку, в лесу, соорудили себе землянку: отрыли котлован 221,5 м., спилили несколько деревьев, из которых сделали перекрытие в два наката, сверху накидали земли и покрыли снегом. В центре землянки поставили печку, сделанную из металлической бочки, видимо, из-под бензина или солярки, вывели трубу, где-то раздобытую находчивыми батарейцами. В сооружении и оборудовании землянки главная заслуга была наших старших по возрасту товарищей. Алексей и я только им помогали.

Бои в лесном массиве носили затяжной характер. Пехота несла большие потери. Боевой состав дивизии на 1 февраля 1942 г. составлял: 81 стрелок, автоматчиков – 10, пулеметчиков - 15, артиллеристов – 1154, минометчиков – 341.

8 февраля при поддержке двух танков Т-34 сводные подразделения общей численностью 178 человек немецкие позиции атаковали. Атаку возглавил исполняющий обязанности командира 1108-го стрелкового полка старший лейтенант Дьяченко Василий Федорович, командир минометного батальона. Уже при первой атаке он был ранен в голову. На наших глазах его вывезли на танке с поля боя по снежной траншее. Бой продолжался. Наша 45-мм пушка меткими выстрелами поразила две огневые точки.

Нужно сказать, в тот период снарядов давали скупо, экономили. Каждый выстрел производили только по команде командира взвода. В то утро на нашей огневой позиции был заместитель командира батареи лейтенант Степанов А.Я. Он непосредственно проверял наводку пушки в цель. В этом бою

нашим стрелковым подразделениям удалось овладеть лишь двумя блиндажами, на большее не хватило сил.

В разгар боя, после удачных выстрелов нашей пушки, противник перенес минометный огонь по нашей позиции. Одна из мин попала в березу, стоящую в метрах 15 от нашего расчёта. Осколком ранило меня. Я ощутил сильный тупой удар по коленке правой ноги, свело ногу. Я её никак не мог разогнуть. Доложил о ранении командиру. Он не сразу мне поверил, – не было видно крови. Осколок, пройдя через ватные и хлопчатобумажные брюки и бельё, наглухо закрыл рану.

Помочь мне добраться до медпункта было поручено Алексею. Опираясь на винтовку, как на костыль, поддерживаемый Алексеем за левую руку, я брёл по снежной траншее. Над головами свистели пули, головы свои мы пригибали. Пропрыгав, таким образом, метров 100, оказались в начале леса, где размещался пункт санитарного транспорта. Там я остался ждать, а Алексей вернулся на огневую позицию. Минут через 20 меня положили на сани и отвезли на передовой медицинский пункт, где военфельдшер перевязал мне рану и сделал уколы против столбняка и гангрены. Затем была медсанрота 1-й гвардейской танковой бригады. Там врачи мне сделали операцию по очистке раны. На другой день меня вместе с другими ранеными отвезли в Волоколамск, в полевой госпиталь, где у меня открылось сильное кровотечение. Из-за большого наплыва раненых медперсонал не сразу отреагировали на мои просьбы об оказании помощи. В результате я потерял много крови.

В Москву меня привезли в очень тяжелом состоянии, едва мог оторвать голову от подушки. Лечился с этим ранением почти 6 месяцев, два из них в Москве, в эвакогоспитале, размещавшемся в помещениях Верховного суда РСФСР и министерства финансов СССР, что на улице Ильинка. Когда я еще был в тяжелом состоянии, меня навестил заместитель командира батареи лейтенант Степанов А.Я. Он был ранен 12 февраля в руку и ногу и попал в тот же госпиталь, что и я. Вскоре его отправили дальше в тыл.

Наш полк продолжал бои в лесном краю на востоке Смоленской области, нес потери. К середине марта из нашего боевого расчета 45-мм пушек остался в строю лишь один заряжающий Карацуба К.Х. Мой друг Алексей Федоров и

командир орудия Манютин М.К. были ранены 21 февраля, наводчик Никитин П.Я. – 28 февраля, а снарядный Акимушкин С. В. – 7 марта.

Пробыл в Московском госпитале почти два месяца. Вначале врачи считали необходимым ампутировать мне правую ногу из-за начинавшейся, по их мнению, гангрены. Но сперва сделали операцию по удалению осколка и рассечению входного отверстия. У меня стала спадать опухоль и синюшность. Через месяц я уже поднялся с постели и мог осторожно передвигаться на костылях. В апреле меня направили долечиваться в Казань в эвакогоспиталь, который размещался в Казанском сельскохозяйственном институте. 24 июля 1942 г. меня выписали из госпиталя, на пересыльном пункте, в числе еще пятерых красноармейцев, направили в г. Киров в Львовское военное пехотное училище. Туда мы отправились на пароходе. Наш путь лежал по Волге, Каме и Вятке. Путешествие длилось с неделю. Наш пароход прошел мимо Чистополя, Вятских Полян, Котельнича. Где-то совсем недалеко остался город Уржум – родина С.М. Кирова. Погода стояла хорошая, солнечная. Все светлое время проводили на палубе, любовались природой, с интересом рассматривали небольшие города, села, деревушки. Все это нас радовало, мы почти не говорили о прожитом, не думали о будущем. На каком-то участке реки Вятки сели на мель. С любопытством смотрели, как пароходная команда действовала в этой обстановке. После усилий команды и паровой установки наш пароход слез с мели, и вновь поплыл вверх по реке.

В училище всех нас приняли и зачислили в пулеметную роту. Плановые занятия проводили по 12 часов в день, кроме того, 2 часа отводили на самоподготовку. Командование планировало выпустить нас лейтенантами за 4 месяца. В начале ноября нам объявили, что наша учеба прерывается, и всех курсантов, кроме тех, кто имеет высшее образование, отправляют на фронт. Вскоре были сформированы маршевые роты, и мы в воинских эшелонах отправились на запад. Проехали город Горький, Москву и оказались на небольшой станции Погорелое Городище.

28 ноября 1942 г. я попал в 88-ю стрелковую дивизию 31-й армии Западного фронта. Дивизией командовал полковник Болотов А.Ф.. Дивизия занимала оборону на широком фронте

южнее города Ржева, ее левый фланг был в одном-двух километрах от станции Осуга на железной дороге, соединяющей Ржев с Вязьмой.

После недолгого пребывания в стрелковой роте 426-го стрелкового полка я был переведен в 147-ю отдельную мотострелковую разведывательную роту, которой командовал старший лейтенант Комков. Располагавшиеся возле Ржева соединения вели активные боевые действия, сковывая тем самым вражеские силы, лишая противника возможности перебросить часть своих войск в район Сталинграда, где шла грандиозная битва. Личный состав нашей разведроты жил в землянках недалеко от штаба дивизии. Печкой в землянке служила ниша, вырытая в стене. В ней, как в камине, сжигались дрова. Пока горят поленья, в землянке тепло. Погорели – холодно. На передний край мы ходили почти каждый день или ночь: для наблюдения за противником – днем, для участия в поисках и засадах – ночью. Активные действия разведчиков редко обходились без потерь с нашей стороны. Из поисков мы приводили в штаб пленных немецких солдат, приносили добытые документы.

23 февраля 1943 г. нам зачитали Приказ Верховного Главнокомандующего №95 от 23.02.1943, поздравили с 25-й годовщиной Красной Армии и Военно-Морского флота и объявили, что в ближайшую ночь наш 2-й взвод будет участвовать в разведке боем. Днем надо отдохнуть. Поздно вечером в землянку пришел старшина роты и принес, как всегда, новые маскхалаты. Надо сказать, что нам, разведчикам, всегда на каждый поиск или в засаду выдавали только новые маскхалаты. Маскхалаты, бывшие в употреблении, передавались в другие подразделения. Оделись, взяли оружие, боеприпасы и попрыгали. Ничто не должно греметь, выдавать разведчика. Вместе с нашим взводом пошел заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант Титов. Он недавно прибыл в роту и хотел поближе познакомиться с разведчиками.

Разведку боем было намечено провести на участке, где наша траншея проходила в 50-60 метрах от немецкой. Траншея была глубокая, в полный рост, на большом протяжении имела перекрытия, защищая личный состав стрелкового подразделения от возможного поражения ручными гранатами,

которые могли бросать немцы из своей траншеи. Старший лейтенант Титов вывел нас за траншею и поставил перед нами задачу. В разведке боем будут участвовать две штрафные роты и наш взвод. Нас будут поддерживать артиллерийская батарея и минометная рота.

И вот по сигналу с наблюдательного пункта, когда еще было темно, бойцы поднялись из траншеи и пошли в атаку. Но когда наступающие преодолели 20-30 метров, произошло два взрыва. Кто-то подорвался на минах. Цепи залегли.

В это время я находился в нашей траншее в распоряжении заместителя командира роты по политчасти. Он дал мне команду: «Вперед». Выскочив из глубокой траншеи, я устремился к немецкой траншее и незаметно для себя пробежал вперед нашей цепи бойцов. Они поднялись и побежали за мной. Немцев мы застали врасплох.

Они не успели подготовиться к отражению атаки, только отдельные часовые вели редкий огонь из винтовок и автоматов. Вдруг я почувствовал толчок в грудь и колющую боль в спине, изо рта пошла кровь, из груди через рану с шипением выходил воздух. Но я не упал, а продолжал движение к немецкой траншее, первым ворвался в окоп и выпустил по траншее очередь из автомата. Тут ворвались в траншею наши разведчики. Я доложил командиру взвода о ранении, на что последовал приказ отправиться с оружием в свою траншею.

Рассветало. К этому времени немцы опомнились и вели интенсивный ружейно-пулемётный и артиллерийско-миномётный огонь по нашим позициям и нейтральной полосе. Спустя некоторое время они перенесли огонь на свою траншею, занятую нашими подразделениями. Я долго добирался до своей траншеи – идти в полный рост не позволял обстрел, передвигаться же ползком по-пластунски было тяжело и больно. Наконец я добрался до своей траншеи. Фельдшер Борис Алексеев сделал мне перевязку. Много лет спустя мы с ним встретились и вспомнили этот эпизод. Интересно, что в памяти остались даже мельчайшие подробности, в том числе и то, что во время перевязки над нашими головами, буквально в 10-15 сантиметрах пролетел большой зазубренный осколок снаряда и шлепнулся в бруствер. Затем был медсанбат, полевой госпиталь, за ним – тыловые госпитали. Выписался из госпиталя 15 мая.

И снова - училище. На этот раз 2-е Ленинградское военное пехотное, начальником которого был генерал-майор Раковский. Училище размещалось в городе Глазове, далеко в тылу. Через год и 3 месяца я его окончил, получил воинское звание “младший лейтенант” и был направлен на 3-й Белорусский фронт, где сражались 331-я и 88-я стрелковые дивизии. Но ни в одну из этих дивизий не попал. С учетом приобретённого фронтового опыта и полученных мною ранений я был направлен в 50-ю литовскую запасную стрелковую дивизию, где был назначен командиром учебного пулеметного взвода, готовил сержантов-пулемётчиков для фронта. Дивизией командовал генерал–майор Синкявичус, затем полковник Мотеко, командиром 254-го запасного полка был подполковник Гуляев. Дивизия в августе-ноябре 1944 г. размещалась в землянках в лесу вблизи города Ярцево, с ноября 1944 г. - в Литве. Наш полк дислоцировался на полигоне Гайжунай, затем в Вильнюсе. День победы встретил в г. Вильнюсе. Этот день праздновал весь город: радовались и русские, и литовцы, и поляки.

Прошло много лет после описываемых событий, но в памяти прекрасно сохранилось то, что в самые тяжёлые для нашего народа времена, мы были уверены в своей победе, отдавали для неё все силы и победили.

После войны служил в 71-й и 51-й гвардейских стрелковых дивизиях. Был зам командира пулемётной роты, командиром стрелковой роты. С 1948 стал политработником.

Награжден:

- орденом Отечественной войны 1-й степени (№311258. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 г., Указ подписал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный Н. В. Орден был вручен 9 мая 1965г. командиром 36-й ракетной дивизии генерал-майором Мельником Владимиром Павловичем на торжественном собрании, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в поселке Кедровом Красноярского края. Награжден за участие в разведке боем 24 февраля 1943 года. Будучи разведчиком 147-й отдельной мотострелковой разведывательной роты 88-й стрелковой дивизии 31-й армии Западного фронта в ходе боя возглавил

атаку немецкой обороны, получив ранение в левую половину грудной клетки с повреждением легкого, первым ворвался во вражескую траншею и продолжал бои;

- орденом Красной Звезды (№3481410 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1956 г. Указ подписал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов К. Е. Орден был вручен 23 февраля 1957 г. командиром 89-й мотострелковой дивизии полковником Новиковым на торжественном собрании, посвященном 39-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского флота, в поселке Даурия Борзенского района Читинской области. Награжден за 15 летнюю безупречную службу в Вооруженных Силах СССР);

- медалью «За боевые заслуги» без номера. (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1951 г. Указ подписал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Шверник Н.М. Медаль вручена 23 февраля 1952 г. командиром 154-го гвардейского стрелкового полка 51-й гвардейской стрелковой дивизии полковником Огородниковым на торжественном собрании, посвященном 34-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского флота в г. Клайпеда Литовской СССР. Награжден за 10-летнюю безупречную службу в Вооруженных Силах СССР);

- орденом Отечественной войны 2 степени (№1010668. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. Орден вручен в мае 1985 г. представителем Кунцевского райвоенкомата г. Москвы. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов);

- медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». (Награжден Исполкомом Киевского районного Совета депутатов трудящихся г. Москвы от имени Президиума Верховного Совета СССР);

- медалью «За оборону Москвы» (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г);

- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г.);

- медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 г.);

- медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г.);

- медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 г.);

- медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне в 1941-1945 гг.» (в соответствии с Постановлением Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 7 февраля 1995 г.);

- медалью «30 лет Советской Армии и Флота» (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1948 г.);

- медалью «40 лет Вооруженных Сил СССР». (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1957 года);

- медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР». (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 года);

- медалью «60 лет Вооруженных Сил СССР». (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1978 года);

- медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР». (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1988 года);

- медалью «80 лет Вооруженных Сил СССР» (Постановлением Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 10 декабря 1997 г.);

- медалью Жукова (Постановлением Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 20 февраля 1997 г.);

- медалью «80 лет Великой Октябрьской социалистической революции» (Постановлением Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 25 сентября 1997 г.);

- медалью «120 лет И. В. Сталину» (Постановлением ППСНД СССР от 15 августа 1999 г.);

- медалью «В память 850-летия Москвы» (Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 1997 года);

- медалью «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» 1 степени (Приказом Министерства Обороны СССР №16 от 21 января 1963 г.);

- медалью «Ветеран Вооруженных Сил СССР» (приказом Министерства Обороны Союза СССР №331 от 21 декабря 1976 г.);

- знаком «Победитель социалистического соревнования 1974 года» (Постановлением коллегии Министерства промышленности средств связи СССР и Президиума ЦК профсоюза от 14 января 1975 г.);

- знаком «Победитель социалистического соревнования 1975 года постановлением Коллегии МППС и Президиума ЦК профсоюза от 13 января 1976 г..

Освобождал: деревни Волоколамского и Шаховского района Московской области и Кармановского района Смоленской области в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции в составе 1108-го стрелкового полка (командир-майор Калиш А.К.), 331-й Брянской Пролетарской стрелковой дивизии (командир генерал-майор Король Ф.П.), 20 армии (командующий генерал-лейтенант Власов А.А.), Западного фронта (командующий - генерал армии Жуков Г.К.).

С 8 января по 8 февраля 1942 г. (убыл в связи с ранением). Был в составе роты ПТР, с 15.01.1942 г. – в батарее 45-мм пушек (командир батареи лейтенант Дуля А.С., командир взвода старший сержант Гальцев Е.И.). За этот период участвовал в освобождении деревень Биркино, Аксенево, Лудина Гора, Козино, Тимошево, Шибаново, Красная Гора, Б. Сытьково, Шляхово, Житонино, села Середа, деревень Павлово, Баранцево.

В ноябре 1942 г. - феврале 1943 г. участвовал в оборонительных боях в составе 147-й отдельной мотострелковой роты 88-й стрелковой дивизии 31-й армии Западного фронта (командир роты - ст. лейтенант Комков, командир дивизии - полковник Болотов А.Ф., командующий армией генерал-майор Поленов В.С., генерал-майор Глуздовский В.А., командующий Западным фронтом генерал-полковник Соколовский В.Д.). Полоса обороны 88-й СД проходила южнее г. Ржев, левый фланг дивизии был в 1,5 км восточнее станции Осуга.

Ранения:

8 февраля 1942 г. – слепое осколочное ранение нижней трети бедра с повреждением коленного сустава. Ранение

тяжелое. Убыл по ранению из батареи 45-мм пушек 1108-го СП 331-й СД. После медсанроты 1-й гв. танковой бригады и полевого госпиталя в г. Волоколамске лечился в эвакогоспитале №4637 в г. Москве на ул. Куйбышева в помещении Верховного Суда РСФСР и Народного комиссариата финансов СССР, в эвакогоспитале №3717, размещенном в помещении Казанского сельхозинститута. По выздоровлению направлен на учебу во Львовское военное пехотное училище, находящееся в г. Кирове.

24 февраля 1943 г. – сквозное пулевое проникающее ранение левой половины грудной клетки. Ранение тяжелое. После 288-го медсанбата 88-й СД, и полевого госпиталя в Погорелом Городище и эвакогоспиталя в Москве на Лиственничной аллее в помещении Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева лечился в эвакогоспитале №2820 в г. Горьком, в помещении судостроительного института. Выписан 11 мая 1943 г. Направлен во 2-е Ленинградское военное пехотное училище в г. Глазов Удмуртской АССР.

В Великую Отечественную войну погибли:

- двоюродный брат, Титков Виктор Федорович, 1921 г. рождения, лейтенант, командир стрелкового батальона; убит в декабре 1941 г. под Ленинградом.

- двоюродный брат Маренов Олег Семенович, 1923 г. рождения, рядовой, убит в 1942 г.

Участвовал в боях, остался жив двоюродный брат, Кузьмичев Виктор Саввович, 1921 г. рождения, закончил войну майором, командиром авиаэскадрильи, впоследствии полковник.

Собственные опубликованные произведения:

- книга «Нас 331-я сплотила…» Москва, ТОО «Симс» совместно с Благотворительным фондом «Слово» 1999 год. Усл. изд. л. 7,2, тираж 250 экз.;

- брошюра «Мы из 331-й» Москва. 2003 год. Усл. Изд. л. 2,5, тираж 100 экз.

- статьи:

1. Без названия под рубрикой «9 мая – День Победы» – «Интернационалист» №18(61) 6 мая 1988 г. Улан-Батор. – 0,02 п.л.

2. Проверено огнем /// «Интернационалист» №6(102) 16 февраля 1989 г. Улан-Батор, №12 (107) 30 марта 1989 г., №15(110) 20 апреля 1989 г., №16(111) 27 апреля 1989 г. – 0,3 п.л.

3. Рожденная в боях /// «Интернационалист» №10(106) 16 марта 1989 г. – 0,095 п.л.

4. По законам братства /// «Интернационалист» №15(162) 19 апреля 1990 г. – 0,083 п.л.

5. Война сплотила /// «Интернационалист» №17(164) 3 мая 1990 г. – 0,057 п.л.

6. Почему СССР объявил войну Японии в 1945 г. /// «Интернационалист» №43(190) 8 ноября 1990 г., №44(191) 15 ноября 1990 г. – 0,16 п.л.

7. Под Людиной Горой /// «Волоколамский край» №143(10664) 20 декабря 1994 г. – 0,1 п.л.

8. 1945-й: день за днем /// «Волоколамский край» №№13, 15, 16, 20, 27, 28, 29, 35, 38, 41 февраль – май 1995 г. – 0,25 п.л.

9. Генерал Власов: путь к предательству /// «Волоколамский край» №41 12 апреля 1995 г. – 0,14 п.л.

10. Имя у Власова одно: предатель /// «Гласность» 1995 г. №5 – 0,13 п.л.

11. Подвиг Марии Медведевой /// «Гласность» 1995 г. №5 – 0,11 п.л.

12. Кто освободил Прагу? /// «Московская правда» 1995 г. №4 – 0,08 у.л.

13. Ты помнишь, товарищ? /// «Волоколамский край» №52(1037) 8 мая 1996 г. – 0,56 п.л.

14. Шаги Победы /// «Голос коммуниста» 1995 г. №3, 4, 5 – 0,210 п.л.

15. Им было восемнадцать /// «Волоколамский край» №94-95 12.12.98 – 0,105 п.л.

16. Мы верим в Победу! /// «Народная защита» 1996 г. №8 – 0,125 п.л.

17. Тогда в сорок первом /// «Лобня» №41(238) 4 декабря – 0,54 п.л.

18. Санинструктор Нина Полякова /// «Шаховские вести» №18 2000 г. 22 апреля – 0,16 п.л.

19. Генерал Король /// «Волоколамский край» №18 2000 г. 20 апреля – 0,13 п.л.

20. Генерал Король /// «Ориентир» 2000 г. №5 – 0,2 п.л.

21. Атаку возглавил генерал /// «Тамбовская жизнь» №69(22013) – 0,05 п.л.

22. Юность опаленная войной /// «Волоколамский край» №51 2000 г. 20 декабря – 0,14 п.л.

23. Мы верим в Победу /// «Октябрьское поле и весь северо-запад» №29(329) 2001 г. – 0,14 п.л.

24. Сестричка /// «Патриот» 2000 г. №24 – 0,057 п.л.

25. Бронебойщик /// «Патриот» 2001 г. №27 – 0,06 п.л.

26. Нас 331-я сплотила /// «Ветеран» 2002 г. №27 – 0,025 п.л.

27. Не сломили годы /// «Лобня» 2002 г. №41(439) 11 октября

28. С простреленным легким продолжал атаку /// «Ориентир» 2001 г. №6 – 0,22 п.л.

29. Подвиг Марии Медведевой /// «Молния» 1999 г. №14 – 0,13 п.л.

30. Она защищала Родину /// По следам подвига. «Ориентир» 2003 г. №9 – 0,2 п.л.

Неопубликованные произведения:

1. «Солдат, грудью защитивший страну». Очерк о сержанте Епишеве, наводчике 76 мм противотанковой пушки. - для журнала МО РФ “Ориентир”. (Собран материал. Объём – 0,25 п.л.)

2. «О друзьях – товарищах». Очерк о красноармейцах и командирах батареи 45-мм пушек. (Для газеты “ Волоколамский край “. (Материал собран - объем 0,15 п. л)

3. «Разведка боем». Очерк для газеты “Шаховские вести“. (Материал собран. Сделан первоначальный набросок. Объём 0,15 п.л.)

4. «Отважный артиллерист». О Герое Советского Союза Е. М. Гагарине. Объем 0,04 п. л. (Сдан в журнал “Ориентир “)

Публикации обо мне – Н. Шляпников. Освобождали… пепелища. Интервью В.Козлова /// “Волоколамский край. “ 1996 г. №52 8 мая.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Пахомова Елена Сергеевна,*** *студентка 2-го курса ПУ №5 города Москвы*

Щеглаков Александр Захарович

Командир танка

Вспоминая свое прошлое, я считаю, что самым главным событием в моей жизни было участие в Великой Отечественной войне. Воспитанные в духе патриотизма, на примерах героических подвигов советских воинов в годы Гражданской войны, в районе озера Хасан, мы всегда были готовы к защите нашего Отечества.

В школе мы с большим усердием овладевали навыками владения стрелковым оружием, способами защиты от химического оружия, закаляли себя физически. Поэтому для моего поколения защита нашего Отечества от нашествия немецко-фашистских захватчиков была священным долгом.

О многих говорят, что он прошел войну от первого до последнего дня. К ним относится и мой отец - Щеглаков Захар Семенович, который с первых дней принимал участие в боях с гитлеровскими захватчиками и встретил день Победы под Берлином. У меня несколько иначе.

Родился я 15 октября 1924 года.

В ряды Красной Армии был призван в апреле 1942 года, когда фашистские орды уже были отогнаны от Москвы, и наши войска успешно вели наступательные действия на западном направлении. Военным комиссариатом я вместе с другими товарищами был определен в 215-й запасной стрелковый полк

Западного фронта. По прибытии в часть нас распределили по учебным группам. Я был направлен в подразделение, в котором обучались воины по специальности механиков-водителей танков, наводчиков орудий, радистов.

Вопросам устройства боевых машин, их агрегатов, вооружения уделялось мало внимания. В основном, днем и ночью мы обучались практическому вождению танков, стрельбам из орудий и пулеметов. Изучали тактико-технические данные бронетанковой техники, артиллерии противника. Особое внимание уделялось их уязвимым местам. Учили нас практике маскировки боевой техники, преодолению водных преград, минновзрывных заграждений, ориентированию на местности.

В конце июня 1942 года, меня и нескольких других товарищей, которые обучались в группе танкистов, направили в 192-ю отдельную танковую бригаду резерва Верховного командования, которая располагалась на Западном фронте в районе Сухиничи. Бригада находилась во втором эшелоне фронта. Командиром бригады был полковник Петров И.И..

По прибытию нас распределили по подразделениям. Я был назначен заряжающим танкового орудия. Командиром танка был командир взвода лейтенант Попов В.И., механиком-водителем - Лузгин С.Я., участник советско-финской войны, наводчиком орудия - Смирнов П.С. Все они имели боевой опыт в зимней кампании 1941-1942 гг.

Личный состав бригады готовился к выполнению боевой задачи. Загружали танки боеприпасами, заправляли горюче-смазочными материалами. В июле поступил приказ о выдвижении бригады в назначенный район и во взаимодействии с другими частями и подразделениями наступать в направлении г. Дорогобуж. Однако, встретив ожесточенное сопротивление противника, наступление наших войск успеха не имело, и мы перешли к обороне.

В целях отвлечения наших главных резервов и ослабления сил на Западном фронте, гитлеровское командование, создав большой перевес сил над нашими войсками, развернуло наступление на Юго-Западном фронте, и к июлю 1942 года фашистские войска подошли к Сталинграду. В августе 1942 года 192-й отдельной танковой бригаде РВГК поступил приказ о выходе из состава Западного фронта и, после

укомплектования личным составом, боевой техникой, пополнением запасов материальных средств, убыть в распоряжение командующего Воронежского фронта.

В октябре 1942 года бригада была перебазирована в район Щучье Воронежской области. В это время меня назначили наводчиком танкового орудия. Находясь в районе сосредоточения, мы изучали силы и средства противостоящего противника, систему его обороны, способы и средства форсирования р. Дон.

В начале ноября 1942 года был получен боевой приказ о наступлении на противостоящего противника. После мощной артиллерийской подготовки танкисты бригады, форсировав р. Дон, успешно продвигались с боями в указанном направлении.

Особенно мне заполнился бой за освобождение станции Каменка. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление. Боевые действия шли днем и ночью. Но сопротивление противника было сломлено, и Каменка была освобождена.

Зима 1942-1943 годов была суровая. Морозы достигали 20 и более градусов. Особенно прохладно было в танке. Но в период боев, наверное, вследствие нервного напряжения, холода не чувствовалось. Разгром немцев под Сталинградом вдохновлял нас на активные действия против врагов.

После освобождения Каменки бригада успешно вела боевые действия южнее г. Острогожска, участвовала в освобождении городов Новый Оскол, Белгород, Дергачи. В бою за освобождение г. Белгород погиб старший лейтенант Попов В.И. После победного окончания Великой Отечественной войны его именем названа одна из улиц города Белгорода.

Бригада вела успешные боевые действия севернее Харькова. Но в марте 1943 года немецко-фашистские захватчики нанесли по нашим наступающим войскам мощный контрудар, и под напором превосходящих сил противника наша бригада вместе с другими частями и соединениями фронта была вынуждена с боями отступать. При налете вражеской авиации погиб наш механик-водитель Лузгин С.Я., а танк был поврежден.

По распоряжению командования Воронежского фронта бригада была сосредоточена в районе Красная Яруга Белгородской области.

За участие в боевых действиях в зимней кампании 1943 года меня наградили медалью «За отвагу» № 150486. В апреле 1943 года приняли в члены КПСС.

К концу марта 1943 года линия фронта стабилизировалась, и образовался огромный Курский выступ. Он глубоко вдавался на запад и имел у основания свыше 200 км, а у вершины до 150 км. Глубина его достигала 200 км. Учитывая важное стратегическое значение выступа, гитлеровское командование решило провести операцию под кодовым названием «Цитадель».

В полосе Воронежского фронта фашисты сосредоточили 24 дивизии. А общая численность группировки южнее Курска составляла 440 тысяч солдат и офицеров, 4 тысячи орудий и минометов, свыше 900 самолетов, до 1500 танков, два батальона танков нового типа «Тигр», 100 машин и дивизионных штурмовых орудий (31). Большие надежды на успех в операции гитлеровцы возлагали на «тигры», «пантеры», «фердинанды». Над районом расположения бригады мы часто видели немецкие самолеты, появляющиеся с разведывательными целями.

Ежедневно в части и подразделения бригады поступала новая боевая техника, солдаты, сержанты и офицеры. Одновременно проводились занятия по сколачиванию экипажей танков, расчетов артиллерийских орудий, подразделений. Советское командование раскрыло замысел фашистов о наступлении, поступлении на фронт новых образцов бронетанковой техники. Мы изучали сильные и слабые стороны новых немецких танков «Тигр», «Пантера», тактику их действий.

В июне поступил приказ командующего фронтом о передислокации бригады в район села Яковлево, занимаемый войсками 6-й гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник Чистяков И.М..

По прибытии в прифронтовой район мы, как и все другие соединения и части армии приступили к работе по оборудованию окопов для танков, укрытий для автотранспорта, созданию опорных пунктов. Следует отметить, что в полосе обороны войск фронта была создана глубоко эшелонированная оборона на большую глубину. Наши войска от очаговой обороны под Белгородом перешли к позиционной обороне.

Усиление обороны в противотанковом отношении, глубокое эшелонирование сделали её неприступной для врага.

Противотанковый, противовоздушный и противопехотный характер обороны обеспечивал её устойчивость и способность противостоять танковым ударам противника. Кроме того, оборона наших войск на Курской дуге была не вынужденной, а преднамеренной.

Большую помощь войскам в сооружении оборонительных рубежей оказывало население прифронтовых районов Белгородской области. Одновременно с выполнением огромного объема инженерных работ, личный состав бригады обучался тактике борьбы с танками противника, умению сочетать ведение оборонительных действий с переходом в контратаки. Надежды фашистов застать советские войска врасплох не оправдались. Советское командование своевременно раскрыло намерение противника, поступление на фронт новых танков и определило дату начала проведения наступательной операции. До нас было доведено указание вышестоящего командования о готовности к отражению наступающего противника в период 3-5 июля 1943 года.

В это время меня назначили командиром танка, вместо убывшего на повышение полковника Петрова И.И.. Командиром бригады был назначен полковник Караван А.Ф.

Пятого июля 1943 года сотни самолетов пикировали на позиции наших войск, на головы наших воинов летели тысячи бомб, артиллерийских снарядов. Затем в атаку двинулись танки. Они шли группами от 70 до 200 с «Тиграми» впереди. За ними шла пехота. Этой танковой армадой противник рассчитывал оказать психологическое воздействие на советских воинов. Но наши воины не дрогнули.

Огромную роль в первый день боя сыграла наша артиллерия, особенно, реактивная. Советская авиация интенсивно бомбила боевые порядки врага, его танки подрывались на многочисленных минных полях. Мы, с занимаемых позиций, вели огонь из пушек по танкам врага и из пулеметов по его пехоте. Однако, вечером поступил приказ о переходе нашей бригады в распоряжение командующего 1-й танковой армии, которой командовал генерал-лейтенант Катуков М.Е. Дело в том, что в тактической зоне обороны противник создал шестикратное превосходство в танках,

большое превосходство в артиллерии и особенно в массировании огня. Гитлеровские войска вели огонь не по целям, а по площадям, методически взламывая нашу оборону.

Авиация фашистов на Обоянском направлении, за первый день наступления, совершила 3160 самолето-вылетов, нанося удар на всю глубину обороны. Бригада ночью перебазировалась на Обоянское направление в район Зоринских дворов.

В течение последующих дней ожесточенные бои с противником не прекращались. Непрерывно стоял несмолкаемый грохот от разрывов снарядов и бомб, клубы дыма и комья земли заслоняли солнце. День и ночь бушевал огненный смерч, поэтому Курский выступ получил в истории название «Огненная дуга».

Фашистские танки двигались в нашу сторону сопровождаемые большими группами самолетов. Мы отражали танки врага, как правило, из капониров, так как прямой выстрел пушек танка Т-34 составлял 600 м, а у «Тигра» до 2 км. Поэтому наши танкисты стремились использовать складки местности, чтобы расстреливать фашистские танки из засад в борт, корму.

Не добившись успеха на Обоянском направлении, противник часть своих танковых дивизий повернул на Прохоровское направление. В результате ожесточенных и кровопролитных сражений гитлеровские войска вклинились в нашу оборону на каждом фасе Курского выступа на 35 километров. 1-я танковая армия, в состав которой входила 192-я отдельная танковая бригада РВГК сыграла главную роль - роль бронированного щита, о который разбились лучшие бронетанковые дивизии фашисткой Германии. В полосе Обоянского шоссе немцы потеряли сожженными и подбитыми более 1500 танков и штурмовых орудий. Не добившись успеха, фашистские войска перешли к обороне. Убедившись в безопасности прорыва к Курску через г. Обоянь, гитлеровское командование пыталось найти слабое место в обороне советских войск и решило организовать наступление в районе Прохоровки. Фашисты планировали мощным танковым ударом уничтожить расположенные в этом районе советские войск и выйти к Курску. Но враг был остановлен в двух километрах от Прохоровки. Вражеское командование не добилось и на этот

раз своей цели - через Прохоровку прорваться к Курску и завершить операцию «Цитадель».

12 июля 1943 года наша бригада в составе 1-й танковой армии приняла участие в нанесении контрудара в направлении Яковлево, Березов. В середине июля гитлеровцы были вынуждены перейти к обороне на всем южном фасе, а затем начали отвод своих войск на Белгород. Наши войска, преодолевая упорное сопротивление врага, теснили его части и соединения, и к 23 июля 1943 года противник был отброшен на позиции, которые он занимал до 5 июля 1943 года.

В течение последующих дней личный состав бригады занимался приведением в боевую готовность поврежденной боевой техники, пополнением запасов продовольствия, боеприпасов, горюче-смазочных материалов. 3 августа 1943 года бригада приняла участие в наступлении наших войск севернее г. Белгорода в направлении Томаровка, Богодухов. Наступление советских войск развивалось успешно, и к вечеру 5 августа 1943 года г. Белгород был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В этот же день войска Брянского фронта освободили г. Орел. В ознаменовании этой победы столица нашей Родины Москва впервые салютовала победоносным войскам двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

С этого момента и до конца Великой Отечественной войны крупные успехи наших войск на фронтах торжественно отмечались салютами. Успехи наших войск, наступавших на Богодуховском направлении, во многом способствовали освобождению от противника 23 августа города Харькова.

Курская битва закончилась блестящей победой Красной Армии. На полях сражений советские войска продемонстрировали превосходство советского военного искусства, свое умение бить врага наверняка, возросшее воинское мастерство, высокие морально-боевые качества. Главным итогом Курской битвы было сокрушение бронетанковой мощи фашистской Германии.

В этой битве завершился коренной перелом не только в ходе Великой Отечественной войны в пользу Советского Союза, но и в ходе всей Второй мировой войны. Для всего человечества стало очевидным, что фашистская Германия поставлена перед неизбежной катастрофой.

За мужество и отвагу, стойкость и героизм личного состава частей соединений, принимавших участие в боевых действиях на Курской дуге, многие полки, дивизии, в том числе и наша 192-я отдельная танковая бригада, были преобразованы в гвардейские. Нашей бригаде было присвоено наименование 39-я гвардейская отдельная танковая бригада РВГК. Я был награжден орденом Красной Звезды № 530861. В августе 1943 меня назначили комсоргом батальона.

В сентябре 1943 года командование бригады получило приказ о её перебазировании в район станции Рудня Смоленской области. По прибытии в указанный район сосредоточения и после укомплектования подразделений техникой, личным составом, материальными средствами, 39-я гвардейская танковая бригада вошла в состав 3-го Белорусского фронта. Это был период, когда наши войска вели успешные боевые действия на Украине, что вдохновляло наших воинов на ратные подвиги. И когда был получен приказ командования фронта о выполнении боевой задачи в составе 43-й армии, то весь личный состав бригады с большим вдохновением готовился к успешному выполнению боевой задачи. Массовый героизм и несгибаемую стойкость воины бригады проявили в боях за освобождение г. Витебск.

39-я гвардейская отдельная танковая бригада получила наименование «Витебская». В июле 1944 года я был награжден орденом Отечественной войны II степени № 497189. В дальнейшем, бригада участвовала в освобождении городов Лепель, Бешенковичи, Полтавы, Мариуполь, а также городов в Восточной Пруссии. Фашистское командование придавало большое значение удержанию этого района. Немцы создали там мощную оборону, основу которой составляли многочисленные укрепленные районы, особенно в направлении Кенигсберга. Наша бригада принимала активное участие в боевых действиях советских войск и в конце апреля 1945 года вместе с другими частями и соединениями вышла в район восточнее г. Кенигсберга, где мы услышали сообщение о капитуляции фашистской Германии. Никогда не изгладится из памяти то ликование, чувство радости всех солдат, сержантов и офицеров бригады по поводу нашей Победы.

Войну я закончил в должности помощника начальника политотдела по комсомольской работе, в звании старшего

лейтенанта. Неимоверные тяготы и лишения пришлось испытать советским людям на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. Миллионы людей на алтарь Отчества отдали свои жизни. Как и у многих наших граждан у меня погибли шесть близких родственников.

Через год мы будем отмечать 60-летие Великой Победы. И чем дальше уходит в историю Великая Отечественная война, тем величественнее выступает перед нами бессмертный подвиг нашей армии, всего Советского народа, спасших человечество от фашистского порабощения.

После войны я окончил Высшее училище, Военно-политическую академию, Высшие академические курсы. Работал политработником в частях, соединениях, объединениях, Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-морского флота, в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР.

В 1987 году был уволен в запас в звании генерал-майора.

Ярошевский Владимир Иванович

Оборонять одним танком и двумя экипажами без танков «по пехотному»

Я родился 11 июля 1920 года на Украине в селе Скородастик Чернобаевского района Черкасской области в семье сельских учителей. Украинец. Член КПСС с июня 1943 года (вступил в партию на фронте во время боёв на Курской Дуге). С 1936 года до вступления в КПСС состоял в комсомоле. Был членом общественной организации ОСОАВИАХИМ.

До войны окончил, в 1938 году, среднюю школу, находящуюся в районном центре - селе Ирклиев. В то время в Ирклиевском районе было всего три средних школы. В остальных сёлах района были начальные школы (четыре класса) или неполные средние школы (семь классов), назывались они в разное время по-разному: неполная средняя школа, трудовая школа, школа колхозной молодёжи. В среднюю школу принимали в восьмые классы учеников, показавших лучшие результаты на выпускных экзаменах за седьмой класс, не только своего села, но и выпускников неполных средних школ других сёл района.

В 1938 году был первый выпуск Ирклиевской средней школы. В этом же году поступил в Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко на физико-математический факультет, мечтал стать научным работником, принимать участие в решении задачи, поставленной руководством

Советского Союза о выводе советской науки на передовые позиции. Но окончить университет не удалось, началась Великая Отечественная война. В августе 1941 года добровольно ушёл в Красную Армию. В 1942 году окончил первое Харьковское танковое училище. В 1947 году окончил военную Академию бронетанковых войск им. И.В. Сталина – командный факультет.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года в районном центре - селе Ирклиев. Это село, где находилась средняя школа, которую я окончил в 1938 году. По установившейся традиции мы, бывшие выпускники средней школы, в первое воскресенье после прибытия к родителям, собирались в школе на встречу. Так было и на этот раз. Мы, несколько одноклассников, собрались в клубе, который находился рядом со школой. Погода была хорошая, настроение тоже, встреча была радостной, вспоминали годы учёбы в школе, одноклассников, которые не смогли прибыть на встречу. Играли в шахматы «на высадку» – проигравший уступает место другому.

Радио тогда было не у многих. Вдруг прибегает в клуб, где мы находились, взволнованная женщина, живущая недалеко от клуба, и сообщает, что только что выступал по радио Молотов и объявил, что 22 июня без объявления войны, вероломно нарушив договор о ненападении, немецко-фашистские войска вторглись на территорию СССР. Мы сначала не поверили этому сообщению женщины, но потом убедились в его достоверности. В тот же день было объявлено о введении в стране военного положения и проведении мобилизации 13 возрастов.

Мы были живыми свидетелями того, что Коммунистическая партия и советское правительство, учитывая опасность нападения сил империализма, принимают меры по укреплению обороноспособности страны. И верили, что если война начнётся, то продлится недолго, и враг будет разбит на его территории. Но наши надежды и уверенность не оправдались, советские войска, несмотря на упорное сопротивление, не смогли оказать надлежащий отпор превосходящим силам противника, не смогли остановить продвижение немецких войск и вынуждены были отступить. На Киевском направлении наши войска уже 5 июля оставили Шепетовку, 7 июля Бердичев, 9 июля Житомир. Началась

эвакуация предприятий и колхозов на восток за Днепр. Начались оборонительные работы на левом берегу Днепра.

Поскольку в результате проведённой мобилизации в селе, в котором я находился в июне-июле 1941 года, осталось мало жителей мужского пола, на проведение оборонительных работ привлекали женщин, девушек и лиц мужского пола, которые по возрасту не подлежали мобилизации. Я тоже принимал участие, вместе с местными жителями, в проводимых оборонительных работах. Но на военном учёте состоял по месту учёбы в г. Киеве. Мой возраст не подлежал мобилизации.

В конце июля я обратился в районный военный комиссариат, объяснил ситуацию, в которой я оказался, и попросил направить меня добровольно в Красную Армию на фронт. Несмотря на то, что я не состоял на военном учёте в районе, в военкомате учли мою просьбу, собрали группу добровольцев из бывших школьников, не достигших призывного возраста (6 человек, двое из них были пионерами, когда я был пионервожатым). Назначили меня старшим группы, выписали соответствующее предписание, дали повозку, чтобы доехать до ближайшей железнодорожной станции Золотоноша для поиска воинской части, которая могла бы зачислить нас в свой состав.

Подъезжаем к станции, немецкие самолёты бомбят станцию. Остановились, подождали, когда кончится бомбёжка. Приехали на станцию, дождались первого товарного поезда и поехали в направлении Харькова, с платформы, загруженной обломками машин. Двое суток искали воинскую часть. Были в городе Харькове в двух военных училищах - не берут нас. Наконец, нашли в городе Чугуеве воинскую часть, как потом мы узнали 31-й запасный танковый полк. Всю нашу группу зачислили в состав полка 20-й роты.

И так в августе 1941 года началась моя военная служба, вначале красноармейцем, через несколько дней командиром отделения, а ещё через несколько дней помощником командира взвода.

В запасном полку нам даже не выдали военного обмундирования, находились в своей домашней одежде, в которой прибыли в полк. Занимались строевой подготовкой, изучали воинский устав, материальную часть танка Т-26, по руководству (толстый учебник).

Во время учёбы в университете я прошёл полный курс военной подготовки по программе военной кафедры, хорошо стрелял из пистолета и ручного пулемёта, участвовал в стрелковых соревнованиях. Поэтому с первых дней пребывания в полку был выдвинут на должность помощника командира взвода, получил задание проводить занятия с личным составом взвода. Недолго пришлось служить в запасном полку. В сентябре 1941 года направлен в 1-е Харьковское танковое училище. Здесь уже с первого дня мы получили военное обмундирование, правда, не новое, а бывшее в употреблении, а свою домашнюю одежду упаковали, написали адреса своих родителей и сдали для отправки.

В конце сентября 1-е Харьковское училище занимало оборону под Харьковом в районе станции Бурынь - Хутор Михайловский, и совместно с Пехотным училищем мы вели бой против немецко-фашистских войск.

В конце сентября 1941 года училище начало подготовку к передислокации. Курсанты погрузили имущество и технику в железнодорожный эшелон, а потом совершили марш с полной выкладкой до станции Валуйки (больше 100 километров), трудный был марш. В Валуйках погрузились в эшелон, в котором прибыли в г. Баку, несколько дней были в этом городе, ожидали грузового корабля, на котором переплыли через Каспийское море до Красноводска.

На море был шторм, всех укачало. В Красноводске погрузились в эшелон, который доставил нас в город Чирчик – место, куда передислоцировалось 1-е Харьковское училище. Городок не был готов к нашему размещению. Мы некоторое время обустраивались, помогали достраивать некоторые объекты и казармы. И вскоре начали плановую, боевую подготовку. Занимались по двенадцать часов в сутки. Всё время хотелось спать.

Окончил танковое училище в июле 1942 года по первому разряду, было присвоено первое воинское звание – лейтенант.

В августе 1942 года я с группой офицеров-выпускников училища был направлен на Сталинградский фронт в распоряжение сталинградского АБТ центра, откуда поступил в 28-й отдельный учебный танковый батальон командиром танкового взвода.

Батальон занимал оборону. Я получил участок, который должен был оборонять одним танком и двумя экипажами без танков «по пехотному». Тут я получил первое боевое крещение, первое боевое задание. Впервые пришлось хоронить боевых товарищей. В ноябре 1942 года 28-й учебный танковый батальон сдал оборону, с прибывшей с востока стрелковой дивизией, и со станции Джанибек железнодорожным эшелоном был отправлен в город Челябинск для получения танков на танковом заводе.

На заводе мы помогали рабочим собирать танки, испытывали их, водили и стреляли. В декабре состоялась передача новых танков экипажам, командирам 22-го отдельного танкового батальона. Я получил 7 декабря 1942 года под личную расписку новый танк Т-34 №211174. Полученные танки мы погрузили в эшелон, который доставил танки на станцию Костерево. В районе этой станции находился танковый лагерь, где формировались новые танковые части, в том числе и 59-й отдельный танковый полк, первым командиром полка был Свешников Сергей Всеволодович.

В лагере мы узнали, что полученные нами на челябинском заводе танки построены на личные средства московских колхозников – танковая колонна «Московский колхозник», и что через несколько дней приедет делегация московских колхозников для вручения танкистам танков. Началась подготовка к этому событию, на башнях танков мы с помощью специально изготовленных трафаретов нарисовали надпись «Московский колхозник».

Зима в декабре 1942 года была суровая: много снега, сильные морозы. Бытовые условия были плохие, экипажи жили в не отапливаемых землянках, спали не раздеваясь, правда, одеты были тепло: ватные брюки, фуфайки и валенки. С продовольственным снабжением были проблемы – третья норма: пайка хлеба, порция сахара, котелок горохового, жидкого супа и кипяток. Через несколько дней после нашего прибытия в лагерь, действительно, прибыла делегация нескольких районов московской области.

Передача танков состоялась в торжественной обстановке: был проведён митинг, на котором представители колхозников наказали нам, танкистам, беспощадно громить немецких захватчиков, а со своей стороны обещали впредь не жалеть

своих сил трудиться в тылу, преодолевая трудности, чтобы наша армия была обеспечена и продовольствием, и одеждой, и вооружением. Мы же обещали и просили передать это сообщение всем труженикам села, что переданные нам танки будут использованы с максимальной эффективностью для уничтожения немецко-фашистских захватчиков и изгнания их с нашей территории.

Во время боевых действий мы постоянно помнили наказ колхозников и данную нами клятву. После митинга были проведены показательные стрельбы из танков. Встреча танкистов с делегацией колхозников была исключительно трогательной, навечно осталась в памяти и у членов делегации, и у танкистов. Делегация устроила нам настоящий праздник, каждому экипажу была вручена продовольственная посылка, особенно рады мы были буханке свежего хлеба, так как в лагере мы получали замороженный хлеб, который нельзя было резать ножом, приходилось разбивать топором, благо, что в каждом танке был топор.

Через несколько дней после получения танков от колхозников, наш 59-й танковый полк погрузился в железнодорожный эшелон и направился на Воронежский фронт. Выгрузились на станции Давыдовка 1 февраля 1943 года и вступили в боевые действия за освобождение г. Белгорода в составе танковой группы 40-й армии (в ходе Харьковской операции). После освобождения города Белгорода (9.02.1943 г.) полк участвовал в освобождении населённых пунктов: Томаровка, Борисовка, Ахтырка и других. Я всё это время был в должности командира танкового взвода, начиная с формирования 59-го отдельного танкового полка.

Боевой путь проходил через: г. Чугуев (1941); г. Харьков (1941); г. Валуйки (1941); г. Баку (1941); г. Красноводск (1941); г. Чирчик (1942); г. Сталинград (1942); г. Челябинск (1942); г. Костерево (1942); Давыдовка (1943); Старый Оскол (1943); Скородное (1943); Белгород (1943); Борисовка (1943); Краснокутск (1943); Лебедин (1943); Димер (1943); Киев (1943); Малин (1943); Житомир (1944); Шепетовка (1944); Збараж (1944); Ямполь (1944); Вишнёвец (1944); Заложцы (1944).

Военные боевые действия закончил на Украине в Тернопольской области, населённый пункт Заложцы, в мае 1944 года в составе 59-го отдельного Киевского Краснознаменного

танкового полка 60-й Армии на должности командира танковой роты, в воинском звании - капитан. Командирован в Москву в Академию бронетанковых войск в числе особо отличившихся в боях офицеров на учёбу. Командиром полка в это время был подполковник Кузнецов Иван Семёнович.

Возвращался с войны через город Вишнёвец, Житомир, Киев. В городе Вишнёвец посетил могилу своего заместителя по технической части, земляка старшего лейтенанта Вертипороха Василия Фёдоровича, которого я похоронил в этом населённом пункте. В городе Киеве заходил в университет, встречался со своим учителем, старейшим преподавателем университета академиком Пфейфером, который преподавал у нас курс интегрирования дифференциальных уравнений.

Академик был очень рад видеть меня, пригласил меня на свой урок по специальному курсу. На уроке было несколько студентов-девушек, которые до войны учились со мной на одном курсе. В то время мы постоянно носили правительственные награды. Рассматривая мои награды, как сейчас помню, академик сказал: «Видел героев, но такого ещё не видел».

Академик Пфейфер Г.В. по национальности – немец, но войну воспринял как советский гражданин, как все советские люди. В первые дни войны в газетах было опубликовано заявление видных деятелей культуры и науки, осуждающие действия фашистско-германского правительства. В числе подписавших это заявление был и действительный член Академии наук УССР Пфейфер Г.В.

Прибыл в Москву, сдал вступительные экзамены и был зачислен слушателем командного факультета Военной академии бронетанковых войск имени И.В. Сталина. Закончил Академию в 1947 году с золотой медалью, получил назначение в центральный аппарат Министерства обороны, в Управлении боевой подготовки Командующего бронетанковых войск. Начальником Управления в то время был Герой Советского Союза генерал-лейтенант Васильев Иван Дмитриевич.

В аппарате Министерства обороны прослужил более 30 лет, занимая различные должности. В 1981 году уволился в отставку по возрасту с правом ношения военной формы. Но в отставку полностью не ушёл, ещё 6 лет работал в Управлении танковых

войск, служащим Советской Армии в должности инженера отдела, принимал участие в разработке новых образцов танкового вооружения и техники.

В 1987 году в связи с сокращением численности работников, уволен с работы, стал пенсионером. Получил возможность включиться в общественную работу в ветеранских организациях. Неоднократно избирался заместителем Председателя объединённого совета ветеранов бронетанковых, механизированных войск и кавалерии Московского комитета ветеранов войны.

Танкисты 59-го отдельного танкового полка проявили массовый героизм, об этом можно написать целую книгу. Но были и курьёзные и смешные случаи.

Вот один из них. Полк занимал оборону на южном фланге Курского выступа в первом эшелоне в районе железнодорожной станции Юсупово. Танки находились в окопах, экипажи совершенствовали оборону на занимаемом рубеже, обслуживали танки, пристреливали ориентиры.

В один день я, с группой офицеров, выезжал на изучение рубежа предстоящего наступления. Экипажу поставили задачу подготовить котлован для землянки возле танкового окопа. После возвращения, подхожу к месту, где должен быть котлован для землянки. Мне навстречу бежит член экипажа и предупреждает, что подходить к этому месту опасно. Выясняю почему. Оказывается, чтобы ускорить подготовку котлована и облегчить работу, экипаж проявил инициативу. Решили использовать связку ручных гранат и подорвать её. Связку положили на подготовленное место, дёрнули за шнур, привязанный к предохранительной чеке одной из гранат, но взрыва не получилось. Вот так ускорили работу по подготовке котлована для землянки! Пришлось уже мне изыскивать способ подрыва установленной экипажем связки гранат.

Был одним из освободителей города Киева (3-6 ноября 1943 года), в должности командира танкового взвода, в составе 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ватутина Н.Ф.; 60-й армии под командованием генерал-лейтенанта Черняховского И.Д.; 59-го отдельного танкового полка под командованием майора Скорнякова П.В., в ходе Киевской операции. Освобождал город Житомир (29-31 декабря 1943 года) в должности командира танковой роты

первого состава 1-го Украинского фронта, 60-й армии, 59-го отдельного Киевского танкового полка, под командованием майора Шешукова А.А.. В ходе Житомирско-Бердичевской операции. Командовал обходящим отрядом, который выполнял задачу, обходя город Житомир с севера, перерезать шоссе и железную дорогу Житомир - Новоград-Волынский, преградить пути отхода Житомирской группировке на запад и не допустить подхода резервов противника для усиления Житомирской группировки.

31 августа 1943 года был один раз легко ранен в районе города Богодухова Харьковской области. Находился на лечении в полевом госпитале. После излечения вернулся в свою часть 59-го отдельного танкового полка.

Погибших в войне ближайших родственников не было. Остались живы отец - 1890 г. р., мать - 1898 г.р. и сестра -1924 г.р., которые находились на оккупированной территории села Скородастик Ирклиевского (во время войны) района Киевской области.

В составе авторского коллектива, Военного издательства Министерства обороны опубликовали «Полезные советы воину»:

- издание 1964 года (143-169 стр.);
- издание 1967 года (270-302 стр.);
- издание 1975 года (163-193 стр.).

Награждён:

- орденом Красного Знамени (№ 109917, 1944 г.);
- орденом Александра Невского (№ 12782, 1943 г.);
- орденом Красной Звезды (№ 262435, 1943 г.);
- орденом Красной Звезды (№ 3467677, 1961 г.);
- орденом Отечественной войны 1 степени (№ 454052, 1985 г.);
- орденом За службу Родине в Вооружённых силах 3 степени (№ 12848, 1975 г.);
- орденом Дружбы (№ 0386, 1955 г.);
- медалью «За отвагу» (№ 408322, 1943 г.);
- медалью «За оборону Сталинграда» (вручена от имени Президиума Верховного Совета СССР 4 сентября 1943 года,

командиром 59-го танкового полка майором Скорняковым П.В.);

- многими юбилейными медалями и знаками.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Якименко Александр Сергеевич,*** *студент 1-го курса Московского авиационного института*

Оргкомитет по изданию 10-го тома мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»

в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Вураки Андрея Фёдоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича, Азарова Виктора Яковлевича;
членов Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича, Наливалкина Дмитрия Алексеевича, Абламонова Петра Фёдоровича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

преподавателям:

- Московского авиационного института (государственного технического университета) – заведующему кафедрой истории Порохне Виктору Сидоровичу, профессору Боечину Владимиру Петровичу, доценту Юрченко Ивану Юрьевичу, полковникам Пустовалову Геннадию Ивановичу и Калугину Алексею Владимировичу, подполковникам Лопань

Александру Викторовичу, Нектарьеву Андрею Степановичу, Шкуратову Андрею Викторовичу и Садофьеву Александру Геннадьевичу;

- Московского государственного горного университета - подполковнику Попову Игорю Аркадьевичу;
- Московского государственного строительного университета – полковнику Загоскину Сергею Кенсарионовичу и подполковнику Шевченко Юрию Анатольевичу;
- Московского государственного университета природообустройства - подполковникам Колесниченко Николаю Викторовичу, Мартынцеву Сергею Яковлевичу и Усачеву Евгению Владимировичу;
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского – подполковникам Катюрину Андрею Юрьевич, Фросину Юрию Николаевичу;
- Московского энергетического института (технического университета) – полковнику Бузыкину Георгию Андреевичу;
- Профессионального училища №5 г. Москвы - мастеру Миловой Ольге Владимировне.

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:

редакторам Каревой Валентине Павловне, Лидяевой Наталье Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне;

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:

префекту Северо-Восточного административного округа г. Москвы Рабер Ирине Яковлевне и Заслуженному конструктору Российской Федерации Гнездилову Владимиру Алексеевичу

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 10

Редакторы: Карева В.П., Лидяева Н.И., Федулова Т.М.

ИБ№424

Подписано в печать 08.12.2008. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 37,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 7442.

Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 978-5-903076-14-7 ISSN 1818-6688